Стальные сны

Серебряный клин

Глен Кук

Стальные сны

Серебряный клин

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Глен Кук

Черный Отряд

GLEN

COOK

Dreams of Steel

The Silver Spike

ГЛЕН

КУК

Стальные сны Кн. 5

Серебряный клин Кн. 6

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
К89

Glen Cook
DREAMS OF STEEL
1990
THE SILVER SPIKE
1989

Перевод с английского Е. Лихачевой, Е. Прияткиной, М. Петрунькина

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.07.2001.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 3000 экз. Заказ 2252.

Кук Г.

К89 Стальные сны. Серебряный клин: Фантаст. романы / Г. Кук; Пер. с англ. Е. Лихачевой, Е. Прияткиной, М. Петрунькина. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001. — 636, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-010745-5 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 5-7921-0313-5 (TF)

Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)

© Glen Cook, 1990,1989
© Перевод. Е. Лихачева, Е. Прияткина, М. Петрунькин, 1996, 1997
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2000
®TERRA FANTASTICA

Стальные сны

Кейту, потому что мне нравится его стиль.

А. Новиков, перевод, © 1996

Глава 1

Минули месяцы. Много чего произошло и многое выскользнуло из моей памяти. Малозначительные детали застряли, тогда как важные вещи забыты начисто. Что-то знаю от третьих лиц, об остальных могу только догадываться. Да и как часто мои очевидцы лгут самим себе?

До тех пор пока волею обстоятельств я не оказалась в стороне от активной жизни, до меня так и не доходило, что упущена важная традиция и о последовавших событиях ни одна душа не упомянула в Анналах деяний Отряда. И тогда я растерялась. Могло показаться самонадеянным с моей стороны браться за перо. Опыта у меня нет. Я не историк, тем более не писатель. Конечно, я не обладаю наблюдательностью, чуткостью и проницательность Костоправа.

Ну что ж, попытаюсь ограничиться изложением событий, насколько сама их помню. Надеюсь, история не будет сильно приукрашенной от моего личного участия в ней, да и что это мне дает.

Вот с таким извинением прилагаю, дополняя Анналы Черного Отряда, следуя традиции предшествующих летописцев, Книгу Госпожи.

Госпожа. Летописец. Капитан

Глава 2

Вертикальная проекция была не из лучших. Расстояние — экстремальным. Но Лозан Лебедь понял, что он видит.

— Они получают пинки.

Сражение происходило у Деджагора, в самом центре круглой, окаймленной холмами долины. Лебедь и его три товарища наблюдали за ходом битвы.

Нож ворчливо согласился с ним, а Корди Мотер, самый близкий друг Лебедя, промолчал. Он срывал злость на камне, ожесточенно ковыряя его.

Армия, на стороне которой были их чаяния, терпела поражение.

Белокожие Лебедь и Мотер, один — блондин, другой — брюнет, были родом из Роз, города, который находился в семи тысячах миль к северу от места битвы. Нож, чернокожий гигант неизвестного происхождения, был опасным и неразговорчивым человеком. Несколько лет назад Лебедь и Мотер спасли его от крокодилов. Он и прилип к ним. Трое в одной команде.

Лебедь беспрерывно, хотя и беззлобно, сыпал ругательствами по мере обострения ситуации. С ними был четвертый. Членом команды, правда, его и не приняли бы, даже если бы он попросил. Все звали его Копченым. Официально он занимал пост начальника пожарной охраны Таглиоса, города-государства, армия которого сейчас проигрывала сражение. На самом деле он был придворным магом. Карлик с кожей цвета ореха. С точки зрения Лебедя само существование Копченого на белом свете было досадным недоразумением.

— Это ведь твоя армия терпит поражение, Копченый,— прорычал Лозан Лебедь.— Проигрывают они, значит, проигрываешь и ты. Теперь Хозяева Теней наверняка прищучат тебя.

С поля битвы доносились вой, мольбы, проклятия.

— Размажут тебя, как джем. Если, конечно, ты предусмотрительно не сговорился с ними заранее.

— Полегче, Лебедь,— одернул его Мотер.— Видишь, он колдует.

Лебедь взглянул на смуглого коротышку:

— Это-то понятно. Однако, что это за заклинания?

Глаза Копченого были закрыты. Он что-то бормотал и мямлил. Иногда в его шепоте слышались шипение и треск, будто на раскаленной сковородке поджаривали бекон.

— Он вовсе и не пытается помочь Черному Отряду. Кончай бубнить себе под нос, старый черт. У нас проблема. Наши ребята попали в переплет. Ты не хочешь попытаться что-либо предпринять, чтобы исправить положение? Еще до того как я намотаю тебя на свою коленку.

Старик открыл глаза. Он начал разглядывать долину. Выражение лица было неприятным. Лебедь сомневался, что глазенки коротышки способны разглядеть детали. От Копченого можно было ждать чего угодно. Он был воплощением лицемерия и фальши.

— Не будь скотиной, Лебедь. Я всего лишь человек, к тому же слишком стар и слаб. Там, внизу, Хозяева Теней. Им ничего не стоит раздавить меня, как букашку.

Лебедь суетился и ворчал. Там, внизу, погибали его приятели.

Копченый, не удержавшись, рявкнул:

— И я, и любой из нас может только привлечь к себе внимание. Ты и вправду стремишься к тому, чтобы Хозяева Теней заметили тебя?

— Ведь это всего-навсего Черный Отряд, так? Им платят, так пусть пользуются шансом, да? Даже если с ними полягут четыре тысячи таглиосцев?

Губы Копченого скривились в гнусной ухмылке.

На равнине людская волна накатывала на высоту, последний рубеж, где реяло знамя Черного Отряда. Затем это море хлынуло к холмам.

— Тебе ведь такой оборот дела тоже не сулит ничего хорошего? — Лебедь уже не ворчал, в его голосе теперь звучала угроза. Для него Копченый был политическим врагом, хуже всякого крокодила. Эти уж поприличней, хоть и поедают свое потомство. С ними, по крайней мере, знаешь, в какой момент сработает их предательская натура.

Копченый был задет за живое, но ответил Лебедю почти ласково:

— Они сделали то, о чем не приходилось мечтать.

Равнина была усеяна мертвыми и умирающими людьми и животными. Очумевшие боевые слоны носились повсюду, позабыв о хозяевах. Уцелел лишь один легион таглиосцев. Он пробил путь к городским воротам и теперь прикрывал бегство остальных. Огонь охватил фортификации за городской стеной. Отряд добился огромного преимущества, хоть и без всякой надежды на победу.

— Они проиграли сражение, но спасли Таглиос,— произнес Копченый.— Убили одного из Хозяев Теней. Сделали невозможными другие нападения на Таглиос. Теперь им придется бросить оставшиеся части на Деджагор, чтобы отвоевать его.

Лебедь язвительно умехнулся:

— Извини, что не могу пуститься в пляс. Эти ребята мне нравятся, а то, как ты, Копченый, намеревался поступить с ними,— не нравится.

Копченый едва сдерживал раздражение.

— Они не за Таглиос сражались, Лебедь. Мы — лишь средство попасть в Страну Теней, в Хатовар. А если бы им это удалось, могло бы случиться что-то пострашнее гнева Хозяев Теней.

Лебедь умел прислушаться к голосу разума, если доводы его были очевидны.

— И поскольку они не станут лизать вам задницы, даже если и готовы защищать ваши шкуры от Хозяев Теней, ты, надо полагать, считаешь, что им досталось поделом? Я тебе вот что скажу — жаль, что так получилось. Было бы чертовски заманчиво посмотреть, как бы тебе пришлось посуетиться, чтобы выполнить условия договора.

— Полегче, Лебедь,— сказал Мотер. Но тот уже закусил удила.

— Можешь обозвать меня циником, Копченый, но я могу поклясться, что вы с Радишей с самого начала лезли из кожи вон, чтобы вышибить их из игры. Разве не так? Только бы не пустить в Страну Теней. Почему бы, черт возьми, нет? Об этом я не подумал.

— Сражение еще не окончено, Лебедь,— произнес Нож.— Подожди. Придет черед рыдать и Копченому.

Вся компания вытаращила глаза. Нож говорил редко и если говорил, то всегда по делу. Что у него было на уме?

— Ты заметил что-то? — спросил Лебедь.

Корди, не выдержав, гаркнул:

— Черт возьми, замолчишь ты наконец?

— Какого дьявола я должен молчать? Этот проклятый мир кишмя кишит старперами вроде Копченого. И со времен сотворения они крутят нами как хотят. Глянь на эту мелкую бяку. Химичет тут о том, что ему нужно скрыться, пока не попал в лапы Хозяевам Теней. Это следует понимать, что он не мужик. А Госпожа... Знаешь, какой она была? Так вот, у нее хватило духу выступить против них. И если задуматься, то выходит, что ей удалось одолеть куда более того, о чем Копченый мечтать-то может.

— Осади, Лебедь.

— Черта с два, «осади». Я прав. Должен же кто-то сказать этим старым хрычам, что они годны только камни сосать.

Нож угрюмо согласился. А он не признавал авторитетов.

Лебедь не настолько разъяренный, каким казался, лишь заметил, что Ножу стоит пальцем шевельнуть — и от Копченого останется мокрое место, уж коли будет зарываться.

Копченый улыбнулся:

— Лебедь, когда-то и мы, старые хрычи, были такими же зелеными крикунами, как и ты.

Мотер встал между ними:

— Так, хватит. Чем пререкаться, подумайте-ка лучше о том, что нам стоит убраться отсюда, пока мы не попали в эту заваруху.

У подножия холмов все еще шло сражение.

— Мы могли бы организовать гарнизоны в городах к северу отсюда и собрать людей в Годже.

Лебедь согласился с ним. Вид у него был кислый.

— Пожалуй, может кому-то из отряда это уже пришло на ум.— Он со злостью посмотрел на Копченого.

Тот пожал плечами:

— Если кому-то удалось выбраться, они смогут сколотить настоящую армию. Теперь у них будет достаточно времени для этого.

— Ага. А если Прабриндрах Драх и Радиша подсуетились, они, может, даже успели обзавестись серьезными союзниками. Например, каким-нибудь магом, у которого не такая толстая задница. Который не будет всю дорогу отсиживаться в кустах.

Мотер начал спуск по склону холма.

— Пошли, Нож. Пусть собачатся.

Спустя мгновение Копченый произнес:

— Он прав, Лебедь. Давай это дело кончать.

Лебедь вскинул длинной золотистой гривой и посмотрел на Ножа. Тот кивнул в сторону лошадей у подножия холма.

— Отлично.— Лебедь бросил последний взгляд на равнину и на город, схоронившие армию Черного Отряда.— И все же добро есть добро, а зло есть зло.

— Полезное — полезно, а необходимое — важно. Валим.— Лебедь двинулся с места. Недурно сказано — надо будет запомнить. Однако последнее слово должно остаться за ним.

— Все это дерьмо, Копченый. Сплошное дерьмо. Сегодня я увидел тебя в новом свете. И мне не по душе то, что я увидел. Я не доверяю тебе и намерен отныне следить за тобой, стану твоей совестью.

Сев на коней, они устремились на север.

Глава 3

В те времена Отряд был на службе у князя Таглиоса Прабриндраха Драха. Но князь был слишком мягок, чтобы править таким многочисленным народом, как таглиосцы, находившимся к тому же во вражде друг с другом. Однако природное добродушие и уступчивый характер князя уравновешивались его сестрой Радишей Драх, маленькой, смуглой, жесткой женщиной, обладающей стальной волей и умом быстрым и разящим, как пущенный из пращи камень.

В тот момент, когда Черный Отряд и Хозяева Теней бились за Деджагор, или Штормгард, как его еще называли, Прабриндрах Драх находился в трехстах милях к северу от места сражения и принимал у себя посетителя.

Князь был ростом в пять с половиной футов. Хоть он и был смуглым, его облик был кавказского типа. Нахмурившись, князь смотрел на собравшихся у него жрецов и проектировщиков. Ему очень хотелось выгнать их всех. Но разве можно было обращаться со жрецами подобным образом в Таглиосе, жители которого были глубоко религиозны.

Он увидел, что сестра, стоя за спиной посетителей, делает ему какие-то знаки.

— Простите.— Он вышел. Ничего с ними не сделается, придется смириться с его плохими манерами. Он подошел к Радише: — Что случилось?

— Не тут.

— Плохие новости?

— Не сейчас.— Радиша увлекла его за собой из комнаты.— Маджа ринди выглядит расстроенным.

— Он попался на удочку. Настаивал, чтобы мы построили стену, потому что Шазу посетило видение. Но как только остальные затребовали свою долю, он запел по-другому. Тогда я спросил его, не изменились ли видения у Шази. По-моему, его это опечалило.

— Отлично.

Радиша вела брата по запутанному лабиринту переходов. Дворец был древним, разрастаясь при каждом новом правителе. Никто не знал его лабиринтов, раскинутых как паутина, исключая разве что Копченого.

Радиша привела князя в один из потайных уголков дворца, комнату, защищенную от любых ушей лучшими заклинаниями колдуна. Прабриндрах Драх наглухо затворил за собой дверь.

— Так в чем дело?

— Голубь принес вести от Копченого.

— Плохие?

— Армия, нанятая нами, потерпела поражение при Штормгарде.

Хозяева Теней называли Деджагор Штормгардом.

— Большие потери?

— Разве самого факта недостаточно?..

— Да.

До появления Хозяев Теней Таглиос был мирным государством. Но как только над ним нависла эта угроза, Прабриндрах вытащил на свет божий старых военачальников.

— Уничтожены? Обращены в бегство? Какие потери понесли Хозяева Теней? Таглиос в опасности?

— Им не следовало пересекать Майн.

— Они должны были измотать остатки армии, засевшей у Годжийского брода. Они профессионалы, сестренка. Мы заявили, что наше решение окончательное и пересмотру не подлежит, а также о том, что вмешиваться не будем. Мы ведь знали, что они не смогут захватить Годжу, так что все идет как надо. Детали есть?

— Голубь — не кондор.— Радиша состроила мину.— Они прошли маршем, ведя за собой толпу освобожденных рабов, хитростью взяли Деджагор, уничтожили Грозотень и ранили Тенекрута. Но сегодня Лунноте нью собрано новое войско. С обеих сторон тяжелые потери. Возможно, Лунноте нь постигла смерть. Но мы проиграли. Часть армии отступила в город. Оставшиеся разбежались. Большинство же, включая Капитана и его подругу, погибли.

— Так Госпожа убита? Вот жаль. Она была интересной женщиной.

— Ах ты, сластолюбец.

— А что я? Где она проходила, там замирали сердца.

— И ее это ничуть не волновало. Единственным, кто для нее существовал, был ее Капитан. Как его... Костоправ.

— А ты уязвлена, что он видел только ее?

Радиша бросила на брата свирепый взгляд:

— Чем занят Копченый?

— Бежал на север. Нож, Лебедь и Мотер намерены собрать оставшихся в Годже.

— Мне это не нравится. Копченому следовало остаться. Собрать всех, поддержать тех, кто остался в городе. Нельзя сдавать позиции.

— Копченый боится, что Хозяева Теней узнают о нем.

— Разве они до сих пор о нем не знают? Меня бы это очень удивило.— Прабриндрах пожал плечами.— А чего это он так трясется за свою шкуру? Ладно, пойду к жрецам.

Радиша рассмеялась.

— Ты что?

— Ты не можешь. Этих идиотов может провести что угодно, только не твои глаза. Оставайся тут. Пусть себе разбираются со своей дурацкой стеной. А я пойду и дам Копченому жару, чтобы он чем-то занялся.

Князь вздохнул:

— Ты права. Но, пожалуйста, будь потише. Они насторожены, зная, что за ними следят.

— В прошлый раз они без меня не скучали.

— Не мучай меня неизвестностью. Мне трудно иметь с ними дело, потому что они информированы лучше меня.

— Я их заставлю поволноваться.— Она погладила его по руке.— Порази их своей целеустремленностью. Доведи их до сумасшествия спорами. Выкажи благожелательство по отношению к тем сектам, которые проявят себя наиболее активно. Пусть передерут глотки друг другу.

Прабриндрах по-мальчишески улыбнулся. Такие игры ему по сердцу. Так он мог набрать силу и авторитет. И обезоружить жрецов.

Глава 4

Это была причудливая маленькая процессия. Во главе шествовала черная фигура, напоминающая не то ствол дерева, не то человека со странным телосложением, несущего под мышкой ящик. Следом, в ярде от земли, парил человек с разъезжающимися ногами. Грудь его была пронзена стрелой, конец которой торчал из спины. Он был еще жив, хотя находился на последнем издыхании.

За летящим следовал другой, пораженный копьем. Он дрейфовал в воздухе в пяти футах над землей, все еще живой, корчась от боли, словно животное со сломанным позвоночником. Следом двигались два вороных неоседланных

жеребца, куда более крупных, нежели любая боевая лошадь.

Воронье сотнями кружило над ними, налетая словно самолеты-разведчики.

Процессия в сумерках двигалась вверх по склону холма, к востоку от Штормгарда. Они остановились раз, застыв на месте минут на двадцать, пропустив мимо небольшую группу беженцев из Таглиоса. Те их и не видели. Попахивало колдовством.

Процессия продолжила свой путь под покровом ночи. А воронье по-прежнему кружило над ними, образовав своего рода арьергард, следящий за путниками. Несколько раз вороны принимались каркать над движущимися тенями, однако потом успокаивались. Ложная тревога?

Компания остановилась в десяти милях от осажденного города. То, что возглавляло процессию, потратило несколько часов на то, чтобы собрать хворост и сухие ветки, а затем заткнуло их в расщелину в скалистом граните холма. Затем, ухватившись за копье, оно притянуло того, кто был им пронзен, вытащило копье из тела жертвы и полоснуло по нему этим копьем.

Когда слетела маска человека, какой-то глухой голос с горечью прошептал:

— Он не из Взятых!

Вороны пронзительно закаркали. То ли обсуждали происшедшее, то ли спорили о чем-то. Фигура в черном спросила:

— Ты кто? Чем занимаешься? Откуда явился?

Раненый не отвечал. Может, ему было не до разговоров. Может, не понимал языка, на котором к нему обращались. А может, просто из упрямства.

Пытки ничего не дали.

Палач бросил человека на кучу хвороста и махнул рукой. Хворост запылал огнем. Древообразное копье пронзало жертву каждый раз, когда та пыталась ускользнуть. Сила воли у горящего была воистину неисчерпаемой.

Тут было определенно не без колдовства. Тот, кто горел, был одним из Хозяев Теней и звали его Луннотень. Его армия одержала победу в битве при Штормгарде, но собственная участь оказалась бесславной.

Процессия продолжила свой путь только тогда, когда от костра — а вместе с ним и от Хозяина Теней — остались только угли. Они дождались, пока угли остынут. Древообразное собрало пепел и по пути время от времени разбрасывало его горстями.

Человек со стрелой катился по пятам за древообразным. Лошади замыкали шествие.

Воронье по-прежнему караулило их. Один раз птицы устроили переполох, завидев что-то похожее на кошку. Но древообразное сотворило какое-то заклинание и черный леопард удалился несколько растерянным.

Глава 5

Изящная фигура в богато убранных черных доспехах сердито потянулась. С кучи трупов, наваленных на нее, свалился мертвец. Это дало возможность фигуре протиснуться наружу. Оказавшись на воле, фигура в течение нескольких минут лежала не двигаясь, громко сопя в огромном шлеме. Затем с трудом села.

Еще через минуту стянула с рук латные рукавицы — стали видны тонкие руки. Пальцы расстегнули застежки на шлеме, затем сняли его.

Длинные черные волосы упали на лицо, которое привело бы в восторг любого. Под безобразными черными стальными доспехами скрывалась женщина.

Я потому это все так описываю, что сама этого не помню. Помню сон, темный, кошмарный сон, в котором была черная женщина с клыками, как у вампира. И больше ничего. Первое четкое воспоминание связано с тем моментом, когда я сидела рядом с кучей трупов, со шлемом на коленях. Я с трудом переводила дыхание, сознавая лишь, что выбралась из-под этой кучи.

Воздух был пронизан смрадом тысяч жестоко вывороченных, гниющих трупов. Он казался более зловонным, нежели любые канализационные отходы. Запах войны. Сколько раз мне приходилось дышать этой вонью? Раз тысячу. А я так и не привыкла к ней.

К горлу подступала тошнота, но меня не вырвало. Я уже вывернула наизнанку желудок, прямо в шлем, пока лежала под телами. Смутно помню, что в какой-то момент мне стало страшно от мысли, что я утону в собственной рвоте.

Меня всю трясло. Горячие, колючие слезы текли по моему лицу, принося с собой облегчение. Я выжила! Прожив гораздо дольше любого из смертных, я так и не утратила радости жизни.

Когда я снова смогла дышать, то попыталась сообразить, где я и что тут делаю. Раз уж выжила.

Мои последние воспоминания были не самыми приятными. Помню, я сознавала, что умираю.

В темноте было плохо видно, но и так было понятно, что мы потерпели поражение. Иначе Костоправ давно нашел бы меня.

А победители не ищут?

По полю битвы действительно двигались какие-то фигуры. Я слышала чей-то громкий спор. Ко мне медленно приближались. Нужно было смываться.

Я поднялась на ноги и сумела спотыкаясь пройти несколько шагов, но упала, у меня не было сил сдвинуться с места. Демон жажды пожирал мое нутро. Горло настолько пересохло, что я не могла даже заскулить.

Шум, произведенный мной, заставил мародеров замолкнуть.

Они крались ко мне, еще к одной своей жертве. Где же мой меч?

Сейчас я умру, ибо у меня не было ни оружия, ни силы найти его, прежде чем найдут меня.

Теперь я видела их. Три фигуры, освещенные сзади слабым сиянием, исходящим из Деджагора. Они были коротышками, как и большинство воинов Хозяев Теней. Они не были ни толком обучены, ни очень сильны, но чтобы прикончить меня, им не нужно было ни того, ни другого.

Может притвориться убитой? Нет. Этих не проведешь. Трупы должны были уже остыть.

Черт бы их побрал!

Прежде чем прикончить, они меня не только обшарят и оберут.

А может, они и не убьют меня. Ведь они увидят мои доспехи. И поскольку Хозяева Теней отнюдь не глупы, они поймут, кто я. И что память моя таит ту самую бесценную информацию, которую они давно мечтали заполучить. Захватив меня в плен, они будут с лихвой вознаграждены.

Все-таки есть Бог на свете. За спинами мародеров что-то прогремело. Похоже, их неожиданно атаковали со стороны Деджагора — что-то вроде рейда на мародеров. Могаба не сидел сложа руки, дожидаясь, когда Хозяева Теней сами заявятся к нему.

Один из мародеров что-то проговорил — голос его звучал спокойно. Второй цыкнул на него. Третий тоже вставил какое-то замечание. Все трое заспорили. Первый знать не желал, чем был вызван грохот. Он не хотел больше воевать.

Но мнение двух других оказалось решающим.

Судьба улыбнулась. Те двое, с развитым чувством ответственности, спасли мне жизнь.

Какое-то время я лежала там, где упала, отдыхая, затем на карачках поползла к куче тел. Я нашла свой меч, древний, священный клинок, отлитый Карки в ранний период Владычества. Я, конечно, придумывала разные небылицы о своем мече, но никто, даже Костоправ, не знал его истинной истории.

Я доползла до лесистого холма, где в последний раз видела своего возлюбленного, а рядом с ним Мургена и знамя Отряда. Он стоял там, пытаясь остановить беспорядочное бегство армии. Казалось, я буду ползти всю ночь. Потом нашла мертвого воина, у которого во фляге оказалась вода. Я выпила ее и поползла дальше. И по мере того как я ползла, сила моя росла. К тому времени, когда я добралась до холма, я уже могла идти ногами.

Я ничего не нашла. Вокруг были только трупы. Но Костоправа среди них не было. Знамя Отряда исчезло. Я чувствовала пустоту внутри. Неужели Хозяева Теней захватили его? Для них это был бы всем трофеям трофей — ведь Отряд разгромил их армию при Годже, завладел Деджагором и убил Грозотень.

Я не могла в это поверить. Ведь я так долго искала его. Неужели боги и судьба так жестоки ко мне.

Я заплакала.

Вокруг воцарилась тишина. Рейд прекратился. Скоро вернутся мародеры. Я отправилась дальше, наткнулась на мертвого слона и чуть не закричала — мне показалось, это какой-то монстр.

На слонах перевозили всякую всячину. Кое-что из этого мне могло пригодиться. Я раздобыла несколько фунтов сушеной еды, флягу с водой, небольшой флакон с ядом для наконечников стрел, несколько монет и еще кое-что, приглянувшееся мне. Затем, решив добраться до холмов до восхода солнца, я отправилась на север. По пути я половину своей добычи выбросила.

Я торопилась. На рассвете сюда явятся вражеские патрули, будут искать тела военачальников.

Все, что я могла на настоящий момент,— это выжить. Из Черного Отряда осталась одна я. И у меня больше ничего не было... И тут, откуда-то из памяти, мне пришла в голову мысль. Я могла бы повернуть время вспять и стать тем, кем была в прошлом.

Я старалась не думать об этом, но у меня это не получалось. Память отказывалась мне служить. И чем больше вспоминала, тем больше поднималась во мне волна ярости, вызывая чувство мести. Карабкаясь по холмам, я дала волю мыслям. Те монстры, что обратили в прах мои мечты, вынесли приговор и себе. Теперь я сделаю все, чтобы расквитаться с ними.

Глава 6

Длиннотень шагал по комнате, которая была так ярко освещена, что он казался темным призраком, попавшим в пасть солнца. Он предпочитал находиться в этих покоях, где стены были сделаны из прозрачных кристаллов и зеркал, где Тени могли появиться только в крайнем случае. Длиннотень панически боялся Теней. Эти покои находились в верхней части самой высокой башни крепости. Вершина, которая, в свою очередь, была на юге Тенелова, города на южном краю

мира. К югу от Вершины находилось плато из сверкающих камней, с разрозненными колоннами, которые, казалось, поставлены здесь, чтобы подпирать небо. Хотя строительство Вершины продолжалось семнадцать лет, работы до сих пор еще не были закончены. И если бы Длиннотень завершил уже строительство, то крепость стала бы надежно защищена как от волшебных чар, так и какого-либо физического тела.

Странные, таящие смертельную угрозу призраки охотились за Длиннотенью, не чая вырваться на свободу со стороны сверкающей камнями долины.

Призраки-тени настигали путника внезапно, как сама смерть, если только тот не держался на свету.

С помощью магических чар Длиннотень наблюдал битву при Штормгарде, в четырехстах милях к северу от Тенелова. Он был доволен. Его соперники Лунноть и Грозотень были убиты. Тенекрут был ранен. Дотронься здесь, тронь там — и он падет.

Но он не должен быть убитым. О нет, совсем нет. Рано. Слишком много врагов вокруг. Пусть Тенекрут будет тем самым волноломом, о который разобьются бушующие волны.

Необходимо было дать полную свободу тем наемникам, чтобы измотать армию Тенекрута при Штомгарде. Теперь, когда под началом Длиннотени оказались все три армии севера, он обрел огромную силу.

Осторожность, вкрадчивость — вот что нужно сейчас. Каждый шаг требовал тщательной проработки. Тенекрут — не дурак. Он понимает, кто его главный враг. Как только он разделается с таглиосцами и их вождями из Свободного Отряда, он пойдет на его крепость.

А ведь еще есть и она, таящая коварные замыслы и планирующая контрудар, и хотя сейчас ее силы скудны, удар все же может оказаться смертельным. Эта женщина, обладающая недюжинным умом и бесценными знаниями,— попади она в руки какого-нибудь искателя приключений, тот пришел бы в восторг от такого трофея.

Ему необходим был тот, кто мог бы стать орудием в его руках. Сам Длиннотень не мог покинуть крепость. Снаружи бродят Тени, подкарауливая его.

В углу комнаты мелькнула Тень. Взвигнув, Длиннотень отпрянул. Это оказалась ворона, идиотка чертова, разлеталась там, снаружи.

Состряпать бы чужими руками. К северу от этого убогого Таглиоса, в болотах, таилась огромная сила, которая сулила такие муки, каких и не представишь. Вот если бы эту силу использовать в своих целях. Пора найти ей применение.

Но как, не выходя из крепости?

Что-то мелькнуло на сверкающей огнями долине.

Тени следят, все выжидают. Они чувствуют, что игроки входят в азарт.

Глава 7

Я заснула в ложбине, заросшей кустарником. Пока добралась до этого дикого уголка, пробираясь через оливковые рощи и рисовые поля, разбросанные то тут, то там по холмам, надежда во мне почти угасла.

Я так выбилась из сил, что почти вползла в нее, надеясь на благосклонность фортуны.

Мне снился очередной кошмар, который был прерван карканьем. Я открыла глаза. Сквозь заросли кустарника пробивались солнечные лучи, разбивая темноту. Я надеялась, что никто меня не обнаружил, но, видимо, напрасно.

У края кустарника кто-то ходил. Я увидела одного, потом другого. Черт. Люди Хозяев Теней! Они немного отошли назад и стали шептаться.

И хотя я видела их лишь мельком, мне показалось, что они чем-то встревожены. Они вели себя совсем не как охотники. Любопытно.

Я знала, что они обнаружили меня. Иначе они не стали бы прятаться сзади, за моей спиной, и понижать голос, чтобы я не услышала, о чем они говорят.

Я не могла повернуться — они сразу поймут, что я знаю об их присутствии. Я не хотела пугать их. Они могут выкинуть нечто такое, что заставит меня сожалеть. Снова каркнула ворона. Я медленно повернула голову назад.

И похолодела.

В этой игре, оказывается, было еще одно действующее лицо — маленький грязный карлик с коричневой кожей, в вонючей набедренной повязке и изодранном тюрбане. Он сидел на корточках прямо за кустом, похожий на одного из тех рабов, которых Костоправ освободил после нашей победы при Годже. Интересно, знали ли те о его присутствии?

Какое это имело значение! Вряд ли от него мог быть какой-то толк. Я лежала на правом боку, подогнув руку. Мои руки дрожали. Хотя никаких особых ощущений не было, то, что происходило с пальцами, говорило о том, что мои способности не угасли со времени нашего краха. В течение многих недель у меня не было возможности испытать свою силу. Надо было что-то делать. Иначе они сделают ход. В нескольких дюймах от моей руки лежал мой меч... Золотой Молот.

В сущности это было что-то вроде детской ворожбы, настоящей силой это назвать было нельзя, как нельзя назвать оружием нож мясника. Проку от него будет не больше, чем от булыжника. Сейчас это было так же тяжело, как если бы обращаться с речью к тому, кого ты намерен ударить. Я пыталась сосредоточиться на заклинании. Но в свою силу не верила. Меня захлестнуло отчаяние от знáния того, что надо делать, а делать этого я не могла.

Но магия сработала. Почти так же, как это было когда-то. Удивленно и радостно я прошептала заклинание и пошевелила пальцами. Те помнили свое дело.

Золотой Молот оказался в моей левой руке.

Вскочив на ноги, я подбросила меч в воздух и метнула его. Сверкнув, Молот поразил цель. Человек завизжал, словно резаная свинья, пытаясь защититься. Но меч воткнулся в его грудь.

Это было потрясающе — победа детской магии над неверием в собственные силы.

Тело меня не слушалось. Разбитая вдребезги, очень скованная, я попыталась свалить и второго. Но едва проковыляла к нему, как он разинул рот, а потом побежал. Я была изумлена.

За моей спиной раздался звук, напоминающий тигриный рык.

В низинке вдруг появился человек. Он что-то бросил во второго воина, и тот на бегу остановился, упал вниз лицом и так и остался лежать, не шелохнувшись.

Я выбралась из кустов и устроилась так, чтобы видеть и грязного раба, и того, кто убил воина. Последний оказался настоящим гигантом. Он был одет в костюм с отличительными знаками таглиосской армии.

Карлик медленно обошел заросли, затем исследовал жертву моего удара. Это явно произвело впечатление. Он сказал что-то извиняющимся тоном гиганту — тот был занят поиском своей жертвы — на таглиосском, затем что-то еще, взволнованно и быстро, на незнакомом мне диалекте. Какие-то слова мне были знакомы. Карлик произносил их с благоговейной интонацией, но общий контекст оставался неясным. Он говорил то ли обо мне, то ли благодарил своих богов. Я уловила слова «предсказание», «дщерь ночи», «невеста», год черепов. Фразы «Дщерь Ночи» и «Год Черепов» я слышала и в Таглиосе, жители которого были чрезвычайно религиозны, но смысл их был непонятным для меня.

Гигант ворчал. На него происшедшее не произвело столь глубокого впечатления. Он лишь осыпал ругательствами погибшего, когда заметил его, пнув разок, проверки ради.

Коротышка произнес раболепным тоном:

— Простите меня, Госпожа. Мы все утро охотимся за этими собаками, чтобы хоть что-нибудь раздобыть. Но имущества у них меньше, чем у меня, когда я был рабом.

— Вы знаете меня?

— О да, Госпожа. Вы — подруга Капитана.— Он выделил оба слова, произнеся их по отдельности, интонацией придавая особый вес. Он трижды поклонился мне, теребя при этом треугольник из черной ткани, торчащий над его набедренной повязкой.— Мы охраняли ваш сон. Но нам следовало знать, что вы ни в чьей защите не нуждаетесь. Простите нашу самонадеянность.

Бог мой, ну и вонял же он.

— Вы еще кого-нибудь видели?

— Да, Госпожа. Несколько человек, издалека. Большинство смылось.

— А воинов Хозяев Теней видели?

— Они заняты поисками, но без особого желания занимаются этим делом. Хозяева послали всего с тысячу. Таких, как эти свиньи.— И он указал на убитого мной воина. Его товарищ тем временем обыскивал тело.

— И еще несколько сот на лошадях. Они наверняка направляются в город.

— Могаба им устроит теплую встречу. Он будет отбиваться от них сколько сможет, чтобы выиграть время и дать уйти остальным.

— И у этого гада ничего, джамадар,— сказал гигант. Карлик в ответ что-то проворчал.

Джамадар? На таглиосском это значит «капитан». Правда, раньше, обращаясь ко мне, как к Госпоже, подруге Капитана, Карлик произнес это слово с другой интонацией.

Я спросила их:

— Вы видели Капитана?

Оба переглянулись. Затем коротышка, уставившись в землю, ответил:

— Капитан мертв, Госпожа. Он умер, пытаясь собрать людей вокруг знамени. Рам видел это. То есть стрелу в его сердце.

Я опустилась на землю. Что тут можно было сказать? Я знала это. Я видела это собственными глазами. Но не хотела этому верить. Понятно, что до сих пор во мне теплилась крохотная надежда, но увы.

Не знаю, как выдержала эту боль. Черт возьми, ведь Костоправ был всего лишь человеком. Как же я так попалась? Я не сознавала, что все зайдет так далеко.

Горюй — не горюй, ничего не изменишь. Я встала на ноги.

— Мы проиграли сражение, но война продолжается. И Хозяева Теней еще пожалеют о том дне, когда они решили напасть на Таглиос. Как вас зовут?

Карлик представился:

— Нарайян, Госпожа.— Он опять ухмыльнулся. Мне его ухмылки надоели.— Пошутили со мной. Мое имя шадаритское.

Сам он явно был гуннитом.

— Я похож на него? — Он мотнул головой на того, который был настоящим шадаритом.

Шадариты, как правило, были высокими, тяжеловесными и волосатыми. У Великана и голова, и тело были похожи на клубок витой проволоки, откуда выглядывали глазки.

— Я был разносчиком овощей, до тех пор пока Хозяева Теней не явились в Хатовар и не обратили в рабство каждого, кто пережил осаду города.

Должно быть, это случилось в прошлом году, до того как наш Отряд пришел в Таглиос. Лебедь и Мотер тогда выбивались из сил, пытаясь отразить первое нападение на город.

— А моего приятеля зовут Рам. Он — возчик из Таглиоса. Был им до мобилизации.

— А почему он назвал тебя джамадаром?

Нарайян взглянул на Рама, ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы, и, наклонившись ко мне, прошептал:

— Рам не очень умен. Он сильный и выносливый, словно вол, но с мозгами у него слабовато.

Я кивнула, однако его объяснение меня не очень удовлетворяло. Эти типы не вызывали доверия. Шадариты и гунниты не ладят между собой. Шадариты очень высокомерны и водить дружбу с гуннитами для них считается делом позорным. Нарайян же был гуннитом, к тому же гуннитом низкого происхождения. И все же Рам относился к нему с почтением.

С другой стороны, ни в одном из них не чувствовалось ни малейшей враждебности по отношению ко мне. А в этот момент мне была предпочтительнее любая компания, нежели одиночество. Поэтому я сказала им:

— Нам следует двигаться. Иначе еще кто-нибудь появится... Что это он делает?

В руках Рама был булыжник весом фунтов в десять. Он раздробил им ноги убитого человека. Нарайян остановил его.

— Рам. Достаточно. Мы уходим.

Рам был чем-то озадачен. Какое-то время он раздумывал. Затем пожал плечами и отбросил камень в сто-

рону. Не пояснив действий своего приятеля, Нарайян сказал:

— Мы видели большую группу — человек в двадцать — сегодня утром. Может, нам удастся догнать их.

Для начала это было бы неплохо,— я почувствовала страшный голод. Последний раз я ела перед началом битвы. Я поделилась тем, что мне удалось раздобыть на павших слонах. Но этого было мало. Рам, которому теперь дела не было до мертвецов, набросился на еду с такой радостью, словно его пригласили на пир.

Нарайян ухмыльнулся:

— Видите? Настоящий вол. Идем, Рам, ты понесешь ее оружие.

Двумя часами позже на вершине холма мы настигли группу из двадцати трех беженцев. Они выглядели разбитыми, потерявшими всякий интерес к жизни. Они были так подавлены, что им было все равно, убьют их или нет. У некоторых еще было оружие. Я не знала никого из них, что не удивительно — наша армия насчитывала четыре тысячи человек.

Но они меня знали. Их манеры и настроение мгновенно улучшились. И я порадовалась затеплившейся в них надежде. Они встали и почтительно склонили головы.

С вершины холма хорошо были видны и город, и равнина. Армия Хозяев Теней уходила с холмов, их, вероятно, отозвали. Отлично. Прежде чем они снова решат пойти в атаку, мы успеем передохнуть.

Я присмотрелась к своим спутникам.

Они приняли меня. Это хорошо. Нарайян с каждым из них разговаривал отдельно. Некоторые, казалось, побаивались его. Почему? В чем дело? В этом было что-то странное.

— Рам. Зажги костер. Мне нужен дым. Много дыма.

Поворчав, тот собрал команду из четырех человек и направился вниз по склону, чтобы собрать хворост.

Нарайян приплелся ко мне с вечной своей ухмылкой, за ним следовал некто необъятный в талии. Большинство жителей Таглиоса отличалось крайней истощенностью. И

на этом человеке не было лишней складки жира. Просто телосложение медведя.

— Это Зиндху, Госпожа. Его репутация всем известна.

Зиндху слегка поклонился. Похоже, с чувством юмора у него было плоховато.

— Он может оказаться чрезвычайно нам полезным,— добавил Нарайян.

Я заметила треугольник из красной ткани на поясе Зиндху. Значит, он тоже был гуннитом.

— Мы будем очень благодарны вам за помощь, Зиндху. Разберитесь с Нарайяном, что у нас есть. Посмотрите, чем мы располагаем.

Нарайян ухмыльнулся, слегка поклонился и заторопился прочь в сопровождении своего нового друга.

Я сидела скрестив ноги, поодаль от остальных, лицом к городу, забыв о мире. Как легко получилось с Золотым Молотом. Надо попробовать еще раз.

Я открылась той силе, которая все еще была во мне. В моих руках, сложенных чашей, образовалась маленькая огневая точка. Она возвращается ко мне, моя сила!

Несказанно тому радуясь, сконцентрировала сознание на лошадях. Через полчаса появился огромный черный жеребец и рысцой направился прямо ко мне. Мои люди были потрясены.

Я — тоже. Даже не ждала, что получится. И что за этим жеребцом последуют еще трое других. К тому моменту, когда появился четвертый, к нам пришла еще сотня человек. Толпой они заполонили всю вершину холма.

Я созвала их:

— Мы проиграли сражение. И некоторые из вас пали духом. Это естественно. Ведь вы не были воспитаны как воины. Но было бы заблуждением считать, что проиграна и война. Война продолжается и будет длиться до тех пор, пока не будут уничтожены все до одного Хозяева Теней. Если вы дрожите за свою шкуру и против того, чтобы продолжать борьбу, нам с вами не по пути. Уходите лучше сейчас. Ибо потом я вам этого сделать не позволю.

Они встревоженно переглянулись, однако отправляться в одиночку в путь никому не хотелось.

— Мы идем на север. Наша задача запастись едой, оружием, а также людьми. И научиться воевать. Когда-нибудь мы вернемся. И когда это случится, Хозяевам Теней придется чертовски туго.

Все оставались на местах.

— Мы отправляемся в путь на рассвете. И те из вас, кто решат пойти со мной, будут со мной до конца.

Я пыталась вселить в них уверенность в том, что мы способны навести ужас на весь мир.

Устраиваясь на ночь, я обнаружила рядом с собой Рама — он стал моим телохранителем, хотя я и не просила его об этом.

Засыпая, я подумала о тех четырех черных жеребцах, которые не явились на мой зов. Когда мы пришли на юг, жеребцов было восемь. Это были жеребцы особого развода, они были выращены в краях, из которых я родом. Каждый из них стоил сотни людей.

Прислушавшись к шепоту своих новых товарищей, я несколько раз уловила слова, которые давеча произнес Нарайян. Большинство людей произносило их с тревогой.

Я заметила, что и на Раме была какая-то тряпица, но у него она была шафранового цвета. И носил он ее без той гордости, с какой носили свои Нарайян и Зиндху. Эти трое исповедовали две религии, но у каждого из них был свой цвет. Что бы это могло значить?

Нарайян следил за костром. Он поставил дозорных. Навел некоторую дисциплину. Он явно обладал организаторской хваткой, слишком сильной для разносчика овощей и бывшего раба.

Во сне меня посетил все тот же кошмар, но на сей раз особенно яркий, однако с наступлением дня я смогла вспомнить лишь то, что кто-то звал меня. Это тревожило, но лучше считать это плодом воображения.

Каким-то непостижимым образом, непонятно где Нарайян за ночь сумел раздобыть еду, причем в количестве, достаточном для того, чтобы все собравшиеся на холме коекак позавтракали.

Я повела их на рассвете, как и обещала, выслушав сообщение караульных о приближении вражеского отряда

на лошадях. Мои люди соблюдали строжайшую дисциплину, что для меня, учитывая обстоятельства, оказалось приятным сюрпризом.

Глава 8

Дежагор лежит окруженный кольцом холмов. Долина находится ниже, чем земля за холмами. То, что эта чаша до сих пор не превратилась в озеро — спасибо сухому климату.

От двух рек, текущих тут, были вырыты два канала, снабжающие водой фермы на холмах и сам город. Мы держались одного из каналов.

Хозяева Теней были слишком заняты Деджагором. И пока они не наступали на пятки, я не слишком торопилась. Цель, которую я наметила, будет нелегко достичь. Угроза нападения укрепляла дисциплину в отряде. И я намерена была использовать это для того, чтобы внести кое-какие позитивные изменения.

— Нарайян, мне нужен твой совет.

— Да, Госпожа.

— Нам будет трудно удерживать их вместе, когда они почувствуют себя в безопасности.

Я говорила с ним, Рамом и Зиндху как с равными. Они же спокойно это принимали.

— Знаю, Госпожа. Они хотят домой. От романтики не осталось и следа.— Он опять ухмыльнулся. Как мне осточертела эта его вечная ухмылка! — Мы пытаемся внушить им, что они выполняют свой долг. Но им следует забыть многое.

Это-то они сделали. В культуре Таглиоса переплетались несколько непонятных для меня религий, странно связанных с кастовой системой.

На мучившие меня вопросы никто из моих людей не мог дать вразумительного ответа. Так устроен мир. Так было, есть и будет. Так и подмывало устроить общую мессу. Для этого не хватало авторитета, как и на севере. Не всякое препятствие можно устранить простым волеизъявлением.

И я продолжала расспрашивать. Если бы удалось хоть немного разобраться в системе религиозных культов, можно было бы использовать это в своих интересах.

— Мне нужны надежные люди, Нарайян, люди, на которых я могла бы положиться абсолютно во всем.

— Ваша воля будет исполнена, Госпожа.

Он опять ухмыльнулся. Должно быть, у него эта привычка выработалась еще в те времена, когда он был рабом — что-то вроде защитной реакции. И все же... Чем больше я его узнавала, тем более зловещим он мне казался.

Почему? Он был настоящий таглиосец, принадлежал к низшей касте. Разносчик овощей, обремененный женой, детьми и, как он недавно узнал, парочкой внуков. Он был одним из тех, кого считают оплотом нации — тихий трудяга, в поте лица зарабатывающий на жизнь. И со мной он обращался словно с любимой дочерью. Что в этом было зловещего?

На первый взгляд в Раме странного было гораздо больше. В свои двадцать три он был уже вдовцом. Женился по любви, что для Таглиоса нетипично — там браки всегда заключались по сговору. Его жена умерла при родах, младенец оказался мертворожденным. Отсюда столько горечи и разочарования. Подозреваю, что в отряд Рам вступил потому, что искал смерти.

О Зиндху я не знала ничего. Говорил он только тогда, когда от него требовался ответ на вопрос, и казался еще более вкрадчивым, чем Нарайян. Однако он всегда выполнял порученное ему дело, и выполнял его хорошо, не задавая лишних вопросов.

Всю жизнь меня окружали темные личности. Долго, очень долго я была женой Властелина — а уж он-то был самым мрачным из всех, кого я знала. Неужели я не справлюсь с этой горсткой?

Ни один из них не был глубоко верующим, что тоже казалось странным, ибо вся культура Таглиоса насквозь религиозна. Каждое мгновение жизни человека рассматривалось как религиозный опыт и было подчинено долгу верующего. Меня это беспокоило до тех пор, пока я не

заметила, что религиозные чувства большинства моих людей несколько угасли. Тогда решилась спросить об этом у одного из воинов.

Ответ его был прост:

— Здесь нет священников.

Это могло служить объяснением. Ни одна система не может строиться только на вере людей, сколь бы ни были они преданы идее. А то, через что пришлось им пройти, сместило все их представления о Боге. Их вытащили из привычной мирной жизни и ткнули лбом в такие вещи, на которые религия не давала ответа. Они уже никогда не станут тем, чем были раньше. И Таглиос с их возвращением станет другим государством.

Численность отряда увеличилась втрое. Не больше — не меньше, шестьсот верующих, исповедующих три основные религии и несколько их учений. Кроме того, более сотни рабов, вовсе не таглиосского происхождения. Из них могли получиться прекрасные воины при условии, что они обретут уверенность в себе. Бежать им было некуда — они бездомны. А отряд мог стать их домом.

Беда в том, что при таком множестве разных культов на каждый день падал какой-нибудь святой праздник хоть для кого-то. Хорошо, что у нас не было священников — хлопот не оберешься.

Воины почувствовали себя в безопасности. Это вернуло им свободу, что, в свою очередь, ослабило их дисциплину и память о войне, зато, к моему неудовольствию, они вспомнили, что я — женщина.

Закон и исторические традиции в Таглиосе ставят женщину на один уровень со скотом. Даже ниже — со скотом обращаются менее вольно. Женщины, которым удается добиться высокого положения в обществе или обрести авторитет, вынуждены скрывать это, действуя за спиной мужчин, которыми они могут руководить и оказать влияние на них. Еще одно препятствие на моем пути и, может быть, самое тяжелое.

Как-то утром я вызвала Нарайяна.

— Мы в сотне миль от Деджагора.— Настроение у меня было отвратительное из-за ночных кошмаров. Нервы — на пределе.

— Сейчас мы в безопасности.— Об их уверенности в том, что мы в безопасности, можно было судить по тому, как они начинали день.

— Я намерена кое-что изменить в нашей жизни. Как много у нас надежных людей?

Он самодовольно ухмыльнулся. Самонадеянная маленькая крыса.

— Треть. А может, и больше, если подвергнуть испытанию.

— Неужели так много? — Я была удивлена. У меня такого впечатления не сложилось.

— Вы не с теми общаетесь. Некоторые из наших воинов уже научились дисциплине и выдержке в войске. Рабы ненавидят цепи рабства, в которых их так долго держали. И они жаждут мести. В войне против Хозяев Теней они ни за что не пойдут за таглиосцем. Некоторые из них даже искренно преданы вам. И верят вам, потому что вы — это вы.

И на том спасибо, салажонок.

— Но большинству то, что им придется быть под моим началом, не нравится?

— Вероятно.— Он льстиво и вкрадчиво ухмыльнулся.— Таглиосцам нелегко привыкнуть к вывернутым наизнанку законам естества.

— По этим законам лидерами являются сильные, а слабые им подчиняются. Так вот, сильные — это я, Нарайян. И ты.

Таглиос такой силы еще не видывал, просто потому, что там пока не было возможности убедиться в этом. Надеюсь, и не придется испытать на себе силу моего гнева. Я бы предпочла сберечь его для Хозяев Теней.

Он вдруг испугался. И несколько раз поклонился мне.

— Конечной целью нашего похода по-прежнему является Годжа. Можешь передать это остальным. В Годже мы соберем тех, кто выжил, произведем среди них отбор и перестроим их на свой лад. Но попадем мы туда не раньше, чем наведем порядок в своем отряде.

— Да, Госпожа.

— Соберите все имеющееся в наличие оружие. И без пререканий. Распределите его среди людей, которых считаете надежными. Пусть они образуют левый фланг. А справа пойдут религиозные фанатики. Их необходимо отделить от тех, с кем они водили дружбу до Деджагора.

— Это может создать некоторые проблемы.

— Вот и хорошо. Мне необходимо знать корни этих проблем. Я все возмещу с лихвой. Приступайте к делу. Разоружите их прежде, чем они сообразят, что происходит. Рам, помоги ему.

— Но...

— Я сама в состоянии позаботиться о себе, Рам.— Его опека раздражала.

Нарайян рьяно взялся за дело. В конечном счете почти все расстались с оружием добровольно.

Сорганизовавшись в том порядке, в котором было приказано, мы двинулись маршем, пока все не выдохлись настолько, что сил жаловаться ни у кого не осталось. Вечером я объявила смотр, отдав приказ Нарайяну выстроить отряд так, чтобы левый фланг оказался позади. Надев свои доспехи, я села на одного из черных жеребцов и прогарцевала перед строем. Вокруг меня плясали ведьмины огоньки. Не очень сложный фокус. Я еще несильно преуспела в своих попытках возродить прежние способности к магии.

Доспехи, скакун и огоньки были предназначены для создания образа, имя которому — Жизнодав, придуманного мною еще до того, как Отряд прибыл в Майн, чтобы сразиться с Хозяевами Теней при Годже. Вместе с Костоправом в образе Вдоводела эта дама должна одним своим видом повергать врагов в трепет, создавая иллюзию чего-то большего чем жизнь, своеобразного архетипа смерти. Подручные могли теперь использовать это как средство для запугивания. В стране, где волшебство воспринимали не как досужие разговоры, а всерьез, и ведьминых огоньков — вполне достаточно.

Я медленно проехала перед строем, внимательно оглядывая людей. Они поняли меня. Я высматривала того, с

кем буду жестка и нетерпима, того, кто склонен к неповиновению.

Проехала еще раз. Если ты всю жизнь привык быть настороже — найти потенциальных бунтовщиков нетрудно.

— Рам.— Я указала на шестерых.— Этих отошли прочь. И проследи, чтоб они не прихватили с собой того, что им никогда не принадлежало.— Я говорила так, чтобы было слышно всем.— Еще смотр — и указанные мной отведают плети. А в третий раз мы устроим праздник смерти.

Ряды шевельнулись. До них дошел смысл сказанного.

Шестеро, отмеченные мной, в унынии удалились. Я крикнула оставшимся:

— Воины! Поглядите на тех, что справа от вас. И на тех, что слева. Поглядите на меня. Те, кого вы видите — не шадариты, не гунниты, не веднаиты, а просто воины. Воины! Мы сражаемся с беспощадным и единым в своей силе врагом. И когда вы пойдете на него, бок о бок с вами будут не ваши боги, а люди, такие как те, что стоят сейчас рядом с вами. Оставайтесь верными своим богам в сердце своем, но в этом мире, в этом лагере, в походе, на поле сражения вы будете повиноваться мне. Я буду вашим верховным владыкой. И до тех пор пока не исчезнет последний Хозяин Теней, никакая награда — божья ли, правителей ли — не найдет вас быстрее моей.

Я сознавала, что, возможно, излишне жестка. Но мне было необходимо сколотить свою армию, а время поджимало.

Пока они переваривали все это, я отъехала в сторону, слезла с лошади и сказала Раму:

— Распусти их. И разбей лагерь. Пришли ко мне Нарайяна.

Расседлав скакуна, я села прямо на седло. Рядом со мной пристроилась ворона, наклонив набок голову. Еще несколько ворон кружило вокруг. Эти черные демоны были повсюду. Никуда от них не денешься.

Костоправ стал из-за них параноиком. Он полагал, что они преследуют его, шпионят за ним и даже говорят с ним. Я думала, у него это от перенапряжения. Но их вездесущность начинала действовать на нервы и мне.

О Костоправе не думать. Нет времени. Нет его. А я хожу по лезвию ножа. Ни слезы, ни самоистязания не вернут его.

За время нашего похода на север поняла, что там, в Курганье, я оставила не только свои магические способности. Я сломалась. И острота чувств за этот год притупилась.

Костоправ виноват. Его слабость. Слишком чуткий, терпимый, щедро дающий людям возможность стать другими. Слишком он им доверял. И поверить не мог в то, что в глубинах человеческой души скрывается мрак. При всем его цинизме по поводу мотивов, двигающих людьми, он верил, что в каждом злодее есть хорошее, если хорошо постараться, оно сможет прорваться наружу.

Этой вере я обязана жизнью, однако даже факт моего спасения не подтверждает того, что действительность соответствует этому представлению.

Пришел Нарайян, льстивый, как кошка. Одарил меня своей неизменной ухмылкой.

— Нарайян! Мы завоевали позицию. И они приняли это нормально. Но впереди еще долгий путь.

— Религиозные проблемы, Госпожа?

— Что-то вроде. Но это не самое крутое препятствие. И не такое преодолевали,— улыбнулась я, заметив его удивление.— Сомневаешься? Ты ведь меня не знаешь. Ты знаешь лишь то, что слышал. Какая-то женщина бросила трон и пошла за Капитаном, так? Но я вовсе не тот капризный ребенок, которого ты себе представляешь. Я не какая-то там пигалица с крупицей таланта, унаследовавшая плохонькое царство, до которого ей как до лампочки. И не дуреха, сбежавшая с первым встречным авантюристом, захотевшим ее.

— Мы знаем только то, что ты — подруга Капитана,— признал он.

— Некоторые так и думают.

— Твои товарищи почти и не говорили о твоем прошлом. Полагаю, что ты нечто большее, но насколько — и гадать не смею.

— Могу подсказать.— Все это забавляло. Хоть Нарайяну и хотелось, чтобы я была чем-то нетривиальным, он

изумлялся всякий раз, когда я вела себя не как таглиоска.— Присядь, Нарайян! Пора тебе узнать, на какую фишку ты ставишь.

Он посмотрел на меня искоса, но сел. За ним внимательно следила ворона. Пальцы коротышки теребили лоскут на поясе.

— Трон, от которого я отказалась, держался на империи столь обширной, что ты и за год не смог бы по ней пройти с востока на запад. А с севера на юг она простиралась на две тысячи миль. Я создала ее практически из ничего, задолго до того, как родился дед твоего деда. И это не первая созданная мною империя.

Он недоверчиво усмехнулся. Думал, что я вру.

— Видишь ли, Нарайян, Хозяева Теней были моими рабами. При всем их могуществе. Они исчезли во время великой битвы двадцать лет тому назад. Я считала их мертвыми, пока не сдернула маску с того, кого мы убили в Деджагоре. Сейчас я еще слаба. Два года назад на севере моей империи была грандиозная битва. Мы с Капитаном одолели пробуждающееся зло, оставшееся от первой созданной мною империи. И чтобы победить и не дать вырваться этому злу на волю, мне пришлось нейтрализовать себя, свою силу. Сейчас я снова ее обретаю, медленно и мучительно.

Нарайян не мог поверить. Сын своей культуры. Ведь я всего-навсего — женщина. Но поверить ему явно хотелось. Он сказал:

— Ты такая молодая.

— Я никого не любила, пока не встретила Капитана. Эта оболочка — всего лишь маска, Нарайян. Я пришла в этот мир задолго до того, как Черный Отряд прошел здесь впервые. Я стара, Нарайян. Старая и злобная. Делала такое, во что никто бы и не поверил. Зло, интриги и войну я знаю как собственных детей. Я взращивала их веками. Даже как подруга Капитана я была не только его любовницей. Но еще и лейтенантом, и начальником его штаба. Теперь Капитан — я. Пока я жива, Отряд жив. И продолжает свои деяния. И обретает новую жизнь. Я намерена его воссоздать. Некоторое время он может действовать под

другим именем. Но и тогда он будет Черным Отрядом. И орудием моей воли.

Нарайян снова усмехнулся:

— Может, вы и есть ОНА.

— Кто «она»?

— Скоро, Госпожа. Всему свое время. Довольно того, что не все встретили возвращение Черного Отряда с отвращением.

Его глазки забегали.

— Тогда скажите.

Но я решила не давить на него. Нужно сделать его посговорчивей.

— Теперь о настоящем. Сейчас мы организуем войско. Прискорбно недостает самого ценного — ветеранов. Воинов некому обучить искусству боя. Сегодня, перед тем как они примутся за еду, разделите их на группы человек по десять, по культовой принадлежности. В каждой группе должны быть не более трех представителей одного культа и один не таглиосец. Выделите постоянное место в лагере и в строю. Нужно, чтобы группы не общались между собой до тех пор, пока каждая не изберет своего лидера и его заместителя. Хорошо бы им договориться как ладить между собой. Но они должны жить жизнью своей команды, и только.

Еще один рискованный шаг. Люди не в лучшем настроении. Зато изолированы от жрецов и от той религиозной среды, которая питала их суеверия. Всю жизнь за них думали жрецы. А здесь у них не было никого, кроме меня, кто мог сказать, что им следует делать.

— Я не хочу идти в наступление на Годжу, пока в отделениях не избраны командиры. Любые распри между членами отделений расцениваются как провинность и подлежат наказанию. Еще до формирования назначьте карательные караулы. Как только это будет сделано, отправьте их ужинать. Они займутся приготовлением пищи — и это сплотит.— Я махнула рукой, давая знак, что он может приступать к делу.

Он поднялся:

— Если они будут есть вместе, Госпожа, они все будут делать вместе.

— Знаю.— В каждом культе существовали свои нелепые представления о том, что можно есть, а что — нельзя. Этим и было продиктовано мое требование. Общая трапеза должна была подорвать самые основы их суеверий.

Вряд ли они смогут до конца искоренить стародавнюю вражду, однако они научатся обуздывать ее в обществе друг друга. Ненавидеть можно тогда, когда объект твоей ненависти — кто-то мало тебе знакомый. А когда ты сражаешься с человеком бок о бок и вверяешь ему свою жизнь — трудно держаться слепой ненависти.

Я пыталась занять отряд обучением военному искусству. Помогали те, кто прошел некоторую подготовку в наспех сформированных легионах; главным образом, они занимались тем, что учили моих воинов выстраиваться в стройные шеренги. Порой меня охватывало отчаяние. Я чувствовала в себе силы на многое. Но была одна.

Чтобы разобраться с политикой, следовало бы обзавестись мощной поддержкой.

Присоединились беглецы. Некоторые, правда, потом ушли. В основном те, кто не выдержал суровой дисциплины. Но были и такие, кто захотел стать настоящими воинами.

Я широко использовала метод кнута, но с еще большей щедростью раздавала пряники. Я пыталась развить в них гордость за свой отряд, убежденность в том, что они — лучше других, тех, кто не принадлежал к отряду, а также вложить сознание того, что доверять можно только своим.

Я не щадила себя. Спала так мало, что ничего не видела во сне, а если что-то и снилось — не помнила. Каждую свободную минуту тратила на то, чтобы вернуть способности к магии. Скоро они мне понадобятся.

И они медленно возвращались. Однако медленнее, чем того хотелось бы.

Это было похоже на то, как учишься заново ходить после долгой болезни.

Глава 9

Хотя я и не ставила перед собой задачу быстрого передвижения, наш отряд намного опередил остальную часть уцелевшего войска. Одиночки и небольшие группы задерживала в пути необходимость искать себе пропитание. Когда мы сбавили темп перед Годжей, все больше и больше людей стали нагонять нас. Но лишь немногие решили присоединиться.

Уже было заметно, что мой отряд — совершенно иной. Новичков это пугало.

По моим подсчетам, от нашей прежней армии осталось около десяти тысяч человек. Сколько доберется до Годжи? Если Таглиосу будет сопутствовать удача — примерно половина. Мы были уже не на своей территории. В сорока милях от Годжи и Майна, на земле, исторически принадлежавшей Таглиосу, я велела остановиться и разбить постоянный лагерь, который следовало окружить рвом. Луг на северном берегу чистого ручья — вполне подходящее место. Южный берег покрыт лесом. Удобно. Я планировала передышку, обучение войска, до тех пор пока фуражиры не опустошат всю округу.

В последующие дни примкнувшие к нам беглецы принесли сообщения о вражеской кавалерии, преследовавшей их. Через час после того, как мы приступили к устройству лагеря, мне было доложено, что на южной окраине леса появился дым. Я прошла примерно с милю и увидела клубы дыма со стороны, расположенной примерно в шести милях вдоль дороги деревни. Надо обмозговать ситуацию. Чем это нам грозит? Неприятностями? А вдруг — это удача? Вряд ли, учитывая сложившуюся в данный момент обстановку.

Из сумерек вынырнул Нарайян.

— Госпожа. Это люди Хозяев Теней. Они устроили лагерь с южной стороны леса. Завтра они обнаружат нас.— От его оптимизма не осталось и следа.

Я задумалась над этим известием.

— В отряде знают?

— Да, уже передают эту новость друг другу.

— Черт. Ну ладно. Поставьте вдоль рва надежных людей. Убейте любого, кто предпримет попытку бежать. Пусть за всем этим проследит Рам, а вы возвращайтесь сюда.

— Хорошо, Госпожа.— Нарайян шмыгнул прочь. Иногда он напоминал мне мышь. Вскоре он вернулся.— Они ворчат.

— Ну и пусть, пусть себе ворчат, лишь бы не дезертировали. А люди Хозяев Теней знают о нашем укрытии?

Нарайян пожал плечами.

— Я хочу *знать*. Поставьте пикет в четверти мили от края леса. Десятка два надежных ребят. Им не следует мешать продвижению вражеских разведчиков на север, но на обратном пути те должны попасть в засаду.

Пусть боятся угрозы нападения.

— Тех, кто ни на что другое не годен, отправьте строить вал вдоль ручья. Застолбите участок на том берегу, заточите копья, найдите плети и погрузите их в воду. Там нет пространства для маневра. Им придется идти напролом. Отдав распоряжения, немедленно возвращайтесь.

В подобной ситуации лучше всего заняться делом, чтобы не впасть в панику.

— Нарайян, подождите,— окликнула я его.— Выясните, умеет ли кто-нибудь обращаться с лошадьми.

Кроме моих скакунов в отряде было с полдюжины лошадей, отбившихся от табуна и пойманных нами. Мне пришлось научить Рама ухаживать за моими.

Ездить верхом в Таглиосе умели только гунниты, то есть высшая каста, и богатые шадариты. Аборигенам рабочим скотом служили буйволы и волы.

Нарайян вернулся уже в десятом часу. Тем временем я походила среди своих воинов. Я была довольна увиденным. Никакой паники или ужаса не заметила, лишь здоровая настороженность, смешанная с уверенностью, что, если останешься в отряде, шансов уцелеть у тебя больше, нежели в случае дезертирства. Моего гнева они опасались больше чем врага, пока только призрачного. Отлично.

Я внесла кое-какие предложения в связи с разбивкой кольев на внешней стороне насыпи, затем отправилась переговорить с Нарайяном.

— А теперь нам следует отправить в их лагерь своих разведчиков,— сказала я ему.

— Нам? — Его ухмылка на сей раз была искусственной.

— Я имею в виду вас и себя.

— Хорошо. Хотя я чувствовал бы себя спокойнее, если бы мы взяли и Зиндху.

— А он может тихо передвигаться? — Я с трудом могла представить себе, что такая туша способна двигаться незаметно.

— Он будет как мышь, Госпожа.

— Тогда позовите его. И поспешите. Нам нужна полная темнота.

Нарайян, как-то странно посмотрев на меня, отправился за Зиндху. Оставив караульных, мы пересекли ручей. Нарайян и Зиндху шли по лесу крадучись, словно всю жизнь передвигались подобным образом. И даже тише мышонка. Наши дозорные были застигнуты ими врасплох. Они сообщили нам, что со стороны противника вылазок пока не было.

— Ишь, какие самоуверенные,— проворчал Зиндху, и это было впервые, когда он при мне осмелился высказать свое мнение.

— Может, они просто непроходимые тупицы.— До сих пор армия Хозяев Теней поражала меня лишь своей многочисленностью.

Их костры мы увидели раньше, чем предполагали. Они расположились среди деревьев. Эту возможность я выпустила из виду. Чертовски неосторожно с их стороны.

Нарайян робко коснулся моей руки. И выдохнул мне в ухо:

— Там их дозорные. Подождите здесь.— Он, словно тень, прокрался вперед, а затем так же незаметно вернулся.— Их двое. Оба спят как убитые. Идите осторожно.

Мы прокрались туда, откуда я могла увидеть то, что надо. В течение нескольких минут я изучала расположение их лагеря, затем, удовлетворившись, сказала:

— Пошли.

Один из дозорных проснулся. В тот момент, когда Зиндху проскользнул мимо, тот приподнялся. На его широкую обнаженную спину падал свет от костра.

Рука Нарайяна метнулась к талии, затем вверх, словно он держал плеть, потом запястье его изогнулось, и через мгновение черная ткань змеей обхватила шею дозорного. Нарайян задушил его в какую-то секунду, так, что даже не разбудил другого.

Второго задушил Зиндху с помощью своей алой тряпицы.

Теперь я поняла, для чего они носили эти набедренные повязки. Это их оружие. Нарайян и Зиндху разложили свои жертвы так, что те казались спящими, правда, их языки сильно вылезли наружу. И Нарайян, и Зиндху шептали над телами что-то, похожее на ритуальные молитвы.

— Зиндху останьтесь тут,— велела я.— Предупредите нас, если трупы обнаружат. Нарайян, идемте со мной.

Я спешила, пока было темно. Когда мы добрались до лагеря, я сказала Нарайяну:

— Ловко вы это проделали. Я тоже хочу научиться этому фокусу с тряпицей.

Мои слова его удивили. Он не ответил.

— Соберите десять лучших групп. Вооружите их. А также позовите человек двадцать из тех, кто, по вашему мнению, лучше всех умеет обращаться с лошадьми. Рам!

Рам явился в тот момент, когда я занялась приготовлением своих доспехов. Он выглядел озлобленным.

— В чем дело? — Тут я увидела, что он сотворил с моим шлемом.— Это еще что такое, черт возьми? Ведь я просила вас почистить, а не ломать его.

Он ответил, стесняясь, словно мальчишка:

— Этот шлем — имитация образа Кины, Госпожа. Одним из ее имен было Жизнодав. Понимаете? И в этом облике она выглядела в точности как изображено на ваших доспехах.

— В следующий раз надо спрашивать. Помогите мне одеться.

Через десять минут я стояла в центре группы, собранной по моему приказу Нарайяном.

— Мы намерены атаковать их. На данный момент нам не требуется ни победа, ни слава. Наша задача — отбить у них охоту нападать на нас. Мы атакуем их, устраиваем маленький переполох и отступаем.

Рисуя на грязи возле костра, я описала место расположения лагеря и наметила тактику боя.

— Здесь входим — там выходим. Не тратьте время на борьбу с ними. Убивать необязательно, достаточно просто ранить. Потому что мертвеца можно бросить на месте, раненый же становится бременем для остальных. Что бы ни было, не выходите за дальний конец их лагеря. Мы отступим, как только они начнут перегруппировку. Хватайте любое оружие. Рам, на вас лошади. Запасайтесь если не оружием, то хотя бы едой — это касается всех. Но ни в коем случае не рисковать жизнью — ни своей, ни товарищей — только ради того, чтобы побольше набрать. И последнее — постарайтесь производить как можно меньше шума. Нам конец, если они нас обнаружат.

Нарайян доложил, что убитых караульных пока не обнаружили. Я отправила его вперед, чтобы он и Зиндху пополнили список своих жертв. На подступах к лагерю, примерно в двухстах ярдах, группа разбилась на мелкие подразделения. Когда сто двадцать человек двигаются одновременно, как бы осторожно они ни шли, их все равно будет слышно.

Я понаблюдала за лагерем. Там было некоторое оживление. Похоже было, что наступил момент смены караула.

Подразделение Рама присоединилось к нам. Я надела шлем, повернулась спиной к своим и пошла к единственному укрытию, имеющемуся в лагере, где наверняка расположился их командующий. Вынув из ножен меч, я окружила себя ведьминими огоньками.

Лезвие меча сверкало огнем. Значит, сила возвращается ко мне.

Несколько «южан» проснулись с разинутыми от удивления ртами. Мои ворвались в лагерь, закалывая спящих и атакуя проснувшихся. Повалив какого-то типа, я добралась до шатра и, откинув занавес, лицом к лицу столкнулась с выбежавшим на шум командиром. Держа обеими

руками меч, я отрубила ему голову и, схватив ее за волосы, высоко подняла над собой, оглядывая лагерь.

«Южане» даже не пытались защититься. Должно быть, человек двести из них было уже убито. Остальные пытались бежать. Неужели мне так легко удалось справиться с ними?

Подбежали Зиндху и Нарайян и, упав передо мной на колени, стали биться головой о землю, опять бубня свои молитвы. Между деревьями, хрипло каркая, летали вороны. Мои люди носились по лагерю. Рубили и кололи налево-направо, дав волю накопившемуся за ночь страху.

— Нарайян. Глянь, что делают те, кто уцелел. И побыстрее, пока они не вздумали устроить нам контратаку. Зиндху, помогите мне обуздать этих людей.

Нарайян убежал. Вернулся через несколько минут:

— Они собираются в четверти мили отсюда, у дороги. Говорят, что на них напал сам дьявол. Возвращаться не хотят. Их командиры говорят, что они не выживут, если не вернут лагерь и животных назад.

Это правда. Может, еще одна дьявольская атака удержит их от возвращения?

Я собрала людей, и мы неровной линией двинулись к краю леса. Нарайян и Зиндху пошли вперед. Им было велено дать знак, если «южане» вздумают атаковать. В этом случае мы бы отступили.

Они снова умчались. Нарайян сообщил, что «южане» убили командиров, пытавшихся их собрать.

— Улыбка фортуны,— услышала я чей-то шепот. Надо будет ближе познакомиться с этой чертовкой Киной. Должно быть, известная личность. Странно, что мне до сих пор не приходилось о ней слышать.

Я вернулась в захваченный лагерь. Мы раздобыли уйму необходимых вещей.

— Рам, собери остальных. Пусть принесут колья, воткнутые в насыпь. Нарайян, подумайте, кто не заслужил оружия.— Теперь найдется немало желающих заполучить его. А оружие должно быть свидетельством доверия, наградой за заслуги.

Произошли драматические перемены. Можно было подумать, мы одержали победу вроде той, что при Годже. Уверенность появилась даже в тех, кто не участвовал в операции. Это ощущалось в общей атмосфере лагеря. В этих людях пробудилось новое самосознание. Они гордились тем, что каким-то образом были связаны с этой отчаянной вылазкой, и отдавали мне должную честь. Я, со своей стороны, усердно внушала им мысль о том, что скоро все они станут частью огромной силы.

Эту идею необходимо было укрепить в их сознании, в сочетании с подозрительностью и недоверием ко всем, кто не принадлежал к отряду.

Чтобы выковать молот, нужно время. И может статься, больше чем то, которым я располагала. Годы, да нет, десятилетия, уходят на то, чтобы создать войско, подобное Черному Отряду,— а он родился на гребне долгой традиции.

Я же пыталась сотворить что-то вроде моего Золотого Молота, нечто яркое и в то же время эфемерное, смертельное лишь для непосвященных и невежественных.

Настал момент для церемонии, отделяющей их от остальной части мира, кровавого ритуала, который связал бы их друг с другом и со мной.

Я велела, чтобы колья с насыпи установили вдоль дороги к югу от леса. Затем, чтобы все убитые «южане» были обезглавлены, а головы их водружены на эти колья. В назидание тем, кому вздумалось бы лелеять те же амбиции.

Нарайян и Зиндху были в восторге. Они взялись за мое поручение с огромным энтузиазмом. И без видимого отвращения.

И меня не трогало, ничуть. И не такое видывала.

Глава 10

Лебедь лежал в тени на берегу Мейна, лениво наблюдая за своей лодкой, болтавшейся, как поплавок, на спокойной глади глубокого водоема. Дул теплый ветерок, в тени было прохладно, а жуки слишком ленивы, чтобы беспокоить его. Он дремал. Чего еще можно пожелать?

Рядом присел Нож.

— Что-нибудь поймал?

— Не-а. И не знаю, что бы я сделал, если бы поймал. Что случилось?

— Госпожа желает нас видеть.— Он имел в виду Радишу, которая, как оказалось, ждала их прибытия в Годжу, к большому неудовольствию Копченого.— У нее к нам дело.

— У нее всегда есть к нам дело. А ты не сказал ей, чтобы она катилась ко всем чертям?

— Я решил предоставить эту честь тебе.

— Лучше бы ты предоставил мне возможность остаться. Мне вполне неплохо и тут.

— Она хочет, чтобы доставили Копченого в некий пункт назначения, а он туда не хочет.

— Тогда почему ты ей этого не сказал? — Лебедь выдернул удочку из воды. На крючке ничего не было.— А я-то думал, в этой луже вся рыба сдохла.— Он поставил удочку обратно к дереву.— Где Корди?

— Вероятно, ждет нас там. Он следил за Джахом. Ему я уже сказал.

Лебедь посмотрел через реку:

— Душу дьяволу бы отдал за пинту пива.— До того как в Таглиосе началась вся эта заваруха, они занимались пивоваренным делом.

Фыркнув, Нож отправился к крепостной башне у брода, ведущего в Годжу.

Крепость стояла на южном берегу Майна. Она была построена Хозяевами Теней, чтобы защитить их владения на южном берегу, после того как была отбита их атака на Таглиос. Потом она была захвачена Черным Отрядом после победы на северном берегу. Таглиосские строители занимались ее возведением, одновременно закладывая еще одну крепость на северном берегу.

Лебедь разглядывал пестрое поселение к западу от крепости. Там жило восемьсот человек. Отчасти — строители, но большинство — беженцы с юга. Одна довольно многочисленная группа особенно раздражала его.

— Думаешь, Джах вычислил, что Госпожа здесь?

Джахамарадж Джах был шадаритским жрецом, жаждущим власти. Он командовал конницей наемников во время южной экспедиции. Его поход на север был столь неожиданным и удачным, что всего за несколько дней ему удалось заставить Лебедя и его сторонников отступить к реке.

— Я думаю, он угадал. Прошлой ночью он пытался отправить посыльного.

— Радиша через Лебедя запретила кому бы то ни было пересекать реку. Она не хотела, чтобы новость о поражении Таглиоса распространилась прежде, чем стали бы известны истинные масштабы трагедии.

— Ну?

— Посыльный утонул. По словам Корди, Джах считает, что это дело рук Корди.— Нож злорадно хмыкнул. Он ненавидел жрецов, и травить их было его любимым занятием. Всех без исключения.

— Отлично. Это вынудит его держаться подальше от нас, пока мы не решим, как с ним поступить.

— Я знаю, как нам следует с ним поступить.

— Это может иметь политические последствия,— предупредил его Лебедь.

— У тебя все проблемы решаются одним способом. Горло перерезать — и дело с концом.

— Но это и вправду облегчает проблему.

Стража у ворот крепости отсалютовала. Они были фаворитами Радиши, и именно они — Лебедь, Нож и Мотер — отвечали за защиту Таглиоса.

— Мне следует научиться думать дальновидно, Нож. Я-то надеялся, что с появлением Черного Отряда нам не придется заниматься всем этим.

— Тебе еще многому следует поучиться, Лозан.

Корди и Копченый ждали их у двери комнаты, которая была тайной приемной Радиши. Копченый выглядел так, словно мучился расстройством желудка. Если бы у него была возможность, он немедленно бежал бы отсюда.

— Ты что-то мрачен, Корди,— сказал Лебедь.

— Да просто устал. В основном оттого, что забавлялся с этим карликом.

Лебедь приподнял бровь. Корди был в высшей степени спокойным и терпеливым человеком, не способным обидеть и мышь. Должно быть, Копченый сильно достал его.

— Она готова?

— В любую минуту.

— Тогда не тяни. Меня там, в реке, ждет рыба.

— Да, поседеет твоя рыба, пока ты вернешься.— Мотер постучал в дверь и подтолкнул колдуна перед собой.

Когда Лебедь притворил дверь, с другой стороны в комнату вошла Радиша. Здесь, в неофициальной обстановке, в обществе мужчин, не принадлежащих к ее кругу, ей не приходилось играть традиционную роль, отведенную ее полу.

— Ты сказал им, Корди?

Лозан и Нож обменялись взглядами. Между их старым приятелем и Госпожой такие отношения, которые позволяют ей называть его по прозвищу? Интересно. А как он ее зовет? Она не похожа на Подругу.

— Нет еще.

— В чем дело? — спросил Лебедь.

Радиша ответила:

— Мои люди связывались с воинами. До них дошел слух, что та Госпожа, которая была Лейтенантом Черного Отряда, осталась жива. Она пытается собрать остатки армии к югу отсюда.

— Это лучшая новость их тех, что мне приходилось слышать за последнее время,— сказал Лебедь. Он подмигнул Ножу.

— Неужели?

— По мне, так потерять такой выдающийся кадр было бы вопиющей несправедливостью.

— Так и знал. Низкие мозги у тебя, Лебедь.

— Виноват. Но трудно их не иметь, однажды взглянув на нее. Итак, она жива. Классно. Вышвырни нас троих и возьми профессионала продолжить начатое.

— Это еще посмотрим. Тут могут быть трудности. Корди, расскажи им о случившемся.

— Со Второго пришло около двадцати человек. Они держались подальше от дороги, чтобы не натолкнуться на дозорных Хозяев Теней. Примерно в семидесяти милях

отсюда они захватили в плен несколько человек. Судя по их рассказам, в ночь перед тем, как наши ребята захватили их в плен, лагерь подвергся нападению Кини с армией призраков. Большинство убито.

Лебедь посмотрел на Ножа, потом на Радишу, потом на Корди.

— Я что-то не понимаю. Кто это, Кина? И что случилось с Копченым? — Копченый трясся, словно его окатили ледяной водой.

Мотер и Нож пожали плечами. Они не знали.

Радиша присела:

— Устраивайтесь поудобней.— Она прикусила губу.— Это будет трудно объяснить.

— Тогда сразу — поближе к делу,— сказал Лебедь.

— Да, догадываюсь.— Радиша собралась с духом.— Кина является, так сказать, четвертой стороной религиозного триумвирата Таглиоса. Она не принадлежит к сонму богов, однако все боятся ее. Ее нельзя называть по имени, ибо она явится, как только оно будет произнесено. Очень неприятная особа. К счастью, число тех, кто исповедует ее культ,— невелико. Эта секта официально запрещена. Приверженность ей — достаточное основание для смертного приговора. И на то есть причины. Обряды этой секты непременно включают в себя пытки и убийства. Однако, несмотря на это, секта все еще существует. Члены ее уповают на приход того, кого они называют Предреченным, а также на наступление Года Черепов. Это старейшая зловещая секта, не знающая национальных или этнических различий. Члены ее скрываются за маской респектабельности. Иногда они называют себя Обманниками. Вроде живут жизнью своей общины. И никогда не скажешь, кто из ее членов принадлежит к этой секте — им может оказаться абсолютно любой. О том, что она все еще существует, знают лишь не многие.

До Лебедя не совсем дошел смысл всего сказанного.

— Не понимаю, чем она отличается от шадаритской Гады или Хади? — заметил он.

Радиша мрачно улыбнулась:

— Тем, что эти призраки существуют на самом деле.— Гада и Хади были двумя воплощениями шадаритского бога Смерти.— Джах мог бы привести вам тысячу доводов за то, что Хади — котенок по сравнению с Киной.— Джахамарадж Джах исповедовал культ Хади.

Лебедь пожал плечами, он сомневался, что понял бы разницу, даже если бы ему привели наглядный пример. Он давно уже оставил всякие попытки разобраться в запутанном пантеоне таглиосских богов, каждый из которых имел по десять, а то и двадцать аспектов и воплощений. Он указал на Копченого:

— А с этим что? Он трясется так, что, боюсь, вот-вот запачкает штанишки.

— По предсказанию Копченого, Год Черепов, то есть год хаоса и кровопролитий, настанет, если мы обратимся за помощью к Черному Отряду. Он не верил, что это произойдет на самом деле. Просто ему хотелось запугать моего братца, как бы тот, боже упаси, не сделал чего-нибудь, что внушает Копченому страх. Но поскольку это именно он предсказал наступление Года Черепов, то и оказался вовлеченным в игру. Судя по всему, момент настал.

— Конечно. Послушайте,— нахмурившись, произнес Лебедь, он все еще был в недоумении.— Давайте по порядку. Итак, существуют культ смерти и те, кто его проповедует. В сравнении с ними монстры Хади и Гада со своими жрецами, например Джах, выглядят кучкой голубых? И те, кто знает первых, готовы наложить от страха в штаны?

— Да.

— Их богиня Кина?

— Это самое известное из ее имен.

— Да ну? А я-то думал, что боги, у которых кликух как у двухсотлетнего разбойника, в Таглиосе — редкость.

— Кина — имя, данное ей гуннитами. Ее также называли Патва, Компара, Бхомана и так далее. И гунниты, и шадариты, и веднаиты — все включают ее в свой пантеон. Например, многие шадариты, поклоняющиеся ей, воспринимают истинное проявление Гада или Хади как один из Обманов.

— Ха. Ну ладно. Значит, существует некая задира в черном одеянии по имени Кина. Но как случилось, что ни я, ни Корди, ни Нож слыхом о ней не слыхали?

Радиша несколько смутилась:

— От вас скрывали. Ибо вы были чужаками. К тому же вы пришли с севера.

— Может, оно и так. А при чем тут, интересно, север? Но почему это ввергает всех в панику? Из-за какого-то типа, захваченного нами в плен, у всех трясутся поджилки при имени этой Кины! А может, он врет? В итоге Копченый готов уделаться, а вы тут с пеной у рта!.. Лично мне это все представляется несерьезным.

— Возражение принято. Мне следовало давно рассказать вам про это. Теперь же я посылаю вас проверить сведения, полученные от пленного.

Лебедь усмехнулся. У него был свой ключ к людям.

— Тогда перестаньте нас бранить и расскажите все по порядку. То, что вы связались с Черным Отрядом — уже плохо. Но если вы собираетесь дразнить нас и водить за нос только потому, что мы — не уроженцы Таглиоса...

— Довольно, Лебедь.— Радишу раздражал его вызывающий тон.

Копченый издал звук, похожий на собачий вой. И затряс головой.

— Что с ним? — потребовал объяснений Лозан. Еще немного и он придушит этого старого придурка.

— Копченому чудятся призраки во всякой тени. В данном случае он боится, что вы — шпионы, засланные к нам Черным Отрядом.

— Конечно. Вот гад! Кстати, еще одна загадка. Отчего это все так нервничают из-за этих ребят? Может, они и наделали дел в здешних местах во время своего похода на север, так ведь то когда было! Аж четыреста лет тому назад.

Радиша никак не отреагировала на его замечание.

— Прошлое Кины туманно. Ведь она — богиня чужеземная. По легенде, Князь Тьмы обманным путем завладел физическим обликом самого красивого из богов Света и пребывал в нем в течение целого года. За это время он

сумел влюбить в себя Махи, богиню любви, которая родила от него дочь Кину. Кина выросла красавицей, красивее матери, но она была пустой внутренне, у нее не было ни души, ни способности к любви или состраданию, однако она жаждала иметь все это. И она никак не могла насытить свою жажду. Жертвами стали как люди, так и боги Света и Тьмы. Ее называли Пожирательницей Душ или Богиней-Вампиром. Из-за нее боги Света настолько ослабли, что боги Тьмы решили подчинить их себе, натравив на них сонм демонов. В безысходности боги Света молили Кину о помощи. Она и вправду помогла им, но почему это сделала — неизвестно. Сразившись с демонами и повергнув их в прах, богиня поглотила их и их черные дела.

Радиша с минуту помолчала. Затем продолжила:

— Кина стала еще более зловещей. К ее именам добавились новые: Поглотитель, Уничтожитель и Разрушитель. Она превратилась в силу, пребывающую вне Света и Тьмы, стала общим врагом. Ужас, наводимый ею, заставил силы Света и Тьмы объединиться против нее. И родной отец тайком наслал на нее зачарованный сон.

— Эта легенда похожа на любой миф,— пробормотал Нож.— И смысла в ней столько же. То есть просто нисколько.

Тут Копченый пропищал:

— Кина — олицетворение той силы, которую некоторые называют энтропией.— И, обернувшись к Радише, добавил: — Поправьте меня, если я не прав.

Радиша проигнорировала его замечание, продолжая:

— Перед тем как заснуть, Кина сообразила, что попала в ловушку. Засыпая, она выдохнула мельчайшую частицу своей сущности, совсем крохотную, некое подобие призрака. С тех пор как тень она бродит по миру в поисках живой оболочки, чтобы вселиться и использовать тело и чтобы Год Черепов настал. И если это воплощение сможет раскрепостить достаточно душ и принести достаточно страданий, Кина сможет проснуться.

Лебедь хмыкнул и произнес ворчливым старушечьим тоном:

— И вы верите во всю эту чепуху?

— Верю — не верю, не это важно, Лебедь. Верят Обманники. Стоит распространиться известию, подтвержденному фактами, что кто-то видел Кину, тут же поднимется волна убийств и пыток. Погодите! — Она подняла руку.— Народ Таглиоса созрел для взрыва насилия. Презрев нормальный ход жизни и смену поколений, они создали источник потенциальной жестокости. Обманники мечтают, чтобы этот источник вырвался и наступил Год Черепов. Если это случится, мне и моему брату хотелось бы как-то контролировать волну насилия.

Нож проворчал что-то насчет нелепых религиозных представлений и выразил недоумение, отчего это люди не задушат жрецов-самозванцев, когда еще те находятся в колыбели?

Радиша заметила:

— Мы не думаем, что у Обманников существует формальная иерархическая система. Судя по всему, они объединяются в свободные общины, или группы, во главе с вожаком, которого избирают. А тот назначает жреца, а также толкователя знамений, и так далее. Власть лидера не абсолютна. Он обретает авторитет и пользуется влиянием в рамках своей общины, но чтобы заслужить почитание, он должен совершить какой-то значительный поступок.

— Лично мне они не кажутся такими уж монстрами,— сказал Нож.

Радиша бросила сердитый взгляд на него:

— Чтобы стать жрецом, считаются необходимыми образование и честность с товарищами. Обманники не брезгуют ничем в своей преступной деятельности. Раз в год они распределяют свои трофеи и награды в соответствии с тем, как жрец оценивает вклад каждого члена секты в дело прославления Кины. А в случае спора, чтобы аргументировать свои решения, жрец ведет подробную хронику деяний клана.

— Превосходно,— резюмировал Лебедь.— Но каковы ваши планы в отношении нас? Надо полагать, нам придется тащить с собой Копченого, чтобы выяснить, что на самом деле произошло с людьми Хозяев Теней.

— Да.

— С какой стати?

— Мне казалось, я достаточно объяснила.— Радиша старалась держать себя в руках.— Если это действительно была Кина, нас ожидают неприятности посерьезнее. И Хозяева Теней в сравнении с этим нам покажутся невинными овечками.

— Я вас предупреждал! — завизжал Копченый.— Я вас предупреждал сотни раз. Но вы слушать не хотели. Вы думали, что сторгуетесь с самим дьяволом.

— Заткнись! — Радиша метнула в него свирепый взгляд.— Я, как и Лебедь, устала от тебя. Идите и узнайте, что произошло на самом деле. По возможности попытайтесь выяснить все об этой женщине — Госпоже.

— Этим готов заняться я,— сказал Лебедь, ухмыляясь.— Идем, приятель.— Заграбастав Копченого, он обратился к Радише: — Как думаете, сумеете справиться без нас с Джахамараджем Джахом?

— Смогу.

Ждали Ножа и Копченого, уже взгромоздившись на лошадей и готовые к отправке. Тут Лебедь спросил:

— Корди, у тебя нет такого ощущения, будто тебя заманили в лес и оставили там одного, а вокруг глубокая ночь и ни зги не видно?

— Ага.— Привычка думать у Мотера была развита несколько больше, чем у Лозана и Ножа.— Они боятся, что мы узнаем правду и откажемся участвовать в этом деле. А их положение отчаянное. Они потеряли Черный Отряд, а мы — это все, что у них осталось.

— Как в старые добрые времена.

— Ага.

Старые времена. То есть до того, как пришли профессионалы. Тогда страна, которая стала их домом, поневоле сделала из них своего рода капитанов, так как враждующие между собой религиозные секты не могли мириться с тем, что приходится подчиняться неверующим. Год, проведенный здесь, когда пришлось играть роль поводырей — хотя и сами едва ли были зрячими,— преодолевая политические барьеры на каждом шагу, убедили Лебедя в том, что Нож был прав в своем убеждении. Мир не пострадает

от того, что в нем исчезнет несколько сотен тысяч жрецов, считающих себя избранными.

— Ты веришь в ее болтовню о Кине?

— На мой взгляд, она не то чтобы врет... Просто забыла сказать нам всю правду до конца.

— Может, когда мы вытащим Копченого отсюда миль на сорок, нам удастся выбить эту правду из него?

— Возможно. Однако не следует забывать о том, на что он способен. Вдруг, если мы его напугаем, он захочет продемонстрировать нам свои колдовские таланты. Так, все. Они идут.

Копченый плелся словно на эшафот. Нож всегда выглядел несчастным. Но Лебедь знал, что тот на самом деле доволен. Нож рад предоставившейся теперь возможности дать кое-кому под зад.

Глава 11

Раненый думал, что находится во власти наркотического сна. Как врач, он знал, что наркотики странно действуют на сознание. А грезы были подавно странными... Он никак не мог стряхнуть их.

Осколок разума, пульсирующий в какой-то точке его мозга, наблюдал, воспринимал и смутно дивился плавному полету в нескольких футах от поверхности земли, над местом, где ему редко приходилось бывать. Иногда над ним мелькали ветви деревьев, иногда боковым зрением замечал проносящиеся мимо холмы. Как-то он увидел себя среди высокой травы. А то вдруг почудилось, что несется над широким пространством воды.

Время от времени он чувствовал на себе взгляд огромного вороного скакуна. Казалось, что он где-то его видел, однако части этой картины никак не соединялись в единое целое.

Иногда фигура в бесформенной робе верхом на животном низко склонялась пустым капюшоном.

Было подозрение, что все это вполне реальные вещи... Но их смысл не поддавался пониманию. И только лошадь напоминала что-то знакомое.

Черт. Он не мог вспомнить, кто он. Какого-либо порядка в мыслях не было. То, что, вероятно, происходило с ним когда-то, теперь представало воочию, создавая впечатление чего-то реального.

Эти картинки были фрагментами битв. Края их были зазубренными, а середина ярко-алой — как кровь. Сцены резни и бойни.

Иногда всплывали имена и названия. Лорды. Чары. Берилл. Розы. Лошадь. Деджагор. Курганье. Мост Королевы. Снова Деджагор. Деджагор появлялся очень часто.

Иногда пред ним возникало лицо женщины с дивными голубыми глазами, длинными черными волосами. Убрана всегда во все черное. Должно быть, она много значила для него. Да. Единственная женщина... Она появлялась и тут же исчезала, вместо нее всплывали другие лица. Они, в отличие от сцен кровопролитий, имен не имели. Но были ему знакомы. Словно призраки, ждущие, когда он наконец присоединится к их компании.

Время от времени он ощущал боль в груди. И чем сильнее она была, тем с большей готовностью он ее встречал. В такие минуты мир приобретал вполне реальные черты. Но потом возвращалась некая сущность в черном, и он опять погружался в мир своих грез.

Кто этот спутник в черном — может, Смерть? Являлось ли его состояние свидетельством перехода в иной мир? Но ответы были непосильной задачей для его разума.

Он никогда не был религиозен. Он верил, что смерть — то, что ему представлялось, когда просто перестаешь существовать, подобно раздавленному жуку или утонувшей крысе, а бессмертие означает лишь память в сердцах тех, кого ты оставил. Краткое бодрствование редко прерывало долгий сон. Он потерял ощущение времени.

В какой-то момент его коснулось чувство: такое уже когда-то было, как это дерево, одинокое, наполовину засохшее, мимо которого он прошел и оказался вскоре в сумрачном лесу.

Дерево почему-то много значило для него.

Он проплывал сквозь лес, оставив его позади, пересек поляну и очутился в каком-то помещении. Внутри было темно.

Краем глаза заметил свет лампы. Опустился, спина его оказалась на плоской поверхности.

Появилась фигура в черном и склонилась над ним. Его коснулась рука в черной перчатке. И он потерял сознание.

Он проснулся голодным как волк. Грудь пронзило резкой болью. Его кинуло в пот. Голову сдавило так, будто она была набита мокрой ватой. У него был жар. Сознание работало вполне ясно, чтобы по этим симптомам он мог поставить себе диагноз — ранение плюс сильнейшее переохлаждение. Может стать летальной комбинацией. В голове была полная чехарда. Воспоминания кувыркались, как шаловливые котята, без всякого смысла.

Он вел войско в сорок тысяч человек на битву при Деджагоре. Из этого ничего хорошего не вышло. Он пытался собрать оставшихся людей. Но откуда-то пущенная стрела пронзила его кольчугу и грудь, чудом не задев жизненно важные органы. Он упал. А знаменосец надел на себя его доспехи, надеясь с помощью этой героической иллюзии, предотвратить неизбежное.

Очевидно, Мургену это не удалось.

Из пересохшего горла вырвался хрип, словно его душили.

Явилась фигура в черном.

Теперь он вспомнил. Тот, кто неотступно следовал за Черным Отрядом, в вечном сопровождении вороньих стай. Попытался сесть.

Он знал эту страшную сущность!

Догадка пронзила его, как удар молнии, внезапно став вердиктом.

Душелов!

Этого быть не могло... Чтобы мертвец бродил вот так...

Душелов. Бывшая когда-то наставницей, затем хозяйкой, а уже потом врагом Черного Отряда, все это было, однако, очень давно. Считалось, что она умерла пятнадцать лет назад.

Ведь он был там. Видел, как ей отрубили голову... Он сам помогал ее поймать...

Он снова попытался встать. Какая-то непонятная сила побуждала его сразиться с тем, с чем биться было невозможно.

Рука в перчатке остановила его. А мягкий голос произнес:

— Не напрягайся. Ты еще не вполне здоров. Ты так долго ничего не ел и так мало пил. Проснулся? Понимаешь, что происходит?

Он сделал попытку кивнуть головой.

— Прекрасно. Я собираюсь чуть-чуть приподнять тебя. И накормить бульоном. Зря не трать силы. Дай своему организму восстановиться.

Усадив его, она заставила его попить бульону через соломинку. Он выдул около пинты и сумел удержать бульон в себе. Вскоре почувствовался некоторый прилив сил.

— Пока хватит. А теперь попробуем умыться.

Увидев, как отвратительно грязен, он прохрипел:

— Как долго?

Она сунула ему в одну руку сосуд с водой, а в другую соломинку.

— Пей. И не разговаривай.— Она стала разрезать на нем одежду.— Прошло семь дней с тех пор, как тебя, Костоправ, ранили.

Голос ее сейчас был совсем другой. Он менялся каждый раз, когда в разговоре возникала пауза. Сейчас он казался почти мужским, грубым и в нем угадывалась насмешка — хоть он и не представлял собою удачный объект для издевок.

— Ваши товарищи до сих пор удерживают Деджагор, к большому неудовольствию Хозяев Теней. Командует Могаба. Он упрямый, но его легко вывести из равновесия. Несмотря на все свое упрямство, он не сможет удерживать Деджагор вечно — силы, брошенные против него, слишком велики.

У него вертелся на языке вопрос. Она опередила. Насмешливым голосом спросила:

— Она? — И злобно хихикнула: — Да. Она жива. Иначе все это не имело смысла.

Раздался другой голос, на этот раз женщины, однако звучавший напряженно, как натянутая тетива:

— Она пыталась убить меня! Ха-ха! Да. И ты тоже, любовь моя, был там. И помогал ей. Но я не держу на тебя зла. Ты был во власти ее чар. И не сознавал, что творишь. Но ты реабилитируешься в моих глазах, если поможешь мне отомстить ей.

Он не ответил.

Она мыла его, обильно расходуя воду. Из-за ранения он потерял в весе, но по-прежнему производил впечатление огромного мужчины, ростом в шесть футов и четыре дюйма. Ему было около сорока пяти, каштановые волосы, ничем не примечательные, с залысинами на лбу. Холодно-голубые узкие глаза жестко глядели из-под сурово сдвинутых бровей. Тронутая сединой борода обрамляла тонкие, почти никогда не улыбавшиеся губы. Лицо испещрено следами ветряной оспы, а также угрей. Когда-то оно, может, и казалось симпатичным, но время беспощадно. Теперь, даже в минуты покоя, оно было жестким и несколько отрешенным.

Сейчас он мало походил на того человека, которым был всю свою сознательную жизнь — на летописца и лекаря Черного Отряда. Теперь его внешность больше соответствовала той роли, которую ему пришлось взять на себя,— Капитана. Он выдавал себя за подростка-хулигана, который только и ждет, чтобы затеять драку. Но эта роль была ему явно не по душе.

Душелов скребла с поистине материнской тщательностью.

— Пощади мою кожу.

— Рана заживает слишком медленно. Тебе придется корректировать мои действия.

— Тоже мне, нашлась целительница. Скорее убийца.

Ее заботливость беспокоила Костоправа. Хоть жизнь и не представляла никакой ценности. Кто он такой, в конце концов? Старый наемник, всем осточертевший, чудом оставшийся в живых. С трудом выдавил из себя вопрос.

Она захохотала. В смехе звенел восторг ребенка.

— Месть, мой дорогой, мягкая и коварная. Причем я до нее и не дотронусь. Она угробит себя собственными руками.

Погладив его по щеке, она провела пальцами по скулам.

— Мне пришлось долго ждать этого момента, но я всегда знала, что он настанет. Предопределенность. Осуществление, магический обмен, три фатальных слова. Судьба. Я знала это до встречи с тобой.— Снова детский смех.— Она была уже дряхлой старухой, когда обрела такое сокровище. Я отомщу ей, отняв его.

Костоправ прикрыл глаза. Он еще плохо соображал. Но понимал, что сейчас ему опасность не грозит. Из этой ловушки он легко выберется. В самом деле, какое из него орудие мести, он ведь совершенно сломленный.

И он думать об этом забыл. Прежде всего ему надо поправиться. Позже у него будет время для того, чтобы предпринять необходимые меры.

И опять смех. На сей раз это был смех женщины взрослой и умудренной опытом.

— Помнишь, какие проделки мы устраивали вместе, Костоправ? Ту шутку, что мы сыграли с Загребущим? А с Хромым как порезвились?

Костоправ буркнул в ответ. Он помнил, как же. Если это можно назвать проделками...

— Тебе еще всегда казалось, что я умею читать твои мысли.

Он все помнил. И свой страх перед этой ее способностью читать его мысли. Сейчас он снова его ощутил.

— И вправду помнишь.— Она снова засмеялась.— Ужасно рада. Мы отлично повеселимся. Ведь все до единого считают нас мертвыми. А раз тебя нет в живых, можно делать все что хочешь.— Теперь она смеялась, как сумасшедшая.— Мы будем их преследовать, Костоправ. Таков мой план.

Теперь у него было достаточно сил, чтобы ходить. Правда, не без помощи. Та, в плену которой он оказался, заставляла его ходить, набираться сил. И все же большую часть времени он спал. И видел кошмары.

Место, в котором он находился, порождало их. Но он этого не знал. Сны подсказывали ему, что место — недоброе; сама природа, деревья, камни, земля хранили память о совершенных здесь злодеяниях. Он чувствовал, что сны соответствовали действительности, но, проснувшись, не находил тому подтверждения. Разве что зловещие вороны вокруг — их тут были десятки, сотни, тысячи.

Стоя на пороге их «жилища», каменных развалин, заросших растительностью, посреди темного леса, он спросил:

— Что это за место? Тот самый лес, в котором я гнался за вами много месяцев тому назад?

— Да. Это священная роща тех, кто поклоняется Кине. И если убрать ползучие растения, можно увидеть ее резные изображения. Когда-то эта роща много значила для Черного Отряда. Они отняли ее у шадаритов. Земля здесь усеяна костями.

Он медленно повернулся к ней, глянув под пустой капюшон. Он старался не смотреть на ящик, который она держала под мышкой. Он знал, что в нем.

— Вы сказали, Черный Отряд?

— Они устраивали здесь жертвоприношения. Сто тысяч военнопленных.

Костоправ побледнел. Вот это ему слышать было больно. История Черного Отряда была дорога ему. В ней не должно быть места злодеяниям.

— Это правда?

— Правда, любовь моя. Я видела книги, которые скрывал от тебя этот колдун Коиченый. Среди них были и считающиеся пропавшими тома ваших Анналов. Ваши предшественники были людьми жестокими. Их миссия потребовала жертвы в миллион жизней...

У него сжалось нутро.

— Жертвы чему? Кому? Зачем?

Она ответила не сразу. И отвечая на вопрос, отдавала отчет, что лжет.

— Это не совсем ясно. Может, ваш лейтенант Могаба знал это.— Не столько сами слова, сколько то, как она произнесла их, ее тон, привели его в дрожь. Он верил этому. Во время своего пребывания в Отряде Могаба и вправ-

ду вел себя странно и скрытно. Как же теперь он следовал традициям Черного Отряда?

— Те, кто исповедует культ Кины, бывают здесь дважды в году. И раз в месяц они устраивают здесь свой Фестиваль Огней. Нам следует закончить свои дела здесь до их прихода.

Костоправ встревожился.

— А зачем мы тут вообще?

— Поправляем здоровье,— рассмеялась она.— Нам нужно уединенное место. А этой рощи все сторонятся. Как только поставлю тебя на ноги, попрошу от тебя ответной услуги.— И все еще смеясь, она откинула капюшон. Головы не было. Она приподняла коробку, которая была всегда при ней, примятую, примерно в фут шириной, и открыла маленькую дверцу. Оттуда выглянуло лицо, красивое женское лицо. Оно было похоже на лицо его возлюбленной — но на том была печать жизненных невзгод.

Не может этого быть.

У него снова сжало желудок. Он вспомнил тот день, когда эта голова была отсечена от тела и валялась в пыли, вытаращив на него и на Госпожу глаза. Ее сестра. Она получила тогда по заслугам. Тогда Душелов предала Госпожу, попытавшись занять ее трон.

— Я не могу это сделать.

— Разумеется, можешь. И сделаешь. Потому что это сохранит вам обоим жизнь. Ведь жить хотят все, не так ли? Я хочу, чтоб она жила, потому что хочу видеть ее страдающей. Ты же хочешь жить ради нее, а также ради Черного Отряда, а также потому...— она тихо засмеялась,— потому что, пока живешь,— надеешься.

Глава 12

Прогремел гром. Серебристая молния сверкнула в темных облаках, расколов темно-коричневое небо. Землисто-серая живая масса огласила ревом базальтовую равнину, устремившись к золотистым колесницам богов.

Из этой массы вперед выступила фигура высотой футов в десять, похожая на отполированное черное дерево,

она была обнаженной. Фигура расставила ноги на уровне колен в стороны, затем метнула одну ногу вперед и тяжело опустила ее. Легко дрогнула.

Фигура была женской, прекрасной, если не считать, что у нее абсолютно не было волос, талия затянута поясом из детских черепов. Лицо преобразилось, словно лицо Протея,— только что оно было красивым, а через минуту стало ужасным и безобразным, с горящими глазами и клыками вампира.

Фигура схватила демона и начала пожирать его, разрывая и раздирая на части, разбрасывая вокруг внутренности, брызгая и плеская кровью, которая, капая на землю, прожигала почву. Челюсти существа растянулись. В горле двигался комок, как у змеи, заглотившей мышь.

Сонмы демонов осаждали ее. И не могли побороть. Она пожирала одного визжащего демона за другим и с каждым разом становилась все больше и страшнее.

— Я здесь, Дочь. Открой мне. Я — твоя мечта. Я сила.

Голос легкой паутинкой пронесся по золотистым пещерам, где вдоль проходов сидели старые люди, замороженные и бессмертные, неподвижно застывшие. Они выглядели как безумные. Некоторые из них были покрыты тончайшей паутинкой льда, словно тысячи пауков соткали ее из замерзших водяных струй. Дивный лес сосулек свисал над ними со свода.

— Иди. Я — то, что ты ищешь. Ты — мое дитя.

Но сущность никак не могла найти точки опоры, она не могла ступить ни вперед, ни назад.

А голос все звал, все манил в бесконечном терпении.

Теперь, проснувшись, я помнила оба сна. Я все еще дрожала, будто по-прежнему находилась в холодной пещере. Каждый сон был самостоятельным, и все же мне казалось, что оба они были вариациями одного сна. Кто-то звал.

Я не идиотка, я всякого навидалась, чтобы понять, что мои сны были не просто кошмарами. Было нечто, что избрало меня своим инструментом, что-то имело какие-то

планы в отношении меня — какие, я пока понять не могла. Способ был древний как мир. Я сама прибегала к нему тысячу раз. Предлагала власть, богатство, все что угодно, обещая золотые кущи. И ждала, как рыбка наконец заглотит наживку, ни слова не говоря при этом о том, какую именно плату потребую за свои дары.

Знало ли ЭТО меня? Маловероятно. Просто я восприимчива к таким вещам, вот меня и пытались использовать.

Не думаю, что это был какой-нибудь бог, хотя, может быть, ему (или ей) и хотелось бы, чтобы его таковым считали. До сих пор я встречала только одного бога — Праотца-Дерево, повелителя равнины Страха. А он не мог считаться богом в общепринятом смысле этого слова. Он был всего лишь существом, невероятно долго жившим и могущественным.

В этом мире я знала лишь двоих, обладавших большей силой, чем я сама: моего мужа, Властелина, которого я предала забвению. Через тысячу лет, может статься, его возведут в ранг темных богов.

И Праотца-Дерево, еще более великого, чем могла бы стать я. Он привязан к своему месту корнями и потому за пределами равнины Страха может распространять свою силу лишь через своих проводников.

А Костоправ рассказал мне о третьей могучей силе, той, что захоронена под Праотцем-Деревом,— она остается скрытой, чтобы жило дерево. И по человеческим понятиям дерево бессмертно.

Если существуют три великие силы, вполне вероятно, что есть и другие. Этот мир стар, его прошлое окутано тайной. И те, кто становятся великими, частенько становятся ими благодаря тому, что им открываются секреты прошлого. Кто знает, сколько тайных злодеяний скрывает эта истерзанная земля?

А что, если все боги человечества — лишь отголоски тех, кто шел той же дорогой, что и я, и тем не менее тоже стал жертвой беспощадного времени.

От этой мысли становилось не слишком уютно. Время — это враг, терпение которого нельзя испытывать бесконечно.

3 Зак. 2252

— Госпожа? Вы встревожены? — Ухмылка Нарайяна была искусственной. Он тихо подошел ко мне и, казалось, был всерьез озабочен.

— Нет. Дурной сон, который никак не хочет уходить. Кошмары — это плата за наши деяния.

Он как-то странно посмотрел на меня.

— Тебе снятся кошмары, Нарайян? — Я стала тихо давить на него, чтобы по ответам выяснить, чем он дышит.

— Никогда, Госпожа. Я сплю как младенец.— Он медленно повернулся, осмотрел лагерь. Кругом стоял туман.— Что у нас на сегодня?

— Оружие для учений есть? Что, если провести учебный бой? Батальон на батальон? — У меня было достаточно людей для двух батальонов в четыреста человек и несколько сотен для разных работ в лагере, а также для организации плохонького конного отряда.

— Вряд ли. А вы хотите провести учебный бой?

— Да, было бы неплохо. Но как наградить победителей?

Теперь наши тренировки включали элементы соревнования. Победители, а также проявившие особое усердие получали награды. Усердие, даже в случае поражения, заслуживает признания, оно побуждает воинов отдаваться бою целиком.

— Можно не беспокоиться о фураже, караульной службе и даже обмундировании.

— Возможно.— Я даже подумывала о том, что, когда мы придем в Годжу, можно будет позволить некоторым воинам привезти жен.

Рам принес мне завтрак. Нельзя сказать, что мы питались как следует, но, по крайней мере, вдосталь.

— Сколько времени мы намерены стоять здесь? — спросил Нарайян.

— Неделю.— Время поджимало. На севере наверняка уже знали о существовании отряда. Скоро в наши ряды проникнут потенциальные враги.

— Вместо учебного боя устроим смотр. Распространите слух о том, что, если я останусь довольна, мы снимем лагерь.— Это должно было подстегнуть их.

— Да, Госпожа.— Нарайян ретировался. Он позвал с собой дюжину своих ребят, у которых на поясе болтались разноцветные лоскутки.

Интересная компания. Последователи трех основных религий и двух мелких культов. Сюда затесались и освобожденные рабы-чужеземцы. В основном они контролировали обстановку в лагере, хотя официальными командирами были Нарайян и Рам. Следили за порядком и дисциплиной. Воины не вполне знали, как именно их следует воспринимать, но к выполнению приказов относились со всей серьезностью из-за зловещей ауры, сконцентрировавшейся вокруг группы. Я и сама ее чувствовала.

Расколоть Нарайяна не получалось никак. Он ловко парировал все мои прощупывания. Не было сомнений, что он управлял по меньшей мере дюжиной человек, хотя некоторые принадлежали к высшим кастам.

Я наблюдала. Со временем он выдаст себя — если не откроется сам, как обещал в намеках.

А пока он был слишком нужен, чтобы давить на него.

— Они выглядят почти как настоящие воины.— Я одобрительно кивнула.— Следовало бы одеть их в униформу.

Нарайян кивнул. У него был такой самодовольный вид, будто именно его гениальность помогла нам добиться успеха и заронила зерна надежды в людях.

— Как идут занятия по верховой езде? — Это была чисто светская беседа. Я-то знала, что с этим дела обстоят из рук вон плохо. Все эти шуты принадлежали к низшим кастам и с лошадьми были знакомы исключительно сзади. Они их чистили. Но черт возьми. Грех не использовать таких роскошных жеребцов.

— Неважно. Хотя из кого-нибудь и может получиться толк. Только не из меня и Рама. Мы привыкли ходить пешком.

«Может получиться толк» стало его любимым изречением. И когда меня обучал пользоваться тряпкой, которой задушил караульного из «южан», он тоже заметил, что из меня «может получиться толк».

Подозреваю, его удивила скорость, с которой я усвоила этот трюк. Использовать его стало для меня таким же естественным делом, как, скажем, дышать, словно с рождения я только тем и занималась. Объяснялось это давней практикой быстрых, неуловимых движений, необходимых для магии.

— Вы говорили, что намерены тронуться с места? — спросил Нарайян. И позже: — Госпожа.— Почтительность стала запаздывать. Все-таки в глубине души Нарайян оставался таглиосцем, воспринимая меня как данность.

— Нашим фуражирам приходится заходить все дальше и дальше.

Он ничего не сказал, но похоже, уходить ему отсюда не хотелось.

У меня было ощущение, что за мной следят. Вначале я думала — вороны. Они мне действовали на нервы. Теперь я понимала Костоправа. Эти вороны вели себя странно. Однажды я сказала об этом Нарайяну. Но тот, усмехнувшись, заметил, что вороны — хорошее предзнаменование.

То есть плохое, но для кого-то другого.

Я осмотрела местность вокруг. Вороны по-прежнему были поблизости. Их было довольно много, однако...

— Нарайян, соберите дюжину лучших наездников. Я хочу устроить конную разведку.

— Но... Вы думаете?

— Я — не тепличная роза. И намерена устроить конный выезд. А как вообще отправляться?

— Как прикажете, Госпожа, так и будет.

Вот именно, Нарайян, вот именно.

Глава 13

Лебедь взглянул на Ножа. Отношение черного гиганта к Копченому из пренебрежительного упало до откровенно презрительного. Мужества у колдуна было не больше чем у червя. Он дрожал как осиновый лист.

— Это она,— заметил Корди.

Лебедь кивнул. Он усмехнулся, он предпочел промолчать. Она сколачивает войско — и самое организованное из тех, что ему приходилось видеть.

Они сошли с возвышения, откуда обозревали лагерь.

— Мы заглянем туда? — Нож держал колдуна за рукав, словно боялся, что тот даст деру.

— Нет пока. Я хочу сделать круг, провести разведку к югу. Место, где они побили людей Хозяев Теней, должно быть недалеко отсюда. Надо осмотреть, конечно, если мы его найдем.

— Как думаешь, они знают, что мы тут? — спросил Корди.

— Что? — Эта мысль испугала Лебедя.

— Ты же сказал, что у них организовано все на высшем уровне. А Госпожа всегда отличалась предусмотрительностью. Она наверняка выставила пикеты.

Лебедь поразмыслил над замечанием друга. В лагерь никто не входил, никто и не покидал его, но в словах Мотера было рациональное зерно. Если им хотелось остаться и дальше незамеченными, то следовало двигаться.

— Ты прав. Пошли. Нож, ты тут уже бывал? Где лучше всего пересечь ручей, не знаешь?

Нож кивнул. Это он вел партизан по пятам за войском Хозяев Теней в те тяжкие времена, когда Черный Отряд еще не взял дело в свои руки.

— Тогда веди нас. Копченый, приятель, много бы я дал, чтоб узнать, в какую сторону ворочаются шарики в твоей башке. В жизни не видел таких трясогузок, как ты.

Колдун не ответил.

Нож нашел что-то вроде брода в трех милях к востоку от южной дороги, провел их через лес тропой, еще более узкой, чем ожидал Лебедь. Дойдя до южного края леса, Нож заметил:

— Дорога в двух милях отсюда. Так я и думал. Там мы найдем наших мертвецов.— Небо было темным от птиц.

Они нашли это место.

Воздух был неподвижен и пропитан смрадом ядовитых миазмов. Лебедь и Мотер, почувствовав тошноту, так и не смогли подойти поближе. Но Нож, казалось, был совершенно невосприимчив к вони. Через некоторое время он вернулся.

— У тебя больной вид,— произнес Лебедь.

— Там не на что смотреть — одни кости. Прошло много времени. Человек двести или триста. Теперь точно не скажешь. Звери обглодали их. Да, одна маленькая деталь. У них нет голов.

— Что?

— Голов, говорю, нет. Кто-то их отрезал.

Копченый застонал, затем его вырвало. Жеребец под ним испуганно шарахнулся.

— Нет голов? — переспросил Лебедь.— Я что-то не понимаю.

— Я, кажется, понял. Пошли,— сказал Мотер и направил свою лошадь на юг, к тому месту, где кружили, сварливо ругаясь и время от времени падая камнем вниз, вороны.

Они нашли головы.

— Хотите посчитать? — спросил Нож. И хмыкнул.

— Нет. Давайте заглянем к нашим друзьям.

Копченый издал протестующий возглас.

— Тебе все еще хочется прошвырнуться с твоей гордой красоткой?

Лебедь парировал не сразу:

— Я, кажется, начинаю понимать Копченого. Не хочется видеть ее исключительно в черном цвете.

— До их лагеря по дороге всего миля,— сказал Нож.

— Спасибо, мы обойдем кругом,— фыркнул Лебедь.

Когда они пересекли брод, Мотер предложил:

— А что, если мы пройдем туда окольной дорогой и явимся, сделав вид, что знать ничего не знаем и видеть ничего не видели. Посмотрим, как они отреагируют на наше появление, если решат, что мы приехали сразу в лагерь.

— Перестань скулить, Копченый,— сказал Лебедь.— Держи себя в руках. Выбора у тебя все равно нет. Ты прав, Корди. Если она затевает игру, у нас будет лишний козырь.

Они ехали на север до тех пор, пока не миновали подъем, затем повернули на запад от дороги, потом на юг. Они были уже на гребне холма, когда Мотер, который ехал впереди, воскликнул:

— Эй! Смотрите-ка!

Глава 14

Мы пересекли ручей в лесу, лошади брели следом за Зиндху. Тот провел предварительную разведку и знал в этой местности каждые лист и ветку. Он вел нас извилистой тайной тропой вдоль ручья, бегущего на запад. Интересно, думала я, что сталось с дичью. До сих пор нам попадались лишь белки. Несколько оленей вполне могли бы облегчить проблему пропитания, но ни гунниты, ни шадариты мяса не потребляли.

Путь был долгим, и мои товарищи стали ворчать и ссориться.

Наблюдатели, вероятно, расположились в роще, на бугорке, откуда можно было следить за тем, что происходит в лагере. Промашка. Слишком увлеклась стратегией. Не будь я дурой, выставила бы посты. Караулы были слишком разбросаны, чтобы держать в поле зрения всякое движение на местности — даже если бы кто-то не шнырял все время вокруг. То и дело сновали беглецы. Их следы были повсюду.

Я знала почти наверняка, что именно обнаружу на этом возвышении. Кого-то с севера, до кого уже дошли слухи. Тех, кто боялся, как бы я ни причинила им лишнего беспокойства. А я как раз и собиралась побеспокоить. Не только Хозяев Теней, но и всех и всякого, кто встанет на пути.

Мы пересекли ручей несколькими милями ниже, подальше, затем вернулись на восток и тут поняли, что приблизиться к роще незаметно не было никакой возможности. Последние три-четыре мили местность была совершенно открытой.

— У нас нет выбора — придется ехать прямо. Предлагаю делать это без спешки. Может, они не улизнут, пока мы не подберемся к ним настолько близко, что шансов на это у них уже не останется.

Я не знала, в состоянии ли мои люди держать себя в руках. Их опять охватило волнение. Накаленные и напуганные, они были слишком оживлены.

— Поехали.

Когда мы пересекли половину пространства, наблюдатели бросились врассыпную, словно куропатки.

— Шадариты,— заметил кто-то.

Так оно и было. Шадариты на конях, в униформе и при полном снаряжении.

— Это люди Джахамараджа Джаха! — рявкнула я.

Спутники выругались. Даже шадариты.

Джах был их верховным жрецом в Таглиосе. Костоправ верил ему. Но в битве при Деджагоре жрец забыл о своем долге. Он и его конница покинули поле боя тогда, когда решался исход сражения. И многие стали свидетелями его бегства. Лично я считала, что, если бы Джах не покинул своих позиций, мы бы выиграли.

И наверное, так оно и было. В момент, когда малейший перевес решал дело, Джах предпочел не рисковать.

Думаю, он бежал, как только понял, что для этого настал удобный момент. Нутром почуял, что дела наши плохи, и решил обвести всех вокруг пальца — удрать со своей кавалерией. И таким способом завоевать авторитет, ведь теперь у него будет собственное войско. Не очень подготовленное, но войско, а войско — это сила.

И к этому надо относиться серьезно.

Я не успела отдать приказ к погоне, как пятеро шадаритов понеслись так стремительно, что было ясно, насколько они кипят от злобы. Глаза их налились кровью. К несчастью, преследуемые оказались более искусными в верховой езде.

Но мне самой очень хотелось потолковать с теми. И я, пришпорив своего жеребца, стала их быстро нагонять.

Рядовые лошади не могли и тягаться с моим жеребцом.

Шадариты устремились к северной дороге. Я почти нагнала группу погони, когда они на гребне холма столкнулись с теми, кто ехал на юг.

Лошади испуганно встали на дыбы. Раздались крики, всадники полетели на землю.

Я объехала шадарита, пытавшегося бежать едва вскочив на ноги. Но потерял свой шлем. Поймав его за волосы, проволокла ярдов пятьдесят и только тогда обернулась, чтобы посмотреть на жертву этого столкновения.

Так. Лебедь, Мотер и Нож. И этот проныра и болван. Колдун доморощенный. Копченый. И что теперь?

Мотер, Копченый и Нож оставались на лошадях. Стеная и ругаясь, валялся на земле Лебедь. Затем он встал, выругался разок и, толкнув ногой упавшего шадарита, оглянулся в поисках своей лошади.

Копченый был до чертиков перепуган. Он был белым, как полотно, и беспрерывно что-то шептал.

Ни Мотер, ни Нож не обращали внимания на эту пантомиму. И я решила — значит, ничего страшного с Копченым не стряслось.

Мой пленник пытался вырваться. Я отпустила его, протащив еще несколько ярдов, когда лошадь понеслась быстрее, чем он мог бежать. Он пролетел вперед, ободрав лицо о землю, и рухнул у ног Лебедя. Лебедь уселся на него.

— А вы-то тут что делаете? — спросила я Мотера. Он был единственным из них, способным дать вразумительный ответ.

— Нас послала Радиша. Она хочет знать, что тут происходит. Дошли слухи, что вы не то живы, не то умерли.

— Еще не умерла. Не совсем.

Подоспели мои люди.

— Гопал. Хаким. Отведите этих двух куда-нибудь и выпытайте у них, почему они тут шпионят.

Гопал и Хаким были людьми Нарайяна. Единственными, кто умел ездить верхом. Вероятно, он послал их, чтоб потом они доложили ему обстановку. Лебедь, поднявшись, прислонился к ноге Мотера.

— Чтобы узнать это, совсем не обязательно выкручивать руки. Последнее время ходят самые невообразимые слухи. Джах беснуется, как кот в конуре.

— Да?

— Все шло по его плану. Он первым вернулся из Деджагора. Но ему не повезло. В Годже его опередила Радиша. Она перекрыла ему все дороги. И все же он считал, что держит весь мир в своих руках, до тех пор, пока не пронесся слух: кто-то в пух и прах разбил отряд Хозяев Теней. А вслед за тем стало известно, что это ваших рук дело. То, что вы живы, идет вразрез с его планами. Отряд завоевал

славу, собравшись вновь так скоро, отчего все жрецы выглядят хитроумными и эгоистичными подонками.

Нож хмыкнул. А Мотер сказал:

— Слава Отряда по праву принадлежит и вам. То, что Отряд стал таким, каков он есть,— ваша заслуга, вы наглядно это и продемонстрировали, будучи женщиной.— Он пристально посмотрел мне в лицо.— Но теперь то, что вы — женщина, может стать помехой.

— Мне и раньше выпадало действовать в одиночку, Мотер.

Я никогда не бывала абсолютно счастлива. Но счастье — создание капризное. Оно не рождается вместе с человеком. Это — не то, чего ждешь, скорее, что ты принимаешь, когда сталкиваешься с ним лицом к лицу. А пока хватит и могущества.

— За Джахом числится должок. Он уязвим. У меня тут тысяча человек. И любой скажет вам, что Джах предал нас у Деджагора. Если бы не он, мы бы выиграли сражение.

— Мы наблюдали за сражением,— удивил меня Лебедь.— И все видели. И уйма присоединившихся к нам людей тоже видели все это. Даже люди самого Джаха вынуждены это признать.

— Честность по отношению к товарищам,— пробормотал Мотер.— Но его не так просто вышибить из седла.

Гопал напомнил мне, что трое шадаритов улизнули. Да уж. Теперь они помчатся прямиком к своему хозяину, и тот наверняка предпримет ответные шаги. Но я была уверена, что торопиться он не станет. У Джаха всегда была склонность колебаться. И прежде чем на что-то решиться, он все как следует взвесит.

— Назад, в лагерь. Лебедь, идем. Гопал, приведите пленников.— И я галопом понеслась вперед.

— Тревога и сбор! — крикнула я воинам у северных ворот.— Нарайян! Рам!

Те подбежали.

— Что случилось, Госпожа? — выдохнул Нарайян.

— Мы снимаемся с места. Немедленно. Марш-бросок. Пусть люди будут готовы. Навьючить основную поклажу

на лошадей. Проверьте у каждого паек. Привалов не будет. Поторапливайтесь.

Они стремглав помчались выполнять приказания.

День клонился к вечеру. Годжа была в сорока милях — то есть в десяти часах пути, если не будет задержек. И если ночь не окажется слишком темной. Не должна бы. Лишь бы облака не набежали.

Через час после захода солнца выйдет месяц. Света от него будет немного, но и этого может оказаться достаточно.

Рог, который мы в качестве трофея отобрали у конных Хозяев Теней, сзывал сбор. Сбегались караульные. Прибыл Отряд, который я оставила на дороге. И Лебедь, и Мотер прибывали под впечатлением этой суматохи.

— Вы их хорошо поднатаскали,— сказал Мотер.

— Надо полагать.

— А что вы намерены делать? — спросил Лебедь.

— Отправиться в Годжу, до того как отреагирует Джах.

Он застонал.

— У тебя что, проблемы?

— Проблема только в том, что мы только-только приехали. Еще сорок миль — и я сотрусь до позвоночника.

— Так иди пешком. Зиндху! Сюда.— Я отвела гиганта в сторону и дала ему указания. Он ушел, улыбаясь. Затем позвал с две дюжины парней, в основном своих приятелей, с крепкими желудками, и они отправились через ручей. Еще одного я послала собрать колья, которые мы использовали в качестве пик и копий.

— Не возражаете, если мы что-нибудь поедим? — спросил Лебедь.

— Угощайтесь. Потом найдете меня. Хочу с вами поговорить.— Он широко и как-то странно ухмыльнулся. Идиот. Не нужно быть прорицательницей, чтобы понять, что свербит в его мозгах.

Отряд был готов к выходу даже скорее, чем я предполагала. Одно слово «Годжа» подействовало как магическое заклинание.

Я еще не решила серьезную проблему со структурой субординации. Я рассчитывала на взводы по десять человек, с

командирами во главе, которые, в свою очередь, подчинялись командирам роты, но этой системе было лишь несколько дней. В батальонах не было командующих.

— Мотер...

Он отложил трапезу.

— Да, Госпожа?

— Вы кажетесь мне человеком надежным. Кроме того, у вас есть боевой опыт, вы популярны. У меня две роты по четыреста человек, но мне недостает командиров. Нарайян кое-как справится с одной — при условии, что я не буду поручать ему ничего серьезного. Мне нужен командир для второй роты. Герой, личность известная, был бы идеальным командиром, если, конечно, не станет действовать поперек.

В течение нескольких минут Мотер смотрел мне в глаза:

— Я — слуга Радиши. А для этого не гожусь.

— А я — да.

Я обернулась. Это был Нож.

Копченый заскулил, как припадочный.

Нож усмехнулся — впервые увидела его улыбку.

— Я не обязан перед тобой отчитываться, коротышка.— Он повернулся к Лебедю: — Что я говорил? Борьба еще не закончена.

На лицо Лебедя набежала тень. Не очень-то он обрадовался.

— Ты ставишь нас в трудное положение, Нож.

— Да ты сам себя в него поставил, Лебедь. Ты ведь знаешь, что это за люди. Как только они получат от тебя то, что хотят, они навешают на тебя всех собак. Ведь правда, колдун? Ведь именно так вы поступили с Черным Отрядом?

Копченый затрясся. Если бы у него было больное сердце, он наверняка дал бы сейчас дуба. Вид у него был такой, словно он боялся, что я его зажарю живьем. Я одарила его улыбкой. Пусть вначале немножко потушится.

— Принимаю ваше предложение, Нож. Идемте, я познакомлю вас.— Когда мы отошли достаточно далеко, я спросила его: — Что стоит за вашими словами?

— Меньше, чем кажется. Колдун, Радиша, Прабриндрах — все они своими обманами вредят больше, чем любой предатель. Всегда что-то недоговаривают. Что именно — сказать не могу. Потому что сам не знаю. Они принимали нас за ваших шпионов. Знаю и то, что они и не собирались выполнять своих обещаний. По какой-то причине они не хотят, чтобы вы попали в Хатовар.

Хатовар. То самое место, куда Костоправ втайне так стремился — там были истоки Черного Отряда. В течение четырех веков Отряд медленно продвигался на север, служа разным правителям, потом он оказался у меня, потом у моих врагов, пока в конечном счете от него осталась лишь горстка людей.

После битвы при Курганье Костоправ повернул назад, к югу, тогда у него в Отряде людей было меньше чем теперь, по моим расчетам.

Тут человек нанят, там — примкнет. Отряд вырос, но когда мы достигли Таглиоса, выяснилось, что последние четыреста миль не можем пройти. Потому что между нами и Хатоваром лежит империя Хозяев Теней. В нашем распоряжении был один-единственный способ добраться до Хатовара — отбить Таглиос, захваченный Хозяевами Теней, где превалируют пацифистские настроения. Надо было одержать победу в схватке, сила в которой была не на нашей стороне.

Мы обещали Прабриндраху, что Отряд обучит и поведет за собой войско Таглиоса. А когда победа будет одержана, его армия, в свою очередь, должна помочь Отряду пробиться к Хатовару.

— Интересно,— сказала я Ножу.— Но не ново. Зинду! — Тот был тут как тут. Быстро вернулся. Как бы то ни было, он очень расторопен.— Хочу, чтобы ты сопровождал наших гостей,— сказала ему я и указала на Лебедя, Мотера и Копченого.— Покажи один из своих закидонов, если они станут злоупотреблять нашим гостеприимством.

Тот кивнул.

— Они будут идти пешком, как и все.

Он снова кивнул и занялся водружением черепов на колья.

Нож с секунду наблюдал за ним молча, хотя уверена, ему было что сказать.

Мы вышли через час после того, как я отдала приказ. Меня это порадовало.

Глава 15

Мы не добрались до Годжи за десять часов, но я и не рассчитывала на четыре мили в час в темноте. К Годже мы подошли перед рассветом и при молчаливом согласии Ножа выбрали место для лагеря так, чтобы он был рядом с дорогой, а также недалеко от Джахамараджа Джаха. Целый час нас никто не замечал. Небрежность. Преступная небрежность. Если бы мы были кавалерией Хозяев Теней, то давно бы уже очистили всю территорию.

Черепа и колья помогли нам отметить границы лагеря. Внутреннее расположение его было следующим: в центре был штаб, а по четырем сторонам, крестом, расположились все четыре роты, а между ними в шахматном порядке — квадраты для боевой тренировки. Большинство ворчало, что им приходится обустраивать не только себя, но и товарищей, особенно если учесть, что некоторым любимчикам — тем, кто уже отличился, всего-то и работы было вбивать колья с черепами.

Костоправ любил игру на публику. По его мнению, она помогает направить мысли окружающих в удобное для тебя русло. Мне это было чуждо, но в прошлом случалось демонстрировать грубую силу. Так вот, сейчас я хотела, чтобы все думали, что войско мое настолько многочисленно, что в нем имеются по крайней мере четыре дивизиона и число их неуклонно растет.

Несмотря на усталость, люди спокойно занимались работой, у них даже хватало сил, чтобы ворчать. Никто не пытался отлынивать. Дезертиров тоже не было.

Из крепости и других лагерей приходили любопытствующие, наблюдали за тем, как мы обустраиваемся. Люди, посланные Нарайяном собирать хворост, ветки на подпоры и камни, демонстративно не замечали своих малодисциплинированных собратьев. Черепа, торчащие на кольях,

заставляли любопытных держаться на некотором расстоянии. Зиндху, как нянька, неотступно следил за Лебедем, Мотером и Копченым. Нож отнесся к своему назначению со всей ответственностью. Люди приняли его. Ведь он был одним из героев того тяжелого времени, когда Черного Отряда еще не было.

Все было слишком хорошо.

И ничто не нарушало этого благоденствия. Я следила за «наблюдателями». Строительство лагеря было завершено на три четверти, что включало траншею, насыпь и остатки частокола, обвитого стеблями роз и колючками рожкового дерева. Джахамарадж Джах выехал из своего лагеря и смотрел на нашу работу минут пятнадцать. Судя по его виду, наши хлопоты радости не внушали...

Я позвала Нарайяна.

— Ты видишь Джаха? — Не увидеть его было трудно. Тот был расфранчен, как принц крови. Неужели он всю кампанию щеголяет в таком наряде?

— Да, Госпожа.

— Я буду какое-то время в другом конце лагеря. Предположим, кто-нибудь из ваших людей — особенно шадариты — проявит недисциплинированность и в сердцах назовет Джаха трусом и дезертиром. Он, без сомнения, будет наказан, однако вряд ли сурово.

Нарайян усмехнулся и повернулся, собираясь идти.

— Постойте!

— Да, Госпожа?

— У меня сложилось впечатление, что у вас повсюду друзья. Если вы имеете контакты со здешними людьми, я бы не прочь узнать, что происходит в округе. Может, Гопал или Хаким предпримет самовольную вылазку, воспользовавшись тем, что вы не видите их. Либо сами отлучитесь и прозондируйте почву.

— Считайте, дело сделано.

— Отлично. Я вам совершенно доверяю. Знаю, вы сделаете все, что нужно.

Его усмешка погасла. Он уловил в моем голосе оттенок угрозы. После разговора с Нарайяном я подошла к Лебедю.

— Как поживаете?

— Подыхаю от скуки. Мы — пленники?

— Вы — гости с ограниченной свободой передвижения. Теперь можете и уйти. Или остаться. Я могла бы пользоваться вашими услугами.

Копченый яростно затряс головой, будто боялся, что Лебедь сбежит от Радиши.

— Вижу, вам очень хочется стать шпионом Черного Отряда,— сказала я ему.

Он посмотрел на меня, на сей раз как-то по-новому, словно решил прибегнуть к другой, более эффективной тактике. Драматических перемен, однако, в его облике это не произведет. Роль, которую он играл, была частью его натуры.

Но вслух он ничего не сказал.

Лебедь усмехнулся и подмигнул мне:

— Я исчезаю. Но предчувствую, что скоро вернусь.

Глядя вслед Лебедю, я услышала шум в том конце лагеря, где был Нарайян.

Интересно, как на все это реагирует Джах?

Лебедь вернулся через час.

— Она хочет видеть вас.

— Ну надо же такому случиться! Рам, позовите Нарайяна и Ножа. И Зиндху тоже.

Я взяла с собой Нарайяна и Ножа, а Зиндху оставила главным, дав ему понять, что, если работы по устройству лагеря будут закончены к моему возвращению, я буду довольна.

Остановившись у ворот крепости Годжа, я оглянулась назад. Было одиннадцать утра. Мы здесь уже шесть часов. И мой лагерь был самым совершенным, самым организованным и самым защищенным.

Полагаю, для демонстрации профессионализма и подготовленности необходима конкуренция.

Глава 16

Костоправ проковылял к двери башни и выглянул наружу. Нигде поблизости этой чертовой бабы не было. Он не видел ее уже несколько дней. Может, она оставила его в покое? Сомнительно. Просто дождалась, когда он будет в состоянии позаботиться о себе сам, и отлучилась по каким-то своим, ей одной известным делам.

Ему пришла в голову мысль о побеге. Местность была знакомой. Рядом лежала деревня, до которой он мог бы добежать всего за несколько часов, даже если учесть, что быстро бежать он сейчас не мог. Однако что толку от такого побега.

Душелова не было, зато вороны по-прежнему не спускали с него глаз. Они его так просто не отпустят, приведут ее к нему. А у нее лошади. Эти лошади не знают усталости. Через неделю она его найдет, и опять он станет ее пленником.

И все же...

Это место напоминало остров, лежащий за пределами мира. Темное, гнетущее место.

Он пошел прогуляться, просто чтобы размяться. Вороны выводили его из себя. Он старался не обращать на них внимания, как и на ноющую боль в груди. Он шел через лес, на его дальнюю окраину, и очутился у почти засохшего дерева.

Теперь он вспомнил его. Еще до Деджагора и Годжи он пришел на юг, чтобы изучить эти земли, и, заметив Душелова, которая наблюдала за ним, пустился за ней в погоню. Тогда он стоял у этого дерева, обдумывая, как ему поступить дальше. Вдруг мимо просвистела стрела, чуть не оторвав ему нос. Стрела была знаком, что время еще не настало поймать ту, что он преследовал.

А потом за ним погнались люди Хозяев Теней, и осталась единственная мысль — не угодить в их лапы. Вот эпизод и вылетел у него из головы. Он подошел к дереву. Вороны просто усыпали его ветви. Он провел пальцем по месту, где тогда вонзилась стрела. Тогда она определенно

наблюдала за ним. Душелов только наблюдала за ним, всегда присутствуя где-то рядом, ни во что не вмешиваясь. Может, только подтолкнула его разок-другой, для вящей уверенности в орудии ее будущей мести.

Впереди лежал вытянутый, покатый холм.

Он решил ворон не брать во внимание. И продолжил путь.

Боль в груди не отпускала. Еще не совсем в форме, он не мог уйти далеко, даже если бы и не было ворон.

Остановившись передохнуть, он задумался о том, насколько Душелов повлияла на его жизнь. И не ее ли вина, что битва при Деджагоре закончилась поражением?

Уничтожить Грозотень оказалось легче, чем он предполагал. А уж Меняющего Форму — и того проще. Хотя получилось не очень красиво, тот ведь помогал Госпоже. Мысль о нем заставила Костоправа вспомнить девушку, ученицу Меняющего форму. Ей ведь удалось бежать. И теперь она, может статься, думает о том, как бы свести с ним старые счеты. Знала ли о ней Душелов? Надо бы при случае расспросить ее.

Пульс у него стал почти нормальным. Боль поутихла. Он снова побрел. Добравшись до края хребта, он постоял, прислонившись к кривому обломку породы и тяжело дыша. Вороны тем временем безостановочно кружили над ним и орали.

— Да заткнитесь вы! Никуда я не денусь.

Булыжник рядом с ним смутными очертаниями напоминал стул. Он пристроился на него и какое-то время сидел, обозревая свое «королевство».

Мечтай он об этом, весь Таглиос был бы у его ног, если бы они победили при Деджагоре, конечно.

С севера стрелой, словно почтовые голуби, примчались три вороны и ворвались в стаю, тревожно каркая. Стая разлетелась в разные стороны. Странно.

Он откинулся назад. Мысли его перенеслись к битве при Деджагоре, вернее к тому, что произошло после нее. Если верить Душелову, Могаба был жив и удерживал город от осады Хозяев Теней. Примерно трети войска удалось проникнуть за крепостную стену. Отлично. Упорная обо-

рона будет держать их на некотором расстоянии от Таглиоса. Город его не слишком волновал. Таглиосцы — славные ребята, но им все равно, кто они есть, а если человеку безразлично, кем он является на самом деле, он способен на любое предательство.

Его беспокоили друзья, оставшиеся на юге. Выжил ли хоть кто-нибудь из них? Удалось ли им спасти Анналы, эти замечательные исторические хроники, служившие тем звеном во времени, что цементировал Отряд? Что стало с Мургеном, знаменем и его доспехами Вдоводела? По легенде, знамя не покидало Отряд с того самого дня, как он вышел из Хатовара.

Интересно, что затеяли эти чертовы вороны? Минуту назад их были тысячи. Теперь он едва мог сосчитать и дюжину. Они летали на большой высоте, взад-вперед, кружа над чем-то в долине.

Неужели Хатовар стал несбывшейся мечтой? И последняя страница Анналов была дописана, когда до дома оставалось всего четыреста миль?

Вспомнилось вдруг начало их похода на Деджагор. Человек, парящий в воздухе и корчащийся на острие копья. Луннотень? Да. Во время сражения он был пронзен пикой, той самой, на которой было знамя Отряда. Нет, знамя цело. Их реликвия, гораздо более ценная, чем Анналы, хранилась где-то в башне. Правда, он его не видел. Должно быть, Душелов спрятала его.

Он посмотрел на небо, которое стало черепахового цвета, на кучевые облака, быстро двигающиеся по нему. Вороны приблизились под давлением сгущающихся туч. Он испуганно вздрогнул. Одна из птиц неслась прямо к нему, падая, как снаряд.

Она била крыльями и, чуть не рухнув, приземлилась на остроконечной вершине скалы всего в нескольких дюймах от его левой руки.

— Не двигайтесь! — произнесла птица совершенно четко и ясно.

Он повиновался, хотя на языке вертелась куча вопросов. Не нужно быть гением, чтобы понять, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Иначе птицы не заговорили

бы с ним. В сущности, до сих пор такое случилось с ним всего раз — тогда они принесли известие, которое позволило ему вовремя сняться с места, сразиться с Хозяевами Теней при Годже и победить их.

Ворона отвалилась от скалы, став ее частью. Костоправ почувствовал некоторое облегчение и уселся так, что на расстоянии взгляда контуры его тела не столь явно напоминали человеческий облик, и застыл в этом положении. Мгновением позже он заметил некоторое движение в лежащей перед ним неглубокой долине.

Что-то металось от укрытия к укрытию. Затем движений стало больше. Он вспомнил тени, которые прислужники Хозяев Теней привели на север, и его сердце учащенно забилось. Сейчас это были не Тени, а маленькие смуглые человечки. Но не те смуглые карлики, которые управляли Тенями. Те были родственным таглиосцам племенем. В этих же чудилось что-то знакомое. Однако находились слишком далеко, чтобы что-то определить. Вероятно, они его не видели. Может, он их и не волновал. Да и вряд ли с такого расстояния его можно заметить. Их движение по долине не связано с ним.

Скоро их стало больше, около двадцати пяти, и новые уже не двигались украдкой, как первая группа,— те, должно быть, были разведчиками. Теперь он видел их достаточно ясно, чтобы определить, где их раньше встречал. На той огромной реке, что текла из глуби континента к морю, мимо Таглиоса. Он дрался с ними год назад, в двух тысячах миль к северу от этого места. Они мешали торговле на реке. Отряд сломил блокаду, разбив армию этих лилипутов в одну ночь, в сражении, в котором не последнюю роль сыграли магические вспышки и рев.

Ревун!

Теперь стала видна основная часть группы. Восемь человек несли на каком-то подобии носилок девятого. Он был так закутан, что напоминал кучу тряпья. Поравнявшись с Костоправом, он протяжно застонал.

Ревун, один из десяти Взятых, бывший раб Госпожи в ее северной империи, страшный колдун, считался убитым в битве на реке. Тогда он пытался свести старые счеты со

своей госпожой. И лишь вмешательство Меняющего Форму заставило его отступить.

Маг опять издал стон, жалкое подобие обычных завываний Ревуна. Может, он не очень старается, чтобы не привлекать к себе внимания?

Костоправ сидел замерев, казалось, даже сердце его перестало биться. Сейчас ему меньше всего на свете хотелось быть замеченным. Он был настолько поглощен этим, что не чувствовал ни неудобства, ни холодного ветра.

Смуглые карлики прошли мимо, в арьергарде оказалась еще группа. Прошел час, прежде чем Костоправ убедился в том, что больше никого не будет.

Он насчитал сто двадцать болотных солдат плюс сам маг. На чужой территории от этих воинов большого толка не будет. Эти места им непривычны. Но Ревун... Ни местность, ни климат, ничто другое для него роли не играют. Куда он направлялся? Догадаться было нетрудно. В Страну Теней. Зачем — вот это загадка, хотя и она со временем раскроется.

Ревун был одним из Взятых. Кое-кто из Хозяев Теней тоже когда-то принадлежал к ним. Похоже, что те, кто выжил, связались со своим бывшим сотоварищем и заключили договор, по которому погибшим Хозяевам Теней находилась замена.

Если Душелов не солгала, Госпожа была жива и находилась в Годже. Меньше чем в сорока милях отсюда. Если бы он мог пройти это расстояние! Если бы нашелся какой-нибудь способ отправить ей послание! Она должна знать о происходящем.

— Ворона, я не знаю, что вы думаете об увиденном, но лучше бы вам известить об этом вашего босса. Мы в беде. — Он встал и отправился назад, в башню, где стал развлекаться тем, что занялся поисками знамени.

Глава 17

Каждодневные занятия магией содержат в себе столько же фокусов, как и обряды ведьм. Ее здание строится на том, чтобы ввести зрителя в заблуждение, на обмане и любопытстве. Я не спускала глаз с Копченого, предполагая,

что он попытается каким-нибудь образом сообщить Радише то, что ему стало известно. Но он то ли вообще этого не сделал, то ли оказался слишком искусным фокусником для моих глаз. Последнее сомнительно.

Встречаясь с Радишей, чувствуешь, какой колоссальной волей она обладает. Жаль, что такая женщина оказалась закованной в рамки своей среды и была вынуждена ограничиться ролью советницы брата. Она могла бы совершить много интересного.

— Здравствуйте,— сказала она.— Мы рады, что вы живы.

Ой ли? Хотя, может, и так. Ведь Хозяева Теней еще не побеждены.

— Я тоже.

Она заметила, что Нож стоял не рядом с друзьями, а со мной. Заметила она и то, что Нарайян всем своим видом выдавал человека, принадлежащего к низшим слоям общества, выглядел неряшливо, как и в тот день, когда я познакомилась с ним. А вот мне до сих пор было не до его экстерьера. Она слегка нахмурила брови.

— Это командиры моих рот,— сказала я.— Ножа вы знаете. А Нарайян помог мне собрать и реорганизовать отряд.

Она внимательно посмотрела на Нарайяна, может, из-за его имени? Я же не прибавила к нему другого, второго, потому что у меня этого другого имени для него не было. Нарайян — на самом деле фамилия. Еще шестеро воинов-шадаритов носили такую же. И все носили одинаковое имя — Сингх, что значит — лев.

Видимо, она что-то поняла, взглянув на него, потому что сделала еле заметное движение и перевела взор на Копченого. Тот ответил ей легким кивком. Потом обратилась к Ножу:

— Ты решил покинуть меня?

— Я предпочитаю иметь дело с теми, кто занимается не только разговорами, но и делом.

Этот длинный монолог Ножа симпатий Радиши не завоевал. Та явно обозлилась.

— Он по-своему прав,— заметил Лебедь.— Вы и ваш брат играете нами.

— Себя мы подвергаем большему риску.— Люди, которые оказываются в положении подчиненного, вынуждены действовать осмотрительно, иначе их понижают в чине. Но попробуй объяснить это таким, как эти парни, которые были лишь временно исполняющими роль командиров и нисколько не дорожили той властью, которой обладали в тот момент.

Радиша поднялась.

— Идемте,— сказала она нам.

По пути она мне сказала:

— Я действительно рада, что вы остались живы. Хотя, может статься, в будущем это обернется другой стороной.

И все же угрозы в ее словах я не почувствовала.

— Почему?

— Ваше положение затрудняется тем, что Капитан ваш умер.— Она вела нас по винтовой лестнице наверх, к парапету самой высокой башни крепости. Мои спутники недоумевали по этому поводу, так же как и я. Радиша указала рукой вдаль.

За деревьями и постройками на другом берегу лежало огромное пестрое поселение. Радиша заметила:

— Некоторым беженцам каким-то чудом удалось перебраться сюда, и они разнесли об этом весть, дошедшую до северных провинций. Через день после того, как Лебедь отправился на юг, сюда стали прибывать люди. Их уже около двух тысяч человек. И ожидаются еще.

— Кто они? — спросил Лебедь.

— Семьи легионеров, тех, кто попал в рабство в Хозяевам Теней. Они явились сюда, чтобы узнать, что стало с их мужьями.

Она указала куда-то выше по течению. Там множество женщин укладывало в кучи хворост.

— Чем они заняты? — спросила я.

— Они строят готы.— В голосе Нарайяна прозвучало некоторое замешательство.— Я должен был это предусмотреть.

— А что такое готы?

— Погребальные костры,— сказал Мотер.— Гунниты не хоронят своих покойников, а сжигают их.— Похоже, ему было не по себе.

Я никак не могла понять, о чем идет речь.

— Но здесь нет мертвых. Разве что кто-нибудь устроит своего рода бойню.— Может, ритуал носит символический характер? Так сказать, сожжение заочно?

— Этот обычай называется сати,— сказал Копченый. Я посмотрела на него. Он выпрямился, на лице его играла отвратительная ухмылка.— Когда муж умирает, его жена совершает самосожжение в том же костре, в котором сжигают мужа. Если же ему выпадает умереть вдали от дома, она, получив весть о его смерти, воссоединяется с ним в другом мире.

— Выходит, эти женщины сооружают погребальные костры, чтобы сжечь себя в случае вести о гибели мужа?

— Да.

— Какие-то дьявольские штучки!

Копченый расплылся в улыбке:

— Это древний обычай, испокон веков существующий в Таглиосе, к тому же он зафиксирован в законе.

Мне эта его улыбочка совсем не нравилась. Сдавалось, он держал за пазухой изрядный булыжник.

— Чушь. А кто будет заботиться о детях? Впрочем, ладно. Какое мне до этого дело? — Такие радости жизни были настолько не в моем вкусе, что я сразу попыталась их забыть. Не уверена, что я вообще поверила Копченому.

— Этот обычай почитаем всеми,— заметила Радиша,— не только гуннитами.

— Дураков везде хватает. Кошмарный обычай. Его следовало бы запретить. Но я здесь не для того, чтобы тратить время на обсуждение общественных предрассудков. Мы в состоянии войны и пока потерпели поражение. Множество наших людей оказалось в ловушке в Деджагоре. Маловероятно, что спасти их возможно. Еще больше людей — в бегах. И этих-то мы можем спасти. А заодно мобилизовать новобранцев, чтобы удержать завоеванные позиции.

— Душенька,— произнес Лебедь.— Вы не понимаете, о чем идет речь.

— Понимаю, Лебедь. Но к делу это отношения не имеет.

— Вы — женщина,— вмешалась Радиша.— Друзей у вас нет. И всякий по поводу и без него, в каком угодно кругу, может поднять тему ваших отношений с Капитаном. И немаловажную роль в этих сплетнях будет играть то, что вы не совершили самосожжения. Симпатии большей части населения будут не на вашей стороне.

— Может, такой обычай и существует. Но он идиотский и, клянусь, отнюдь не всеобщий. Я и толики внимания не уделю подобным разговорам — а коль скоро поднимется об этом треп, пусть тот, кто его поднял, применит закон к себе.

Ухмылка исчезла с физиономии Копченого. Глаза его сузились и затуманились. Секунду он стоял открыв рот, не сводя глаз с моей руки. Я сообразила, что подхватила от Нарайяна его тик — теребила конец желтой материи, обвитой вокруг талии.

Цвет лица у Копченого как-то отвратительно изменился.

— Радиша,— попросила я,— расспросите эту парочку о моем прошлом.— Я указала на Лебедя и Мотера.— Они эмигрировали из моей империи, когда я была на вершине власти. Кое-кто из Отряда погиб, но наш договор остается в силе. И я намерена довести задуманное до конца.

— Восхитительно. Но очень скоро вы поймете, что многие из людей не захотят, чтобы вы в этом преуспели.

Я пожала плечами:

— Завтра я представлю список того, что нам необходимо. Людские ресурсы, подводы, животные, оружие и прочее оснащение.— Чем увереннее ты держишься с другими, тем увереннее сам себя ощущаешь.

С лестницы кто-то прокричал. Радиша сделала знак Мотеру, чтоб узнал, в чем дело. Вернувшись, тот сообщил:

— Джах устроил суматоху. Требует вас. Я так полагаю, это означает, что ему известно, где вы находитесь.

— Мне тоже бы не мешало с ним встретиться,— заметила я.

— Скажи, чтоб привели его сюда, Мотер.

Мотер передал приказ Радиши. Мы ждали. Радиша и я, словно две пантеры, не сводили друг с друга глаз.

— Почему вы боитесь Отряда? — спросила ее я.

Она и глазом не моргнула:

— Вы сами прекрасно знаете.

— Я? Я досконально изучила историю Отряда и не припоминаю ничего, что могло бы объяснить ваше отношение к нему.

Копченый прошептал что-то. По-моему, он обвинял меня во лжи. Он мне все больше действовал на нервы.

Словно король, принес себя Джахамарадж Джах.

Только что я задавалась вопросом: как Радише удавалось преодолеть проблемы, связанные с ее полом?

Теперь же мне стало любопытно: как со своими справляется Джах? Его появление было преисполнено театральности. Он оглядел нас всех. Но мы никак не прореагировали ни на его помпезную фигуру, ни на роскошный наряд, ни на власть, которую он изображал всем своим видом. Это его привело в растерянность.

Для таглиосца его внешность была нетипичной: ростом футов в шесть, примерно двести фунтов веса, что необычайно массивно. Кожа его была светлее, чем у большинства таглиосцев. По таглианским меркам,— это достоинство. Богатые таглиоски всю жизнь старались прятаться от солнца. Красивым его можно было счесть и с точки зрения северян. Но хотя рот его был дерзко-насмешливым, выражение глаз создавало впечатление, что он вот-вот расплачется. Наверное, из-за того, что дела его шли не так, как ему хотелось.

Радиша выждала секунд десять, затем как рявкнет:

— Так что у вас за дело?

Секунда замешательства. Он был окружен людьми, от которых не ждал ничего хорошего. Кое-кто из них с радостью перерезал бы ему горло. Даже Копченый смел смотреть на него словно на отвратительное насекомое.

— Итак, вы в ловушке, вас будут судить ваши враги. А я думала, вы окажетесь ловчее. Уж раз затеяли свою игру.

— Какую игру? — Он не очень умел скрывать свои чувства. Его неприязнь ко мне была очевидна.

— Ваши интриги. Сбежав из Деджагора, вы совершили неверный шаг. Теперь всякий может обвинить вас в трусости.

— Вряд ли. Битва была проиграна. Я хотел сохранить ядро армии.

— Вы сбежали еще до того, как был решен исход сражения. Ваши собственные воины подтверждают это,— выпалила Радиша.— И если вы причините нам неприятности, мы напомним об этом семьям тех, кто не вернулся домой.

Ох, сколько ненависти. Но Джаха так просто на пушку не возьмешь.

— Я не привык к тому, чтобы мне угрожали. И не потерплю угроз ни от кого.

— А вы помните, как пришли к власти? — спросила я.— Многие хотели бы узнать об этом поподробнее.

Среди них были и те, кто присутствовал при этом разговоре. Другие уставились на Джаха с любопытством.

— Было бы очень мудро с вашей стороны вести себя поскромнее, перестать гнаться за военной силой и властью и довольствоваться тем, что у вас есть.

Взгляд Джаха метал молнии.

— Ведь вы уязвимы. И с этим ничего не поделаешь. Слишком много оплошностей допустили. И если будете продолжать в том же духе, накличете на свою голову беду.

Он посмотрел на нас, но сочувствия не увидел. Единственное, что оставалось — это его задиристый тон. А уж этим оружием он владел в совершенстве.

— Ну что ж, этот раунд вы выиграли.— И он устремился вниз.

Нож расхохотался.

Он смеялся потому, что знал, Джах не терпит насмешек. Нож хотел войны.

Я бросила в его сторону предупреждающий взгляд. Он встретил его спокойно. Ему никто не указ.

На лестнице стихли шаги Джаха.

— У меня дела,— сказала я.— Мы ничего не успеваем. Хотя знаем, чего ждать. Я намерена закончить дело Отряда. А вы, я знаю, намерены помогать нам до тех пор, пока это вас устраивает, а потом воткнете мне в спину тесак. Так вот, не выйдет. Нож! Ты идешь со мной или остаешься?

— Иду. Здешняя обстановка не для меня.— Лебедь и Мотер выглядели смущенно, а Радиша разозлилась.

Как только мы покинули крепость, Нож заявил:

— От отчаяния Джах может натворить дел.

— С ним я справлюсь. Он будет колебаться до последнего. Проверьте, как дела в вашей роте.— Когда Нож отошел достаточно далеко, я сказала Нарайяну: — Он прав. Будем ждать действий Джаха? Или сами сделаем первый шаг?

Он не ответил мне. Ждал моего решения.

— Мы предпримем шаги, когда поймем, что он что-то затевает.

Я оглядела лагерь. Так, линия заграждения была уже возведена. Пока что этого достаточно... Я буду вносить поправки, но только для того, чтобы чем-то занять людей. Насыпи повыше, а рвы — глубже. Можно до бесконечности.

— Передайте шадаритам, что Госпоже нужна конная гвардия. Заодно и выясним, какой реальной силой располагает Джах. Распространите среди беженцев слух, что предпочтение будет оказано тем, кто присоединится к нам добровольно. Нам также нужны добровольцы из провинций. Необходимо рассказывать историю Отряда всем и всякому, до того как эти идиоты посеют зерна сомнения среди населения.

— Есть много способов распространить тот или иной слух,— признался Нарайян.— Но нам придется переправить кое-кого из наших друзей через реку.

— Делайте что хотите. И начинайте немедленно. Без отлагательства. Нельзя позволить нашим врагам прийти в себя. Отправляйтесь.

Взобравшись на возвышение, которое было сооружено у места, где должны быть устроены северные ворота, я осмотрела местность. Мои воины трудились, как муравьи.

Похоже, их трудолюбие передалось не многим. Только строители на другом берегу реки, да женщины-гуннитки работали с таким же усердием.

Повалил дым. Один из костров был зажжен. Когда пламя разгорелось, какая-то женщина бросилась в него.

Теперь я вынуждена была поверить.

Я вернулась в укрытие, которое построил Рам, и занялась тренировкой в магии. Скоро мне она понадобится.

Глава 18

Сны стали более мрачными. О смерти.

Кошмары снятся всем, но никогда в жизни, проснувшись, я не припоминала их с такой ясностью и в таком количестве. Некая сила, могущественная сила, зазывала меня, пытаясь то ли завербовать, то ли подчинить своей воле.

Эти сны были плодом больного сознания. И если расчет был на то, что они заинтригуют меня, то сила, внушающая их мне, не знала меня.

Пейзаж безысходности и смерти под свинцовым небом, где поля, перестав плодоносить, тихо разлагаются, словно тающая свеча.

Все покрыла слизь, повисшая на тонких нитях, как причудливая архитектура пьяного паука.

Безумие. Безумие, безумие. И нигде толики цвета.

Безумие. И все же — это клеймо извращенного вызова. Среди всего этого тления я видела лица, которые хотела лицезреть мертвыми. Я мерила шагами нетронутую землю, ее властелин, полная жизненной энергии. Упыри, бегущие со мной, были моей проявленной волей.

Ну просто фантазии моего покойного мужа. Мир, который он мог бы сделать своей обителью.

В последние часы сна, когда светает в этой стране кошмаров, всплески цвета едва окрашивают горизонт. И всегда впереди меня, как символ проблеска надежды.

Вот упрощенная фабула моих снов.

И это только один сон. Один из немногих, где нет самой смерти и разрушений. Хотя от этого он теплее не стал. Такой же, как и все, черно-белый, он переносил меня в долину камней, где за бесчисленными надгробными обелисками прячутся смертоносные Тени. Я ничего не понимала, но все это пугало меня.

Можно не контролировать свои сны, но дать им зацепить часы бодрствования, подчинить себя, я категорически отказывалась.

— Я передал ваши слова, Госпожа,— сказал Нарайян, отвечая на мой вопрос о новобранцах. Как только заходила речь о его братьях-товарищах, мы с ним пикировались. Он еще не был готов к разговору.

— Кому-то нужно следить за обстановкой в Деджагоре,— предложил Нож. Я поняла, что он имел в виду, хотя порой его лаконизм создавал проблемы.

— Гопал и Хаким могут отправиться туда с группой,— заметил Нарайян.— Если их будет человек двадцать, они легко справятся. Сейчас там тихо.

— Вы же послали их следить за нашими соседями,— сказала я.

— С этим поручением они уже справились. Завязали контакты. Теперь их может сменить Зиндху. К тому же у него высокая репутация.

Выявилась еще одна странность Нарайяна и его сотоварищей. У них существовала собственная скрытая кастовая система. На чем она основывалась, я не знала. Нарайян здесь пользовался наибольшим авторитетом. А Зиндху, крупный и флегматичный, был вторым человеком после Нарайяна.

— Пошлите тогда их. Если у нас повсюду шпионы, почему до сих пор я не получила от них никакой информации?

— Пока нет ничего такого, чего не знали бы все. За исключением того, что среди людей Джаха много колеблющихся. Примерно треть их может переметнуться к нам, если они получат от вас предложение. Джах повсюду трезвонит, что вы не выполнили свой женский долг, не совершили самосожжения и не предали себя самозаточению, как подобает шадаритке. Он плетет интриги, но у нас нет друзей среди его поверенных.

— Убить его — и дело с концом,— сказал Нож. А Зиндху кивнул одобрительно.

— Зачем? — Политическая победа была бы лучшим вариантом, если мыслить перспективно.

— Не стоит ждать, когда змея укусит тебя, если не знаешь, где она притаилась. Лучше ее уничтожить сразу.

Каким бы упрощенным ни казалось такое решение, в нем было нечто заманчивое. Если бы нам удалось нанести ему удар там, где он считал себя наиболее защищенным, это имело бы большой резонанс. К тому же сейчас я не была расположена затевать долгую игру.

— Решено. Но сделать это надо аккуратно. Есть ли у нас в его лагере надежные друзья, которые помогли бы проникнуть туда незаметно?

— Есть,— заверил меня Нарайян.— Нужно только выбрать подходящий момент. Нужно, чтоб они дежурили.

— Уладьте это. А как насчет врагов? Джах — явный, потому что он — рядом. На севере наверняка есть и другие.

— Это будет выяснено,— пообещал Нарайян.— Когда у нас будут люди и время на это. Пока слишком много работы, а рук не хватает.

Это правда. Но я с надеждой смотрела в будущее. Никто вокруг не прилагал столько усердия, никто не стремился к цели так, как мы. Я спросила:

— Нельзя ли подобраться к Радише и ее шуту поближе? К колдуну Копченому? Лебедь и Мотер в самом деле так преданы Радише?

— Преданы? — удивился Нож.— Нет. Просто они дали слово. И не предадут ее, если только эта Дама не предаст их первая.

Об этом стоило подумать.

— Может, ввести их в заблуждение? Хотя, если обман раскроется, это может обернуться против меня.

Двести воинов Джахамараджа Джаха перешли на нашу сторону, когда им предложили надежное укрытие в моем лагере. Еще пятьдесят человек просто сбежали и скрылись. В тот же день, когда шадариты перешли к нам, несколько сотен беженцев из других мест добровольно вступили в отряд. У меня сложилось впечатление, что Радишу это не порадовало.

В тот же день около ста женщин-гунниток совершили самосожжение. Я слышала, как на том берегу реки меня осыпали проклятиями.

Я пошла и поговорила с некоторыми, но разговаривать было не о чем.

Когда я вернулась, Копченый стоял у ворот крепости. Он ухмыльнулся, когда я прошла мимо. Интересно, Радише его будет сильно не хватать?

Бывают минуты, когда человек задумывается о тех свойствах своей натуры, о которых он до сих пор и не подозревал. Точно так же задумалась и я, когда мы с Нарайяном и Зиндху крались к месту расположения шадаритской конной гвардии.

Я волновалась. Стремилась вперед, как мотылек на пламя. Пыталась себя убедить, что делаю это потому, что вынуждена пойти на этот шаг, а не потому, что хотела этого. Радости я не испытывала. Джах сам был виноват. Его злоба привлекла нашу месть.

Друзья Нарайяна подтвердили, что Джах собирался схватить Радишу и меня и выставить все так, будто я похитила ее. Как он собирался это проделать, я не знаю. Думаю, по его плану я должна была убить Радишу. Это выбило бы почву из-под ног ее брата. А затем сама, как хорошая жена, должна совершить самосожжение. С чьей-нибудь помощью.

Поэтому я решила опередить его в действии, и скорее, чем намеревалась.

Нарайян шепотом обменялся паролем с дозорными — нашими друзьями, которые притворились, что не видят нас, когда мы прошли мимо. Лагерь внизу смахивал на свинарник. Учитывая, что, как правило, шадариты придают чистоте огромное значение, дух, царивший в войске Джаха, боевым назвать было нельзя.

Мы крались, словно тени. Я гордилась собой. Передвигалась так же незаметно, как и мои товарищи. А они удивлялись тому, что женщина способна на такой беззвучный шаг. Мы приблизились к шатру Джаха.

Он был огромным и хорошо охранялся. Джах понимал, что у многих есть причины ненавидеть его. В каждом углу горел огонь и стоял стражник.

Нарайян выругался, затем проныл какую-то мантру. Зиндху что-то проворчал. Нарайян шепнул:

— Приблизиться нет никакой возможности. Эти стражники наверняка из тех, кому он доверяет. К тому же они знают нас.

Я кивнула, оттянула своих товарищей назад и попросила:

— Дайте подумать.

Пока я думала, они шептались. Они от меня ничего особенного не ждали. Мне известно одно короткое заклинание: можно на какой-то миг ослепить человека так, что он того и не заметит. Сейчас это будет кстати, если, конечно, у меня получится. Получилось. Это было в сущности что-то вроде детских считалок, простых, как подмигивание. Целый век я его не использовала. Рискованно. Если бы я произнесла его неправильно, дозорные увидели бы меня и подняли тревогу. Однако другого способа проверить действенность заклинания не было.

В конце концов, я рисковала только собственной жизнью.

Я настолько сосредоточилась, словно это было самым опасным вызовом дьявольских сил, которое я когда-либо совершала. Я произнесла его трижды, на всякий случай, но и закончив, не была уверена, получилось ли. По виду стражи определить это было трудно.

Зиндху и Нарайян все еще шептались.

— Идем,— сказала я и вернулась к границе освещенного кострами круга. Кроме стражи, никого не было.

Наступил момент, когда нужно было проверить заклинание на деле или давать задний ход.

Я пошла прямо на стражников.

Нарайян и Зиндху выругались оба и попытались окликнуть меня. Я махнула в их сторону рукой. И стала невидимой.

Стражник и вправду меня не видел.

Сердце мое часто-часто забилось, как тогда, когда я вызывала лошадей. Я дала знак Нарайяну и Зиндху, чтобы они оставались вне поля зрения охраны. Потом стража может вспомнить тех, кого они видели. А их непременно подвергнут допросу.

4 Зак. 2252

Они проскользнули, как псы, им все еще не верилось, что они невидимы. Им отчаянно хотелось узнать, что это такое я сделала и как. И наверное, они не прочь научиться этому трюку. Но не посмели ни слова произнести вслух.

Я чуть-чуть отодвинула полог шатра и не увидела никого. Пространство внутри было разделено небольшими перегородками. Я проскользнула в ту часть, которая, видимо, служила приемной и занимала большую площадь. Она была великолепно обставлена — еще одно доказательство того, что Джах ценил собственный комфорт выше благополучия своих солдат и безопасности родины.

Но я еще ребенком усвоила, что уважение и преданность людей можно завоевать, разделив с ними общие трудности.

Нарайян, глаза которого еще не вернулись на место от удивления, жестом напомнил внутреннее расположение шатра, о котором он узнал от своих шпионов. Я кивнула. Было очень поздно, и Джах наверняка спал. Мы двинулись в направлении его «спальни». Кинжалом я отодвинула перегородку, а Нарайян и Зиндху достали свои румели.

Я знала, что движения мои бесшумны. И уверена, что и мои товарищи двигались столь же тихо. Но, когда мы вошли, Джах вскинулся со своих подушек и бросился между Нарайяном и Зиндху, раскидывая их в разные стороны. Затем он кинулся на меня. В спальне горела лампа, так что он видел нас достаточно хорошо, чтобы узнать наши лица.

И все же он неисправимый идиот, этот Джахамарадж Джах. Он даже не вскрикнул. Все, что он сделал,— так это попытался улизнуть.

Рука моя дернулась в сторону желтого треугольника у талии, затем взметнулась вверх и сделала бросок. Словно живой, мой румель змеей обвил его шею. Я схватила свободный конец и, туго затянув петлю, обмотала тканью запястья, ни на минуту не выпуская ее из рук.

И все же, будь я одна, мне ничто бы не помогло — ни удача, ни интуиция, ни судьба. Джах обладал огромной силой, он вполне мог бы вытащить меня наружу. Или стряхнуть.

Но Нарайян и Зиндху охватили его за руки и, разведя в стороны, загнули их и повалили его наземь. Дело сделала бычья сила Зиндху, а Нарайян помогал ему заломить жрецу руки.

Упершись коленями в спину Джаха, я старалась не дать ему возможности дышать.

Чтобы окончательно задушить человека, требуется какое-то время. Движения опытного удушителя обычно столь быстры, что шея у жертвы оказывается сломанной и смерть наступает почти мгновенно. Но я еще не совсем навострилась обматывать запястья. Поэтому мне пришлось держать румель довольно долго, пока Джах мучился. У меня затекли плечи и руки, прежде чем он дернулся последний раз.

Нарайян освободил меня. Я дрожала, высвободившись, от напряжения, ощущая нечто сходное тому, что испытываешь после оргазма. Ничего подобного тому, что я только что совершила, мне до сих пор делать не доводилось. Я сделала это собственными руками, без всякого волшебства, без обычного оружия. Нарайян усмехнулся. Ему это чувство было знакомо. И он, и Зиндху выглядели неестественно спокойными. Зиндху прислушивался, пытаясь определить, не вызвали ли мы переполох своим шумом. Мне казалось, мы грохотали, особенно пока боролись, но судя по всему, волновалась я напрасно. Никто не явился и никто не поинтересовался нами.

Зиндху бормотал какие-то заклинания. Нарайян на минуту задумался, затем посмотрел на меня и снова ухмыльнулся. Кивнул головой.

Зиндху на четвереньках ползал среди того беспорядка, который мы устроили у Джаха. Очистив небольшое пространство, он еще раз осмотрел все вокруг.

Пока я наблюдала за Зиндху, пытаясь понять, что он такое затеял, Нарайян извлек из-под темного облачения, которое он надел специально по случаю, странный предмет. На конце этого инструмента было что-то вроде молотка и одновременно кайла, и весило оно по меньшей мере фунта два. А может, и больше, если оно было вылито из серебра и золота. По крайней мере, складывалось такое впечатление. В его рукоятку из черного дерева, отделанную слоновой костью,

были вкраплены рубины. Отражая свет лампы, они сверкали, словно капли свежей крови. Тихо и не очень методично Нарайян стал постукивать им по земле.

Этот инструмент был явно не предназначен для этого. Уж я-то умею отличить инструмент от предмета культа, даже если он мне незнаком.

Нарайян взрыхлил землю. Зиндху с помощью оловянной миски вычерпал землю на ковер, который он предусмотрительно перевернул, стараясь не сорить вокруг. Я никак не могла взять в толк, что у них было на уме. А они были слишком заняты своим делом, чтобы тратить время на объяснения. И все время они напевали что-то вроде литании. Что-то насчет предзнаменований и пророчества ворон, то и дело упоминая Дщерь Ночи и еще кого-то — людей-нелюдей,— непонятно.

Мне оставалось только наблюдать.

Время шло. На минуту я встревожилась, когда снаружи менялась охрана. Но стражники обменялись лишь парой слов, и новый караул не заглянул в шатер. Услышав глухой удар и сдавленный хруст, я повернулась посмотреть, чем заняты мои товарищи.

Они вырыли яму. Почти в три фута в глубину и не очень широкую. Для чего — я не могла понять.

Они показали мне.

Повертев перед моими глазами своим инструментом, Нарайян стал дробить молотком своего инструмента кости Джаха. Точь-в-точь как тогда в ложбинке делал это камнем Рам с телом убитого мной воина.

— Прошло довольно много времени с тех пор, как я делал это последний раз, но навыка не утратил,— прошептал Нарайян.

Поразительно, но оказывается можно, раздробив конечности и сложив их, превратить тело огромного человека в малюсенький узелок.

Распоров у Джаха напоследок живот, они поместили «узелок» в яму. В довершение Нарайян ткнул кайлом в череп мертвеца. Он вытер свой инструмент, и вместе они закидали яму с останками Джаха землей, хорошенько ее утрамбовав. Через полчаса не останется и следа.

Они закрыли место коврами, сложили оставшуюся грязь в узел и в первый раз за все это время взглянули на меня. Мой безмятежный вид их явно удивил. Они ждали, что их действия вызовут во мне ярость или отвращение. Или что-то вроде этого. Одним словом, какого-то проявления женской слабости.

— Изуродованные трупы мне приходилось видеть и раньше.

Нарайян мотнул головой. Похоже, он был доволен. Наверняка не скажу.

— Нам предстоит еще выбраться отсюда.

Факелы, горящие снаружи, указывали на место расположения стражников. Они были на своих местах. И если мое заклинание сработает опять, нам повезет уйти незамеченными.

По дороге к лагерю Нарайян и Зиндху разбросали грязь из шатра.

— Ваш румель сработал чисто, Госпожа.— Заметил вдруг Нарайян и добавил что-то еще речитативом, обращаясь к Зиндху. Тот нехотя кивнул.

— Зачем вы схоронили его? — спросила я.— Ведь никто не узнает, что именно с ним произошло. Я хотела, чтоб его смерть послужила уроком для других.

— Если бы мы оставили его как есть, определить убийц было бы легче легкого. Косвенные намеки гораздо страшнее, чем факт. Лучше, если обвинения в ваш адрес ограничатся сплетнями.

Может, они и правы.

— А зачем вы размозжили ему кости и вспороли живот?

— Чем меньше могила, тем труднее ее найти. А живот, чтоб не распух. Если не вспороть, труп так может разбухнуть, что земля вздымается. Или лопается и выделяет газ, и могилу легко найти по запаху. Особенно для шакалов — те просто выкапывают покойников и разбрасывают повсюду куски мяса.

Практично. И логично. И очевидно, потому что он объяснил предельно четко. Никогда раньше мне не приходилось сталкиваться с проблемой, как и куда следует

прятать труп. Теперь я могла опереться на вполне практичных и, несомненно, опытных убийц.

— В скором времени нам предстоит с вами разговор, Нарайян.

Он опять состряпал улыбку. Скажет он мне правду, как же.

Мы проскользнули в свой лагерь и разошлись.

Спала я отлично. В снах не было ни ощущения обреченности, ни отчаяния. В одном из них ко мне подошла красивая смуглая женщина, которая прижала меня к себе и, гладя, хвалила меня за то, что я такая умница. Я проснулась, чувствуя себя отдохнувшей и полной энергии, будто спала всю ночь напролет. Утро было прекрасным. И мир казался особенно ярким и разноцветным.

И мои упражнения в колдовстве прошли замечательно.

Глава 19

Бесследное исчезновение такого авторитетного жреца, как Джахамарадж Джах,— хотя, с моей точки зрения, он был самым заурядным противником, которого я воспринимала лишь как слабую карикатуру,— потрясло множество людей, населяющих местность у Годжийского брода. Ходил слух, что Джах строил козни против меня и Радиши и именно это послужило причиной его исчезновения. Я эти слухи не распространяла, Нарайян также отрицал свою причастность к ним. Два дня спустя после того, как мы закопали Джаха, абсолютно все были убеждены, что исчезновение Джаха — моих рук дело. Но никто не знал, как именно я с ним расквиталась.

Все были напуганы.

Слухи сильно повлияли на Ножа. У меня создалось впечатление, что он решил, будто я совершила некий обряд посвящения, и теперь он мог полностью отдать себя моему делу. Я была довольна, хотя и дивилась тому, почему он столь люто ненавидит жрецов.

Я велела Нарайяну распространить слух о том, что мне все еще нужны люди, особенно умелые наездники. И в отряд вступили еще двести шадаритов, а также около пя-

тысот воинов, принимавших участие в сражении при Деджагоре, хотя многие сделали это из желания получать регулярное питание и занять устойчивое положение в иерархической системе. Система каст в Таглиосе способствовала зависимости от общественной иерархии. Из-за повсеместного хаоса отсутствовали абсолютно все блага, которые подразумевает общественная стабильность, зато появилась масса трудностей.

Я велела Нарайяну подумать о том, как можно расширить границы лагеря. Нам становилось тесно. А Ножу я приказала выявить потенциальных командиров. Их тоже требовалось все больше и больше.

Таглиосцы не уставали удивлять меня. Хотя в основе своей их мышление оставалось миролюбивым, они восхищались тем, с какой легкостью, не задумываясь, я расправлялась со своими врагами. Чем больше насилия, тем больше восторга оно у них вызывало. Если, конечно, им самим ничего не угрожало.

На третье утро после исчезновения Джаха Радиша прислала за мной. Беседа наша была краткой и не имела никаких последствий, однако после нее у меня появилась уверенность, что Копченый был больше чем фокусником. Он достаточно ловко сумел проникнуть сквозь завесу времени, чтобы убедиться в том, что исчезновение Джаха — моих рук дело. Он казался необычайно вымотанным. И Радишу я впервые видела столь напуганной.

Она понимала, что ситуация выходит из-под ее контроля.

В ту ночь она, Копченый и несколько верных ей людей тайком перебрались через Майн и отправились на север. Лебедя и Мотера она оставила в крепости, чтобы никто не заметил ее отсутствия. Но напрасно она пыталась меня обмануть. Нарайян донес мне о ее действиях, прежде чем она успела подойти к реке.

День был примечателен и тем, что в отряд вступили первые новобранцы. Их было всего трое. Двое из них — друзья Нарайяна. Их появление свидетельствовало о том, что весть об отряде распространяется все дальше и что таглиосцы готовы присоединиться к нам в нашей борьбе.

Боевая подготовка проводилась с удвоенной энергией. Я, как и прежде, старалась, чтобы новобранцы воспитывались в духе преданности товарищам и командиру — остальные привязанности должны быть забыты.

Большее число добровольцев было из бывших рабов. Они особо отличались на учениях. Им было нечего терять, ибо их мир был уничтожен Хозяевами Теней. Я думала, как послать надежных людей в дельту Майна на поиски тех, кто не имел тесных связей с Таглиосом.

Нарайян и Зиндху сообщили мне, что Радиша строит козни. Выслушав их, я сказала:

— Присядьте. Настало время для разговора.

Они поняли меня. Вопреки моим ожиданиям, на их лицах не было уныния. Они уже переговорили между собой и решили открыться.

— Итак, кто вы такие и каковы ваши планы?

Нарайян набрал в легкие воздух — он избегал смотреть мне в глаза.

— Госпожа. Мы — Обманники. Мы исповедуем культ богини Кины, хотя у нее много имен и много обличий, но единственная истина для ее последователей — смерть.— Он вдарился в пространное объяснение сути учения и связи его с культами Таглиоса и соседних государств. Все это было такой же несусветной чепухой, как и теории происхождения и характеристики наиболее мрачных богов. Совершенно очевидно, что представления Нарайяна в этой области не отличались глубиной. Выслушав его разглагольствования, я поняла лишь, что он и Зиндху поклонялись Кине.

После некоторого давления оба признались, что поклонение богине подразумевало совершение убийств.

Зиндху осмелился вставить слово:

— Нарайян — джамадар секты Джангдор, он пользуется большим авторитетом среди нас, Госпожа! — Видимо, он решил нарушить возникшую паузу, полагая, что неудобно человеку самому похваляться своими достижениями.— Он помог перейти в рай более сотне душ.

— Ста пятидесяти трем,— скромно и лаконично уточнил Нарайян. Было ясно, что похваляться этим он не считал зазорным.

— В рай? А поточнее нельзя?

— Те, чьи жизни приносятся в жертву этой богине, освобождаются от Колеса Жизни и прямиком попадают в рай.

Теория Колеса существовала у гуннитов. Согласно ей, жизнь человека идет как бы по кругу, он рождается по многу раз до тех пор, пока его благие деяния не перевесят совершенных им дурных поступков. Только тогда он получает освобождение. Но попадает отнюдь не в рай. Потому что концепции рая у гуннитов просто не было. Они считали, что тем, кому удалось вырваться из Колеса Жизни, становились частью производящей силы, создавшей богов Света. Тех самых богов, которые, в свою очередь, являлись защитниками этой силы в бесконечной борьбе против Тьмы. А та, в свою очередь, может быть побеждена только тогда, когда производящая сила преисполнится нужным количеством душ добрых, чтобы заполнить вселенную. Тьма, конечно, противостоит ей, побуждая людей совершать зло.

Рай присутствовал в учении Ведны и первоначально был плодом воображения юношей, находящихся в поре созревания, и похотливых старцев. Он изобиловал всем, о чем только может мечтать мужчина в этом суровом мире. Одной из обещанных утех в нем были девственники и девственницы, готовые во всем услужить вознесшимся, так что поразвлечься в вечности было чем.

По Ведне, женщинам вход в рай был запрещен, ибо душ у них нет. Боги создали женщин для того, чтобы они вынашивали детей, удовлетворяли похоть мужчин, трудились в поте лица до самой смерти, которая, как правило, была преждевременной.

Из всех культов Таглиоса учение Ведны имело наиболее четко выраженный антифеминистский характер, но она же была и наиболее гибкой. В ней присутствовали женщины-святые и героини. Из всех моих воинов наиболее легко управляемы были почитатели этого культа, а не гунниты или шадариты. Веднаиты уже возвела меня в ранг святых — покровителей воинов — Исмалла (всего их было три, носили они одно и то же имя, принадлежали к одному роду и жили в одном веке, но в разное время,

примерно восемьсот лет назад). Эти солдаты выполняли свою работу с особенным усердием.

Что касается моих родных мест, то и там дела с религиозными культами обстояли весьма туманно. Я не пыталась критиковать убеждения таглиосцев, но мне хотелось разобраться в них. Это многое дало бы мне.

По утверждению Нарайяна, его теологические воззрения не имеют производного характера. Он уверял меня, что все религии проистекают из культа Кины. И то, что мне приходилось до сих пор видеть, было лишь следствием влияния этого культа-первоосновы.

— Госпожа, известно, что в Книгах отражены истории Детей Кины, относящиеся к древнейшим временам, когда люди только узнали письменность, и что некоторые из этих Книг написаны на языках, на которых уже десять тысяч лет никто не говорит.

— Что это за Книги? И где они находятся?

— Их иногда называют Книгами Мертвых. Полагаю, теперь они утрачены. Детям Кины когда-то здорово досталось. Великий бог войны Редрейнак основал огромную империю. Он оскорбил Кину, и та послала месть на его дом. Но случайно Редрейнаку удалось спастись. И он затеял беспощадную войну против нее. Хранителям Книг пришлось тайком бежать. На тех, кто знал об их местонахождении, Редрейнак обрушил свою ненависть. Потом святой Махтнатан дан Джакель переломал ему шею своим серебристым румелем, но это произошло много позже.

Тут Зиндху произнес что-то вроде поминальной молитвы, мягко и нежно, прозвучало это как «Хвала Господу» или «Да благослови его Господь».

— А это кто, Махтнатан? — спросила я.

— Он был единственным, у кого был серебристый румель. Из всех Обманников лишь ему удалось отправить в рай более тысячи душ.

А Зиндху произнес все тем же ласковым голосом:

— Каждый, кто впервые нацелил свой румель и познал экстаз слияния с Киной, стремится достичь высот Махтнатана.

— И чтоб удача столь же сопутствовала ему,— опять расплылся в ухмылке Нарайян,— ибо Махтнатан не только освободил нас от страшного врага, нашего преследователя, но и остался после этого цел. Он прожил потом еще сорок лет.

Они рассказывали мне одну легенду за другой, одну историю за другой, а я слушала их с тем же интересом, с каким бы их слушал Костоправ, зачарованная этими мрачными рассказами. А Нарайян не уставал утверждать, что где-то сокрыта история этих событий и что на протяжении многих поколений пределом мечтаний каждого джамадара является найти их.

— Госпожа, сегодняшний мир хил и немощен. Самыми могущественными в нем являются Хозяева Теней, но и они не сознают, что делают. В Книгах же... Считается, что в них сокрыто много тайн. Описаны утраченные искусства.

Мы опять заговорили о Книгах. Не то чтобы я им во всем верила. Мне и раньше приходилось слышать легенды о книгах, в которых прячутся потрясающие тайны. Но меня поразило само место, где они были захоронены.

Судя по описанию Нарайяна, оно было очень похоже на те пещеры, которые я видела в своих снах. Я словно вспоминала их по устным рассказам о том, что существовало тысячу лет назад.

Может, мне и придется когда-нибудь всерьез заняться изучением культа Кины. Когда я почувствую себя в безопасности в мире сегодня.

Нельзя сказать, будто до этого момента я жила мечтой, что в один прекрасный день явится Нарайян и наконец приоткроет мне тайну Кины. Я немало разговаривала с самыми разными людьми, расспрашивала их и уже составила довольно ясное представление об этом культе, основываясь на мнениях тех, кто не был его последователем.

Каждый таглиосец знал о Кине и верил, что она существует на самом деле. И о Душилах тоже знали все. Но общее мнение о них было, что они — бандиты и разбойники, а вовсе не фанатически верующие. Почти никто не верил в их существование по сей день. Душил считали анахронизмом, истребленным еще в прошлом веке.

Я сказала об этом Нарайяну. Тот только улыбнулся в ответ:

— В этом наше преимущество, Госпожа. Никто не верит в то, что мы существуем. Вы же видите, что ни я, ни Зиндху ничего не скрываем. Наоборот, мы открыто заявляем всем и всякому, что мы — те самые знаменитые страшные Душилы и не дай бог кому-нибудь вывести нас из себя. Но нам никто не верит. Однако нас боятся, потому что рассказы о Душилах все еще ходят среди людей, и кто знает, а вдруг мы выкинем что-нибудь в подражание Душилам прошлого.

— Но есть и те, кто верит в вашу секту.— Подозреваю, что к числу последних относились и Копченый, и Радиша, а также некоторые другие высокопоставленные особы.

— Такие есть всегда. И для нас достаточно и того числа, что есть.

Ох, коротышка, ну и злодей. И при всем этом он, может быть, был и вправду торговцем овощами, почитаемым в своей общине как добропорядочный гуннит, заботливый отец и добрый дедушка. Но в сезон, когда нет дождей и большая часть населения Таглиоса отправляется заниматься торговлей в другие края, он тоже отправляется в путь и со своей бандой, которая ничем не отличается от других путешественников, убивает простых купцов при каждом удобном случае. И без сомнения, проделывает это весьма ловко. Потому его и чтит Зиндху.

Теперь их кастовая система стала мне понятна. Количество убийств, увенчавшихся успехом, то есть смерть жертвы, лежала в ее основе.

Вероятно, Нарайян был богатым человеком, хотя и скрывал это. Поклонники Кины не только убивали, но и грабили тех, кто становился их жертвой.

Зато более демократичны, чем представители других культов. Нарайян принадлежал к низшей касте, к тому же имел шадаритское имя и все же был избран джамадаром. Объяснялось это тем, что, по мнению Зиндху, Нарайян был чрезвычайно искусным душегубом и пользовался благосклонностью Кины. Это надо понимать, ему сопутство-

вала удача. Божий промысел. Среди Душил он популярен. Живая легенда.

— Ему даже не нужны выкручиватели рук,— добавил Зиндху.— Только лучшие из обладателей черного румеля умеют убивать так быстро и ловко, что в выкручивателях нет нужды.

Значит, мой лейтенант — живая поэма. Интересно, интересно. «Выкручиватели рук!» В устах Зиндху это звучало вдохновенно.

— В банде много специалистов, Госпожа. Новички занимаются рытьем могил и раздрабливанием конечностей. И если им не удается овладеть искусством обращения с румелем, многие остаются на этом уровне. Те, кто получает желтый румель, относятся к низшей касте, они, так сказать, подмастерья. Убивать им дозволяется редко, в основном же их используют как выкручивателей, помогающих тем, кто владеет красным румелем, а также как разведчиков, выискивающих потенциальные жертвы. Душат те, кто обладает красным румелем. Но лишь не многие достойны черного румеля. Те, кто удастаивается черного румеля, становятся жрецами и джамадарами. Жрецы совершают священные обряды, читают знамения, ходатайствуют перед Киной и ведут записи или хроники своего отряда. Они же, в случае необходимости, совершают и суд.

— Я не был жрецом,— заметил Нарайян.— Чтобы стать им, необходимо образование.

Жрецом не был, а рабом был. И будучи рабом, сумел добиться черного румеля. Интересно, не мстил ли он своим угнетателям, тихо переправляя их души в «рай»?

— Иногда, да. Если выдавался удобный случай,— признался Нарайян.— Но Кина учит, что убивать следует во славу ее, а не без разбора, в порыве своего гнева. Мы также избегаем убийств по политическим мотивам, если, конечно, речь не идет о безопасности нашего братства.

— Забавно. И как много последователей этого культа, по вашим предположениям?

— Трудно сказать, Госпожа.— Нарайян почувствовал некоторое облегчение, когда разговор принял характер вопросов и ответов.— Мы объявлены вне закона. Как только мы

приносим клятву Кине, мы тем самым подписываем себе смертный приговор. Джамадар знает, сколько человек в его банде, и поддерживает связь с другими джамадарами, но сколько существует команд и насколько они сильны, он не имеет никакого представления. Существуют определенные опознавательные знаки, по которым мы узнаем друг друга, равно как и способы связаться друг с другом, но вместе мы собираемся редко и далеко не все. Слишком велик риск.

А Зиндху присовокупил:

— Нашим великим собором является Фестиваль Огней. Каждая команда посылает на него своих представителей для участия в священных обрядах, которые проходят в Роще Предначертания.

Нарайян сделал тому знак помолчать.

— Это большой религиозный праздник, который, в сущности, мало чем отличается от аналогичного праздника шадаритов. На нем присутствуют вожди многих команд, но рядовых членов — немного. И разумеется, на него являются жрецы. Там принимают общие решения, решаются спорные вопросы, но, по моему мнению, лишь одному из двадцати удается попасть на Фестиваль. По моим подсчетам, на сегодняшний день у Кины от тысячи до двух тысяч последователей, причем большинство их живет на территории Таглиоса.

Тогда их не так уж много. И лишь не многих можно считать настоящими убийцами. Однако, если бы мне удалось завладеть этой темной силой, каким бы мощным оружием я располагала!

— А вот главный вопрос, Нарайян. Так сказать, не в бровь, а в глаз. Мне в этом какая роль уготована? И почему вы присоединились ко мне? С какой целью?

Глава 20

Карканье и шум крыльев разбудили Костоправа. Он поднялся и пошел к башенному проему. Призрачный рассвет пробивался сквозь сумрачный туман леса.

Вернулась Душелов. Черные жеребцы были взмылены. Им пришлось долго скакать, и гнали их немилосердно.

Ведьму сразу атаковали пронзительно вопящие вороны. Ругаясь и отмахиваясь от них, она позвала Костоправа. Выйдя на ее зов, он спросил:

— Где ты была? В твое отсутствие кое-что произошло.

— Судя по всему — да. Я ездила за твоими доспехами.— И она указала на второго жеребца.

— За моими доспехами? Зачем? Так ты была в Деджагоре?

— Затем, что они нам понадобятся. Расскажи лучше, что произошло.

— Как там они? Я имею в виду своих ребят.

— Пока неплохо. Лучше, чем я ожидала... Может, еще какое-то время продержатся. А вот Тенекрут не в лучшей форме.— В ее голосе звучало раздражение. Но через минуту она заговорила словно хныкающее дитя: — Так расскажи же. Эти птицы будут каркать целую вечность — как будто можно что-то понять, когда они тарахтят все сразу.

— Вчера тут мимо проехал Ревун.

Она подняла деревянный ящик до уровня глаз, но лицо внутри его ему не показала.— Ревун? А ну-ка, расскажи поподробней.

Он и рассказал.

— Итак, игра становится все более захватывающей. Как это Длиннотени удалось выманить его из болот?

— Не знаю.

— Да это я так, сама себе, Костоправ. Пойдем внутрь. Я устала. Меня и так расстроили.

Он пошел вслед за ней.

Ему вовсе не хотелось испытывать ее терпение. Снаружи она немножко потолковала с воронами. Стая была такой плотной, что ее самой не было видно из-за них. Как-то ей удалось внести в этот хаос некоторый порядок. Минутой позже башня задрожала от хлопанья многих тысяч крыльев. Черное облако унеслось к югу.

Душелов вошла внутрь. Костоправ держался в отдалении, помалкивая. На свете существовало мало вещей, которыми его можно было запугать, но зачем дразнить кобру?

Наступило утро. Костоправ проснулся. Душелов, судя по всему, спала еще крепким сном. Он отбросил искушение. Да и соблазнительная мысль о побеге ненадолго задержалась, так, только мелькнула. Эту змею врасплох не застанешь. Она, может статься, вообще не спит. Отдыхает, скорее всего. Или проверяет его. Он вообще ее спящей никогда не видел.

Он занялся завтраком.

Пока он готовил, она встала. Он был слишком поглощен хлопотами и не заметил. И испугался, увидев вспышку розового света. Крутанувшись назад, он заметил перед нею клубы розоватого дыма. Оттуда выскочила маленькая, похожая на детскую фигурка. Существо салютовало Душелову и бесцеремонной походкой продефилировало к нему.

— Как делишки, босс? Давненько не виделись.

— А что бы ты предпочел, Жабомордый — правду или сладкую ложь?

— Эй! Ты вроде как не очень удивлен моим появлением.

— Нет. Я считал тебя растением. У Одноглазого не хватает пороху управлять демонами.

— Эй, эй! Попридержи-ка язык. Я — вовсе не демон. Я — бес.

— Извиняюсь, ошибся в твоем происхождении. Ты меня некоторым образом надул. Я думал, ты в подчинении у Меняющего Форму.

— У этого болвана? Да чем он может меня прельстить?

Костоправ пожал плечами.

— Ты в Деджагоре был? — Он едва сдерживал застарелую ненависть. Этот бес, который, считалось, должен был помогать Черному Отряду, исчез в ту самую минуту, когда исход сражения был предрешен.— Какие новости?

Бес был всего в два фута ростом, хотя выглядел как взрослый. Он взглянул на Душелова. Та чуть заметно кивнула.

— Этот Могаба — отвратительный шут, босс. Он не дает ни минуты отдыха Хозяевам Теней. Выставляет их дураками. Рвет их по кусочкам. Конечно, долго так про-

должаться не может. С ним ваши старые приятели — Одноглазый, Гоблин и Мурген. Но им не нравятся его действия, а ему не нравится, что они ему все время об этом твердят. Мало того, что между ними разлад, глядишь и Тенекрут вот-вот вырвется из-под контроля. И тут будет новый расклад.

Костоправ отставил еду:

— Ты сказал, Тенекрут выйдет из-под контроля?!

— Ага. Он ведь, как вам известно, потрепан в сражении. Так вот, его старый приятель Длиннотень сглазил его, когда тот был не совсем в форме. И теперь Тенекрут потерял свою колдовскую силу. Эти Хозяева Теней, ей-богу, славные ребята, все время стараются подставить друг другу подножку, даже тогда, когда их за задницу хватает аллигатор. Так вот, этот Длиннотень вроде бы хочет чуть-чуть ослабить контроль за Тенекрутом, чтобы тот помог ему уничтожить Деджагор, а затем прихлопнуть этого шута, стать властелином всего мира.

Тихо-тихо, почти шепотом, Душелов заметила:

— Но теперь-то ему придется считаться и с Ревуном. А также — со мной.

Ухмылка беса погасла.

— Ваше существование вовсе не такая тайна, как вы надеетесь. Они знают о том, что вы живы. Знают все, и знали всегда.

— Черт! — Она зашагала по комнате.— Мне казалось, я проявила максимум осторожности.

— Эй! Нечего из-за этого переживать. Ведь никто не имеет ни малейшего представления о том, где вы сейчас находитесь. И может, когда мы с ними покончим, они еще пожалеют о том, что так плохо когда-то обращались с вами в прошлом. А? — И он по-детски захихикал.

Костоправ впервые встретил Жабомордого в Джии-Зле, далеко к северу. Одноглазый, один из колдунов Отряда, подкупил его там. Все члены Отряда, за исключением самого Одноглазого, сомневались в преданности и происхождении беса, хотя, надо признать, что Жабомордый действительно кое в чем оказался им полезным.

Костоправ спросил Душелова:

— Вы что-то затеяли?

— Да. Встань.— Он встал. Она прижала руку в перчатке к его груди.— Так. Ты вполне здоров. А меня поджимает время.

Его охватила нервная дрожь. Он знал, чего она хочет от него, но не хотел этого делать.

— Так я и думал. Для этого ты вызвала сюда беса. Значит, ты поручила ему следить за мной — неужели ты ему веришь?

— Эй, босс,— заныл бес,— обижаешь. Конечно, верит. Я всю жизнь служу высоким целям.

— Одного моего слова достаточно, чтобы обречь его на вечные муки.— Тон у нее был шаловливый, как у маленькой девочки. Иногда эти перемены интонаций пугали его.

— Это верно,— сказал бес, внезапно помрачнев.— Жизнь — штука тяжелая, Капитан. Мне никто никогда не верит. Никто не дает поблажек. Стоит проявить маленькую оплошность — и готово, тебя отправляют в адский огонь. Или того хуже. Это все вы, смертные, придумали.

Костоправ презрительно оскалился:

— И что эта маленькая оплошность будет стоить мне?

— Да ничего особенного, разве что больно немножко будет.

Душелов прервала их спор:

— Хватит пререкаться. Утихомирься, Костоправ. Подготовься к операции. А мы с бесом приготовим все остальное.

Обнаженное туловище колдуньи парило в четырех футах над полом с едва приподнятыми плечами. Ее голова, уже извлеченная из ящика, лежала на каменном столике рядом. Взгляд был напряженным. Костоправ осмотрел тело. Идеальное, хотя кожа имела бледный, восковой оттенок. Только одно тело могло сравниться с этим в его глазах. Тело ее сестры.

Он взглянул на беса, который взгромоздился на голову каменного чудища на стене. Бес подмигнул ему:

— Покажи-ка, на что ты способен, Капитан.

Костоправу это замечание бодрости не придало.

Он посмотрел на свои руки. Дрожи в них не было, сказывался хирургический опыт, приобретенный на многих полях сражений, когда оперировать приходилось в самых жутких условиях.

Он шагнул к столу. Колдунья владела самым лучшим набором хирургических инструментов, которые только существовали на свете.

— Это потребует времени, бес. И если я попрошу тебя помочь мне в чем-то, сделать это следует без промедления. Понятно?

— Какой разговор, шеф. Помогу, но тебе придется сказать мне, что именно надо делать.

— Я начну с того, что уберу ткани вокруг шрама. Это тонкая работа. Ты поможешь мне остановить кровотечение.— В сущности, он не был уверен, возникнет ли оно вообще. До сих пор ему не приходилось оперировать лиц, обезглавленных пятнадцать лет тому назад. Он мало верил в успешный исход подобной операции. Но с другой стороны, Душелов-то жива. Вопрос в том, насколько она сможет помочь себе? Какова будет ее доля участия в операции? Его помощь заключается лишь в том, чтобы соединить ткани шеи и головы. Все остальное — как срастутся нервные окончания, кровеносные сосуды — зависит целиком от нее.

Нет, не получится ничего, просто не может получиться. Он взялся за инструменты. И скоро настолько увлекся работой, что и думать забыл о том, чем чревата неудача.

Глава 21

Длиннотень наблюдал за тем, как верхний ободок солнца плавно опускался за горизонт. Он рявкнул. На зов явился сморщенный смуглый коротышка, который шепотом произнес: «Да, мой господин». Выслушав приказание, он поспешно удалился, а Длиннотень все так же неподвижно продолжал наблюдать за тем, как догорает день.

— Добро пожаловать, вражий час.— Было лето. Длиннотень любил лето, потому что летом ночи короче.

Сейчас он был спокойнее, не так боялся. Тогда, после краха при Штормгарде, он пережил немало тяжелых ночей — тогда он чуть было не потерял веру в собственные силы. Теперь это прошло. Не то чтобы он преисполнился самоуверенности, просто он поверил в себя. За что бы он ни брался, все получалось как нельзя хорошо. Ревун покинул свои болота незамеченным. Осада Штормгарда все больше и больше изматывала армии Тенекрута. Тенекрут попрежнему был ни на что не годен. А Она, казалось, просто испарилась, Она была всецело поглощена мыслью о мести. Доротея же разыгрывала свою партию, не подозревая о том, что играет ему на руку. Но ничего, скоро она споткнется. Стоит ее только слегка подтолкнуть. И сейчас — самое время для этого.

Вдоль башенной стены на протяжении каждых сорока футов располагались цилиндрической формы башенки с верхушками из кристаллов. Внутри каждой имелось огромное кривое зеркало. В этих уступах вспыхивал время от времени свет, яркий свет.

Зеркала отбрасывали его отражение на старую дорогу, ведущую от равнины сверкающих камней вниз. Ни одна Тень не могла проскользнуть там незамеченной.

К нему вернулась былая уверенность. Теперь можно было другим доверить сторожить ночь. У него есть дела поважнее: принимать сообщения, отдавать распоряжения, издавать указы. Повернувшись спиной к тому, что лежало за башней, он подошел к кристаллической сфере, находящейся на возвышении в самом центре покоев.

Сфера имела четыре дюйма в диаметре. Она была испещрена узкими ходами, идущими вглубь, к самому ядру. На поверхности ее играли блики и змейками вились в ходах. Длиннотень положил старчески худые руки на сферу. Свет на ее поверхности поглотил их. Он медленно погружал руки в поверхность шара, который таял под пальцами, словно лед. Добравшись до светящихся бликов, он повертел ими.

На возвышении, где покоилась сфера, приоткрылось отверстие, обнажив один из ходов. Тьма медленно стала сочиться внутрь. Она текла будто нехотя, отвоевывая про-

странство дюйм за дюймом. Тьма так же ненавидела свет, как Хозяин Теней ненавидел темноту. Наконец тьма заполнила сердцевину шара.

Длиннотень заговорил с ней. Свет снаружи покрыл сферу рябью, хватая Длиннотень за руки. Шар вибрировал. Раздался еле слышный голос. Длиннотень выслушал говорившего. Затем отослал Тень прочь и вызвал к себе другую Тень.

Четвертой Тени он повелел:

— Передайте в Таглиос: «Нужен агент».

Когда Тень вернулась назад, отгоняя свет, у Хозяина Теней вдруг возникло такое ощущение, что он — не один. Он в страхе обернулся и посмотрел на дорогу, ведущую от равнины.

Но никакого движения на ней не заметил. Ловушки для Теней были на своих местах. Что же это тогда было?

В ближайшем луче сверкнуло пятно чернильного цвета.

— Эй! — Нет, это не Тень. Ворона! Множество ворон. Что они тут делают?

Была ночь. А по ночам вороны не летают. Значит, оно тут.

Уже много недель вокруг крепости суетилось воронье. Птицы вели себя совсем не по вороньим повадкам.

— Это Ее вороны! — И он выругался, топнув ногой, как сердитое дитя. Значит, все это время Она наблюдала за ним. Ей все известно!

Но еще до того как рассердиться, он почувствовал страх. Не умея сдерживать себя, он попытался освободить руки, совершенно забыв о том, что шар не любит резких движений. Вороны, казалось, насмехались над ним.

Они вились у стен башни, насмешливо каркая.

Он вырвал руку из сферы. Между пальцами сверкнули капельки крови. Ну, он этим гогочущим курицам задаст сейчас! Чтоб Ей было неповадно за ним шпионить.

Он надавил на крюк. В стае ворон раздался взрыв. Башню залила кровь и засыпали перья. Уцелевшие вороны отчаянно каркали.

Но в их ярости было что-то не то, какой-то тайный умысел. Они словно того и добивались, чтоб он напал на них.

Может, чтоб отвлечь его внимание?

Шар!

В том месте, где только что была его рука, осталась дыра, которая простиралась до самой сердцевины шара. Через нее просачивалась тьма.

Он вскрикнул.

Затем, подавив в себе страх, он осторожно закрыл опасную дыру. Однако Тени уже удалось ускользнуть.

Она устремилась к выходу, вон из башни, вниз по извилистым коридорам крепости, отгоняя свет прочь.

В его крепости свободно разгуливала Тень!

Где-то послышался крик. Тень вышла на охоту. Длиннотень заставил себя отнестись к происшедшему с холодным спокойствием. В конце концов, это была всего лишь одна маленькая Тень. Он легко с ней справится.

Снаружи веселились вороны.

Он подавил в себе ярость. Больше он на их провокации не поддастся.

— Доберусь я до вас,— пообещал он.— Летите к своей суке. И передайте ей, что ее план сорвался. Я жив. Я по-прежнему жив!

Глава 22

Тот, за кем следят, непременно испытывает облегчение, хотя бы на минуту, если что-то отвлекает внимание наблюдателя.

Карлик по имени Ревун издал чудовищный вопль. Крик был обращен к людям, которые его несли. Те быстрее помчались вперед и внесли его в лагерь Хозяина Теней Тенекрута, пользуясь тем, что наблюдение за ними слегка ослабло.

Ревун гостил у Тенекрута ровно столько, сколько было нужно для того, чтоб завязать контакт, коротко переговорить, обменяться мнениями и достичь того взаимопонимания, которое ему могло оказаться необходимым в случае предательства Длиннотени. А оно, по его мнению, было неминуемо, когда исчезнет угроза со стороны Таглиоса.

Когда шпионы Длиннотени узнали о местонахождении Ревуна, его уже на месте не было. И единственным

свидетельством его визита было то, что состояние Тенекрута улучшилось заметно. Он искусно это скрывал.

Глава 23

Ветерок сменил направление. Теперь он дул с северо-востока, донося запах дыма из-за реки.

— А не конфисковать ли нам у них хворост? — спросила я Нарайяна.

Самоубийства переполнили утро.

— Это неразумно, Госпожа. Вмешательство может породить целое восстание. Ваша же власть не настолько сильна.

И вряд ли когда-либо будет, как ни горько в этом сознаваться.

— Это так, мечта своего рода. Бороться с обычаями не входит в мои задачи.

В его тоже. Я не обсуждала этот вопрос с Нарайяном, однако могла это предположить, исходя из его религиозных представлений. Он мечтал о наступлении Года Черепов. О пробуждении Кины. О том, что станет бессмертным, святым Обманником.

— Это так от вас далеко, Госпожа. А какие на сегодня планы?

— Мы дошли до той стадии, когда формирование армии принимает характер снежной лавины, так?

— Снежной лавины?

Я употребила слово «ледопад» вместо снежной лавины, не подумав. Я не знала, как по-таглиосски будет снег. Здесь снега не было. И Нарайян представления не имел, что это такое.

— Снежная лавина растет сама по себе. Еще неделя, дней десять — и, боюсь, число новобранцев превысит наши возможности.

— Даже если учесть, что против нас Радиша? — Он был убежден, что эта женщина — наш враг.

— Это-то как раз может быть нам на пользу. Если мы будем апеллировать к недовольству сторон, задействованных в игре.

Нарайян понял, что я имею в виду. Именно недовольство побуждало людей становиться Обманниками.

— Его меньше, чем вы думаете. Эта земля для вас чужая. Мои соплеменники — фаталисты.

Это так. Но и к ним можно найти подход. Иначе в моем отряде сейчас не было бы двух тысяч воинов.

— Им нужна искра. Ведь правда?

— Она нужна нам всем, Госпожа.

— Совершенно верно. Я зажгла искру, воспламенившую вас и ваших друзей, не так ли? Но нужна искра, от которой загорелись бы все. Которая заставила бы забыть о страхе перед Черным Отрядом и о предрассудке, связанном с необходимостью подчиняться женщине.— Теперь я понимала, почему все боялись Отряда. И хорошо, что Костоправ умер, так и не узнав ничего. Это разбило бы ему сердце.

У Нарайяна никаких идей на этот счет не было.

— Нам нужен слух, который, подобно электричеству, разнесся бы среди вашего братства, а от него — дальше.

— Госпожа, слух наверняка уже дошел до всех джамадаров.

— Чудесно, Нарайян. Итак, каждый джамадар уже слышал о том, что мессия Душил явился. Я так полагаю, они безусловно поверят этому, потому что эта новость исходит от вас, а вы — всеми почитаемый, прославленный Душила, гений своего дела.— Тон мой был несколько саркастичен.— И тогда сколько ваших соратников решат встать под знамя Отряда? Полагаете, нам нужны тысячи? Думаю, было бы лучше, если бы ваши друзья оставались на своих местах и стали бы, так сказать, нашими тайными руками и ножами.

Есть ли еще какие-нибудь легенды, которые я могла бы использовать? Страхи перед чем-нибудь?

— Хозяева Теней наводят ужас на население, особенно в деревнях — там хорошо помнят прошлый год.

Так оно и было. К нам уже являлись добровольцы с другого берега, те, кто не участвовал в военных действиях до нашего похода на Деджагор. До сей поры люди, которые вступали в наш отряд, были горожанами или

бывшими рабами, получившими свободу после победы при Годже. А сельские жители, испытывающие панический страх перед Хозяевами Теней, могли бы стать источником пополнения наших рядов. С ними придется труднее, чем с горожанами. Но мне, вероятно, удастся скорее снять урожай.

Существовала еще одна сила, расположившаяся в районе дворца и башен Трого Таглиоса. И там кучка перепуганных типов могла выпустить быков на арену, пытаясь помешать лояльно настроенной части населения перейти на мою сторону.

— У вас есть друзья в городе?

— Не много. И никого, с кем бы я был знаком лично. Может, у Зиндху?

— Рам ведь горожанин?

— Да. Есть и другие. А что вы задумали?

— Было бы неплохо утвердиться там раньше, чем Радиша и эта хныкающая крыса Копченый успеют настроить людей против нас.— Говоря «наших», «нас», я имела в виду «моих» и «меня». Но Нарайян отнюдь не дурак.

Его реакция была точно такой, как я ожидала.

— Мы не можем покинуть Годжу. Сюда явятся еще тысячи и тысячи новобранцев. Нам нужно принять их.

Я улыбнулась:

— А если мы разделимся? Вы останетесь с половиной отряда и будете принимать новобранцев, а я с другой половиной отправлюсь в город. Или может остаться Нож. Он пользуется всеобщим уважением, его репутация в этих местах очень высока.

— Отличная идея, Госпожа.

Интересно, кто кем тут командует?

— Как думаете, Зиндху достаточно авторитетен? Его можно оставить с Ножом?

— Более чем, Госпожа.

— Прекрасно. Ножу необходимо поближе с ним законтактировать. Придется рассказать ему кое-что о вашем братстве.

— Госпожа?!

— Если у тебя в руках оружие, нужно знать, для чего оно пригодно. Это только по мнению жрецов все следует принимать на веру.

— Жрецов и функционеров,— поправил меня Нарайян.— Вы правы. Нож ничего не принимает на веру.

Да уж. Он был последним человеком на свете, кто мог бы поверить чему-то без доказательств. И в один прекрасный день это может послужить камнем преткновения между мной и ним.

— Скажите, а в братстве есть такие, у кого хватает цинизма делать вид, что он исповедует другую религию?

— Простите, Госпожа?! — Судя по тону, мой вопрос показался ему оскорбительным.

— Мне недостает информации. Вот если бы у нас были друзья и в других братствах!

— Насчет Таглиоса не скажу, Госпожа. На мой взгляд, это маловероятно.

Меня охватила тоска по старым временам, когда возможности мои были поистине безграничны и в моем распоряжении были сотни демонов-шпионов. Я могла воспользоваться даже памятью мыши, приютившейся за стеной комнаты, в которой совещались мои враги.

Я сказала Нарайяну, что создала свою империю, начав с такого же минимума, как и в тот момент, когда мы с ним только познакомились. И это была правда, но тогда у меня было столько сил! Теперь же я частенько чувствовала себя безоружной. Но сила возвращалась ко мне, хоть и медленно, слишком медленно.

— Пришли ко мне Ножа.

Я вышла с Ножом прогуляться вдоль реки к востоку от крепости. Он был доволен, что я взяла его с собой. За все время прогулки он произнес всего одну фразу, которая прозвучала загадочно. Мы подошли к дереву на берегу реки, у его ствола кто-то оставил удочку.

— Похоже, Лебедь так и не вернулся.

Пришлось просить пояснить смысл. Непонятно было, что он имел в виду. Я посмотрела на крепость. И Лебедь, и Мотер были официальными командующими силами Тагли-

оса в низовьях реки. Интересно, насколько серьезно они относятся к своему назначению? За пределами крепости они появлялись редко. Поддерживает ли Нож с ними связь? Вряд ли. Последнее время он был очень занят. Спать ложился позже меня, потому что не только обучал других, но и сам занимался тренировками. Интересно, ему-то это зачем? Я чувствовала в нем накопившуюся безотчетную злобу.

Подозреваю, что он из тех, кто считает своим долгом изменить мир.

Людей этого типа легко подчинить своей воле. Гораздо легче, чем таких, как Лебедь. Те хотят только одного, чтобы их оставили в покое.

— Подумываю повысить вас в должности,— сказала я ему.

Он с сардонической усмешкой спросил:

— В какой должности? Впрочем, может вы хотите возвыситься сами.

— Конечно, вы будете моим наместником в Годже. А я — главнокомандующей всей армии.

— Значит, вы отправляетесь на север.

Он был догадлив, и тратить время на словопрения было не в его натуре.

— Я должна быть сейчас в Таглиосе. Этого требуют мои интересы.

— Там опасно. Это все равно что лезть в пасть к крокодилу.

— Не поняла.

— Вы должны быть здесь. Формировать армию, окрепнуть. Но вам также необходимо быть там и держать в поле зрения жрецов в случае, если они станут отговаривать новичков вступать в ваш отряд.

— Да.

— Вам нужны командиры, которым вы могли бы доверять. Пока что вы в одиночестве.

— Разве?

— Может быть, я и ошибаюсь, извращая помыслы Нарайяна и Зиндху.

— А может, вы и правы. У них свои задачи. Что вы знаете о них?

— Ничего. Только то, что они — не те, за кого себя выдают.

Поразмыслив, я поняла, что он подразумевает на самом деле. Они — не те, за кого их считают.

— Вы слышали об Обманниках, Нож? Их еще иногда называют Душилами.

— Они исповедуют культ смерти. Вероятно, происхождение его связано с какой-то легендой. Радиша рассказывала о них и о их богине. Колдуны их страшно боятся. А воины говорят, что их уничтожили. Но видимо, это не так?

— Нет. Некоторые сохранились. Они поддерживают меня, потому что им это надо. Я не стану читать вам на эту тему лекцию. Их учение отвратительно, и не уверена, что основы его были изложены мне правдиво.

Он что-то проворчал. Интересно, о чем он сейчас думал? По его виду и не определишь.

Таких людей мне приходилось встречать. Их много, и их манеры не производят на меня впечатление.

— Не волнуйтесь и отправляйтесь на север. Я справлюсь в Годже.

И не сомневалась, что так оно и будет.

Я повернула назад, и мы пошли в лагерь. По дороге я пыталась не думать о запахе гари, доносящемся с другого берега реки.

— А к чему вы стремитесь, Нож? Почему решили присоединиться к моему делу?

Он пожал плечами — для него это было нетипично:

— В мире много зла. Думаю, я всего лишь выбрал одно из зол, чтобы вести собственную войну.

— Откуда такая ненависть к жрецам?

На сей раз он плечами пожимать не стал. Но и уклонился от прямого ответа.

— Если каждый человек в этом мире выберет одно из зол как объект своей мишени и начнет беспощадную борьбу с ним, зло когда-нибудь исчезнет.

Это самый простой способ борьбы. Извечный. А сколько зла совершается во имя высоких целей! Ни один злодей себя злодеем не считает. Но я не стала его разубеждать.

Пусть себе тешится иллюзиями. Если это и в самом деле иллюзии. В чем я лично сомневалась. Иллюзий у Ножа не больше, чем у лезвия бритвы.

Вначале я думала, что просто волную его, как, например, Лебедя. Так мне казалось, когда он на меня смотрел. Но Нож и повода не дал, что воспринимает меня не только как товарища по оружию.

Он ставил меня в тупик.

— Вы поговорите с Лозаном и Корди? — спросил он.— Или лучше я?

— Что думаете?

— Посмотрим. А что бы вы хотели обсудить? Как? Пококетничайте с Лебедем — и он на край света за вами пойдет.

— Малоинтересно.

— Ладно, тогда я сам с ним переговорю. А вы отправляйтесь на север и делайте то, что необходимо.

На следующее утро с рассветом я была уже на дороге, ведущей на север, а со мной и две плохо обученные, неполные роты, а также Нарайян, Рам и трофеи, добытые в схватке со всадниками Хозяев Теней.

Глава 24

Радиша нетерпеливо ждала, пока Копченый со своими хлопотами вокруг получит уверенность, что его чары против подслушивания работают. Прабриндрах Драх развалился в кресле, глядя на суету лениво и равнодушно. Но когда колдун подал знак, что все в порядке, князь заговорил первым:

— Что, сестренка, плохие новости?

— Плохие? Не знаю. Но неприятные. Сражение при Деджагоре закончилось неудачно. Хотя, по мнению сведущих людей, Хозяева Теней понесли большие потери, и чтобы их восстановить, им нужен по крайней мере год. А Женщина, при виде которой у тебя текут слюнки, осталась жива.

Прабриндрах усмехнулся:

— А это плохая новость или хорошая?

— Для кого как. Хотя думаю, в данном случае можно положиться на мнение Копченого.

— Ах вот как?

— По ее утверждению, несмотря на поражение, Черный Отряд продолжает существовать и наш договор остается в силе. Она представила мне список того, что им нужно — люди, оружие, оснащение.

— Она это серьезно?

— Более чем. Она напомнила мне об истории Отряда, а также об участи, постигшей тех, кто нарушал условия договора.

Прабриндрах хмыкнул:

— Отчаянная девчонка. Она — одна?

Копченый что-то проскулил.

А Радиша сказала:

— Ею организована уже армия в две тысячи человек. Сейчас они обучаются тактике боя. Милый, она опасный враг. И тебе не стоит ее недооценивать.

Копченый опять взвизгнул, он, видимо, хотел что-то сказать, но никак не мог ничего из себя выдавить.

— Да. Она убила Джахамараджа Джаха. Джах строил козни против нее. Уф! Она заставила его исчезнуть.

Глубоко вздохнув, князь надул щеки, затем выпустил воздух:

— Она — не дура. Однако это не лучший способ расположить к себе жрецов.

Копченый снова сглотнул слюну.

Радиша кивнула:

— А она и не пытается. Переманила к себе Ножа. Он у нее теперь чуть ли не правая рука. Ты ведь знаешь о его отношении. Черт бы тебя побрал, Копченый! Не все сразу.

— А Мотер, а Лебедь?

— Эти остались. Надеюсь. Но Лебедь тоже от нее без ума. Что вы все в ней нашли, не понимаю..

— Она экзотическая штучка,— хмыкнул князь,— и выглядит великолепно. А где они сейчас?

— Я отправила их по поручению. Так надо было. Хотя, похоже, из этого ничего не вышло. Она назначила себя Капитаном и свободно делает то, что ей надо. Эти двое

будут там моими глазами. Они смогут нас информировать. Ну хорошо, Копченый. Хорошо.

— Что это он пытается промямлить?

— По его мнению, она заключила союз с Душилами.

— Душилами?

— Да, фанаты Кины. Те самые, из-за которых Копченый непрерывно скулит.

— О!

— Когда она была у меня первый раз, то притащила за собой двух Обманников. Или они просто смахивали на них.

Наконец Копченый сумел выговорить:

— На ней была эта повязка. Уверен, она задушила Джаха собственноручно. А потом захоронила его труп согласно их ритуалу.

— Дайте-ка подумать... — Князь сложил у рта ладони. Наконец он произнес: — Это были люди, которых она взяла к себе в Отряд? Или она заключила союз со всеми Обманниками?

Копченый сглотнул. А Радиша вскинулась:

— Не знаю. Да и кто знает, каковы правила этого культа?

— Но это не монолитная организация.

— На ней самой был румель,— сказал Копченый,— и во время схватки с конницей Хозяев Теней она изображала саму Кину.

Последнее Радише пришлось пояснить.

Князь высказал свои сомнения:

— А почему мы предполагаем худшее? Ведь все это так маловероятно.

— Дорогой мой, даже если в ее распоряжении всего несколько Душил, она располагает ужасной силой. Они ведь ничуть не боятся смерти. Если им прикажут убивать, они будут убивать. Чем бы это ни грозило им самим. А мы не можем даже вычислить, кто из них Обманник, а кто нет.

— Год Черепов,— возвестил Копченый.— Он грядет.

— Давайте не будем отвлекаться. Итак, ты, сестренка, говорила с ней. Чего она хочет?

— Продолжать борьбу. Выполнить обязательства Черного Отряда, а затем потребовать от нас исполнения договора.

— Тогда непосредственной опасности нет. Почему бы нам не предоставить ей свободу действий?

— Надо задавить ее сейчас, немедленно,— заявил Копченый.— Прежде чем она станет чересчур сильной. Уничтожить ее. Иначе она уничтожит Таглиос.

— По-моему, он преувеличивает. Тебе это не кажется, сестрица?

— Теперь уже не уверена.

— Но...

— Ты с ней не разговаривал — у нее напор, как у волны в час прилива. Она вселяет чертовский страх.

— А Хозяева Теней? Кто разделается с ними?

— У нас год впереди.

— Но мы-то с тобой сумеем сами собрать армию?

— Не знаю. Думаю, мы совершили непоправимую ошибку, заключив договор с Черным Отрядом. Тише, Копченый. Мы заманили их в ловушку. И теперь угодили в нее сами, потому что увязли в этом слишком глубоко, а отступать поздно. И Лебедь, и Нож, и Мотер убеждены в том, что мы с самого начала не собирались выполнять свои обещания. Уверена, что Нож поделился своими сомнениями с этой женщиной.

— В таком случае надо действовать осторожно.— Какое-то время Прабриндрах раздумывал.— Но пока я реальной угрозу не вижу. И если она хочет добраться до Хозяев Теней, повторяю, ей следует предоставить полную свободу действий.

С Копченым случился припадок. Он разразился целой тирадой ругательств и страшных пророчеств. И в каждой его сентенции звучала фраза: «Год Черепов».

В его театральной патетике было столько трусости и малодушия, что Радиша поневоле встала на сторону брата.

Отправившись в свои покои, брат и сестра оставили колдуна наедине со своими настроениями. По пути в покои Прабриндрах спросил Радишу:

— Что за бес в него вселился? Он совершенно потерял самообладание.

— Да у него никогда его и не было.

— Это уж точно, но сейчас он из мыши превратился просто в медузу. То он боялся Хозяев Теней, а теперь — Душил.

— Я тоже их боюсь.

Князь фыркнул:

— Сестрица, у нас гораздо больше власти, чем ты подозреваешь. Три братства в нашем распоряжении.

Радиша презрительно хмыкнула. Она-то знала, чего это стоит. Джахамарадж уже познал.

Глава 25

В комнате без потолка вокруг очага сидело восемь человек. Это была верхняя часть четырехэтажного здания в беднейшем районе Таглиоса. У домовладельца случился бы удар, доведись ему увидеть, что они тут натворили.

Они провели здесь всего несколько дней, сморщенные смуглые карлики, не похожие на коренных жителей Таглиоса. Но в расположенном на реке городе часто появлялись чужеземцы. Поэтому люди с необычной внешностью не привлекали ничьего внимания.

Помещение было совсем открытым, о чем они теперь жалели.

Над рекой шел летний дождик. Не очень сильный, но небо над городом было все в облаках, из которых непрерывно лилось. Жители Таглиоса были рады дождю. Он очищал воздух и вымывал мусор, скопившийся на улицах. Но завтра воздух будет сырым и удушливым и все будут жаловаться.

Семеро уставились в огонь. Восьмой время от времени подливал в него масло и подбрасывал горсть чего-то, и тогда пламя вздымалось искрами, а воздух наполнялся благовониями. Карлики были терпеливы. Они занимались этим каждую ночь по два часа кряду.

Внезапно на верхней части стен появились Тени, они заплясали среди сидящих, за их спинами. Те не шелохнулись, ничем не выдали, что заметили появление посторонних в комнате. Один из коротышек передал другому щепотку ароматической смеси, затем спокойно сложил руки на коленях. Тени окружили его, что-то пошептали.

5 Зак. 2252

— Понимаю,— ответил он на языке, не известном ни в Таглиосе, ни на расстоянии шестисот миль вокруг.

Тени исчезли.

Но люди оставались сидеть, пока огонь не потух. Вот тогда дождь пришелся кстати. Он быстро погасил тлеющие угли.

Тот, кто подливал масло в огонь, произнес краткий монолог. Остальные слушали его, кивая время от времени. Он что-то приказал. Обсуждать не было нужды. Через несколько минут все покинули комнату.

Оказавшись под дождем, Копченый выругался.

— Вот к чему пришла моя жизнь. Раньше все было не так.— Поджав плечи, он побежал.— И что я вообще тут под дождем делаю? — Ему следовало быть в покоях Радиши, образумить ее, чтобы та вразумила своего братца. Ведь все пойдет прахом. Все их планы полетят к черту, если эта женщина будет у них на пути.

Таглиос собираются разрушить до основания. Как они этого не понимают?

Иногда свежий воздух помогает проветрить мозги. Ему необходимо было выйти, чтобы не чувствовать никакой зависимости, побыть вдали от людей, наедине с самим собой. И тогда решение приходило само. Он был уверен, что выход есть. Должен быть.

Рядом с ним проскользнула летучая мышь, она пролетела так близко, что он почувствовал дрожащий от ее крыльев воздух. Летучая мышь? В такую ночь?

Он вспомнил, как однажды, перед самым выходом войска, этих летучих мышей было видимо-невидимо. Пока кто-то не принял решительные меры по их уничтожению. Вроде это были те колдуны, которые сопровождали Черный Отряд.

Внезапно он остановился — его охватил страх. Летучая мышь под дождем? Дурной знак.

Он отошел еще не слишком далеко. Если вернуться, то через минуту он будет во дворце, в безопасности.

Еще одна летучая мышь пролетела мимо. Он уже готов был бежать, но путь ему преградили трое неизвестных.

Копченый круто повернул назад.

Еще люди. Кругом были люди. Его окружили со всех сторон. За какое-то мгновение он оказался в центре целой толпы. Но это только чудилось. На самом деле их было всего шестеро. Один из них на ломаном таглиосском сказал:

— Вас хочут смотреть одна человек. Вы пошел.

Копченый дико огляделся вокруг. Бежать некуда.

Копченый размышлял о парадоксе бытия. Когда ничто ему не грозит, он трясется, а теперь, в реальной опасности — совершенно спокоен. Он шел по мокрым темным улицам, в окружении таких же, как и он, карликов. Мозг работал четко. Он мог бы смыться, как только пожелает. Маленькое заклинание — и его уже нет, он далеко.

Но что-то происходило. И должно быть, важное, чтобы это знать. А заклинание можно и позже произнести.

Он притворился напуганным и ошеломленным как всегда. Они привели его в самый нищенский район города, к зданию, которое, казалось, вот-вот рухнет. Оно его пугало больше, чем коротышки. Когда поднялись по скрипучей лестнице наверх, один из его спутников постучал в дверь условным сигналом.

Дверь открыли. Они вошли внутрь. Копченый оглядел того, кто их ждал. Он ничем не отличался от остальных шестерых провожатых. Ну прямо близнецы-братья. Но этот говорил на таглиосском вполне сносно.

— Так вы тот, кого зовут Копченым? — спросил он.— Генерал пожарников? Не могу припомнить ваш титул полностью.

Колдун понимал, что им известны и имя, и титул, иначе зачем бы они привели его сюда.

— Совершенно верно. Но вы ставите меня в неловкое положение.

— У меня имени нет. Меня можно называть Тот, Кто Возглавляет Восьмерку Несущих Службу.— Его губы тронула улыбка.— Громоздко, не правда ли? Ну да неважно. Я — единственный, кто умеет говорить на вашем языке. Так что вы меня с кем-либо другим не спутаете.

— Почему вы отвлекли меня от прогулки? — Будем сохранять спокойствие и безмятежность, решил Копченый.

— Потому что нас с вами объединяет правильное отношение к опасности настолько грозной, что может уничтожить весь мир. Я имею в виду Год Черепов.

Теперь-то Копченый понял, кто это.

Он сохранил самообладание, но мысли пошли вразброд. Все усилия сохранить инкогнито оказались напрасны. Хозяева Теней нашли его.

Может, Лебедь и прав, обозвав его, Копченого, трусом. Он и вправду трус. Он всегда это знал. Но не настолько, чтобы дать им себя подчинить. В случае необходимости он мог совладать с ними.

И все же... И все же Копченого злило, что Лебедь во всем оказался прав. Этот Лебедь Лозан, животное, расхаживающее на задних лапах и издающее звуки, подобие человеческой речи.

— Год Черепов? — спросил Копченый.— Что вы имеете в виду?

Губы карлика скривились в улыбке.

— Будем откровенны. Чтобы не тратить времени зря. Вы ведь знаете, что сон Кины стал беспокойным. Ее движения покроют мир рябью насилия, которая пробудит к жизни силы столь темные, что и представить нельзя. Как только первый шепот огласит мир, наступит это время. Когда женщина, являющаяся ее перевоплощением, поймет свою истинную сущность.

— По-вашему, я настолько наивен? — забрюзжал Копченый.— Неужели вы полагаете, что меня так легко переманить на другую сторону? Или вы надеетесь сломить меня, играя на моих страхах?

— Нет. Сломить вас не входит в наши задачи. Тот, кто послал меня к вам, обладает таким могуществом, что вы в сравнении с ним просто мышонок. Все же он боится. Он видел будущее. Знает, что может быть. Эта женщина может призвать Год Черепов. Она вернет былую силу и обретет к тому же мощь Кины. Перед этим все меркнет. Тогда обычные войны превратятся в детские ссоры, а армии — в расшалившуюся малышню. Но пославший меня не имеет

возможности сам добраться до источника заразы. Она окружила себя Детьми Кины и с каждым часом становится все сильней и сильней. А тот, кто направил меня, должен был остаться сдерживать волну тьмы, таящейся в Ловушке Теней. Все, что он в состоянии сделать — это засвидетельствовать свою просьбу и обещать всяческую поддержку вам. Вы всегда можете рассчитывать на его дружеское расположение и испытать его на деле, когда вам будет угодно.

Схема. Какая-то очень извилистая схема. Копченый не решился сразу от нее отказаться. Здесь чувствовалось колдовство. Но проверить это не было времени. Если он открыто отвергнет их предложение, то, может статься, живым ему отсюда не уйти.

— И кто именно из Хозяев Теней ваш Господин?

Он почти знал кто. Раз его собеседник упомянул Ловушку Теней.

Смуглый улыбнулся:

— Вы его зовете Длиннотень. Он известен также под другими именами.

Итак, Длиннотень — хозяин Ловушки Теней, тот самый, чья империя лежала от Таглиоса дальше всего, наименее известный из четырех. Ходили слухи, что он не в своем уме. Сам он не принимал активного участия в нападениях на Таглиос.

Чужеземец сказал:

— Тот, кто послал меня, не был втянут в эту войну. Он был против нее с самого начала. Просто отказывался участвовать в ней. На него свалились больше чем опасные заботы и более чем смертельная тревога.

— Но люди, подобные вам, несколько раз нападали на Таглиос.

— Они были вынуждены. На реке. На юге Таглиоса. А знаете, кому это было на руку?

— Женщине.

— Вот именно. Она — воплощение Кины. Тот, кто послал меня, при помощи гадания узнал, что чем большей опасности он будет подвергаться с ее стороны, тем меньше сможет противостоять ей. Ему нужны союзники. Он в отчаянии. Готов отдать все, что у него есть. Росток катастрофы

зреет в Таглиосе. Он ограничен в движении. Поэтому вырвать растение должны сами таглиосцы.

— Но Таглиос в войне. И не таглиосцы начали ее.

— И не он. Но войне можно положить конец. Сделать это в его силах. Из тех трех, кто ее жаждал, двоих уже нет. Грозотень и Лунноте́нь умерли. А Тенекрут не в счет. Он командует объединенными силами, но сам тяжело болен. Его можно заставить заключить мир. В противном случае просто ликвидировать. Мир может быть восстановлен. И Таглиос станет прежним, каким был до этой заварухи. Но тот, кто послал меня, не станет прилагать усилий, не имея гарантий, что ему не помогут снять часть его забот.

— Например?

— Сверкающие камни. Хатовар. Вы не безграмотный крестьянин. Вы ведь читали древние книги и знаете, что Хади шадаритов — лишь слабое подобие Кины, хотя жрецы Хади и отрицают это. Вам также известно, что Хатовар — древнее название трона Хади и считается местом падения Хади на землю. Тот, кто послал меня, полагает, что легенда о Хатоваре — позднейшая трактовка первоначальной и реальной истории Кины.

Копченый старался держать себя в руках. Изобразив улыбку, он заметил:

— Мне нужно время, чтобы все это переварить. Я сыт по горло.

— Это первое блюдо. Честно говоря, тот, кто послал меня, доведен до предела. Ему нужен друг, союзник, пользующийся влиянием и имеющий возможность вырвать сорняк с корнем прежде, чем тот созреет и станет разбрасывать семена. Он сделает все, что может, чтобы доказать свое расположение. Он велел мне сказать вам, что сможет даже устроить так, чтобы вы очутились у него и смогли лично удостовериться в его честности, если того пожелаете. То есть если сочтете этот шаг безопасным для себя. И если захотите переговорить с ним лично, он позволит вам взять с собой такое количество телохранителей, какое сочтете нужным.

— Это много, чтобы переварить,— снова заметил Копченый. Ему хотелось только одного — поскорее убраться отсюда, пока ему ничто не угрожает.

— Уверен, что так. Достаточно, чтобы перевернуть ваш мир. А сколько будет еще! Однако вы отсутствуете уже довольно долго. Нам бы не хотелось, чтобы ваше отсутствие вызвало тревогу. Отправляйтесь домой. Подумайте. Решайте.

— Как мне с вами связаться?

Смуглый улыбнулся:

— Мы вас найдем. Мы уйдем отсюда после вас, на случай, если вы испытываете несколько недальновидное воодушевление сделать из себя героя. Когда наступит время, летучая мышь вас найдет. Тогда вы отправитесь в какое-нибудь укромное место, а уж там вас встретят эти трое.

— Хорошо. Вы правы. Мне пора возвращаться.— Он направился к двери, все еще сомневаясь, не кроется ли за всем этим какой-нибудь подвох. Но ему дали спокойно уйти.

Поразмыслить было о чем. И разговор оказался продуктивным. Стало ясно, что Хозяева Теней заслали в город новых шпионов вместо прежних, уничтоженных колдунами Черного Отряда.

Смуглый коротышка, который плохо говорил по-таглиосски, спросил вожака:

— По-вашему, он заглотит наживку?

Тот пожал плечами:

— Информации вполне достаточно, чтобы на чем-то его зацепить. На страхах. На самолюбии. На амбициях. Он получил возможность разрушить то, чего он боится; то, что ему ненавистно. А также вообразить себя великим миротворцем. У него есть шанс расширить границы собственной власти с помощью возможных союзников. И если он вынашивает предательские планы, то мы, в свою очередь, намекнули о вероятности их осуществления.

Его собеседник улыбнулся. Остальные тоже. Затем вся восьмерка начала собирать вещи. Вожак был уверен, что совесть Копченого заставит его сообщить хозяевам об этой встрече.

Он надеялся, что Копченый не станет ломаться слишком долго. Ибо Хозяин Теней торопился. А когда Длиннотень что-то тревожило, он был крайне суров.

Глава 26

Радиша всего на день опередила нас. Хоть тысяче человек сложнее тронуться с места, чем маленькой воинской части, мы сняли лагерь. Нарайян послал с нами самых расторопных и самых верных. И мы прибыли в город уже через два часа после Радиши.

Мы вошли в него уверенным маршем, открыто показывая свои трофеи, и отправились прямиком в казармы, которые Отряд занимал в период подготовки войска. Казармы занимали те, кого мы здесь оставили, те, кто был ранен в битве при Годже, и присоединившиеся к нам позже. Большинство ночевали по домам, а в казармах находились только во время дневной самоподготовки. И все они были переполнены. Количество новобранцев перевалило за четыре тысячи.

— Возьми их под командование,— велела я Нарайяну, когда уяснила себе сложившуюся ситуацию.— Нужно, чтобы они стали частью нашего отряда. Изолируй их пока от остальных и поработай с ними.— Легко сказать, но насколько это было осуществимо на деле?

— Весть о нашем прибытии уже разнеслась,— сказал он.— Скоро весь город узнает.

— Это неизбежно. Я думала об этом. Люди наверняка между собой выдвигали разные версии случившегося с теми, кто не вернулся домой. Многие таглиосцы захотят получить ответ на вопрос о том, какая судьба постигла их сограждан. Надо будет обзавестись знакомыми — пусть они им расскажут.

— Мы утонем в этом.— Он все чаще и чаще упускал слово «Госпожа» в беседах со мной. Видимо, считал, что мы — деловые партнеры.

— Может быть. Но известите их, что мы не уклоняемся от ответа. А также распространите весть о том, что множество таглиосцев находится в ловушке в Деджагоре и

если бы мне оказали некоторую помощь, я могла бы их освободить.

Нарайян как-то странно посмотрел на меня:

— На это у вас никаких шансов, Госпожа. Их можно считать мертвецами. Даже если они еще живы.

— Это известно нам. Но остальным знать необязательно. И если кто-нибудь спросит, то надо говорить, что для их освобождения необходимо скорее сформировать войско и запастись оружием. Это поставит на место тех, кому вздумается мне помешать. Если кто-нибудь и откроет пасть — это будет значить, что судьба сограждан его не волнует. Нож говорит, здешний народ считает всех жрецов ворами. Если те станут играть жизнью их сыновей, братьев, мужей — это может реально возмутить народ. Их религиозные распри надо повернуть на благо нам. Если жрец Гунни выступит против меня — обратимся к шадаритам и веднаитам. И никогда не забывайте упоминать, что я — единственный солдат в округе.

Нарайян опять состряпал свою отвратительную ухмылку:

— Вы хорошо все продумали.

— Ага, а чем было еще заняться в дороге? Итак, принимайтесь за дело. Нам нужно установить контроль над местными жителями, пока у них не появились сомнения в его необходимости. И прежде чем каким-нибудь скандалистам захочется вставить нам палки в колеса. Отправьте послания членам вашего братства. Нам нужна информация.

У Нарайяна были организаторские способности, хотя по натуре он и не был лидером. Благодаря склонности к позерству, он стал лидером небольшой группы, но никогда не смог бы повести большой отряд только потому, что выделывался во что-то значительное.

Эти размышления навели меня на воспоминания о Костоправе. У того вообще не было этой божьей искры. Он был обычным командиром: намечал задачу, взвешивал варианты ее решения, назначал тех, кто, по его мнению, лучше всего годился для ее выполнения. И обычно его действия и решения оказывались верны, и дело всегда выигрывало.

За исключением последней битвы при Деджагоре, когда и стала очевидна его слабость как лидера.

Он не умел принимать решения на ходу.

У него была слабо развита интуиция.

Все в прошлом, женщина. Умер он.

Я не хотела думать о нем. Слишком это было больно, все еще больно.

У меня много дел.

Мысли перескочили на прорву новобранцев, свалившихся на меня как снег на голову.

Выбор был небогатым. Уйма копьеносцев, преисполненных решимости, но вряд ли кто-нибудь из них смог бы сразу стать командиром. Черт, как мне недоставало моей команды, оставшейся в лагере.

Потом я стала думать, что вообще тут делаю и зачем сюда явилась. Совершенно пустые мысли. Все равно обратного пути не было. Той империи больше не существовало. И мне теперь там не было места.

Мне не хватало не только моего войска. Мне не хватало мудрых советчиков. Не было пути выяснить тайны.

Рам по-прежнему оставался моей Тенью, прилагая к этому все усердие. Решительно вставал на мою защиту везде. Может, это строжайший приказ джамадара Нарайяна?

— Рам, а вы знаете местность в округе Таглиоса?

— Нет, Госпожа. До того как я вступил в Отряд, я никогда здесь не бывал.

— Мне нужны те, кто хорошо знает местность. Найдите их, пожалуйста.

— А для чего?

— Место не годится для лагеря. Большинство приходят на строевую подготовку прямо из дома.— И зачем я это все объясняю — их ничто не должно отвлекать, уязвимых мест быть не должно.— Хорошо бы иметь расположение на возвышенности, у южной дороги, ближе к воде и лесным зарослям.

— Поспрашиваю, Госпожа.— Но ему не хотелось меня оставлять. Хотя приказывать уже не приходилось. Совершенствуется. Еще годик — и совсем парень что надо.

Появился Нарайян, еще до того как вернулся Рам.

— Волнуются. Люди захлебываются, пересказывая друг другу захватывающие истории о том, как мы разделались с конницей. Их сейчас там сотен шесть. Ходят слухи, что Деджагор будет взят еще до сезона дождей. Так что мне и не пришлось особенно упираться.

В сезон дождей дельта Майна становилась непроходимой. На пять-шесть месяцев река оставалась надежной защитой для Таглиоса от Хозяев Теней, впрочем, и наоборот. А что если я застряну на южном берегу, когда польют дожди? Это время можно использовать на серьезную армейскую подготовку. Правда, вот бежать, случись что, уже некуда. Пути отступления закрыты.

— Нарайян, принеси...

— Что, Госпожа?

— Я и забыла, извини. Ты не всегда был моим спутником. Собралась было послать вас за тем, чего вы не можете знать. Что мы собирали еще до похода на юг.— В нашу задачу входила перепись населения, скота, имущества, то есть сбор сведений для формирования армии. И эта работа еще не выполнена.

Если бы материальная часть была хорошо организована, угроза наводнения не висела бы.

— Госпожа? — отвлек меня от рассуждений Нарайян.

— Извини. Ушла в себя. Со мной так бывает.

Он не совсем меня понял. Что-то стал говорить про месть и как следует реорганизовать Отряд.

— Знаю, Нарайян. Но я устала.

— Тогда отдохните. Скоро вам понадобятся силы.

— Что ты имеешь в виду?

— Желающие узнать о судьбе своих соплеменников скоро явятся сюда. Вести о нас уже дошли и до жрецов, и до придворных. Наверняка есть те, кто захочет своими глазами увидеть вас и собранные силы.

— Вы правы.

Вернулся Рам с полдюжиной человек и какими-то картами. Никто из пришедших не участвовал в моем походе на север. Они нервничали. Показали мне три места, которые, с их точки зрения, соответствовали моим задачам.

Одно я отвергла сразу — там уже стояло селение. Остальные тоже оказались малопригодными. Значит, надо было искать самой.

Вот и занятие.

С годами я, как и Костоправ, становлюсь саркастичной.

Поблагодарив, я отослала их. Нужно было несколько минут отдохнуть. Как сказал Нарайян, скоро толпа начнет осаду. И у нас могут быть проблемы с теми, кому не терпится увидеть своих родных.

Я отволокла свои вещи в апартаменты, которые занимала в прошлый раз, и бросила свои кости на лежанку — все тот же камень, прикрытый тряпкой.

Просто капельку отдохну.

Прошло несколько часов. Мне снился сон. Я ничего не понимала, когда меня разбудил Нарайян. Он явился в тот момент, когда я пребывала в пещерах древних предков. И голос, зовущий меня, звучал теперь громче, настойчивей, требовательнее.

С трудом вернулась в реальность.

— Что за шум?

— Родственники оставшихся у Деджагора. Я просил, чтобы они по одному, но они устроили настоящее столпотворение — толкаются, пихают друг друга. Их уже около четырех тысяч — и все идут.

— Почему раньше не разбудил меня? Уже темно.

— Вы нуждались в отдыхе. К тому же идет дождь. К счастью.

— Да, кого-то удержит дома.— Любое решение их проблемы требует времени.— Перед тем как идти на юг, мы устроили парад на какой-то площади. Не помню, как она называется. Выясни это. И скажи тем, у ворот, чтоб собирались там. А воинам вели, как только распогодится, приготовиться к короткому параду. Раму прикажи приготовить мои доспехи, шлем — не надо.

Пять тысяч человек собрались на площади. Они утихли, когда я нагнала немного страху. Верхом на своем же-

ребце перед этим морем фонарей, факелов, светильников, а позади — строем мой отряд.

— У вас есть право знать, какая судьба постигла ваших близких,— сказала я.— Но и у моих воинов, и у меня впереди еще немало дел. Если вы нам поможете, мы быстрее справимся с нашими задачами, но если вы станете устраивать беспорядок, мы никогда их не решим.— На таглиосском я говорила теперь значительно лучше. Меня понимали.

— Я буду указывать на кого-нибудь из вас, а вы четко и громко выкрикнете имя человека, о котором хотите спросить. Если кто-нибудь из моих воинов знает о нем, он назовет себя, а вы можете порасспросить этого воина. Но разговор ваш должен быть коротким и спокойным. Если новость окажется плохой, держите себя в руках. Кроме вас есть и другие, им тоже хочется узнать о судьбе своих близких. И надо дать им возможность услышать ответ на свой вопрос.

Сомневалась, что все пройдет гладко. Это был всего лишь жест, который, как я надеялась, вне коридоров власти будет воспринят с теплотой.

Мои слова воздействовали на толпу даже больше, чем я предполагала. Таглиосцы, надо отдать им должное, народ миролюбивый и обычно поступают так, как им велят. А когда поднялся шум, мне достаточно было заявить, что, если он не прекратится, мы немедленно оставим площадь.

Некоторых воинов забросали вопросами. Потом попросила Нарайяна пройтись по рядам и предоставить тем солдатам, кто, по его мнению, проявил трудолюбие, инициативу, усердие и преданность делу, короткий отпуск. Отлынивающим от работы он должен напомнить, почему они оставлены дежурить. Политика кнута и пряника.

Она работала. Даже юнцы вели себя как следует. Целую ночь мы отвечали на вопросы, но сумели удовлетворить лишь половину собравшихся. Я уже неоднократно упоминала о могиле Могабы и о том, что количество людей, оказавшихся в засаде при Деджагоре из-за предательства Джахамараджа Джаха, неизвестно. Прозвучало это так, будто те, о ком мы не могли ничего рассказать, находились в осажденном городе.

Большинства, наверное, уже не было в живых.

Политика кнута и пряника, игра на чувствах — я преуспела в этом настолько, что, кажется, и во сне могла бы делать то же самое.

Явился посыльный. Он сообщил, что в казармах меня ждут жрецы.

— Долго же они собирались,— пробормотала я. Интересно, почему они запоздали? Были растеряны или ждали момента для открытого столкновения? Впрочем, им все равно пришлось бы ждать, так что не имеет значения.

Дождик прошел. В сущности его и не было, так, чуть-чуть покапал.

Как только мы покинули площадь, я пошла пешком с Нарайяном. Теперь нас было на семьдесят человек меньше. Он многих отпустил.

— Ты заметил летучих мышей? — спросила я его.

— Да, Госпожа.— Он был озадачен.

— Это не какое-нибудь знамение Кины?

— Не думаю. Но я не жрец.

— Но это важно знать.

— Что-нибудь еще?

— Там, где они, там шпионы Хозяев Теней. Это уж точно. Издай указ по Отряду. Всех летучих мышей убивать. И, по возможности, выяснить места гнездовий. Любого чужеземца сразу брать на заметку. Среди населения пустите слух: опять появились шпионы. У меня просто руки чешутся разделаться кое с кем.

Скорее всего, все закончится тем, что будут найдены те, кто никакого отношения к этому не имеют. Хотя... Некоторые из них, может статься, причастны. Вот им и надо пересчитать зубы.

Глава 27

Среди ожидающих были представители всех трех религиозных культов. Они были недовольны тем, что я заставила их так долго ждать. Но я не стала извиняться. Настроение у меня было паршивое, как раз подходящее для драки.

Им пришлось ждать в столовой, потому что больше разместить их было негде. Даже там было тесно — и им приходилось убираться прочь с дороги, чтобы дать возможность воинам расстелить свои одеяла.

Перед тем как войти, я сказала Нарайяну:

— Один—ноль в мою пользу. Они сами явились ко мне.

— Может, потому, что не хотят, чтобы вы вели переговоры с каждым по отдельности.

— Может быть.— Я легко почистила свои перышки, надела свою самую приветливую улыбку и, звеня доспехами, вошла в столовую.

— Доброе утро. Польщена визитом, но времени у меня в обрез. Так что, если вы хотите что-то обсудить, давайте обойдемся без предисловий. Я и так на час вышла из графика, и на светские беседы времени у меня нет.

Они явно растерялись. Так жестко разговаривающая женщина была для них чем-то новеньким.

Кто-то кратко задал дерзкий вопрос, невидимый за спинами остальных.

— Прекрасно. Мои взгляды. Начнем сразу с дела. Религия мне безразлична. И мое отношение останется таким, если только интересы религии не встанут поперек моих. Точно так же я отношусь и к социальным вопросам. Я — профессионал, член Черного Отряда, того самого, который заключил союз с Прабриндрахом Драхом с целью освободить Таглиос от Хозяев Теней. И если мое заявление не является исчерпывающим ответом на ваш вопрос, то, вероятно, остальные вопросы не заслуживают ответа. Мой предшественник был человеком терпеливым. Он старался никого не оскорблять. Я этим качеством не обладаю. Когда меня задевают, я реагирую прямо и жестко. Еще вопросы есть?

Были, конечно. Они стали жаловаться. Я выбрала того, которого уже встречала раньше. Этот жрец был по натуре агрессивен и большой любовью своих сотоварищей не пользовался. Лысого гуннита в красном балахоне звали Тал.

— Вы чересчур напористы. Прекратите это. И вообще, по какому праву вы сюда явились? Что вам здесь надо?

Еще раз повторяю — религия меня не волнует. А вас не должны волновать вопросы военного характера. Давайте каждый займемся своим делом.

Тал-красавчик разыграл свою роль как по нотам. Его выступление было не просто оскорбительным, он дал мне понять, что его вызывающее поведение продиктовано отношением ко мне как к женщине, которая вдобавок не пожелала совершить сати.

Я швырнула в него Золотым Молотом, но не в голову, а в правое плечо. От этого он крутанулся на месте и упал. Перед тем как испустить последний вздох, он больше минуты кричал не переставая.

Наступила полная тишина. Все, включая вконец растерявшегося беднягу Нарайяна, уставились на меня выпученными глазами.

— Видите? Совсем не похоже на моего предшественника. Тот бы обязательно сохранил вежливость. Он всегда предпочитал дипломатию и уговоры. Даже когда наглядный пример оказывается самым убедительным способом достичь взаимопонимания. Итак, вы блюдите и следуйте своим религиозным догматам. А мои помыслы и чаяния — о войне и воинской дисциплине.

Теперь до них должно было дойти. Согласно договору, заключенному Отрядом, капитан на год назначался беспрекословным военным диктатором. Костоправ этим не пользовался. Я тоже не собиралась. Но если бы это потребовалось, власть по закону принадлежала мне.

— Итак, идите. У меня дела.

Они ушли. Спокойные и задумчивые.

— Ну,— весело произнес Нарайян.— Так-так.

— Теперь они знают, с кем имеют дело. Знают, что я не отступлю от своей миссии и не колеблясь расправлюсь с теми, кто окажется на моем пути.

— Не стоит идти с ними на конфронтацию.

— Это им решать. Не стоит, да. Я знаю это. Но сейчас они в растерянности. Им потребуется время, чтобы принять решение. Потом они начнут ставить друг другу палки в колеса. А я выиграла время. Мне нужны толковые люди, Нарайян. Разыщи Рама и скажи ему, что мне

сейчас нужны те, кого он давеча приводил. Пора осмотреть место для лагеря.— И прежде чем он смог что-либо возразить, я добавила: — И скажи ему, что если он и впредь хочет быть моей Тенью, ему следует научиться ездить верхом. Хочу лично ознакомиться с местностью.

— Хорошо, Госпожа.— Он поспешил прочь, остановился перед тем как уйти, оглянулся и нахмурился. Он, видимо, гадал, кто есть кто и кто кем руководит. Отлично. Пусть себе гадает. А пока он ломает голову над этим, у меня больше времени утвердиться.

Мимика людей, находящихся в столовой, разыгрывала различные вариации на тему благоговейного ужаса. Кто-то поймал мой взгляд.

— Отдохните, пока есть возможность, воины. Время бежит быстро.

И я ушла к себе ждать Рама.

Глава 28

Костоправ вглядывался в дождливую ночную тьму, нервно теребя пальцами стебли травы. Снаружи фыркнула лошадь. Ему пришла в голову мысль выйти туда, взять одну из лошадей и в полной темноте на неоседланной уехать отсюда прочь. Шансов на то, что его не догонят, пятьдесят на пятьдесят.

Но ситуация не изменилась. Теперь Душелову не обязательно догонять его.

Он взглянул на фигурку человечка, которую связал из травы. Плетеная куколка величиной в два дюйма пахла чесноком. Пожав плечами, он швырнул человечка в дождь, достал еще стеблей из кармана. Он таких фигурок связал уже сотни. В какой-то мере по ним можно было считать время, проведенное здесь.

За его спиной послышался мерный стук. Отвернувшись от ночи, он медленно подошел к женщине. Откуда-то она раздобыла инструменты оружейника и второй день подряд что-то мастерила. Судя по всему, доспехи черного цвета, но зачем ей они?

Она взглянула на фигурку лошади, которую тот вертел в руках.

— Может, мне достать тебе бумаги и чернил?

— Это возможно? — Он многое хотел бы записать. Привык вести что-то вроде дневника.

— Думаю, да. Эти куклы — неподобающее занятие для взрослого мужчины.

Пожав плечами, он отложил лошадку в сторону.

— Сделай перерыв. Пора тебя осмотреть.

Теперь она уже не ходила в балахоне. На ней был плотно облегающий костюм из черной кожи, тот самый, в котором он впервые увидел ее, такого покроя, что трудно было сказать, женщина перед тобой или мужчина. Костюм Душелова, как она его называла. Шлема пока не было.

Она отложила инструменты в сторону и с грустью посмотрела на Костоправа, но произнесла с наигранным весельем:

— Ты словно чем-то расстроен.

— Есть такое. Встань.— Она повиновалась. Он раздвинул ворот вокруг ее шеи.— Заживает быстро. Завтра, может, сниму швы.

— Шрам будет очень заметным?

— Не знаю. Все зависит от силы твоих заклинаний. Не знал, что ты тщеславна.

— Как все люди. Я — женщина и хочу быть красивой.— Тон стал более серьезным.

— Ты выглядишь славно,— сказал он без всякой задней мысли. Просто констатируя факт. Она выглядела славно, потому что была красивой женщиной. Как и ее сестра. Теперь, когда она сменила костюм, он стал это замечать. И поэтому его не покидало омерзительное чувство вины.

Вдруг она рассмеялась:

— Прочла твои мысли, Костоправ.

Вряд ли, подумал он. Если бы прочла, то они ее не обрадовали бы. Но она много прожила на свете и неплохо изучила человеческую психологию. Незначительные внешние детали давали ей многотомный материал для прочтения.

Костоправ буркнул что-то в ответ. Он начал к этому привыкать. От нее не спрячешься.

— А что ты мастеришь?

— Доспехи. Скоро мы оба наберемся здоровья, чтобы отправиться в путь. Вот тогда повеселимся.

— Не сомневаюсь.— У него кольнуло в груди. Он в самом деле был почти здоров. И вопреки ожиданиям, никаких последствий ранения не чувствовал. Он даже начал упражнения, правда без большой охоты.

— Мы здесь оводы, любовь моя. Фактор хаоса. Моя дражайшая сестрица и таглиосцы думают, что мы умерли. А эти косолапые Хозяева Теней знают, что я здесь, но ведать не ведают о тебе. Не знают они и о нашем хирургическом сотворчестве. Полагают, что я — этакое недоразумение, парящее во тьме. Они и не догадываются, пожалуй, что я могу вернуть свой прежний облик.

Она погладила его по щеке:

— Я гораздо более практична, чем ты думаешь.

— В самом деле?

Теперь в ее голосе звучали деловые интонации. Она говорила жестко, даже с некоторым вызовом.

— У меня глаза повсюду. Мне известно каждое слово, произнесенное интересующим меня лицом. Недавно я устроила так, что внимание Длиннотени было отвлечено именно в тот момент, когда у Тенекрута гостил Ревун. Он-то и освободил Тенекрута от чар Длиннотени.

— Черт! Теперь он бросит все силы на Деджагор.

— Он тихо заляжет и притворится, что ничего не изменилось. Осада Деджагора ему ничего не дает. Сейчас ему хочется изменить соотношение сил между ним и Длиннотенью. Он прекрасно понимает, что Длиннотень уничтожит его, как только перестанет нуждаться в нем. Вот тогда мы и порезвимся. Мы будем подзадоривать их в этой драке, заставляя гоняться за собственной тенью. А когда все уляжется, то, может, не останется ни Длиннотени, ни Тенекрута, ни Ревуна. Будем лишь мы с тобой да наша империя. А может, дух, вселившийся в меня, направит мою энергию в другое русло. Я еще не знаю. Пока я только предчувствую классную игру.

Он слегка покачал головой. Как ни трудно поверить, все это могло оказаться правдой. То, что ее планы несли

гибель тысячам, а миллионам — горе, для нее было неважно — для нее это было игрой.

— Вряд ли я тебя когда-нибудь пойму.

Она хихикнула как легкомысленная девица. Но ни легкомысленной, ни девицей назвать ее было нельзя.

— Сама себя не понимаю. И давно уже оставила всякие попытки. Только отвлекает.

Все играется. С самого рождения она только и занималась коварными интригами и науськиванием, причем так, интереса ради. Наблюдая, как семена, брошенные ею, давали ростки и растение пожирало очередную жертву, она получала удовольствие. Единственный раз ее план сорвался, когда она попыталась сбросить сестру с трона. Да и то сказать, что этот план не осуществился вовсе, нельзя. Только чудом она осталась жива.

— Скоро придут поклоняющиеся Кине,— сказала Душелов,— и нам нужно быть в другом месте. Давай отправимся в Деджагор, устроим там маленькую суматоху. Надо оказаться там в тот момент, когда Тенекрут решит, что пришло время заявить о себе. Наверное, это будет интересное зрелище.

Костоправ не совсем понял, что именно она имела в виду, но вопросов задавать не стал. Он привык к ее манере говорить загадками. Если она хотела, чтобы он понял, она говорила конкретно. Давить на нее было бесполезно. Оставалось уповать лишь на то, что всему свое время.

— Поздно уже,— сказала она.— Сегодня поработали достаточно. Давай зайдем.

Он заворчал. Очень не хотелось идти. От одной мысли об этом месте его бросало в холодный пот. А это случалось каждый раз, как он укладывался спать. Каждая ночь была чревата очередным кошмаром, хорошо если одним, а то — целой серией. Он с удовольствием бы свалил отсюда.

Может, где-то еще ему и удалось бы бежать. Только вот придумать способ скрыться от ворон.

— Ты спишь? — четверть часа спустя, когда они лежали в темноте, спросила Душелов.

— Ага.

— Холодно здесь.

— Угу.— Здесь всегда было холодно. Он частенько засыпал так и не согревшись.

— Почему бы тебе не перейти ко мне?

Его и вовсе зазнобило.

— Не думаю, что это стоит делать.

— Хорошо, в другой раз,— рассмеялась она.

Он уснул, гадая, как это ей всегда удавалось добиться своего. В ту ночь ему снова снились ужасы.

Как-то он проснулся. Лампа горела. Душелов о чем-то беседовала со стайкой ворон. Разговор шел о событиях в Таглиосе. Она казалась довольной. Он снова погрузился в сон, так и не вникнув в суть.

Глава 29

Ни одна из возможных площадок для лагеря не отвечала идеальным условиям. Выбор пал на руины древней фортификации. На протяжении веков люди растаскивали отсюда каменные блоки под свои нужды.

— Никто даже не помнит, как она называлась,— сказала я Раму, когда мы ехали обратно в город.— Есть о чем подумать.

— О чем?

— О быстротечности времени. Может, вся история Таглиоса закручена на том, что здесь когда-то произошло, а теперь никто и не помнит даже названия.

Он как-то странно взглянул на меня, пытаясь, наверное, понять ход моих мыслей. Может, и хотел бы, но не мог. Прошлое он понимал как минувшую неделю, а будущее для него — завтрашний день. А то, что происходило до его рождения, не существовало и вовсе.

Дураком он не был. Он казался огромным, туповатым, медлительным. Эдакий тугодум с интеллектом, еще не научившийся им пользоваться.

— Ничего. Это не важно. Просто нашло что-то.— Это он понимал. Некоторый опыт был. На его жену, мать тоже наверняка «находило» временами. В любом случае сейчас

ему было недосуг раздумывать о подобных вещах. Он слишком занят работой: как бы удержаться в седле.

Мы вернулись в казармы. Там ожидала очередная толпа, желавшая узнать о судьбе своих близких. Нарайян быстро разбирался с людьми. Они посмотрели на меня с любопытством, совсем не так, как на Костоправа. Он был Освободителем, его встречали салютом. Я же в их глазах была чем-то вроде капризной бабы, у которой не хватало мозгов осознать, что она не мужчина.

Вот на них-то я и поднимусь. Стану чем-то вроде легенды.

Меня догнал Нарайян:

— Из дворца был посыльный. Князь приглашает вас сегодня отужинать с ним. В месте, называемом аллеей.

— Правда? — Там, где мы впервые встретились. Сливовая аллея, куда меня привел Костоправ. Излюбленное место прогулок местного бомонда.

— Это просьба или приказ?

— Приглашение. Что-то вроде «не удостоите ли вы меня честью».

— Ты принял его?

— Нет. Откуда мне знать, совпадает ли это с вашими планами.

— Отлично. Пошли ему записку. Я принимаю приглашение. В какое время?

— Время не указано.

Это может дать промедление, но сама встреча непременно все окупит и, возможно, устранит между нами вражду. По крайней мере, я буду знать, каких неприятностей ожидать.

— Я собираюсь набросать план будущего лагеря. Сначала пошлем одну роту и человек пятьсот новобранцев в помощь. Выберите тех, кого лучше бы держать подальше от города. Теперь насчет этой толпы снаружи. Как идут дела?

— Все нормально, Госпожа.

— Есть добровольцы?

— Несколько.

— С информацией что-нибудь сдвинулось?

— Множество людей готово дать любую. Главным образом, о чужеземцах. Но ничего, что представляло бы серьезный интерес.

— Продолжайте работу в этом направлении. А теперь дайте мне нарисовать план. Потом я займусь составлением списка, необходимого нам, чтобы вручить Прабриндраху. Собой займусь позднее. Где-то тут должны быть мой парадный костюм, в котором была в прошлый раз, и карета, что мы привезли с севера и оставили тут, отправляясь в поход на Годжу. Рам, перед тем как мы ушли на юг, несколько оружейников изготовили для меня специальные доспехи. Хорошо бы их теперь найти.

И я занялась картами и списком.

Карета была не бог весть какой сногсшибательной, запряженной всего четверкой лошадей, но она производила впечатление на окружающих. Я сумела подковать лошадей так, чтобы из-под копыт сыпались искры. Карету тоже привела в порядок. На обеих боковых дверцах красовался изрыгающий огонь череп — эмблема Отряда. Обитые стальными обручами колеса и подкованные копыта лошадей оглушительно грохотали.

И осталась довольна.

До аллеи добралась за час до заката. Войдя в нее, я осмотрелась. Все в точности как тогда. Те же сливки таглиосского общества. Моими телохранителями я взяла Рама и Абду, человека с красным румелем, происходившего из веднаитов. Я не знала Абду и взяла его с собой по совету Нарайяна.

Они слегка приоделись. Рам мог выглядеть вполне прилично, если его заставить. Чисто вымытый, с оправленной бородой и волосами, в новой одежде, он выглядел просто красавцем. Но Абда казался, как всегда, маленьким злодеем с бегающими глазками. А злодей он и есть злодей, как его ни ряди.

Жаль, что я не взяла в телохранители еще и гуннитов. Это произвело бы большое впечатление. Но впопыхах всегда что-нибудь да упустишь.

Прабриндрах поднялся, как только я подошла к нему. Он улыбался:

— Вы нашли меня. А я волновался. Я ведь не указал точного места встречи.

— Логика подсказала мне искать вас там, где мы виделись в прошлый раз.

Он посмотрел на Рама и Абду. Сам он был без провожатых. Может, тем самым давал мне понять, что уверен в преданности своих подданных? Но разве можно быть уверенным в этом наверняка...

— Располагайтесь,— пригласил он меня.— Мне кажется, вам понравится то, что я заказал.— Он озадаченно взглянул на Рама и Абду. Не знал, как с ними себя вести.

— В прошлый раз, когда я тут была, кто-то пытался убить Костоправа. Забудьте о моих друзьях. Я ручаюсь в их учтивости.— На самом деле я совсем не знала, насколько можно ручаться за Абду. Однако было бы глупо говорить об этом князю.

Слуги подали закуски и блюда, возбуждающие аппетит. Судя по обстановке, царившей тут, ни за что не подумаешь, что Таглиос стоял перед лицом смертельной угрозы.

— Вы великолепно сегодня выглядите.

— Я этого не ощущаю. Наоборот, чувствую себя совершенно вымотанной.

— Вам нужно больше отдыхать. И не следует воспринимать жизнь с такой серьезностью.

— А что, Хозяева Теней решили устроить себе отдых?

Он выудил из тарелки нечто похожее на креветку. Интересно, откуда бы им тут взяться? Впрочем, море было не так уж и далеко.

Меня озарило. Но сейчас эту мысль я отложила на потом. Князь проглотил креветку, тщательно утерев салфеткой губы.

— Кажется, вы полны решимости доставить мне массу хлопот.

— В самом деле?

— Носитесь повсюду ураганом, не давая никому опомниться. Вперед, очертя голову. И окружающим остается заботиться только об одном, чтобы вы их не сшибли.

— Так можно завязнуть по уши,— улыбнулась я,— если дожидаться, пока остальные будут поспевать за мной. Думаю, вы все слабо представляете, насколько опасен ваш враг. Это извращенная система ценностей: я буду развлекаться, а отдувается пусть кто-то другой. А Хозяева Теней тем временем сообразят, как лучше разделаться с каждым из вас.

Он замешкался или сделал вид, что задумался.

— Вы правы. Но люди есть люди. Тут никому никогда не приходилось думать о внешних врагах. То есть о смертельных врагах.

— Хозяева Теней именно на это и рассчитывают.

— Несомненно.

Принесли основное блюдо. Какую-то дичь. Я была удивлена. Князь ведь был гуннитом. А они убежденные вегетарианцы.

Оглядываясь по сторонам, я засекла две вещи, совсем мне не понравившиеся: множество ворон среди деревьев и жрец Тал со своей компанией. Тот самый, с кем я недавно сцепилась. И те и другие не спускали с нас глаз.

Прабриндрах признался:

— Из-за вас мне приходится терпеть сильное давление. Я имею в виду некоторых людей из ближайшего окружения. Это ставит меня в затруднительное положение.

Интересно, а где его сестра? Уж не она ли с Копченым давит на князя? Я только пожала плечами и принялась за еду.

— Если бы я знал ваши планы, мне было бы намного легче.

Пришлось изложить их.

— А если найдутся люди, которые не одобрят ваших действий или решат, что вы вовсе не те, кто их интересует?

— А это меня не волнует. Существует договор. И он будет выполнен. Не вижу особых различий между внутренними и внешними врагами.

Он понял.

Следующее блюдо ели молча. На закуску он сыграл ва-банк.

— Это вы убили Джахамараджа Джаха?

— Да.

— Бог мой! Почему?

— Он действовал мне на нервы.

Он сглотнул.

— Дезертир при Деджагоре. Его бегство определило исход боя. По-моему, достаточно уже одного этого. Кроме того, он замышлял убийство вашей сестры, которое хотел свалить на меня. У него была жена. И если шадаритки действительно такие идиотки, что сжигают себя вместе с покойными мужьями, то можете передать ей, чтобы строила себе гот. И вообще для жен жрецов вроде Джаха настало время запасаться хворостом. Скоро он им понадобится.

Он скорчил гримасу:

— Вы разжигаете гражданскую войну.

— Нет, если каждый будет занят своими делами и сможет выполнять их как надо.

— Боюсь, вы этого не понимаете. Жрецы уверены, что нет ничего, чтобы их не касалось.

— А сколько их вообще, этих жрецов? Несколько тысяч? Вы когда-нибудь наблюдали, как орудует своими ножницами садовник? Тут срежет ветку, там шип, и растение от этого становится только сильнее. Так что, если понадобится, я пущу свои ножницы в ход.

— Но... Вы одна. Вы не можете все это...

— Могу. И буду. Надо выполнять условия договора. И вам тоже.

— Что — тоже?

— Слышала, что вы с сестрой не очень честно повели себя в переговорах. Некрасивая и недальновидная политика, мой друг. С Отрядом следует играть честно.

Он помедлил:

— Я не очень сильный игрок. Мне не хватает дипломатии. Решения принимаю сразу и бесповоротно, действую напрямик. Кстати, о бесповоротных решениях. Вы убиваете Джаха, и остальные жрецы станут думать об одном — единственно кажущемся им правильном выходе — убить вас.

— Это если они будут упорно игнорировать мое требование не вмешиваться в чужие дела. Чем я, в конце концов, рискую? Мне терять нечего. Все равно это мне уготовано, как только я выполню свою миссию. Так с какой стати я буду помогать им уничтожать саму себя?

— Но нельзя убивать людей только за то, что они с тобой не согласны.

— А я и не собираюсь. Только тех, кто, не соглашаясь со мной, навязывает мне при этом свои идеи. Сейчас тут, в Таглиосе, нет никаких законных оснований для конфронтации.

Он, казалось, был удивлен.

— Не совсем понимаю.

— Таглиос нуждается в защите от Хозяев Теней. Согласно договору, Отряд берет это на себя. В чем проблема? Мы выполняем свою часть договора, вы — свою, и мы мирно расстаемся. По-моему, все должны быть счастливы.

Во взгляде князя чувствовалось недоумение типа «откуда такая наивная?».

— Я начинаю думать, что нам не о чем говорить. Может, я напрасно пригласил вас сюда.

— Нет. Наша встреча была очень полезной. И дальше наше сотрудничество может оказаться полезным, если вы прислушаетесь. Не люблю ходить вокруг да около. И объясняю вам, как на сегодняшний день обстоят дела и что предстоит. Без меня Хозяева Теней сожрут вас с потрохами. Полагаете, их будет волновать доля участия какого-нибудь религиозного культа в строительстве этой дурацкой стены? Знаю я, что их интересует. Как только они захватят Таглиос, сразу станут беспощадно уничтожать всех, кто может им хоть как-нибудь помешать. И вам следует это понять. Вы же видели, что они творили в других местах.

— С вами невозможно спорить.

— Потому что вы знаете, что я права. Я принесла с собой список того, что мне необходимо прямо сейчас. Я должна построить военное поселение как можно скорее и устроить площадку для обучения.

Это неизбежно привело бы к конфронтации. Ведь ресурсы придется взять из того дурацкого проекта строительства стены вокруг Таглиоса. А город был слишком велик для

этого. Вряд ли проект мог быть осуществим на деле. Фактически он служил ширмой для того, чтобы часть казенных средств попадала в руки отдельных лиц.

— Люди и средства,— сказала я,— отпускаемые под это строительство, могут быть использованы с большей выгодой.

Он понял меня. Это вызов. Начал ворчать.

— Почему бы нам просто не насладиться обедом? — спросила я.

Мы попытались переключиться на еду, но вечер так и не удался.

После того как было покончено с рядом блюд, мы рассказали друг другу о своем детстве, и я снова перешла в наступление.

— Есть еще кое-что, что хотела бы от вас получить. Книги, спрятанные Копченым.

Он сделал большие глаза.

— Я хочу знать, почему вы боитесь прошлого.

Он чуть улыбнулся:

— Я думаю, вам это известно. Копченый в этом уверен. Он считает, что именно за этим вы и явились сюда.

— Дайте подсказку.

— Год Черепов.

Большой новостью для меня это не было, но я притворилась удивленной:

— Год Черепов? Что это такое?

Он взглянул на Рама и Абду. На лице промелькнуло сомнение. Я вспомнила, как играла концами своего румеля, беседуя с его сестрой. Долго бы ему сомневаться не пришлось.

— Если вам об этом ничего не известно, наведите справки. Я не лучший авторитет в этой области. Поинтересуйтесь у своих друзей.

— Если Прабриндрах Драх не может стать моим другом, значит, друзей у меня нет.

— Жаль.

— А у вас?

Это опять поставило его в тупик. Он выдавил из себя улыбку.

— Может, и нет. Наверное, стоит их завести.— Улыбка съехала с его лица.

— Друзья нужны всем. А враги иногда мешают их найти. Ладно. Пора возвращаться. Мой заместитель не слишком опытен, к тому же он связан вашей кастовой системой.

Он был слегка разочарован, или так только показалось? Видимо, хотел поговорить не только о князьях и военачальниках.

— Спасибо за обед, Прабриндрах. Ответное угощение за мной, и обещаю, оно состоится скоро. Рам. Абда.— Они приблизились. Рам подал мне руку. Все это время они стояли за моей спиной вне поля моего зрения. Я была довольна тем, что они держались наготове. Рама тревожило уже само место. Человек его уровня в аллею обычно не допускался.

— Всего доброго, князь. В течение года вам будут вручены головы врагов Таглиоса.

Он глядел нам вслед, и во взгляде его читались тоска и печаль. Знакомое чувство... Там, в моей северной империи, оно часто накатывало на меня. Но я скрывала его лучше, чем князь.

Глава 30

Дождавшись, когда мы отойдем подальше, Рам предупредил:

— Что-то должно произойти, Госпожа.

— Неприятности?

— За нами все время наблюдали эти пройдохи, жрецы Гунни. И вели они себя очень враждебно.

— Пожалуй.— Я не стала спрашивать о его соображениях на сей счет. Он не обладал богатым воображением. Я щелкнула пальцами слуге, который оказался рядом.— Позовите господина Гупта.

Хозяин аллеи, ласковый диктатор господин Гупта, окружал своих гостей всяческим вниманием, и именно тех, кто был близок Прабриндраху Драху. Явился он мгновенно.

Кланяясь, как болванчик, спросил:

— Что нужно такой великой Госпоже от такого ничтожного создания, как я?

— У вас есть меч? — Я была не в тяжелых доспехах, а в костюме императрицы. Правда, короткий боевой кинжал был при мне.

Он выпучил глазки:

— Меч? А зачем мне меч, Госпожа?

— Понятия не имею. Но если он у вас есть, я хотела бы позаимствовать его на время.

Его глаза полезли из орбит, и, непрестанно кланяясь, он забухтел:

— Я посмотрю. Может, найду.— И испарился, бросая неуверенные взгляды через плечо.

— Рам, помоги мне снять кое-что из этого маскарадного костюма.

Он потерялся и отказал.

— Рам, ты напрашиваешься копать выгребные ямы до окончания собственных дней.

Он вынужден был поверить мне на слово и под неодобрительные взгляды окружающих помог скинуть мое облачение. Совсем смутился.

Абда, которого не призвали на помощь Раму в этом деле, притворился слепым.

Явился Гупта. С мечом. Оружием его нельзя было назвать. Так, детская игрушка.

— Я взял его у одного господина, который оказался настолько любезен, что разрешил мне отнести его вам.— Он тоже вдруг ослеп. Хотя думаю, за годы своей службы он и не такое видел. Сливовая аллея — очень уютное место свиданий влюбленных.

— Я буду молиться за вас всю жизнь, Гупта. Мне кажется, что ваши подчиненные приготовят мою коляску, как только я подам знак о желании отбыть, правильно?

— Госпожа, если ее не окажется на месте, люди, которым будет поручено ее доставить, будут вынуждены искать себе работу в другом месте.

— Спасибо. Я скоро верну вам эту игрушку.

Рам снова дождался, когда нас никто не услышит, и пробурчал что-то себе под нос.

— Неожиданности,— сказала я,— скорее всего, могут быть у ворот. Едва мы доберемся до коляски, мы в безопасности.

— У вас есть план, Госпожа?

— Есть. Найти и обезвредить ловушку. Если она вообще существует. Мы их уничтожим на месте или возьмем в плен и отвезем туда, откуда они уже никогда не вернутся. Сколько их может быть, как ты думаешь?

Он пожал плечами. Моя нагота его уже не смущала. Его внимание было целиком сосредоточено на подстерегающей нас опасности.

Мне ответил Абда:

— Восемь. Плюс жрец, тот, которого вы осрамили. Но он побоится подойти близко. Ибо, если его увидят, ему придется потом объясняться.

— Правда?

— Когда я был новичком, дважды попадал в подобные переделки.

Понятия не имею, что он имел в виду. Но мне некогда было думать о его прошлом. Мы подходили к заросшему кустарником участку вокруг дорожки, ведущей к выходу.

Я говорю «заросшей», потому что не являюсь большой поклонницей декоративного садоводства. Вся площадка тут была покрыта растительностью высотой примерно в четыре фута восемь дюймов. Каждый листочек был тщательно ухожен и сверкал, как на выставке. Изгородь вокруг аллеи предназначалась для того, чтобы простой народ не глазел на место развлечения знати.

Как только мы расстались с господином Гупта, я сконцентрировала свою магическую энергию. И когда мы подошли к кустарнику, я была уже готова пустить ее в ход. В сущности, это было что-то вроде детских заговоров, как и прежде, однако теперь я вложила в них всю силу. Я произнесла вступительную часть и бросила шар в кусты слева от себя.

Пролетев футов десять, шар так раскалился, что им можно было плавить железо. Потом он рассыпался на тысячи мелких кусочков.

Раздался крик.

Затем другой крик. Из кустов выскочил, схватившись за бок, человек.

Я приготовила еще один шар и бросила его в другую сторону.

— Подождем,— сказала я.— Пусть все вылезут. Прижмем их к воротам.— На дорожке были трое, они смотрели на меня широкими от ужаса глазами. Вслед за ними, как перепуганный скот, шарахнулись еще трое. Кустарник горел.— Длинная дорожка. Пошли.

Мы понеслись вперед. Наймиты отступали под нашим натиском. Они сгрудились в кучу у запертых ворот. Стражники не спускали глаз с горящих кустов, тоже перепуганные и растерянные.

— Рам. Дай-ка им по башке. И сунь их в коляску.

Стражники узнали меня и выполняли указания, данные мной шефу аллеи, двигаясь как заводные. Рам тем временем возился с шестеркой наемников.

— Госпожа.

Абда резко бросился прикрыть меня. Обернувшись, я увидела готового к удару громилу с кривой индейской саблей наперевес. Мне таких древностей и видеть даже не приходилось.

Абда прыгнул, сделал рывок и во мгновение ока обвил румелем шею наемника. Мне даже не пришлось воспользоваться моим мечом. Громила дернулся — и его шейные позвонки хрустнули.

Вот и славно. Рам закинул тела в коляску. А я передала через одного из стражников, что оказался более или менее вменяемым.

— Поблагодарите за меня господина Гупта.— И отдала ему меч.— Заодно принесите мои извинения за причиненный ущерб. Жрец Чандра Чан Тал будет счастлив возместить убытки. Ты готов, Рам?

— Да, Госпожа.

— Абда, загрузи эту падаль.— Я прошла к коляске, забралась на сиденье рядом с кучером и, оглядевшись вокруг, отыскала взглядом Тала. Он и еще два жреца в красном стояли в восьмидесяти футах от нас, у дороги. Их глаза торчали где-то на лбу. Я отсалютовала.

— Готово, Госпожа,— окликнул меня Абда.

Они с Рамом меня забавляли. Им почему-то не хотелось, чтобы я ехала с кучером голая, и в то же время возражали против того, чтобы я ехала в коляске вместе с пленниками и покойниками.

— Может, мне следует бежать вслед за коляской, как подобает благонравной таглиоске, а, Рам?

Он, смутившись, покачал головой.

— Забирайтесь наверх.

Мы покатили мимо Тала и его дружков. Я крикнула им сверху:

— Наслаждайтесь пока жизнью, она так коротка.

Тал побелел. Остальные не отреагировали. Либо не поняли, либо затаились.

Глава 31

Стоял славный денек. По небу скользили облачка, дул легкий ветерок, в воздухе стояла прохлада, что для этого времени года было необычным. И если оставаться в тени, то жара вообще не чувствовалась. Было пять часов вечера. Строительство лагеря началось на рассвете, и результаты работы четырех тысяч человек были очевидны.

Строительство жилья, столовых, конюшен, складов — это первоочередные задачи. Я надеялась разместить здесь десять тысяч человек. Но даже Нарайян сомневался, что мне удастся уложиться в запланированный срок при таких грандиозных объемах.

Все утро я приводила к присяге своих воинов, беседуя с небольшими группами, подбиравшимися по принадлежности к той или иной религии, заставляла их клясться посвятить себя единственной священной цели — защите Таглиоса. Присяга была нужна для того, чтобы обеспечить их беспрекословное подчинение своим командирам.

До этого ловкие подручные Нарайяна выявили в их среде жрецов и религиозных фанатиков. Из этих отбросов следовало сформировать специальное подразделение. Сотни на три. Им выделили поле у подножия холма и устроили курс ускоренной военной подготовки. Я собиралась послать их с

каким-нибудь особым заданием куда подальше, как только возникнет нужда. В тени дерева я наблюдала, отдавая указания. Рам, как всегда, висел над душой.

Я заметила приближающегося Нарайяна. Возвращался из города. Поднявшись, я спросила:

— Ну как дела?

— Все сделано. Последнего нашли за час до моего ухода.

— Отлично.— С Талом справиться было проще простого, но выследить его партнеров оказалось делом трудным. В итоге их ликвидировали друзья Нарайяна.— Хорошо. Шума было много?

— Трудно сказать. Хотя как раз перед моим уходом к нам явился представитель гуннитов.

— И что?

— Он хотел договориться об освобождении пойманных в аллее. Я сказал ему, что их давно освободили. Думаю, он сообразит, что к чему.

— Отлично. А о шпионах Хозяев Теней что-нибудь известно?

— Нет. Но кое-кто видел сморщенных карликов, о которых вы говорили. Так что они наверняка здесь.

— Конечно, они здесь. И я дала бы голову на отсечение лишь бы узнать, что у них на уме. Еще что-нибудь?

— Пока нет. Разве что ходит слух, что Прабриндрах Драх велел явиться к нему тем, кто руководит строительством стены, и приказал им вместо стены построить для вас крепость. Я обзавелся приятелем, который иногда нанимается в дворцовые прислуги. По его словам, штат прислуги князяа не соответствует его положению. Если князь не станет устраивать пиры, то получать он будет немного, да и вообще, похоже, жалованье его будет невелико.

— Узнай, нельзя ли ему устроиться во дворец на постоянную службу. Добровольцев за это время было много?

— Всего несколько. Пока еще слишком рано. Люди хотят посмотреть, как вы будете управляться с вашей армией.

— Можно понять. Кому охота вступать в отряд, отмеченный печатью поражения?

Интересно, что они говорили обо мне там, на своем митинге? Жаль, что нет у меня прежней силы.

Но давать им бездельничать я не собиралась.

— Я еду с тобой в город. Есть кое-какие дела.— Я вспомнила одну вещь, которую сделал муж, чтобы утвердить свою власть. И здесь можно было попробовать нечто подобное, чтобы все забыли на время о политике.

Для этого мне был нужен подходящий подиум. Надо было его подыскать. В дороге я спросила Нарайяна:

— У нас много лучников? — Я знала, что на самом деле немного, но надо было намекнуть. У него был дар из-под земли доставать то, что мне нужно.

— Нет, Госпожа. Стрельба из лука здесь не очень популярна. Досуг для Марханов, вот и все.— Он имел в виду высшую касту.

— Но несколько-то у нас было? Найдите их. И пусть они обучат самых надежных людей.

— Что-то затеяли?

Новые вариации на тему старой байки. Наверное. Может, лучники и не потребуются, но я должна знать, что они есть, на всякий случай.

— Приложим все усилия, чтобы исполнить ваше желание как всегда.— Он опять ухмыльнулся. Когда-нибудь я отучу его вообще улыбаться.

— Чтобы организовать отряд стрелков, вам понадобятся луки, стрелы и прочие атрибуты.— Теперь у него голова занята делом. Болтать не было настроения. Сегодня не хотелось дразнить львов. Собственно, я уже несколько дней хандрила. Вероятно, сказывались недосыпание, кошмарные сны и просто невероятная усталость.

Они преследовали. Они были ужасны, но я просто загнала их в глубины сознания. Оставалось лишь настроение. Но и с ним я научилась справляться. Предстояло много дел на ближайшее время. Когда насущные задачи будут решены, я основательно займусь своими снами.

Какое-то время я раздумывала о бывшем муже, Властелине: о том, как он создавал свою империю, и о собственном участии в этом. Отсутствие настоящих лидеров — мучительная проблема. Каждый день воинам

поручались задания, не соответствующие их уровню. В военной подготовке мы с Нарайяном опирались на внутреннее чутье. Не все справлялись с напряжением, некоторые ломались. Все стало труднее. Теперь приходилось иметь дело с целой ордой, не всегда представляя, что происходит на самом деле.

Когда мы уже почти подошли к городу и приблизились к строительным лесам стены, Нарайян заметил:

— Госпожа, до Фестиваля Огней осталось меньше месяца.

Секунду я не могла сообразить, о чем это он. Затем вспомнила, что это был их святой праздник, а также то, что Нарайян не раз намекал мне: если я хочу заручиться поддержкой Душил, желательно было бы мое присутствие на Фестивале. Нужно было убедить джамадаров, что я — Дщерь Ночи. И то, что я способна вызвать наступление Года Черепов.

Нужно больше узнать об этой религии. И то, что скрывал Нарайян, как мне казалось.

А времени в обрез.

Первое послание мы получили от людей, которые прошлой ночью наблюдали за Деджагором. Могаба держался. Ох и упрямец. Я не очень рвалась к встрече с ним. Вряд ли она была бы сердечной. Он бы затребовал должность Капитана. В чем была так же уверена, как в количестве собственных зубов.

Спокойствие. Только спокойствие.

Глава 32

Встреча с жрецами прошла неудачно. Радиша была вне себя от ярости. А брат ее казался угрюмым.

— На эту женщину надо найти управу,— пискнул Копченый.

Они собрались все в «заговоренной» комнате, и тем не менее на полке под потолком оказалось нечто, на что в суматохе никто не обратил внимания. Тем, кто был внизу, было невдомек, что все это время за ними следил желтый вороний глаз.

— Не уверен,— ответил Прабриндрах на реплику Копченого.— Мы много говорили. И у меня создалось впечатление, что она была искренней. Чутье подсказывает, что ей следует дать свободу действий.

— Боже мой! — не удержался Копченый.— Нет!

Радиша сохраняла нейтралитет. Но недолго.

— Сегодня вечером нас чуть не вышвырнули. Они держались поразительно сплоченно. Нас спасло только то, что мы смогли направить ее энергию на них. Нам от нее не отделаться, Копченый.

А Прабриндрах Драх заметил:

— Сунул голову тигру в пасть — помалкивай и не ерзай. У меня такое чувство, будто я на дне глубокой ямы, а наверху столпились люди и всем до ужаса хочется сбросить вниз по парочке хороших булыжников.

— Она нас проглотит,— резюмировал Копченый. Он старался говорить спокойно. Паника, как он понял, только раздражает окружающих. Говоря с Прабриндрахом и Радишей, следовало действовать методом убеждения.— Она заключает союз с Душилами.

— Да их всего несколько сотен,— заметила Радиша.— Сколько людей в Стране Теней? А сколько Теней? Тут, в городе, гораздо больше жрецов, готовых в любой момент воткнуть тебе нож в спину, нежели во всем мире Душил.

— А вы перечитайте старые хроники,— предложил Копченый.— Разве поначалу Черный Отряд был многочисленным? Но прежде чем их отсюда выдворили, наши предки едва избежали Года Черепов. С подобными черными силами шутки плохи. Тьма способна превратить в дьявола любого. Среднего быть не может — либо пан, либо пропал. И веревки, чтобы перекинуть через эту пропасть, тоже нет. Надеяться остаться неисцарапанным, стравив двух пантер,— глупо. Перед нами запредельное зло. Вспомните, что эта женщина сотворила вчера вечером.

Прабриндрах вздохнул:

— Я был в шоке от разрушений в аллее. Господин Гупта и его предшественники трудились над ней целый век.

— Да к черту эти кусты! — Копченый все-таки потерял самообладание.— Один умер от колдовских фокусов, семерых увезли неизвестно куда, и кто знает, что с ними сталось? Тала и его парней прикончили в их же собственных храмах. Задушили.

— Сами виноваты,— сказала Радиша.— Поплатились за собственную глупость. Заметь, что остальных жрецов-гуннитов не тронули и пальцем.

— Эту банду Гапора? Скорее всего, это они науськали Тала и, когда тот оказался в дураках, ушли в кусты.

— Может быть.

— Разве не доказательство того, что она опасна? Всего год назад ни одному жрецу и в голову не пришло бы совершить убийство, а теперь это считается в порядке вещей и никого не тревожит.

— Тала нет. По вашим словам, он был идиотом и сам виноват в том, что с ним произошло. Вы правы. Но он был одним из самых влиятельных людей в Таглиосе. Как и Джахамарадж Джах. Тот тоже напросился, чтобы его задушили. И со следующей жертвой будет то же самое, и все будут утверждать, что так, мол, ему и надо. И со следующей — тоже, и так далее, и так далее, покатится лавина, пока жертвой не окажется сам Прабриндрах Драх. Пусть она профессионал в военных делах. Пусть лучше ее в этой области нет никого. Может, ей и вправду ничего не стоит разбить Хозяев Теней в пух и прах. Но даже если они никогда больше не пересекут Майн, и ни на шаг не сдвинутся на север от Деджагора, и не выиграют ни единого сражения, как только за дело возьмется она, Таглиос пропадет и поражение наше будет столь же безусловно, как если бы его не защищали вовсе.

Прабриндрах Драх хотел было что-то сказать, но Радиша опередила:

— В его словах есть доля правды. Таглиос уже никогда не будет прежним.

— То есть?

— Если мы предоставим этой женщине свободу действий, она превратит Таглиос в некое подобие Страны Теней. Такова будет цена за победу... В этом я с Копченым

согласна. Хотя ты, Копченый, одержим страхом перед Душилами и грядущим Годом Черепов. Я наблюдала за нею и уверена, что никто, за исключением Костоправа, не может хоть как-то повлиять на эту женщину. Братец, Копченый прав. Ради нашего спасения она превратит нас в то, чего мы больше всего боимся.

— Получается, что мы в пролете при любом раскладе. Если даем свободу действий — мы обречены, а нет — нас уничтожат Хозяева Теней.

— Есть еще один путь...— заикнулся было Копченый. Но разве мог он им это сказать? Ведь он не сообщил обо всех подробностях той встречи с посланцами Длиннотени. А теперь было слишком поздно. Если он и «вспомнит» их сейчас, ему никогда не будут больше доверять. Мало того, Радиша и ее братец могут решить, что его неприязнь к их Капитану инспирирована врагами Таглиоса. Черт бы побрал того сморщенного коротышку. Он предвидел эту ситуацию.

— Так какой? — требовала ответа Радиша.

— Мне пришла в голову некая мысль. Думаю, не слишком удачная. Порой чувства довлеют над разумом. Забудьте об этом. Кина вот-вот проснется. И среди нас бродит Дщерь Ночи. Мы должны заставить ее замолчать.

Прабриндрах Драх заметил:

— Так мы можем проговорить всю ночь. И никогда не придем к общему решению. Было бы лучше направить свои усилия на то, чтобы опередить жрецов.

Копченый покачал головой. Так дело не пойдет. Эта женщина будет повсюду сеять раздор и смуту, и может статься, решение будет найдено слишком поздно. Таков путь тьмы. Обман. Бесконечный обман.

Продолжать беседу было бессмысленно. Оставался один-единственный выход. Если его поймают, они его возненавидят. Заклеймят как предателя. Но выбора не оставалось.

Оставалось только молить Бога, чтобы тот даровал ему мужество и ясный разум. Хозяева Теней сами кого хочешь надуют. Они, не колеблясь, использовали бы его, если б это было в его силах. Однако если будет осторожен в этой игре, то, может быть, он сможет помочь Таглиосу больше, нежели дюжина армий.

Он решил закончить беседу.

Уже уходя с сестрой, князь сказал:

— Копченый, я хотел тебя спросить об одной вещи. С какой стати она вдруг стала давать вознаграждения за летучих мышей?

— За кого?

— Шадарит Сингх упомянул об этом. Он прослышал это на пути сюда. Она известила всех, что дети, которые доставят ей как можно больше летучих мышей, получат в награду деньги. И теперь все бедняки в городе охотятся на них. А средства-то из государственной казны. Зачем это ей?

— Понятия не имею,— солгал Копченый. Сердце его подпрыгнуло. Значит, она в курсе. Кроме того, она требует, чтоб ей сообщали о всех чужеземцах...

Это уже не просто пропаганда. Она знала, знала... Некоторые специальные магические обряды требуют измельченных летучих мышей. Обычно используют шкурку, когти и печень. Но они годны лишь на то, чтобы помешать соседскому скоту отелиться или чтобы куры перестали нестись. Ей это без надобности. А вот живые летучие мыши нужны лишь Хозяевам Теней.

Он дождался, когда князь с сестрой уйдут за угол зала. Как только они исчезли, он тут же побежал из замка найти летучих мышей, пока не все из них были уничтожены.

Глава 33

На камне, прислонившись к дереву, сидел в лесу Костоправ и плел из травы фигурку животного. Закончив, он отшвырнул ее. Вороны наблюдали за ним. Он их в упор не замечал. Думал о Душелове.

Общение с ней было не бог весть каким удовольствием. Она всю жизнь была сосредоточена на самой себе. Иногда, но ненадолго она могла быть обворожительной, веселой, но поддерживать в себе это настроение не умела. Да и он тоже. Порой казалось, что они живут в параллельных мирах, а не вместе. Она не отпускала его. Что из того, что единства душ не было. У нее были свои на него планы.

Весь день она суетилась в башне. Зачем, он не знал, а выяснять не было желания. Он был подавлен и пришел сюда, когда ему стало совсем тошно.

Появился Жабомордый.

— Что такой унылый, Кэп?

— А чего веселиться?

— Веселиться нечего — это точно.

— Что в Деджагоре?

— Тоже ничего веселого. Я был занят все время.

— Чем же?

— Не могу сказать.— Бес напустил на себя скорбный вид.— Последний раз, когда я там был, ваши ребята были в порядке. Может, чуть больше суетились, чуть больше враждовали, чем прежде. Старик Одноглазый и его приятель не ладят с Могабой, совсем не ладят. Они поговаривают о том, чтобы дать деру, мол, пусть себе делает что хочет.

— Он пропадет, если они это сделают.

— Да, он их не очень ценит, это точно.

— Она говорит, мы отправляемся туда.

— Ну тогда вы сможете увидеть все собственными глазами.

— Не думаю, что такова его цель. Она вызвала тебя?

— Явился с донесением. Происходят забавные вещи. Спросите ее. Может, она вам скажет.

— Чем она занимается?

— Заметает в башне следы — чтоб никто не подумал, будто тут кто-то жил. Близится Фестиваль. Скоро здесь будут эти придурки.

Хотя на честный ответ и не слишком рассчитывал, Костоправ спросил:

— Как Госпожа?

— В порядке. Если все будет хорошо, месяцев через шесть она устроит целое представление. В Таглиосе все идолопоклонники бесятся из-за того, что она делает то, что хочет.

— Она в Таглиосе? — Это новость. Душелов и словом не обмолвилась об этом. Но он и не спрашивал.

— Да, уже несколько недель. Оставила Ножа в Годже главным и отправилась в город. Утверждает там свою власть.

— Это на нее похоже. Она не из тех, кто будет сидеть и ждать у моря погоды.

— Расскажите-ка, расскажите. Ох! Начальство зовет. Пойду докладываться. А вы тем временем собирайте вещи.

— Какие вещи? — У него было только то, что на нем. Да и то — тряпье.

— Да все, что есть. Она собирается через час отбыть.

Он не стал спорить. Все равно толку — нуль, это как с каменной глыбой спорить. Его интересы и желания не играли ровно никакой роли. Его положение хуже рабского.

— Не переживайте, Кэп,— утешил бес. И испарился.

Они ехали до тех пор, пока Костоправ не вырубился. Отдохнули и поехали дальше. Для Душелова время суток значения не имело. Ехали днем и ночью. Следующий привал сделали только тогда, когда они достигли Холмистой местности к северо-западу от Деджагора. Она говорила редко, да и то только с воронами. Обменялась парой слов с Жабомордым после того, как они прибыли на место. Костоправ в это время спал.

Она разбудила его, когда встало солнце.

— Сегодня устроим светский раут, любовь моя. Извини, что не проявляла к тебе должного внимания.— По ее тону нельзя понять, что у нее на уме. Сейчас интонации были обыденными и голос звучал спокойно, как у сестры.

— Планов много, например: хочу устроить тебе свидание.

— Очень заманчиво.

— Твой сарказм неисчерпаем.

— Мне он помогает жить.

— Может быть. Так вот, дела обстоят следующим образом. На прошлой неделе Тенекрут подверг Деджагор атаке. И был отброшен назад. Если бы он применил всю силу, он бы одержал победу. Но этого он сделать не мог, иначе Длиннотень моментально понял бы, что Тенекрут вовсе не так слаб, как притворяется. Сегодня вечером будет предпринята еще одна попытка, что может привести к победе. Ваш Одноглазый и Гоблин порвали с Могабой.

— Моя дражайшая сестрица пользуется большой властью в Таглиосе и его окрестностях. В ее подчинении пять

или шесть тысяч человек, и ни один из них ни на что не годен.

— Отправившись на север, она оставила в Годже главным некоего Ножа. Проблемы у него те же, что и у нее, а опыта и знаний — поменьше, но среди его воинов есть ветераны. Он установил строжайшую дисциплину и муштрует их. Видимо, считает, что именно так следует набираться опыта. Он тоже начал занимать прилегающие к Деджагору территории, в основном к югу.

— Вероятно, чтобы прокормить войско.

— Да. Сейчас под его началом три тысячи человек. Его разведка уже имела стычки с патрулями Тенекрута.

— А самая интересная новость — это то, что колдун Копченый завербован Длиннотенью.

— Кто бы мог подумать? Карликовый ублюдок. Правильно я ему никогда не доверял.

— Длиннотень сыграл на его страхе перед моей сестрой и Черным Отрядом. Заморочил ему голову уверениями в дружбе, а тот и уши развесил. Внушил, что Копченый станет героем и спасет Таглиос от лжеосвободителей, заключив мир с Хозяевами Теней.

— Бедный придурок. А мне казалось, что колдуны — люди смышленые.

— Смышленые не значит дальновидные, Костоправ. Да и не такой уж он болван. Он так доверился Длиннотени, что использовал все средства заставить того сдержать обещание. Ошибочка вышла. Он отправился прямиком в Ловушку Теней.

— Что?

— Ревун и Длиннотень на пару сумели состряпать ковер-самолет, вроде тех, что были когда-то у нас. Он, конечно, жалкое подобие, но Ревуну этого достаточно, чтобы отнести колдуна в Ловушку Теней и наводнить Таглиос своими шпионами. Сейчас Копченый в Вершине. За ним следит Жабомордый, а Длиннотень занимается обработкой бедолаги Копченого. Так что он вернется в Таглиос человеком Длиннотени.

Костоправу все это пришлось не по душе. Теперь против Таглиоса объединились три могущественных колдуна,

а единственный маг-защитник превратился во вражеского шпиона. Может, дела у Госпожи пока обстоят и неплохо, однако они могли бы быть намного лучше, не будь у нее, помимо явных врагов — Хозяев Теней, еще и врагов тайных.

Над Таглиосом нависла тень.

И Хатовар казался теперь как никогда недостижимым.

В одиночку ему со всем этим не справиться. Надо вернуть Анналы... У него их не было. Они были спрятаны в Деджагоре. Но ему до них не добраться. Может, Мурген ведет записи? Ах, как это было бы нужно!

— Но ты ничего не сказала о той роли, которая уготована в этом деле нам.

— Как же, сказала. Я не раз упоминала об этом. Мы собираемся поразвлечься. Для начала вышибем всех из седел. Вечером устроим такое представление, что они забегают как полоумные, гадая, что происходит с этим миром.

Он начал что-то понимать вскоре после того, как она велела собирать вещи.

— Сейчас?

— Надевай доспехи. Пора навести ужас на Тенекрута и спасать Деджагор.

Он стоял озадаченный. Тогда она спросила:

— Разве ты не хотел бы разделаться с ними?

— Нет.— В городе были Анналы. И их надо было во что бы то ни стало сохранить. И он достал доспехи, которые они волокли всю дорогу от башни.— Я не могу надеть это на себя.

— Знаю. Тебе тоже придется помочь мне облачиться.

В доспехи? Он-то думал, что она будет выступать в облике Душелова. Теперь ее план прояснился.

Те доспехи, которые она изготовила в башне, были копией костюма Жизнедава, костюма Госпожи. Их сходство перевернет всем мозги. Вдоводела считают мертвым. А Госпожа, как всем известно, находится в Таглиосе. При этом ни он, ни Госпожа до сих пор в колдовстве замечены не были. Осажденные будут потрясены. А людей Тенекрута их появление повергнет в панику. Длиннотень, может,

и заподозрит неладное, но уверенности не придаст. Копченый и таглиосский правитель со своей сестрицей будут озадачены. И даже Госпожу это повергнет в замешательство.

Он был уверен, что она считает его погибшим.

— Черт бы тебя побрал,— проговорил он, водружая шлем на ее голову.— Черт бы тебя взял со всем потрохами.— Он не мог отказаться от участия в этом деле. Если они не вмешаются, Деджагор будет сдан врагу, а его защитники погибнут.

— Полегче, любовь моя. Полегче. Попридержи эмоции. Отнесись к этому как к развлечению. Посмотри-ка. Копье.— Она показала ему копье.

Это была та самая пика, на которой держалось знамя Отряда, причем очень давно. А он столько времени потратил на ее поиск. И не заметил, как она появилась. Теперь он видел ее воочию, освещенную огнем, который они зажгли, чтобы осветить башню. Копье сияло мягким светом. На нем было и знамя. Он все никак не мог поверить своим глазам.

— Как же тебе...— А, черт с ней. Колдунья чертова. Но он не позволит крутить собой, как ей заблагорассудится. Такого удовольствия он ей не доставит.

— Возьми его, Костоправ. Седлай лошадь. Пора.— Она даже украсила доспехи и лошадиную упряжь всякими финтифлюшками в стиле барокко и ведьминым огоньками.

Он сделал все, что она ему велела. И был потрясен. Ее доспехи все-таки чуть-чуть отличались от тех, которые Жизнедав создала для своего образа. Эти были зловещими. От них разило смертью, они казались знамением рока.

На плечи Костоправа уселись две огромные вороны. Их глаза горели красным огнем. Вокруг Душелова тоже кружила черная стая. На хребте лошади появился Жабомордый и, что-то прочирикав, исчез.

— Поехали. Мы должны поторопиться, чтобы день был в запасе.— Ее голос захлебывался, как у счастливого ребенка, задумавшего шалость.

Мотер просунул в дверь голову.

— Он идет, Лозан.

Лебедь, поворчав, открыл ставни, чтобы дать доступ свету. Он смотрел на лагерь Ножа и его пристройки. Сами боги были на стороне Ножа. Добровольцы шли к нему толпами. И никто не хотел записываться в гвардию Радиши. А он-то связывал с ней большие надежды. Однако имя Радиши весило здесь значительно меньше имени Ножа. А тот, черт бы его побрал, так же упорно держался Госпожи, как и Корди — Радиши.

— Корди, Корди, и чего бы нам, черт возьми, не вернуться домой,— ворчал Лебедь.

Явился Нож в сопровождении Мотера. А за ними этот человек-дерево — Зиндху. Он следовал за Ножом повсюду, словно тень. Лебедю он не нравился. Уж очень юркий.

— Корди говорит, что у вас что-то есть,— заявил Нож.

— Да. Наконец у нас есть кое-что для тебя.— Он начал рассылать свои патрули после того, как Нож стал контролировать территории к югу.— Наши ребята захватили пленных.

— Знаю.

Конечно, он знал. Было бесполезно скрывать что-либо друг от друга. Они и не пытались. При всех своих разногласиях они оставались друзьями. В этой самой комнате Нож разрабатывал свою тактику, склоняясь над картой, лежащей на столе. И все, что Лебедь хотел знать, он мог видеть собственными глазами.

— Прошлой ночью в Деджагоре был большой переполох. Тенекрут атаковал крепость. И зажал наших друзей в угол. Затем невесть откуда выскочили два огромных черных всадника и стали изрыгать огонь и метать молнии налево-направо, повергая всех в ужас.

Когда дым рассеялся, оказалось, что Хозяевам Теней досталось по уши. Один из пленных видел это собственными глазами. По его словам, Тенекруту пришлось попотеть, чтобы отбиться от этой парочки. Вот так.

Выкладывая все это, Лебедь не сводил глаз с Ножа. На этом обычно непроницаемом лице появилась тень тревоги.

Закончив свою тираду, Лебедь спросил:

— Какие есть соображения на этот счет, приятель? Как думаешь, эти чудо-спасители — из числа наших знакомых?

— Госпожа и Костоправ. В своих доспехах.

Вот именно! Но?

— Костоправ умер, а Госпожа — в Таглиосе.

— А тут объявились оба вместе. У кого-то неплохо варит котелок. Я так думаю. Что же произошло на самом деле? Зиндху! А ты чего ухмыляешься?

— Кина.

Вся компания сурово уставилась на широкоплечего. А Мотер попросил:

— Опиши-ка все это еще раз, Лозан.

Лебедь повторил рассказ.

— Да, Кина,— заметил Мотер,— в том обличье, как ее обычно рисуют.

— Нет, это — не она,— сказал Зиндху.— Кина спит. Это ее дочь, плоть от плоти ее.

Связь Зиндху с Обманниками ни для кого секретом не была. Но от него было мало проку. Так было всегда — скажет что-нибудь, а потом сам себе противоречит.

— Знаешь, приятель,— сказал Лебедь,— я не собираюсь выяснять, кто там был. Некто, по описанию похожий на Кину, появляется на сцене и задает им перцу. Кина не Кина, меня это не волнует. Кому-то, видимо, хотелось, чтобы ее приняли за Кину. Ведь так?

Зиндху кивнул.

— А кто был второй? На кого он похож?

Зиндху покачал головой:

— Это мне непонятно.

Мотер устроился на подоконнике. Лебедь вздрогнул. Все-таки высота за спиной Корди была сорок футов.

— Спокойно. Дайте мне подумать.

— Тихо,— поддержал его Лебедь,— не мешайте ему.— Когда возникала затруднительная ситуация, Корди оказывался незаменим.

Они ждали. Лебедь мерил шагами комнату. Нож изучал карту. Он не терял времени зря. Зиндху стоял неподвижно, не делая лишних движений, хотя видно было, что ему не по себе.

Наконец Мотер произнес:

— На сцене появилась новая сила.

— А именно? — вскинулся Лебедь.

— А тут другого варианта не остается, Лозан. Хозяева Теней, хотя и грызутся между собой, вряд ли зашли бы так далеко. Слишком здорово эта парочка нам помогла. А у нас нет никого, кто был бы способен на колдовство. Значит, это сделал кто-то другой.

— Но зачем?

— Чтобы все запутать?

— Но так оно и случилось. Зачем им это понадобилось?

— Не имею ни малейшего представления.

— Так кто же это?

— Не знаю. И никто не знает, и теперь все будут ломать голову, чтобы это выяснить.

Слышал ли их Нож? Что-то непохоже. Вдруг он спросил:

— Как пострадали Хозяева Теней?

— Что?

— Я имею в виду армию Тенекрута. Что с ней?

— Они потеряли столько, чтобы оставить Деджагор на время в покое. Пока не залатают дыры. Но потери не настолько сильны, чтобы у наших ребят образовалась возможность прорвать осаду.

— Значит, они вмешались, чтобы держать стороны в равновесии.

— Наши ребята здорово пострадали, по словам пленных. Почти половина убиты. Это при том, что Хозяевам Теней досталось покруче.

— При этом у них хватает людей, чтобы рассылать разведчиков? Раз уж вы сумели захватить их в плен?

— Тенекрут боится нашей атаки. За последнее время ему хватило сюрпризов.

Нож прошелся по комнате. Вернулся к карте, шлепнул в сердцах по фишкам гарнизонов и постов, поставлен-

ных в 150 милях к югу. Затем снова походил. Наконец спросил Мотера:

— Это правда? Или просто они хотят, чтобы мы так думали? Что-то вроде приманки?

— Пленные в это верят,— заметил Лебедь.

Нож обратился к Зиндху:

— А почему молчит Хаким? Почему мы узнали об этом от Лебедя? .

— Не знаю.

— Выясни. И поговори со своими друзьями. Если все это правда, то нам следовало знать об этом еще до того, как их патруль захватил пленных.

Расстроенный Зиндху удалился.

А Лебедь спросил друга:

— Ну а теперь, когда его тут нет, скажи нам, что у тебя на уме?

— Правда ли все это? Вот что я думаю. Люди Зиндху не спускают с Деджагора глаз. И когда эта заваруха началась, они бы тут же послали гонца с вестью. И второго — когда эта заваруха кончилась. Один, может, до нас и не добрался бы, но два — вряд ли. Связь налаженная. Основные связные — бандиты и крестьяне.

— Думаешь, пленные — подсадные утки?

Нож снова зашагал по комнате.

— Не знаю. Если да, то почему их послали к нам? Как по-твоему, Мотер?

Корди подумал.

— Если они — подсадные утки, в плен они должны были попасть не к нам. Если только они не ставят перед собой задачу поставить нас в тупик. Или им все равно, кем именно они захвачены. Может, они говорят правду, но рассчитывают на то, что мы им не поверим, так как их рассказ не подтвержден сообщениями разведчиков. Может, это способ выиграть время.

— Иллюзия,— заметил Лебедь.— Помнишь, что любил повторять Костоправ? Что создавать иллюзии у окружающих — его любимый вид оружия.

— Ты не совсем точно его цитируешь, Лозан,— поправил его Мотер.— Хотя смысл примерно такой. Одни

люди хотят, чтобы другие видели то, чего на самом деле не существует. Или не обратили внимания на то, что существует.

— Я отправляюсь,— отрезал Нож.

Лебедь громко запротестовал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я отправляюсь туда.

— Ах вот оно что! Да ты, парень, умом, что ли, тронулся? По-моему, тебя немного занесло, раз ты решил погнаться за этой парочкой.

Нож вышел.

Лозан набросился на Мотера:

— А нам что делать, Корди?

Мотер покачал головой:

— Я совсем перестал понимать Ножа. Он просто ищет смерти. Наверное, нельзя нам было отпускать его к этим крокодилам.

— Да, наверное, ты прав. И все же что нам теперь делать?

— Отправить послание на север. И присоединиться к Ножу.

— Но...

— Мы назначены главнокомандующим. И можем поступать по своему усмотрению.— Мотер вышел.

— Они оба спятили,— пробормотал Лебедь. С минуту он разглядывал карту, затем подошел к окну, посмотрел на оживление в лагере Ножа, оглядел брод и строителей, копошащихся там, где устанавливались деревянные подпоры для моста Госпожи.

— Все с ума посходили.— Он сунул палец меж зубов и, с яростью прикусив его, заметил: — А я-то, черт возьми, чем от них отличаюсь?

Глава 35

— Итак,— сказала я.— Схлопотала. Только что мне передали сообщение, что жрец Ведны Иман аль Хабдр приказал строителям-веднаитам покинуть мой лагерь и явиться на строительство этой идиотской городской стены. Это

была уже вторая неудача за день. Гунниты вышли на работу через час после назначенного времени. Завтра не явятся шадариты. Они все-таки решили испытать мое терпение. Нарайян, позови лучников. Рам, разошли послания, которые по моему приказу приготовили писари.

Нарайян выпучил глаза. Он не мог сдвинуться с места. Не верил, что я могу на это пойти.

— Госпожа?

— Отправляйся.

Они пошли.

Я беспокойно металась, стараясь подавить свой гнев. Нет причин злиться. Случившееся не было неожиданностью. Жрецы нисколько не беспокоили меня с тех пор, как я разделалась с Талом. А они попросту готовили очередную акцию против меня, чтобы подвергнуть новому испытанию.

Я воспользовалась отсрочкой, мобилизуя в свои ряды по две сотни новобранцев в день. Разбит был временный лагерь. Строительство каменной крепости, которая должна была заменить эти временные постройки, было начато. Кое-кто из моих воинов прошел начальный курс обучения. Уговорами и угрозами я добилась денег, оружия и скота от Прабриндраха Драха. Тут я была полностью обеспечена.

Кроме того, я значительно преуспела в своих занятиях магией. И хотя даже Копченый мог меня не бояться, успехи внушали мне радостные надежды.

Что меня тревожило, так это сны и легкая тошнота, постоянно преследовавшая, несмотря на все усилия избавиться от нее. Грешила на чистоту воды в лагере, но и тогда, когда вернулась в город, тошнота осталась. Может, это было реакцией организма на недосыпание.

Я отказывалась поддаваться своим снам, упорно их игнорируя. И заставила себя относиться к ним как к чему-то, что надо просто перетерпеть, вроде фурункулов. Когда-нибудь я избавлюсь от них. И все опять придет в равновесие.

Я видела, как мои гонцы шли к городу. Отступать было поздно. Была не была, надо было привлечь к себе внимание.

Рам помог мне облачиться в доспехи. Сотня людей наблюдала за этой процедурой. Казармы были еще переполнены, хотя пять тысяч человек уже переселились в лагерь.

— Рам, у нас столько новобранцев — просто не знаю, что с ними со всеми делать.

— Поднимите лучше руку, Госпожа,— проворчал он.

Я подняла обе. И в тот момент увидела, что сквозь толпу пробивается Нарайян. Бледный как привидение.

— В чем дело?

— Здесь Прабриндрах Драх. Сам, без сопровождающих. Хочет поговорить с вами.— Хотя он и старался говорить шепотом, его услышали. Новость тут же разнеслась среди воинов.

— Тише. Тише вы все! Он тут? Где он?

— Я велел Абде провести его окольным путем.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны, Нарайян. Продолжайте, Рам.

Нарайян исчез еще до того, как Абда привел князя. Я начала с традиционных приветствий. Но он прервал меня:

— Оставьте это. Вы не могли бы приказать им уйти? Мне бы хотелось переговорить с вами наедине.

— У нас учебная тревога. Или что-то в этом роде. Так, ребята, уйдите. Абда, проследите за тем, чтобы нас оставили вдвоем.

Толпа стала нехотя расходиться. Князь окинул взглядом Рама. Я сказала:

— Рам пусть останется. Без него мне не одеться.

— Вы удивлены моим визитом?

— Да.

— Отлично. Пора вас чем-то удивить.

В ответ я только взглянула. Он требовательно спросил меня:

— Что это за слухи ходят, будто вы уходите?

— Ухожу откуда?

— Уходите со своего поста. Отсюда. Оставляете нас на Хозяев Теней.

Таков был скрытый смысл тех слухов, которые я велела распространить, хотя впрямую ничего подобного не говорилось.

— Не знаю, что вы имеете в виду. Я собираюсь обратиться с речью к некоторым жрецам. Просто чтобы разъяснить им кое-что. С чего вы взяли, что я дезертирую?

— Ходят слухи. Все волнуются. Считается, что вы сломались. Что стоило им пойти вам наперекор, не дать вам топтать их, как вы готовы пойти на попятную.

Я и хотела, чтоб они так думали. То есть чтобы им хотелось думать так.

— В таком случае они будут сильно разочарованы.

Он улыбнулся:

— Всю жизнь они мне причиняют одни неприятности. Я должен увидеть это.

— Я бы вам не рекомендовала.

— Почему?

Я не могла ему этого сказать.

— Просто поверьте мне на слово. Если вы будете там, вы пожалеете.

— Сомневаюсь. Вряд ли они в состоянии причинить мне больше беспокойства. Мне хочется собственными глазами увидеть их разочарованные мины.

— Потом не сможете их никогда забыть. Вам не следует туда идти.

— Тем не менее я настаиваю.

— Ну что ж, мое дело — предупредить вас.— Если он туда пойдет, он не испытает никакой радости, зато принесет радость мне. Я сказала себе, что сделала все, что могла, чтобы переубедить его. Моя совесть чиста.

Рам закончил одевать меня.

— Мне нужен Нарайян, Абда! Позаботьтесь, пожалуйста, о князе. Вы меня извините?

Я отозвала Нарайяна в угол, где бы мы могли шепотом переговорить друг с другом. Я рассказала ему о том, что случилось. А он, ухмыляясь, слушал меня — ох, до чего мне обрыдла его ухмылочка, так и съездила бы ему по физиономии. Но он перевел разговор на другую тему:

— Скоро будет Фестиваль, Госпожа. Нам следует обговорить план нашего путешествия.

— Знаю. Ваши джамадары хотят посмотреть на меня. Но у меня слишком много дел. Давайте лучше обсудим планы на сегодняшний вечер.

— Конечно, Госпожа. Конечно. У меня и в мыслях не было давить на вас.

— Было, было. Все готово?

— Да, Госпожа. Все готово еще с полудня.

— Сделают ли они это? То есть смогут ли они это сделать, когда наступит решительный момент?

— Никогда не знаешь, как поступит тот или иной человек в критический момент, Госпожа. Но эти люди — в прошлом рабы. И очень немногие из них — таглиосцы.

— Отлично. Идите. Через несколько минут мы выходим.

Площадь называлась Айку Ракхади, Соединение Хади. Здесь был перекресток дорог, когда-то давно, когда город был совсем небольшим. Тогда эта местность считалась шадаритской, теперь это были владения Ведны. Площадь была небольшой, всего футов сто двадцать. В центре находился фонтан, который питала вода из соседних источников. На площади собралась толпа жрецов.

Собрались вожди всех культов с друзьями и знакомыми. Всем хотелось полюбоваться на зрелище унижения этой выскочки. Даже приоделись по случаю. Шадариты были в белых простых рубахах и изорах, жрецы Ведны оделись в восточные халаты и тюрбаны. Пестрели красками облачения самых многочисленных здесь гуннитов. Алый, цвет индиго, мягкий шафран и глубокий аквамарин отличали различные направления учений этой религии. Последователи Джахамараджа Джаха стояли в черном. Казалось, на площади не осталось пустого пространства. По моим приблизительным расчетам, здесь было от восьмисот до тысячи людей.

— Всякий сколько-нибудь уважаемый жрец сегодня здесь,— сказал мне князь. Мы вошли на площадь, следуя за группой барабанщиков, не слишком искусных в своем ремесле. Они тоже выполняли роль моих телохранителей. Рама со мной не было. Барабанщики освободили пространство у стены.

— Я хотела, чтобы все так и происходило,— сказала я князю. Я надеялась, что впечатляюще выгляжу в своем костюме. Верхом на черном жеребце я глядела на Прабриндраха Драха сверху вниз. Хотя его гнедой конькогорбунком отнюдь не был. Жрецы, заметив его, стали перешептываться. Когда шепчутся восемьсот человек, шума от них как от стаи саранчи.

Мы встали за строем барабанщиков перед самой стеной.

Получится ли?

Когда-то, давным-давно, мой муж провел этот маневр очень удачно.

— Духовные владыки Таглиоса.— Наступила тишина. Это заклинание у меня получилось славно. Голос звучал отлично.— Спасибо, что пришли сюда. Близится время серьезных испытаний. Трудно переоценить опасность, которую представляют собой Хозяева Теней. Те вести, что мы получаем из их Страны, правдивы лишь отчасти. А у этого города, у вашего народа — одна надежда. Объединиться перед лицом врага в одну силу. Если мы будем разрознены, поражение неизбежно.

Они слушали меня. Произведенный эффект удовлетворил меня.

— В раздробленности — поражение. Может, у кого-то из вас сложилось мнение, что я не очень подхожу для роли защитника Таглиоса. Властолюбие и раздоры подтачивают вас. Ситуация обострилась, и это отвлекает народ от его великой задачи. Я решила устранить причину вашей разъединенности. Сегодня вечером Таглиос обретет единство.

Пока они ждали моего отречения, я надела шлем. И зажгла ведьмины огоньки.

Тут они заподозрили неладное. Кто-то вскрикнул:

— Кина!

Я вытащила меч.

Запели стрелы, пущенные лучниками.

Пока я говорила, люди, отобранные Нарайяном, установили баррикады на узких улочках, ведущих к площади. И когда я вытащила меч, воины, занявшие позиции в домах вокруг площади, натянули луки. Жрецы закричали. И

попытались бежать. Но баррикады оказались слишком высоки. Тогда они повернули ко мне. И моей силы хватило, чтобы держать их в отдалении, за стеной барабанов. А стрелы тем временем метили цель.

Люди метались из стороны в сторону. Падали на землю. Молили о пощаде.

Стрелы разили, пока я не опустила свой меч.

Я спешилась. Прабриндрах Драх стоял с опущенной головой. В лице его не было ни единой кровинки. Он пытался что-то сказать, но не мог.

— Я вас предупреждала.

Ко мне подошел Нарайян с товарищами.

— Вы послали за фургонами? Нужно отнести тела в неосвященную братскую могилу.

Он кивнул. Как и князь, он не мог говорить.

— Ничего, Нарайян.— сказала я.— Мне приходилось совершать и кое-что похуже. Я готова и не на такое. Теперь проверь всех. Выясни, не пропал ли кто-нибудь из высокопоставленных особ.— Я пересекла место, усеянное трупами. Надо отдать приказ лучникам освободить занятые ими дома.

Прабриндрах не сдвинулся с места. Он сидел, уставившись на площадь. Наверное, мучительно осознавал свое присутствие на этой бойне как санкцию на нее.

Меня нашел Рам.

— Госпожа,— выдохнул он. Всю дорогу от казарм он бежал.

— Что вы здесь делаете?

— Из Годжи — посыльный. От Ножа. Он скакал целые сутки. Вам нужно поскорее отправляться туда.— Усеянная трупами площадь не произвела на него никакого впечатления. Он бы с большим вниманием смотрел на женщин, судачащих у колодца, нежели на дружков Нарайяна, добивающих раненых.

Я пошла следом за ним. Поговорила с посыльным. В какой-то момент я обозлилась на Ножа. Затем мне пришла в голову мысль, что в его новостях были свои положительные стороны.

Действия Ножа могли послужить предлогом вывести свои войска до того, как новость о случившемся сегодня вечером распространится среди населения.

Глава 36

Прабриндрах сидел вот уже час, уставившись взглядом в стену своей опочивальни. Он не реагировал на расспросы сестры. Та была потрясена.

Наконец он взглянул на нее.

— Она справилась с этим? А ты надеялся, что не справится? Говорила я тебе — не ходи туда.

— Она не отреклась от поста. Нет. Она не отреклась. — Он визгливо хохотнул. — У нее и в мыслях этого не было. — Его передернуло.

— Что произошло?

— Она решила все проблемы с жрецами. Не то чтобы навсегда, но потребуется немало времени, прежде чем... — Голос его стал тише. — Я так же виноват, как и она.

— Да что, черт побери, произошло? Расскажи мне.

— Она уничтожила их. Всех до одного. Заманила их туда, заставив поверить в то, что у них будет возможность осрамить ее. А ее лучники их всех поубивали. Тысячу жрецов. И я там был. И видел, как она потом резала глотки.

Радиша решила было, что это отвратительная шутка.

— Не может быть.

— Она достигла своей цели. Добилась того, чего хотела. Копченый был прав.

Радиша нервно задвигалась, лишь вполуха прислушиваясь к его самобичеванию. Случившееся не имело прецедента, это было зверством, не поддающимся никакому человеческому пониманию. Подобного в истории Таглиоса еще не было.

И не могло быть.

Но какие это открывало возможности! Вся религиозная система подорвана на многие года. Это зверство открывало им путь к осуществлению всех помыслов и стремлений. К восстановлению приоритета государства.

Князь услышал что-то. Сестра в испуге повернулась и оторопела.

Она стояла в комнате. Как она пробралась во дворец — одному Богу известно. Все в том же странном одеянии, забрызганном кровью.

— Он вам все рассказал?

— Да.

— Было новое наступление на Деджагор. Атака Хозяев Теней отбита, они тоже понесли тяжелые потери. Нож отправился на юг, чтобы освободить город до того, как те получат подкрепление. Я намерена присоединиться к нему. У меня нет людей, кому могла бы доверить работу здесь. Придется заняться вам. Прикажите строителям возобновить сооружение крепости. Продолжайте мобилизацию. Есть шанс решить самые серьезные проблемы в ближайшее время, тогда из наших врагов останется лишь Длиннотень. Противостояние может затянуться, и придется использовать всех людей.

Радиша не могла произнести ни слова. Разве посмеешь спорить с женщиной, обагрившей себя кровью тысяч людских душ.

— Я подарила вам долгожданный шанс. Так хватайтесь.

Радиша сделала над собой усилие, чтобы ответить. Но у нее ничего не получилось. Никогда она не была так напугана.

Женщина произнесла:

— Мне здесь больше нечего делать. А вам не надо бояться меня, если вы не будете мне мешать. Я уничтожу Хозяев Теней, выполним миссию Отряда. А потом потребую вознаграждения.

Радиша кивнула, будто кто-то схватил ее за волосы и заставил мотнуть головой.

— Вернусь после того, как выясню обстановку в Деджагоре.— Подойдя к Прабриндраху, женщина положила руку на его плечо.— Не мучайте себя. Они сами вынесли себе приговор. А вы — князь. Князь должен быть твердым и решительным! Будьте сейчас пожестче, не позволяйте хаосу завладеть Таглиосом. Я оставлю небольшой гарнизон. Это подкрепит вашу волю.

И она вышла.

Радиша с братом глядели друг на друга.

— Что мы наделали? — спросил он.

— Поздно убиваться. Попытаемся овладеть ситуацией.

— А где Копченый?

— Не знаю. Я его не видела целую вечность.

— Неужели он был прав? Неужели она и вправду Дщерь Ночи?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Мы засунули свои головы тигру в пасть...

Глава 37

Я выехала перед рассветом. Я взяла с собой кого смогла, кроме тех, кто помогал мне разделаться со жрецами. Их я оставила с гарнизоном, приказав им с неделю побыть в городе, а затем вброд через Майн перебраться в отдаленную местность под названием Ведна-Бота. Мне не хотелось, чтобы они общались с теми, кто еще не знал о бойне.

Всего у меня было шесть тысяч человек, которые отличались от обычной толпы разве что тем, что они были вооружены. Но все были полны энтузиазма. Рвались к освобождению Деджагора.

Я пыталась их и в марше чему-то научить.

Нарайяну не нравился поход. Он все время над чем-то размышлял. На третий день марша он подошел ко мне. Было уже поздно.

— Госпожа?

— Решился заговорить наконец?

Он притворился, что мой вопрос не был для него неожиданностью, пытаясь глотать все, чем я его кормила. На первый взгляд. Сожалел ли он о своем скоропалительном решении воплотить во мне идею мессии Душил? Уверена, он предпочел бы лучше контролировать ситуацию. Чтобы Дщерь Ночи ощущала зависимость от его амбиций и планов.

— Да, Госпожа. Завтра — Этсатайя, первый день Фестиваля. Мы всего в нескольких милях от Священной Рощи. Ваша встреча с джамадарами была бы чрезвычайно полезна.

Я уводила его подальше от движения толпы.

— Я и не пытаюсь отвертеться. Просто была занята. Ты говоришь — первый день. А я думала — Фестиваль и длится всего один день.

— Три дня, Госпожа. И самый пик праздника приходится на второй день.

— Я не могу позволить себе отлучаться на три дня, Нарайян.

— Знаю, Госпожа.— Смешно, но когда ему было что-то нужно, он вставлял почтительные обращения через каждые два слова.— У нас есть люди, которые могут проследить за движением отряда. Им, в сущности, всего-то и надо, что идти по дороге. А с вашими лошадьми мы их в момент догоним.

Я старалась не показывать своего истинного отношения к этой затее. Ехать было нужно, но не хотелось. Пока что от собратьев Нарайяна большого толка не было.

Но сам он был незаменим. Надо пойти навстречу.

— Хорошо. Распорядись, чтобы эта толпа двигалась куда нужно, сама по себе. А сейчас приведи Рама и моего жеребца.

— Да, Госпожа.

Через полчаса мы оставили отряд.

Уже стемнело, когда мы добрались до Священной Рощи Душил. Я почувствовала место, так как видно было плохо. Мне редко доводилось ощущать более гнетущую ауру. Кое-кто из братства Нарайяна был уже там. Мы присоединились. Они украдкой поглядывали на меня, но смотреть в глаза никто не решался.

Делать было нечего, и я рано отправилась спать.

Сны были жутко отвратительными, беспощадными, и им не было конца. Всю ночь до самого восхода я искала спасения, пробираясь на ощупь сквозь туман и темные деревья. Над головой ругались и каркали вороны, десятки тысяч ворон. Нарайян и его друзья расценили это как знак удачи. Птицы были любимцами, посланниками и шпионами Кины.

Была ли какая-нибудь связь между ними и теми воронами, которые так долго и неотступно следовали за Чер-

ным Отрядом? Если верить Костоправу, они пристали к нам, как только мы пересекли море Мук. А это было в семи тысячах миль на север от Роци.

Проснувшись, я сразу почувствовала тошноту. Когда попыталась сесть, меня вырвало. Мужчины суетились вокруг меня, стараясь проявить заботу, однако они ничем не могли помочь мне. Нарайян казался насмерть перепуганным. Еще бы, ведь я была его капиталовложением. Если он меня сейчас потеряет, он банкрот.

— Госпожа! Госпожа! В чем дело?

— Меня выворачивает наизнанку! — рявкнула я.— Принеси мне чего-нибудь.

Но никто ничем не мог мне помочь.

Понемногу рвота прекратилась. Но стоило сделать резкое движение, к горлу подкатывало. Я заглотила завтрак. Через час смогла встать и двигаться, уже не испытывая особого дискомфорта, если только двигалась медленно и плавно.

Болезнь была чем-то новым для меня. Раньше я никогда не болела. И мне это не понравилось.

В роще было уже человек сто, а то и больше. Они все явились взглянуть на своего мессию, а мессию подташнивало. Мне кажется, я не произвела на них большого впечатления. Я их понимаю — на их месте я бы тоже была разочарована. Разве может живой человек соответствовать чаяниям второго пришествия? А в нынешнем состоянии я была вдвойне неподходящей кандидатурой. Нарайян, видимо, сумел обосновать свой выбор. Раз они не перегрызли мне глотку.

Это была смешанная банда, в которой были представители всех религий и каст, таглиосцев и иноземцев. Все они без исключения, собравшиеся в роще, имели зловещий вид. От них за версту воняло вековой кровью.

Праздничного настроения ни у кого не было. Казалось, они ждали, что вот-вот что-то случится. Отозвав Нарайяна в сторону, я спросила его об этом.

— До ночи обычно ничего особенного не происходит,— ответил он.— Сегодня прибудет большинство джамадаров. Те, кто уже прибыл, будут заниматься приготовлениями.

Вечером состоится церемония открытия Фестиваля. Известят Кину о том, что завтра — ее день. Завтрашние ритуальные обряды посвящены вызову ее. Ей будут представлены кандидаты для выбора или одобрения. После церемонии начнется пир. Во время всего Фестиваля жрецы должны рассматривать прошения. В этом году их немного. Придется решать старый спор между сектами Инельда и Твана. Это важный вопрос.

Я нахмурилась.

— Иногда группы конфликтуют между собой. Банда Инельда — это веднаиты, а Твана — из шадаритов. И те и другие обвиняют друг друга в ереси и надувательстве. Конфликт у них давний, восходит еще ко временам вторжения Хозяев Теней. В некоторых районах, где эти банды — единственный закон, увеличивается доля своих территорий за счет чужих земель.

Да, эта длинная история, не слишком привлекательная и вполне соответствующая человеческой психологии, служила наглядной иллюстрацией того, что Обманники были не только ярыми фанатиками своих культов. По местам они управляли преступным миром. И банды, которые были участниками конфликта, пользовались авторитетом в густонаселенном штате Хатчапур, где власть Обманников довольно сильна. Истинная причина вражды — в борьбе преступных банд за территорию.

— Так или иначе,— сказал Нарайян,— но Ильюк из Инельды поверг всех в шок, когда заявил, что их спор должна решить Кина.

Тон, каким он произнес эти слова, был зловещим. Кина была верховной инстанцией в разрешении споров.

— Это необычно?

— Все считают, что это блеф. Ильюк полагает, что Кауран, джамадар группы Твана, откажется. Тогда разрешением конфликта займутся жрецы.

— А если он не отступится?

— Суд Кины исключает апелляцию.

— Да уж.

— Как чувствуете себя? Получше?

— Немного. Мутит, но с этим можно справиться.

— Есть можете? Поесть надо.

— Может, риса чуть-чуть, не слишком приправленного. — В Таглиосе обожали пряности. Весь город пропах специями.

Он поручил меня заботе Рама. И тот стоял у меня над душой все время, пока я ела. Я старалась быть спокойной. Очень старалась. Пока я клевала, пережидая, пройдет ли очередная порция без осложнений, Нарайян привел компанию жрецов и джамадаров для официального знакомства. Я постаралась запомнить имена и лица, заметив, что лишь немногие из них имели черный румель. Таких было всего четверо. Я поделилась своими наблюдениями с Рамом.

— Лишь немногие, Госпожа, удостаиваются подобной чести. А джамадар Нарайян является самым уважаемым. Он — живая легенда. Никто другой не посмел бы привести вас сюда.

Это что, предупреждение? Следует быть поосторожнее. Тут тоже могут быть свои интриги. И кое-кто из главарей банд может недолюбливать меня хотя бы из-за Нарайяна.

Нарайян. Живая легенда.

Насколько фатальным может оказаться пересечение наших судеб? Я не верю ни в фатум, ни в какое-то божество в общепринятом смысле; но знаю, что существует некая сила, управляющая миром. Уверена. Когда-то я сама была ее подобием.

Нет сомнения в том, что мое убеждение основано на внушенных мне снах. Она или оно стало проявлять свой интерес ко мне задолго до того, как я осознала, что во мне заинтересованы.

Неужели это она убила Костоправа? Чтобы освободить меня от лишних эмоций?

Может быть. И может быть, когда я разделаюсь с Хозяевами Теней, мне предстоит сразиться с другим врагом.

Волна ярости окатила меня. Я подавила ее и обратила в свою пользу, дав Раму докормить меня, и спокойно отправилась исследовать рощу. Я дошла до самого центра ее и впервые хорошенько осмотрела башню.

Она едва ли была годна к экскурсиям. Ползучие растения настолько разрослись вокруг, что ее едва можно было различить среди них. Оставшиеся, кажется, не нуждались в моем присутствии. Я не стала рисковать, карабкаться вверх по крутым ступеням, а просто обошла ее кругом.

Нашелся человек, готовый позвать ко мне Нарайяна. Мне не хотелось входить в это священное место без разрешения. Он явился — вид у него был раздраженный.

— Прогуляемся. У меня есть кое-какие вопросы к тебе. Вопрос первый: если я войду внутрь, вызову ли я у кого-нибудь недовольство?

Он подумал.

— Нет, полагаю.

— Они говорят, что я не та, за кого вы меня считаете? У вас есть враги, которые противятся всему, что бы вы ни делали?

— Нет. Но сомневающиеся есть.

Конечно. Я не соответствую отведенной мне роли.

Он пожал плечами.

Я привела его туда, куда хотела, предложила ему следующее:

— Во время ваших летних походов вам нужны люди, умеющие хорошо ориентироваться в лесу, так ведь?

— Да.

— Осмотрите место вокруг.

Он повиновался. Через некоторое время он вернулся, озадаченный.

— Там были чьи-то лошади.

— Кто еще, кроме нас, на лошадях?

— Несколько человек. Высокопоставленные Обманники, приехавшие издалека. Одни прибыли вчера, другие сегодня.

— Но это старые следы. Обычно это место сторожит кто-нибудь?

— Здесь бываем только мы. Никто не смеет сюда являться.

— Посмел тем не менее. И похоже, провел здесь некоторое время. Слишком много следов для случайного заезда.

— Мне придется сказать об этом остальным. Если в башне были чужие, потребуется обряд очищения.

Когда мы поднимались по ступеням наверх, он заметил:

— Ваша наблюдательность будет вам на пользу. Она расположит к вам моих друзей. Ведь кроме вас, этого никто не заметил.

— Когда не ищешь, то и не видишь.

Башня была озарена слабым светом. Лишь настолько, чтобы можно было что-то различить. Внутренние покои были кошмаром из моих снов. Наверное, архитектор подглядел один из них и воссоздал его в камне. Нарайян собрал нескольких джамадаров и рассказал им о следах, обнаруженных мной. Те подняли шум, стали ворчать и сыпать проклятиями в адрес осквернителей храма.

Я бродила по башне.

Обнаружила то место, где непрошенные гости варили себе пищу. Те убрали за собой, но пятна от дыма не так легко стереть. Судя по ним, гостили здесь довольно долго.

Сбоку появился Нарайян со своими оскаленными зубами.

— Вот теперь самый подходящий момент произвести на них впечатление, Госпожа.

— Какое именно?

— Используйте свой талант, чтобы выяснить, кто тут был.

— Конечно. Всего-навсего. Может, я даже сумею определить, куда они ходили по нужде и куда скидывали помои.

Он посмотрел на меня, словно гадал, откуда мне известно, что они вообще это делали, но вслух ничего не сказал. Поблизости не было никаких следов помоев или человеческих отходов.

— Это помогло бы нам многое прояснить.

Один из джамадаров заявил, что теперь, занявшись поисками, они нашли множество следов.

— Их было двое, мужчина и женщина. Женщина спала у огня, а мужчина — у алтаря. Похоже, что алтарь они не трогали.

— Госпожа, вы не могли бы посмотреть?

— Сочту за честь.

Я не сразу поняла, как им удалось определить, что женщина спала у огня. Затем один из них показал мне прядь длинных черных волос.

— Вы можете определить что-нибудь по ним, Госпожа?

— Да, волосы у нее от природы не вьются. Если это она, а не он.— Некоторые гунниты мужчины тоже отращивали длинные волосы. Среди шадаритов и веднаитов много кудрявых. Но веднаиты-мужчины носят короткие стрижки. А вот черные волосы были у всех местных жителей, точнее темно-каштановые, если их помыть.

Золотистые локоны Лебедя Лозана — чудо из чудес.

Мой саркастический тон не остался незамеченным.

— Не надо думать, что я могу рассказать ваше прошлое или предсказать будущее,— заявила я.— Дело в том, что Кина приходит ко мне только во сне.

Это поразило даже Нарайяна.

— Осмотрим второе место.

Они показали мне место, где спал мужчина, и опять они определили пол по длине волос. Они обнаружили прядь примерно в три дюйма длиной, волосы были красивыми, каштанового оттенка.— Припрячьте эти волосы, Нарайян. Может, когда-нибудь они понадобятся.

Вокруг в поисках следов сновали Обманники. Нарайян предложил:

— Давайте поищем яму.

Мы вышли. Побродили вокруг. Я нашла это место. Позвали низших членов секты, чтобы вскрыть яму. Ожидая, пока они закончат работу, я бродила вокруг.

— Госпожа, посмотрите, что я нашел.— Джамадар протянул мне маленькую фигурку животного, которую кто-то сплел из согнутых и связанных в пучки стеблей травы — обычно этим занимаются, когда нечего делать, чтобы как-то убить время. Но тот, кто сплел эту фигурку, был явно чем-то расстроен.

— Кто-то сплел ее просто так, от нечего делать. Она ничего не символизирует. Но если найдете еще, дайте мне

их. Эти фигурки могут рассказать нам кое-что о тех, кто их сплел.

Не прошло и минуты, как появилась и вторая.

— Она висела на лозе, Госпожа. Мне кажется, это обезьянка.

Тут меня осенило:

— Ничего не трогайте с места. Я хочу видеть их там, где вы их обнаружили.

В течение последующих нескольких часов мы нашли коллекцию игрушек. Одни были сплетены из травы, другие — из коры. Кто-то томился от безделья. Я знавала человека, который делал нечто вроде этого, но только из бумаги, не отдавая себе в этом отчета.

Большинство фигурок были прикреплены к чему-нибудь.

Обезьянки, например, висели на лозе. Четвероногие выглядели неопределенно. На некоторых сидели всадники, обязательно вооруженные копьями и мечами.

Должно быть, я издала какой-то возглас. Нарайян окликнул меня:

— Госпожа?

— Во всем этом скрывается какой-то важный смысл,— прошептала я.— Но черт бы меня побрал, если я понимаю, какой именно.

Кто-то нашел целую серию фигурок, среди которых был некто, сидящий на камне и прислонившийся к дереву, занятый то ли плетением фигурок, то ли просто погруженный в раздумья. Это была небольшая поляна диаметром футов в десять. В центре ее было дерево.

Еще приехав сюда, я сразу почувствовала, что меня тут ждет нечто особенное. Но что именно? Пока что это оставалось на уровне подсознания, далеко от рационального понимания.

— Если нам предстоит узнать нечто важное, оно таится здесь.— Я снова прошептала: — Пусть все займутся обычными делами,— и уселась на камне. Сорвала пучок травы и стала плести фигурку. Все ушли. Я погрузилась в свои сумрачные мысли. И, о чудо из чудес, кошмары меня не тронули.

Шли минуты. На деревьях появлялось все больше и больше ворон. Видимо, моя погруженность была слишком заметна.

Интересно, они наблюдали за мной, чтобы понять, не узнала ли я чего? Чего-нибудь о тех, кто здесь побывал, например? Птицы явно имели больше отношения к визитерам, нежели к Обманникам. Они вовсе не были предзнаменованием — то есть тем добрым знамением, которым их считали Душилы. Это шпионы.

Вороны. Везде и всегда вороны с повадками, свойственными их стае. Они были чьим-то орудием. Внезапный интерес ко мне дал подсказку, что они боялись, не узнала ли я того, что должно было оставаться тайным. Если я и вправду что-то определю, лучше не подавать виду.

Кажется, поняла.

Полянка казалась знакомой, она напоминала то место, где я жила. Если ствол — это башня, из которой я правила своей империей, то разбросанные камни были той пересеченной местностью, которую я создала для того, чтобы к башне вела одна-единственная тропа, узкая и опасная.

Мало-помалу по кусочкам вырисовалась картина. Фрагменты ее были зашифрованы, будто их составлял некто, кто находился под наблюдением. Он был в окружении ворон? Если дать волю воображению, то разбросанные камни, обломки пород и фигурки, сплетенные из травы, представляли собой верную копию башни и местности вокруг нее. В сущности, пара палок, и камни, и след от башмака, и немного почвы, сбитой как бы в холм, отображали инцидент, случившийся в истории Башни всего один раз.

Я с трудом сохраняла спокойный и равнодушный вид. Если скалы, лоза и все остальное скрывают какой-либо смысл, то должны что-то означать и фигурки из травы и коры. Я встала, чтобы было лучше видно.

И тут выскочила еще одна деталь.

У основания ствола дерева лежал листок. На нем сидела крошечная фигурка. Эту создавали с особой тщательностью. Достаточной, чтобы донести смысл всего послания.

Предполагалось, что Ревун, бывший хозяин ковра-самолета, убился при падении с Вершины. Уже некоторое

время назад у меня возникло подозрение, что он жив. И смысл послания заключался в том, что Ревун каким-то образом участвовал в последних событиях.

Кто бы ни устроил все это, он знал о моем существовании и о моем предполагаемом посещении рощи. Это означало, что был некто, кто был осведомлен о моих планах. И этот кто-то был каким-то образом связан с хозяином ворон, но сам не был их хозяином. Иной причины для такого хитроумного и сомнительного способа связаться со мной не было.

И еще кое-что.

В той битве, в которой, как считалось, был убит Ревун, участвовало немало колдунов. Большинство их числилось погибшими. Но позднее мне сообщили, что кое-кто просто бежал, имитировав смерть. Я снова осмотрела фигурки. В некоторых из них можно было узнать кого-то. Трое из них были раздавлены каблуком. Те, кто умер.

Я столько времени обдумывала все это и чуть не упустила нечто серьезное. Было почти темно, когда я увидела изящную маленькую фигурку, несущую под мышкой что-то напоминавшее голову. Потребовалось некоторое время, чтобы осознать, кто именно имелся в виду.

Я сказала Нарайяну, что не видишь того, что не ищешь.

Кусочки мозаики совпали, как только я поняла, что то, что считаешь невозможным, на самом деле может быть возможно. Моя сестра была жива. Вся картина предстала в совершенно новом свете. Я испугалась.

И не обратила внимания на самую важную часть этого послания.

Глава 38

У Нарайяна было плохое настроение.

— Всю Башню нужно освящать заново. Все, абсолютно все осквернено. По крайней мере, они не совершали умышленных святотатств, не марали святых мест. И идол, и реликвии остались нетронутыми.

Я не понимала, о чем идет речь. У всех джамадаров физиономии были вытянуты. Я взглянула на Нарайяна,

сидящего напротив меня у очага. Он воспринял мой взгляд как вопрос.

— Любой неверующий, обнаруживший святые реликвии или идола, украл бы их.

— Может, они боялись проклятия?

Его глаза округлились. Оглянувшись вокруг, он приложил палец к губам и прошептал:

— Откуда вы знаете об этом?

— А с такими вещами шутки плохи. В этом их тихое очарование. — Излишний сарказм. Просто я была не в себе. Мне хотелось поскорее покинуть эту рощу. Не слишком приятное место. Здесь полегло немало народу, и все умерли преждевременной смертью. Земля пропитана кровью, усыпана костями, а воздух еще дрожит от крика. И запах и сама атмосфера вполне в духе Кины.

— Как долго мы тут будем, Нарайян? Я пытаюсь идти вам навстречу. Но не собираюсь торчать в этой роще всю оставшуюся жизнь.

— О Госпожа, фестиваля уже не будет. Чтобы очистить храм от скверны, требуется несколько недель. Жрецы сами не свои. Обряды отложены до Надама. Это незначительный праздник, когда у групп начинается сезон отдыха и общение между ними на время прерывается. Тогда жрецы призывают их обращаться к Дшери Ночи в своих мольбах. По их словам, она медлит с приходом из-за того, что мы мало усердствуем в молитве.

Неужели он всю жизнь будет выдавать мне информацию по крупицам? С другой стороны, думаю, ни один верующий не стал бы распространяться о своих религиозных праздниках, святых и прочих вещах так подробно, как это делал он.

— Тогда почему мы до сих пор здесь? Почему мы не отправляемся на юг?

— А мы здесь не только ради Фестиваля.

Это точно. Но каким образом, интересно, я могла убедить этих людей в том, что являюсь их мессией? Об этом Нарайян умалчивал. Ни одна актриса не способна сыграть роль, не зная о ней ничего.

Вот в чем загвоздка. Нарайян искренне верил, что я и в самом деле Дщерь ночи. Потому что хотел этого. Это означало, что он отказался бы проинструктировать меня, если бы я попросила. Он полагал, что моя интуиция должна была подсказать мне мою сущность.

Я же об этом не имела ни малейшего представления.

Похоже было, что джамадары разочарованы, и Нарайян нервничал. Тот факт, что я заметила осквернение их храма, еще не доказывало мое соответствие их надеждам.

Я спросила его шепотом:

— Как я могу творить подвиги в месте, утратившем святость?

— Не знаю, Госпожа. У нас нет никакого представления об этом. Все в руках Кины. Она пошлет нам знак.

Знак. Прелестно. Но у меня до сих пор не было возможности узнать, что именно они считали знамением. Важный сакральный смысл имели эти вороны. С точки зрения этих людей, то, что Таглиос осаждали полчища этих тварей, было просто замечательно. Да уж. Эти могли накаркать Год Черепов. Что еще?

— А на кометы вы обращаете внимание? — спросила я.— В прошлом году на севере видели комету, и еще раньше тоже была одна. Здесь их наблюдали?

— Нет. Это вестники несчастья.

— Для меня.

— Их еще называют Мечом или Языком Шевы, Шевылинка, они отбрасывают свет Шевы на землю.

Одно из древних имен верховного божества гуннитов. Его еще называли Владыка света. Подозреваю, что много тысячелетий назад верования Обманников возникли на основе почитания Гунни.

— По словам жрецов, когда на небе появляется комета, Кина теряет свою силу, ибо свет, отбрасываемый кометой, заполняет небо и светит и ночью и днем.

— Но луна...

— Луна — светило тьмы. Луне принадлежат Тени, она создана, чтобы Дети Тени могли охотиться.

Он болтал без умолку и понес абсолютную чушь. Что-то по поводу местных религиозных представлений о том,

что есть свет и тьма, добро и зло, порок и добродетель. В общем, если верить Обманникам, Кина, несмотря на свою любовь к Тьме, была вне и над этим извечным противоборством, и враг Света и Тьмы, и одновременно союзник каждого из них — в зависимости от обстоятельств.

И может, чтобы запутать меня окончательно, никто не мог толком объяснить мне, как в действительности обстояли дела с точки зрения их богов. И веднаиты, и шадариты, и гунниты относились друг к другу с большим уважением. У большинства гуннитов различные божества — неважно с чем связанные, со Светом или Тьмой — пользовались одинаковым почитанием. У всех были свои храмы, культы и жрецы. Но некоторые — как, например, культ Хади Джахамараджа Джаха — были заражены Киной.

Вначале, пока Нарайян разглагольствовал обо всем этом, переливая из пустого в порожнее — глаза его бегали, потом он и вовсе перестал смотреть на меня. Уставившись в огонь, он все говорил и говорил, и все более становился мрачным. Но старался этого не показывать. Кроме меня, этой перемены в нем никто не заметил. По опыту общения с людьми, я обратила внимание, что и другие джамадары стали как-то напряжены.

Что-то должно случиться. Очередное испытание? Если да, то от этих людей не стоит ждать любезного обращения.

Мои пальцы автоматически скользнули к желтой повязке на поясе. Последнее время я мало тренировалась — слишком была занята. Я удивилась собственному машинальному движению и подумала: «Зачем?». Это оружие вряд ли оказалось бы эффективным в подобной ситуации.

Давила какая-то опасность. Теперь я почувствовала ее. Джамадары были взволнованы, нервничали. Я попыталась сконцентрировать свою психическую энергию, хотя аура рощи мешала мне. Это можно было сравнить с попыткой сделать глубокий вдох в душной комнате, в которой находился труп недельной давности. Но я была настойчива. Если даже сны до сих пор не сломили меня, то с этим я тем более справлюсь.

Я опять задала вопрос Нарайяну, чтобы вызвать приступ болтливости, сама сконцентрировала энергию в форме и образе.

И нашла опасное место.

К испытанию я уже была готова.

Он был джамадаром с черным румелем и такой же легендарной репутацией, как у Нарайяна. Звали его Мома Шарраил, и он был веднаитом. Когда нас представили друг другу, у меня сразу возникло подозрение, что этот-то убивал не во имя Кины, а ради собственного удовольствия.

Его румель мелькнул словно черная молния.

Я ухватила тяжелый конец его на лету, вырвала оружие и прежде, чем тот обрел равновесие, накинула петлю на его шею. Выглядело это так, словно я всю жизнь только тем и занималась... или кто-то другой направлял мою руку. Впрочем, я чуть-чуть схитрила, прибегнув к заклинанию, поразившему его в самое сердце. Жалости к жертве я не испытывала. Может быть потому, что понимала, что это может сыграть такую же фатальную роль, как и отсутствие реакции с моей стороны.

Меня спасло только предчувствие неладного.

Никто не вскрикнул, слова не вымолвил. Все были потрясены, даже Нарайян. Боялись смотреть на меня. Непонятно почему, я вдруг произнесла:

— Мама недовольна.

Это вызвало тревогу в их глазах. Я сложила румель Шарраила, как учил меня Нарайян, сняла с себя желтый и надела черный. Ни один не попытался оспорить это самовозвышение.

Да как же пронять этих людей без сердца? Сейчас они потрясены, но не надолго и не окончательно.

— Рам.

Рам вышел из темноты. Молча, потому что боялся выдать свои чувства. Думаю, если бы Шарраилу удался его маневр, Рам ринулся бы в бой, даже сознавая, что погибнет. Я кратко его проинструктировала.

Взяв веревку, он обвязал одним концом колено мертвого джамадара, а затем, закинув другой конец на ветвь дерева, приподнял труп в воздух так, чтобы тот повис вниз головой над костром.

— Отлично, Рам. Просто замечательно. А теперь все встаньте вокруг.

Нехотя они повиновались. Когда все собрались вокруг огня, я перерезала шейную артерию Момы.

Медленно закапала кровь. Каждая капля, падая в костер, вспыхивала с помощью моих детских заклинаний. Я схватила Нарайяна за руку и заставила его протянуть ее к костру, чтобы несколько капель упало на его раскрытую ладонь. Затем, выпустив его руку, я приказала остальным:

— И вы тоже.

Последователи Кины не любили пролитой крови. На этот счет существовало некое путаное, маловразумительное объяснение, каким-то образом связанное с легендой о демонах, которых покарала Кина. Позже Нарайян рассказал об этом. Смысл всей этой процедуры был в том, чтобы вечер оставил засечку в их памяти, и именно тем, что их руки в крови своего товарища.

Во время всего ритуала они избегали смотреть на меня. Что дало мне возможность рискнуть произнести еще одно заклинание, которое, к моему удивлению, сработало без промаха. Пятна от крови на их руках стали несмываемыми, словно татуировки. И если только я не захочу снять с них заклятие, они так и останутся на всю жизнь с руками, залитыми кровью.

Хотели они того или нет — все они, джамадары и жрецы, были теперь в моей власти. Я их заклеймила кровью. И если о клейме узнают, оно станет для них смертным приговором. Люди с красными ладонями просто не смогут отрицать, что они присутствовали на дебюте Дщери Ночи.

Теперь нигде я не увидела тени сомнения в том, что видел во мне Нарайян.

Сны в ту ночь были яркими, но не мрачными. Я парила, окутанная теплом, которое приветливо послала мне та, что стремилась превратить меня в орудие.

Рам разбудил меня, когда было еще темно. Он, я и Нарайян выехали перед самым рассветом. Весь день Нарайян молчал. Он все еще не мог оправиться от шока.

Мечты его сбывались. Но он уже не был уверен в том, что хотел именно этого. Он был напуган.

И я тоже.

Глава 39

Длиннотень все глубже погружался в омут бессильной злобы. Это ничтожество, колдун Копченый, упрямился. Ему, видишь ли, не хотелось попадать в зависимость. Значит, сдохнет.

В лабиринтах Вершины эхом прокатился вой. Длиннотень поднял глаза к потолку. Ему послышалась насмешка в этом звуке. Ревун, ублюдок. Каким-то непостижимым образом ему удалось обвести вокруг пальца Длиннотень. Кто еще, кроме него, мог освободить Тенекрута? Предатель. Кругом одни предатели. Ну ничего, он за это поплатится. Ох как поплатится. Его мукам конца не будет.

Но позже. Нужно уладить кое-какие проблемы. Нужно сломать этого чертового коротышку, колдуна.

Что же на самом деле произошло в Штормгарде? Логично предположить, что особой в образе Жизнедава была *она*. Доротея Сенджак была в Таглиосе. В этом не было никаких сомнений. Но та не обладала достаточной силой посадить Тенекрута в битве на крючок и нанести столь сокрушительный удар по его армии.

А кто этот с ней, несущий Копье? Может, он реальная сила?

Холодок страха пробежал по хребту. Бросив работу, он поднялся в кристаллическую башню и посмотрел на равнину сверкающих камней. Силы пришли в движение. Но его разум не всегда мог охватить весь их объем. Может, это была и не она. Может, она мертва. Последнее время приученные им Тени не обнаруживали никаких следов ее. Может, осуществив акт мести, она ушла на север. Ведь ей всегда хотелось править империей своей сестры.

Неужели появились новые, неизвестные игроки? Или Жизнедав и Вдоводел не просто призраки, придуманные Сенджак? По мнению Теней, от нее исходила какая-то сила. А что если Жизнедав и Вдоводел реальны? А что если это они внушают ей действовать в духе ее фантазий, чтобы все считали их только призраками, статистами. А когда правда откроется, будет уже слишком поздно.

Мрачные предчувствия. И вопросы мрачные. И ответов на них — нет.

В долине, среди глыб, играл солнечный свет. Ревун выл. И по всей башне раздавались стоны колдуна.

Оно приближалось.

Ему нужно захватить Сенджак в плен. Она кладезь силы. Ее мозг держит ключи к ним. Ей одной были известны Имена. И Истины. Ей были ведомы тайны, которые могли послужить ему оружием, способным уничтожить даже тот поток тьмы, который вот-вот вырвется наружу из долины.

Но сначала — колдун. Прежде всего Копченый. Он сдаст ему Таглиос, а может быть, и Сенджак.

Длиннотень вернулся в комнату, в которой коротышка терзался муками ужаса и страха:

— Твоему идиотскому упрямству нужно положить конец. Вот что. Мое терпение иссякло. Вот я выясню, чего ты боишься больше всего, и вдоволь накормлю тебя страхом.

Глава 40

Армия Ножа сделала рывок в двадцать миль. Нож тщательно все расследовал, нещадно гоняя в разведку кавалерию. Люди Зиндху были посланы вперед выяснить, что стало с Обманниками, наблюдавшими за Деджагором. Сообщили, что следы так и не были обнаружены. Нож передал новости Мотеру:

— Что ты думаешь об этом?

И у Лебедя и у Мотера были свои разведчики. Те отправились чуть дальше на юг.

— По нашим сведениям, Хозяев Теней действительно здорово раздолбали. Наши ребята проскочили их дозор и обследовали их лагерь. Он заполнен лишь на две трети. Половина — раненые. Этот тип Могаба держит их в постоянной боевой готовности, периодически устраивая вылазки. Не дает им перевести дух.

— За нами они следят? Знают, куда мы направляемся?

Мотер ответил:

— Надо полагать. Тенекрут — колдун. В Хозяева не так просто выбиться. Кроме того, у них летучие мыши. Костоправ считал, что эти твари им служат. Последнее время их что-то много развелось.

— Значит, надо быть настороже. На какую боевую силу они могут рассчитывать, если они и вправду решат сразиться с нами?

— Нет, ты только послушай его, Корди,— сказал Лебедь.— Он стал говорить как заядлый профессионал. Боевую силу. Фу-ты, ну-ты. Она собирается сделать из него заправского вояку.

Нож хмыкнул.

— Если хочешь знать, их будет слишком много,— продолжал тем временем Лебедь.— Если им удастся увести их незаметно от Могабы, они, вероятно, смогут выставить против нас восемь-десять тысяч опытных воинов.

— С Хозяином Теней во главе?

— Вряд ли,— ответил Лебедь.— Это может привести к неприятностям.

— Тогда следует продвигаться осторожно, предварительно проводя разведку, и стараться узнать о них не меньше, чем они знают о нас. Я прав?

Мотер хмыкнул:

— Как по написанному глаголешь. Впрочем, у нас есть одно преимущество. Их разведчики не могут работать днем. А ночи сейчас короткие.

Нож задумчиво промычал.

Остановился он в тридцати милях к северу от Деджагора. Разведчики сообщили, что Тенекрут расположил войска прямо в холмах. Случилось это ночью, и защитники города не заметили их приближения. Оставшиеся силы создавали иллюзию, что готовятся к новой атаке.

— Где они? — спросил Нож. Разведчики не могли им этого сказать. Где-то на дороге, среди холмов. Ждут. Их всего четыре тысячи, но на эту толпу и того хватит.

— Ты собираешься схватиться с ними? — спросил Лебедь.— Или твоя задача быть рядом и держать их подальше от Могабы?

— А в последнем есть смысл,— предложил Мотер.— Сковать часть их войска, чтобы развязать руки Могабе, а тот тем временем будет их бить. Если бы передать ему послание...

— Я пытался,— сказал Нож.— Нет способа. Город закрыт. Как в чаше...

— Так что теперь? — спросил Лебедь.— Что делать?

Нож собрал командиров кавалерии. И отправил их на поиск врага. Не встретив прямого отпора, продвинул армию на десять миль к югу и расположился лагерем. На следующее утро, как только мыши исчезли, он выстроил боевую линию, но дальнейших действий за этим не последовало. Разведчики тем временем провели рекогносцировку. Следующие два дня он занимался тем же самым. На третий день к вечеру с севера прибыл всадник. Новость, которую он сообщил Ножу, видимо, была хорошей. На его лице заиграла улыбка. Но Лебедю и Мотеру он ничего не сказал.

На четвертый день боевая линия двинулась вперед. Нож входил в холмы медленно, следя за тем, чтобы отряды не оказались разрозненными. Спешки не было. Кавалерия шла чуть обособленно.

Сражение произошло незадолго до полудня. Нож не понукал людей. Имели место отдельные стычки, но от генерального сражения он удерживался. Кавалерия использовала пращи, просто засыпая противника камнями. Армия Страны Теней избегала атак на кавалерию Ножа.

Солнце ушло на запад. И тут по приказу Ножа бои участились.

Командующий вражеской армией дал приказ к наступлению.

Командиры Ножа получили приказ разыграть уклонение от битвы, как только враг подключится к игре. Велено было прекратить отступление только в случае, если враг остановится. Если они это сделают, воины Ножа должны возобновить атаки.

Игра продолжалась до тех пор, пока Хозяева Теней не потеряли терпение.

Глава 41

Я остановила колонну и подозвала к себе Нарайяна, Рама и тех, кто выполнял обязанности командиров.

— Вот тут! Позади топи. Я со знаменем буду на дороге, а по бокам — воины.

Мой приказ, казалось, озадачил Нарайяна и остальных. Никто не понимал, что происходит. А мне представлялось разумным оставлять их в неведении до тех пор, когда волноваться уже не будет времени.

Я устроила все как надо, при этом пришлось самой растолковывать каждому командиру, что именно от него требовалось. В финале Нарайян резюмировал:

— Ничего не выйдет.

С тех пор как мы вернулись из рощи, он был настроен весьма скептически. Считал, что уже никогда ничего в порядке не будет.

— Почему? Сомневаюсь, что они знают о том, что мы здесь. Мне удалось сбить с толку их летучих мышей и Тени.

То есть я так надеялась.

Как только все получили задания, я облачилась в свои доспехи с помощью Рама и отправилась вместе с ним и Нарайяном туда, откуда можно было осмотреть местность, лежащую за гребнем холмов.

Я увидела то, что предполагала увидеть — приближающееся облако пыли.

— Они наступают. Нарайян, пойди скажи людям, что меньше чем через час они получат возможность напиться крови жителей Страны Теней. И скажи им, как только люди Ножа пройдут по интервалам между шеренгами, ряды должны сомкнуться.

Туча пыли надвигалась. Я проводила взглядом Нарайяна, отправившегося готовить все для сюрприза. Стало заметно волнение воинов. Меня интересовали всадники на флангах. Если они последуют примеру Джаха, неприятностей мне не избежать.

Люди Ножа почти догнали меня.

Я заняла позицию, ведьмины огоньки засверкали на моих доспехах. Подошел Рам — он выглядел впечатляюще

в костюме Вдоводела, который я смастерила для него специально и осыпала ведьминым огоньками. Правда, ворон на его плече, как у Костоправа, не было — тут я ничего не могла поделать. Сомневаюсь, чтоб воины Страны Теней обратили внимание на эту деталь.

Войско Ножа перешло гребень холмов. Возникло замешательство, но вскоре они сообразили, что к чему. Подскакал Лебедь Лозан, волосы его разметались, он хохотал как ненормальный.

— Очень вовремя, любовь моя. Очень вовремя.

— Пойдите, проверьте свои войска. Кавалерия с флангов. Пусть отправляются.

Он удалился.

Среди новоприбывших были тенеземцы. Начался хаос. Первые ряды пытались остановиться, но сзади напирали. При этом все пытались держаться подальше от Рама и меня.

Где же Нож? Где его кавалерия?

Воины Хозяев Теней беспорядочно атаковали нас, осыпав градом камней. А затем обратились в бегство. Как только они побежали, исход битвы был окончательно решен. Я дала полную свободу своим воинам. Они погнали врага.

Въехав на возвышенность, я увидела Ножа и его кавалерию. Они пронеслись по бокам и, нагнав пеших воинов Хозяев Теней, налетели на них сзади, россыпью отлавливая отступающих. Моя кавалерия тем временем била фланги Хозяев Теней.

Лишь немногим удалось уйти. Еще не упала ночь, все было кончено.

Глава 42

Лебедь никак не мог прийти в себя.

— Наш Нож превратился прямо-таки в настоящего полководца. Ты все заранее рассчитал, а?

Нож кивнул.

Я ему верила. Он и впрямь мог бы стать настоящим полководцем — если только этот бой не окажется его первым и последним шедевром.

Лебедь хмыкнул:

— Старик Тенекрут, должно быть, уже знает. Держу пари, он сейчас разбрызгивает слюну.

— Очень может быть,— сказала я. И может статься, предпринимает кое-какие ответные меры. Необходимо удвоить караул. Ночь покровительствует Хозяевам Теней.

— И что он может сделать? — спросил Лебедь.

— Не знаю. Но не хочу неприятных сюрпризов.

— Потише, Лебедь,— заметил Нож.— Война еще не окончена.

Но судя по всеобщему ликованию, можно было подумать, что дело обстоит именно так.

— Расскажи-ка мне поподробней о тех двух, Вдоводеле и Жизнедаве,— попросила я.

— Да я знаю то же, что и вы. Тенекрут напал на город и наверняка взял бы его. Но тут-то из-за холмов появились они. Жизнедав билась с ним насмерть. А Вдоводел тем временем разил наповал воинов, оставаясь при этом сам вне их досягаемости. Исчезли, как только наши отбросили Хозяев Теней. Могаба предпринял вылазку, но они ему уже не помогли. И тот понес тяжелые потери.

Я заметила, что на соседнем кусте сидит ворона, сидит тихо, не шелохнувшись.

— Понятно. Тут ничего не поделаешь. Забудем об этом пока, займемся лучше планами на завтра.

— Разумно ли это, Госпожа? — усомнился Нарайян.— Ночь и вправду на стороне Хозяев Теней.

Он имел в виду, что среди нас есть Тени, подслушивающие разговор, да и летучие мыши носились над головами.

— Для этого у нас припасено кое-какое средство.

Я могла бы справиться с мышами. И воронами. Но как избавиться от Теней? Все, что я могла — это вызвать среди них суматоху.

— Какое это имеет значение? Он знает, что мы здесь. И знает, что мы туда явимся. Ему остается выжидать. Или бежать, если ему это больше подходит.

То, что Тенекрут выберет второй вариант, надеяться не приходилось. У него по-прежнему имелось преимущество — если не в числе войска, то в силе. Пока мой лимит был исчерпан. А посылать людей в омут колдовства не стану.

Победа придает им уверенность, но может навлечь и беду, если я буду переоценивать ее значение. Отчасти по этой причине Костоправ проиграл то сражение. Ему везло несколько раз подряд, и он уверился, что так будет всегда. А удача обманчива.

— Ты прав, Нарайян. Нет нужды напрашиваться на неприятности. Завтра об этом поговорим. Передайте мой приказ. Подъем на рассвете. Пока отдыхайте. Может, придется предпринять нечто аналогичное.

Следует напомнить, что впереди еще не одно сражение.

Все ушли, остались Рам, Нож и я. Я взглянула на Ножа.

— Отлично, Нож. Ты просто умница.

Он кивнул. Он знал, что так оно и было.

— Как к этому отнеслись твои друзья? — И Лебедь, и Мотер отправились к гвардии Радиши.

Он пожал плечами:

— Они рассматривают ситуацию со стратегической точки зрения.

— А?

— После того как Черный Отряд уйдет, они останутся в Таглиосе. Они тут пустили корни.

— Это понятно. Они будут досаждать нам?

Нож хмыкнул:

— Они не хотят досаждать даже Тенекруту. Будь у них возможность, они бы занимались своей таверной и от всего держались бы подальше.

— Да, но присяга Радише для них серьезна.

— Так же серьезна, как и для вас договор.

— Тогда мне следует проследить за тем, чтобы обстановка была спокойной.

— У Хозяев Теней свои соображения на этот счет,— проворчал он.

— Верно. Ну, до завтра.

Он встал и вышел.

— Рам, давай проедемся верхом.

Рам застонал. Верховую езду он полюбит, наверное, лет через сто.

Оба мы были все еще в доспехах, и это причиняло некоторые неудобства. Я пустила в ход все свое обаяние.

Мы ехали среди воинов. Нужно было, чтобы они по-прежнему считали меня своей госпожой. Я останавливалась, благодарила тех, кто отличился в сражении. Когда представление закончилось, я вернулась к месту своего ночлега — оно ничем не отличалось от соседних — и предалась своим снам.

Меня опять мутило. Рам изо всех сил скрывал это от остальных. Я заметила, что Нарайян шепотом говорил об этом Зиндху. Но тогда мне было наплевать. Зиндху смылся, вероятно, сообщить новость о моем плохом самочувствии Ножу. Подошел Нарайян.

— Может быть, стоит позвать врача?

— А у вас есть поблизости врач?

На его лице застыло жалкое подобие обычной ухмылочки.

— Нет. Тут нет врачей.

Значит, многие раненые умрут, и в основном от самолечения. Просветительская работа в области санитарной гигиены и была одним из моментов, который Костоправ упорно пропагандировал в своем войске. И был абсолютно прав.

Я имела дело с огромным количеством солдат. Инфекции и болезни опаснее любого врага. Четко налаженная, твердая дисциплина в этой области были одной из сильных сторон Отряда до тех пор, пока не ушел Костоправ.

Боль памяти. Черт бы меня побрал. Все еще больно. До него не приходилось по кому-то горевать.

Почти рассвело. Летучие мыши и Тени разлетелись.

— Нарайян. Люди поели? — Черт бы побрал эту тошноту.— Давайте отправляться.

— Куда?

— Позови Ножа. Я ему объясню.

Он позвал Ножа. Я дала указания.

Я выехала с кавалерией, остальные должны были выйти с Ножом. Проехав десять миль на восток, я повернула в сторону холмов. Вороны летели следом. Они меня уже не тревожили. Это не шпионы Хозяев Теней.

Когда мы проехали миль десять среди холмов, я остановилась. Была видна часть равнины.

— Спешивайтесь. Отдохните. Поменьше шума. Холодный завтрак. Рам, за мной.— Я поехала вперед.— Тихо. Они могли устроить пикеты.

Но мы их не встретили, и я смогла добраться до места, откуда было все видно.

Кое-что изменилось. Когда мы сюда приезжали раньше, холмы зеленели садами и полями. Теперь здесь, в особенности в южной части, темнели бурые участки необработанной почвы. Канавы поставляли недостаточно воды.

— Рам, позови тех других, с красными румелями, Абду и другого — не помню его имени.

Он отправился за ними, а я внимательно изучила план местности. Вокруг города расположился лагерем Тенекрут и стояли заграждения. Возле северных ворот осаждающие возвели земляную насыпь поверх городской стены — солидное сооружение. Деджагор раскинулся на вершине высокого кургана. Стены, окружавшие его, были высотой в сорок футов. Насыпь сильно повреждена. Чтобы залатать ее, подвозили землю.

Судя по всему, именно насыпь являлась основной мишенью нападений Хозяев Теней в ту ночь.

Осаждающие выглядели потрепанными. Судя по состоянию их лагеря, дисциплина хромала. Может, этим воспользоваться? Дошли до них вести о вчерашних неприятностях? Сознание того, что мощная сила вот-вот прижмет их к городу, может породить мысли о бегстве.

Я не видела среди них Тенекрута. Может, он укрылся в руинах постоянного лагеря к югу от города? Там были крепостной вал и глубокая траншея. Если его там нет, значит, он старается держаться в тени. Может, Могаба его донимает?

Вернулся Рам с Абдой и тем, другим.

— Нужно найти способ незаметно пробраться туда. Разойдитесь. Выясните, как это можно сделать. Понаблюдайте за пикетами. Если нам удастся добраться туда, мы сможем преподнести им подарок вечером.

Они кивнули и тут же исчезли. У Рама был привычно озабоченный вид. Он все еще не мог поверить, что я была в состоянии сама о себе позаботиться.

Иногда я сама в этом сомневалась.

Мы пошли вперед, затем повернули на запад. Я приготовила сюрприз для Хозяев Теней. Если только хватит магических сил.

У меня ушло на это больше времени, чем я предполагала, но похоже было, что «штука» сработает. «Штука» была ловушкой для летучих мышей, на которую они будут лететь, как мотыльки на пламя свечи. Еще с того момента, как мы выехали из Таглиоса, я обдумывала разные варианты. И если внести кое-какие поправки, в капкан будут попадаться и вороны.

Оставались Тени.

До сих пор мы не сталкивались с этим, но судя по слухам, доходившим из Страны Теней еще в период завоевания, Тени были способны не только шпионить, но и убивать. Слишком странно и внезапно умирали правители и полководцы, без всяких видимых причин. Может быть, смерть двух Хозяев Теней лишила их этого оружия. А может быть, теперь, чтобы убить, им приходилось воссоединять свои силы. Я надеялась на это, но не сильно. Так, я устроила западню и поспешила туда, где рассталась с Рамом. Там меня дожидались остальные. Рам вдруг отчитал меня. Я кротко выслушала. Как-то по-сестрински привязалась к нему. Обо мне давно никто так не заботился. А забота всегда приятна.

Когда Рам закончил свою тираду, вмешался Абда.

— Мы нашли две тропы. Обе не без изъяна. По той, что получше, могут ехать всадники. Пикеты расчистили. Я послал двух человек на тот случай, если сменится караул.

Возможны проблемы.

Появился Нож в сопровождении Нарайяна и Зиндху.

— Вы неплохо провели время,— сказала я ему.

Изучая город, он бормотал. Я рассказала ему свой план действий.

— Не думаю, что сумею сделать много. Моя задача — ошарашить Генекрута, деморализовать его войско и дать осажденным понять, что наша армия рядом.

Взглянув на заходящее солнце, Нож снова поворчал.

К нам присоединились Лебедь и Мотер.

— Отправь своих людей. Абда, опиши им дорогу. Господин Мотер возглавит пехоту. Лебедь, Нож, Нарайян и Рам, останьтесь. Я хочу с вами поговорить.

Мотер и Зиндху занялись делами. Мы отошли, чтоб не мешать. Я спросила:

— Лебедь, это ведь ваши люди принесли известие о суматохе в лагере противника? Расскажите, что знаете.

Я задавала вопросы, не получая ответа и наполовину. Да я и не надеялась.

— В игре участвует третья сторона,— вдруг заметил Лебедь.

— Да.— Рядом были вороны, и я не могла назвать имен.— Нападавшие выглядели как Жизнедав и Вдоводел?

— Абсолютно.

— Тогда, если они появятся вновь, люди могут запаниковать. Принеси доспехи, Рам.

Нарайян беспокойно метался из стороны в сторону. Пока мы говорили, отмалчивался, не сводя глаз с города.

— Они засуетились,— сказал он.

— Заметили нас?

— Не думаю. Судя по их поведению, к неприятностям они не готовятся.

Я пошла взглянуть. Понаблюдав, я решилась высказать вслух догадку:

— Новость распространилась. Они потрясены. Их офицеры пытаются что-то предпринять.

— Вы в самом деле собираетесь нанести удар? — поинтересовался Лебедь.

— Слабый. Но очень сильный, чтобы послать весточку Могабе о друзьях со стороны.

День удался. Я отдала приказ, чтобы люди поели и трогали. Показался Рам с жеребцами и доспехами.

— Два часа до темноты. Надо их чем-нибудь пронять, пока нас видно.

— Пять — шесть сотен двигаются с юга, Госпожа,— заявил Нарайян.

Я кивнула. Точно не зная, трудно утверждать, но это скорее рабочий батальон, нежели вооруженное подразделение в марше. Надо же. Подобные части формировались на севере от города. Ко мне обратился Зиндху:

— До них дошли вчерашние новости. Ругаются почерному.

Я насупилась.

— Я сделал все, чтобы услышать какие-то разговоры. Чего-то суетятся. А чего, не знаю.

Храбрый Зиндху.

— А ты случайно не просек, где можно найти Тенекрута?

— Нет.

Проинструктировав, я всех отослала. Мы с Рамом натянули доспехи. Все это время он молчал. И все же у него был разговор. Незначащий, но приятный.

— А вы ничего, в порядке.

— Спасибо. Все, что случается, случается к лучшему. Прекрасно.

— Что?

— Уж коли мир так плох, то пора наступить Году Черепов.

Соображал он медленно, но беспрестанно мучился разными вопросами, и сейчас он переживал своего рода кризис веры. Толчком послужили события в роще, хотя семена этого перелома были посеяны значительно раньше. Его снова тревожило то, что происходит. Кина теряла авторитет.

И я, черт бы меня побрал, позволила Костоправу прорвать свою защитную броню. Расслабилась, размякла. Чувства, переполнявшие меня, были слишком сильны, чтобы отбросить или использовать их.

Может, эта мягкотелость всегда во мне была? Может, я что-то вроде устрицы? Костоправ называл меня устрицей. Еще до того, как мы узнали друг друга, он писал обо мне так, словно видел во мне что-то особенное, скрытое.

А те, что были у подножия холма, отняли его у меня. Убили его мечты и изувечили меня. Плевать мне было на Год Черепов и на Кину. Во мне все горело от жажды мести.

— Перестань, Рам.— Я подошла ближе, положила руку на его грудь и посмотрела ему в глаза.— Не мучай себя. Не рви сердце. Поверь мне на слово, я постараюсь, чтобы все было хорошо.

Черт бы его побрал, он действительно мне верил. И смотрел на меня преданными собачьими глазами.

Глава 43

Прабриндрах Драх воспользовался советом Копченого. Он перечитал старые книги о первом походе Черного Отряда. Это была история смертей, трагических исходов, но ни в одной из этих книг он не нашел ничего, что указывало бы на то, что Отряд вернулся с севера. Чем больше он изучал их, тем больше отдалялась его точка зрения на события от взгляда Копченого.

Подошла Радиша.

— Истреплешь книги.

— Нет. Больше читать нечего. Копченый не прав.

— Но...

— Дело не в женщине. Готов поклясться — и клянусь, что у нее нет никакого намерения стать Дщерью Ночи. Тут что-то другое. Нужно перечитать все это от корки до корки, прежде чем вся информация осядет в голове. Не хватает мелочей, которые, будь он прав, непременно вылезли бы наружу, несмотря на все усилия затушевать их. Они были теми, за кого себя выдавали.

— Правда? — удивилась Радиша.— А разве они не хотели вернуться в Хатовар?

— Но они не знали, что найдут там. Было бы интересно посмотреть, что бы произошло, если б их план удался.

— Может, еще узнаем. Если кто-то и может измотать Хозяев Теней, так это она.

— Эта может.— Князь улыбнулся.— До сих пор все было спокойно; меня самого подмывает отправиться на юг. Никого не осталось, кто вставлял бы мне палки в колеса.

— Выкинь эти мысли из головы.

— Какие?

— О том, что люди боятся тебя. Так будет недолго. Лучший способ завоевать их уважение — выждать, когда этот страх пройдет.

— Мне бы хотелось хоть раз в жизни уехать и сделать то, что хочу, а не то, что укрепит мое положение.

Не то перебранка, не то спор. Дискуссия была в самом разгаре, когда появился Копченый. Войдя в комнату, он остановился, тупо уставившись на них.

А они смотрели на него.

— Ты где пропадал, черт возьми? — требовательно спросила Радиша.

Князь коснулся ее, делая знак, чтобы она замолчала.

— Что случилось, Копченый? У тебя ужасный вид.

Он был сам не свой. Мысли текли слишком медленно. Он совсем не ожидал натолкнуться сразу на обоих. И ему было нужно время, чтобы овладеть собой.

Он открыл было рот.

Длиннотень встал перед его мысленным взором. Ужас и боль подступили к горлу. Он не мог ничего рассказать. Оставалось лишь подчиниться приказаниям Длиннотени. И молиться.

Князь коснулся ее, делая знак, чтобы она замолчала.

— Где ты был, черт побери? — снова потребовала ответа Радиша.— Ты знаешь, что произошло, пока ты шлялся невесть где?

Ее трясло от ярости. Отлично. Это отвлечет ее внимание.

— Нет.

Она все рассказала.

Новость его опечалила.

— Она их убила? Всех? — Сейчас у него был шанс настоять на своем, использовать весь свой пыл, но не было ни сил, ни воли. Хотелось только одного — лечь и отоспаться. За все то время, как он... С тех пор как он...

— Со всеми, то бишь, со всеми теми, с кем приходилось считаться. Теперь она может делать с Таглиосом что угодно. Если только она в Таглиосе.

— А ее там нет? — Длиннотень даже не ввел его в курс событий.

— Где она теперь?

— Наверное, уже в Деджагоре.

Медленно, слово за словом, он вникал в то, что рассказывала Радиша. Пока его не было, произошла куча событий. Может быть, Длиннотень сам не был информирован? Что могло сделать ситуацию выходящей из-под контроля?

Кто остановил наступление Тенекрута на Дежагор?

За все время князь не произнес ни слова. Сидел, притворяясь спящим. Дурной признак. За его внешним безразличием обычно таился подвох.

Но колдун не собирался провоцировать его.

Он этого не хотел. Но если не получится... Перед его взором пылало лицо Длиннотени. От ужаса Копченый терял контроль над собой. Он судорожно сглотнул.

— Нужно что-то делать. Нам следует обуздать ее, прежде чем она уничтожит весь народ...

Прабриндрах открыл глаза. В них не было никакой приязни к Копченому.

— Я последовал твоему совету, Копченый. Перечитал эти книги раз шесть. И они убедили меня.

Колдун чуть не подпрыгнул от радости.

— Они убедили меня, что ты — куча дерьма. Отряд не имеет ничего общего с тем, что ты мне говорил. Я на ее стороне.

Глава 44

Я произнесла заклинание, чтобы сбить Тени с толку, хотя было еще светло. Когда мы закончим, будет уже темно.

Всадники были на месте. Люди из Страны Теней, казалось, ничего не подозревали. Они были заняты своими делами. Обе группы исчезли в холмах. С тысячу человек ушли из моего поля зрения.

Что за характер у Тенекрута? Наверняка не мягкий. Его, должно быть, гложет, что четыре тысячи воинов удрали, что ослабило силы осаждающих.

Нож растянул пехоту так, чтобы прикрыть отход кавалерии. Я крикнула Раму:

— Пора!

Он кивнул. Сейчас не нужно давать ему указания.

Верхом на жеребце я поднялась на холм, чтобы нас можно было видеть в любом конце равнины. Рам последовал моему примеру. Я надеялась, что он не оплошает. Не упадет с лошади, например. Это могло испортить весь спектакль.

Обнажила меч. Он засиял огнем.

Прогремели трубы. Всадники прорвали заслон. Шадариты стали теперь вполне опытными воинами. Нож привел их в форму. А я осталась довольна их выступлением.

Внизу в беспорядке все перемешалось.

Люди Страны Теней, казалось, никак не могли сорганизоваться. Я боялась еще одной случайной победы. Наступила кромешная тьма, когда я наконец опустила свой меч. Протрубили отбой. Воины Хозяев Теней не стали нас преследовать.

Скоро появился Нож.

— Что теперь?

— Пришло донесение. Нам, наверное, лучше отступить.

Внутри огороженного стеной лагеря, у города, распространялось странное свечение.

Прежде чем оно доберется досюда, я сняла чары, освещающие меня и Рама, спешилась и пошла прочь.

Столкнулась с Зиндху, который явился от Нарайяна с вопросом Ножа.

— Я хочу, чтобы Нарайян и ваши друзья,— сказала я ему,— присоединились ко мне. Уберите кавалерию. За ними должна уйти пехота. Завтра отдыхаем.

Мне был нужен отдых. Я все время чувствовала себя изможденной. Хотелось только одного: лечь и поспать. Столько времени держалась на одной воле, что боялась сломаться в критический момент.

Не было времени рассортировать всю пехоту на склоне. Когда стало очевидно, что это невозможно, я отправила большинство воинов обратно. Расположиться лагерем. Мне не терпелось очутиться там. Но ночь еще не закончилась.

Долина сияла, словно над ней поднялась зеленая зловещая луна. Свечение становилось все ярче.

— Все вниз! — выкрикнула я и шлепнулась в грязь.

Безобразно светящийся шар врезался в холм, с которого я наблюдала за битвой. Земля, растения потекли лавой. Воздух наполнился запахом дыма. Появились отдельные языки пламени, правда они быстро гасли. Моих товарищей охватил страх.

А я была довольна. Тенекрут промахнулся на двести ярдов. Ведь он не знал, где я нахожусь. Мыши угодили в мою ловушку, а Тени были сбиты с толку. Иногда и маленькие хитрости могут сработать не хуже огненного шара Тенекрута.

— Давайте убираться отсюда,— сказала я.— Ему нужно время, чтобы подготовить второй. Воспользуемся перерывом. Рам, сваливаем. Надо снять костюмы. Слишком в них неудобно.

Так мы и сделали. Мимо нас ехали всадники, они о чем-то говорили — голоса их звучали мягко и устало,— они были в хорошем расположении духа. Еще бы! Там, внизу, они задали перцу. И теперь могли быть довольны собой.

Друзья Нарайяна постепенно собирались. К тому моменту, когда двинулась пехота, их было уже человек восемьдесят.

— В основном это члены моей банды,— пояснил Нарайян.— Они прибыли в Годжу на мой зов. Как вы намерены поступить дальше?

— Ложись! — Тенекрут палил по холмам, разбрасывая свои шары наугад. Лежа рядом с Нарайяном и чувствуя, как камни впиваются мне в живот и в грудь, я пробормотала:

— Проникнуть в их лагерь и добраться до Хозяина Теней.

Мне не было видно его лица. Может, так оно и лучше. Моя идея его не обрадовала.

— Но...

— Когда выпадет еще раз такая возможность? Длинноtень получит известие моментально. Его ресурсы еще не

исчерпаны. Как только он поймет, что Тенекрут попал в беду, он предпримет соответствующие меры.

— Скорее всего, пошлет Ревуна.

— Следовательно, надо сделать все возможное, пока есть шанс.

Но он не хотел связываться с Тенекрутом. Черт бы его побрал. Если он откажется, то его Душилы — и подавно.

Но он угодил в собственную ловушку. Ведь я была для него Дщерью Ночи. И ради его же собственного блага спорить со мной не стоило. Он проворчал:

— Мне это не нравится. Если это должно быть сделано, вы, пожалуйста, не ходите. Слишком велик риск.

— Надо. Ведь я мессия, не так ли? И еще не закончился срок моего испытания. Мне нужна поддержка ваших людей, а для этого необходимо продемонстрировать свою силу.

Мне не хотелось идти. Только бы поспать. Но образ требовал самоотдачи.

Он отобрал двадцать пять человек, в чьих способностях был уверен. Остальных отпустил. Они присоединились к общей массе направлявшихся к лагерю. Счастливчики.

— Зиндху! Возьми четырех человек и разведай, что впереди. И будь как можно осторожнее. Без проверки на рожон не лезь. И только в крайней необходимости.

Нарайян отобрал тех, кто должен был идти с Зиндху. Мы пошли тесной группой, без прикрытия с флангов. Нарайян был асом в тактике, если нужно вести небольшое подразделение.

Вокруг нас носились Тени, все еще не замечая нас. Но я не слишком надеялась на их «слепоту». Будь я Тенекрутом, я бы им велела притвориться слепыми.

Вокруг все еще царил хаос. Тенекрут по-прежнему бомбардировал холмы. Может, его Тени и не знали, где мы, но ушли-то далеко не все.

Вернулся Зиндху.

— Впереди сырая земля.

Странно. До заката она еще была сухой. Дождя не было.

— Там вода? — спросила я.

— Да.

— Странно.— Но до утра голову ломать над этим бесполезно.— Будь осторожен.

Он снова отправился вперед. Следом мы. Вскоре я была по щиколотку в воде. Это не оросительные системы.

Причина суматохи отчасти стала ясна. Люди Страны Теней старались держаться от холмов подальше. Когда они подходили к городу слишком близко, в них стреляли лучники. Но теперь все постепенно приходило в порядок.

Зиндху пришлось убрать нескольких дозорных.

Тенекрут прекратил бомбить холмы. Нарайян высказал догадку:

— Его Тени караулили дозорных.

Но это было не так. Суматоха была вызвана тем, что близко была я. Она прикрывала их дозорных. Но может быть, Тенекрут каким-то образом почуял наше приближение. Я отправила к Зиндху человека, чтобы тот пронаблюдал, не ожидает ли нас засада.

Я была в ста ярдах от старого огороженного лагеря. Зиндху находился у его поврежденных ворот. По его мнению, путь был чист. Может, нам и вправду удастся добраться до Тенекрута.

И тут мы попали в сущий ад.

С полсотни огненных шаров взлетели ввысь, разрывая темноту ночи. В их свете стало видно, как сотня людей крадучись пробирается в лагерь. Таглиосцы, огромные черные люди. Кое-кто из них был в шаге от моих Душил.

Я взглянула в глаза тому, кто их вел.

Это был Могаба. В тридцати футах от меня.

Он хотел проделать то же, что и я.

Глава 45

Длиннотень бросил взгляд через стол, на котором стояла чаша со ртутью. В ней плавало отражение перепуганного, дрожащего лица Копченого, его раба. Ревун носился вокруг. У обоих слишком много силы на одного маленького колдуна. Ревуна это смешило.

Раб ничего не имел для сообщения. Сенджак не только была вне пределов досягаемости, он не видел ее вообще. Она отправилась на юг, вероятно, в Штормгард. Длиннотень протянул руки над чашей и расплескал образ. Лицо Копченого расплылось, цвета перепутались.

Ревун хмыкнул.

— Надо было действовать уговорами. В тебе слишком много грубой силы. Жестокость требует больше времени. Теперь он в орудие не годится. И они ему не верят.

— Не говори мне как...— Ревун вовсе не был одним из беспомощных прихлебателей Длиннотени. Он обладал почти такой же силой. Угрозами его не возьмешь. Его следует умиротворять, успокаивать. Ублажать, одним словом.

— Давай узнаем, как дела у нашего коллеги в Штормгарде.

Они объединили свою силу. Хотя Длиннотень был способен простирать свои чары на огромные расстояния, Ревун помог ему связаться со Штормгардом быстрее.

Было ясно, что Тенекрут по уши в делах. Он отвечал лишь спорадически. Медленно нарастал ком проблем.

— Черт возьми! Четыре тысячи убитых. Полный хаос. И кто знает, какие сегодня потери.— Тенекрут возлагал последнюю надежду на то, чтобы удержать город закрытым.

— На сей раз сама Сенджак. Судя по всему, это она. Ей удалось частично вернуть былую силу.

— Или кто-то другой помог ей в этом.

Последнее замечание было сделано Ревуном. Вечно ищет какие-то новые объяснения и путает все карты. Черт бы его побрал. С каким удовольствием он бы его размазал! Но на это уйдет не меньше столетия, это точно.

— Что бы ни было — она там. Мы можем положить конец угрозе, которую она несет. Ты закончил новый ковер?

— Он готов.

— Я дам тебе трех смышленых людей из своей стражи. Вытяни ее сюда. Мы будем веселить ее приблизительно вечность, когда ее приведут.

— Согласится ли на это Ревун? Не такой уж он и простак.

Посылать его на это дело было рискованно. Он может сбежать с Сенджак. Знания, которые она хранила...

Предупредить значит обезоружить. Он нашел трех надежных людей.

— Смотри, не подведи меня, иначе ответ будет один. Мне придется выпустить на волю одного из тех гигантов с равнины.

Ревун тут же обмяк. Он издал леденящий вой. Затем этот ворох тряпья хмыкнул:

— Считайте, что она уже поймана. У меня тоже к ней счет.

Длиннотень понаблюдал, как эта куча улетела прочь, вместе с ней и исходящая от нее вонь. Может, ему устроить пытку мытьем?

Он послал за тремя лучшими людьми из своей стражи и кратко проинструктировал их, затем снова попытался связаться с Тенекрутом. Тот не реагировал. Слишком занят. Или мертв.

Длиннотень вернулся в свою кристаллическую башню. Вороны, облепившие ее, таращились вниз. Пора с ними кончать. Раз и навсегда. Но вначале нужно послать в Деджагор Тени.

Глава 46

Когда мы встретились, Мегаба гораздо больше, чем я, удивился. Черты его лица исказила ненависть. Высшая степень удивления. Обычно он никогда не выказывал своих эмоций.

Через мгновение лицо стало спокойным. Он повернулся ко мне. Но прежде чем успел подойти, рядом со мной оказался Рам, встав между нами; слева подскочил Абда. Нарайян заботился о том, чтобы никто не причинил мне вреда.

Стоя впереди, Зиндху клял весь свет, заставляя всех идти вперед. Выбора не было: или стремительный удар, или смерть.

— Госпожа,— сказал Могаба.— Мы думали, что вы умерли.

На этом громадном человеке не было ни одной жировой складки, весь из сплошных мускулов, с фигурой атлета. Он был чернее Ножа. Идеальный военачальник, один из Наров, последователей первого Черного Отряда. Это была отдельная военная прослойка. Костоправ завербовал их во время южного похода. Из них было сформировано особое подразделение. С тысячью Наров я могла бы уничтожить Хозяев Теней в момент.

По моим подсчетам, в живых осталось человек пятнадцать-двадцать. И все преданы Могабе.

— Вот как? Я — куда крепче, чем кажется.

Его люди входили в лагерь вместе с моими, торопились добраться до Тенекрута прежде, чем он среагирует. Наверное, именно люди Могабы вспугнули Тенекрута, вызвав иллюминацию. Будь я на месте Тенекрута, я ожидала бы нападения Могабы.

— Копье у вас? — спросил он. Вопрос застиг меня врасплох. Скорее можно было предположить, что он захочет поговорить об осаде или о том, кто из нас имеет больше прав называться Капитаном.

— Какое копье?

Он улыбнулся. Будто почувствовал облегчение.

— Знамя. Мурген потерял его.

Что-то темнит. Я перевела разговор в деловое русло. Ведь другого момента может не выдаться. Люди Страны Теней вот-вот могли вмешаться в нашу беседу.

— Какие у вас потери? У меня опытных воинов нет. Тех, кого удалось обучить, очень мало. Я могу измотать Хозяев Теней, но не в силах освободить вас.

— Положение у нас не лучшее. Последняя их осада чуть не сломила нас. Откуда у вас войско? С кем вы были на конях? Мурген видел, как умер Костоправ.

— Мои друзья — враги Хозяев Теней.

Уж лучше говорить загадками, чем выкладывать все как есть.

— Почему бы вам не разделаться с Хозяевами Теней?

Правду сказать было невозможно. Я солгала:

— Со мной нет моего друга.

— А кто же был там сегодня?

8 Зак. 2252

— Тот, на кого можно было надеть эти доспехи.

Его губы растянулись в тонкой улыбке, оскалив узкую полоску острых зубов.

— Тогда поговорим о звании Капитана. Вы ведь не позволите мне выбраться отсюда, не так ли?

Все это время мы говорили на языке Самоцветных Городов, так как оба не хотели, чтобы в наш разговор кто-то вмешался.

В лагере поднялся переполох. Я кликнула Нарайяна. Люди Страны Теней могли атаковать нас в любой момент с запада.

— Со званием Капитана проблем нет. Тут есть своей порядок: когда Капитан умирает, его место занимает Лейтенант.

— По традиции Капитана избирают.

И он, и я были по-своему правы.

Могаба крикнул:

— Зиндаб! Идем. Ничего не выйдет.— Со стены прикрывали его отступление. Стрелки и артиллерия.— Итак, мы знаем позицию друг друга, Госпожа.

— Думаете? Моими врагами становятся только те, кто сам того желает. У меня же одна цель — уничтожить Хозяев Теней.

Мои воины двигались рядом со мной, солдаты Могабы — по его сторону. Неуклонно мы приближались к армии Страны Теней.

Одарив меня на прощание улыбкой, Могаба повернулся и направился к городу, к канатам, свисающим с крепостной стены.

Рам поторопил меня:

— Идемте, Госпожа!

Я поспешила.

Бригада тенеземцев догоняла мое соединение, очевидно считая нас легкой добычей. В холмах какой-то смельчак-наблюдатель решил пугнуть их сигналом трубы. Они приостановили погоню. А мы растворились в темноте оврага.

Все собрались.

— Мы были вплотную? — спросила я Нарайяна.

— Мы бы подобрались к нему, если бы те его не спугнули. Зиндху был меньше чем в десяти футах от него.

— Где он? — Зиндху отсутствовал. Мне было бы очень жаль потерять его.

Нарайян усмехнулся:

— Он в порядке. Мы потеряли всего двух Душил. Те, кого здесь нет, в суматохе потерялись и бежали в город.

Вот сейчас я была рада его улыбке!

— Быстро соображаешь, Нарайян. Думаешь, у Зиндху там найдутся друзья?

— Найдутся. В сущности я хотел, чтобы он связался с вашими друзьями. С теми, кому Могаба не по душе.

Могаба меня не слишком волновал. В его положении вряд ли он мог причинить мне неприятности. Лучший способ излечить его от амбиций — забыть его. Можно было сделать вид, что я обдумываю варианты освобождения города, а самой между тем до седьмого пота поупражняться. Могаба тем временем будет донимать врага. Истощит его силы для меня.

Беда только, что у Тенекрута были союзники, способные ему помочь. Деджагор и его окрестности были не особенно примечательны, но город имел свою символическую ценность. На юге Страна Теней была густо населена. И жители этого края внимательно следили за ходом событий. Судьба Деджагора могла определить судьбу империи Хозяев Теней. Если они потеряют город, а мы опять вернемся на юг, что было весьма вероятно, могло вспыхнуть восстание.

Моя голова была занята этими мыслями. Я собирала в кулак всю свою волю, чтобы пересечь холмы и попасть в свой лагерь.

Одна я не могла справиться со всем. Мне нужен был Рам.

Глава 47

Верховые остановились, чтобы осмотреть холм у дороги.

— Задала она им работенку,— заметила женщина. То, что всего несколько недель назад было голой вершиной холма, теперь превратилось в массивную каменную фортификацию. Строительство, похоже, шло днем и ночью.

— Она всегда выполняет задуманное.

Как там на юге Госпожа, подумал Костоправ, и зачем они сюда явились.

Ведьма мягко, любовным движением коснулась его. Она делала это теперь постоянно. Внешне она была похожа на Госпожу. Трудно было противостоять соблазну.

Она улыбнулась. Знала, о чем он думал. Придумывал себе оправдания. Она на полпути к победе.

Он стиснул зубы и уставился на крепость, делая вид, что она его не интересует. Она снова коснулась его. Он хотел что-то сказать о расположении крепости, но вдруг понял, что язык не повинуется ему. Он снова взглянул на нее широко распахнутыми глазами.

— Это всего лишь предосторожность, любовь моя. Бастион твоего сердца еще не сдан. Но когда-нибудь это произойдет. Идем. Давай навестим наших друзей. И она пришпорила коня.

Вороны, кружа над ними, указывали путь. Душелову хотелось, чтоб на нее обращали внимание. В действительности так оно и было. Она была красивой, необычной женщиной.

Он понял это, когда она заговорила с каким-то человеком. Говорила так, будто знала его. Выдавала себя за Госпожу. И стало понятно, почему ей хотелось, чтобы он молчал.

Его-то никто не замечал. Когда они проезжали сквозь толпу людей и животных, вдыхая запахи пыли, пота, экскрементов и миазмов, одни лишь насекомые были к нему небезразличны.

Тогда он может улизнуть. Если ее внимание будет рассеяно. А вороны отвлекутся на что-нибудь другое. Да и найдут ли его в такой толпе?

Она ехала впереди, к сооружениям на вершине холма, уже почти завершенным. Время от времени останавливалась, чтобы поговорить то с одним, то с другим, болтала о пустяках. Если она и вправду хотела выдавать себя за Госпожу, то неверно играла свою роль. Манера обхождения Госпожи была сдержанна и несколько высокомерна. Впрочем, может, она это делала намеренно? Конечно. Ей хоте-

лось, чтобы новость о том, что Госпожа вернулась, быстро облетела округу.

Что же она затеяла?

Совесть внушала ему, что надо было что-то предпринять. Но ни одна идея не приходила.

Его никто не узнавал. Немного уязвляло самолюбие. Всего-то несколько месяцев назад весь Таглиос салютовал ему как Освободителю.

Новость о приезде обогнала их. Когда они подъехали к внутренней крепости, навстречу вышел человек. Сам Прабриндрах Драх! Неужели он сам руководил строительством? Не похоже на него. Обычно он держался в тени, подальше от жрецов.

— Не ожидал, что вы вернетесь так сразу,— заметил князь.

— Мы одержали небольшую победу к северу от Деджагора. Хозяева Теней потеряли четыре тысячи человек. Нож спланировал всю операцию и сам же ее провел. Я решила оставить его командующим. Вернулась, чтобы заняться пополнением войска и обучением нового состава. Вы здесь много успели сделать. Как я понимаю, жрецы оставили свой обструкционизм?

— Вы их убедили в этом.— Он, казалось, был опечален.— А вот у вас уже не осталось друзей. Остерегайтесь.— Он то и дело бросал взгляд на Костоправа. Вид у князя был озадаченный.

— Ваш Рам, кажется, сегодня не в себе.

— Легкое расстройство кишечника. Как идут дела с мобилизацией?

— Двигается медленно. Большинство добровольцев помогает на строительстве. Многие не решаются, ждут, когда кто-то другой примет за них решение.

— Известите их о нашей победе. И о том, что осаду можно прорвать. У Тенекрута никого не осталось. А Длинотень ему не помогает. Он остался один, и остатки его армии держатся только на страхе.

Костоправ взглянул на облака, скользящие по небу с востока, со стороны моря. В них не было ничего особенного, однако, разглядывая их движение, он вдруг испытал

нечто вроде озарения. Ах ты, сука хитрая! Он понял, что она затевала.

Там, за Майном, Госпожа дралась с Тенекрутом, но в сезон дождей переправа через Майн становилась невозможной. Тут штрих, там другой, игра будет продолжаться до тех пор, пока Госпожа уже не сможет вернуться из-за реки. А сезон дождей уже скоро. В лучшем случае у нее в запасе два месяца. И тогда Госпожа окажется в ловушке, один на один с Хозяином Теней. И у Душелова будет пять месяцев, чтобы утвердиться здесь, не опасаясь вмешательства. Если только кто-нибудь случайно не узнает, что она не та, за кого себя выдает. Ее вороны будут следить за дорогами, ведущими на север, перехватывая посланцев Госпожи.

Сука! Сука с черной душой! Князь, взглянув на него, нахмурился. Заметил его смятение. Но его внимание было слишком занято собеседницей.

— Может, когда-нибудь мы сможем снова пообедать в саду.

— Это было бы чудесно. Однако теперь угощать буду я.

Князь слегка улыбнулся:

— Если только вам позволят. После того раза.

— Не я была инициатором.

О чем это они? Было какое-то происшествие с Госпожой? В каком таком саду? Душелов многое утаивала. Она говорила только то, от чего ныло его сердце.

Он почувствовал на себе чей-то взгляд и заметил притаившегося в тени Копченого. Лицо колдуна было искажено ненавистью. Выражение исчезло, как только тот понял, что его заметили. Задрожав, Копченый скрылся.

Вслед за ним отправились вороны. Конечно. Куда бы Копченый ни направлял свои стопы — за ним повсюду следили. Душелов располагала полной информацией о нем.

Душелов спросила:

— А мои апартаменты готовы? Дорога была долгой, мы пропылились. Мне необходимо часа два, чтобы снова принять человеческий облик.

— Еще не совсем готовы, но вы уже можете воспользоваться ими. Вы хотите, чтобы я распорядился насчет ваших лошадей? Нужна ли вам помощь с поклажей?

— Да. Конечно. Очень любезно с вашей стороны.— Она состроила ему глазки. Князь покраснел.— Я хотела бы видеть кое-кого.— Она назвала несколько имен, незнакомых Костоправу.— Пошлите их в мои апартаменты. Рам развлечет их, пока я займусь своим туалетом.

— Конечно.— Князь, позвав слуг, отправил их с поручением привести тех, чьи имена были названы.

Душелов подала ему знак, и Костоправ спешился и передал своего коня людям князяа. Князь пошел впереди, за ним — Душелов, последним — Костоправ. Вороны собрали немало информации — надо отдать им должное. Все идет у нее как по маслу, угрюмо подумал он.

Уже в апартаментах он понял, почему его называли Рамом, а не Освободителем. Он посмотрелся в зеркало. И увидел в нем не себя, а огромного, темного шадарита, волосатого как горилла.

Она заколдовала его.

Люди, которых хотела видеть Душелов, оказались тощими как прутья, маленькими и суетливыми, явно низшей касты. Они избегали его взгляда. Когда он представлялся им, все они нараспев прибавляли что-то непонятным ему, Костоправу, речитативом. Почтительные обращения, упомянутые ими, его сильно озадачили. Дщерь Ночи? Что имеется в виду? Слишком много всего происходило одновременно, а у него не было возможности ни узнать, ни контролировать ход этих событий.

Душелов сказала визитерам:

— Я хочу, чтобы вы следили за этим колдуном Копченым. По крайней мере двое из нас должны держать его все время на виду. Особенно меня интересует, бывает ли он на улице Погасших Огней. Если он направится туда, преградите ему путь. Каким угодно способом. Хотя сомневаюсь, что ему не терпится отправиться на тот свет.

Люди все время теребили разноцветные лоскутки, пришпиленные к их набедренным повязкам. Один из них сказал:

— Будет все, как вы пожелаете, Госпожа.

— Конечно. Займитесь этим. Найдите его. И не спускайте с него глаз. Он опасен.

Люди поспешили прочь. Им явно хотелось скрыться с ее глаз.

— Они боятся тебя,— заметил Костоправ. Дар речи вернулся, как только они остались одни.

— Естественно. Они думают, что я — дочь их богини. Почему бы тебе не умыться? От тебя разит за версту. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли чистую одежду.

За весь этот день мытье и чистая одежда были его единственной радостью.

Глава 48

Выспаться так и не удалось. Опять мучили кошмары. Я бродила по подземным пещерам, гнилостно пахшим. Пещеры уже не были холодными. Запах разлагающихся тел. Они были еще живы, но гнили. Проходя между ними, я чувствовала, как они зовут меня, обвиняют. Я пыталась откликнуться на их призыв, но каково бы ни было мое предназначение, я не могла подойти близко.

Та, что пыталась сделать меня своим орудием, теряла терпение. Меня разбудил Нарайян.

— Извините меня, Госпожа. Важное известие,— сказал с таким видом, словно увидел привидение.

Я села. И тут меня стало рвать. Нарайян вздохнул. Его друзья заслонили меня. Нарайян казался встревоженным. Боялся, что лошадь, на которую он поставил, не дойдет до финиша. Вдруг я умру и оставлю его с носом?

Меня это не заботило. Тяжелее была мысль, что я не умру и всю жизнь буду так мучиться. Что же это такое? Тошнота стала привычной по утрам, днем она немного проходила.

На болячки не было времени. Уйма дел. Завоевывать миры.

— Помоги мне, Рам. Я испачкалась?

— Нет, Госпожа.

— Ну слава богам и за то. Так в чем дело, Нарайян?

— Вам следует больше думать о себе. Вы можете идти, Госпожа? Пожалуйста, пойдемте.

Рам привел лошадей. Я взяла себя в руки. С помощью телохранителя взобралась на своего жеребца, и мы направились к холмам. Когда уезжали из лагеря, я заметила, что Нож, Лебедь и Мотер над чем-то склонились. Нарайян не мог ехать верхом, но хорошо бегал вприпрыжку, когда хотел.

Лучше увидеть, чем услышать. Он прав. Я могла и не поверить услышанному.

Равнина была затоплена. В северном и южном ее концах с холмов шумными потоками стекала вода. Каналы разлились.

— Теперь понятно, куда направлялись команды строителей. Они, наверное, изменили русла обеих рек.— Какая здесь глубина?

— По меньшей мере футов десять.

Я попыталась подсчитать, как высоко может подняться вода. Холмы были обманчивы. Угадать трудно. Долина была расположена еще ниже подножия холмов, но не намного. В конце концов глубина воды будет не более шестидесяти футов. Правда, этого может хватить, чтобы затопить город.

Могаба оказался в затруднительном положении. Был единственный выход — строить лодки и плоты. Тенекрут, без сомнения, сделает все возможное, чтобы держать его связанным по рукам и ногам.

— О боги! А куда делись люди Страны Теней? — У меня возникло дурное предчувствие, словно я одной ногой попала в медвежий капкан.

Нарайян позвал дежурного по разведке. Он сказал нам, что войско Страны Теней разделилось на две части и вышло в направлениях севера и юга вскоре после восхода солнца.

Мысленно я сверилась с картой.

— Нам нужно бежать,— сказала я Нарайяну.— Быстро. Или к полудню от нас останется мокрое место. Вы за мной. Солдат, следуйте за Рамом, не отставая. Там есть другие люди?

— Несколько человек, Госпожа.

— Им придется самим позаботиться о себе. Пошли!

Мы представляли собой незабываемое зрелище, это уж точно, прилично держаться в седле умела только я. А меня

так мутило, что дважды приходилось останавливаться. Но мы успели добраться до лагеря еще до тревоги.

Нож приготовил войско к отходу. Теперь я поняла, о чем он говорил с Мотером и Лебедем. Он услышал про воду и понял, к каким последствиям это может привести. Он ждал указаний.

— Отправьте кавалерию с разведкой на север и юг. Припугните их.

— Уже сделано. По двести всадников в каждом направлении.

— Отлично. Ты — чудо.

Пришла памятная ассоциация, я попыталась стереть воспоминание, и все же оно снова вернулось. Я вспомнила ту западню, в которой оказалось мое войско на севере. Нужно было спешить. С севера надвигалась огромная дождевая туча.

— Пехота пусть идет в холмы. Я хочу, чтобы каждый всадник наломал ветвей и прицепил их сзади к лошадиным спинам. Двигаемся на восток. Отправьте сообщение стрелкам. Связь должна сохраняться как можно дольше.

Моя уловка могла сработать — если только сработает — лишь в светлое время суток. Тогда Тени, столь любимые Тенекрутом, сообщат ему, что его надули. Но именно это время и будет самым подходящим для того, чтобы улизнуть от него.

Если он будет преследовать меня, люди Могабы смогут спастись. А этого Тенекрут ни за что не допустит.

Нож не тратил времени попусту. И Лебедь и Мотер тоже помогали изо всех сил. Сейчас было не до разногласий.

По мере того как войско продвигалось среди холмов, воцарилась атмосфера уверенности и строгого порядка. Люди верили, что Нож и я выведем их. Всадники неслись галопом. Пыли от них — как от целой орды.

Нож, Лебедь, Мотер, Нарайян и я вели наблюдение с небольшой возвышенности.

— Если его только вообще возможно одурачить, наша уловка должна получиться,— сказала я.— Он увидит, что мы ускользаем, заволнуется и попытается догнать.

Лебедь поднял руку, скрестив пальцы, будто благословляя, а Нож спросил:

— Каковы будут наши дальнейшие действия?

— Идти на север, через холмы.

— Он клюет,— сказал Мотер.

Нож заметил:

— Сдается мне, чтобы выиграть время, он бросил всех, кто послабее.

— Ты кое-чему научился,— ответила я.— И это не мешает тебе становиться противным.

— Дело противное.

— Да. Остальные, все поняли?

Лебедь потребовал разъяснений.

— Тенекрут оставит своих раненых и новичков, чтобы избавиться от тормоза. Они должны быть там, где северная дорога упирается в холмы. Там-то их и накроем. Нарайян, отправьте разведчиков вперед.

Теперь Нарайян был мною доволен. Маячила перспектива огромной бойни. И долгожданный Год Черепов.

Глава 49

Копченый двигался в темноте. Оглядываясь по сторонам, он тихо выругался. Люди снова были там. Он не мог от них избавиться. Каждый его шаг был наперед известен.

Это приводило его в растерянность, пугало. Чем дольше он откладывал свой «выход на связь», тем сильнее давил на сознание образ Длиннотени. Страх перед ним так одолевал Копченого, что сливался с ним, становился частью его души. С ним сотворили нечто страшное. Изувечили его душу настолько глубоко, насколько вообще возможно сломать чью-либо душу. Каким-то образом Длиннотень сумел имплантировать частицу себя в Копченого, чтобы подчинить своей воле.

Голоса, которые он слышал, вдруг перешли на крик. Если не избавиться от соглядатаев, трудно будет скрыть свой контакт с людьми Долготени.

Он притворился, что не замечает их, хотя они и не прятались от него. Может, она все знала и хотела припугнуть его,

чтобы было неповадно ходить на сторону? Может быть. А вдруг, если он выдаст своих контактеров, ничего страшного не случится?

Он пошел.

Тени двинулись за ним.

Он пытался оторваться, рассчитывая на свое знание города. Всю свою жизнь он предпочитал темные аллеи и потайные пути.

Никто не знал лабиринтов дворца лучше его, да и в городе ему был знаком каждый закоулок. Он превзошел сам себя. Но выйдя из запутанных трущоб, где он дважды «терялся», стараясь запутать след, заметил, что у стен дома его уже поджидает один из наблюдателей.

Человек ухмыльнулся.

И образ Длиннотени сдавил сознание Копченого. Хозяин сердится. Его терпение вот-вот лопнет.

Копченый перешел улочку.

— Как вам, черт побери, удалось выследить меня?

Человек сплюнул, снова усмехнулся:

— От Кины не ускользнешь, колдун.

Кины! К одному страху добавился новый.

— Сколько ни беги, не скроешься. Крутись-вертись, раз попал на крючок — все. Можно укрыться в наглухо закрытой комнате, говорить шепотом, а от Кины все равно ничего не утаишь. Каждый твой вдох будет ей известен.

Страх стал сильнее.

— И так было всегда.

Копченый повернулся, чтобы бежать.

— Но есть один выход.

— Какой?

— Есть выход. Сам подумай. Если будешь поддерживать свою связь с Длиннотенью, твои друзья-таглиосцы прикончат тебя на месте, как только об этом узнают. А если не они, то это сделает сам Длиннотень, когда ты ему станешь не нужен. Но выход есть. Ты можешь вернуться домой. И стряхнуть с себя тот ужас, который пожирает твою душу.

Копченый был так напуган, что его не удивило, что этот головорез говорил вовсе не так, как говорил бы уличный разбойник.

— Как? — Он был готов на все, лишь бы избавиться от рабства Хозяев Теней.

— Приди к Кине!

— О, нет! — Он чуть не завопил. Неужели, чтобы спастись от одного, он должен попасть в рабство другому? — Нет!

— Дело твое, колдун. Но я тебе не завидую.

И вот тут Копченый побежал. Его уже мало волновало, догоняют ли его. Бег чуть успокоил. У самого дома он вдруг сообразил, что с тех пор как покинул дворец, ему не попалось ни одной летучей мыши. Это что-то новое. Где же они, посланцы Хозяев Теней?

Он влетел в высокое обшарпанное здание, взлетел по лестнице наверх и замолотил в дверь. Чей-то голос отозвался:

— Входите.

Он сделал два шага и замер в дверях.

Прислонившись к стене, в комнате стоял тот, с кем он разговаривал на улице. Вокруг лежало восемь трупов. Задушены.

— Богиня не хочет,— сказал человек,— чтобы твой хозяин знал о том, что ее дочь находится здесь.

Копченый взвизгнул, как крыса, угодившая в мышеловку. И побежал. Тот засмеялся.

Смеющийся в окружении трупов съежился и превратился в беса Жабомордого. Бес хмыкнул и растворился в воздухе.

Копченый успокоился прежде, чем добрался до дворца. Вернулась способность думать. Да, он оставил им зацепку, благодаря которой они все могли легко добраться до него, но... Так как вокруг была густая тьма, ему оставалось только одно: бежать к единственному источнику света.

Кине он не сдастся.

Глава 50

С наступлением сумерек я ударила в тыл Длиннотени и разбила его людей наголову. Это было жуткое зрелище. Если кто-то из них и сумел уцелеть, то только потому, что у моей кавалерии и так было по горло дел. Еще не упала ночная тьма, а мы одержали победу.

— Старик Тенекрут узнает обо всем мгновенно,— заметил Лебедь.— Думаю, вначале он заляпает собственные штаны, а потом намочит. Нужно сваливать отсюда, пока он нас не достал.

Лебедь был прав. Еще в холмах я наметила присоединиться к оставшейся на южной дороге группе. Но после слов Лебедя поняла, что не смогу к ней прорваться. Настала ночь, а она покровительствовала Тенекруту. Он найдет нас и вычислит маршрут. Если не изменить направление, то Тенекрут подготовится накрыть нас, как только мы окажемся на месте.

Надо учитывать и то, что с горя он может попросить помощи у Длиннотени. Не исключено, что тот уже оказал ему какую-нибудь поддержку. При любом раскладе их вражда отойдет на задний план, уступив место ненависти ко всей вселенной. В сущности, их ссора-то из-за шкуры неубитого медведя.

— Мы можем остаться здесь и прикинуться людьми Хозяина Теней? — спросил Нож.

— Нет. Это не в моих силах. Лучше всего отправиться на север и идти до тех пор, пока он не прекратит преследование. А уж потом методично изводить его, что даст нам время обдумать следующие действия.

Нарайян стал волноваться из-за того, что может пропустить свой Фестиваль. Я прошла первое испытание, но он сомневался в моем желании стать Дщерью Ночи. Курс на север успокоил бы его. Да и люди нуждались в отдыхе, возможности побыть в другой обстановке, восстановить силы, порадоваться одержанной победе.

Нож снова задал вопрос:

— А те, что в городе?

— Сейчас они в безопасности. Тенекрут до них пока добраться не в состоянии.

Нарайян ворчал. В городе остался Зиндху.

— Могаба справится,— сказала я.— Он вполне неплохо справляется.

Даже слишком неплохо. Мы отбросили все свое зло друг на друга еще там, на дороге.

Никому, кроме Нарайяна, на север идти не хотелось. Но спорить не стали.

Определенно я завоевала авторитет.

Глава 51

Копченый как колдун не обладал даром вызывать землетрясения, однако признавал за собой некоторые таланты — немалые и дающие желаемый результат. Если он ожидал нападения, то мог дать достойный отпор.

Возможно ли, чтобы этой женщине был известен каждый его шаг? Если да — значит она пользовалась необычными источниками информации. И ему потребуется всего несколько мгновений, чтобы перекрыть их.

Он несся по дворцу, стараясь не попасться на глаза хозяевам, которые его разыскивали. Он проскользнул в одну из потайных заговоренных чарами комнат, забаррикадировав за собой дверь.

Очевидно, его «защита» была не столь надежна, потому что ему дали понять: ей известно все. А это значит, что она могла проникнуть и сюда. Тогда она обладает большей силой, чем ему казалось. Гораздо большей. Она и в самом деле была Дщерью Ночи. И князь, дурак, ослеплен ею. Она, вроде, опять отправилась с ним сегодня в аллею.

Только он был способен остановить ее. А позже, может быть, он сможет освободиться и от Длиннотени.

Он опять мысленно представил лицо Хозяина Теней.

И тут же его ноги обмякли. Тряхнув головой, он прогнал видение и стал неспешно проверять защиту.

Он нашел крошечное отверстие, в которое мог проникнуть какой-нибудь злой дух. Или Тень, что, собственно, одно и то же.

Он заткнул дыру. Затем произнес заклинание, чтобы укрепить «щит». Теперь его местонахождение будет замечено, только если кому-то он потребуется позарез. Почувствовав себя в безопасности, он наполнил небольшую серебряную чашу ртутью, стараясь действовать как можно быстрее. Но еще не закончив, он почувствовал страх, что движения его были слишком замедленны.

Кто-то попытался открыть дверь. Он было подпрыгнул к ней, но затем сосредоточился на том, чтобы открыть связь с Вершиной. Получилось. У него получилось. И даже быстрее, чем он ожидал. Видимо, Хозяин Теней тоже думал о нем.

Удары в дверь стали настойчивее, слышались крики. Он их проигнорировал. На поверхности ртутной массы появилось страшное до боли лицо. На нем было написано удивление. Длиннотень что-то шептал, но Копченый не слышал, что именно. Хозяин Теней был слишком далеко, а колдовских сил Копченого не хватало. Коротышка отчаянно жестикулировал: внимание! Колдун поражался собственному безрассудству. Но момент был критическим. И крайние меры были необходимы.

Схватив бумагу и чернила, Копченый нацарапал записку. Снаружи пытались взломать дверь. Черт, реакция у этой женщины молниеносная.

Он протянул записку Длиннотени. Тот прочел ее. Перечитал ее еще раз. Затем взглянул Копченому в глаза и кивнул. Казалось, Длиннотень был удивлен. Он произнес какую-то фразу, медленно, чтобы Копченый уловил слова по движению губ.

Дверь сдавалась под натиском. В этот момент в комнату пыталось проникнуть что-то еще. Нечто, пытавшееся вытолкнуть затычку из крохотного отверстия.

Дверь приоткрылась.

Прежде чем затычка была сорвана, Копченый успел передать половину сообщения. Комната наполнилась густым облаком дыма, в котором появилось лицо. С коварной, ядовитой усмешкой оно устремилось к Копченому, с явно злыми намерениями. Копченый, заорав, подпрыгнул и опрокинул стол с чашей.

В тот момент, когда демон набросился на него, дверь распахнулась. Копченый закричал и провалился в пропасть боли и ужаса.

Стражники взглянули на него, затем, выругавшись, бросили таран и побежали. Вошедший вслед за ними князь увидел нечто, рвущее Копченого на части. За его спиной появилась Радиша.

— Что тут, черт возьми, происходит?

— Не знаю. А тебе, по-моему, следует отсюда уйти.— Он оглянулся вокруг в поисках какого-нибудь предмета и схватил острую длинную щепку от двери, но тут же понял всю нелепость ситуации.

Монстр в испуге поднял на него глаза. Видимо, такого поворота он не предвидел. Он висел в воздухе, не двигаясь с места.

Прабриндрах метнул в него лучиной как копьем. Существо кинулось в угол, спешно, боязливо, испустив воздух, терпкий от ароматов вина, корицы и горчицы.

— Что это было, черт возьми? — требовательно спросила Радиша. Она была страшно потрясена. Прабриндрах подскочил к колдуну. Повсюду была кровь Копченого и лоскуты его одежды. Существо загнало Копченого в угол. То, что было когда-то Копченым, теперь выглядело как туго скрученный узел, напоминающий эмбрион.

Князь опустился на колени.

— Он жив. Позови кого-нибудь на помощь. Быстро. Иначе он умрет.— Он пытался хоть чем-нибудь помочь Копченому.

Глава 52

Длиннотень завопил от ярости. Эхо прокатилось в Вершине. На вопль сбежались подхалимы, согнувшись пополам от страха, что им влетит, чем бы ни был вызван гнев хозяина.

— Вон! Пошли вон. Нет, останьтесь. Подождите. Входите!

Внезапно он опять стал спокоен. Он всегда умел держать себя в руках в критические минуты. Именно в таких

ситуациях его мысль становилась четче, а реакция — точнее. Может, это было своего рода благословением свыше.

— Принесите большую чашу. И ртуть. И амулет, принадлежащий моему гостю и союзнику. Я должен связаться с ним.

Они в испуге засуетились. Ему было приятно наблюдать за этим. Они его страшно боялись. А страх давал силу. Ибо если ты чего-то боишься, то зависишь от этого... Он подумал о Тенях и о долине сверкающих камней. И ярость снова нахлынула волной. Он отбросил ее, как и страх. Когда-нибудь у него, наконец, дойдут руки до нее, он заставит эту долину подчиниться. Он завоюет ее, и больше ему бояться будет нечего.

Все было готово, прежде чем он успокоился.

— А теперь подите вон. Ждите, пока я не вызову.

Он привел ртуть в движение, чтобы связаться с нужным ему лицом. Но попал в пустоту. Сделал еще одну попытку. Другую. И так четыре раза. Пять раз. Его снова охватывала ярость.

Наконец Ревун откликнулся.

— Где ты был?

— В полете.— Ревун говорил еле слышно шепотом.— Длиннотень с трудом различал слова.— Мне нужно было сначала приземлиться. Новости плохие. Она снова одурачила нашего приятеля. Несколько тысяч убитых.

Длиннотень пропустил это известие мимо ушей. Муки Тенекрута его не волновали.

— Она там? Где она?

— Там, конечно.

— Ты уверен? Ты ее видел собственными глазами? Мои Тени не могут ее найти. Прошлой ночью они доложили мне, что могут только предполагать, что она где-то в этом районе.

— Нет, я лично ее не видел,— признался Ревун.— Но слежу за движением ее армии и жду возможности атаковать. Такая возможность у меня будет сегодня ночью.

— Я только что получил сообщение из Таглиоса, от колдуна. С его стороны это было чертовски смело. Все наши связные были задушены. По его словам, она там. А с ней

ее шадарит, следующий за ней как тень. Она знает, что Копченый работает на нас. Прежде чем он закончил сообщение, на него набросилось нечто вроде демона и разорвало его на части.

— Не может быть. Два дня назад она была здесь.

— Ты ее видел? Своими глазами?

— Нет.

— Вспомни. Она всегда любила мистификации. Существуют свидетельства, что к ней вернулся ее дар. И вероятно, это произошло скорее, чем ей самой того хотелось. Может быть, ей удалось внушить нам, что она находится в одном месте, в то время как на самом деле она была совсем в другом. Связной в Таглиосе считает, люди были убиты, потому что знали, где она находится.

Ревут ничего не ответил.

Какое-то время оба молчали, обдумывая. Наконец Длинотень заявил:

— Не понимаю, зачем она двинула войска на нас? Хотела заставить нас поверить, что находится на нашей территории? Я ведь ее знаю. Да и ты тоже. Если для нее это так важно — заставить нас поверить, что она там, где ее нет, то для нас это должно быть не менее важно. Значит, в Таглиосе есть нечто, что она от нас скрывает. Может, она выследила копье? Ведь кто-то унес его с поля битвы. И с тех пор там его никто не видел.

— Если я отправлюсь за ней, мы можем потерять Деджагор и Тенекрута. Его силы ослаблены. А мозги отупели, как лезвие ножа, которым пытались дробить камни.

Длинотень тихо выругался. Да уж. Когда-нибудь настанет день, когда ему этот Тенекрут не будет нужен, и необходимость защищать их владения на севере тоже когда-нибудь исчезнет. Но пока был нужен кто-то, кто мог сдержать удар.

— Сделай же что-нибудь. И тогда отправляйся.

Это карлик мог понять.

— Поскорей захвати ее. Если она будет и дальше упражняться в своих талантах, она восстановит свою силу. Вот тогда сам ад покажется нам раем. Она уж это устроит.

— Считай, дело сделано,— прошептал Ревун.— Она твоя.

— Ничему, что касается Сенджак, на слово не верю. Схвати ее, черт возьми. Доставь ее сюда.— Он стукнул кулаком. Ртуть расплескалась. И связь прервалась.

Он дал волю ярости, бушующей в нем, опрокидывая, громя все вокруг, пока наконец не успокоился. Затем он поднялся в свою башню, оставшись один, заныл от ненависти к долине, скрытой ночной тьмой.

— Зачем ты терзаешь меня? Зачем? Отступись. Дай мне жить.— Если бы не сила, таившаяся там и готовая прорваться в любую минуту, он со всем мог бы легко справиться сам. Разве это проблемы. Из-за всего этого ему приходится прибегать к помощи некомпетентных лиц, посредников, которые даже ерунды сделать как следует не могут.

Он подумал о колдуне, которого сделал своим рабом. Неисчерпанные возможности, а пришлось так скоро списать. Жаль, хоть он и сослужил службу.

Жаль.

Глава 53

Через два дня моя кавалерия присоединилась к нам севернее Деджагора, где я расположилась лагерем. Общий настрой был бодрым. Даже мысль об отступлении была противна. Люди не хотели терять веру в удачу, в свою непобедимость. Ну как убедить их, что фортуна обманчива. Мне не верили. Люди верят в то, во что им хочется верить.

Таким же самомнением заразились Нарайян и Нож. Прикажи я, они без промедления повернули бы обратно на юг. Соблазн был велик. Но нет худа без добра. Я себя плохо чувствовала. Это помогало мне мыслить трезво.

Мне был представлен план, как следует устроить Тенекруту очередной капкан. Пришлось объяснить, что Тенекрута не обманешь. Вот если бы нам удалось изолировать его, тогда бы могли заманить в ловушку его войско. Но не его самого.

Нарайян шепнул мне на ухо:

— Дело не в везении, Госпожа. Нам помогла Кина. Ее дух вышел на свободу. Это предзнаменование. Близится Год Черепов. Своих врагов она делает слепыми. Она — на нашей стороне.

Я хотела сказать ему, что человек, рассчитывающий на поддержку богов, заслуживает того, чтобы его этой поддержки лишили, но промолчала. Обманники были глубоко верующими людьми. При всех своих злодеяниях и кровожадности, они искренне верили в свою богиню и миссию, возлагаемую на них.

Для них Кина была не просто удобным предлогом творить зло. Да и я, после всех своих кошмаров, с трудом противилась соблазну вступить в ряды ее почитателей. Для меня, в отличие от Нарайяна, она была не конкретной богиней, а силой, питающейся духом смерти и уничтожения.

— А зачем нам вообще Тенекрут? — спросил Нож.— Может, убрать его — и дело с концом?

— Отлично. Гениальная идея, Нож. Может, если мы все будем этого очень хотеть, в один прекрасный день он и вправду отправится на небеса.

Он улыбнулся. Его улыбка была совсем не похожа на раболепную ухмылку Нарайяна. Она обезоруживала тебя, может, потому что улыбался Нож крайне редко. Он протянул руку.

— Вы не против пройтись?

С ним надо держать ухо востро. Опасалась, что дело не в моем неотразимом обаянии. И напомнила себе, что у него могут быть свои планы, о которых я не имела ни малейшего представления.

Мы отошли в сторону. И Нарайян, и Лебедь, и Рам наблюдали за нами с долей ревности.

— Ну?

— Наш главный враг — Тенекрут. Убьем его, умрет и его армия.

— Возможно.

— У меня есть глаза и уши. И мозги тоже. Если меня мучает любопытство, я задаю вопросы. Я знаю, что такое Нарайян. И знаю, кого в вас он видит. Догадываюсь, в кого они хотят вас превратить.

Невелика новость. Наверняка добрая половина войска разделяла это мнение. Хотя могли и не довериться легендарной славе Рама и Нарайяна.

— И что?

— Я видел, как работает Зиндху. Нарайян, я считаю, более искусен.

— Это верно.

— Тогда отправьте его к Тенекруту. Он способен прикончить этого Хозяина Теней так, что тот и глазом не успеет моргнуть.

Да, задушить колдуна было самым верным способом избавиться от него навсегда. Одной из выигрышных сторон колдовского дара Тенекрута было искусное владение голосом и жестикуляция. Воткнуть в него нож или треснуть мечом, или того лучше — снарядом — бесполезно. Он сможет отбиться голыми руками и голосом. Вот только если удар вызовет мгновенную смерть? А человек вроде Нарайяна мог бы лишить его голоса. Сломать ему шейные позвонки одним махом, и никакие жесты Тенекруту уже не помогут.

— Договорились. Я так надеюсь. Есть, правда, небольшая загвоздка. Как бы Нарайяну поближе подобраться к Тенекруту, чтобы кинуть румель?

— Это целый гвоздь.

— Нарайян в своем деле такой же мастер, как и я когда-то в своей области. Гений. Ас. Я наблюдала за ним. Само воплощение смерти. Но близко подобраться к Тенекруту — не в его силах. Он не знает, как можно стать невидимым.

Нож хмыкнул:

— Держу пари, он хотел бы научиться этому у вас.

— Без сомнения. Вы неплохо все это продумали. И предусмотрели все трудности. Очевидно, вы знаете, как их можно преодолеть. Так скажите же как, и дело будет сделано. Сомневаюсь, правда, что ваш план окажется осуществимым на практике, но я готова вас выслушать.

— Существуют разные типы убийц. Сумасшедшие одиночки, которые и собственную жизнь ни в грош не ставят. Интриганы-заговорщики, охочие до власти, готовые вы-

вернуться наизнанку, когда уже дело сделано. И профессионалы.

О чем это он? Я не могла понять и попросила поближе к сути.

— Надо знать все наши слабые стороны. Тогда будет успех. Я приглядывался к вам. Былой силы у вас нет, но похоже, вы себя недооцениваете. Уж замаскировать группу, чтобы незаметно подкрасться к цели, у вас получается идеально. Кроме этого, можно успокоить Тенекрута. Чтобы не ждал от нас нападения. Создать иллюзию. Так?

— В какой-то мере — да.

— Итак, Тенекруту не следует знать о том, что между вами и Могабой существуют некоторые трения. Поэтому основные силы должны быть брошены на освобождение города. А тем временем небольшая группа атакует его самого.

— Как, расскажи.

— Непосредственным убийцей должен быть Нарайян. А вам придется группу замаскировать или сделать невидимой. Рам войдет в нее, потому что обязан. Я — потому что никто лучше меня не владеет оружием. Лебедь — потому что сам факт его участия будет представлять государственную власть Таглиоса. Лучше бы, конечно, и Мотер — потому что тут замешана высокопоставленная дама. Но Корди нужен, чтобы управляться с делами здесь. Он более уравновешенный. Четко мыслит. Лебедь для этого слишком эмоционален и часто действует необдуманно. Пусть в группе будет столько людей, сколько потребуется Нарайяну.

— И двое, чтоб руки держали.— Я произнесла это почти как Обманники. Нож быстро взглянул на меня. Моя осведомленность заинтриговала его. Какое-то время мы шли молча. Затем я заговорила:

— Ты сегодня произнес целую речь.

— Я говорю тогда, когда мне есть что сказать.

— Ты умеешь играть в карты? — К югу от экватора мне не приходилось встречать никого, кто умел бы играть в карты. Здесь состоятельные люди играли в домино, настольные игры, в незатейливые кости или палочки, которые трясут и бросают.

— Немного. У Корди и Мотера были карты, но они истрепались.

— Ты знаешь, что такое «бешеная карта»?

Он кивнул.

Я остановилась и, наклонив голову и зажмурив глаза, сосредоточилась на том, чтобы вызвать страшное видение. Высоко над нами в воздухе появилась ящерица, огромная, размерами вдвое больше орла. Она пикировала вниз.

У ворон острое зрение. Для птиц они довольно сообразительны, однако все же не гении. Они впали в панику. А коль скоро они запаниковали, вразумительного отчета хозяйка от них не получит.

— Вы что-то сделали,— заметил Нож, наблюдая паническое бегство ворон.

— Эти вороны — шпионы того, кому идет бешеная карта в этой игре.— Я рассказала ему о своих находках в роще, а также о том, что они, с моей точки зрения, означали.

— Мотер и Лебедь поминали Ревуна и Душелова. Недобрым словом. Но о вас они тоже были не слишком высокого мнения. А что им здесь нужно, интересно?

Я рассказала ему о них, и когда я закончила, вернулись вороны. Нож легко разобрался в тонкостях отношений в старой империи. Кажется, у него был опыт.

Вороны возобновили слежку. Я больше не стала их распугивать. Такие шутки могли вызвать подозрения. На губах Ножа играла легкая довольная улыбка. Возвращаясь, мы заметили, что нашего возвращения давно уже ждут и все это время за нами внимательно наблюдали. Каждый волновался по-своему.

— Впервые в жизни я рад тому, что Корди и Лозан спасли меня от крокодила,— прошептал Нож.

Я взглянула. Пожалуй, правда. Сколько его знаю, он никогда не выглядел таким довольным жизнью.

Глава 54

Прабриндрах Драх медленно повернулся перед зеркалом, любуясь своим отражением.

— Ну как?

Радиша оглядела его новое одеяние из яркого шелка, отделанное самоцветами. Он был неотразим.

— С каких это пор ты стал выряжаться как павлин?

Он чуть-чуть высунул из ножен меч, который был выкован по его заказу как символ государственной власти.

— Славный меч, правда?

Меч и вправду был самым дивным оружием, когда-либо созданным таглиосскими мастерами. Эфес и рукоятка его — настоящее произведение искусства. В искусной инкрустации рубинов и изумрудов филигранью переплелись орнаменты золота и серебра с эмблемами религии Таглиоса. Лезвие было крепким и острым, им вполне можно было пользоваться, не будь эфес столь тяжел и неудобен. Все-таки это больше предмет украшения, нежели боевое оружие.

— Сногсшибательный. И ты с ним выглядишь как надо. Как полный идиот.

— Может быть. Но мне это приятно. Да и ты, будь Мотер здесь, вела себя точно так же. Разве не так?

Радиша хитро сощурилась. Ее братец, как положил глаз на Госпожу, перестал быть с ней откровенен. У него было что-то на уме, и поделиться он не хотел. Впервые в жизни. Но она только ограничилась замечанием.

— Напрасная трата времени. Дождь идет. А кто в дождь ходит в аллею?

— Он скоро кончится.

Да уж. На этот можно бы и не обращать внимание. Настоящие, ливневые зарядят только через месяц. А эти — так, ерунда... И все же.

...Какое-то шестое чувство подсказывало ей, что ему не следует идти туда сегодня.

— Ты слишком глубоко завяз. Не торопись. Пусть она сама посуетится.

Его губы тронула улыбка. Может, она и убийца, но при встрече с ней ему хотелось улыбаться. Надо отдать ей должное.

— Не думай, что я настолько попался, что готов подарить ей дворец.

— Я даже не имела это в виду. С тех пор как она снова появилась здесь, она сильно изменилась. Меня это беспокоит.

— Очень признателен тебе! Но я контролирую ситуацию. Моя истинная любовь — Таглиос. А для нее — Отряд. И если она и затевает что-то, то с единственной целью — гарантировать соблюдение условий договора с обеих сторон.

— И этого может хватить.— Мнение Радиши по поводу Отряда колебалось где-то между взглядами Копченого и князя.

— Как Копченый? — спросил он.

— Еще не пришел в сознание. По мнению врачей, чтобы поправиться, ему нужна воля к жизни, а вот ее-то у него нет.

— Скажи этим шарлатанам, что если они его не приведут в чувство, им несдобровать. Я хочу знать, что с ним произошло и что за тварь на него напала. Зачем он ей понадобился. Наш Копченый вляпался во что-то. И это что-то может погубить нас.

Все это было уже не раз говорено. Кое-что в поведении Копченого в последнее время указывало на то, что он стал жертвой темных сил. И пока они не узнают всей правды, они будут чувствовать, что над их головами навис меч.

— Так как тебе мой наряд?

— Всяк, кто взглянет на тебя, скажет, что ты — князь, самых что ни на есть голубых кровей. Ты не разносчик овощей, расхаживающий в чем попало и выдающий себя за князя.

— Ты права,— скривился он.— Хотя в твоем голосе — тонна сарказма. Раньше меня вообще не волновало, как я выгляжу. Просто не было никого, на кого хотелось бы произвести впечатление. Ну, пора идти.

— А что если я пойду с тобой? Ну только сегодня, ладно?

Он состроил мину, не приняв ее просьбу всерьез.

— Хотя... А почему бы и нет? Идем, одевайся. Будет забавно посмотреть на ее реакцию.

Значит, ее предложение показалось ему не лишенным смысла? Да, Радиша недооценивала своего брата. Если он и очарован, то во всяком случае не слеп.

— Я быстро.

Но быстро не получилось. Много времени ушло на то, чтобы отдать необходимые указания дежурившим возле Копченого.

Глава 55

Костоправ опирался на копье с отрядным знаменем, облаченный в костюм шадарита. Он устал. Никакого задора в нем не осталось. Надежды на бегство почти не было. Послать бы все к чертям собачьим и при первой возможности слинять отсюда.

Под бумажными фонариками, непринужденно болтая и пересмеиваясь, сидели Прабриндрах Драх и Душелов, а вокруг суетились официанты. Эта парочка была занята только друг другом. Радиша была начисто исключена ими из беседы, они ее в упор не замечали.

Еще до того как они пришли, Костоправ ворчливо сетовал на то, что они слишком много времени тратят на князя, а войском занимаются недостаточно. Но в ответ Душелов лишь засмеялась, сказав ему, что для беспокойств у него нет оснований. Для нее он — единственный. А князь — это только политика.

Он терял иммунитет против нее. Она таки довела его до крайней точки отчаяния — еще немного, и он сдастся. А как только это произойдет, она сможет из него веревки вить.

Может, ему следует сдаться? Может, тогда, сорвав долгожданный плод, она успокоится и удалится обратно на север, где ей есть где разгуляться куда больше, чем здесь, тем более что она часто говорила о своем намерении туда отправиться.

Ему приходится быть ее спутником. А это несправедливо и жестоко. Он стал просто ее трофеем. Иногда, когда

ее роль становилась слишком обременительной для нее, она признавалась, что внутри чувствует себя Душеловом. В эти минуты, когда к ней возвращался человеческий облик, она становилась слабой и уязвимой. Ему хотелось утешить ее. Он был уверен, что тут она не хитрила, что это были ее истинные чувства. Она ведь и не скрывала своей жажды завоеваний.

Он погрузился в свои мысли и не сразу заметил, что все это время за ним наблюдает Радиша. Простой телохранитель такого внимания вряд ли заслуживал. Не то чтобы она не сводила с него глаз, но взгляд ее был пристальным и напряженным.

Заметив, он сначала испугался и затревожился, но, успокоившись, преисполнился любопытства. Интересно, почему? Может, какой-то неполадок во внешности? Откуда ему знать. Ведь он в жизни не видел того, за кого его сейчас принимали.

Мысли его перенеслись к Госпоже. Что она сейчас делает, с кем и как связана? Осталось ли в ней то, что было достойно мести Душелова? А вдруг его спутнице хочется не только соблазнить его и похитить его сердце, но чтобы и Госпожа нашла себе кого-нибудь,— и тогда она сможет дать ей знать, что он все-таки выжил?

Странные они, эти женщины. Столько усилий ради суетной мести. Хотя как посмотреть. Для них, может быть, это не суета сует. Они сами не то демоны, не то боги. Любовь и для них, может быть, имеет большее значение, чем для простых смертных.

Радиша, черт бы ее побрал, просто жрет его глазами. Она слегка нахмурилась, словно пыталась припомнить, где она могла видеть его лицо.

Он решил сыграть ва-банк и подмигнул ей.

Она приподняла брови, и все. Больше она в его сторону не смотрела. Притворилась, что заинтересована беседой брата с той, которая считается Госпожой.

Костоправ вернулся к своим мыслям. Поглощенный ими, он не заметил, как вороны, одна за другой, стали улетать.

Хотя она была намного искуснее своей сестры, Душелов не рисовалась как Госпожа. В карете было скучно и тихо. Костоправ, устроившийся рядом с кучером и не выпускавший из рук копья, гадал, о чем они там ведут беседу. Князь с сестрой приняли приглашение проехаться в карете из-за начинавшегося дождя.

Моросящий дождик как нельзя лучше соответствовал настроению Костоправа.

Возница тронул лошадей.

И тут Костоправ увидел, как вдоль аллеи прямо навстречу несется нечто сверкающее. В тот момент, когда он повернул голову, ослепительный огненно-розовый шар размером с кулак попал в левую дверцу кареты. Вслед за ним взорвался другой, этот попал в передок, рассыпавшись искрами. Лошади оборвали поводья и ускакали прочь. Третий шар угодил в заднее колесо. Карета сильно накренилась, уже готовая опрокинуться. Костоправ спрыгнул. И это остановило падение кареты.

Когда он приземлился, она резко качнулась обратно.

Из аллеи выскочили люди.

Наверху что-то кричал кучер.

Костоправ устремился в заднюю часть дымящейся кареты — и уткнулся прямо во что-то, что было похоже на летающий узел тряпья. Он воткнул в узел копье, которое все еще держал в руках.

Раздался душераздирающий вой. У Костоправа застыла в жилах кровь.

С Ревуном было еще трое. Они набросились на Костоправа. Из передней части кареты с трудом выбрался князь со своей игрушечной сабелькой. Он ударил по одному из нападавших сзади.

Ревун орал, бешено размахивая руками.

Костоправ еще раз ковырнул того копьем. На улице поднялся переполох. Костоправ оказался прижатым к стенке кареты, думая, чувствуя: вот сейчас сломаются ребра. Звуки вокруг напоминали эхо в горах. Последней его мыслью было: нет, только не это. Он и так только-только оправился от серьезного ранения.

Когда Костоправ пришел в себя, вокруг в панике словно мыши суетились люди. Радиша на коленях стояла возле брата. Собралась толпа, они оттащили тела нападавших в сторону. Двое из них, похоже, умерли, третий был серьезно ранен. Костоправ встал на колени, ощупал ребра. Было больно, но кости вроде целы. Он отделался ушибами. Протолкнувшись к Радише, он спросил ее:

— Ну как он?

— По-моему, просто потерял сознание. Ран я не вижу.— Она взглянула на него. На улице слышались крики. Подоспела запоздалая помощь.

Костоправ заглянул в карету.

Душелов исчезла.

И Ревун тоже.

— Он забрал ее?

Радиша подняла глаза — они тут же сделались круглыми от удивления.— Вы? А я-то думала, что такое знакомое?..

Так! Чары сняты. Он обрел прежний облик.

— Где она?

— То, что напало на нас...

— Это был колдун, Ревун. Такой же могучий и отвратительный, как и все Хозяева Теней. Сейчас он работает на них. Это он забрал ее?

— Да, думаю.

— Черт бы его побрал! — Он осторожно опустился, взялся за копье, чтобы удержаться на ногах.

— Послушайте, вы. Ну, что вы вылупились? Отправляйтесь домой. Торчите тут, только мешаетесь. Минутку! Кто-нибудь видел, как все произошло?

Нашлось несколько очевидцев. Он затребовал ответа.

— Это... то, что улетело — куда, в какую сторону?

Свидетели указали направление.

Используя копье вместо костыля — и ребра побиты, и колено распухло,— он захромал вдоль аллеи.

Но она была пуста. От Ревуна и след простыл, а вместе с ним исчезла и Душелов.

Возвращаясь назад, он вдруг понял, что это все для него значит. Он наконец обрел свободу. По крайней мере, на какое-то время.

Прабриндрах Драх уже сидел. Ротозеи, до которых дошло, что на их князя было совершено нападение, бесновались, пиная воздух проклятиями.

— Утихомирьтесь! Да утихните, вы! — рявкнул Костоправ.— Он нам нужен живой! Сказано было — расходитесь по домам. Это приказ.

Теперь его узнали. Раздался чей-то голос.

— Это же Освободитель! — Прозвище закрепилось за ним в те времена, когда он во главе Отряда защищал Таглиос.

Некоторые ушли. Но кое-кто остался — отступив в сторону.

Крики поспешивших на подмогу слышались все ближе.

Князь с удивлением смотрел на Костоправа. Тот протянул руку, чтобы помочь подняться. Князь принял ее. Встав на ноги, он шепнул Костоправу:

— А что, перемена в облике — часть вашей великой стратегии?

— Позже.

Должно быть, князь решил, что он все это время специально маскировался под Рама.

— Вы можете идти? Давайте-ка уйдем отсюда, не то нас ждут новые неприятности.

Прибыла помощь в лице нескольких человек из дворцовой стражи. Видимо, кто-то сообразил наконец послать за нею.

— Госпожу похитили? — спросил князь и озадаченно пробормотал: — Наверное, это и послужило причиной всей этой заварухи, иначе бы мы все просто погибли.

— Это лишь моя догадка. Но их ждет сюрприз. Давайте двигаться.— Они пошли в окружении стражников.— А где был ваш любимчик-колдун, когда все это происходило? — спросил Костоправ.

— А при чем тут он? — потребовала ответа Радиша.

— Дело в том, что эта маленькая кучка дерьма уже некоторое время работает на Хозяев Теней. Порасспросите его.

Князь ответил:

— Я сам бы этого хотел. Но на него напал демон и чуть было не прикончил его. Копченый в коме. И вряд ли очнется.

Костоправ бросил на князя взгляд.

— Надо, чтобы раненый в аллее пришел в себя. Он может поведать нам много интересного.

Но этого не случилось. Раненый умер в тот момент, когда за ним никто не смотрел.

Костоправ дивился собственной наглости. Может, психика компенсировала долгие месяцы беспомощности и жестокого самоконтроля. А может, он взял на себя бразды правления потому, что ситуация критическая и в нем появилась уверенность, что до цели недалеко.

Наверное, князь прав. Целью нападения была Госпожа. Значит, Хозяева потеряли ее след и приняли за нее Душелова. Он мрачно усмехнулся. Вот будет сюрприз, когда они поймут, какого тигра оседлали.

Интересно, как долго Душелов будет играть с ними в кошки-мышки? Хотелось бы — подольше.

Ни на что не рассчитывай. И поспеши.

И видит бог, пока ему дарован этот шанс, он его использует на всю катушку.

Костоправ закончил свой рассказ. Князь с сестрой выслушали, совершенно потрясенные. Первой пришла в себя Радиша. Она была покрепче.

— Как-то Копченый загадочно предупредил нас, что существуют вещи, находящиеся за пределами видимого. А именно то, что в этой игре больше игроков, чем мы предполагаем.

Глаза присутствующих были обращены на колдуна, который по-прежнему был без сознания.

Костоправ заметил:

— Князь, вы неплохо использовали сегодня свой кинжал. Как думаете, сумеете пустить его в дело еще раз? Если этот гад будет напрашиваться?

— Мне это доставит огромное удовольствие. После всего того, что он наворотил, мне будет трудно удержаться не заколоть его до того, как он выложит нам все.

— Он не такой уж конченый тип. Он действовал из лучших побуждений и угодил в ловушку. Его беда в том, что если ему и втемяшится что в голову, он ни за что не признает себя неправым, даже если доказательства его неправоты налицо. Он решил, например, что мы — злодеи и от нас одни лишь неприятности, и ни за что не хотел изменить своего мнения. И может быть, уже не изменит. Если вы казните его, он будет думать, что умирает смертью героя, принявшего муку за спасение Таглиоса. Думаю, что смогу привести его в чувство; когда он очнется, вы должны быть рядом. Это на тот случай, если он вздумает сыграть с нами какую-нибудь шутку. Колдун, даже обессиленный, смертельно опасен, если он одержим.

Костоправу потребовался час, чтобы вытащить колдуна из его сумерек и вытянуть из него всю информацию.

Позже князь спросил его:

— Что же делать? Он клянется, что раскаивается. Но он во власти Хозяев Теней, и нам с этим справиться не под силу. Я не хочу его убивать, но ведь он колдун. Мы не можем держать его все время взаперти.

— Он может замкнуть свое сознание. Правда, вам придется кормить и пеленать его как грудного младенца, однако в моих силах снова ввести его в забытье.

— А он поправится?

— Тело его залатаем. А вот сознание... Что бы бес ни сотворил, душа не в моей компетенции.

Трусость Копченого сейчас казалась просто геройством.

— Тогда сделайте что можете. Когда будет время, мы займемся им.

И Костоправ снова отправил Копченого в мир дремы.

Глава 56

Слуги Длиннотени все никак не могли меня отыскать. Казалось, он не может сориентироваться. От летучих мышей толку было мало. В сущности, та часть мира, в которой мой отряд тайком крался по ночам, была для них закрыта.

Я велела остановиться в миле от места, где, по сведениям моих разведчиков, лагерем расположился Тенекрут. За

9 Зак. 2252

короткое время мы преодолели огромное расстояние. И нуждались в отдыхе.

Нарайян устроился рядом. Теребя свой румель, он прошептал:

— Госпожа, я в растерянности. Наиболее сознательная часть моего «я» глубоко уверена, что наша богиня желает, чтобы я это совершил, что это будет величайшим из деяний, совершенных мной во славу ее.

— Но?

— Я боюсь.

— Как будто это что-то постыдное.

— До сих пор я никогда не испытывал страха.

— Но ведь и жертва будет необычной. Да и ставки сейчас повыше тех, к которым вы привыкли.

— Знаю. Это-то и заставляет меня сомневаться в своих способностях. Достоин ли я миссии, возлагаемой на меня... И даже в нашей богине.

Вот в этом ему особенно неудобно признаваться.

— Она величайшая Обманница, Госпожа. И порой она веселится оттого, что ей удается обвести вокруг пальца ее же собственных приверженцев. Я сознаю высокое предназначение и важность предстоящего деяния, однако даже я — а я никогда не был жрецом — заметил, что предзнаменования отнюдь не сулят удачу.

— Ой ли? — Лично я не заметила никаких предзнаменований, ни добрых, ни плохих.

— Вороны, Госпожа. Сегодня их не видно.

Я этого не заметила. До такой степени, значит, привыкла к их постоянному присутствию. Просто была уверена в том, что они всегда рядом. Но Нарайян был прав. Ворон действительно не было.

За их исчезновением скрывалась какая-то причина. И похоже, важная. Я не могла представить, чтобы их господин или госпожа выпустили меня из-под наблюдения хотя бы на минуту, просто так. Исчезновение ворон не было моих рук делом. Сомневалась я и в том, что их убрал Длинотень.

— Я не заметила их отсутствия, Нарайян. Любопытно. Думаю, это лучшее знамение за последнее время.

Насупившись он посмотрел на меня.

— Не беспокойся, друг мой. Ты ведь живая легенда. Почти святой. И отлично справишься со своей задачей.

Я переключилась с диалекта на таглиосский.

— Нож, Лебедь, вы готовы?

— Веди нас за собой, о любовь моя,— сказал Лебедь.— И я последую хоть на край света.— Когда он нервничал, он ударялся во флирт.

Я осмотрела команду: Нож, Лебедь, Рам, Нарайян и двое, так сказать, рукодержатели. Всего семеро. Как заметил Лебедь, минимальное число в розыскной группе. Необыкновенно пестрая компания. Причем каждый считал себя хорошим человеком, а всех остальных, за исключением разве что Лебедя, отъявленными злодеями.

— Тогда топаем.

Пока я не слишком расфилософствовалась.

Нам не нужно было обговаривать детали. Все уже отрепетировано. По пути болтать было запрещено — чтобы не спугнуть Тенекрута.

Лагерь выглядел неряшливо. Полная анархия. Если бы не Тенекрут, моей небольшой группы хватило бы разгромить этих горе-вояк в пух и прах. А те это понимали и сами напрашивались на неприятности.

Мы прошли всего в ярде от дозорных, которые сидели лицом к огню и переругивались. Язык их был похож на таглиосский, и когда они не слишком горячились, можно было понять, о чем речь.

Они и вправду были деморализованы. Речь шла о тех, кто уже дезертировал. Было похоже, что дезертиров много и оставшиеся завидовали им.

У Нарайяна была своя задача. Он шел отдельно, не доверяя никому. Крадучись, он спустился в ложбину, где мы его ждали. Еле слышным шепотом он сообщил:

— Там, слева, есть огороженная площадка, где они держат пленных таглиосцев. Их несколько сотен.

Я задумалась. Можно ли их как-нибудь использовать? Можно было устроить отвлекающий маневр. Но особой нужды не было.

— Ты говорил с ними?

— Нет. Они могли бы нас выдать.

— Верно. Нам не следует отвлекаться.

Нарайян отправился вперед. Он нашел для нас другое потайное место. Я уже близко чувствовала Тенекрута. Для шага такого уровня — слабоватые флюиды. До этого момента я знала лишь, что он находится в лагере.

— Вот там.

— В большом шатре? — спросил Нарайян.

— Думаю, да.

Мы подошли ближе. Я сразу поняла, что при нем нет телохранителей. Может, уверен, что никто не защитит его лучше его самого. А может, просто потому, что не хотел спать в чьем-то присутствии.

Мы вошли в абсолютную тень, в десяти футах от шатра. Подальше горел одинокий костерок. Больше источников света не было. Я вытащила из ножен меч.

— Нож, Лебедь, Рам, прикроете нас в случае чего.

Черт. В случае чего от нас останется только мокрое место. Все это прекрасно знали.

— Госпожа! — запротестовал Рам, угрожающе повысив голос.

— Стой там, где стоишь, Рам. И не спорь со мной.

Мы с ним уже до этого успели поссориться. Но он был чертовски упрям. Я пошла вперед. Со мной бесшумно двинулись Нарайян и двое помощников. Нас самих душил страх.

Я остановилась в двух футах от шатра и легко, словно масло, рассекла ткань мечом. Помощник Нарайяна раздвинул края образовавшейся прорехи, чтобы проскользнуть внутрь. Он вошел вслед за Нарайяном, следующей была я, замыкал второй помощник.

Внутри было темно. Нарайян дал рукой знак не торопиться. В терпении ему не откажешь. Куда терпеливее меня, будь я на его месте. Меня торопила луна, которая вот-вот должна была появиться на небосклоне и рассеять тьму. Еще когда мы приближались к шатру, небо уже подернулось слабым сиянием, предвещавшим восход ночного светила.

Нарайян пошел. Двигался медленно, уверенно и в то же время осторожно. Помощники не уступали. Казалось, они вовсе не дышат.

Мне пришлось пустить в ход всю свою интуицию, чтобы не споткнуться обо что-нибудь. Я чувствовала присутствие Хозяина Теней, но никак не могла точно его вычислить.

А Нарайян, похоже, знал направление.

Впереди должна была быть загородка. Свет от костра сюда не попадал. А как бы он сейчас был кстати.

Свет появился совершенно неожиданно. Всего лучик, но его было достаточно, чтобы нам открылась ужасная истина.

Слева от нас, в позе лотоса, сидел Тенекрут и наблюдал за нами, лицо его казалось мрачной звериной маской.

— Добро пожаловать,— приветствовал он нас змеиным шепотом, настолько тихим, что едва можно было различить слова.— Я уже заждался.

Значит, мне не удалось одурачить Тени.

Он словно угадал мои мысли.

— Не Тени, Доротея Сенджак. Просто мне известен ваш образ мыслей. И скоро я вытряхну всю информацию, которая таится в вашей голове. Самонадеянная сука! И ты надеялась одолеть меня с помощью трех невооруженных людишек и одного меча?

Я молчала. Говорить было нечего. Нарайян двинулся с места. Я незаметно подала ему знак — знак Душил. Он замер. Если Тенекрут уверен, что мои помощники безоружны, то у нас еще был шанс.

Я заговорила:

— Если тебе кажется, что ты знаешь меня, ты глубоко заблуждаешься.

Был бы он поближе. В пределах досягаемости Нарайяна. Мать Тьмы, Мать Кина, услышь меня. Это я, твоя дочь, взываю к тебе. Помоги мне, мама. Он не сдвинулся с места. Он ударил по мне чем-то невидимым, отчего я отпрянула назад на десять футов и застонала от боли.

Выдержка Нарайяна и его помощников удивляла меня. Они не кинулись на Тенекрута, но и не рванули ко мне, потому что это могло бы отдалить их от жертвы. Они лишь чуть-чуть продвинулись вперед, и теперь их рекогносцировка была стратегически более выгодной и давала

большую свободу. При этом движение было совершенно незаметным.

Тенекрут медленно поднялся. Вид у него был больной. Он скользнул рукой по костылю под мышкой.

— Да. Я покалечен. И у меня нет надежды на излечение, потому что мой единственный союзник отказывается помочь мне. Хотя он знает, что горько пожалеет об этом. Когда я, по его мнению, отслужу свое. И за все это я должен благодарить вас.— Он простер ко мне руку, и почти невидимые цепочки синего пламени змейками пронеслись от его растопыренных пальцев. Он сделал движение, будто хотел притянуть меня. Змейки поволокли меня вперед, к нему. Ужасная боль. Я изо всех сил держалась, чтобы не заорать. Ему хотелось, чтобы я закричала и разбудила своим криком весь лагерь, тогда он имел бы возможность продемонстрировать своим людям, что, несмотря на них, ротозеев, ему удалось поймать меня. Захотелось сразиться в кошки-мышки.

Вдруг стена за его спиной подалась внутрь. Два ножа распороли ткань шатра — и к нам влетел Рам. Тенекрут оглянулся. Рам врезался в него, отчего Тенекрут, спотыкаясь, отлетел к Нарайяну.

Нарайян и его помощники были стремительны, как мангусты. Румель Нарайяна обвил шею Тенекрута мгновенно. И прежде, чем тот потерял способность двигаться, помощники Нарайяна развели руки колдуна в разные стороны.

Пурпурная змейка огня метнулась от меня к одному из тех, кто держал Тенекруту руки. Глаза юноши широко распахнулись; подавив крик, он пытался удержать руку Тенекрута, но его хватка ослабла.

А тот тем временем метнул огонь в Нарайяна. У Нарайяна глаза полезли на лоб. Он не смог удержать румель. Следующей целью был второй помощник Нарайяна.

Рам напал на Тенекрута сзади и, схватив его за шею и задницу, поднял над головой. Тенекрут метнул и в него цепь пламени. Но тот словно не почувствовал боли. Припав на одно колено, он шмякнул Тенекрута со всего маху о другое.

Я услышала хруст ломающихся костей. И если бы не Нарайян с его румелем, всю округу огласил бы душераздирающий вопль Тенекрута. Нарайян на лету накинул петлю на шею колдуна, когда Рам опускал его вниз. Упав вместе с Тенекрутом, он затянул петлю потуже, не дав крику вырваться.

И Рам, и Нарайян оба ухватились за конец румеля. Тут в шатер вошел Нож и эдак небрежно воткнул нож в сердце Тенекрута.

— Я знаю, вы тут все специалисты в своей области, однако лучше не будем рисковать.

Такого как Тенекрут убить не так-то легко. Нож был прав. При нескольких ножевых ранах, удушенный и со сломанным позвоночником, Тенекрут умудрялся продолжать бороться. И Рам, и Нарайян, и оба помощника изо всех сил тянули концы румеля. Поднявшись, я стала помогать Ножу колоть и резать.

Лебедь стоял у входа в шатер и в ступоре глазел на происходящее. Он был настолько потрясен, что мог лишь стоять на стреме. Бедолага. Война и насилие — не для него.

Прежде чем Тенекрут перестал отбиваться, мы порубили его как на жаркое. Залитые кровью с головы до пят, мы стояли вокруг мелких и крупных останков. Все так устали, что слышно было лишь тяжелое дыхание. Все еще сомневались в том, что дело кончено. Нарайян, который шутил редко, прервал молчание.

— Ну что, Госпожа, теперь меня можно причислить к рангу святых Душил?

— Трижды тридцать раз. Ты заслужил бессмертие. Аминь. Но нам пора смываться. Каждый прихватывает по куску мяса.

Лебедь издал хриплый, вопрошающий возглас.

— Надо сжечь тело и разбросать пепел. Вот тогда мы сможем быть абсолютно уверены. Потому что даже из этой каши Длиннотень может сотворить Тенекрута заново.

Лебедя вырвало. Он совсем смутился. Вдобавок к тому сознавал, что не внес никакой лепты.

Я подхватила голову Тенекрута. Проходя мимо Лебедя, подмигнула и сжала его руку. Это должно было снять гнетущее чувство вины и стыда.

Поднялась луна. Скоро полнолуние. Уже сейчас она казалась огромным оранжевым чудищем, торчащим над горизонтом. Я подала знак поторапливаться, пока Тени могли еще прикрыть наш уход.

Мы прошли полпути к внешней границе лагеря, как вдруг тишину ночи прорезал ужасающий рев. На поверхность луны набежала тень. Еще один вопль огласил ночь. В нем была слышна смертная агония.

Рам толкнул меня:

— Надо бежать, Госпожа. Надо бежать.

Вокруг нас, встревоженные шумом, поднимались воины Хозяев Теней.

Глава 57

Входя в городские кварталы, Костоправ взглянул на луну. Прошло всего четыре часа, а уже весь Таглиос знал о том, что на их князя было совершено покушение. Город был охвачен негодованием.

И все уже знали, что Освободитель жив и только притворялся мертвым, чтобы ввести врагов в заблуждение и тем самым заставить их совершить роковую ошибку. Военный штаб осаждали толпы добровольцев, готовых пойти в Страну Теней, чтобы не оставить в ней камня на камне.

Это пройдет. С этой толпой плохо обученных и невооруженных энтузиастов он далеко не уйдет. Но чтобы успокоить, он велел им собраться у крепости, строительство которой было начато Госпожой, и двинуться к югу войском в пять тысяч человек. По пути разберутся.

Прежде чем доберутся до Годжи, большинство остынет. Как бы ни были они сейчас разъярены и обуреваемы жаждой мести, они не обладали тем потенциалом, который позволил бы им начать военную кампанию против Хозяев Теней. Но Костоправ понимал, что сейчас они не слышат голоса разума, и сказал им то, что им хотелось услышать, а затем отошел. С ним был Прабриндрах. Князь

и сам был разгневан, но ему, по крайней мере, гнев не застилал глаза. Костоправ передал свои обязанности тем, кто смотрел на него как на бога. Разыскал лошадей, которыми была запряжена карета. Пока лошадей готовили, он носился по казармам, добывая обмундирование и продовольствие. Никто ни о чем не спрашивал. Добровольцы глазели на него как на привидение.

Он извлек из потайного места лук и колчан с черными стрелами. Душелов привезла их из Деджагора вместе с доспехами.

— Мне подарили их давным-давно, еще когда я был простым лекарем. Они сослужили мне хорошую службу, и я хотел приберечь их для особого случая. Похоже, он настал.

Через час оба покинули город. Князь вслух высказал свои сомнения по поводу правильности своего решения. Он убедил свою сестрицу не отговаривать его ехать с Костоправом. Выслушав его, Костоправ заметил:

— Если хотите, еще не поздно повернуть назад. Потом у нас не будет времени на самокопание. Но прежде чем вы сделаете это, скажите, куда Госпожа отправила своих лучников?

— Каких лучников?

— Тех, что расстреляли жрецов. Я ее знаю. Она бы их при себе не оставила. Наверняка отослала их куда подальше.

— В Ведна-Бота. Они охраняют форд.

— Тогда нам — или мне, если вы возвращаетесь,— следует ехать туда.

— Я с вами.

Глава 58

Выбраться из лагеря Тенекрута не получалось. Мы оказались в западне. Просто и не знала, что делать.

— Будьте Киной.— Огромный, мягкий, медлительный Рам, оказывается, соображал куда быстрей меня.

Моя задача была создать все ту же иллюзию, хотя и посложнее ведьминых огоньков на сей раз. Потребовалась

минута, чтобы мы оба преобразились. Тем временем теневемцы подступили ближе, хотя в них явно не чувствовалось задора, свойственного людям, поймавшим кого-то врасплох.

Я подняла высоко над собой голову Тенекрута. Они узнали ее. Проговорив заклинание, чтобы голос звучал громче, я объявила:

— Тенекрут мертв. На вас я зла не держу. Но если настаиваете, можете присоединиться к нему.

Тут Лебедя осенило. Он заорал как оглашенный:

— На колени, свиньи! На колени перед своей госпожой!

Они смотрели на него — он был выше всех чуть ли не на фут, белый как снег, с гривой золотистых волос. Настоящий демон в человеческом обличье. Затем перевели взгляд на Ножа, тоже с экзотической внешностью. Потом на меня с головой Тенекрута в руках.

Рам приказал:

— На колени перед Дщерью Ночи! — Он стоял так близко, что я чувствовала, как он дрожит. Он был до смерти перепуган.

— Среди нас Дитя Кины. Молите о пощаде.

Лебедь схватил ближайшего и силой заставил опуститься на колени.

До сих пор не понимаю, как это получилось. Но наш фокус удался. Один за другим они падали на колени, бормоча при этом какую-то общеизвестную молитву и повторяя мантры вроде тех, какие произносят во время обрядов Гунни и Шадара. Мантры отличались только первыми строками: Смилуйся, Кина. И — Благословенна будь твоя дочь, преданно любящая тебя. Или — Приди ко мне, Мать Ночи, пока кровь еще теплится в моем языке.

— Пойте! — вопил Лебедь.— Пойте, мерзавцы! — Лебедь был в своем амплуа, носился среди них, заставляя медлительных падать на колени, а молчащих — молиться. В его действиях начисто отсутствовали логика и здравый смысл. Ибо человек, находящийся в здравом уме, вряд ли посмел бы противостоять врагу, численность которого превосходила его войско в тысячу раз. Они бы нас порвали в

клочья. Но мысль о такой возможности даже не пришла им в голову.

— Какие же мы все придурки,— с удивлением заметил Нож.— Но вам надо поддержать легенду, иначе они очухаются.

— Достаньте мне воды. Как можно больше.

Держа высоко над собой голову Тенекрута, я крикнула, чтобы они замолчали.

— Дьявола нет! Хозяин Теней повержен, и вы свободны. Милость богини снизошла на вас. Она посылает вам свое благословение, хотя вы и отворачивали свои лица от нее, отвергали и поносили ее бранью. Уже давно. В поколениях отцов и прадедов. Но вашим сердцам открылась истина. Она благословляет вас.

Чуть-чуть поднапрягшись, я стала одной головой, объятой пламенем.

— Она дарует вам свободу, но каждый дар должен быть принят с благодарностью.

Нож принес флягу с водой.

— И бокал,— прошептала я.— Воду пока уберите.

Тем временем я продолжала нагнетать истерию. Это было не так трудно, как внимать голосу разума. Жители Страны Теней были морально истощены, запуганы и ненавидели Хозяев Теней.

Нарайян подвывал мне. Нож принес кубок из шатра Тенекрута. Я приготовила зелье. Заклинание было сложным, но и на сей раз мои усилия неожиданно увенчались успехом.

Я знала, что в бокале вода. И на вкус — когда я сделала глоток — это была вода.

— Пью кровь своего врага.— Когда Нарайян и его помощники стали мазать ею лбы жителей Страны Теней, те воспринимали эту воду как кровь. Кроме того, я сделала так, чтобы «кровавые» пятна стали несмываемыми. Теперь эти ребята будут ходить перепачканные кровью всю жизнь.

Но они и с этим смирились. Большинство. Остальные дали деру. Домой.

После того как было заклеймлено несколько сотен человек, я велела подойти командирам вражеского войска.

Несколько десятков повиновались, хотя большинство предпочли дать стрекоча. Их сословие было более послушно Хозяевам Теней, чем простые рядовые.

— У свободы, как и у всего остального, есть своя цена,— сказала я командирам.— Вы теперь мои. В долгу перед Киной. Она требует, чтобы вы исполнили свой долг.

Какой именно, они не спросили. Наверное, жалели, что остались.

— Продолжайте осаждать Деджагор. Но не сражайтесь с теми, кто оказался там в ловушке. Если они будут пытаться бежать, берите их в плен, всех, за исключением Наров. Эти люди — враги богини.

В конце концов, насколько я знала, именно это они и делали. Наводнение нанесло огромный ущерб продовольственным запасам города. Могаба, нормируя продукты, обделял ими коренное население города. Свирепствовали болезни. Горожане уже не раз поднимали бунт. Тогда Могаба сбросил сотни людей с городской стены в воду. И теперь озеро было наводнено трупами.

Из-за своих драконовских методов Могаба терял авторитет. Его воины стали дезертировать. Потому-то в лагере Тенекрута и оказалось столько пленных.

За все это время со стороны их отгороженной площадки не доносилось ни звука. Может, пленные не знали о происходящем? Боялись привлечь к себе внимание? Я отправила Ножа, чтобы он их выпустил, сообщил, где можно найти Мотера.

Если бы не тенеземцы, я бы отнеслась к повороту событий как к чему-то нереальному.

Они не сказали ни слова. На рассвете все отправились в холмы, на свои позиции.

Рядом возник Нарайян, на лице его сияла широченная ухмылка.

— У вас еще есть сомнения, Госпожа?

— Сомнения? Относительно чего?

— Относительно Кины. В том, что она поддерживает нас.

— Да, кто-то поддерживает нас, это точно. Я не видела ничего подобного с тех пор, как мой муж... Я бы не поверила этому, не будь я сама очевидицей.

— Они уже целое поколение живут под гнетом Хозяев Теней. И им никогда не позволялось делать что-либо, кроме того, что велено. За любое ослушание их подвергали страшным наказаниям.

Так-то оно так. Этим было вызвано стремление противостоять гнету. Но вполне возможно, что Кина имела какое-то отношение ко всему. Я не собиралась смотреть в зубы дареному коню.

Большая часть пленных исчезла. С некоторыми оставшимися я уже побеседовала.

— Теперь поговорю с Зиндху и Мургеном,— приказала я Нарайяну.

Они явились. Зиндху был таким же, как всегда — огромным, надежным и немногословным. Он сообщил о том, что видел. Что у нас здесь есть друзья, готовые остаться на месте и служить своей богине. Он также сказал мне, что Могаба — из тех упрямцев, которые держатся до последнего, и ему плевать, если он устроит из Деджагора сущий ад, что в нем свирепствуют голод и болезни.

— Могаба хочет, чтобы его имя вошло в Анналы.— Это уже сказал Мурген.— Он ведет себя как Костоправ в те времена, когда Отряду приходилось туго.

Мургену было около тридцати. Он напомнил мне Костоправа. Высокий, худощавый, с выражением постоянной печали на лице. Когда-то он был знаменосцем Отряда и помогал Костоправу вести Анналы. При благоприятном стечении обстоятельств лет двадцать назад он вполне мог стать Капитаном.

— Почему ты дезертировал? — Каковы бы ни были отношения между ним и Костоправом, трусость не была в характере Мургена.

— Я не дезертировал. Одноглазый и Гоблин отправили меня на поиски вас. Надеялись, что я прорвусь. Но ошиблись. И сами не смогли мне помочь.

Одноглазый и Гоблин были не очень могучими чародеями. Старые как смертный грех и постоянно враждующие между собой. Не считая Мургена, они были единственными членами Черного Отряда, уцелевшими с тех времен,

когда Отряд пришел с севера. Последними из тех, кто выбрал Костоправа Капитаном, а меня — Лейтенантом.

Мы поговорили. По его словам, люди, которых мы приняли в Отряд по дороге на юг, не любили Могабу.

— Он пытается втянуть Отряд в крестовый поход. Для него Отряд не военное братство отщепенцев общества, а компания воинствующих религиозных фанатиков.

Вмешался Зиндху:

— Они поклоняются богине, Госпожа. Они люди с умом. Но еретики и заговорщики. А это опаснее атеизма.

А этот с какой стати стал мне подыгрывать?

Сколько я с ними ни беседовала, мне трудно было понять, куда они клонят. Ни один безбожник не в состоянии разобраться в тонкостях вероисповедания. Детали помогают тем, кто считает себя истинно верующими и в том, чтобы громить направо-налево всех остальных. Довольно трудно представить, что они действительно верили в чушь, которую считали своей верой. В таких ситуациях мне всегда кажется, что меня просто разыгрывают.

Эти двое наговорили столько, что переварить все это было не так просто. Я честно старалась. Но наступило, утро, и, неважно, спала я ночь или нет, пора было подступить тошноте.

И она подкатила к горлу.

Глава 59

Неприметные соглядатаи Длиннотени сообщили о приближении Ревуна задолго до того, как тот появился. Длиннотень отправился к месту, куда обычно являлся Ревун, и стал его поджидать. Ждал-ждал и в конце концов начал беспокоиться. Неужели этот маленький мешок тряпья в последнюю минуту предал?

Если верить Теням — нет. Нет. Вот он. Он вот-вот будет здесь.

Он двигался медленно. Его била смертная агония. В жизни никогда он не испытывал такой боли, таких бесконечных мучений. Боль затуманивала сознание. Он держался только на воле и колдовской силе. Он знал лишь одно —

надо двигаться. Если он поддастся боли, то сверзится со всей высоты прямо в бездну.

Он кричал, пока не сорвал горло, пока не устал от своего же собственного воя. А яд растекался по его старому телу, пожирая заживо и усиливая боль.

С ним было кончено. Спасти его мог только тот, кто поразил.

Над горизонтом засверкали кристаллические верхушки башен Вершины.

По сообщениям Теней, Ревун был всего в нескольких лье и едва мог двигаться. С ним была женщина, больше никого.

Так, картина прояснялась. Ревун попал в заваруху. Сенджак оказалась сильней, чем предполагал Длиннотень. Ну и пусть, лишь бы доставил ее сюда. А там пусть сам выкарабкивается. Как только женщина окажется в его руках, Ревун ему будет не нужен. Достаточно и ее знаний.

Затем откуда-то издалека явились Тени и радостно сообщили свежие новости. Не дослушав до конца, Длиннотень разразился проклятиями.

Значит, Тенекрут убит! Приверженцами той самой сумасшедшей богини, за которую выдавала себя Сенджак.

Неужели на его голову все время будут сыпаться одни дурные вести? Ну почему две радости не могут случиться одновременно? Неужели радость всегда идет рука об руку с бедой?

Штормгард потерян. Армия Тенекрута испарится, как утренняя роса. И еще до захода солнца от всей армии империи останется в лучшем случае половина. Теперь потрепанные остатки Черного Отряда покинут город, а сумасшедший, который вел их, будет упорно идти тропой своего безумия.

Однако теперь у него есть Сенджак. Ходячая энциклопедия всех когда либо существовавших в истории мира правлений, интриг и злодеяний. И как только она окажется у него в руках, ему будет, что называется, море по колено. Он станет могущественнее даже ее, ровней ее мужу, когда тот был в самом расцвете славы. В ее сознании спрятаны знания,

которые ей самой никогда не понадобятся. Даже в те минуты, когда она была очень жесткой, ее сердце оставалось мягким. Он-то не размазня. Он ничем не погнушается, чтобы стать властелином. Его империя затмит и Десятерых Взятых, и Империю преемников Госпожи. Весь мир будет у его ног. А он, Длиннотень, будет его абсолютным владыкой. Теперь, когда Ревун искалечен и вот-вот помрет, нет никого, кто мог бы соперничать.

Мимо пролетела ворона, обычная, в общем-то, ворона, но, завидев ее, он ощутил какой-то мерзкий привкус во рту. Он забылся в мечтах, а нельзя ни на минуту упускать из виду, что кое-кто все-таки мог ему помешать. Где-то там, на свободе, разгуливала она.

Ковер Ревуна, вихляя и качаясь, опускался вниз. Его спуск сопровождался булькающим звуком агонии Ревуна. Последние несколько десятков футов он просвистел камнем и в конце концов рухнул. Длиннотень выругался. Ну вот, еще одного лишился. Женщина, пребывавшая без сознания, скатилась с ковра. Она лежала, не шевелясь, похрапывая. Ревун катился долго, потом замер. Его тело била конвульсия. В промежутках между криками он скулил, как собака.

По спине Длиннотени пробежал холодок. Это не Сенджак сотворила с ним такое. Невероятной мощи яд подтачивал маленького колдуна изнутри. И яд был слишком сильный, чтобы колдун мог справиться с ним в одиночку.

Некая страшная сила свободно разгуливала по миру.

Он встал на колени. Положив руки на Ревуна, он попытался уменьшить его боль. Затем, проникнув внутрь тела колдуна, он стал уничтожать и то и другое. Постепенно они отступили. Он продвинулся глубже. Боль и яд отступили дальше. Передышка дала Ревуну возможность присоединиться к Длиннотени. И так, вместе, они боролись с ядом и болью до тех пор, пока к Ревуну не вернулась способность думать и действовать осознанно. Он выдохнул:

— Копье! У них Копье! Я не сразу понял. Ее телохранитель дважды меня им ткнул.

Длиннотень это так ошеломило, что он не мог и ругнуться.

Значит, Копье не утеряно! И оно у врагов!

— А они-то знают, чем владеют! — проскрипел он.— Раньше-то не знали. Только тот сумасшедший Капитан в Штормгарде знал ей цену. Если они узнали...

— Не знаю,— визжал Ревун. Его снова забила дрожь.— Пожалуйста, не дай мне умереть.

Копье!

Он у них отнял одно оружие, а они нашли другое. Фортуна, сука, опять повернулась к нему задницей.

— Я не дам тебе умереть,— сказал Длиннотень. Хотя именно это и было в его мыслях до сих пор. Но раз у них Копье, любое оружие на счету. И он крикнул слугам:

— Внесите его в покои. И поспешите. А ее бросьте в подвал замка. И пусть рядом будут Тени.

Он выругался. Потребуется много времени, прежде чем он сможет воспользоваться ее знаниями. Спасти Ревуна будет делом нелегким.

Яд, пожирающий колдуна изнутри, был самым сильным в мире. Если верить легендам, он принадлежал другому миру.

Он посмотрел на юг, на равнину сверкающих камней, мерцающую сейчас в утреннем свете. В один прекрасный день...

Копье пришло из давних времен. И оно было песчинкой по сравнению с тем, что таилось там, готовое сослужить службу любому, у кого хватит смелости завладеть этой силой.

В один прекрасный день.

Глава 60

Я потратила шесть дней, чтобы составить план взятия Деджагора. От трех огромных армий Тенекрута осталось меньше шестисот воинов. Половина их по разным причинам была деморализована. Я расставила их в ряд на берегу озера. А между ними поставила своих людей. Затем отправила Мургена назад, в город. Он не хотел туда отправляться. И я его не виню, потому что Могаба мог учинить расправу над ним. Однако кто-то должен был идти к тем, кто

остался жив, и оповестить о том, что они могут покинуть город. Ему было приказано сообщить эту новость всем, кроме людей, преданных Могабе.

В моем отряде никто не мог понять, зачем я это делаю, а я не вдавалась в объяснения. Им не было нужды знать мои планы. Их дело — выполнять мои приказы.

В ночь, после того как Мурген уехал, несколько десятков таглиосских воинов сбежало из города. Новости, сообщенные ими, были печальными. Инфекции распространялись. Могаба казнил еще несколько сот жителей и некоторых воинов. Не жаловались только Нары.

Могаба был в курсе, что Мурген вернулся, и, подозревая, что тот виделся со мной, начал за ним охоту. У него был конфликт с колдунами Отряда за лидерство.

Попахивало бунтом. Дезертирство забирало часть энергии. Если начнется бунт, то это будет впервые за всю историю Отряда. До сих пор в Анналах не было зафиксировано ни единого случая.

Нарайян с каждым часом все больше нервничал — его тревожил перенесенный на более поздний срок Фестиваль. Он боялся, что я попытаюсь от него уклониться. Успокаивала его, как могла.

— Еще уйма времени. У нас есть лошади. Мы отправимся, как только устроим здесь дела.

Меня же волновало то, что происходило на юге. Я отправила конных разузнать, какое впечатление произвела новость о смерти Тенекрута. Пока что доходившие до нас сведения были крайне скупы.

Перед тем как я, Рам и Нарайян отправились на север, еще шестьсот человек из войска Могабы дезертировали ночью и вплавь на плотах покинули Деджагор. Я распорядилась, чтобы их приняли как героев и пообещала им высокие должности в новых подразделениях.

У входа в мой лагерь они с радостью увидели голову Тенекрута, из которой был удален и уничтожен мозг. В будущем она должна была стать нашим символом, взамен пропавшего знамени Отряда.

Шестьсот человек за одну ночь. Вот Могаба-то разъярится. Но его верноподданные вряд ли допустят подобное впредь.

Я собрала своих командиров. Всех, кого смогла.

— Нож, у меня дела на севере. Нарайян и Рам едут со мной. Мне бы хотелось получше узнать ситуацию на юге перед тем, как ехать, но приходится довольствоваться той информацией, которая имеется. Сомневаюсь, что Длиннотень сможет в ближайшем будущем предпринять какие-то шаги. Сохраняйте патрули на местах, а сами замрите. Я приеду не позже чем через две недели. Или через три, если побываю в Таглиосе, чтобы рассказать о наших успехах. Вы можете теперь реорганизоваться, хорошо бы, если бы к нам присоединились настоящие ветераны. Подумайте только, нельзя ли включить в наше войско тенеземцев, если они того пожелают. Они могут оказать нам ценную помощь.

Нож кивнул. Немногословный, как всегда.

Лебедь смотрел на меня глазами, в которых читалось что-то вроде душевной симпатии. Я подмигнула ему, как бы намекая, что надежда есть. Зачем я это сделала? Совершенно глупо было очаровывать его. Может, он мне нравился. По-своему он был симпатичным. Но попадать в эту ловушку опять мне не хотелось.

Как говорится, дай сердцу волю, попадешь в неволю. Так что лучше держать его на замке.

Как только мы выехали, настроение у Нарайяна заметно поднялось. А вот у меня — нет, но мне нужно было его братство. С ними у меня были связаны кое-какие планы.

Тенекрут умер, однако борьба только начиналась. Придется еще сразиться с Длиннотенью и Ревуном. И возможно, с войском, которое они соберут. И даже если на поле битвы мы не одержим победы, оставались еще Ловушка Теней и Вершина. Если верить слухам, она покрепче моей Башни в Чарах и ее укрепляют все больше и больше.

Мне вовсе не улыбалось опять встревать в драку. До сих пор мне везло, однако Таглиос к подобной схватке не был готов.

Спасибо удаче. У меня было время организовать мои отряды и обучить их. Хватило времени отправляться в развлекательные поездки верхом, а также найти способных

командиров и попрактиковаться в магии, чтобы вернуть утраченные способности.

Самые неотложные задачи были выполнены. И Таглиосу ничего пока не угрожало. База для действий была. Мой авторитет командира был бесспорным, и я, похоже, была избавлена от стычек с жрецами и Могабой. При некоторых усилиях я могла сделать из Душил проводников своей воли. Этакой невидимой рукой, сеющей смерть везде, где мне могла грозить опасность. Будущее рисовалось в розовом. Самой большой занозой оставался Копченый. Но и на него можно найти управу.

В общем, все шло замечательно. Просто прекрасно. Если бы не сны и не тошнота. Они донимали меня все больше и больше. Да еще дражайшая сестрица.

Надо быть сильной, Госпожа. В конце концов, всегда побеждает Воля. Так говаривал мой муж, уверенный, что его воле подвластно все.

То есть он был уверен в этом, пока я не убила его.

Глава 61

Костоправ пустил лошадей в расположение гарнизона чуть выше Ведна-Бета, у брода Майна. Брод использовали редко, и то только местные жители, так как он был открыт всего несколько месяцев в году. Он слез с лошади, передал поводья воину, который разинул рот, узнав Прабриндраха Драха.

Князю, чтобы спешиться, понадобилась помощь. Это путешествие верхом стало для него настоящей пыткой. Костоправ гнал лошадей почем зря. Ему-то что, для него ездить верхом — дело привычное.

— Неужели вы и вправду таким образом зарабатываете на жизнь? — простонал князь. Несмотря ни на что, ему удалось сохранить чувство юмора.

Костоправ поворчал.

— Иногда приходится торопиться. Но не всегда так сильно.

— Я бы лучше стал фермером.

— Походите вокруг. Разомнитесь.

— Это лишь усилит боль от мозолей.

— Я смажу их. После того как поговорим с кем-нибудь, кто здесь ответственный.

Теперь воин держал обеих лошадей за поводья. И пялился на него. Остальные тоже его узнали. Новость, словно ласточка, обнесла округу. Из единственного каменного домика вышел офицер, на ходу запахивая одежду. Глаза его сделались круглыми, и он брякнулся в поклоне перед князем.

Прабриндрах рявкнул:

— Поднимитесь сейчас же. Мне сейчас не до ваших церемоний.

Офицер встал, бормоча приветствия.

— Обо мне забудьте,— пробурчал князь.— Вот он главный, я всего лишь его спутник. Так что к нему и обращайтесь.

Офицер повернулся к Костоправу:

— Польщен честью, Освободитель. Мы считали вас мертвым.

— Я и сам так думал. Какое-то время. И мне снова нужно пройти весь путь. Мы с князем присоединяемся к вашему отряду. Пока что мы можем действовать свободно, но очень скоро за нами со стороны будет наблюдать некая зловещая сила.

Он был уверен, что наблюдение пока не началось, потому что за все время поездки ему не попалось ни одной вороны.

— Когда те, кто охотится за нами, появятся снова, мы хотим, чтобы они не смогли отличить нас от ваших воинов.

— Так вы скрываетесь?

— В какой-то степени — да.— Костоправ объяснил ситуацию в целом: где-то вдаваясь в подробности, где-то умалчивая, главным же образом он дал понять, что за ним охотится могущественный враг и, возможно, судьба всего Таглиоса будет зависеть от того, насколько им удастся сохранить свое инкогнито, пока они не присоединятся в Деджагоре к Госпоже.

— Первое, что вам следует сделать,— сказал он офицеру,— это принять меры к тому, чтобы никто из ваших людей

не разговаривал с посторонними. Наше присутствие должно стать запретной темой. У врагов повсюду уши. И глаза, которые не принадлежат человеческому роду. Бродячая собака, птица, Тень могут передавать информацию. Это необходимо понять всем. О нас — ни слова. Мы, со своей стороны, изменим имена и станем рядовыми воинами.

— Я не совсем понимаю вас, сэр.

— Сомневаюсь, что это можно объяснить. Пусть доказательством того, что я вам только что сказал, послужит само наше появление здесь. Я вернулся, я вырвался из плена и хочу присоединиться к основной части войска. Один я это сделать не могу, даже если изменю свой внешний вид. Есть ли среди ваших людей те, кто умеет ездить верхом?

— Несколько человек.— Он был озадачен.

— Этих лошадей необходимо отогнать к новой крепости. Было бы замечательно, если бы это удалось сделать до того, как начнется охота. Они выдают нас с головой. Конные должны изменить облик и не делать ни одной остановки в пути. Внешне быть такими, чтобы и мысли не возникло об их связи с Отрядом.

В пути Костоправ ни слова не обронил о планах — он боялся подслушивания, однако сейчас князь мгновенно уловил суть дела.

— Так вы собираетесь отправиться с этим отрядом в Деджагор?

— Да. Вы и я будем в нем рядовыми стрелками.

Князь простонал:

— Но ходить пешком я привык еще менее, чем ездить верхом.

— А у меня растянута лодыжка. Мы пойдем медленно.— Говоря все это, Костоправ осматривался вокруг — не подслушивает ли их кто. Затем он опять заговорил с офицером, настойчиво пытаясь объяснить, что стрелки должны вести себя чрезвычайно незаметно. Пока не найдут армию Госпожи. Малейшая оплошность могла стоить жизни. Послушать его — так могло показаться, что Хозяева Теней пустили все силы — человеческие и колдовские — на то, чтобы уничтожить его, князя, и всех, кто окажется рядом.

В какой-то мере так оно и было.

Офицер призвал добровольцев отогнать жеребцов, внушив им, что необходимо доставить лошадей быстро, при этом никому не говорил, куда отправились Костоправ и князь.

Костоправ вздохнул:

— Чувствую себя уже хоть в некоторой безопасности. Принесите мне тюрбан и шадаритские одежды. И что-нибудь, что могло бы сделать руки и лицо смуглыми. Вы, князь, больше похожи на гуннита.

Через полчаса их уже можно было принять за обычных стрелков, если не брать во внимание акцент. Костоправ взял имя Нарайян Сингх.

Половина шадаритов носили это имя. Князь принял имя Абу ал-Кадр. Он чувствовал, что это избавит его от излишнего внимания окружающих, так как, судя по имени, в нем были смешаны крови Гунни и Ведны, что, в свою очередь, означало незаконнорожденного сына матери-гуннитки.

Никто, находясь в здравом уме и памяти, не подумает, что Прабриндрах Драх мог бы до этого унизиться.

— Может, и так,— хмыкнул Костоправ.— Отдохните немного. Вот вам лошадиная мазь для мозолей. Мы выйдем, как только запасемся провиантом и транспортом.

Дня полтора спустя, в угрюмом молчании, готовые ко всему на свете, стрелки пересекли реку. Костоправ испытывал страх и одновременно радостное волнение. Интересно, как отреагирует на его появление Госпожа, ведь она считает его мертвым?

Он боялся и ждал этой встречи.

Глава 62

Длиннотень не спал шесть дней, борясь с тем колдовским недугом, который пожирал плоть и душу Ревуна. Он одержал победу, но еле-еле. А потом рухнул без сил.

Ловушка Теней была древним городом. Всегда находясь в некоторой тени, отбрасываемой сверкающими камнями, она была хранилищем древних знаний, часть которых оста-

валась скрытой, часть была известна лишь Длиннотени, который грабил библиотеки города и избавлялся от всех, кому было известно то, что удалось разузнать ему.

Среди легенд долины, зародившихся задолго до того, как был основан город, была и легенда о Копьях Страсти. Согласно ей, клинья копий были вылиты из меча короля демонов. Короля сожрала Кина во время великой битвы Света и Тьмы. Душа короля демонов хранилась в стали, вошедшей в сплав клиньев восьми копий. Она томилась в плену у металла все время, пока Кина спала. Ходила легенда и о древках. Два, считалось, были взяты из костей ног самой Кины после того, как она погрузилась в свой вечный сон. Еще одно, говорили, было когда-то фаллосом Правителя Тьмы, отрубленным Киной во время великой битвы. Остальные же были из дерева, в котором богиня братской любви Рави-Лемна спрятала душу. Незадолго до того как напали Волки Тьмы и пожрали ее. Это было уже после того, как был создан Человек. Кина была свидетельницей всего. Она разрубила дерево на щепы, сделала из них стрелы и древки пик. Если бы Богам Света и удалось воссоздать Рави-Лемну заново из содержимого желудков ненавистных волков, души у нее уже бы не было. Душу они вернуть не могли. Кина спала.

Каждый из Свободных Отрядов Хатовара — с тех пор как они ворвались в мир, чтобы вызвать Год Черепов — охотился за одним из Копий. Но кто их направил?

На этот вопрос Длиннотень с уверенностью ответить не мог. Был ли это бродячий призрак спящей Кины? Или Боги Света, стремившиеся возродить Рави-Лемну? Или дети короля демонов, остававшиеся в плену на наконечниках Копий, пока спала Кина? А может, владыка Тени, не желавший больше плестись в хвосте в списках любимцев?

Летописцы древности зафиксировали возвращение всех отрядов, за исключением одного — Черного, который утратил свое прошлое и бесцельно бродил на протяжении многих веков, пока наконец не был избран Капитан, которому захотелось узнать о своих корнях.

Длиннотень о Копьях знал очень мало, однако Ревун и Душелов имели кое-какие подозрения на этот счет. Но

никто не имел понятия, что знамя Черного Отряда было чем-то большим, чем устаревшая реликвия, сохранившаяся от старых времен и в битве при Деджагоре пропавшая. Чтобы снова появиться в Тагмосе в руках какого-то телохранителя.

Возвращение Копья стало одной из самых насущных задач Длиннотени. Как только Ревун поправится, он собирался послать его за Копьем. А он, Длиннотень, тем временем выпотрошит все сведения из своей пленницы. Но первое, что он сделал, когда залечил раны Ревуна,— это отоспался.

Глава 63

Пять дней у беса Жабомордого ушло на розыски его госпожи. Потом он дождался минуты, когда внимание хозяина Вершины будет отвлечено, и проник внутрь крепости. Он вошел, дрожа от страха. Долготень был могущественным колдуном, которого в кругах демонов боялись все.

Его появление прошло незамеченным. Заклятия вокруг Вершины охраняли ее от Теней с юга. Он нашел свою госпожу в глубинах крепости, в темном подвале, а ее одурманенное сознание — в глубинах ее мозга, в ее собственной темнице.

Он задумался: то ли забыть о ней, то ли помочь и, может быть, даже завоевать свободу для себя. В конце концов, освобождать ее не входило в круг обязанностей, начертанных ею.

Он устроился рядом, прокусил горло и выпил кровь. Потом пополоскал это все во рту и влил кровь обратно в горло.

Медленно она пробудилась и, поняв, что он делает, дала ему закончить. Он закрыл рану. В темноте она села:

— Ревун. Где я?

— В Вершине.

— С какой стати?

— Они приняли вас за вашу сестру.

Она с горечью рассмеялась:

— Значит, я хорошая актриса.

— Да.

— А где она?

— Последний раз ее видели возле Деджагора. Я искал вас неделю.

— И они ее не увидели? Значит, она стала сильнее. Как насчет Костоправа?

— Я искал вас.

— Найди его. Я хочу получить его обратно. Я не могу позволить ему встретиться с моей сестрой. Сделай все необходимое, чтобы этого не случилось.

— Мне запрещено отнимать жизнь.

— Тогда все, что угодно, лишь бы они не были вместе.

— Вам здесь помощь не нужна?

— Я справлюсь. Ты можешь здесь свободно бродить?

— В общем, да. Кое-какие места закрыты заклятиями, которые наложил Длиннотень, и только он может через них проникать.

— Обыщи место. И расскажи мне, кто чем занят. А затем найди Костоправа и мою сестру.

Бес вздохнул. Вот она, хозяйская благодарность.

Она заметила его вздох.

— Сделаешь это — и ты свободен. Навсегда.

— Слушаюсь! Меня уже нет.

Она ждала, когда появятся похитители. Вот им будет сюрприз! И пока ждала, она слышала, как на равнине что-то шепчет темнота. Она разобрала кое-какие слова и почувствовала тот самый страх, который так мучит Длиннотень.

Не могла она сидеть просто так, как паук, поджидающий свою добычу в засаде. Длиннотень и Ревун спали. Надо идти.

Сами плиты Вершины были надежно защищены от посторонней магии. Она выходила растекшейся массой. Камни расплавились, иначе не пропуская ее. Нижние части замка были темны. Это удивило ее. Длиннотень боялся темноты. Она взбиралась медленно, боясь засад, но ни на одну не натолкнулась. Приближаясь к источнику света, она

все больше нервничала. Но там, судя по всему, ничего не было. Неужели в крепости никого нет? Что-то не так. Она расширила диапазон своих восприятий, но так ничего и не уловила. Вперед, наверх. Опять ничего. Где же воины? Их тут должны быть тысячи, бегающих, как кровь по жилам.

Она выяснила, где выход. Нужно было спуститься вниз по лестнице, чтобы добраться до него. Уже на середине лестницы ее атаковала целая свора коричневатых типов, с жуткими алебардами в руках, в деревянных доспехах и странных, украшенных орнаментом шлемах в форме животных.

Она вспомнила заклинание, которое могло сократить ее в размерах. Она заняла позу и расслабилась. Заклинание дырявило любую материю. Полетели разноцветные искры. Что-то огромное, безобразное, алчущее устремилось сквозь дыру, делая ее все шире и шире. Сталь не оставила и следа на выступе. От звуков, издаваемых ею, стыла кровь. Вырвавшись из неведомого чрева, она понеслась по крепости. Послышались крики. Но она была быстрее и проворнее людей.

Душелов вышла в ночь, покрывающую Вершину, словно одеяло.

— Это их развлечет.— Она со злостью посмотрела на север. Впереди был долгий путь.

Глава 64

Мост, который по моему приказу строили, был еще не завершен, но мы, спешившись, все-таки прошли по нему, а лошадей воины провели через брод. Мое решение носило символический характер — просто я хотела подбодрить строителей.

Нарайян был впечатлен, а Рам проявил полное равнодушие, заметив только, что иметь возможность пересечь реку, не замочив ног — в общем-то неплохо. Он еще не понимал, как важен был мост.

Из-за моей тошноты мы добирались до Годжи дольше, чем я предполагала. Время поджимало. Нарайян был готов запаниковать, но мы сумели добраться до священной рощи

вечером кануна Фестиваля. Я до смерти устала. И сказала Нарайяну:

— Займитесь приготовлениями. Я на ногах не держусь.

Он тревожно посмотрел на меня. А Рам сказал.

— Вам действительно нужно посоветоваться с доктором, Госпожа. И как можно скорее.

— Я это уже решила. Когда мы тут закончим, мы отправимся на север. Я не могу это дальше терпеть.

— А дожди?..

Скоро наступит сезон дождей. Если мы задержимся в Таглиосе, мы вернемся к Майну, когда вода в нем начнет подниматься. И так уже каждый день накрапывал дождик.

— Будет мост. Может, нам и придется идти пешком, однако перебраться на другой берег мы сможем.

Нарайян коротко кивнул:

— Я поговорю с жрецами. Проследите, чтоб она отдохнула, Рам. Обряд посвящения может быть утомительным.

Я впервые услышала о том, что мне, как и всем, придется пройти обряд посвящения. Меня это разозлило, но из-за усталости я не стала спорить. Просто лежала, а Рам, выпросив огня и рису, готовил тем временем еду. Явилось несколько джамадаров, чтобы выразить свое почтение. Рам их прогнал. Больше никто не приходил. К тому моменту на меня накатила такая апатия, что не было сил даже спросить Рама, имело ли отсутствие жрецов какое-нибудь значение.

Краем зрения я уловила какое-то движение, кого-то, наблюдавшего за мной из такого места, где никого быть не могло. Повернувшись, я на мгновение увидела его лицо.

Это был не Душила. Я не видела этого лица с кануна той битвы, которая унесла у меня Костоправа. Жабомордый, кажется, так его звали. Бес. Что он там делал?

Я не могла его догнать. Слишком была слаба. Все, что я могла — это постараться о нем не забыть. Поев, я сразу уснула.

Меня разбудили барабаны. Гулкие барабаны, из тех, в которые бьют кулаками или ладонями. Бум! Бум! Бум!

Ни минуты продыху. Рам сказал, что так будет аж до следующего утра. К ним присоединились другие, еще более гулкие. Я смотрела на них с грубого лежака, который соорудил для меня Рам. Один гудел недалеко. Человек бил в барабан деревянными палками длиной в четыре фута. Со всех четырех сторон били барабаны.

Внутри храма тоже. Рам уверил меня в том, что храм очистили и освятили заново.

Мне было все равно. В жизни не было так плохо. Ночь состояла из сплошных кошмаров, в которых весь мир был терзаем проказой в последней стадии. И мои ноздри все еще ощущали запах. Мутило от этого невыносимо.

Рам предчувствовал, что мне будет плохо. Может, наблюдал за мной, пока я спала, и по тому, как я металась, понял, что наутро меня станет мучить дурнота. Не знаю. Факт тот, что он установил загородку, чтобы избавить меня от любопытных.

Когда пришел Нарайян, самое худшее уже было позади.

— Если вы и после этого не повидаете врача, Госпожа, я сам отволоку вас в Таглиос. Совершенно нет оснований подвергать себя такой опасности.

— Повидаю. Повидаю. Можете не сомневаться.

— Мне бы этого хотелось. Вы дороги мне. Вы наше будущее.

В храме послышалось пение.

— А почему теперь все по-другому?

— Слишком много людей. Церемонии, посвящения. Но вам до вечера ничего делать не придется. Отдохните. И если церемония окажется утомительной, то будете отдыхать и завтра.

Лежи себе да полеживай. Ничего не делай. Это уже само по себе утомительно. Я и вспомнить не могла, было ли время, когда я могла позволить себе вот так лежать. Как только тошнота отступила, я попыталась поупражняться в магии.

Казалось, мои способности сами собой возвращаются. Я была способна на большее, чем предполагала. Теперь я была почти готова потягаться в силе с Копченым.

Но радость без неприятностей не бывает. Весь азарт пропал, когда, оторвав взгляд от сложенных рук, я поймала себя на том, что погрузилась в свои кошмары прямо посреди белого дня.

Вокруг меня была роща и в то же время — одна из жутчайших картин из моего сна. И роща, и этот пейзаж казались не совсем реальными. И вместе с тем, обе были материальны.

Я шла из пещер смерти в долину смерти. Я там бывала редко. Эта долина связывалась в сознании с битвой, в которой Кина пожирала орды демонов. Огромная черная фигура прыгала по равнине. Движения ее напоминали танцы гуннитов. Каждый шаг фигуры сотрясал равнину. Я чувствовала, как дрожит земля, словно при землетрясении.

Тело было голым. Облик был мало похож на человеческий — четыре руки и восемь грудей. В каждой руке было зажато что-то, что сеяло смерть и ненависть. На груди болталось ожерелье из детских черепов. А на поясе висели связки чего-то похожего на сушеные бананы — вначале мне показалось, это были отрезанные пальцы рук, но когда она подошла поближе, оказалось, что это отрубленные и вполне дееспособные фаллосы.

Голый череп был больше похож на яйцо, чем на человеческую голову. Ее всю можно было принять за чудовищное насекомое, если бы не рот. Рот был плотоядного животного. По подбородку стекала кровь. Огромные глаза горели огнем.

Затхлый запах смерти сопутствовал ей. Этот жуткий призрак потряс меня. Откуда-то в углу памяти появился Костоправ с обычным самоуверенно-саркастическим выражением лица.

Хлопотливая Старушка Готовится Принять Ванну После Векового Сна. Может, Даже Почистит Зубы.

Эта мысль возникла столь неожиданно, что я оглянулась вокруг. Может, кто-то другой произнес эти слова.

Я была одна. Просто мысль эта была вполне в характере Костоправа. Вызванная спадом напряжения. Посмотрев перед собой снова, я поняла, что призрак исчез. И вздрогнула.

Запах еще был здесь. Он не был воображаемым. Какой-то человек, идущий мимо, вдруг остановился как вкопанный. Принюхался. Выражение лица у него было странным, и он поспешил прочь. Я снова вздрогнула.

Неужели так оно и будет? Эти кошмары во сне и наяву?

Меня опять передернуло. Я напугана. Чтобы противостоять подобной силе, одной моей воли было мало.

В этот день запах возвращался несколько раз. Призрака, слава богу, не было. А я старалась больше не открывать свои каналы — чтобы не подставляться.

Явился Нарайян, сказать, что время пришло. Я с утра не видела его. А он меня. Он как-то странно посмотрел на меня. Я спросила:

— В чем дело?

— Есть кое-что... Может, это аура? Да. Вы ощущаете все вокруг, как подобает Дщери Ночи.— Он смутился.— Посвящения начнутся через час. Я говорил со жрецами. До сих пор ни одна женщина не входила в наш круг. Таких случаев не было. Они решили, что вам придется пройти то же, что и всем остальным.

— Надеюсь, это не...

— В тот момент, когда Кина подвергает посвящаемых испытанию, они должны стоять перед ней обнаженными.

— Понятно.— Я, мягко говоря, была не слишком взволнована этой перспективой, однако мои возражения были продиктованы скорее самолюбием, нежели целомудрием.

Выглядела я ужасно. Я была похожа на голодающего. Руки, ноги вытянулись, живот торчит. С тех пор как покинули Деджагор, мы ели редко. Я думала. В сущности, у меня не оставалось выбора. Если я откажусь раздеться, вряд ли мне дадут выйти отсюда живой.

А Душилы были мне нужны. Я связывала с ними свои планы.

— Раз надо — сделаю.

Нарайян почувствовал облегчение.

— Вам не придется обнажать себя перед всеми.

— Нет? Только перед жрецами, джамадарами, а также остальными посвященными и всеми, кто будет так или иначе участвовать в представлении?

— Все уже устроено. Будет всего шесть посвящаемых — минимальное число, по традиции. А также — один высокопоставленный жрец, его помощник и один джамадар, который будет главным Душилой. Ему дано указание устранять любого, кто посмеет оторвать взгляд от пола. Этих трех вы можете выбрать сами, если хотите.

Странно.

— С чего такая забота?

Нарайян шепнул мне:

— Мне не следует этого говорить. Но мнения разделились в вопросе, являетесь ли вы и вправду Дщерью Ночи. Те, кто верит, полагают, что вы убьете и жреца, и его помощника, и главного Душилу после того, как обряд будет закончен. И они хотят, чтобы этому риску подверглось как можно меньшее число людей.

— А как насчет остальных?

— Они забудут о том, что видели.

— Понятно.

— Я буду среди читающих мантры как ваш поручитель.

— Понятно.— Интересно, а что случится с ним, если я провалюсь? — Кто эти трое — меня не волнует.

Он усмехнулся:

— Отлично, Госпожа. Вам следует приготовиться. Рам, помоги мне опять установить загородку. Госпожа, вот одеяние, которое вам следует надеть, перед тем как предстать перед богиней.— Он передал мне белый узел. «Одеяние» выглядело так, словно им пользовались целый век и ни разу не чистили и не чинили его.

Я приготовилась.

Глава 65

Внутри храм изменился. Вокруг мутным красным пламенем горели факелы. Свет их отбрасывал тени, которые плясали на безобразных барельефах храма. Появился огром-

ный идол. Он был очень похож на того, что мне привиделся, хотя и был одет в головной убор, богато украшенный золотом, серебром и драгоценными камнями. Вместо глаз у идола были неограненные рубины, каждый из которых был национальным достоянием. Клыки были из хрусталя.

Под левой, чуть приподнятой ногой, лежали три головы. Жрецы оттаскивали в сторону труп, когда вошла моя группа посвящаемых. Мертвеца, судя по всему, перед тем как обезглавить, подвергали пыткам.

По обе стороны лицом вниз лежало по десять человек. Между группами посвящаемых был проход в четыре фута шириной. Я узнала Нарайяна по спине. Двадцать человек беспрерывно бубнили мантры.

— О Кина, приди в мир, чтобы излечить своих детей. Мы ждем тебя, о наша Великая Мать.— Слова едва можно было различить, так быстро они все говорили. Я была последней. Главный Душила занял место в проходе позади меня, в руках у него был черный румель. Подозреваю, что главной его целью было остановить тех, кто смалодушничает, а вовсе не тех читающих мантры, которым вздумается взглянуть тайком на меня.

Между читающими мантры и помостом, на котором стоял идол, было свободное пространство в двадцать футов. Головы были на уровне глаз стоящих. Две из них, казалось, наблюдали за нашим приближением. Третья была повернута к Кине, причем нос находился в нескольких дюймах от когтей ее ноги.

Справа от меня, у высокой стойки, поддерживающей несколько золотых сосудов, стояли два жреца.

Церемония началась без прелюдий, конкретно. Посвящаемый подходил к определенной отметке и, сбросив одежду, переходил к другой, и подвергая себя самоистязаниям, бормотал ритуальные заклинания. В заклинании излагалась просьба посвящаемого, чтобы Кина приняла его поклонение. В последнем, то есть в моем случае, я обращалась к ней как дочь. Но стоило мне произнести свои слова, как поднялся ветер. И в храме появилось что-то постороннее: холодное, алчущее, пахнущее мертвечиной. Помощник жреца подскочил. Такого прежде не случалось.

Мы все, кто проходил обряд посвящения, встали и преклонили колена, положив ладони на бедра. Главный жрец пробормотал какую-то молитву на неизвестном языке, не таглиосском, и в то же время он был мало похож на мантры Душил. Он представил нас идолу, словно идол и был самой Киной. И пока верховный жрец, завывая, читал заклинания, его помощник лил темную жидкость из высокого, с узким горлышком сосуда в другой, похожий на соусницу. Закончив бормотать, главный жрец совершил освящающие движения над «соусницей» и, приподняв ее и показав богине, прошел к концу шеренги посвящаемых. Приложив к губам будущего Душилы сосуд, влил в него часть жидкости. Посвящаемый, не открывая глаз, проглотил.

Следующий пил с открытыми глазами и подавился. Жрец на это никак не отреагировал, равно как не отреагировал и тогда, когда то же самое произошло еще с двумя посвящаемыми.

Наступила моя очередь.

Нарайян — лжец. Подготавливая меня, он сказал мне, что весь обряд построен на иллюзии. Ничего подобного. В сосуде была кровь, к которой было примешано какое-то зелье, отчего у жидкости был запах травы и горький привкус. Была ли эта кровь человеческой? Не знаю. То, что мы оказались свидетелями того, как перед тем отсюда утащили труп, было не случайно. Явно имелся расчет на то, что подобная мысль придет нам в голову.

Я прошла через это. Ничего подобного мне до сих пор испытывать не приходилось, но со мной случались вещи и похлеще. И выдерживала я их стойко и мужественно. Я сказала себе, что вот-вот овладею самой смертоносной силой, когда-либо существовавшей в мире.

Нечто постороннее снова пришло в движение. Оно, наверное, могло бы подчинить меня себе.

Главный жрец передал сосуд помощнику, который поставил его на стойку и начал читать мантры.

Вдруг огни погасли.

В храме стало совсем темно. Я испугалась. Показалось, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Но никто по

этому поводу не волновался, я решила, что это обычный элемент обряда.

Тьма задержалась полминуты. В какой-то момент раздался крик, в котором были слышны отчаяние и ярость.

Свет появился так же внезапно, как и исчез.

Я была сражена.

Воспринимать все это спокойно было трудно.

Осталось только пять посвященных. Идол пришел в движение. Та нога, что была приподнята, опустилась и размозжила одну из голов. Затем поднялась вторая нога. Под ней оказалось тело человека, который стоял вторым слева от меня. В одной из рук идола болталась голова, которую он держал за волосы. Перед тем как свет исчез, в этой руке была груда костей. Еще одна рука, которая держала меч, все еще сжимала его, но теперь лезвие меча поблескивало. На губах, подбородке и клыках идола была кровь, а глаза сверкали.

Как это им удалось? Может, внутри идола был какой-то механизм? Кто совершил убийство — жрец и его помощник? Тогда им пришлось подсуетиться. И ведь за все время слышен был только один крик.

Жрецы, казалось, тоже были сражены. Главный жрец метнулся к груде одежды, кинул какое-то [illegible] мне и тут же опять встал на место. Затем, пробормотав какую-то короткую мантру, вскричал:

— Она явилась! Она с нами. Слава Кине, которая послала свою Дщерь встать в наши ряды.

Я прикрыла наготу.

Обычный ход событий был каким-то образом нарушен. Результат привел жрецов в экстаз и в то же время в растерянность: что делать дальше?

А что делает человек, когда сбывается давнее пророчество? Лично мне не приходилось встречать жреца, который бы искренно верил в то, что увидит чудо воочию. Для них чудеса как вино — чем старее, тем лучше.

Они решили сократить ритуал и перейти непосредственно к празднованию. Это означало, что посвященные получали благословение, миновав стадию испытания Киной. А также то, что человеческих жертв больше не будет.

Сама того не ведая, я спасла жизнь двадцати пленникам Душил, которых предполагалось подвергнуть пыткам и убить этой же ночью. Жрецы освободили их, чтобы те сообщили миру о реальном существовании Душил и что пришла их мессия. А те, кто не поторопится явиться к Кине, вскорости будут уничтожены Годом Черепов.

Костоправ бы назвал их сворой.

Нарайян отвел меня назад к огню, сказав Раму гнать без разговоров всякого, кто осмелится меня побеспокоить. Он рассыпался в извинениях по поводу того, что не подготовил меня лучше. Он сел рядом со мной, глядя на язычки пламени.

— Так он наступил? — спросила я его через некоторое время.

Он понял меня.

— Да, наступил. Он наконец превратился в реальность. Теперь нет никаких сомнений.

Какое-то время я молчала, чтобы не мешать ему думать, затем спросила:

— А как им удалось проделать это с идолом, Нарайян?

— Что?

— Как им удалось привести его в движение в темноте?

Он пожал плечами, взглянул на меня, чуть усмехнулся и сказал:

— Не знаю. Раньше такого не случалось. Я видел по меньшей мере двадцать посвящений. И всегда кого-то одного приносят в жертву. Но идол не двигался никогда.

Я несколько растерялась. Помолчав, я спросила:

— А вы там, в храме, ничего не почувствовали? Будто там присутствовал еще кто-то?

— Да.— Он дрожал. А ночь не была холодной. Он сказал: — Попытайтесь уснуть, Госпожа. Нам придется рано отправиться в путь. Я хочу, чтобы вы посоветовались с врачом.

Я легла, мне не хотелось отправляться в страну кошмарных видений, но заснула скоро. Я была слишком истощена, физически и эмоционально. Последнее, что видела, это Нарайяна, сидящего на корточках и глядящего на огонь.

Тут есть над чем подумать, Нарайян. Есть.

В ту ночь я не видела снов. Но наутро меня страшно мучила тошнота. Меня рвало. Рвало до желчи.

Глава 66

Бес отлетел от роци. Отыскать женщину оказалось не так уж сложно, хотя у него и ушло на это больше времени, чем он ожидал. Теперь — мужчина.

Но ничего не нашел. В течение долгого времени он так и не обнаружил ни единого следа.

В Таглиосе его не было. Тщательные поиски закончились ничем. По логике он должен был искать свою возлюбленную. И поскольку он не знал, где она находится в данный момент, он должен был направиться к месту ее последней стоянки.

Но у брода его не оказалось.

И ничто не говорило о том, что он побывал в Годже. Следовательно, его там не было. Иначе бы о нем все еще говорили, как до сих пор обсуждали его появление в Таглиосе.

Нет Костоправа. Но к броду от города направлялось целое войско. Госпожа едва не столкнулась с ним, направляясь на север. Это было удачей, однако как скрыть от нее новость о том, что он жив. В конце концов правда выплывет наружу.

В любом случае его задача заключалась в том, чтобы не дать им встретиться. Был ли он среди идущих? Вряд ли. Их разговоры навели бы на его след. И бес возобновил поиск. Если Костоправ не пересек реку у Годжи и его в этом войске не было, значит, он перейдет Майн в другом месте. Тайно.

Ведна-Бота была последним местом, куда он заглянул. Самый неподходящий участок для переправы. Он не предполагал найти там что-либо. Так оно и было. Но это-то и вызвало в нем подозрения. По слухам, там стоял отряд лучников.

Так вот, он нашел этих лучников, а среди них того, кого искал.

Нужно было принимать решение. Мчаться с донесением к госпоже — но это отнимет время, потому что вначале следовало ее разыскать,— или действовать по собственному усмотрению.

Он выбрал второе. Сезон дождей вот-вот должен был наступить. Это может сыграть на руку. Если между ними встанет река, им не встретиться.

Глубокой безлунной ночью у Годжи рухнул строящийся мост. Большая часть бревен была снесена течением. Строители не могли понять, что произошло. Единственное, что было очевидно, это то, что в этом году восстановить мост уже не удастся.

А той части таглиосского войска, которая не успела перейти реку, пока вода не поднялась, придется провести полгода в Стране Теней.

Вполне довольный результатом, бес отправился на поиски своей госпожи.

Глава 67

Завидев главный лагерь таглиосцев, лучники остановились.

— Теперь мы в безопасности,— сказал князю Костоправ.— Давайте войдем с надлежащим видом.

За два дня до этого в сорока милях к северу их обнаружила конница. Со вчерашнего дня всадники то и дело их навещали. Лучники держали рот на замке. В одном из патрулей был Лебедь Лозан. Он не узнал ни князя, ни Костоправа. Костоправ убедил командира занять лошадей, так как у лучников были только мулы, которые годились разве что для крупной поклажи, которую на себе недалеко утащишь. Час назад поставили двух жеребцов, с седлами в придачу. Князь облачился в королевский наряд. А Костоправ в свою, как он выражался, «рабочую форму», костюм командующего войском, сохранившийся с тех времен, когда он был героем всего Таглиоса. Отправляясь на юг в первый раз, он его с собой не взял.

Он выкопал знамя отряда и собрал его заново.

— Я готов. А вы, князь?

— Всегда готов.— Этот поход дался Прабриндраху Драху нелегко, но он держался стойко. И воины гордились им.

Оседлав лошадей, они повели стрелков к лагерю. Пока они шли, появились первые вороны. Завидев их, Костоправ рассмеялся:

— Пули в ворон! Так говаривали в Берилле, когда там был Отряд. Я никогда не понимал, что на самом деле это означает, но черт возьми, эти слова звучат неплохим началом для любой затеи.

Князь, хмыкнув, согласился, затем стал отвечать на приветствия воинов — в лагере появление обоих было воспринято как чудо.

Костоправ заметил знакомые лица: Нож, Лебедь, Мотер... Черт! Похоже, и Мурген тут. Точно, Мурген! Но того лица, которое ему хотелось видеть больше всего, не было.

Мурген подбежал к нему скачками, покрывая каждый раз полрасстояния между собой и Капитаном. Костоправ слез с лошади и сказал:

— Это я. Правда, я.

— Но я видел, как вы умерли.

— Ты видел, что в меня попала стрела. Но когда ты уехал, я все еще дышал.

— О да. Но вам бы не жить...

— Это долгая история. Вот сядем, и увидишь — разговоров хватит на всю ночь. И напьемся вдребезги, если, конечно, найдется что выпить.— Он посмотрел на Лебедя. Там, где Лебедь, там и пиво.

— Вот. Ты оставил это, отправившись играть роль Вдоводела.— И он протянул Мургену знамя.

Юноша взял его с такой осторожностью, словно это была змея. Но когда знамя оказалось у него в руках, он провел рукой по копью.

— Это и вправду наше знамя. А я-то думал, что оно навеки потеряно. Значит, вы — это вы?

— Живой и невредимый и в полной боевой готовности. Но сейчас я думаю о другом. Где Госпожа?

Нож, учитывая ситуацию — ведь при разговоре присутствовал князь, ответил:

— Госпожа отправилась на север с Нарайяном и Рамом. Примерно восемь-девять дней назад. Она сказала, что у нее есть какие-то неотложные дела.

Костоправ выругался.

А Лебедь подхватил:

— Да, точно, девять дней назад. А что, это и вправду Костоправ? Может, нас разыгрывают?

Мотер подтвердил:

— Он, он. Прабриндраха Драха на мякине не проведешь.

— Вот неудача. Всегда так со мной. Стоит мне воспарить в радостных мечтах, как набегает туча, и конец.

Костоправ заметил широкого, крепко сложенного человека за спиной Ножа. Человек был ему незнаком, но в нем чувствовалась некая сила. Наверняка какой-нибудь шишкарь. И он, похоже, не так уж счастлив видеть Освободителя живым. Надо его остерегаться.

— Мурген. Перестань-ка заниматься любовью со знаменем. Лучше расскажи мне о том, что тут происходило. Я ведь много недель был в отключке.— Или месяцев, если считать все время его отсутствия.— Не может ли кто-нибудь заняться этой клячей? Чтобы мы могли где-нибудь передохнуть?

В лагере была такая суматоха, словно приехал сам Длинотень. Возвращение человека с того света всегда производит большое впечатление на окружающих.

Стараясь не обращать на суету особого внимания, Костоправ заметил, что короткий, широкий человек все это время держался недалеко от него, в тени Ножа, Лебедя и Мотера. Он молчал.

Мурген рассказал, что с ним произошло с момента той ужасной битвы. Нож рассказал о себе. Лебедь отделался парой забавных историй.

— Так это сам Тенекрут? — спросил Костоправ.

А Лебедь подтвердил:

— Ага, там, на колу, торчит именно его башка.

— Значит, круг сужается.

— А теперь рассказывай ты,— попросил Мурген,— мы будем первыми слушателями.

— Уж не собираешься ли ты включить мой рассказ в Анналы? Ты, кстати, ведешь записи?

Юноша, смутившись, кивнул:

— Мне, правда, пришлось оставить их в городе перед уходом.

— Понятно. Мне просто не терпится прочесть Книгу Мургена. Если она окажется более-менее сносной, ты сможешь зарабатывать этим на жизнь.

Лебедь заметил:

— Госпожа этим тоже занималась.— Все на него посмотрели. Он потупился.— То есть она говорила о том, что хочет написать книгу. Когда у нее будет время. Не думаю, что она что-либо писала на самом деле. Просто она сказала, что ей нужно кое-что уяснить себе, прежде чем начинать писать. Она назвала это долгом перед историей.

— Дай-ка подумать,— сказал Костоправ. Подняв камень, он швырнул им в ворону. Птица каркнула и отлетела на несколько футов, но недалеко. Это была ее, Душелова, прислужница. Значит, та на свободе, включилась, так сказать, в работу. Или трудится рука об руку с теми, кто захватил ее в плен.

Помолчав, Костоправ заметил:

— Нам предстоит много сделать, чтобы наверстать время. Но подозреваю, что самая критическая ситуация сложилась у Могабы. Надо положить этому конец. Сколько у него осталось людей?

— Тысячи полторы, наверное,— прикинул Мурген.

— Одноглазый и Гоблин остались у него, когда он объявил им войну?

— Эти в защитниках не нуждаются,— сказал Мурген.— Они не хотят сюда являться. Думают, что тут их ожидает ловушка. Решили отсидеться, пока к Госпоже не вернется ее дар.

— Ее дар? Она что, обладает даром колдовать? Об этом мне никто никогда не говорил.— Хотя он давно это подозревал.

— К ней и вправду возвращается ее сила,— сказал Нож.— Но не так быстро, как ей бы хотелось.

— Все идет медленней, чем ей бы хотелось. Чего они боятся, Мурген?

— Ученицы Меняющего Форму. Помните ее? Она была там, когда мы покончили с ним и с Грозотенью. Она ускользнула. Говорят, она заключена в облик форвалаки, но ее сознание осталось прежним, при ней. И она полна решимости отомстить им обоим за Меняющего Форму. Особенно Одноглазому — Одноглазый убил колдуна Меняющего Форму за то, что тот когда-то убил брата Одноглазого — Тамтама.

— Сплошная вендетта,— вздохнул Костоправ.— Вполне возможно, что ее месть может коснуться каждого, кто так или иначе причастен к этому делу.

— Это неожиданный поворот.

— Я думаю, это все плод их воображения.

— От этих колдунов можно ждать чего угодно.— Костоправ откинулся назад, прикрыв глаза.— Расскажите мне еще о Могабе.

Мургену было что поведать на этот счет.

Костоправ заметил:

— Я всегда подозревал, что в нем скрыто больше, чем кажется с виду. Но приносить людей в жертву? Это слишком.

— Их не просто принесли в жертву. Их съели.

— Что?

— Ну, сердце и печень. Кое у кого. Помимо Могабы, в этом участвовало человека четыре-пять.

Костоправ взглянул на широкого. Того просто распирало негодование.

— Это объясняет, почему Джии-Зле такой мирный город. Если городская стража поедает преступников и бунтовщиков...— Костоправ хмыкнул. Каннибализм — малозабавная штука.

— Простите, сэр? Нас не представили друг другу. Похоже, вы испытываете сильные чувства к Могабе.

Мурген сказал:

— Это Зиндху. Он особый друг Госпожи.

— Правда? — Что бы это значило?

Зиндху заговорил:

— Они отдались во власть Тени. Истинные Душилы избегают кровопролития. Они открывают путь к истине,

не подвергая богиню соблазну. Можно проливать лишь кровь проклятых ею. И только их следует подвергать пытке.

Костоправ огляделся:

— Кто-нибудь понимает, о чем это он говорит?

Лебедь заметил:

— Ваша подружка водит дружбу со специфическим народцем.— Он произнес эти слова на северном диалекте.— Может, Корди сумеет объяснить. Он в этом больше смыслит.

Костоправ кивнул:

— Полагаю, мы должны положить этому конец. Мурген, ты будешь играть до конца? Отнеси Могабе послание.

— Не хочу показаться трусом, Капитан, но я отправлюсь туда, только если вы мне прикажете. Он хочет меня убить. И сумасшедший он или нет, но способен проделать это у вас на глазах.

— Тогда я пошлю другого.

— Я поеду,— вызвался Лебедь.

Мотер толкнул его:

— Это тебе не шуточки, Лозан.

— Почему? Мне нужно разобраться в себе, Корди. В походе на Тенекрута от меня было мало толку. Стоял как истукан. Я хочу знать, что я за тип. И Могаба — вполне подходит для этого. Он почти такой же зловещий, как и Хозяева Теней.

— Это дурость, Лозан.

— А я и есть дурак. Еду, Капитан. Когда отправляться?

Костоправ огляделся:

— Что-нибудь не так, Нож? Может, ты считаешь, что нам не следует ехать туда? Посмотреть, что там происходит. Не следует отправлять туда Лебедя?

— Нет. Не вижу оснований.

Глава 68

Жизнь полна неожиданностей. И я совсем не против маленьких сюрпризов. Они придают жизни остроту. Но большие сюрпризы мне не по душе.

В новой своей крепости я столкнулась с целым рядом неожиданностей. Первое, что они сделали, это арестовали

всю нашу троицу и бросили нас в подвал. Без всяких объяснений. Не говоря ни слова. Их, похоже, удивило, что я не стала биться в ярости.

Мы сидели в мрачном молчании и ждали. Я боялась, что Копченый в конце концов убедил Прабриндраха в своей правоте, настроив его против меня. Нарайян же считал, что я, вероятно, упустила нескольких жрецов и в случившемся виноваты были они.

Мы говорили мало, общаясь в основном с помощью жестов и мантр. Кто знает, а вдруг нас подслушивали. Через три часа после того, как нас кинули в подвал, дверь открылась и вошла Радиша Драх в сопровождении стражников. Их была целая толпа. Она пристально посмотрела на меня:

— Вы кто?

— Что за дурацкий вопрос? Госпожа. Капитан Черного Отряда. Кто ж еще?

— Если она сдвинется с места, убейте ее.— Радиша налетела на Рама: — Ты. Встань сейчас же.

Верный Рам будто не слышал. Он посмотрел на меня. Я кивнула ему. Он встал. Радиша схватила у стражника факел, протянула его Раму и поводила факелом вокруг него, принюхиваясь. Вдоволь нанюхавшись, она наконец произнесла с некоторым облегчением: — Садись. Ты и вправду тот, за кого себя выдаешь. А вот женщина. Кто она?

Для Рама это было чересчур загадочно. Ему нужно было обдумать это. Он снова посмотрел на меня. Я кивнула. А он ответил:

— Она ведь сказала вам.

Радиша посмотрела на меня:

— Чем вы докажете, что вы — Госпожа?

— А чем вы докажете, что вы — Радиша Драх?

— Мне это не нужно. Под меня никто не маскируется.

Я поняла, в чем дело.

— Ах, значит это она! Ей все нипочем. Так она явилась сюда и выдала себя за меня, да? И что она делала?

Радиша задумалась.

— На сей раз я вам верю.— Страже: — Вы свободны.— Когда стражники ушли, Радиша продолжила: — Не очень много. Главным образом играла моим братом. Она здесь оставалась недолго. Затем некто по имени Ревун захватил ее в плен и утащил. Полагая, что она — это вы, как считает Костоправ.

— Ха! Так ей, суке, и надо... Кто, вы сказали?

— Костоправ. Ваш Капитан. Она привела его с собой, и тот выглядел в точности вот как он.— И она указала на Рама.

Сердце мое замерло, отказываясь верить тому, что слышали уши. Очень тихо, чувствуя, что оно вот-вот разорвется, я спросила ее:

— А его Ревун тоже забрал? Где он?

— Он и мой брат отправились искать вас. Предварительно переодевшись. Он сказал, что как только она освободится от Ревуна и Длиннотени, пустится в погоню за ним.

Мое сознание отказывалось верить этому, я стала думать о воронах. Теперь я знала, почему за нами никто не следил до того момента, когда мы уже почти добрались до крепости. Она была в плену у врагов.

— Он отправился в Деджагор?

— Это я так думаю. С ним отправился и этот дурачок, мой братец.

— А я приехала сюда.

Я захохотала как сумасшедшая. Сердце немножко отпустило.

— Я была бы очень признательна, если бы все удалились. Мне нужно побыть одной.

Радиша кивнула:

— Понимаю. А вы, двое, пойдемте со мной.

Нарайян поднялся, но Рам даже не колыхнулся. Я спросила его:

— Ты подождешь меня снаружи, Рам? Недолго?

— Хорошо, Госпожа.— И он вышел вместе с другими. Держу пари, он отошел от двери не дальше чем на пару шагов.

Перед уходом Нарайян пустился объяснять Радише, что мне требуется врач.

Ярость и отчаяние улеглись. Я успокоилась и, кажется, поняла, в чем дело. Костоправ был сражен случайной стрелой. В суматохе его тело исчезло. Но теперь мне известно, что он в конце концов не умер. И мне кажется, я знаю, чья это была стрела. Моей драгоценной сестрицы. Просто чтобы свести со мной счеты из-за того, что я не дала ей стащить меня с трона, когда правила своей империей.

Мне-то ее методы знакомы. И у меня были свидетельства того, что она опять оказалась на свободе. Она и дальше будет держать нас врозь, чтобы шантажировать меня им.

Значит, она опять цела и невредима. И могла действовать, как ей заблагорассудится. Она уступала лишь мне, когда я была в расцвете сил.

Я была близка к отчаянию.

Без стука вошла Радиша. С ней была крошечная женщина в розовом сари. Радиша представила ее:

— Доктор Дарханандар. Она из семьи врачей. Она мой личный врач. Лучше ее никого нет. Даже ее коллеги-мужчины считают ее высочайшим авторитетом в медицине.

Я рассказала женщине о симптомах своей болезни. Она выслушала меня и кивнула. Когда я закончила, она сказала:

— Вам придется раздеться. Мне кажется, я знаю, в чем дело, но мне следует вас осмотреть.

Радиша подошла к двери подвала, закрыв полой одежды смотровое отверстие.

— Я повернусь спиной, если того требует ваша стеснительность.

— Какая еще стеснительность? — Я разделась.

На самом деле я смущалась. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел меня в таком безобразном виде.

Несколько минут врач осматривала меня.

— Так я и думала.

— Что у меня?

— А вы не знаете?

— Если б знала, приняла бы меры. Мне вовсе не хочется болеть.

Меня хоть не так мучили кошмары после посвящения. Я могла теперь спать.

— Вам придется какое-то время потерпеть это еще.— Глаза ее весело искрились. Черт возьми, милосердия в ней хоть отбавляй.— Это беременность.

Глава 69

Костоправ устроился так, чтобы из города его было хорошо видно. Рядом, со знаменем в руках, стоял Мурген. Лебедь отправился на лодке, всадники украли ее на берегу, чуть севернее холмов.

— Думаете, придет? — спросил Мурген.

— Может, не сам. Но кто-нибудь явится. Ему главное как-то убедиться.

Мурген указал на линию войск Страны Теней, вдоль берега.

— Знаете, что там такое?

— Могу лишь догадываться. И Могаба хочет быть Капитаном. Она расправилась с Тенекрутом, но решила скрыть это от Могабы. Пока он торчит в Деджагоре, он ей не помеха...

— Это верно.

— Глупо. Раньше такого не случалось, Мурген. Нигде в Анналах вы не найдете упоминания о сваре из-за звания Капитана. Капитанами в основном становились такие как я, драчливые крикуны.

— Но большинство из них и не представляли, что такое долг. А Могаба и Госпожа, оба свято его блюдут, как считают.

— И Госпожа?

— Она решила во что бы то ни стало отомстить Хозяевам Теней за вас.

— Это безумство. И это очень похоже на нее. Кажется, Лебедя заметили. У тебя зрение получше моего.

— К нему в лодку забирается кто-то в черном. Неужели Могаба уже распорядился?

— Он послал кого-то.

Пассажиром Лебедя был лейтенант Могабы, Зиндаб, прекрасный офицер, командующий целым легионом. Костоправ приветствовал его:

— Зиндаб.

Человек в черном отсалютовал Костоправу:

— Это и вправду вы?

— Совсем живой.

— Но ведь вы умерли.

— Это все вражеские сплетни. Долгая история. На нее у нас нет времени. Слышал, у вас дела обстоят из рук вон плохо.

Зандаб отвел Костоправа подальше и уселся на скалу.

— У меня серьезная дилемма.

Поморщившись, Костоправ уселся напротив него. После похода на юг лодыжка, не переставая, ныла.

— Так что у тебя?

— Честь обязывает меня оставаться верным Могабе как главному правителю Наров. Я должен повиноваться ему. Но он совсем спятил.

— Судя по всему. А что на этот раз?

— Он был идеальным воином даже тогда, когда не соглашался с моей линией.

— Тщеславие. Он движим тщеславием. Потому он и стал правителем. У Наров звание главного завоевывается в своеобразном атлетическом состязании. Тот, кто побеждает как наиболее сильный и выносливый, становится правителем.

— Он вступил в ваш отряд, рассчитывая на то, что вы окажетесь физически слабыми и скоро погибнете. Он не видел никаких препятствий занять ваш пост и геройски увековечить себя в хрониках Отряда. Как и раньше, он хороший воин. Но все, что делает, он делает ради себя самого, а не Отряда и тем более его миссии.

— В большинстве организаций существует механизм для улаживания подобных проблем.

— У Наров это соперничество. Бой, состязание. Что к данной ситуации не подходит. Он остается самым проворным, сильным и ловким по сравнению со всеми нами. И, да будет мне позволено это заметить, превосходным в тактике.

— А я и не претендую на звание гения. Мне пришлось стать Капитаном, потому что все были против меня. Я вов-

се к этому не стремился, но и уклонялся от этого не так, как другие. Однако отрекаться от своего поста я не стану только потому, что Могаба хочет стать великим.

— Совестно мне оборвать наш разговор. И все же я ощущаю себя предателем. Он послал меня, потому что мы с детства как братья. Я единственный, кому он все еще доверяет. Не хочу ему вредить. Но он столько сам набедокурил. Втоптал в грязь нашу честь и нашу клятву быть «стражами».

Слово «стражи» было нарским словом, не имевшим точного эквивалента. Оно означало защищать слабых и стойко противостоять злу.

— До меня дошли слухи, что он пытается организовать что-то вроде крестового похода.

Зиндаба смутил вопрос Капитана.

— Да. С самого начала некоторые из нас поклонялись Матери Тьмы. Я не знал, что Могаба является одним из ее приверженцев, хотя должен был догадываться. Среди его предков были жрецы.

— Что он собирается делать сейчас? Непохоже, что мое возвращение его обрадовало.

— Не знаю. Боюсь заявит, что вы — это не вы. Даже, например, что вы — подставная утка Хозяев Теней. Множество людей считает себя очевидцами вашей смерти. Среди них даже ваш знаменосец.

— Они видели, что я был сражен стрелой. Но если бы они порасспросили Мургена, он бы поведал им, что, когда оставил меня, я еще был жив.

Зиндаб кивнул:

— Это тоже ставит меня в двусмысленное положение.

Костоправ не стал спрашивать Зиндаба, что может случиться, если он убьет Могабу. Ясно, что Нары, и Зиндаб в том числе, объявят войну. В любом случае подобные вещи были не в духе Костоправа. Он никогда не убивал человека только потому, что тот его раздражал.

— Придется встретиться с ним в открытом бою. Ему придется либо принять вызов, либо уклониться. Интересно посмотреть, как отреагируют Нары, если он все-таки пойдет на это.

— Хотите его казнить?

— Убивать его не собираюсь, я уважаю его. Он настоящий воин. И может, им и останется. А может, и нет. Тогда ему придется оставить свои попытки состязаться со мной.

Зиндаб улыбнулся:

— Вы мудрый человек, Капитан. Я передам ваши слова всем остальным. И буду молиться, чтобы боги напомнили ему о нашей чести и клятвах.

— Замечательно. Торопитесь. Дело это неприятное, хотелось бы покончить с ним как можно скорее.

— А?

— Если я откладываю то, чем мне не хочется заниматься, дело так и остается несделанным. Пока идите. Следом я.

Глава 70

Длиннотень посоветовался с Тенями, которых он оставил в темнице вместе с пропавшей женщиной. Затем навестил прикованного к постели Ревуна.

— Ты идиот. Ты схватил не ту женщину.

Ревун не отреагировал.

— Это была Душелов. Она и только она. Только как это ей удалось?

Голосом, который был гораздо тише шепота, Ревун напомнил ему:

— Ты сам послал меня туда. Сам же утверждал, что Сенджак в Таглиосе.

— И к чему это привело? Ты не смог просечь обстановку, чтобы мы не попались в ловушку?

Он не спорил, да и не было смысла. Длиннотень никогда не ошибался. Если у него что-то не получалось, виноват всегда оказывался кто-то другой.

Длиннотень еле сдержал себя, чтобы не взорваться. Он нашел выплеск своим эмоциям в леденящем тоне:

— Ошиблись не ошиблись, виновны не виновны, факт тот, что мы нажили еще врага. Она не потерпит этого. Это раньше она только играла в игры с сестрой. Теперь же она играть не будет.

Ревун улыбнулся. Он и Душелов недолюбливали друг друга. Ревун встрепенулся:

— Она идет.

Длиннотень проворчал:

— Да. В том-то и дело. Она в моих владениях. И ходит именно по ним.— Он мерил комнату шагами.— Она ускользнет от глаз моих Теней. И при этом захочет, чтобы все остальные были у нее как на ладони. Значит, мне надо искать не ее, а ее шпионов. Вороны приведут меня к ней. А там уже мы с ней померяемся силой.

Ревун уловил вызывающие нотки в голосе Длиннотени. Похоже, он решился на рискованный шаг.

У самого Ревуна беды отбили все рвение к подобного рода вещам. Он всю жизнь мечтал о покое и безопасности. Потому-то и создал свою империю среди болот. С него было достаточно. В болотах не было ничего, на что могли бы позариться другие. Однако он поддался соблазну, когда к нему явились посыльные Длиннотени. И вот результат — он едва избежал смерти и жив только потому, что Длиннотень пока имел виды на него. Но Ревуну не хотелось опять нарываться на неприятности. С каким удовольствием он вернулся бы сейчас в свои болота, к мангровым деревьям. Но пока он будет обдумывать, как бы удрать, он вынужден выказывать интерес к планам Длиннотени.

— Ничего опасного,— прошептал он.

— Абсолютно ничего,— соврал Длиннотень.— Надо только узнать, где она, остальное — пустяки.

Глава 71

Добровольцев, желающих пересечь озеро с Костоправом, оказалось немного. Он отказал Ножу и Мотеру, взяв Лебедя и Зиндху.

— У вас у обоих уйма дел здесь.

Втроем они сели в лодку, причем Костоправ был на веслах. Остальные не умели грести. Зиндху сел на корме, Лебедь — у носа. Костоправу не нравилось, что широкий сидел у него за спиной. Ничего хорошего это не сулило.

Слишком уж мрачен был тот на вид и вел себя он не очень-то дружелюбно. Он выигрывал время, обдумывая какой-то ход. И Костоправ не хотел оказаться к нему спиной, когда тот решит перейти в наступление.

Примерно на половине пути Лебедь спросил:

— У вас это, с Госпожой, серьезно?

Он сказал это на языке Роз, языке своей юности. Костоправ тоже знал этот язык, хотя и не говорил на нем целую вечность.

— С моей стороны — да. За нее не берусь отвечать. А что?

— Да не хочу совать руку туда, где ее могут откусить.

— Я не кусаюсь. И не указываю ей, как поступать.

— Понятно. А как приятно было помечтать. Я так понимаю, она забудет о моем существовании, как только узнает, что все еще существуете вы.

Костоправ улыбнулся, польщенный.

— Вы можете рассказать мне что-нибудь об этом дереве-человеке за моей спиной? Мне не нравится его вид.

Остальную часть пути Лебедь рассказывал о Зиндху, изобретая всевозможные иносказания вместо тех, которых не было в языке Роз и которые могли быть знакомы Зиндху.

— Дело обстоит хуже, чем я думал,— заключил Костоправ. К этому моменту они добрались до городской стены, то есть до того места, где часть стены рухнула, образовав дыру, сквозь которую от озера ответвлялся узкий проток. Лебедь швырнул фалинь воину, который выглядел так, будто целую неделю ничего не ел. Затем вышел из лодки. Костоправ последовал за ним. Последним вылез Зиндху. Костоправ заметил, что Лебедь встал так, чтобы Зиндху был в поле зрения. Воин привязал лодку и жестом велел следовать за собой. Они подчинились.

Они прошли на оставшуюся целой западную часть стены. Костоправ уставился на город. Он совершенно изменился. Только тысячи утопленных островков. В центре большого острова располагалась цитадель, где они разделались с Меняющим Облик и Зовущей Бурю. На ближайших островках столпились зеваки. Он разглядел лица и помахал им.

Вначале раздался тихий возглас чудом уцелевшего воина, которого он привез с собой в Таглиос, волна приветствий не заставила себя ждать. Все громче и громче. Таглиосские воины скандировали:

— Освободитель!

Лебедь прокомментировал:

— По-моему, они рады вас видеть.

— Судя по обстановке, которая тут царит, они рады приветствовать всякого, кто вытащит их отсюда.

Улицы превратились в глубокие каналы. Спасшиеся приспособились плавать по ним на плотах. Костоправ полагал, что движение тут не особенно интенсивно. Каналы были забиты трупами. Над городом висел тяжелый запах смерти. Чума и безумие терзали город, трупы было некуда девать. Могаба и его Нары, выряженные как на парад, появились из-за городской стены.

— А вот и мы...— с иронией заметил Костоправ. Приветствия послышались снова. Один из плотов, почти полностью погруженный в воду из-за кучи его сотоварищей, с трудом пробирался к стене.

Могаба остановился в сорока футах. Он холодно смотрел на них. Глаза и лицо пылали.

— Помолись за меня, Лебедь.— Костоправ пошел навстречу человеку, который так жаждал стать его преемником. Интересно, не придется ли ему сразиться с Госпожой? Если он, конечно, уцелеет.

Могаба двинулся навстречу, шаг за шагом. Остановились в ярде друг от друга.

— Ты сотворил чудо из нуля,— сказал Костоправ. Он положил руку на плечо Могабы.

В городе вдруг настала тишина. Десятки тысяч глаз, горожане и воины, пристально следили за происходящим. Все понимали, как много зависит от реакции Могабы на жест Капитана.

Костоправ спокойно ждал. Самым разумным в такой момент было молчать. Что-либо объяснять или обсуждать — нет нужды. Все зависело от Могабы. Если он откликнется на приветствие Костоправа, все будет хорошо. Если нет... Они смотрели в глаза друг другу. Могаба весь кипел. И

хотя его лицо оставалось невозмутимым, Костоправ чувствовал, какая борьба происходит в душе Могабы. Борьба, в которой годы тренировки и единодушного волеизъявления его солдат противостояли личным амбициям. А крики толпы недвусмысленно говорили о том, как настроены люди.

Могабу терзали противоречивые чувства. Дважды его правая рука поднималась и падала. Дважды он открывал было рот, но самолюбие мешало ему произнести приветствие.

Костоправ долго, не отрываясь, смотрел на Могабу, потом перевел взгляд на Наров. Его глаза звали: помоги своему командиру.

Зиндаб понял, чего от него хочет Костоправ. Минуту он боролся с чувствами и все-таки пошел. Он миновал разделявшее их расстояние и встал рядом с ветеранами Отряда. За спиной Костоправа. Вслед за ним, один за другим, и другие нары.

Рука Могабы поднялась в третий раз. Люди затаили дыхание. Затем Могаба потупил взгляд:

— Я не могу, Капитан. Тень во мне. Я не могу. Убей меня.

— И я не могу. Я обещал твоим людям, что каким бы ни был твой выбор, я не причиню тебе вреда.

— Убейте меня, Капитан. Не то эта Тень обернется ненавистью.

— Не могу. Даже не потому что обещал.

— Мне вас никогда не понять.— Рука Могабы упала.— Вы настолько сильны, что, рискуя быть убитым, явились встретиться со мной лицом к лицу. Но вы не настолько сильны, чтобы уберечься от опасности, которая грозит вам из-за того, что сейчас вы меня отпустите.

— Я не могу погасить свет, который вижу. Он еще может стать светом величия.

— Это не свет, Капитан. А ветер, налетевший невесть откуда, ветер тьмы. Во имя спасения нас обоих, я надеюсь, что ошибаюсь, но боюсь, вам придется пожалеть о своем милосердии.

Могаба отступил. Рука Костоправа упала. В толпе пронесся грустный вздох, хотя все и понимали, что надежды

на примирение было мало. Могаба приветствовал всех, расправил плечи и удалился в сопровождении трех Наров, оставшихся с ним.

— Эй! — сорвал тишину крик Лебедя.— Эти сволочи забрали нашу лодку.

— Ну и пусть.— Костоправ повернулся к друзьям, которых не видел целую вечность.— Из Книги Клота: «В те Времена Отряд состоял на службе Синдархов из Дей Комены, и они родились...» — Старые ветераны заулыбались, шумно выразив свое одобрение. Костоправ улыбнулся тоже: — Эй! У нас уйма дел. Нам нужно эвакуировать город. Давайте-ка займемся этим.

Одним глазом он наблюдал за лодкой, пересекающей озеро, а другим — за Зиндху.

Все-таки здорово, что он вернулся.

Так возродился Деджагор, и воистину Отряд стал свободным.

Глава 72

Ревун восседал на высоком табурете, пока Длиннотень готовил. Он восхищался коллекцией мистических и чудотворных безделушек, собранных Длиннотенью всего за одно поколение. Подобные штучки были редкостью даже во времена Госпожи, а уж при ее муже их и вовсе не было. Никому не хотелось упускать такое чудо. У Ревуна, хотя он и был теперь свободным, их было мало. Но с другой стороны, не больно-то он в них нуждался.

Другое дело — Длиннотень. Ему хотелось иметь по крайней мере по экземпляру. Тот рвался стать властелином мира.

Многое в коллекции Длиннотени лежало без дела. И как подозревал Ревун, вряд ли когда-нибудь пригодится. Большая часть вещей была приобретена просто из жадности. Это в характере Длиннотени.

В комнате было очень светло. Во-первых, через прозрачные стены бил полуденный свет. Во-вторых, хозяин установил здесь с десяток излучателей. В каждом из них было разное масло. Длиннотень сделал все, чтобы ни один

предмет в комнате не отбрасывал тени. Он был напуган, хотя никогда бы в этом не признался. Отметил положение солнца.

— Приближается полдень. Пора начинать.

— Сейчас?

— В полдень они активны.

— Ну-ну.— Ревуну это ничуть не нравилось. Длиннотень собирался поймать одну из Теней, что покрупнее, и натравить на Душелова. Тупая идея, думал Ревун. Мало того, что это не надо, так еще и трудоемко. Они-то знают, где она. Куда лучше и проще бросить на нее войска. Но Длиннотень хотел зрелищ. А это слишком рискованно. Он мог выпустить на волю силу, которая окажется неуправляемой. Ревуну вовсе не хотелось участвовать в этом спектакле, но Длиннотень не оставлял выбора. Большой мастер ставить людей в безвыходное положение.

По старой дороге на равнину поднимались несколько сот человек. Они тянули за собой закрытый черный фургон. Такие обычно возят слоны. Животных понукали, но они артачились, боясь приблизиться к ловушкам Теней. Но люди Длиннотени трепетали перед хозяином еще больше. Это зло им было известно. Люди прислонили фургон к главной ловушке.

— А теперь начнем,— заявил Длиннотень и хихикнул.— Ночью, в ведьмин час, ваша подружка перестанет быть кому-то опасной.

Ревуну не верилось.

Глава 73

Душелов сидела посреди поля, прикинувшись пнем. Вокруг вились вороны. Их тени плясали на жнивье. Вдалеке маячили очертания города.

Появился Жабомордый:

— Они что-то затевают.

— Я поняла это, когда отключили ворон. Вот что, я хотела бы знать?

Ухмыльнувшись, бес описал то, что видел.

— Либо они не заметили твоего присутствия, либо рассчитывают на то, что ты меня дезинформируешь. — Она пошла в город. — Но если они хотели меня надуть, то могли бы пустить пыль в глаза и воронам, разве не так?

Бес промолчал. Риторический вопрос.

— А почему средь бела дня?

— Да потому что Длиннотень до смерти боится всего, что случается ночью.

— А, ну да. Но значит, все начнется с наступлением темноты. Они хотят запустить их на полную катушку.

Жабомордый пробурчал что-то про долгожданную свободу и как, мол, еще долго ждать.

Душелов расхохоталась, как маленькая плутовка.

— Сегодня вечером, думаю, ты со мной рассчитаешься. Если сделаешь из меня классную иллюзию.

— Что?

— Давай осмотрим для начала город. Как он называется?

— Дар. То есть Новый Дар. Старый Дар был уничтожен Хозяевами Теней за то, что оказал упорное сопротивление. Когда они только вторглись в страну.

— Интересно. И как тут относятся к Хозяевам Теней?

— Не жалуют.

— А ведь выросло новое поколение. Это может оказаться забавным.

Когда наступила темнота, огромная площадь в центре Нового Дара была непривычно пуста и тиха, если не считать каркающих и пикирующих ворон. Тот, кто осмеливался приблизиться к площади, чувствовал голод и страх. И откладывал свой визит на другое время.

На бордюре фонтана сидела женщина, болтая пальцами в воде. Вокруг стаями носились вороны, то подлетая, то удаляясь. В конце площади, в тени, наблюдала другая. Это была скрюченная, сморщенная старуха, притулившаяся к стене и кутавшаяся в лохмотья от вечерней прохлады. Обе, казалось, готовы были пребывать в этом положении вечно.

Они были терпеливы.

И терпение их было вознаграждено.

В полночь появилась Тень, огромная, страшная, подобие Джагернаута. Темная, жестокая сила чувствовалась на расстоянии многих миль. Даже те, кто не владел в Новом Даре способностью к восприятию, почувствовал ее.

Дети заплакали. Матери пытались их успокоить. Отцы запирали двери, спешили укрыть своих жен и детей.

Тень с ревом ворвалась в город и понеслась к площади. Вспорхнули и закаркали вороны. Со страшной, неумолимой силой Тень налетела на ту, что сидела у фонтана.

Женщина засмеялась. И исчезла.

Вороны насмешливо галдели.

Тень выросла в размерах и снова ударила. Но женщины на месте не было. Только хохот за спиной у Тени.

Жабомордый, притворяясь Душеловом, целый час водил Тень по городу, по местам, где она могла убивать и уничтожать. Там, где и давно, и бережно вынашивалось зло, ее узнавали и она сеяла вражду. Тень была неутомима и упорна, но неразумна. Она беспорядочно носилась, безразличная к тому, как принимают ее жители, ожидая лишь, когда очередная жертва совершит ошибку.

Старуха на площади медленно поднялась и заковыляла ко дворцу местного управляющего, подчиненного Длинно-тени. Вошла, пройдя мимо стражи и дозорных, очевидно не заметивших ее. Она проковыляла в кладовую, в которой управляющий хранил сокровища, награбленные им у своих подданных, и открыла массивную дверь, секрет которой, считалось, был известен лишь управляющему. Оказавшись внутри кладовой, она из старухи превратилась в Душелова. Ей было очень весело.

Пока Жабомордый водил Тень, Душелов успела ее рассмотреть. Тени приходилось преодолевать сразу расстояние между двумя точками. Жабомордый обходился без этого. Если он был внимателен, он мог все время оставаться впереди.

Душелов поняла, как можно ее упрятать.

Она потратила час на приготовление хранилища Тени, затем еще час на серию небольших заклинаний, которые бы отвлекли Тень. К тому времени когда ее найдут, она бы вообще забыла, зачем явилась в Новый Дар.

Душелов вышла и прикрыла дверь, оставив тонкую щель. Затем изменила облик, прикинувшись одним из стражников дворца. Мысленно связалась с Жабомордым.

Подскочил бес. Он был вне себя от счастья, что ему удалось заманить охотницу в ловушку. Душелов захлопнула за Тенью дверь и наглухо запечатала. Рядом очутился Жабомордый. Ухмыляясь, он сказал:

— Это было почти забавно. Если б не мои дела, я б носился так еще с сотню лет. С тобой никогда не соскучишься.

— Это что, намек?

— Клянусь мамой, это так. Мне будет недоставать вас всех: и тебя, и Капитана, и всех ваших друзей. Может, я еще навещу вас. Но у меня дела в других местах.

Душелов захихикала, как маленькая проказница:

— Ну хорошо. Побудь со мной, пока не выберусь из города. Потом можешь быть свободным. Вау! Клянусь, ну и шумиха будет. Хотела бы я видеть морду Длиннотени, когда он узнает.— И снова расхохоталась: — Он вовсе не так умен, как ему кажется. У тебя есть друзья, которые согласились бы поработать на меня?

— Может, найдется парочка любителей приключений. Поспрошаю.

И они пошли, смеясь, как напроказившие дети.

Глава 74

— Беременна.

И нет сомнений. Стоило произнести это слово, все встало на свои места. Все стало понятно. И непонятно.

Всего один раз. Одна-единственная ночь. Мне и в голову не приходило, что со мной такое может произойти. Однако же, вот она я, тыква на спичках, сижу в своей крепости к югу от Таглиоса и пишу Анналы, глядя на дожди, которые льют вот уже пятый месяц подряд, и мечтая о том времени, когда можно будет спать на животе или на боку или ходить, не переваливаясь с ноги на ногу, как утка.

Радиша окружила меня целой стаей женщин, которые веселятся надо мной. Когда прихожу с занятий, на которых обучаю их мужчин военному делу, они тычут в мой живот и говорят мне, что по этой самой причине женщины никогда не выбиваются в генералы и так далее. Трудно носиться без задних ног, когда из-за живота их не видишь.

Кто бы там ни сидел, существо это, похоже, отличается активностью. Судя по тому, как он кувыркается, готовится стать бегуном на большую дистанцию или борцом-профессионалом.

Кажется, я неплохо все схронометрировала. Почти все, что хотела, я записала. И если верить женщинам, что бояться мне нечего и я спокойно справлюсь, у меня останется еще пять-шесть недель на то, чтобы прийти в норму до того, как спадет вода и наступит пора нового похода.

Из Деджагора от Костоправа регулярно поступают известия — их перебрасывают через реку с помощью катапульты. Там все спокойно. Он хотел бы быть со мной. И я бы от этого не отказалась. Не говоря о том, что было бы легче переносить все это. Я знаю, что в тот день, когда вода в Майне упадет настолько, что можно будет как-то переправиться, я рвану на северный берег, а он — на южный.

Сейчас я настроена оптимистично. Будто моей сестрицы, вечно все рушащей, вообще не существует. Она знает обо мне. Ее вороны наблюдают. Пусть себе торчат. Может, она наконец успокоится.

А вот и Рам. Он умылся. Клянусь, чем ближе день родов, тем более странно он себя ведет. Будто я его дитя ношу.

Он до смерти боится, что со мной может случиться то же, что случилось с его женой и ребенком. Так мне кажется. Он стал таким отрешенным, я бы сказала, тронутым. Боится чего-то все время. Бросается на любой звук. И, входя в комнату, обшаривает все углы и темные места.

Глава 75

У Рама были серьезные основания для опасений. Ему стало известно нечто, что лучше бы он этого не знал. Он узнал чужую тайну.

Рам мертв.

Он умер, сражаясь со своими братьями-Душилами, когда те явились похитить мою дочь.

Нарайяну конец. Он все еще бродит где-то, может, даже ухмыляется по-прежнему, но ухмыляться ему осталось недолго. Его поймают если не мои воины, которые разыскивают людей с несмываемыми пятнами крови на ладонях, то поймаю я. Он даже не подозревает, насколько мне удалось вернуть силы. Я отыщу его и сделаю из него святого Душилу гораздо раньше, чем он предполагает.

Мне следовало быть более осмотрительной. Ведь я подозревала, что у него свои планы. Всю жизнь меня окружают одни предатели. Но разве мне могло прийти в голову, что он и его Душилы с самого начала были заинтересованы не во мне, а в ребенке, растущем в моем чреве. Нарайян оказался непревзойденным актером.

Сволочь ухмыляющаяся. Вот уж Обманник так Обманник.

Я не успела даже подобрать ей имя, как они забрали свою Дщерь Ночи.

Мне бы следовало догадаться обо всем, когда меня ни с того ни с сего перестали мучить кошмары. То есть когда был совершен обряд посвящения. Ведь посвящали не меня. Я-то не изменилась. Меня так легко не пометишь.

Рам имел лишь желтый румель, он узнал, что они явятся за ней. Он убил четырех, если верить женщинам, а потом был сам убит Нарайяном. Он и его банда с боем покинули крепость. А я все это время валялась без сознания.

Но он за это заплатит. Я вырву сердце из его груди и заткну им пасть его богине. Они даже не подозревают, с чем им придется иметь дело. Моя сила вернулась ко мне. Они заплатят мне. Длиннотень, моя сестрица, Обманники и сама Кина, если только она посмеет встать на моем пути.

Будет им Год Черепов.
Я закрываю Книгу Госпожи.

Заключение

Там. Внизу

Ветер беспрестанно гуляет по равнине камней. Он шепчет в бледных серых булыжниках, простирающихся от горизонта к горизонту. Поет среди разбросанных глыб. Он играет листьями и пылью, залетевшими сюда издалека, и шевелит длинные черные волосы на трупе, который лежит тут уже много десятилетий, иссушенный ветром.

Играючи, ветер кидает в разинутый в молчаливом крике рот мертвеца лист, затем выхватывает его оттуда.

Глыбы можно принять за развалины древнего города. Но на самом деле это не так. Слишком уж бессистемно и редко они расположены. И ни одна из них не опрокинута и не разломана, хотя в некоторых из них вековые ветра и выдули глубокие трещины.

А какие-то производят впечатление совсем недавних, от силы — вековых. Когда встает и заходит солнце, его лучи отражаются в них, отчего глыбы сверкают, словно золотые. Несколько недолгих минут на их поверхности горят призрачные лики.

Для тех, кого помнят,— это своего рода бессмертие.

Ночью ветры утихают и в долине сверкающих камней воцаряется тишина.

Серебряный клин

I

Этот дневник — идея Ворона, но чувствую, он вряд ли бы ею так уж гордился, доведись ему прочитать, потому что в основном я намерен говорить правду. Хотя он и лучший мой друг.

Если уж Ворону что втемяшивалось в башку, то он своего всегда добивался. Готов был переться хоть на край света, пока не сотрет ноги до самой задницы. А потом еще пару-тройку миль на честном слове. Полупомешанный, это точно. Псих. Не то убийца, не то самоубийца. Но парень что надо. Решил Ворон с тобой закорешить — и он твой друг до гробовой доски. И всегда до зубов вооружен.

Зовут меня Кейс. Филодендрон Кейс. Спасибо матери. Об этом даже Ворон не знает, и именно поэтому я и в армию подался. Чтобы быть подальше от всех этих жуков навозных, клеящих подобные имена собственным детям. У меня было четыре брата и семь сестер, когда я последний раз пересчитывал их по головам. Каждого назвали в честь какого-нибудь чертова цветка.

Если девочку зовут Ирис или Роза, ладно уж. Но вот одного моего братца назвали Фиалкой, а другого Петуньей. Что же это за люди, способные сотворить такое с собственными детьми? Чем, к черту, имя Палач или Костыль, к примеру, хуже?

Жуки навозные.

11 Зак. 2252

Всю жизнь в земле роются, с восхода до заката. Картошку копают. Кабачки растят. Лук, огурцы; салат-шпинат, морковку долбаную. Турнепс. До сих пор на дух не переношу турнепс. Даже свинье такого не пожелаю. Вот и связался с армией, как только смог улизнуть.

Они пытались остановить меня. Отец, дядьки, братья, родные и двоюродные. Да только ничего у них не вышло. До сих пор поражаюсь, как один старый сержант, постаравшийся выглядеть очень плохим, умудрился опрокинуть весь мой клан.

Потому и хочу стать таким же. Ну эдаким, который может только встать и так глянуть, что у людей ноги сразу трястись начинают. Только, думаю, с этим надо родиться.

У Ворона это есть. Один взгляд на того, кто надумал его обдурить,— и у чудака морда белей бумаги.

Ну вот, подался я в армию, там меня сперва поднатаскали, а дальше потянул я солдатскую лямку. Служил вместе с Пером и Странником, служил с Шепот. В основном, здесь, на севере. Что я нашел в армии — сам не знаю. Что служить, что картошку копать — почти без разницы. Но службу я знал, хотя стоило произвести меня в сержанты, как я тут же выкидывал какой-нибудь фортель и снова попадал в рядовые. Под конец я получил назначение в гвардию, в Курганье. Считалось, что это почетно, но я так не считал.

Вот там-то мы с Вороном и повстречались. Только тогда он звался Граем. Шпионил в пользу Белой Розы. А я этого не знал. И никто не знал, не то он давно бы уже червей кормил. Эдакий тихий, безобидный калека. Сам про себя он болтал, что служил с Хромым, пока ему в бою не изувечили ногу. Ютился Грай в заброшенной халупе, где устроился кое-как; на жизнь зарабатывал, выполняя за парней грязную работу. Платили гвардейцам неплохо, а девать деньги, кроме как на пьянки, им было некуда: на сто миль вокруг Курганья стеной стоял Большой лес. Поэтому дел у Грая хватало. Тут — обувку почистить или полы надраить, там — лошадей выскрести.

Частенько он прибирался в полковой канцелярии и играл там с полковником в шахматы. Там-то мы впервые и столкнулись нос к носу.

И все же с ним что-то было не так с самого начала. Безотносительно к Белой Розе было очевидно, что он не беглый фермерский сын вроде меня. И не какой-нибудь там парень из городских трущоб, подмахнувший контракт потому, что больше никак не умел распорядиться своей никчемной жизнью. Нет, в нем чувствовался настоящий класс. И он мог его показать, когда хотел. Он был образован, знал не то пять, не то шесть языков, умел читать. А как-то раз я своими ушами слышал, как Грай толковал с одним стариком о таких вещах, в которых я смыслил не больше, чем деревенский петух в грамматике.

Тогда мне пришла идея: надо с ним покрепче сблизиться, а потом пусть он учит меня читать и писать.

Это старая известная истина. Эй, парень! Вступай в армию, бросай ферму, получай приключения, и жизнь будет великолепна. А научившись читать и писать, я могу уйти из армии со всеми ее приключениями, и все будет отлично.

Уверен.

Не знаю как остальные, но я не стал бы расспрашивать о подобных вещах. Но я твердо усвоил: от жизни получаешь не совсем то, чего ждешь, ну а то, что получаешь, мало удовлетворяет. Я, например, парень с запросами, а сейчас вынужден делить комнатуху на верхнем этаже с пьяницей, у которого большой талант вывернуть из себя все то, что он пропустил за воротник, примерно около ведра самого дешевого вина, какое сумел добыть.

Ну в общем, уломал я Ворона начать меня учить, и он стал в конечном счете моим приятелем, хотя и был колдуном. Это чуть не вышло мне боком, когда разразилась та мерзкая буря и он вернулся, чтобы быть лазутчиком. К моему счастью, моим и его боссам пришлось объединиться, чтобы напасть на монстра в тех краях, за охрану которых нам, гвардейцам, так хорошо платили.

Только тогда до меня дошло, что на самом деле он — Ворон. Тот самый парень из Черного Отряда, что сумел вырвать из лап Хромого Белую Розу, когда та была совсем еще малышкой. А потом воспитывал ее, пока она не смогла взять свою судьбу в свои руки.

До того я числил его покойником. Как и все остальные, враги и друзья. Так считала и Белая Роза, любившая его совсем не как брата или отца.

Ворон тоже любил ее. По-своему, но любил. Но чтобы доказать свою любовь, не нашел ничего лучше, чем назваться Граем и стать шпионом. Он надеялся найти для Белой Розы то чудо-оружие, которое могло пригодиться ей в последней схватке с Госпожой. С моим главным патроном.

А что вышло? Судьба смешала все карты, и что нам выпало при новой сдаче? Самое черное зло нашего мира, Властелин, древнее чудовище, погребенное в Кургане, вдруг пробудился и попытался вырваться на волю. Чтобы одолеть его, пришлось позабыть о старых сварах и навалиться на него всем вместе. Потому-то в Кургане явилась Госпожа со своими вдвойне уродливыми героями. Примчалась и Белая Роза с Черным Отрядом. И пошли лихие дела.

А этот чертов олух, Ворон, оказавшись в самом центре заварухи, вел себя как лунатик. Надеялся перечеркнуть прошлое и, как ни в чем не бывало, вернуться к Душечке. Будто не сам смылся от нее, заставив думать о себе как о покойнике долгие годы.

Чертов олух. Да я куда больше смыслю в колдовстве, чем он в женщинах.

Значит, дали они древнему злу восстать из-под земли, да и навалились на него всем гуртом. Но так велико и черно оно было, что уничтожить его дух оказалось невозможным. Потому они убили его плоть, сожгли ее и пепел развеяли по ветру. А дух заточили в Серебряный Клин, который глубоко загнали в ствол того молодого растения, что было сыном чего-то вроде бога и всегда живо. Оно должно было расти, все глубже засасывая Клин в свою сердцевину, чтобы отныне и во веки веков древнее зло не несло никому бед и несчастий. А потом они разошлись, каждый в свою сторону. Ушла из Курганья и Душечка с одним парнем по имени Молчун.

Когда она уходила, в глазах у нее стояли слезы. Любовь к Ворону еще жила в ее душе. Но она не проявила своих чувств сама и не дала этого сделать Ворону.

А он стоял и тупо смотрел, как она уходит, кретин. Никак не мог взять в толк, за что она его так.

Чертов олух.

II

Странно, что такая простая мысль сразу не пришла никому в голову. Наверно потому, что людей больше волновало то, что может случиться между Госпожой и Белой Розой, и то, что это имело значение для Империи и Мятежа. Какое-то время казалось, что полмира погрязло в грабежах и насилии. Каждый, кто был способен стать налетчиком, рыскал в поисках добычи, стремясь не упустить свой шанс. Даже с риском для собственной шкуры. Из пойманных бандитов выходили неплохие евнухи.

Наконец второразрядные авантюристы с северной окраины Весла предприняли попытку завладеть Серебряным Клином.

В тот день, когда Талли Стах принялся ломиться в двери своего двоюродного брата Смеда, новости из Курганья еще не успели выйти из стадии кухонных сплетен.

Всю обстановку комнаты, где обитал Смед, составляли около полудюжины краденых шерстяных одеял, штук шестьдесят глиняных кувшинов из-под вина, а также кучи мусора да полчища тараканов. Хотя и в «Короне», и в «Шипе» за кувшины требовали задаток, Смед никогда не носил их на обмен. Мой запас на черный день, говорил он про них. Когда настанут тяжелые времена, восемь пустых кувшинов всегда можно будет сменять на один полный.

Талли не раз утверждал, что все это — бестолковая затея. И верно, стоило Смеду хорошенько надраться, как он начинал буянить, круша все вокруг. Доставалось и кувшинам. Запасы на черный день стремительно таяли.

После очередного загула осколки и обломки никто не убирал. Их просто отгребали к одной из стен, где образовались пыльные залежи, напоминавшие безжизненную каменистую пустыню.

Когда Талли принялся колотить в дверь, Смед решил, что тот очередной раз при деньгах и жаждет этим

пофорсить. Талли флиртовал с двумя замужними дамочками, которые одаривали его за те мелкие услуги, которые он оказывал, когда их старики находились в отъезде. А жил он с одной вдовой, хотя собирался порвать с ней, как только найдет другую, которая согласится пустить его на порог. Талли полагал, что неплохо устроился в жизни и что эта подобная удачливость дает ему право кормить других бесплатными советами.

Дверь трещала от ударов, но Смед не отзывался. Он давал «уроки музыки» двум девочкам с верхнего этажа, одиннадцати и двенадцати лет. Их звали Шиина и Марти. В чем мать родила, они занимались постельной гимнастикой на ветхих одеялах. Музыкальный инструмент на троих имелся только один: кожаный рожок голого Смеда.

Смед велел девочкам прекратить возню и хихиканье. Мало ли кто там еще за дверью. Далеко не каждый смог бы по достоинству оценить тот способ, каким он готовил этих малышек к дальнейшей жизни.

Тук! Тук! Тук!

— А ну открывай, Смед! Это я, Талли!

— Я занят.

— Открывай! Дело есть. Поговорить надо.

Вздохнув, Смед кое-как выбрался из путаницы худеньких детских рук и ног, неохотно поплелся к дверям.

— Мой двоюродный братец,— бросил он через плечо.— Нормальный мужик.

Совершенно пьяные девчушки никак не отреагировали. Им было наплевать. Они даже не попытались прикрыться. Когда Смед впустил Талли в комнату, они продолжали сидеть на одеялах, глупо ухмыляясь.

— Мои подружки,— пояснил Смед брату.— Не хочешь попользоваться? Они не против.

— Как-нибудь в другой раз. Выставь их за дверь.

Смед внимательно посмотрел на двоюродного брата.

— Что-то ты сегодня больно деловой,— пробормотал он.

— Ладно. Брысь отсюда, милашки. Только сначала нацепите тряпки. Папа должен потолковать о делах.

Талли и Смед молча смотрели, как девчушки влезают в свои лохмотья. Самому Смеду и в голову не пришло одеться. На прощание Шиина игриво шлепнула старого развратника по голому заду:

— Увидимся позже!

Дверь захлопнулась.

— Приключений на задницу ищешь.— заметил Талли.

— Не больше, чем ты. Тебе бы с их мамашей познакомиться.

— А что, у нее деньжата водятся?

— Нет, но она тоже не прочь поиграть разок-другой. Хлебом не корми. Как начнет, так не оторвать.

— Ты приберешься когда-нибудь в своем свинарнике?

— Ага. Как только горничная вернется из отпуска. Так что же столь важное разрушило мою вечеринку?

— Слыхал о случившемся в Кургане?

— Слыхал какие-то сказки, да не прислушивался. Какое мне дело? Что так, что эдак — без разницы.

— Разница есть. Про Серебряный Клин слышал?

Смед подумал немного.

— Да. Они вколотили его в дерево. Я было решил, что такая штука может пригодиться в хозяйстве. Но потом прикинул, что там не так уж много серебра, чтобы стоило из-за него дергаться.

— Дело не в самом серебре, братец, а в том, что внутри.

Смед что-то поворочал в мозгах, но так и не понял, к чему клонит Талли. Большой остротой ума Смед Стах не отличался.

— Растолкуй-ка поподробней. Чтобы до меня дошло,— попросил он наконец.

— В этот здоровенный гвоздь поймана душа Властелина. Это означает один дурной кусок железа. Ты можешь получить изрядную мзду от профессионального мага. Бьюсь об заклад, он истолчет это в своего рода вечный талисман. Знаешь, как в сказках.

— Но мы-то не маги,— нахмурился Смед.

— Мы будем посредниками,— нетерпеливо сказал Талли.— Мы пойдем туда, расковыряем эту хреновину из

дерева и запрячем ее получше, пока повсюду не пойдут слухи о пропаже. А потом сами пустим слушок, что она продается. И толкнем ее тому, кто больше заплатит.

Смед нахмурился еще больше, выжимая из своих мозгов все, на что они были способны. До гениальности ему было далеко, но мелочного хитроумия хватало ровно на умение выживать при любых обстоятельствах.

— Звучит как чертовски опасное для меня дело. При всех обстоятельствах нам нужна помощь, чтобы выстоять в этой передряге.

— Верно. Если бы это было так просто добраться до места и высвободить эту чертову штуковину, но двоим явно не по зубам. Большой лес особенно суровое местечко для ребят, которые ничего в лесу не понимают. По мне, так нужны еще двое, один из которых должен в этом хорошо разбираться.

— Выходит, пирог придется делить на четверых, Талли. И сколько обломится каждому?

— Почем я знаю? Но если выждать, пока как следует не вздуют цену, хватит на всю жизнь. Потом, я и в голове не держал делить куш на четверых. Только на две части, Смед. Тебе и мне. Семейное дело.

Они переглянулись.

— Значит, у тебя уже есть задумка,— сказал Смед.— Выкладывай.

— Знаешь Тимми Локана? Который служил в армии. Правда, недолго.

— Ага. Ровно столько, чтобы хватило времени прикинуть, как слинять оттуда за ближайший бугор. Знаю. Этот подойдет.

— Он служил достаточно. Тамошние порядки знает, а в Курганье мы запросто можем нарваться на солдат. Будешь лить слезы, если его однажды найдут на задворках с проломленной головой?

— Нет,— с легкой душой ответил Смед.

О чем речь. Пускай себе находят с продырявленным черепом кого угодно. Лишь бы не Смеда Стаха.

— А как насчет Старого Рыбака? Он частенько ставит капканы в Большом лесу.

— Этому хватит пары добрых стрел. После того, как провернем дело.

— Все, что нам надо — это доброкачественные крючки. Эти ребята не из тех, кто мог бы попытаться захапать нашу долю. Ну, что скажешь? Согласен пойти на дело?

— Что нам светит? Повтори-ка еще разок.

— Будем жить как короли. Ну, идем говорить с парнями?

— Почему бы нет,— пожал плечами Смед.— Что я теряю? — Он задумчиво посмотрел на потолок.

— Ровным счетом ничего,— согласился Талли.— Оделся бы ты, что ли.

— Говорить будешь ты,— сказал Смед, спускаясь по лестнице.— У тебя лучше выходит.

— Годится.

Уже на улице Смед вдруг спросил:

— Ты в своей жизни хоть кого-нибудь шлепнул?

— Нет. Нужды не было. Но не вижу проблем.

— А мне раз пришлось. Перерезал парню глотку. Не так легко, как ты думаешь. Кровищи было... И чертовски много шуму. И прорва времени уходит, пока такой не сдохнет окончательно. Потом они пытаются тащиться за тобой. До сих пор по ночам кошмары вижу. Как тот малый пытается меня с собой прихватить.

Талли искоса посмотрел на двоюродного брата и скорчил презрительную гримасу:

— Ну так проверни это как-нибудь иначе в следующий раз.

III

Каждую ночь, если только луна давала достаточно света, странная хромая тварь, двигавшаяся бесшумно, словно неясная ночная тень, выскальзывала из чащи Большого леса и прокрадывалась в то охваченное запустением гибельное место, что называется Курганье. В этой обители смерти даже воздух был насквозь пропитан тленом, одуряющим зловонием гниющей плоти. Здесь, в неглубоких, выкопанных наспех общих могилах разлагалось великое множество тел.

Ковыляя на трех конечностях, тварь осторожно огибала неподдающуюся разложению громадную тушу дракона, пробиралась в яму, которую копала ночь за ночью, устраивалась там, подобрав под себя задние ноги, а потом принималась терпеливо и упорно копать единственной передней лапой. Роясь в земле, она часто поднимала морду, настороженно поглядывая в сторону лежавшего в руинах городка и находившегося в нескольких сотнях ярдов к западу военного поселка.

Там размещался большой гарнизон, прикрывавший Курганье от вторжения преступных банд и следивший, не появятся ли хоть малейшие признаки пробуждения спавшей здесь под землей древней злой тьмы. Долго это тянуться не могло. Грянула битва, в которой нашел свою погибель дракон и в которой потеряла переднюю лапу бестия, роющая по ночам яму. После сражения город и поселок оказались разрушены и опустошены, а нужда в дальнейшей охране Курганья отпала.

Но властям даже в голову не пришло перевести на новое место службы оставшихся в живых гвардейцев. Те из них, кто не знал, куда податься и что делать дальше, так и застряли в здешних гиблых местах.

Для хромой бестии они были самыми заклятыми врагами.

Будь она так же здорова и крепка, как до битвы, эти люди ничуть бы ее не заботили. Тогда она справилась бы с ними играючи, ведь прежде она одна стоила целой роты солдат. Теперь же, когда тварь едва ковыляла на трех лапах, ее смог бы догнать любой. Поэтому, попадись она им на глаза, ей пришлось бы выдержать отчаянную схватку, прежде чем пуститься в погоню за вестником, которого гвардейцы наверняка пошлют своим хозяевам, стоит им обнаружить ее присутствие.

А справиться с их хозяевами, могущественными, жестокими и беспощадными, она не имела ни малейшего шанса даже в лучшие свои времена.

Ее же собственный господин больше не мог служить ей защитой. Его тело, искромсанное на куски, сгорело в огне, а душа его оказалась заточенной в тот Серебряный Клин, которым победители пробили его череп.

Организм бестии, внешне напоминавшей собаку, имел белковую основу, а размеры она могла менять по собственному желанию. Иногда тварь была величиной с большого пса. Иногда — со слона. Но увереннее всего она чувствовала себя, когда ее рост вдвое превышал размеры боевого коня. В великом сражении она успела разделаться с бесчисленным множеством врагов своего господина, прежде чем могущественные колдуны сумели изгнать ее с поля боя.

Снова и снова, крадучись, появлялась бестия у своей ямы. Появлялась, несмотря на испытываемое ею отчаяние, несмотря на адскую боль от ран, еженощно рискуя быть обнаруженной. Порой земляные стены осыпались, а после дождей яма едва не до краев заполнялась водой.

Но главной помехой была неусыпная бдительность единственного по-настоящему надежного стража, оставленного победителями.

Среди костей, прорастая корнями сквозь прах и тлен, стояло молодое дерево. Почти бессмертное дитя Бога, оно безмерно превосходило своей мощью те силы, что еще оставались у хромого ночного пришельца. Всякую ночь, когда являлась тварь, дерево осознавало ее присутствие и пробуждалось. Каждый раз его реакция бывала одинаковой, яростной и неистовой.

Среди его ветвей возникали сияющие голубоватые нимбы, мечущие в бестию бледные, почти бесшумные молнии. Жаркое, но тихое шипение вместо треска и громовых раскатов. Эти молнии хлестали тварь наотмашь, как хлещут ремнем провинившегося ребенка взбеленившиеся родители. Не нанося увечий и все же причиняя нестерпимую боль.

Всякий раз тварь, не выдержав, спасалась бегством. Но лишь для того, чтобы дождаться следующей ночи, вновь проскользнуть в яму, воспользовавшись тем, что дитя Бога пробуждается с небольшим запозданием.

Чудовищная работа двигалась медленно.

IV

Душечка даже не оглянулась на Ворона. Она уехала с Молчуном и кучкой отчаянных парней. Тех немногих, кто уцелел из Черного Отряда, отряда наемников, которому теперь пришел конец. Когда-то они служили Госпоже, но что-то вышло для них не так. Взбунтовавшись, они переметнулись на сторону Мятежа. Долгое время чуть ли не вся армия бунтовщиков из них одних и состояла.

Ворон стоял и пялился им вслед. Стоял и пялился. Я знал, он готов разреветься, как малое дитя. Не столько оттого, что его бросили, сколько потому, что он не мог понять причину. Но он сдержался.

Во многом он был самым жестким, самым крутым мерзавцем из всех, кого я встречал. Он был смертельно опасен. Я едва не наложил в штаны в тот день, когда узнал, что мой приятель не Грай, а Ворон.

Давным-давно жил-был Ворон. Шатался повсюду с Черным Отрядом и даже среди своих слыл головорезом из головорезов. Прослужил в Отряде всего около года, но успел заработать громкую, по большей части дурную, славу. Потом дезертировал. Хороша сказочка?

Уж такой парень.

— Дадим им фору,— сказал он.— Чтобы выглядело, будто мы не хотим повиснуть у них на хвосте. А через пару часов тоже уберемся отсюда.

— Мы?

— А ты и дальше намерен здесь околачиваться?

— Это дезертирство.

— Никто не знает, живой ты или нет. Нас еще не успели пересчитать по головам.— Он пожал плечами.— Решай сам. Идти или оставаться.

Он хотел, чтобы я шел с ним. После всего этого у него никого не осталось, кроме меня. Но просить он не собирался.

Это не для Ворона.

Мне было больше нечего делать в Курганье. Возвращаться к родне, чтобы опять всей оравой копать картош-

ку? Черта с два! Так что у меня тоже никого не было на всем белом свете.

— Ладно. Я с тобой.

Мы двинулись в сторону разрушенного городка. Я плелся сзади. Сперва молчали, потом он вдруг сказал недоуменно:

— У меня не было близких друзей в Отряде. Но с Костоправом я всегда ладил.— Он был несколько сконфужен.

Сейчас Костоправ командовал наемниками, хотя, когда они с Вороном служили вместе, оба были рядовыми. Воды с тех пор утекло немало и в Отряде сменилось несколько капитанов. А недоумевал Ворон оттого, что схлестнулся со старым другом сразу после того, как разделались с Властелином.

Не иначе как желая угодить Душечке, Ворон надумал перелистнуть старую страницу. Завязать с прошлым, отделавшись от Госпожи, подрастерявшей во время битвы былое могущество.

— Нет,— сказал Костоправ.— Ты не отступал и никогда не отступишь от своего.

И воткнул стрелу в бедро Ворона для подтверждения серьезности своих намерений.

— А тебе только тот друг, кто на все глаза закроет? — спросил я.— Кто позволит тебе творить все, чего твоя левая нога пожелает?

Он озадаченно взглянул на меня.

— Потом, может, он куда больше ее друг, чем твой,— продолжал я.— Ходили слухи, что они почти неразлучны. «Вдвоем на конях, в сторону заката...» И всякое такое. Ты же знаешь, как эти парни смотрят на воинское братство. Всегда плечом к плечу, что бы ни случилось; Черный Отряд — их семья; все вместе против целого мира. Сам мне об этом рассказывал.

Я мог бы добавить. Разжевать и в рот положить. Как в Отряде относятся к предателям, к примеру. Только до него все равно бы не дошло.

В бою Ворон не отступал ни перед кем и ни перед чем. Таких двужильных я не встречал. Эмоции, всякие там взрывы чувств — другое дело. Тут он пасовал. Чуть что не так,

тут же был готов смотать удочки. Так он дезертировал из Отряда, так сбежал от Душечки. Но они и без него могли за себя постоять.

Сдается мне, что самую поганую штуку Ворон выкинул, бросив собственных детей. Нечистая совесть до сих пор не давала ему спать спокойно.

Он бросил их давно, когда завербовался в Черный Отряд. Наверно, на то были веские причины. Может, он смог найти себе оправдание. Только из песни слова не выкинешь: он таки оставил своих детей. Совсем малышами, когда они еще не могли сами о себе позаботиться. Ворон вообще никому не говорил, что у него есть дети, одному мне сказал. Да и то мельком, обмолвился по случаю, когда еще был Граем и только начал свои попытки найти их. Сейчас они были уже почти взрослыми. Если выжили.

Он так ни черта и не выяснил.

По моему разумению, теперь он собирался взяться за их поиски всерьез. А что ему еще оставалось? Он продирался сквозь лесную чащобу, всем своим видом подтверждая мои догадки. Мы шли на юг.

Мы добрались аж до Весла. Там Ворон ударился во все тяжкие и запил. Взапой. Поначалу я от него не отставал. Попойки, потаскухи... Обычные дела, когда парни вроде нас, невесть сколько проторчавшие в лесу, вдруг попадают в город. Я куролесил четыре дня. Пятый ушел на то, чтобы стряхнуть с себя тяжкое похмелье. Потом я глянул, как идут дела у Ворона, и мне стало ясно: парень только пошел на разгон.

Сперва я сыскал для нас жилье попроще, а после нашел и работу. Нанялся охранником в богатую семью. Это оказалось совсем нетрудно. Повсюду ползли самые нелепые слухи о бойне в Курганье. Богачи первыми усекли, что наступают смутные времена, и спешили подстелить себе соломки.

Душечка со своими спутниками какое-то время пробыла в Весле. Здесь же, в городе, гуляла и кучка парней из Черного Отряда. Мы ни с кем из них так и не столкнулись.

А потом все они куда-то смылись.

V

Не прошло и четырех дней после выхода из Весла, а Смеда уже тошнило от идеи Талли. Ночи держались холодные, укрыться от дождя в лесу было негде. Одолевали несметные полчища кровососущих, более назойливых, чем блохи, вши или домашние клопы.

Ты никогда не устроишься поспать на голой земле, если вообще возможно уснуть под всеми этими непрестанными пытками на протяжении всей ночи. Повсеместно под тобой колючки, камни и корни.

А этот ублюдок, Старый Рыбак? Два слова связать не может, а туда же, выпендривается. На кой ляд нам в городе, на Северной Окраине, держать в голове все его дурацкие лесные премудрости? Случись что, вся эта мура никак не поможет уцелеть.

Каким все-таки наслаждением будет перерезать ему глотку!

Тимми Локан тоже хорош гусь. Этот рыжий коротышка трещал без умолку.

Из него так и сыпались всякие шуточки. Он знал их чертову прорву, умел вставить к месту, причем половину из них, самых соленых, Смед был бы не прочь запомнить. Чтобы потом заставить своих дружков хохотать до упаду. Но если уж ты запомнил эти шуточки, дальше они только злили. Черт возьми, даже самая отличная хохма начинает отдавать тухлятиной, когда слышишь ее по сорок раз на дню.

И что хуже, этот маленький прыщ вечно мельтешил. По утрам он вскакивал как заводной, с таким видом, будто впереди — лучший день в его жизни, а по вечерам засыпал с настолько счастливой мордой, будто этот чертов день таким и оказался. Когда коротышка тужится прослыть весельчаком, из него получается настырное хвастливое трепло. Врежешь такому по зубам, чтоб заткнулся, и на душе легче.

Хуже всего оказалось продираться сквозь лесную чащу и буреломы вслед за Старым Рыбаком: старик отказался вести их по нормальной дороге. Заявил, что так меньше

риска наткнуться на кого-нибудь, кто мог заинтересоваться, какого черта они здесь шляются. Или вспомнил бы про них, когда пройдет слух о пропаже. Важно было сделать дело втихую, иначе пиши пропало.

Талли их лесные блуждания осточертели даже больше, чем Смеду, но он горой стоял за старика.

Смед не сомневался, что они правы. Но хлещущие наотмашь мокрые ветви деревьев, вонзающиеся в тело и рвущие одежду колючки шиповника, то и дело облепляющая лицо мерзкая паутина заставили его усомниться, стоила ли их затея того, чтобы вообще пускаться в путь.

Нет. Пожалуй, добивали мозоли. Еще не пропали из виду окраины Весла, как у него на ногах начали вздуваться проклятые волдыри. Мозоли росли; они болели все сильнее, хотя Смед безропотно делал то, что ему велел старик. Хорошо хоть, к волдырям не пристала пока никакая зараза. А весельчак Тимми все развлекал его армейскими историями про парней, которым из-за таких вот воспалившихся волдырей потом оттяпывали ноги. Кому ступню, кому по колено, а кто и вовсе помирал. Придурок чертов.

На четвертую ночь Смед спал как убитый. Он дошел до ручки и теперь засыпал, стоило ему перестать перебирать ногами.

— Начинаешь осваиваться, парень,— одобрил старик.— Мы еще сделаем из тебя настоящего мужчину!

Смед придушил бы тут же Рыбака, если б не надо было выпутываться из лямок рюкзака, чтобы добраться до его горла.

А может быть, все муки от рюкзака? Туда натолкали восемьдесят фунтов жратвы и всякого барахла. Кое-что они уже съели, но Смеду казалось, что проклятый мешок ничуточки не полегчал.

Они дотащились до места вскоре после полудня, на восьмой день после того, как оставили Весло. Остановившись на опушке леса, Смед окинул взглядом расстилавшееся впереди Курганье.

— Значит, об этих местах было столько пустой трепотни? Чушь собачья. Место как место.

Он сбросил на землю рюкзак, шлепнулся на него сверху, прислонился к дереву и прикрыл глаза.

— Да, нынче здесь тихо. Не то что прежде,— согласился Старый Рыбак.

— Слушай, а как тебя зовут, Старый?

— Рыбак.

— Я про фамилию.

— Рыбак нормально.

— Да нет, я про настоящую.

— Сойдет и Рыбак.

Лаконичная скотина.

Вдруг Тимми спросил:

— Это наше дерево торчит вон там?

— Слава Богу! Там только одно оно и есть,— ответил Талли.

— Деревце, деревце, любовь моя,— пропел Тимми.— Ты рождено, чтоб дать богатство мне.

— Послушай, Рыбак,— сказал Талли.— Думаю, мы должны хорошенько отдохнуть, прежде чем браться за дело.

Приоткрыв один глаз, Смед исподлобья глянул на своего двоюродного братца. После выхода из Весла он первый раз услышал от Талли нечто напоминающее жалобу. А ведь тот был еще тем нытиком. Смед только диву давался, как это братцу удалось продержаться так долго. Именно непривычное молчание Талли помогло Смеду дотащиться сюда. Раз уж братец настолько сильно хотел заполучить эту штуку, что сумел стиснуть зубы и терпеть, так может, она и впрямь дорогого стоит?

Неужто большой куш? Такой, о котором каждый из них мечтал всю жизнь? Неужто сбудется? Тогда Смед должен держаться.

Старый Рыбак был согласен с Талли.

— Я собирался приняться за дело завтра ночью,— сказал он.— Не раньше. А может, послезавтра. Надо разнюхать здесь все, от и до. Каждый клочок земли вы должны знать лучше, чем тело своей любовницы.

Смед нахмурился. Что такое стряслось с молчаливым Рыбаком? А тот продолжал:

— Нам надо найти безопасное место для лагеря, подыскать вторую стоянку...

— Да что за черт? — не выдержал Смед.— Почему мы не можем взять просто эту штуковину и сделать отсюда ноги?

— Заткнись! — огрызнулся Талли.— Где ты был последние десять дней? Прочисти уши да пошевели мозгами, вместо того чтобы попусту клювом щелкать!

Смед заткнулся. Он внезапно уловил зловещую интонацию в голосе Талли. Тот, похоже, начинал жалеть, что вообще взял брата на дело. А еще было похоже, что он призадумался, не слишком ли Смед туповат, чтобы позволить ему и дальше коптить небо. Вдобавок по лицу Талли скользнула та самая презрительная гримаса, которую Смед частенько замечал на физиономии Старого Рыбака.

Он опять прикрыл глаза, отключился и стал прокручивать в голове события последних десяти дней, припоминая разговоры, которые слышал, но в которые не вслушивался, целиком занятый собственными переживаниями.

Верно, срубить это поганое дерево в открытую они не могли. Курганье по-прежнему охранялось солдатами. А не будь их здесь, оставалось само дерево, которому слухи приписывали немалую колдовскую силу. Слишком большую, чтобы оно могло так просто уцелеть в той страшной схватке, что перепахала и вывернула наизнанку мертвую землю Курганья.

Ну что ж. Возможно, это будет непросто. Наверно, придется выложиться до конца. Как он никогда еще не выкладывался. Придется запустить мозги на полную катушку и всю дорогу держать ухо востро. Это не место давать уроки музыки девчонкам с верхнего этажа.

Остаток дня и всю ночь они отдыхали. Даже Старый Рыбак пожаловался, что нуждается в отдыхе. Но спозаранок он отправился отыскивать место для стоянки.

— Останешься здесь, Смед,— сказал Талли.— Займешься своими дерьмовыми мозолями. Что Рыбак скажет, то и будешь делать. Если нам придется шустрить, ты должен быть в норме. Идем, Тимми!

— Далеко собрались? — спросил Смед.

— Надо бы подобраться поближе к тому городку. Может, разузнаем что-нибудь.

Они ушли, а часом позже вернулся Старый Рыбак.

— Быстро ты,— сказал Смед.— Приглядел местечко?

— Приглядел одно. Правда, не блеск. Река сменила русло с тех пор, как я тут был последний раз. Теперь берег в двухстах ярдах оттуда. Если что, особо не развернешься. Дай-ка взгляну на твои ноги.

Он сунул ноги старику под нос. Рыбак присел на корточки, что-то неодобрительно проворчал, потом ткнул в пару мест пальцем. Смед вздрогнул, поморщился и спросил:

— Что, худо дело?

— Видал и похуже. Но редко. Да еще траншейная болезнь. Стопа пухнет, суставы воспалились, и всякое такое. У остальных, наверно, начинается то же самое.

Какое-то время старик сидел с отсутствующим видом, потом тряхнул головой:

— Моя вина. Знал ведь, что ты совсем еще зеленый. А с Талли взятки гладки, у него один ветер в голове. Нельзя было позволять ему гнать как на пожар. Поспешишь — людей насмешишь. За все приходится платить.

— Уже решил, что будешь делать со своей долей?

— Не-а. Доживешь до моих лет — отучишься загадывать наперед. Добрый случай не везде валяется. Живи одним днем. А пока надо бы травки тебе на примочки нарвать.

Совсем седой, но еще не начавший горбиться, старик бесшумно растворился в лесной чаще. Смед проводил Рыбака взглядом, а потом постарался выкинуть из головы одолевавшие его мысли. Ему не хотелось оставаться с ними наедине.

Рыбак вернулся с охапкой каких-то трав, трех разных видов.

— Нашинкуй помельче и сунь в этот мешок. Каждой травы поровну. Как мешок наполнится, завяжешь и начнешь молотить по нему палкой. Время от времени переворачивай. Колоти как следует, пока листья не превратятся в кашу.

— Долго молотить-то?

— Может, тысячу ударов. Может — полторы. Потом вытряхнешь в котелок, добавишь кружку воды, хорошенько размешаешь.

— Дальше что?

— Дальше набьешь следующий мешок. Да не забывай раз в две минуты помешивать в котелке.

Даже не сказав, куда и зачем идет, старик снова растворился в лесу. Когда он вернулся, Смед усердно делал отбивную из третьего по счету мешка.

— Можешь пахать, коли нужда припрет,— фыркнул Рыбак, заглянув в котелок.— Хватит, пожалуй.

Он порвал старую рубашку на полосы, проложил их раскисшей зеленой кашицей из листьев и намотал повязки на обе ноги Смеда. Холодное покалывание быстро смягчило боль. Когда вернулись Талли и Тимми, старик помог им тоже наложить повязки, а потом занялся собственными ногами.

Смед снова сидел, прислонившись к дереву. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Он все больше сомневался, хватит ли у него духу прикончить старика, когда придет время.

— В городке осталось человек семьдесят,— сообщил Талли.— И почти все — солдаты. Мы подслушали один разговор. Похоже, через пару дней большинство из них отчалит оттуда. Надо бы дождаться, пока они не уйдут. А мы пока займемся разведкой.

Разведка Курганья началась сразу после заката. Светила ущербная луна, в городке было темно и тихо. Казалось, трудно найти лучшее время, чтобы прокрасться через открытое пространство.

Четверо двигались неровной линией, стараясь не терять друг друга из виду. Талли вел их по направлению к дереву. Не дерево, а деревце, подумал Смед. Толстый приземистый ствол, серебристая кора, футов пятнадцать в высоту... Больше всего похоже на молодой тополь. Смед не заметил ничего особенного. А сколько болтовни было!

Еще несколько шагов, и вдруг — отблеск лунного света на тусклом серебре. Значит, правда! Одного мимолетного взгляда хватило, чтобы ощутить исходившую оттуда пульсирующую злую силу. Будто там мерцал не металл, а ледяной сгусток чистой ненависти.

Смед содрогнулся и заставил себя не смотреть в ту сторону.

Значит, правда. Вот оно, богатство, только руку протяни! Но сумеют ли они его взять?

Он пошел быстрей и наткнулся на длинную низкую каменистую гряду. Это еще что такое? Смед почесал в затылке, но откуда ему было знать, что перед ним — останки дракона. Того самого, который, по слухам, успел перед смертью сожрать знаменитого колдуна Боманца. Будь посветлее — быть может, Смед и сообразил бы, что это за камни, за которые он сейчас цепляется руками и ногами...

Он добрался почти до самого верха, когда услышал звук, похожий на сопение какого-то зверя. Потом — другой звук, будто зверюга принялась скрести землю когтями. Смед огляделся вокруг. Футах в десяти от себя он увидел Талли. Тот завороженно таращился на дерево. А с деревом происходило что-то неладное. На кончиках его листьев плясали бледные, призрачно-голубоватые огоньки.

Обман зрения? Отблески света восходящей луны?

Он добрался до места, где нашлась надежная опора для ног, и снова взглянул на дерево. Точно. Там творилась настоящая чертовщина. Вся крона теперь полыхала ярким голубым заревом.

И тут душа Смеда ушла в пятки: футах в пятнадцати прямо перед собой он увидел глаза какой-то твари, пялившейся на него из темноты. Ее голова была размером с пивной бочонок; в отсветах голубого сияния ярко поблескивали глаза и зубы. Особенно — зубы. Никогда прежде Смеду не приходилось видеть таких больших зубов. И таких острых.

Тварь двинулась в его сторону.

А он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, мог только дико озираться вокруг. На глаза попались Талли и Тимми. Они удирали прочь сломя голову.

Потом его взгляд опять наткнулся на бестию. Вовремя. Та уже прыгнула, широко разинув пасть, норовя сомкнуть страшные челюсти на его шее. Смед вышел из оцепенения и метнулся в сторону. Чудовище упало на лапы, извернулось и прыгнуло снова, но тут голубой язык пламени, полыхнувший из кроны дерева, отбросил бестию в сторону. Легко, словно муху.

Падая, Смед сильно ударился. Но боль ничуть не помешала ему тут же вскочить и дать деру. Назад он уже не оглядывался.

— Я тоже видел его,— сказал Старый Рыбак, положив конец настырным попыткам Талли доказать, что Смед страдает галлюцинациями.— Все так, как он сказал. Оно большое, как дом. Вроде громадной псины на трех лапах. Дерево метнуло в него молнию. Тогда оно удрало.

— Псина на трех лапах? Ладно. А что она там делала?

— Рыла землю,— ответил Смед.— Сопела, фыркала и рыла землю. В точности как собака, когда та откапывает зарытую кость.

— Вот черт! Опять все наперекосяк. Как всегда. Теперь дело наверняка затянется. А лишнего времени у нас нет. Рано или поздно сюда припрется кто-нибудь еще, кому придет в голову то же самое. Не я один такой умный.

— Не мельтеши,— осадил Рыбак.— Умей выждать и действуй наверняка. Только так, парень. Иначе так никогда и не узнаешь, что значит быть богатым. Просто не доживешь.

Талли только хмыкнул. Бросать начатое дело не хотел никто. Даже Смед, до сих пор ощущавший жаркое дыхание бестии на своем лице.

— Жабодав,— вдруг сказал Тимми Локан.

— Что ты сказал? Повтори! — вскинулся Талли.

— Пес Жабодав. В той заварухе одно чудовище загрызло кучу народа. Его называли пес Жабодав.

— Какого хрена его так прозвали?

— А мне почем знать? Вот если б он был моим щенком... Но тогда я был бы сукой.

Тупая шутка. Но все так и покатились со смеху. Надо же было хоть как-то душу отвести.

VI

Ворон не просыхал три недели.

Как-то ночью я едва доплелся до дома после работы. Я был сыт по горло. Хватит. В тот день пришлось изувечить одного мерзавца. Этот псих напросился сам: пытался ограбить детей моего босса. Но на душе было гадко. Все же человек. И почему-то мне втемяшилось в башку, что во всем виноват Ворон.

А тот опять валялся в стельку пьяный.

— Слушай, ты! Посмотри на себя! — не выдержал я.— Присосался к бурдюку с вином, как к материнской титьке. Великий и могучий, знаменитый Ворон. Крутой парень. Такой крутой, что не побоялся зарезать свою бабу прямо посреди городского парка в Опале. Такой отчаянный, что решился повздорить даже с Хромым. Пролеживает здесь бока и скулит от жалости к самому себе, как трехлетнее дитя, у которого крутит животик. Встряхнись и приведи себя в порядок! Мужчина! От одного взгляда на тебя тошнит!

Невнятным и спотыкающимся голосом он посоветовал мне попридержать язык и не лезть не в свои дела.

— Не в свои? Черта лысого! Кто платит за жилье, тупица? Кто, придя домой, каждый день нюхает эту вонищу? Рвота, пролитое вино, дерьмо. Собственный горшок не нашел времени вытряхнуть, скотина! Когда ты последний раз мылся? Когда ты последний раз надевал чистое?

В ответ он заорал, хрипло и пронзительно. Обложил меня как мог.

— Другого такого ублюдка поискать надо! — наседал я.— Даже собственный бардак прибрать за собой не можешь!

Я дико обозлился и продолжал орать на него. Он почти не отбрехивался. Может, сам себе был противен не меньше, чем мне. Но кто же станет спокойно смотреть, как ближний безнадежно спивается, превращаясь в бессмысленный кусок дерьма!

Наконец Ворон не выдержал, кое-как поднялся и поплелся к выходу. Но дверью на прощание не шарахнул. Он никогда не сжигал за собой мосты.

Со мной работал один, так его отец раньше пил почерному. Он мне дал пару советов, как поступать с пропойцами.

— Не пытайся помочь им,— говорил он.— Прекрати им спускать всякие выходки. Не принимай никаких извинений. Поставь их в безвыходное положение, тычь их носом в собственное дерьмо, пока сами не поймут, до чего докатились. Ни один из них ни на толику не изменится, пока сам того не захочет. Пока сам не допрет, что по уши завяз и пора что-то менять.

Но я сомневался, хватит ли меня на то, чтобы ждать, пока Ворон сам сообразит, что он взрослый мужик. Пока не посмотрит правде в глаза. Душечка теперь далеко, что поделаешь. Ему надо найти детей. Надо вытащить наружу и перетряхнуть прошлое, похороненное в Опале, разобраться с ним окончательно.

Вообще-то я был уверен, что он сам до этого дойдет. Если дать ему время. Его глубокое презрение к самому себе должно было прорваться наружу. Но ждать, пока он очухается, становилось почти невыносимо.

Он вернулся через четыре дня, трезвый как стеклышко, умытый, отчасти даже похожий на того Ворона, каким я его помнил. Он дико извинялся, бил себя кулаком в грудь и обещал быть паинькой.

А как же. Все они так говорят.

Поверю, когда увижу.

Я не стал раздувать скандал. И не читал ему проповедей. Что толку?

Держался он совсем недурно. Похоже, надумал куда-то податься. А дня через два, придя домой, я обнаружил, что он опять упился в стельку. Так, что даже ползать не мог.

Ну и черт с тобой, решил я.

VII

Теперь они лишились пары рабочих рук. После того как дерево метнуло в Тимми голубой молнией, он слег. Но для Смеда разницы не было. Все равно они сидели без дела.

Днем они носа не могли высунуть без риска, что их засекут из города. А стоило стемнеть, всякий раз появлялась та бестия. Чтобы рыть дальше свою яму. И опять-таки, они не могли подобраться к нужному месту. Дерево, прогнав проклятую тварь, долгое время оставалось настороже, готовое встретить молниями других незваных гостей. Тимми как следует прочувствовал это на собственной шкуре.

Похоже, только перед самым рассветом у них оставалось около часа, когда можно было без особого риска попытаться сделать что-нибудь путное.

Но что? Никто толком не знал. Срубить чертов дрын у них не было ни малейшего шанса. Окопать корни? Вряд ли стоило надрываться, даже если б им удалось подобраться к дереву достаточно близко и достаточно надолго. Сколько пройдет времени, пока окопанное дерево засохнет? Тем более такое?

Кто-то сказал: давайте отравим его. Звучало совсем неплохо. Они долго мусолили эту идею, припоминая, кто, как и какой дрянью выводил сорняки. Но для этого нужна отрава. Тогда пришлось бы тащиться назад в Весло. Причем с монетой в кармане, которой у них и в помине не было. Времени на это ушло бы ничуть не меньше, чем на окапывание корней чертова отродья. А время работало против них. Талли и так психовал насчет времени. Он считал чудом, что у них до сих пор не появились конкуренты.

— Нам надо как-то подсуетиться с этим делом,— повторил он в сотый раз.

— Не выйдет, пока тварь шныряет поблизости,— сказал Тимми.

— Тогда мы должны помочь ей откопать то, что она ищет.

— Не реки за всех, братец,— посоветовал Смед.— Лично я помогать этой твари рыть нору не намерен!

— Мы подпалим его,— сказал Рыбак.

— Подпалим? Кого?

— Дерево, дурень. Спалим его на корню, да и все тут.

— Но не можем же мы подойти к нему и...

Рыбак выдернул палку из кучи хвороста для костра. Она была дюйма в два толщиной и около ярда в длину. Старик размахнулся и запустил ее далеко в кусты.

— Вот так. Придется потрудиться, но в конце концов завалим его хворостом. Потом жахнем в кучу пару факелов. Ффухх! И все в огне. Костер будет что надо. А когда прогорит, просто пойдем туда и подберем наш кусок серебра.

— Про солдат забыл? — насмешливо спросил Смед.

— Нет. Но ты прав. Их надо как-то отвлечь.

— Самое путёвое предложение из всех, что я до сих пор слышал,— сказал Талли.— Будем палки швырять. Пока ничего получше не придумаем.

— Да уж, чем попусту дурью маяться да мозоли на заднице натирать,— проворчал Смед.— Уж это точно.

Он уже попривык к лесной жизни и больше не ждал от нее неожиданностей. Да и раньше-то их было не так уж много. Его одолевала скука.

Набрав палок, они принялись за дело. Тимми, Смед и Талли принялись состязаться в меткости, поставив на кон часть будущей добычи. Куча хвороста вокруг дерева понемногу росла. Такая игра пришлась дереву не по нутру. Время от времени оно отплевывалось голубыми молниями.

Почти каждую ночь Смед прокрадывался к яме и смотрел, как продвигаются дела бестии. Остальные решили, что у парня крыша поехала.

— У тебя дерьмо вместо мозгов,— как-то сказал Талли.— Делать тебе больше нечего.

— А у тебя мозги вместо дерьма. Вот ты ничего и не делаешь. Может, боишься?

В общем-то, риска почти не было. Просто приходилось прижиматься к земле, тогда тварь ничего не замечала. Вот

если б Смед сдуру встал, да она углядела бы его силуэт... Пиши пропало. Но он не вставал.

Яма углублялась медленно, но тварь копала и копала как заведенная. Ночь за ночью. Ночь за ночью.

Пришло время, когда она нашла то, что искала.

Как раз в ту ночь Смед Стах опять следил за бестией. И он увидел, как она выбирается из ямы, сжимая челюстями свой мерзкий, тошнотворный, жуткий трофей.

Это была человеческая голова.

Голова пролежала слишком долго и была слишком обезображена и повреждена. Стиснув зубами жалкие остатки волос, тварь приподняла этот отвратительный предмет и, уворачиваясь от голубых молний, потащила его в сторону протекавшей рядом речушки, к заводи.

Смед, держась поодаль, последовал за нею. Осторожно. Очень осторожно.

Бестия принялась омывать голову водой, заботливо и нежно. Вдали дерево шумело и трясло ветвями в бессильном гневе: до заводи его молнии не доставали.

Очистив голову, громадная собака захромала обратно. Смед, сам удивляясь своей смелости, по-прежнему крался следом. Тварь обогнула мертвого дракона, почти превратившегося в странную деталь местного ландшафта. Вот она переступила через обтянутый изодранной кожей обломок камня, не заметив его на сырой земле. А Смед заметил, подобрал его зачем-то и машинально сунул в карман.

По ту сторону туши дракона дерево продолжало раздраженно шуметь, трещать и трясти ветвями.

Когда Смед засовывал в карман старый амулет, тот судорожно дернулся, посылая всем, кто был способен услышать, сигнал о том, что его покой потревожен.

Смед остановился, прячась в тени. Он дрожал от холода и страха, но продолжал следить за происходящим. Поднимающаяся луна вдруг целиком осветила кошмарную голову. И он отчетливо и ясно увидел...

Ее глаза открылись. Уродливая улыбка исковеркала и без того обезображенный рот.

Она была жива.

У Смеда чуть не вышибло клапана.

VIII

Городом, самым близким к месту сражений и могильных холмов, что называлось Курганьем, было Весло. Сигнал тревоги, поданный старым амулетом, потревожил сразу двух обитателей этого городка.

Одним из них был глубокий старик, живший под чужим именем после того, как сумел инсценировать свою мнимую гибель в последней битве, опустошившей Курганье. Он как раз кутил в рабочей таверне со своими новыми друзьями-собутыльниками, которые считали его астрологом, когда тревожный вопль амулета потряс его. Сигнал тревоги поверг старика в панику. Едва взяв себя в руки, он устремился к дверям. По его лицу текли слезы.

За его спиной в таверне мгновенно вспыхнули возбужденные пересуды. Потом приятели старика гурьбой высыпали на улицу. Посмотреть, что такое с ним стряслось. Но того уже и след простыл.

IX

Настали скверные времена. В Весле было неспокойно. То тут, то там вспыхивали беспорядки; случались стычки между повстанцами и партизанами Империи; под видом политических акций мародеры творили невесть что.

Босс поговаривал, что хочет заколотить городской дом и съехать в свою загородную усадьбу неподалеку от Сделки. Если так, надо было решать, отваливать мне туда вместе с ним или нет. Я хотел было обговорить это с Вороном, но...

Застал я его снова в ауте.

— И все из-за проклятой бабы, с которой ты даже ни разу не переспал,— проворчал я и пнул ногой жестяную тарелку так, что она полетела через всю комнату. Этот сукин сын опять не прибрал за собой. Неплохо было бы и его пнуть пару раз, как ту тарелку, но у меня пока еще крыша не съехала.

Все же пьяница и доходяга был Вороном, самым отчаянным парнем из всех, кого я встречал. Так что связываться с ним я не стал.

Проснулся он так внезапно, что я подскочил от неожиданности. Чтобы подняться, ему пришлось цепляться за стену. Он был бледен, его трясло, но я сходу понял, что не в похмелье тут дело. Мой старый приятель был насмерть чем-то перепуган.

Если б не та стена, вряд ли Ворон смог бы подняться на ноги. Наверно, сейчас он видел трех Кейсов зараз да еще голубого слона в придачу...

— Собирай свои манатки, Кейс,— все же сумел прохрипеть он.

— Ты что, очумел?

— В Курганье что-то стряслось,— ответил Ворон, пробираясь вдоль стенки к куче своего барахла.— О Боже!

Он упал на колени, схватившись руками за живот. Его вывернуло наизнанку. Я обтер ему лицо мокрой тряпкой. Он не сопротивлялся.

— Что-то страшное вырвалось наружу. Что-то черное, как сама...— Его вывернуло еще раз.

— А тебе не померещилось, случаем? — спросил я.— Может, винные пары? Белая горячка?

— Нет, так оно и есть. Вино ни при чем. Не спрашивай, откуда я знаю. Но я знаю. Видел так ясно, словно был там. Видел тварь, которую все называют пес Жабодав.— Он говорил медленно, стараясь не запинаться. Но язык заплетался.— С этой бестией было что-то еще. Куда более страшное. Что-то черное, как сама тьма.

Я не знал, что сказать. Ворон в это верил, а я — нет. Он кое-как подтер за собой рвоту и принялся, трясущимися руками, запихивать вещи в мешок.

— Где ты поставил лошадей? — спросил он чуть погодя.

Он был серьезен. Не в состоянии ориентироваться, слепо тычащийся по углам, Ворон готов был мчаться к чертям собачьим. И прямо сейчас.

— Так, конец, приехали. В чем дело? Куда ты собрался?

— Нам нужна помощь.

— Помощь? Нам? Ты забыл, что я на службе? У меня есть обязательства. Да я просто не могу, вот так, прыгнуть в седло и мчаться в погоню за блуждающими болотными огнями. Которые тебе просто примерещились. Потому, что ты выжрал целую бочку поганой самодельной бормотухи.

Он психанул. Я тоже. Мы орали и крыли друг друга как могли. Он был не в той форме, чтобы догнать меня, и потому швырял в меня посуду. А я топтал бурдюк с вином, пока вконец не расквасил его, и картинно любовался кроваво-красными струйками вина, растекшимися по полу.

Тут в нашу дверь вломилась хозяйка дома. Она весила фунтов двести и была зловредна, как ядовитая змея.

— Вы, скоты! — заорала она с порога.— Сколько раз я вам говорила, что не собираюсь больше терпеть вашего...

И тут мы набросились на нее. Она вечно придиралась, врала, плутовала на каждом шагу. И всегда норовила спереть что-нибудь у своих постояльцев. Если была уверена, что ее не застукают за этим делом. Мы спустили ее с лестницы и, отряхнув руки, покатились со смеху, как дворовые безобразники. Докатившись до самого низу, хозяйка опять принялась пронзительно вопить. Похоже, падение только прибавило ей новые силы.

Вдруг мне стало не смешно. Она не свернула себе шею, верно. Но могла. А ведь я даже не был пьян. Что это на меня нашло?

— Как я понял, собираешься выехать прямо сейчас? — спросил я Ворона.

— Да.

Юмор его тоже оставил. И он по-прежнему имел бледный вид.

— А как ты будешь выбираться из города? Посреди ночи?

— Наличные. Волшебное средство на все случаи жизни.— Он перекинул лямку мешка через плечо.— Ну, ты готов?

Сукин сын с самого начала знал, что никуда я не денусь.

— Эй, Лу! — едва заслышав звон монет в кармане Ворона, заорал часовой у ворот в сторону привратницкой.— Оторви свою задницу от лежанки! Новый клиент пожаловал.

Часовой, ухмыляясь, снова повернулся к нам.

— Днем Лу тоже вкалывает, на другой работе,— пояснил он.— Цыплят потрошит. Чертову прорву детей настругал. Любой другой научился бы сдерживаться после первой дюжины. Но только не Лу.— Он опять ухмыльнулся.

— Твоя правда,— не стал спорить я.— А ты неплохо устроился. Мало кому из парней так повезло с работенкой, как тебе.

— Ага. Только по ночам бывает скучновато. Но сегодня неплохая ночка. Прибыльная.

— Что, пропустил кого-то до нас? — спросил Ворон.

— Только одного пердуна, около часа назад, старика. Спешил как на пожар. Монету швырял горстями.

Ворон пропустил этот прозрачный намек мимо ушей. Мы с часовым успели перекинуться еще парой слов, пока Лу возился с ключами, открывая небольшую дверцу в воротах. Когда он ее все-таки открыл, Ворон швырнул горсть серебра.

— Вот это да! Благодарю, ваша светлость! Заглядывайте сюда в любое время дня и ночи. В любое время. Теперь у вас есть настоящие друзья. Здесь, у Южных Ворот.

Ворон промолчал, только слегка покривился и тронул лошадь вперед, на залитую лунным светом дорогу.

— Спасибо,— сказал я привратнику.— Пока, ребята. Еще увидимся.

— В любое время, ваша светлость. В любое время. Всегда к вашим услугам.

Наверно, Ворон действительно заплатил им по-королевски.

А гримаса, мелькнувшая на его лице, была мне хорошо знакома, хотя в последнее время я ее не замечал.

— Опять бедро беспокоит? — спросил я.

— Все в норме. Бывало и похуже,— угрюмо ответил он.

Этот гад почти протрезвел. Но похмелье есть похмелье.

— Что-то оно долго не заживает.

— А ты чего хотел? Я уже не мальчик. И потом, хоть стрелял Костоправ, но то была одна из Ее стрел.

Не то чтобы Ворон затаил на них злобу. Просто до сих пор не мог взять в толк, что тогда произошло.

Может, на самом-то деле, он и не хотел ничего понимать. Ворон всегда сам себя считал не мыслителем, а человеком дела.

Иногда я просто диву давался, как он умудряется жить с такой кашей в голове.

X

В грязи, у перекрестка дорог, около взъерошенной клячи, стоял смертельно уставший старик.

К востоку отсюда лежали Лорды. Южная дорога вела в Розы, а через них — к другим большим городам. Те, за кем он шел следом, разделились здесь на две группы. Он не знал наверняка, кто куда поехал, хотя и мог предположить, что Белая Роза свернула, направляясь в свою крепость на равнине Страха, а Госпожа двинулась прямо, к своей твердыне, Башне в Чарах. В тот момент, когда они расстались, краткому перемирию между ними пришел конец.

— Куда направимся? — спросил старик у лошадки.

Похоже, лохматый пони своего мнения не имел. А старик никак не мог решить, к какой из женщин ему лучше обратиться со своими новостями. Он больше склонен был тронуться на юг, но лишь потому, что по дороге на восток его бы слепило лучами восходящего солнца.

— Слишком стары мы для этого, лошадка?

Животное выдохнуло какой-то звук, который старик готов был посчитать ответом. Но пони оглядывался назад, на ту дорогу, которая привела их сюда.

Пыльное облако. Быстро приближающийся бешеный стук копыт. Похоже, скакали двое. Спустя минуту он узнал мчавшегося впереди по его манере держаться в седле.

— Скоро мы получим ответ на мой вопрос,— пробормотал старик.— А пока спрячемся.

Он заспешил вперед, по восточной дороге, потом свернул с нее в сторону и притаился в придорожной рощице, выбрав там местечко, откуда мог видеть всадников. Решено. По какой бы дороге они ни двинулись дальше, он выберет другую.

Ведь они появились здесь, погоняя лошадей так, будто черти хватали их за пятки, по той же самой причине, что и он. Думать иначе было бы просто глупо. Тот, которого звали Вороном, конечно же, услышал сигнал тревоги. В его жизни было время, когда он немного упражнялся в искусстве колдовства, а потом его дух долго блуждал в лабиринтах Курганья. Да, Ворон был достаточно восприимчив.

Старик приготовил настой из трав, который должен был помочь ему оставаться настороже, пока не выяснятся намерения тех двоих. Потом он устало смежил веки.

XI

Натянув поводья, Ворон пустил лошадь шагом.

— Кажется, мы нагнали на того старика страху,— сказал он.

— Наверно, принял нас за бандитов,— отозвался я.— Так мы на них и похожи. Ты собрался загнать лошадей насмерть прямо сегодня? Или мы все-таки дадим им немного отдохнуть?

— Иногда ты говоришь дело, Кейс,— нехотя проворчал Ворон.— Нет никакого смысла в такой спешке, если потом придется ухлопать вдвое больше времени, пробираясь остаток пути на своих двоих. Странно. Этот старикан напомнил мне колдуна Боманца. Которого в Курганье сожрал дракон.

— Для меня все старичье на одно лицо.

— Может быть. Постой! — Он принялся изучать пыль на развилке дорог. А я пытался высмотреть, куда спрятался старик. Я был уверен, что он следит за нами.

— Ну? — наконец спросил я.

— Здесь они разошлись в разные стороны. Как и намеревались.

Не спрашивайте меня, откуда он знал это. Он знал. А может, просто выдумал. Мне к таким его фокусам было не привыкать.

— Душечка отправилась на восток. Костоправ отсюда тронулся на юг.

Я решил немного подыграть ему и спросил:

— Почему ты так решил?

— С ним была Она.— Ворон потер бедро.— А Она, конечно, направилась в Башню.

— Верно. Твоя правда.— Тоже мне, оракул.— А мы по какой дороге двинем? В любом случае, скоро понадобится отдых.

— Да. Скоро понадобится. Лошадям.

— Конечно.

Я постарался сохранить на лице равнодушие. Жаль, у меня не хватало мужества заорать на него. Какого черта он корчит из себя железного человека? Что хочет доказать? Кому? Если мне, так доказал бы лучше, что может перестать себя жалеть да вино трескать, по полведра в день. Хочешь показать мне силу воли? Ладно. Так покажи, что у тебя ее хватит, чтобы найти своих детей и попросить у них прощения.

Он что, решил покрасоваться перед тем стариком, который все еще прятался в придорожных кустах?

Всегда чувствую себя неуютно, когда знаю, что за мной подсматривают. Скорей бы уж Ворон объявлял свое решение. Чего тянет? И так все ясно.

— Кончай тянуть,— поторопил я его.— Куда двинемся?

Вместо ответа он пришпорил лошадь и свернул на южную дорогу.

Что за ерунда? Я уже начал поворачивать на восток, прежде чем сообразил, что он делает.

Догнав его, я спросил:

— Почему на юг?

Он уклонился от прямого ответа, сказал только:

— Костоправ всегда был понятливым парнем. И зла ни на кого долго не держал.

Похоже, окончательно рехнулся.

А может, наоборот? Внезапно очухался и решил больше не лить слез по своей Душечке?

XII

Трехногая бестия принесла голову в самое сердце Большого леса, к алтарю в центре круга из вздыбленных каменных глыб. Капище находилось здесь уже несколько тысяч лет. Тварь едва сумела протиснуться между стволами древних дубов, окружавших величайшее святилище вымирающих, но все еще многочисленных лесных дикарей.

Пристроив голову поудобнее, тварь захромала прочь и скрылась в лесу.

Отловив одного за другим шаманов всех лесных племен, бестия силой приволокла их в святилище. Туда, где находилась голова. Увидев голову, эти жалкие старые колдуны, ничтожные знахари, пришли в ужас, упали лицом в грязь и принялись биться в поклонах как перед божеством. Вконец запуганные щелкающими челюстями бестии, они принесли чудовищной голове клятву верности, после чего стали поклоняться ей как могли.

Ни у одного из них даже и мысли не мелькнуло уничтожить голову, пока она была бессильна помешать этому. Страх перед ней слишком сильно укрепился в их слабом рассудке; сама мысль о сопротивлении была для них невозможна.

К тому же рядом всегда находился верный раб головы, Жабодав, также нагонявший на них суеверный ужас.

Покинув святилище, они принялись срезать ивовые прутья и стебли растений, пригодных для изготовления веревок, собирать заговоренные травы и камни с магическими свойствами, готовить священные перья, куски выделанной и невыделанной кожи. Они поймали несколько мелких животных, пригодных для ритуала жертвоприношения, и даже приволокли в святилище одного вора, которого давно собирались убить. Страшась, что душа его попадет в рабство к страшному богу и будет обречена на

вечные муки, вор истошно вопил, умоляя казнить его обычным способом.

Большая часть собранного ими была обыкновенным мусором, а их магия, в основном,— обыкновенной бутафорией. Но когда-то вся эта чепуха произросла из глубинных истин, из источника, дававшего подлинную власть над миром. Это была реальная сила, достаточная, чтобы завершить замысел головы.

В самом древнем, в самом священном из своих святилищ шаманы изготовили фигуру плетеного человека. Они сплели ее из ивовых прутьев, связав их веревками из травы и ремешками из сыромятной кожи. Они воскурили священные травы; совершили жертвоприношение; они дали плетеному человеку имя и окропили его жертвенной кровью. Их песенные заклинания растянулись на несколько дней. Почти все были полной бессмыслицей, но в их ритм иногда вплетались лишь наполовину понятные, а то и вовсе забытые слова, имевшие истинную власть. И силы этих слов оказалось достаточно.

Закончив ритуал, шаманы водрузили голову на шею плетеного человека. Трижды медленно мигнули глаза...

Деревянная рука вырвала жезл у стоявшего рядом колдуна. Старик упал. Пошатываясь, соединенное двинулось к ближайшему участку мягкой земли. Концом жезла стало царапать на ней неровные печатные буквы.

Получив приказы чудовища, старые колдуны торопливо покинули святилище. Уже через неделю они были готовы внести усовершенствования в свое кошмарное творение.

На сей раз ритуалы оказались более причудливыми. И куда более кровавыми. Были принесены в жертву два человека, похищенных из разрушенного городка на краю Курганья. Эти двое умирали медленно. Очень медленно.

Когда ритуал закончился, плетеный человек стал передвигаться гораздо лучше, хотя никто, даже по ошибке, не принял бы это чучело за человека. Теперь голова могла говорить. Тихим, замогильным шепотом.

— Соберите здесь пятьдесят ваших лучших воинов! — приказала она.

Старые колдуны заартачились было. Ведь свою часть дела они уже сделали и не имели никакого желания больше ни во что ввязываться.

Тогда монстр прошептал короткое заклинание, в котором не было ни одного лишнего слова. Три старика упали на землю. Они умирали в страшных мучениях, вопя от боли. Пожираемые червями изнутри.

— Соберите пятьдесят лучших воинов! — вновь прошептала голова.

Оставшиеся в живых шаманы сделали как им было велено.

Вскоре появились воины. Они помогли чудищу взобраться на спину хромой бестии. Ни одно другое лесное животное, будь то лошадь или бык, не давало ему на себя усесться. Монстр привел свою банду в Курганье, к разрушенному городку.

— Прикончить всех,— прошептал он.— До единого.

И началась резня. А Плетеный двинулся дальше. Его изуродованное лицо было постоянно обращено на юг. В его глазах все сильнее разгорался огонь гибельной, безумной ненависти.

XIII

Тимми вихрем ворвался в лагерь спустя несколько минут после того, как в городке началось побоище. Он был настолько перепуган, что едва мог говорить.

— Надо уносить ноги,— судорожно выдавливал он слова.— Та бестия опять вернулась. А верхом на ней еще какой-то монстр. Лесные дикари режут в городке всех подряд.

Старый Рыбак только кивнул и тут же залил костер водой.

— Пока тварь про нас не вспомнила. Все как мы договаривались.

— Да бросьте вы,— злобно заворчал Талли.— Наверно, Тимми просто увидел, как...

Тут дерево вдруг выпустило громадную шаровую молнию, прародительницу всех молний мира. Лес заполнился

ее яростным сиянием, а когда она лопнула — загудел и затрясся от мощных громовых раскатов.

— Мама дорогая! — прошептал Талли. И дал деру не разбирая дороги, ломясь сквозь кусты, словно перепуганный медведь.

Остальные отстали от него не слишком сильно.

Смед бежал крупной рысью. Он прижимал к груди охапку барахла и соображал на бегу. Предусмотрительность Старого Рыбака, похоже, оправдалась. Как сказал старик, они ничего не потеряют, если слиняют отсюда на какое-то время.

Позади сверкнул язык пламени, окрашенный в розоватые тона; в ответ полыхнула голубая вспышка. Потом раздался странный звук, словно мяукала пропащая душа гигантской кошки.

Последнее время Талли все талдычил, что Рыбак слишком много о себе воображает. Но именно Рыбак оказывался рядом в трудную минуту и мог хоть что-то предложить. А Талли потихоньку занял место Смеда. Увиливал от работы, вечно ныл. Вот Тимми совсем не изменился. Все тот же шустрый коротышка с кучей историй на все случаи жизни.

От Рыбака и Тимми куда больше проку, чем от Талли. Рука не поднимется перерезать им глотки. Особенно ежели куш окажется так велик, как считает Талли. Так ли необходимо жмотиться и попусту лить кровь?

Смед присел на корточки возле заранее приготовленного бревна и пристроил свои вещи среди специально оставленных для этого веток. Талли уже плыл прочь от берега, бешено молотя по воде руками.

— Тс-сс! — вдруг сказал Рыбак.

Все замерли. Кроме Талли, конечно. Тот продолжал плыть, поднимая вокруг себя брызги.

Старый Рыбак прислушался.

Смед не слышал ничего, кроме звенящей тишины. Огненных вспышек тоже больше не было видно.

Облегченно вздохнув, Рыбак сказал:

— Поблизости никого. Есть время снять тряпки.

Смед не стал спорить, но не стал и тратить время на то, чтобы раздеться. Он оттолкнулся от берега и поплыл.

Лежа на бревне, один посреди реки и один посреди ночи, он ощутил приступ паники. Острова, куда они направлялись, все не было видно. Правда, Рыбак говорил, что они просто не могут мимо него промахнуться, если отплывут от берега в нужном месте. Течение должно само вынести их к этому острову.

Но Смед не был до конца уверен. А плавать он не умел. Что, если он промахнется? Тогда плыть ему на бревне и плыть. До самого синего моря.

Внезапно целый каскад голубых вспышек осветил реку. Он слегка удивился, увидав совсем рядом Тимми и Рыбака. Даже Ґалли, несмотря на все его бешеные усилия, опередил их ярдов на сто, не больше.

Смеду остро захотелось перекинуться с кем-нибудь из них парой слов. Это добавило бы ему смелости. Но он промолчал. Сейчас важнее всего было молчать в тряпочку. Не буди лиха, пока спит тихо.

За прошедший час Смед заново пережил все когда-либо мучившие его страхи, все приключавшиеся с ним беды и несчастья. Когда он наконец увидел прямо перед собой неясные темные очертания острова, его нервы были уже на пределе.

Островок оказался небольшим, ярдов двести в длину и всего десять в ширину. Едва выступающая из-под воды узкая полоска илистой отмели, поросшая сорняками и кустарником. Все кусты были едва в человеческий рост. Довольно жалкое убежище, подумал Смед.

Но в первый момент оно показалось ему райскими кущами.

— Здесь мелко, можно встать на дно,— прошептал возникший рядом Старый Рыбак.— Обойдем вокруг, там и вылезем. Не надо оставлять следов с этой стороны.

Смед соскользнул с бревна. Глубина здесь оказалась ему по пояс. Он двинулся вслед за Рыбаком, оскальзываясь, путаясь ногами в стеблях водяных растений. Впереди испуганно вякнул Тимми, наступивший на какую-то извивающуюся тварь.

Смед оглянулся назад. Ничего. Фейерверк стих. Вспышки, позволившие ему разглядеть на воде остальных, были

последними. Лес вернулся к своей обычной жизни, наполнившись привычными ночными звуками.

— Вы где там застряли? — напряженным голосом спросил из темноты Талли.

— Надо было прихватить с собой хоть что-нибудь,— огрызнулся Смед.— Потому и задержались. Не подыхать же нам тут с голоду. А вот что будешь жевать ты? Шаровые молнии?

Братцу хорошая встряска только на пользу, подумал он. Может, в нем здравый смысл проснется. Беспомощно плывя на бревне, Смед припомнил кое-что полезное.

Талли много раз сбегал от него и раньше. Просто так, из садизма, когда они были малышами. Посреди драки с уличной шпаной, когда они стали постарше. Или когда какой-нибудь торговец принимался колотить Смеда за то, что он, сам того не желая, отвлек его внимание, позволив Талли стащить горсть медяков и дать деру.

Сам Талли всегда выходил сухим из воды.

Пожалуй, теперь Смед мог заглянуть в будущее. Пускай Старый Рыбак с Тимми Локаном выковыривают из дерева Клин. А болван Смед перережет им глотки, когда они управятся с этим делом. А потом останется просто прихватить добычу и слинять. Кому тогда будет жаловаться Смед, имея на руках кровь своих компаньонов?

В самый раз — Талли. Очень даже на него похоже.

Они проторчали на острове четыре дня. Кормили комаров, жарились на солнце. Выжидали. Хуже всех пришлось Талли. Он выклянчил-таки достаточно жратвы, чтобы продержаться, но ни сухой одежды, ни хотя бы одеяла для защиты от солнца выпросить ему так и не удалось.

Смеду даже показалось, что Рыбак волынил на острове нарочно. Специально, чтобы проучить Талли.

Старик отправился на разведку только на четвертый день, после полудня. Реку он перешел вброд. Рукав между островом и берегом оказался мелким, по грудь в самых глубоких местах. Узел со своими вещами Рыбак перенес на голове.

Когда он вернулся, было уже совсем темно.

— Ну? — требовательно спросил Талли. Единственный, кто еще страдал избытком нетерпения.

— Они ушли. Но перед этим обнаружили наш лагерь и разнесли его в клочья. Отравили всю жратву, повсюду устроили десятки ловушек. Возвращаться туда не имеет смысла. Может, найдем в городке то, что нам нужно. Тамошним парням уже никогда ничего не понадобится.

Насколько был прав Старый Рыбак, Смед понял на следующий день. Сперва они прошли мимо лагеря, в доказательство Талли, что тот попусту тратит время, оплакивая свое барахло.

Бойня в городке была тотальной. Дикари вырезали все живое, включая собак, куриц и домашний скот. Утро выдалось жаркое. В неподвижном воздухе висел густой звон: сюда слетелись мириады мух. Повсюду лаяли, тявкали, клекотали, щелкали челюстями и клювами, сражаясь за добычу, пожиратели падали. Хотя, будь их даже вдесятеро больше, пиршество удовлетворило бы всех.

Уже в четверти мили от городка стояло такое невыносимое зловоние, что желудок подступал к горлу.

Смед остановился.

— Я собираюсь взглянуть на дерево,— выдавил он.— Здесь мне делать нечего.

— А я буду у тебя на подхвате,— засуетился Тимми.

Талли взглянул на Смеда и что-то злобно проворчал. Старый Рыбак только пожал плечами.

— Ладно. Увидимся там. Попозже.

Ни вонь, ни горы трупов, похоже, его ничуть не волновали.

XIV

Плетеный шествовал по улицам разрушенного города подобно богу мщения, спокойно переступающему через легионы мертвых. За ним следовали оставшиеся в живых лесные воины, потрясенные грандиозностью города, испытывающие благоговейный трепет перед создавшим этот город великим волшебством. Позади подавленно тащились

имперские солдаты, несколько сот человек из гарнизона Весла. Они признали власть захватчика — больше потому, что иначе и их постигла бы участь тех, чья кровь потоками лилась по булыжнику мостовых, чьи вывороченные внутренности забили все городские водостоки.

Повсюду полыхали пожары. Обитатели Весла возносили к небесам стенания и горестные жалобы и тут же умолкали, когда поблизости раздавался в ночи звук тяжелых шагов Плетеного. Укрываясь в тени стен, спешила скрыться из города вынырнувшая из своих укромных местечек всякая мелкая нечисть. Страх этих сущностей был так велик, что они не могли тихо дожидаться, пока черный ужас сам уйдет из города. Но Плетеный ни на что не обращал внимания. Всякое сопротивление было подавлено.

Он ничего не замечал, кроме пожаров. Огня он боялся.

Вдруг загудела тетива боевых луков и Плетеный вмиг оказался утыкан стрелами, словно мишень для стрельбы. Во все стороны полетели ивовые щепки и куски камней. Он пошатнулся и, если б его не поддержали лесные воины, рухнул бы навзничь.

Сперва его ослепила бешеная ярость. Затем пришли слова, тихие и ужасные, сковавшие смертельным холодом сердца тех, кто стоял так близко, что мог их услышать. Новые стрелы прорвали черное полотно ночи, вонзились в Плетеного, отсекли ему ухо, унесли жизнь одного из поддерживавших его дикарей. Но он завершил заклинание.

Из темноты, в пятидесяти ярдах, раздались дикие вопли. Они были так ужасны, что на глазах солдат, следовавших за Плетеным, выступили слезы.

Им пришлось перешагивать через судорожно дергающиеся, жалобно стонущие, скрученные страшной силой останки людей, носивших точно такую же форму, как они сами. Через тела своих братьев по оружию, чья смелость оказалась под стать их верности. Кое-кто пожал плечами и отвел глаза. Некоторые проявили милосердие, прекратив мучения несчастных быстрыми ударами копий. Другие, узнав среди павших своих прежних товарищей, поклялись про себя при первом же удобном случае свести с монстром счеты.

Плетеный казался неудержимым, как стихийное бедствие. Он прошел из конца в конец Весла, сея повсюду смерть и разрушение, увлекая за собой последователей. Наконец он подошел к Южным Воротам. Лу со своим напарником давно исчез оттуда. Плетеный поднял руку, произнес тайные слова. Ворота тут же разлетелись на щепки размером с зубочистку. Он прошел сквозь проем и остановился, пристально вглядываясь в темневшую впереди дорогу.

Отсюда, перекрывая друг друга, шло сразу несколько следов. След намеченной жертвы смешивался с другими запахами, не менее знакомыми и мучительно ненавистными.

— Тем лучше,— прошептал Плетеный.— Тем лучше. Разберись в следах и принимайся за дело! — Он втянул воздух носом.— Его след! И этой проклятой Белой Розы. И того, кто встал мне поперек дороги в Опале. И того старого колдуна, давшего нам свободу.— Изуродованные губы на мгновение дрогнули от страха. Да. Даже ему было знакомо чувство страха.— А вот и Ее след!

Жабодав считал, что Она потеряла свое былое могущество. Плетеному тоже хотелось так думать. Вне всякого сомнения, в этом была бы восхитительная, высшая справедливость. Но он не решался поверить окончательно. Пока не удостоверится собственными глазами. Потому что Она была коварным, вероломным существом. Как и все остальные люди.

Кроме того, однажды он уже пытался справиться с Ней и потерпел неудачу, приведшую его к нынешнему положению.

Жабодав, расталкивая солдат, протискивался через проем ворот. С его морды капала кровь. Несколько часов он рыскал по городу, пока не утолил свой древний инстинкт, первобытную кровожадность. Теперь у него появилась четвертая нога, из того же материала, что и тело Плетеного. Подойдя ближе, он тоже уставился на дорогу.

Выдохшиеся лесные воины, повалившись от усталости кто где был, заснули. Плетеный тоже притомился, но нянчиться со своими сторонниками и не собирался.

Приковылявший к нему из последних сил шаман попытался убедить его, что человеческая плоть не в силах больше выдерживать такой темп.

Голова слегка повернулась. Изуродованное лицо скривилось в презрительной гримасе.

— Вперед! Иначе — смерть! — прошептали губы.

Плетеный махнул рукой, приказывая своим людям водрузить его на спину бестии. И двинулся прочь, в безумии жажды мщения.

XV

Те, кого мы преследовали, даже не пытались запутать свои следы. По моему разумению, они считали, что для этого нет никаких причин. Так или иначе, но Ворон знал, куда направляется тот, за кем он гнался. Место называлось Хатовар и находилось далеко на юге, на самом краю света.

Этого парня, Костоправа, я знал. Он и его Черный Отряд доставили мне немало хлопот в Курганье, хотя никогда не пытались навредить по-настоящему. Я выбрался оттуда живым. Трудно сказать, как я к ним относился. Крутые ребята. Гоняться за ними мне совсем не хотелось.

Чем дальше мы ехали, тем больше просохший окончательно Ворон становился похож на настоящего Ворона.

Не на того Грая, каким он был, когда мы впервые встретились. А на повидавшего виды головореза, крутого, отчаянного и смертоносного, как чума. Думаю, ему и в голову не приходило напиться с тех пор, как он решил, что у него есть дела поважнее.

Каждое утро, перед тем как тронуться в путь, и каждый вечер, после того как мы разбивали лагерь, мы тренировались в стрельбе. Пока он был еще слаб, мне не удавалось уломать его ни на что другое. Когда же Ворон начал приходить в себя, он быстро дал мне сто очков вперед во всем. Кроме швыряния камней и ходьбы на скорость.

Его бедро все никак не заживало.

Он никогда не останавливался ни на постоялых дворах, ни в деревнях. Думаю, избегал соблазна.

Если кто захочет меня удивить какой-нибудь небылицей, а сам ни разу не видел Башни в Чарах, зря будет стараться. Вряд ли где еще найдется вторая такая громадина. Сто пятьдесят футов в высоту и насквозь черная, как сердце сутенера. Никогда раньше не видал ничего подобного и вряд ли когда увижу.

Мы не стали подходить к ней слишком близко. Ворон сказал, что нет смысла привлекать внимание этих людей. Что верно, то верно. Там находилось сердце Империи, дом Госпожи, где когда-то обитали древние сущности, именуемые Десять Взятых.

Мы отъехали на несколько миль. Мне удалось поспать, пока Ворон шнырял вокруг, пытаясь что-нибудь выяснить. Отдохнуть после многих сотен миль, проведенных в седле, было настоящим счастьем.

Он возник, как призрак, со стороны заката, окрасившего горизонт багровыми огнями ада.

— В Башне их нет,— сказал он, усевшись напротив.— Они останавливались здесь на пару недель, а потом снова двинулись на юг. С ними ушла Она.

Я чуть не взвыл. За годы службы чего только не было, и все же я никогда не распускал нюни. Но эта гонка меня доконала. Нормальному человеку такое не под силу.

— Мы скоро нагоним их, Кейс. Если они проваландаются в Опале столько же, сколько и здесь, мы их там достанем.— Ворон одарил меня насквозь фальшивой улыбкой.— Ты ведь мечтал увидеть мир.

— Но не весь же сразу и за одну неделю,— буркнул я.— Я рассчитывал наслаждаться его красотами не спеша.

— Если мы не догоним их и не заставим повернуть назад, навстречу беде, этот мир может провалиться в преисподнюю. Со всеми красотами вместе.

— Тогда хотя бы поищи своих детей. Пока мы будем в Опале,— сдался я.

Мне хотелось увидеть море. Всю жизнь мечтал. С тех самых пор, как забредший в наши края странник рассказывал детишкам вроде меня всякие байки. Про самоцветные города, про море Мук. И так далее. После этого, копая картошку и выдергивая сорняки, я всю дорогу думал о

море. В мечтах я представлял себя матросом на палубе, посреди бескрайних волн... А позже собирался стать капитаном.

Много я тогда понимал.

Мне и теперь хотелось увидеть море. Но куда больше я хотел увидеть Ворона загладившим старые грехи, примирившимся со своими детьми и с самим собой.

Он как-то странно посмотрел на меня. Мои последние слова остались без ответа.

По пути мы не забывали пополнять запасы оружия и накопили приличный арсенал. Почти под самыми стенами Опала подвернулся случай пустить его в дело. На пользу нам это не пошло. Из городских ворот вихрем вылетела громадная старинная чугунная карета и помчалась по дороге прямо на нас. Лошади неслись так, словно только что наглотались огня. Никогда ничего похожего не видел.

— Карета Госпожи,— сказал Ворон, выхватил лук и натянул тетиву.— Остановим ее!

— Остановим? Карету Госпожи? Да ты рехнулся! У тебя, верно, гнездовье вместо мозгов.— Я тоже схватил свой лук.

Ворон поднял руку, приказывая им остановиться. Мы старались выглядеть получше. Стой, где стоишь! Кошелек или жизнь! И всякое такое. Старались изо всех сил.

Карета даже не замедлила хода. Казалось, кучер нас просто не заметил. Я вверх тормашками полетел в придорожную канаву, на фут заполненную жидкой грязью. А когда поднялся, увидел, что Ворон закончил свой полет в кустах ежевики на другой стороне дороги.

— Ублюдки! Высокомерные недоноски! — истошно орал он оттуда вслед карете.

— А как же,— подтвердил я.— Ну прямо никакого уважения к парочке честных грабителей с большой дороги.

Ворон посмотрел на меня и расхохотался. Я посмотрел на него и сделал то же самое. Отсмеявшись, он слегка озадаченно сказал:

— А ведь в карете никого не было.

— Когда ты успел заметить?

— Успел. Похоже, я знаю, в чем дело. Надо спешить. Лови свою лошадь.

Свою-то я поймал быстро. Она была слишком глупа и не попыталась отомстить мне за прошлые обиды. Но лошадь Ворона долго играла с ним в пятнашки, оглядываясь через плечо. Черта лысого я тебе дамся, скотина, было написано на ее морде. Игра затянулась. Наконец я прекратил это безобразие, подкравшись к зверюге с другой стороны.

Мы ухлопали на эти маневры добрых полчаса.

А когда добрались до порта, оказалось, что большой черный корабль вышел в пролив как раз примерно полчаса назад. Я было подумал, что Ворон пустит своего мерина на корм рыбам. Тут же. Но он всего-навсего спешился, подошел к краю пристани и долго глядел вслед кораблю. Когда же грузчики начали ворчать, что мы путаемся у них под ногами, он просто разок глянул на них. Тем самым взглядом, от которого душа уходит в пятки. Те тут же испарились.

Значит, к нему вернулась вся его прежняя сила. Ведь парни здесь, в порту, были не из робких.

Черный корабль растаял в туманной морской дымке. Ворон вздрогнул, мысленно возвращаясь к шуму и сутолоке провонявшего рыбой порта.

— Наверно, придется продать лошадей, а потом найти корабль, который пойдет в Берилл,— сказал он.

— Осади назад, парень. Пошевели мозгами. Может, хватит? Или ты готов гнаться за ними хоть на край света? Оглянись вокруг. Это Опал. Сколько тебя знаю, столько слышу разговоры о том, что ты должен вернуться в Опал и найти своих детей. Ну, так протри глаза. Мы уже здесь. Давай искать.

Этот парень был моим другом. Но он вечно искал приключений на свою задницу. Он был Граем до того, как стать Вороном. И он был Вороном до того, как стать Граем. А до того, как его первый раз назвали Вороном, он был кем-то еще. Из благородных, наверно. И у него были дети в Опале. Двойняшки. Он бросил их, когда присоединился к Костоправу и той шайке, которая направлялась на север, чтобы сражаться в Форсберге.

Он просто оставил их на произвол судьбы. Но с тех пор терзал сам себя, поскольку не знал, что с ними случилось. Все-таки он был их отцом. По мне, так сейчас было самое время разобраться со всеми этими делами.

Он надолго задумался, пристально разглядывая побережье к востоку от порта. Будто искал там ответ. Я тоже посмотрел туда. Там, на вершинах скал, стояли дома богачей окнами на море. Всегда подозревал, что когда-то Ворон был одним из них.

— Может быть, на обратном пути,— изрек он наконец.— Когда мы снова отправимся на север.

— Конечно.— Но подумал: «Мразь».

Он прочитал мои мысли. Как-то внутри обмяк. И не смотрел на меня.

Судном, на котором мы могли добраться до Берилла, оказалась грязная, засаленная шаланда. Она уходила через два дня. Ничего лучшего нам найти не удалось. При одной мысли об этом «гордом корабле» меня сразу начинало мутить.

В ту ночь Ворон опять нализался до поросячьего визга, хоть я и словом больше не обмолвился про детей. Наверно, продолжал читать мои мысли. А может, рискнул прочесть свои, что еще хуже.

Я встал рано. Ворону предстояло весь день баюкать свое похмелье. Он был из тех старых пижонов, кто с пеной у рта будет всем рассказывать, что он-то в молодости никогда похмельем не мучился. Я вышел, чтобы осмотреться в городе.

И правильно сделал. Я вообще редко когда теряюсь, а город давно стал частью Империи, и за пару поколений в нем успели поселиться самые разные люди. Поэтому почти всюду было легко найти кого-нибудь, кто говорил на одном из тех языков, которые я понимал.

Не больно-то весело копаться в прошлом своего друга. Да и откопать удалось немного. Почти никто ничего не помнил. А то, что люди помнили, больше походило на волшебные сказки. Хорошая история всегда обрастает кучей подробностей. Но какой-то смысл во всей этой чепухе я все же уловил.

Давным-давно один тип, по имени Хромой, был губернатором той провинции, частью которой являлся Опал. Сам Хромой входил в число настоящих, первых Десяти Взятых, бессмертных чародеев Тьмы, приближенных Госпожи. Взятыми их прозвали потому, что они были некогда порабощены великой темной силой. Хотя и до того каждый из них по праву считался первостатейным злодеем.

Этот Хромой был одним из самых мерзких и развращенных губернаторов, когда-либо правивших провинцией.

Я его видел потом. Когда он явился в Курганье на последнюю великую битву. Где и схлопотал свое. Бьюсь об заклад, когда он подох, никто в целом мире не проронил по нему ни единой слезинки. Он был самым отвратительным, самым безумным из всех Взятых.

Ну вот. За то время, что Хромой губернаторствовал в Опале, он со своими подручными выпотрошил всю провинцию. Они даже медяки с глаз покойников воровали. И конечно, был там некий барон Корвус. Его клан вошел в союз с Империей, когда та только начала укрепляться здесь. Позже этот барон получил назначение куда-то в другие края. Как только он покинул Опал, его жена сразу завела шашни с Хромым и его бандой. Дошла до того, что сама помогла лишить клан барона титулов, привилегий, всего, чем они владели. А также помогла подстроить ложные обвинения против братьев, кузенов и дядей барона; их казнили, а имущество конфисковали.

Я разузнал про нее не слишком много. Была свадьба, брак по расчету, без тени любви. Думаю, для того чтобы положить конец междуусобицам, тлевшим не одну сотню лет. Ни хрена из этого не вышло.

Она сперва обобрала до нитки род Ворона, а потом вырезала его, почти начисто. А он добрался до нее и прикончил, а потом расправился с остальной бандой. Уцелел только Хромой. Если б Ворон захотел, он мог бы вернуть все, чем владел его род, ведь Хромой никогда не ладил с Госпожой. Но бывший барон встретил свою Душечку, свою Белую Розу, а та стала для Госпожи смертельным врагом.

Чтобы разнюхать все это, пришлось потрудиться на славу, скажу я вам. Вот только о детях Ворона узнать так ничего и не удалось. Из тех, с кем я говорил, всего двое вообще смогли припомнить, что там были какие-то дети. Но и эти двое не знали, что с ними потом стало.

Похоже, никого это не волновало. Кроме меня.

Лошадей мы продали, но выручили за них совсем немного. Слишком уж потрепанными они выглядели; беднягам здорово досталось, пока мы пробирались на юг.

Ворон все мучился своим черным похмельем и был совсем не в настроении спорить. Я же, наоборот, расхрабрился на старости лет.

— Что проку гоняться за Костоправом по всему белу свету? — наседал я на Ворона.— К тому же когда ты в прошлый попытался на него наехать, он просто продырявил тебе ногу. Или ты забыл? Ладно, пускай мы его догоним. Если даже он станет тебя слушать, вместо того чтобы проделать в тебе еще пару дырок, что дальше? Что бы там ни стряслось где-то на севере, какое ему до этого дело?

Признаюсь, сбивчивые россказни Ворона о том, что ему там привиделось, по-прежнему не вызывали у меня доверия. Хоть он и учился слегка черной магии. В давние времена.

Рискуя окончательно прослыть занудой, я сказал:

— Мне все-таки сдается, что у тебя есть куда более важные дела. Прямо здесь, в Опале.

Он сверкнул глазами:

— Не лезь в душу, Кейс. Не суйся, куда тебя не просят. Займись собственными делами.

— Это и есть мое дело. Чье же еще? Разве не я тащусь за тобой через полмира, неизвестно куда, рискуя шкурой? Разве не меня могут однажды прикончить в каком-нибудь местечке, о котором я и слыхом не слыхивал, из-за бредовых идей, которые втемяшились тебе в голову?

— Тебя никто не заставляет, Кейс. С ножом к горлу никто не пристает.

Не мог же я сказать ему: я перед тобой в долгу, но ты в этом ничего не понимаешь, парень. Ты научил меня чи-

тать и писать. Ты считал, что я чего-то стою как человек, пока твоя крыша не поехала. Но сказал иначе:

— А кто поможет тебе оклематься и утереть сопли, когда тебя очередной раз вывернет наизнанку? Кто будет вытаскивать из разных кабаков, когда ты очередной раз ввяжешься в драку и из тебя примутся вышибать дух?

Он проделал это прошлой ночью. Не появись я вовремя, его бы точно прикончили.

И он собирался спасти мир. В омерзительном настроении. У него трещала голова. Опять разболелось бедро. У него вообще все болело после вчерашней свалки. Поэтому он не стал отвечать мне в том же духе. Сказал просто:

— Я буду делать то, что должен делать, Кейс. Прав или не прав. Хотелось бы, чтобы ты был рядом. Но если ты не можешь этого сделать, зла держать не буду.

— Черт с тобой. Деваться мне все равно некуда. Да и не так уж я дрожу за свою шкуру.

— Тогда почему скулишь?

— Просто иногда хочется видеть в том, что я делаю, хоть каплю смысла.

Мы направлялись в такие края, где даже Ворон никогда не бывал. Мы погрузились на шхуну, которая шла в Беримл за грузом зерна. Мы неоднократно об этом пожалели, пока добрались до цели. Но когда капитан отказался повернуть обратно, мы с Вороном посовещались и решили не возвращаться в Опал по воде.

Вообще-то поначалу дела шли не так уж плохо. Пока шхуне не пришлось надолго встать на якорь. Это случилось где-то на полпути.

— В такое время года здесь никогда не бывает штормов,— жизнерадостно сообщил нам боцман. Именно в тот момент, когда ураганный порыв ветра изодрал в клочья парус, который матросы не успели вовремя свернуть. Следующие четыре дня боцман не уставал утешать нас, повторяя то же самое как заклинание. К Беримлу пристали с опозданием на эти четыре дня.

Никогда не жалею о том, чего все равно не изменишь. Что бы я там ни думал об обязательствах Ворона перед его детьми, теперь это не играло никакой роли. Они остались

далеко за морем, а я навсегда излечился от желания стать моряком. Даже если б Ворон вдруг решил вернуться, чтобы уплатить по старым счетам, я бы просто посоветовал ему почесать ухо пяткой.

Банда, за которой мы гнались, казалось, нарочно стремилась наследить как можно больше. Бывший приятель Ворона поставил на уши весь Берилл, промчавшись через него словно ураган. Он выдавал себя за имперского посланника с некой таинственной миссией.

— Костоправ теперь спешит как на пожар,— сказал Ворон. Погоня будет долгой.

Я косо взглянул на него, но сумел попридержать язык.

Мы добыли новых лошадей и накупили всякого походного барахла. Когда мы наконец выбрались из города через Мусорные Врата, орава Костоправа опережала нас на целых семь дней.

Ворон взял с места так, словно собирался настичь их завтра на рассвете.

XVI

В самом сердце континента, далеко к востоку от Курганья, Весла, Башни в Чарах, по ту сторону каменистой пустыни, которая называлась Ветреный край, лежала равнина Страха, обширная, бесплодная, суровая и причудливая страна.

А в самом сердце равнины Страха находился голый круг, посреди которого стояло громадное дерево, древнее как само время. Оно было предком того молодого деревца, что было поставлено стражем в Кургане.

Немногочисленное племя диких, пугливых кочевников, обитавшее на равнине Страха, прозвало его Праотцем-Деревом и поклонялось ему как богу. Оно и было богом. Или — полубогом. Разницы почти никакой. Но распространить свое могущество за границы строго очерченных пределов оно не могло.

Праотец-Дерево был вне себя. Будь это дерево человеком, оно сейчас вопило бы от ярости. После долгого-долго-

го молчания оно получило вести от своего отпрыска. Тот сообщал о своих промахах, позволивших трехлапой бестии откопать захороненную голову, и о кровавой потехе, устроенной обезумевшим от жажды убивать Плетеным.

Но не столько нерасторопность сына была причиной бешенства, охватившего Праотца-Дерево, сколько его собственное бессилие перед лицом обстоятельств и страх перед вырвавшимся на свободу чудовищем.

Казалось, тот монстр был повержен навсегда, мир вздохнул спокойно и вернулся к своим повседневным заботам. Но дьявол не упустил подвернувшегося шанса. Теперь он снова бросал вызов. Обретя свободу, нигде не получая отпора, он свирепствовал, словно намеревался уничтожить весь мир, который так люто ненавидел.

Дерево было богом. Мельчайшие, почти незаметные признаки помогали ему прозревать контуры завтрашнего дня. Устремленный в будущее взор Праотца-Дерева провидел опустошенные страны, залитые кровью и охваченные ужасом.

Поражение его отпрыска могло стать предвестником его собственного поражения, крушения всех надежд.

Когда немного стихла охватившая его буря чувств, дерево-бог направило в самые дальние, самые укромные и недоступные уголки равнины Страха своих посланников. То были говорящие камни. Они должны были донести до самых крайних пределов равнины призыв дерева. Праотец-Дерево созывал ассамблею Народов, своего рода парламент, представлявший сорок с лишним видов причудливых существ, населявших эту необыкновенную страну.

Праотец-Дерево не мог сдвинуться с места, но разослать повсюду вместо себя своих послов и верных воинов было в его силах.

Так он и сделал.

XVII

Когда старик добрался до Лордов, он едва держался в седле. Раньше он всегда вел малоподвижный образ жизни, а значит, мог противопоставить тяготам опасного путешествия

и старческим немощам только свою волю и искусство черной магии.

Он обладал железной волей и великим колдовским даром, но ни то ни другое не было безграничным. В любое время усталость могла взять свое.

Он знал, что сейчас отстает от тех, за кем гонится, всего на пять дней. Белая Роза и ее спутники не опасались здесь преследования имперских властей, а потому ехали не таясь, без спешки. Несмотря на отчаяние, владевшее им по-прежнему, он дал себе два дня отдыха, ибо знал, что эта потеря времени в дальнейшем окупится сторицей.

Старик покинул Лорды, добыв в городе лошадь и вьючного мула, которых выбирал не за быстроногость или красоту, но за выносливость и покладистый нрав. Большая часть оставшегося пути пролегала через Ветреный край, о котором ходила дурная слава. Он не хотел там провести и лишнего часа.

Одна за другой оставались позади маленькие жалкие деревушки, все реже попадавшиеся на его пути. Приближаясь к Ветреному краю, он понял, что продвигается вперед довольно быстро. За несколько недель ему удалось сократить отставание на четыре дня.

Но особых надежд на быстрый успех в этих пустынных безлюдных землях он не питал. Там не было не только торных дорог, но и даже тропинок. Сама Империя пренебрегла бесполезной и бесплодной пустыней. Наверно, теперь надо будет двигаться медленнее, используя все свое искусство, чтобы не потерять след.

Впрочем, надо ли? Ему было известно, куда они держат путь. Тогда к чему беспокоиться о том, где именно они находятся сейчас? Не проще ли прямиком двинуться к тому месту, которое они не смогут миновать, покидая Ветреный край? Если поднажать, он будет там одновременно с ними. Или даже раньше.

Преодолев три четверти пути через пустыню, он оказался в самой скверной ее части, где путникам приходи-

лось пробираться сквозь нагромождения изъеденных временем безжизненных каменных глыб.

Он устроил привал, поел, а потом лег и стал смотреть, как на небе зажигаются звезды. Обычно он засыпал почти мгновенно, но на этот раз заснуть мешало какое-то смутное беспокойство, почти болезненное ощущение на стыке сознания и подсознания. Не сразу ему удалось понять, в чем тут дело.

Впервые с тех пор, как он попал в Ветреный край, внутри круга, очерченного его бессознательной, никогда не дремлющей, сверхчувственной восприимчивостью, он был не один. Примерно в миле к востоку от него находилась группа людей.

И еще что-то двигалось в ночи, нечто огромное, опасное и чуждое. Оно летало там, меняя высоту и направление, словно охотилось на неведомую добычу.

Сконцентрировав силу разума, он осторожно потянулся мыслью на восток.

Это они! Те, за кем он так долго гнался! Насторожены и встревожены чем-то, как и он сам, будто ждут чего-то, что вскоре должно произойти.

Он начал быстро сворачивать свой крохотный лагерь, все время бормоча себе под нос ругательства, проклиная свои физические немощи, ломоту в костях, все те недуги, с которыми он давно стал неразлучным. Его разум продолжал прощупывать ночь, чтобы знать, где находится летающая тварь, продолжавшая свою охоту.

Вот она снова приблизилась, но затем медленно полетела прочь. Хорошо. Возможно, у него еще есть время.

Путешествие сквозь ночь оказалось более трудным, чем он ожидал. Вдобавок эта тварь наверху. Казалось, временами она ощущала присутствие старика, несмотря на все его усилия слиться с каменистой землей пустыни. На лошадь и мула она нагоняла панический ужас. Он продвигался вперед мучительно медленно.

Уже занималась заря, когда он перевалил через острый, как лезвие ножа, край каменистой гряды и увидел невдалеке, у противоположного края каньона, лагерь тех, кто был ему нужен. Он начал спускаться; боль, казалось,

пронизывала его до самых кончиков ногтей. Все труднее становилось справляться с перепуганными животными.

Над ними пронеслась громадная тень. Он взглянул вверх. Гигантское существо, не меньше тысячи футов длиной, обогнало их, снижаясь в направлении лагеря в каньоне.

— Подождите! — закричал старик из последних сил. Мертвые камни ответили ему долгим эхом.

Он продвигался вперед, на каждом шагу ожидая неминуемой смерти. Если не под градом стрел, так в сокрушительных, гибельных объятиях щупалец летающего левиафана. Но так и не дождался.

Из-за обломка скалы, загородив дорогу, шагнул стройный смуглый человек, глаза которого были черны, тверды и остры, как осколки обсидиана. Потом, откуда-то сзади и сбоку, послышался голос другого человека:

— Провалиться мне на месте! Да это же старый колдун Боманц! А ведь болтали, что там, в Курганье, его сожрал дракон.

XVIII

Огненный змей полз к югу, пожирая на своем пути замки, деревни, большие и маленькие города. Он рос не по дням, а по часам, даже если ему случалось иногда потерять одну из своих голов. Он полз, оставляя за собой выжженную, насквозь пропитанную спекшейся кровью землю.

Самыми его ядовитыми зубами были Жабодав и Плетеный.

Но даже у Плетеного физические силы оказались не безграничными. Бывали у него и периоды просветления рассудка. В Розах, после расправы над этим городом, в один из таких моментов он осознал, что ни его солдаты, ни он сам не могут продолжать в том же темпе. Ряды его сторонников редели не столько благодаря усилиям врагов, сколько из-за непереносимых тягот и лишений долгого пути.

Он встал лагерем неподалеку от развалин города и несколько дней восстанавливал силы. Пока начавшееся массовое дезертирство доблестных воинов, сгибавшихся под

тяжестью награбленного барахла, не подсказало ему, что солдаты уже достаточно отдохнули.

Тогда во главе пяти тысяч вооруженных сторонников он направился к Башне в Чарах.

В Башне успели подготовиться к нападению. Защитники хорошо знали, кто к ним пожаловал, и отказались открыть ворота. Они называли его изменником, сумасшедшим, грязным мерзавцем. Находили словечки и похлеще. Издевались над ним как могли. Она находилась в отъезде, но Ее приспешники оставались Ей верны, вели себя дерзко и не выказывали никакого страха.

По камням стен, укрепленных заклинаниями еще при строительстве Башни, двинулись заколдованные выползки: сморщенные зеленые, розовые и голубые личинки. Эти червяки быстро сползались туда, куда наносил свои удары Плетеный, и поглощали энергию его колдовства. Колдуны, засевшие в Башне, были более слабыми магами, чем атаковавший их Плетеный, но они действовали под защитой заколдованных стен, воздвигнутых тем, кто многократно превосходил его своим могуществом.

Плетеный бесновался, изрыгая заклинания, пока не обессилел. Самое большое повреждение, нанесенное им Башне, было размером с обычную кляксу.

А эти болваны, там, внутри, продолжали глумиться над ним. Но через несколько дней такая забава им приелась. Раздраженные его упорством, они принялись швырять в него пылающие факелы.

Пришлось отступить за пределы их досягаемости.

Солдаты уже не верили ему, когда он утверждал, что Госпожа утратила былое могущество. Если утратила, то почему же Ее вассалы так самоуверенны и упрямы?

И что из того, что Ее нет сейчас в Башне? Ведь Она может в любое время примчаться на помощь, получив известие об осаде. Было бы просто глупо оказаться в этот момент в лагере Плетеного.

Армия начала таять. Солдаты дезертировали целыми ротами. Когда колдунам Плетеного удалось наконец пробить брешь в воротах Башни, число его сторонников

сократилось до двух тысяч человек. Они наконец прорвались сквозь пролом, испытывая при этом худшие опасения. И там, внутри, они подтвердились. Большинство сгинуло в заранее подстроенных внутри Башни хитроумных ловушках, прежде чем их хозяин осмелился последовать сквозь брешь за ними.

Но даже попав внутрь, Плетеный ничего не добился.

Он едва вырвался обратно и долго катался по земле, чтобы сбить язычки пламени, жадно вцепившиеся в ивовые прутья его тела. Лавина камней, обрушившаяся на него с зубчатых стен Башни, чуть не погребла его под собой. И он торопливо отступил, едва успев предотвратить дезертирство тех нескольких сотен людей, что уцелели от всего его воинства.

Жабодав не пострадал. Он благоразумно уклонился от участия в последней схватке и теперь решительно направился прочь. После перенесенного унижения он не собирался дальше околачиваться под стенами Башни. Изрыгая ужасные проклятия, Плетеный последовал за ним.

Защитники Башни сделали так, что их издевательский смех много дней звучал в ушах побежденных.

Города, лежавшие между Башней и морем, дорого заплатили за происшедшее. А Опал заплатил вдвойне. Плетеный так далеко зашел в своей безумной жажде мщения, что ему пришлось целых шесть дней выжидать, прячась в руинах города, прежде чем один опрометчивый капитан не бросил якорь в гавани, чтобы выяснить, что за ужасное стихийное бедствие постигло Опал.

Разочарование, грызшее Плетеного, лишь подстегивало его ярость. Казалось, сама судьба решила помешать ему. Несмотря на все его неутомимые, неистовые усилия отомстить, он ни на шаг не продвинулся вперед — разве что в бушевавшем внутри него царстве безумия. Но он не желал признать очевидное.

Под стенами Берилла Плетеному пришлось столкнуться с колдовскими проявлениями почти той же силы, что и в Башне. Защитники города не пожелали сдаться, предпочтя вступить в жестокую схватку.

Безумие, неистовство и ярость Плетеного в тот день ужаснули даже Жабодава.

XIX

Талли, почесываясь, сидел на бревне и пустыми глазами смотрел в ту сторону, где стояло дерево. Вряд ли братец сейчас хоть что-нибудь видит, подумал Смед. Опять изнывает от жалости к самому себе.

— Вот дерьмо,— пробормотал Талли.— Ну и черт с ним.

— Что? — спросил Смед.

— Что слышал. Я сказал — черт с ним! Я сыт по горло. Будем собираться обратно. По домам.

— Послушай, а как же дворцы и роскошные женщины, о которых ты толковал? Как насчет твоих обещаний, что всю оставшуюся жизнь мы будем жить по-королевски?

— Забудь. Засунь себе эти обещания. Мы уже проторчали тут всю весну и половину лета, ничего не добившись. Просто я показался себе большим умником, решил прыгнуть выше головы, а сам как был бичом с Северной Окраины, так им и останусь.

Смед посмотрел в сторону дерева. Тимми Локан все продолжал швырять палки. Это занятие ему никогда не надоедало. Сегодня Тимми искушал судьбу, подобравшись к дереву гораздо ближе, чем обычно. Он собирал палки, раньше не долетевшие до кучи, и забрасывал их на самый верх. Так получалось гораздо быстрее, чем искать валежник: ближайший к дереву участок леса был вылизан, словно парк; там нельзя было найти ни единой хворостинки.

Смед подумал, что теперь они могут поджечь кучу в любое время: местами она полностью закрывала дерево, поднявшись на пятнадцать футов в высоту.

Что такое творится с Талли? С тех пор как им пришлось искупаться в реке, он непрерывно скулил и закатывал истерики. Но сейчас, когда они были в двух шагах от цели, его поведение выглядело подозрительно.

— Мы можем теперь подпалить эту кучу в любое время. Почему бы тебе не подождать еще немного?

— К чертовой матери! Опять ничего не выйдет, и ты прекрасно это знаешь. А если думаешь иначе, то дурачишь сам себя.

— Коли собрался уходить, так проваливай! А я намерен остаться посмотреть, чем кончится дело.

— Я же сказал: мы уходим отсюда все. Все, понял?

Ладно, подумал Смед. Похоже, Талли опять собрался обвести его вокруг пальца.

— Я-то понял, но остальные думают иначе. Трое против одного. Хочешь свалить отсюда — сваливай. Держать тебя силком никто не станет.

Талли поднял шум. Даже пустил в ход кое-какие угрозы. Наверно, продолжал воображать себя полководцем.

— Заткнись,— оборвал его Смед.— У меня нет семи пядей во лбу, это верно, но я не настолько туп, как ты полагаешь, Талли.

Талли слишком долго медлил, прежде чем сказать:

— Ты о чем?

— В ту ночь, когда ты как цыпленок обделался, удрав к реке и не дождавшись нас, я припомнил, что ты и раньше откалывал со мной такие фокусы. Но на сей раз номер не пройдет, Талли. Хочешь прикарманить Серебряный Клин и слинять, оставив старого Смеда здесь, с пальцем в заднице? Нет уж! Не выйдет!

Талли принялся бить себя пяткой в грудь, что ни о чем подобном он даже не помышлял. Но Смед больше не обращал на него внимания. Он снова стал смотреть, как Тимми Локан швыряет палки. Немного погодя он заметил, что со стороны городка приближается Старый Рыбак. Старик что-то нес на плече. Смеду было плохо видно, но он надеялся, что это карликовый олень. Одного такого старик подстрелил недели две назад. Жаркое получилось — пальчики оближешь.

Тимми тоже заприметил Рыбака, сразу утратил интерес к швырянию палок и затрусил в их сторону.

Но на плече у Рыбака оказался вовсе не олень, а большой узел, который он со звоном и лязганьем сбросил у бревна.

— Там уже почти не воняет,— сказал он.— Вот я и подумал, надо бы в городке немного пошуровать.— Он развязал узел, сделанный из старого изодранного одеяла.— У тех ребят не хватило времени хапнуть как следует. Уж слишком спешили дальше.

Когда старик развязал узел, у Смеда даже челюсть отвисла от изумления. Там было несколько фунтов звонкой монеты, среди которой попадались золотые. Там были кольца, браслеты, броши, серьги и ожерелья, многие — с драгоценными камнями. Никогда прежде ему не приходилось видеть такую кучу сокровищ сразу.

— Такого добра там навалом,— сказал Старый Рыбак.— Я просто подобрал, что валялось почти под ногами, и ушел, взяв то, что мог унести.

Смед презрительно взглянул на Талли:

— А ты еще собрался выйти из игры. Решил, что все — псу под хвост.

Талли с благоговением смотрел на лежавшую перед ним груду драгоценностей. Затем выражение его лица вдруг стало подозрительным. Смед понял, что братец обдумывает: а не спрятал ли Рыбак большую часть найденного там, откуда мог бы забрать ее позже? Только такая идиотская мысль и могла прийти в голову Талли Стаху.

Если бы Старый Рыбак захотел отстегнуть их от дележа добычи, он бы просто припрятал ее, а потом забрал без помех. И никто бы ничего не заподозрил. Никто из них не собирался искать что-либо в городке. Наоборот, каждый стремился выкинуть из головы все мысли о том, что там случилось.

— Что стряслось? — спросил Рыбак, переводя взгляд с Талли на Смеда и обратно.

— Разнылся, что вся наша затея — одни чертовы заморочки,— объяснил Смед.— И что его уже мутит от этого, и он хочет, чтобы мы отправились восвояси. Но послушай. Пускай даже с деревом ничего не выйдет, мы можем сделать то же, что и бандиты. Всего на малую долю того, что уже здесь, я мог бы миленько жить в течение долгого времени.

Рыбак снова внимательно посмотрел сперва на Смеда, потом на Талли, затем снова перевел взгляд.

— Я понял. Очень возможно.— Кем-кем, а дураком этот старик не был.— Тимми,— сказал он,— у тебя верный глаз. Сможешь поделить это барахло на равные части?

— Плевое дело.— Тимми уселся прямо на землю и, заливаясь счастливым смехом, по локоть засунул руки в кучу монет.— Кто из вас уже успел приглядеть для себя какую-нибудь вещицу? Могу отложить.

Никто не отозвался.

Глаз у Тимми и впрямь оказался верным. Он разделил все так, что даже Талли не нашел к чему придраться.

— Там наверняка еще много чего осталось,— сказал Старый Рыбак.— Не говоря обо всяких стальных штуковинах, которые тоже можно прибрать к рукам, а потом загнать кому-нибудь оптом. Если мы сумеем пригнать туда фургон и вывезти все это барахло.

После дележа добычи Талли и Старый Рыбак опять пошли в городок. Смеду совсем не хотелось идти с ними, но он все же решил, что пойти надо. Приглядеть за Талли, чтобы тот не выкинул какой-нибудь бесчестный фортель. Тимми остался. Ему нравилось бросать палки и смотреть, как растет куча хвороста.

Целых десять дней, с утра до вечера, они мародерствовали в городе. Оружие и другие громоздкие предметы они подбирали, чистили, увязывали так, чтобы защитить от сырости, а потом прятали, в надежде вернуться за ними снова. Но даже денег, драгоценностей и небольших безделушек набралось столько, что они едва могли унести.

Даже Талли, казалось, был доволен и радовался жизни. До поры до времени.

— Знаете, что не дает мне покоя? — спросил он однажды вечером.— Отчего никому в этом чертовом городе Весло не пришла в голову такая же мысль, как мне? Голову готов был дать на отсечение, что, пока мы тут валандались, за каждым кустом будет торчать пара парней, мечтающих добраться до Серебряного Клина.

— А мне хотелось бы знать, отчего сюда до сих пор никто не явился, чтобы узнать, что сталось с чертовым гарнизоном? — проворчал Старый Рыбак.

Ответа не знал никто. От таких вопросов разило падалью слишком сильно, чтобы от них можно было так просто отмахнуться, и у каждого их накопилось немало.

— Сдается мне, пришла пора подпалить чертову кучу и посмотреть, сработает это или нет,— сказал Старый Рыбак.— Там уже столько хвороста, что Тимми не может забрасывать сучья на самый верх.

Смед вдруг понял, что ему совсем не хочется в этом участвовать. Талли, похоже, тоже не горел особым желанием. Зато Тимми сразу расплылся в улыбке от уха до уха. Ему давно не терпелось.

Талли шепнул на ухо Смеду:

— Этот коротышка то и дело поджигал что-нибудь в городе, когда мы там были. Радуется, глядя, как вещи горят.

— Сегодня день что надо,— сказал Рыбак.— Поднялся ветер, он раздует огонь. Как раз такой день, жаркий и солнечный, когда дерево спит крепче всего. Загляните в свои штаны, парни, чтобы понять, мужики вы или уже нет. Если у вас там все на месте — тогда вперед!

Какое-то время они смотрели друг на друга, потом Смед сказал:

— Ладно,— и встал.

Он подобрал давно приготовленную охапку сухих веток. Рыбак с Тимми тоже взяли по охапке. Талли пришлось нехотя последовать их примеру.

Они спустились на дно ямы, выкопанной бестией, подожгли там ветки, потом выскочили наружу, стремительно подбежали к дереву и побросали пылающие связки на кучу хвороста с наветренной стороны. Талли, конечно, бросил слишком издалека, его связка не долетела до кучи, но это уже не играло роли.

Обратно они неслись, не разбирая дороги. Смед, Тимми и Рыбак бежали по прямой, Талли — зигзагами. Но дерево не проснулось, пока они не укрылись в лесу.

К тому времени кучу хвороста охватило адское пламя.

Из чрева костра изредка вылетали голубые молнии. Но это продолжалось недолго.

Жар огня припекал даже там, откуда, скорчившись на земле, Смед наблюдал за происходящим. Столб пламени продолжал бесноваться, но это зрелище почти не действовало на Смеда. Пожалуй, он ощущал только печаль.

Костер прогорал долго, весь остаток дня. В полночь Тимми пошел посмотреть, как там дела. Вернувшись, он сказал, что под пеплом полно углей и подойти близко к дереву невозможно.

На следующее утро они отправились туда все вместе. Смед был поражен. Дерево по-прежнему стояло на месте. Без листьев, с обугленным стволом, но стояло. Серебряный Клин, словно око дьявола, тускло мерцал на уровне человеческого роста. Как бы близко они ни подходили, никакой реакции на их присутствие не было.

Но достаточно близко подойти было нельзя: жар, все еще сохранившийся под пеплом, становился невыносимым. Они натаскали воды из речки и долго лили ее на пепел, пока не образовалась тропинка. Тимми Локан подобрал подходящую для рычага палку и сам вызвался вытащить Клин.

— Не могу поверить,— прошептал Талли, когда Тимми налег на рычаг, а дерево никак не среагировало.— Просто никак не могу. Чертова штука почти в наших руках! Мы действительно до нее добрались!

Тимми пыжился изо всех сил, сыпал проклятиями, но у него ничего не получалось.

— Эта дрянь даже на мизинец не сдвинулась,— прорычал он.— О черт!

Клин вдруг выскочил из ствола, словно пробка из бутылки. Тимми дернулся, пытаясь схватить его, когда тот пролетал мимо, и на мгновение притронулся к нему левой рукой, но тут же выронил и дико завопил:

— Ой, черт! Эта дрянь горячей огня!

Он подбежал к ним, продолжая орать от боли, сунул руку в бадью с водой. Его ладонь вся покраснела, на глазах покрылась волдырями.

Рыбак лопатой выудил кусок серебра из пепла.

— Поосторожней, Тимми. Сейчас я его швырну в воду.

— Но моя рука...

— Один черт, при сильных ожогах от воды только вред. Вали-ка в лагерь. Там у меня есть мазь, от которой тебе будет куда больше проку.

Тимми вытащил руку из бадьи; Старый Рыбак бросил туда Клин. Вода зашипела, по ней пошли пузыри.

— Понесешь бадью, Смед,— распорядился старик.

Тут Талли словно проснулся и тихо сказал:

— Нам лучше делать отсюда ноги. По-моему, оно начинает приходить в себя.

На фоне неба это было видно не очень отчетливо, но, похоже, на кончиках невесть как уцелевших прутьев дерева заплясали крохотные голубые блики.

— Наверно, жар перестал попадать через раскаленный Клин в сердцевину ствола,— сказал Рыбак.— А ну, валим отсюда, парни.

Все четверо мгновенно превратились в бешено мелькавшую мешанину рук и ног.

Смед оглянулся, только оказавшись под защитой леса. Как раз в этот момент дерево испустило свирепый разряд, направленный наугад. Вспышка почти ослепила его, высоко к облакам взметнулся пепел. Боль, отчаяние и... что-то похожее на скорбь? Вихрь исходивших от дерева чувств захлестнул его, взметнулся и опал моросящим тихим дождем. Сердце Смеда наполнилось смутным ощущением вины, по лицу потекли слезы.

Старый Рыбак, запыхавшись, влетел в лагерь. Он далеко обогнал Талли. Тот даже был смущен тем, как шустро старик его обставил.

— До сумерек еще далеко,— отдышавшись, сказал Рыбак.— По-моему, нам пора убираться отсюда. Дай-ка взглянуть на твою руку, Тимми.

Смед тоже посмотрел на нее через плечо Рыбака. Рука выглядела ужасно. Похоже, Рыбаку она сильно не понравилась. Старик выругался, вгляделся повнимательней, нахмурился и снова выругался.

— Одной мази тут мало. Надо будет набрать трав для припарок. Штука оказалась горячее, чем я думал.

— Печет, как в аду,— простонал Тимми. В глазах у него стояли слезы.

13 Зак. 2252

— После примочек полегчает. Смед, будешь доставать Клин из бадьи, не вздумай до него дотрагиваться. Бросишь на то старое одеяло и завернешь как следует. Думаю, никому не стоит его касаться.

— Почему? — заволновался Талли.

— Потому что он обжег Тимми куда сильней, чем должен бы. Потому что он начинен зловредными колдовскими чарами и нам, может, вообще не надо было путаться в это дело.

Когда Рыбак ушел за травами, Смед сделал, как ему было сказано. Перевернув бадью, он концом палки передвинул Клин на одеяло.

— Послушай, Талли,— сказал он.— Посмотри сам. Эта дрянь все равно горячая, хотя побывала в воде. Если провести рукой сверху, тепло становится на расстоянии фута.

Тот проверил; на его лице появилось встревоженное выражение.

— Заверни-ка эту железку получше,— посоветовал он,— завяжи потуже и засунь в самую середину мешка.

Вот как? Значит, Талли не собирается нести Клин сам? Не хочет все время держать его в поле зрения? Это было подозрительно.

— Слушай, помоги мне тут немного,— вдруг попросил Талли.— Мне одному никак не затянуть мешок потуже.

Смед кончил упаковывать сверток с Клином и подошел к брату, поняв по его голосу, что тот хочет ему кой о чем шепнуть.

Когда они затолкали барахло в мешок, умяли его и перевязали веревкой, Талли пробормотал:

— Я решил ничего не делать на обратном пути. Оба могут еще понадобиться. Разберемся с ними попозже, уже в городе.

Смед кивнул. Он вовсе не собирался сообщать братцу, что передумал, а только лишний раз поклялся про себя сделать все, чтобы Тимми, Рыбаку, да и ему самому от продажи Серебряного Клина досталась честная доля.

Он-то знал, какие мыслишки копошатся в голове Талли. Братца не устраивал даже тот небывалый фарт, что им

уже привалил. Он хотел использовать Рыбака и Тимми как вьючных ослов. Пусть только доволокут до города свою часть поклажи. А уж там он сумеет с ними разделаться.

Смед сильно подозревал, что Талли не захочет поделиться добычей даже с ним.

XX

Наш костер догорел почти дотла. Только угольки кое-где продолжали тлеть под золой. Время от времени маленький язычок пламени выстреливал вверх, плясал несколько секунд, а потом умирал. Я лежал и смотрел на звезды. Большинство из них были мне давно знакомы, но почти все чуть сдвинулись со своих мест. Созвездия выглядели какими-то скособоченными.

Ночь стояла как раз такая, чтобы загадывать желания, считая падающие звезды. На моем счету уже семь.

— Тебя что-то беспокоит? — вдруг спросил Ворон.

Я вздрогнул от неожиданности. Это были первые слова, которые он сказал после обеда. Мы вообще мало разговаривали.

— Как-то не по себе,— вяло ответил я.

Я давно не следил за временем. Не имел ни малейшего понятия ни где мы находимся, ни куда направляемся. Все эти чертовы дороги слились в одну-единственную, уводящую нас все дальше от дома, на юг.

— И несомненно, удивляешься, что тебя сюда занесло?

— Да нет. Сам на это напросился. Меня больше беспокоит, что мы едем крадучись, словно воры. Не люблю. Могут и принять за вора.

Не стал я ему объяснять, что еще больше мне не по душе такие места, где единственный человек, с которым можно поговорить,— это сам Ворон. И если с ним что-нибудь случится... Вот что на самом деле беспокоило меня больше всего.

Даже думать об этом не хотелось.

— Один черт, слишком поздно поворачивать назад,— пробормотал я.

— Некоторые считают, что никогда не поздно.

Ага. Значит, опять про детей думает. Теперь можно. Когда нет никакого риска действительно с ними встретиться. К тому же теперь он, наверно, несколько иначе стал смотреть на наш поход в неизвестность.

Им двигали мощные эмоции, неясные для меня, а может, и для него самого. Ключом к его чувствам служило имя Душечки, хотя он никогда не упоминал о ней вслух. Комплекс вины как чудовищный коршун умостился на его плечах, хлопая крыльями, пронзительно крича, норовя выклевать глаза и уши. Непонятно, почему он решил, что сможет утихомирить это чудище, если догонит своего бывшего дружка Костоправа и сообщит ему о том, что случилось в Курганье.

Я не видел в этом ни малейшего смысла. Но в поступках большинства людей обычно нет никакого смысла.

А может, броня его решимости слегка прохудилась в пути? Одно дело — гнаться за парнем в надежде настичь его через несколько недель, проскакав сотни миль, и совсем другое — преследовать его месяцами, оставляя позади одну тысячу миль за другой. Нет людей, созданных для того, чтобы выдерживать эту бесконечную гонку, не имея ни дня на отдых. Такая дорога может подорвать самую железную волю.

Даже сила духа Ворона была на пределе. И мне почудился намек на это, когда он нехотя сказал:

— Опять начинаем отставать от Костоправа. Ему не приходится остерегаться так, как нам. Мы должны найти способ двигаться быстрее. Иначе придется гнаться за ним на край света, но и там мы его не догоним.

Вот черт. Не для меня он это говорил, для себя. Пытался снова возбудить в себе тот энтузиазм, который подрастерял в дороге. Никакой возможности взвинчивать темп дальше у нас просто не было. Разве только окончательно наплевать на всякую осторожность, на опасности, грозящие путнику в незнакомом краю.

Но исступленность, с которой мы упорно пробивались вперед, и без того медленно нас убивала. Куда уж дальше.

Я мельком увидел на севере какой-то отсвет.

— Смотри,— сказал я.— Вон там. Ты видел?

Я уже говорил тебе недавно. Молния на ясном небе.

— Может, там гроза,— отмахнулся он.

— Да протри ты свои глаза. Какая, к черту, гроза?

Последовало еще несколько вспышек, неярких и неотчетливых, будто зарницы откуда-то из-за горизонта. При грозе такие вспышки обычно освещают верхушки облаков.

— Там нет ни облачка,— сказал Ворон.— Мы здесь несколько недель не видели никаких облаков. И, держу пари, так ни одного и не увидим, пока не пересечем эту степь.— Вдали мелькнула еще вспышка. Ворон как-то странно передернулся.— Не нравится мне все это, Кейс. Совсем не нравится.

— Что-то явилось? Что с тобой?

— Не знаю. Не могу сказать точно. Сводит скулы, и звон в ушах. То же мерзкое ощущение, что было у меня в Весле. Оно и погнало меня в путь.

— Считаешь, там какая-то тварь из Курганья?

— Все возможно.— Он пожал плечами.— Но не думаю. Не вижу смысла. Если это тот, о котором я сначала подумал, то у него своих дел по горло. Сперва подмять под себя Империю, потом найти управу на тех немногих Взятых, что еще разгуливают на свободе.

У меня тоже было время прикинуть, что за сила проснулась и двигается в Кургане, кто мог так сильно воздействовать на Ворона. Хотя почти невозможный, ответ мог быть только один. Хромой. Тогда они сожгли тело, а пепел развеяли по ветру. Но так и не смогли нигде отыскать голову.

— Если это Хромой,— сказал я,— мы можем нарваться на неприятности. Смысла в его действиях нет и быть не может. Во всяком случае, для нас, смертных. В нем одном больше безумия, чем в целой армии психов.

Ворон взглянул на меня, потом снисходительно улыбнулся.

— Похоже, у тебя под черепушкой завелось что-то, кроме опилок, малыш. Ну так крутани мозгами. Подумай сам, зачем даже самому сумасшедшему колдуну гнаться за нами через полмира? Один шанс на тысячу, что это действительно он.

Я улегся и снова принялся считать падающие звезды. Насчитал еще шесть штук, почти выкинув из головы мысли о Хромом. Похоже, моя идея яйца выеденного не стоила. Хромой всегда точил зуб на Ворона, но не настолько, чтобы гоняться за нами по всему белу свету. Даже если он окончательно рехнулся.

— Между молотом и наковальней...— непроизвольно пробормотал я.

— Что?

— Готовься к худшему, братец Корвус. Застегни на все застежки броню на своем втором «я». Если это все-таки Хромой, ему нужны вовсе не мы.

— Что ты сказал? Повтори!

Он искоса бросил на меня острый, подозрительный взгляд. Его ястребиное лицо сделалось еще более хищным и опасным, чем обычно. Мне таки удалось подхлестнуть его, использовав родовое имя.

— Что слышал. Ему нужно то же, что нам. Догнать Черный Отряд.

— В этом тоже нет смысла, Кейс.

— Черта с два. Для него есть. Ты просто никогда не смотрел на мир так, как его видят Взятые. Ты сам не подарок, но еще не перестал считать людей за людей. А Взятые так не считают. И никогда не считали. Для них человек — раб, орудие, мусор, который можно использовать и отшвырнуть в сторону. Все они такие, кроме одного, который оказался настолько силен, что сумел сделать их Ее рабами. А ведь именно Она сейчас скачет куда-то с твоим приятелем Костоправом. Насколько нам известно. Так?

Он принялся обсасывать эту идею. Вертел ее так и эдак, ворчал, тряс головой, словно собака, грызущая неподатливую кость.

— Она потеряла могущество,— сказал он наконец.— Но не утратила знаний. А того, что она знает, достаточно, чтобы покорить полмира и надежно держать в узде Десять Взятых. Да. Она — желанная добыча для любого колдуна, который сможет наложить на нее свои лапы.

— Наконец-то допер.— Я закрыл глаза и постарался заснуть. Это удалось мне далеко не сразу.

XXI

Старик сидел спокойно, почти не шевелясь. Если ему все же приходилось двигаться, он делал это медленно и осторожно. Он угодил в шаткое положение. А ведь, преследуя этих людей, он едва не загнал себя насмерть. Спрашивается, зачем?

Напрасно. Все оказалось напрасным.

Да они просто сумасшедшие. Таких надо держать под замком для их же собственной безопасности.

Женщина, сидевшая футах в двадцати слева, наблюдала за ним. Лет двадцати пяти, голубоглазая блондинка, пять футов и шесть дюймов ростом. У нее были водянистые глаза и квадратная челюсть, а бестолковая манера держать себя иногда заставляла сомневаться, все ли у нее дома. Но за этим нелепым фасадом ощущалось мощное чувственное начало.

Она была глухонемая и могла объясняться только знаками. Но командовала здесь именно она. Это была Белая Роза, та самая Душечка, которая положила конец безраздельной власти Госпожи.

Как такое вообще могло случиться? Просто не укладывалось в голове.

Справа за каждым его движением следил высокий, стройный, смуглый, бесчувственный, словно камень, мужчина, в жестких глазах которого светилось не больше тепла, чем во взгляде змеи. Он одевался во все черное. Может, это что-то означало. Но кто мог сказать — что? Сам он разговаривать не желал. Отказывался наотрез, и все тут. Вот потому-то его окрестили: Молчун.

Парень и сам был магом. Сейчас вокруг него были разбросаны орудия его ремесла, будто он ждал, что незваный гость может попытаться что-то предпринять.

Глаза Молчуна были черны как ночь, тверды как алмаз и столь же дружелюбны, как сама смерть.

Проклятие! Человек ошибся раз в жизни. Прошло четыреста лет, а они не хотят дать ему искупить свою вину.

Где-то неподалеку болтались еще трое, братья Крученые. Собственных имен у них, похоже, не было. Они отзывались на нелепые клички: Лапошлеп, Ишачий Лоб и Братец Медведь. Правда, когда Душечка оказывалась близко, Ишачий Лоб превращался в Пенька. Хотя она все равно ничего не могла слышать.

Все четверо боготворили ее. И любому, кроме нее самой, сразу становилось ясно, что Молчун вдобавок питал романтические надежды.

Законченные психи. Все до единого.

— Эй, Сиф Шрам! — раздался откуда-то сзади пронзительный крик.— Какое вероломство ты задумал на сей раз, Царапина?

Дослушав последовавший взрыв противного хихиканья, он утомленно сказал, наверно, уже в тысячный раз:

— Зовите меня Боманц. Сифом Шрамом меня не называли с тех пор, как я был еще мальчишкой.

Много, очень много времени прошло с тех пор, как он последний раз слышал это имя. Не одна сотня лет. Он не вел точного счета. Прошел всего год, как он вырвался из пут колдовских чар, которые большую часть времени держали его в особом виде транса, в стасисе. Один за другим проходили годы раздоров и кровавого ужаса — годы становления и укрепления Империи Госпожи. Он узнал о происходившем лишь с чужих слов, после того как все уже свершилось.

Он, Боманц, или Сиф Шрам, был всего лишь артефактом, пережитком стародавних времен. Глупцом, вознамерившимся истратить неожиданно доставшиеся ему в дар от судьбы последние годы жизни на то, чтобы искупить свою часть вины за участие в пробуждении, в высвобождении древнего зла.

А эти идиоты не желали ему верить, хотя прошлой зимой он едва не отдал концы, помешав дракону прикончить их всех во время завершающей борьбы в Курганье.

Кретины. Разве не ясно, что все плохое, что ему было отпущено совершить в жизни, он уже совершил?

Три брата появились откуда-то спереди и присоединились к остальным. Значит, сзади кричали не они. Но Боманц и так это знал. Двое из них просто не говорили ни на

одном из понятных ему языков. Третий немного объяснялся на форсбергском, но на таком ломаном, что лучше бы и не пытался.

Тот олух, который чуть-чуть понимал старомодный форсбергский Боманца, не умел писать. Конечно. Поэтому все сказанное, что не слышал Молчун или не прочла по губам Душечка, нещадно перевиралось, в лучшем случае превращаясь в напрасный труд.

Зато с камнями можно было общаться как с нормальными людьми. Но Боманц терпеть не мог разговаривать с булыжниками. Такие беседы казались ему противоестественными.

Ему было трудно здесь еще и потому, что эти человеческие существа, эти безумцы, все же составляли наиболее нормальную и наименее невероятную часть окружающей обстановки.

Приди ему в голову мысль начать строить воздушные замки, впервые в жизни Боманцу пришлось бы смотреть себе под ноги.

Захватив старого колдуна в том лагере, в Ветреном крае, они насильно увезли его с собой. И теперь он находился на спине воздушного левиафана, одного из мифических чудовищ, обитавших на равнине Страха. Монстр был почти тысячу футов в длину и около двухсот в ширину. С земли воздушный кит больше всего напоминал помесь огромной, размером с военный корабль, медузы с самой большой акулой, какая найдется в мире. Оттуда, где находился Боманц, спина чудища напоминала бредовые видения опийокурильщика, походила на те нереальные леса, что росли в громадных пещерах, по слухам, находившихся глубоко под поверхностью земли.

В этом лесу обитал целый зоопарк странных существ, которые могли привидеться разве что в страшном ночном кошмаре. И все они были в какой-то мере разумными.

Воздушный кит куда-то торопился, но, похоже, не мог двигаться так быстро, как хотелось бы. Ему постоянно мешали встречные ветры. Вдобавок чудищу часто приходилось опускаться, чтобы, уничтожив пару акров растительности, хоть немного заморить червячка.

А уж воняла проклятая бестия, как семь зоопарков сразу.

Парочка причудливых существ изводила его непрерывными приставаниями. Одна из тварей, маленькая каменная обезьянка, казалось, состоящая из одного хвоста, была не больше бурундука. Хотя старик не мог понять ее верещания, своим визгливым, скрипучим, въедливым голосом она напоминала Боманцу его давно умершую жену.

Вторая тварь походила на эдакого пугливого кентавра навыворот. Человеческой, притом весьма волнующей и привлекательной, у нее была задняя часть туловища. Старик чем-то заинтересовал эту тварь. Она пряталась неподалеку в курчавых зарослях каких-то непонятных органов, покрывающих спину кита, и Боманц постоянно ловил на себе ее любопытные взгляды.

Но хуже всех была нахальная говорящая птица, слегка напоминающая канюка. Она немного знала форсбергский и трещала без умолку. Будь она человеком, могла бы шляться по всяким кабакам и зарабатывать на жизнь, выдавая себя за крупнейшего специалиста абсолютно по всем вопросам. Она обожала выкладывать свое мнение, претендуя на истину в последней инстанции. По поводу и без повода. Боманц никак не мог от нее отделаться. Своей жизнерадостной самоуверенностью и абсолютным невежеством эта птичка доводила старика почти до исступления.

Еще там были летающие манты, похожие на черных скатов тропических морей, с размахом плавников-крыльев от тридцати до пятидесяти футов. Они жили в симбиозе со своим хозяином — воздушным китом, проводя почти всю свою жизнь на его спине. Из всех странных тварей, теперь оказавшихся соседями старого колдуна, эта разновидность производила самое сильное впечатление и была самой многочисленной. Хотя внешне манты напоминали рыб, похоже, они были млекопитающими. Страшно раздражительные и опасные, манты терпеть не могли, когда какие-либо другие существа вторгались на их территорию. Одна лишь воля их бога и хозяина сдерживала постоянно распиравшую их злость.

На спине кита путешествовало великое множество тварей, не менее примечательных, чем манты. Одна абсурднее другой. Но почти все они были пугливыми и сторонились людей.

Если не считать мант, самым многочисленным, зловредным и надоедливым племенем здесь были говорящие камни.

Подобно большинству людей, Боманц не раз слышал истории о смертельно опасных лабиринтах из вертикально стоящих камней, менгиров, на равнине Страха. Действительность оказалась не менее мрачной, чем эти истории. Уж в этих-то созданиях, склонных к замогильному юмору, робости было не больше, чем в горной лавине. Именно им равнина Страха была обязана своей зловещей репутацией. То, что любому другому показалось бы убийственно злобной выходкой, эти камушки считали всего лишь милой шуткой.

И в самом деле, разве можно найти что-либо более забавное, чем путешественник, который сбился с дороги, оступился и упал в каменный мешок; или чью лошадь, прямо из-под него, утащил гигантский песчаный лев?

О таких камнях, в виде менгиров до восемнадцати футов высотой, рассказывали тысячи историй, среди которых едва ли можно было найти хоть одну со счастливым исходом. Но теперь старому колдуну приходилось постоянно видеть их, слышать и иметь с ними дело. Перед этим бледнели все сказки, хотя камни вели себя так смирно, как только могли.

Их, как и мант, к этому пока принуждали.

Они могли говорить на любом языке. По счастью, большинство из них предпочитало помалкивать. Но если уж им приходилось высказываться, речи их бывали едкими, желчными, ядовитыми. Так какого же черта их бог решил набрать свой дипломатический корпус именно из этих булыжников?

Не удивительно, что равнина Страха слыла повсюду приютом безумия. Ведь само управлявшее ею дерево было сумасшедшим. Эталон бога-безумца. Чистой воды, на двадцать четыре карата.

Камни были, по большей части, серо-коричневыми, без видимых признаков каких-либо отверстий или органов; на них косматились пятна мхов и лишайников, в гуще которых копошились насекомые. С виду не отличить от обычного валуна, какие валяются повсюду и молчат в тряпочку. Но они таки умудрялись нагнать страху даже на Боманца, который обычно любил показать, что ему сам черт не брат.

Бывали моменты, когда ему до смерти хотелось разнести их вдребезги, превратить в говорящий песок.

Проклятые твари!

Каждую сотню миль воздушный кит снижался, пока его брюхо не начинало волочиться по земле. Тогда все сущности, гнездившиеся на его спине, включая братьев Крученых, начинали радостно напевать: «Эй, ухнем...», подтаскивая поближе к краю тот менгир, который за последнее время надоел им больше других. Раз, два, и он летел за борт под аккомпанемент грязных угроз и страшных проклятий. Те камни, которые больше других претендовали на чувство юмора, страшно завывали, свистели и гудели всю дорогу, пока не шлепались на землю.

Бесноватые недоумки.

Как бы чертовы каменные кирпичи ни кувыркались во время падения, приземлялись они всегда торчком, как кошка на ноги.

Те местные жители, которые имели несчастье стать свидетелями очередного такого представления, получали медвежью болезнь.

Камни были порождением равнины Страха, из них состояли жизненно важные для дерева-бога линии коммуникаций. Друг с другом они общались при помощи телепатии. Боманцу никто ничего не говорил, но он подозревал, что всей этой операцией, зачем бы она ни была нужна, руководит откуда-то издали сам Праотец-Дерево.

Особенно неприятно Боманца поразила одна маленькая деталь: он обнаружил, что сколько бы камней ни скидывали вниз, их общее количество никогда не уменьшалось. Он даже заприметил на спине кита несколько старых менгиров, невесть как вернувшихся обратно.

Какое-то сплошное безумие.

— Эй! Сиф Шрам! Все еще прикидываешь, как бы нас всех скрутить в бараний рог, старая Царапина? Простофиля!

Проклятый говорящий канюк опять появился как из-под земли. Боманц тут же сделал мягкое неуловимое движение, ловко обхватив птичью шею.

— Ага,— нежно сказал он.— Скрутить. Прямо с тебя и начну, падаль ты эдакая.

Остальные уставились на них во все глаза. Но никто не шевельнулся. Никто не оценил всерьез страстное желание старика. Братья Крученые даже разразились одобрительными возгласами.

— Так его, старикан! — прокудахтал на своем неимоверном диалекте Лапошлеп.— Завяжи этому глупому индюку шею в узел! Да затяни потуже!

— Идиоты,— пробормотал Бóманц.— Я окружен сплошными идиотами. Отдан на растерзание дебилам.— И добавил громче: — Если ты не забудешь навсегда имя Шрам и не усвоишь слово Боманц, я действительно сверну тебе шею и повыдергаю ноги.

Он сжал пальцы чуть сильнее, потом ослабил хватку.

Птица, суетливо хлопая крыльями, отлетела в сторону.

— Шрам совсем рехнулся! — кричал канюк.— Берегитесь! Берегитесь! Сиф Шрам стал берсерком!

— Еще бы! — прорычал старик.— С кем поведешься, от того и наберешься.

Все грохнули. Такого хохота, свиста и улюлюканья Боманц не слышал со времен, когда был школяром. Только Молчун и Душечка не смеялись. Они продолжали следить за ним. Что же, ну что же такое надо сотворить, чтобы заставить их поверить, что он на их стороне?

О боже! На него внезапно снизошло прозрение. Ведь они не доверяют ему вовсе не потому, что из-за его неуклюжести проснулось и пошло на целых сто лет гулять по земле старое черное зло. Ведь он участвовал в исправлении содеянного. Нет. Просто они знают, что именно заставило его заняться теми исследованиями. Знают о его былом стремлении завладеть средствами, дающими власть. О всепоглощающей, безрассудной страсти к Госпоже, страсти,

настолько ослепившей его, что он наделал ошибок, которые позволили разбить сдерживавшие ее оковы.

Они еще могли поверить, что он излечился от жажды власти. Но не от страсти, которую некогда испытывал к этой женщине. Как мог он убедить их в том, в чем не мог до конца убедить себя сам? Она была той свечой, на смертоносный огонь которой мужчины летели, словно ночные мотыльки. И это пламя все не утрачивало своей притягательности. Даже тогда, когда находилось вне пределов досягаемости.

Он поерзал, привстал и охнул. Совсем затекли ноги. Слишком уж долго он просидел неподвижно. Молчун и Душечка наблюдали, как старик ковыляет мимо зарослей чего-то, что напоминало розовый папоротник. Но высотой в десять футов и с глазками. Эти маленькие глазки настороженно смотрели ему вслед. Заросли папоротника тоже были какими-то органами кита. Манты устроили в них детский сад для своей малышни.

Он подошел настолько близко к краю, насколько ему позволила боязнь высоты, и посмотрел вниз. Первый раз за целую неделю.

Прошлый раз они летели над водой. Тогда он не увидел вокруг ничего, кроме туманной голубой дымки до самого горизонта.

Сегодня воздух был более прозрачным, а пейзаж снова почти одноцветным, но на этот раз — в коричневатых тонах, с разбросанными тут и там пятнышками зеленоватого оттенка. Где-то далеко-далеко впереди он разглядел нечто, похожее на столб дыма от громадного костра.

Они летели на высоте не меньше двух миль. В небе не было ни единого облачка.

— Скоро тебе представится возможность показать, на что ты способен, Мел,— раздался голос у него за спиной.

Он оглянулся. В четырех футах от него стоял менгир. Секунду назад его там не было. Вечно они так. Появляются и исчезают бесшумно, без всякого предупреждения. Этот, испещренный слюдяными вкраплениями, был более серого цвета, чем большинство других. По его лицевой стороне проходила борозда, рубец шириной

в шесть дюймов и почти семь футов в длину, рассекший не только лишайник, но и изъеденную временем поверхность камня. Цивилизация говорящих камней оставалась для Боманца загадочной. Отчетливой иерархии у них не существовало.

Хотя, когда возникала нужда в подобии официальных переговоров, от лица всех остальных обычно говорил именно этот менгир.

— Это ты о чем?

— А разве ты сам ничего не чувствуешь, колдун?

— Я много чего чувствую, валун. Но самое мое сильное чувство — злость. Меня бесит то, как вы все ко мне относитесь. А что еще я должен был почувствовать?

— Запах безумия. Психические миазмы того нечто из Курганья, которые ты сумел ощутить еще в Весле. Оно теперь уже совсем близко.

Хотя этот камень, как и все остальные, говорил абсолютно монотонно, все же Боманц почувствовал темную тень подозрения на самом дне сознания менгира. Если старик издалека, находясь в Весле, сумел почувствовать первое шевеление старого зла, когда то было совсем еще немощным, как мог он ничего не заметить сейчас, когда оно столь мощно? И как нечто стало им, когда все считали его погибшим?

А может, колдун узнал о возрождении призрака потому, что сам ожил вместе с ним? Может, между ними был тайный сговор и они вместе восстали из полной зла земли Курганья? Может быть, старик был и остался слугой древней тьмы?

— Я почувствовал тогда совсем не то, о чем ты говоришь,— устало сказал Боманц.— Я услышал вопль одного из старых амулетов, которые были оставлены там, чтобы поднять тревогу, если начнет двигаться то, что двигаться не должно. Это совсем разные вещи.

Камень помолчал немного, потом сказал:

— Возможно. Так или иначе, мы их нагоняем. Скоро разразится битва. Через несколько часов, через день или два, как решат ветра. В этой битве может определиться твоя судьба.

— Какая чушь! — фыркнул Боманц. — И откуда только у валуна такая склонность все драматизировать? Ты действительно думаешь, что я вступлю в схватку с этой тварью?

— Да.

— Но если все так, как я думаю, то это должен быть...

— Это тот, кто был Хромым. А с ним Жабодав. У обоих есть телесные повреждения.

Боманц презрительно фыркнул и усмехнулся:

— Есть голова, но нет тела. Хорошенькое телесное повреждение.

— Он далеко не слабак. Дым на горизонте — это дым над руинами города, который горит уже три дня после того, как он убрался оттуда. Он стал настоящим апостолом смерти. Убийства и разрушения — вот все, что теперь у него на уме. Праотец-Дерево приказал остановить его.

— Отлично. Но почему? И почему мы?

— Почему? Потому что его бесноватость и неистовая ненависть однажды приведут его к равнине Страха. Почему мы? Потому что больше некому. Все, обладавшие великим колдовским могуществом, пали в битве в Курганье. Все, кроме тебя и нас. Но прежде всего потому, что так приказал бог.

Боманц почти беззвучно выругался.

— Готовься, колдун. Грядет пора. Если ты наш друг, тогда ты — его смертельный враг.

Еще бы. У него просто нет никакой возможности остаться в стороне от схватки. По правде говоря, никогда и не было. Хотя ему удавалось обмануть себя в те годы, когда он занимался поисками знаний о тех, кто был некогда усмирен древними и закован ими в оковы.

Испытывал ли он угрызения совести, зная, что древний ужас вырвался на свободу по его недосмотру? Отчасти. Но не настолько сильные. Ведь если б не его вмешательство в самый последний момент, не его самопожертвование, взрыв зла и мрака оказался бы куда более мощным. Без него ночь ужаса могла бы длиться вечно.

Погрузившись в свои мысли, старик заковылял прочь. Он не заметил, как менгир резко, словно вывернувшись

наизнанку, повернулся, точно глядя ему в спину рубцом своей лицевой грани. Эти камни никогда не двигались, пока за ними наблюдали. Каким образом менгиры чувствовали, смотрит на них кто-нибудь или нет, никто не знал.

Блуждания Боманца привели его к хвосту воздушного кита. За ним следовала стайка маленьких шустрых существ, его неизменная свита. Соглядатаи. Он старался не обращать на них внимания.

Там он уселся на мягкий бугор, на выступающую плоть кита. Сидеть было удобно. Но он знал, что не сможет долго тут оставаться. Вонь животного здесь была особенно резкой.

В сотый раз он принялся обдумывать план побега. По сути, ему надо было просто спрыгнуть вниз, а потом произнести известное заклинание и замедлить падение. Знаний, чтобы левитировать, у него хватало. Не хватало смелости.

Вообще-то, его боязнь высоты не была абсолютной. Случись ему упасть, у него хватило бы самообладания, чтобы спастись. Но самому добровольно сигануть вниз? Нет, что угодно, но только не это.

Примирившись с обстоятельствами, он стал вспоминать о пути, который ему пришлось преодолеть. Дом, если таковой у него еще оставался, был в тысяче миль отсюда. Может быть, гораздо дальше. Они пролетали над странами, о которых он прежде никогда слыхом не слыхивал. Где всякий, завидевший в небе летающую громадину, только диву давался и гадал, что бы такое это могло быть.

Даже если ему удастся бежать, где гарантия, что здешние обитатели будут к нему дружелюбными? Сама местность, расстилавшаяся внизу, выглядела активно враждебной.

Черт с ним. Он сам втравил себя в это дело. Самому придется и выпутываться.

— Ха! — пробормотал Боманц.

Он был стариком, но его глаза еще не утратили былую остроту.

Чистый, прозрачный воздух позволял видеть очень далеко. И там, далеко на севере, он разглядел две точки,

исчезавшие, стоило ему самую капельку расфокусировать взгляд. Они летели чуть выше и, раз их вообще можно было разглядеть с такого расстояния, были не меньшего размера, чем их левиафан.

Их кит летел во главе целого парада.

Боманц хихикнул. Его маленькие соглядатаи возбужденно суетились вокруг, пытаясь понять причину его внезапного веселья. Он презрительно фыркнул, хихикнул еще раз, поднялся на ноги и отправился в путь. На этот раз он присел только после того, как подошел к голове чудища настолько близко, насколько у него хватило смелости.

Дым теперь был гораздо ближе. Его столб достигал той высоты, на которой летел воздушный кит. Далеко внизу виднелись проблески пламени пожаров, питавших корявый ствол толстой дымовой колонны. Страшное зрелище. Может, менгир и прав. Надо что-то делать.

Двенадцатый разрушенный город на их пути. Но первый, который они застали во время его предсмертных судорог. Безумие, имевшее смысл лишь для лишенного рассудка, разрастаясь, катилось вперед, указывая своим острием точно на юг.

Громко заурчали пришедшие в движение внутренние газы воздушного кита. Горизонт покатился куда-то вбок, потом выровнялся. Позади Боманца запищали и пронзительно заверещали манты. Он мертвой хваткой вцепился в то, на чем сидел.

Левиафан начал снижаться.

Но почему? Обычное время его кормежки еще не наступило. И пока было рано сбрасывать вниз очередной менгир.

Мимо Боманца, парами и четверками, со свистом проносились манты, похожие на странное лопатообразное метательное оружие. Взмыв в небо, они стрелой мчались в сторону города, над которым кружили тучи птиц-трупоедов.

— В миле под нами дует хороший попутный ветер, колдун,— раздался голос сзади. Боманц оглянулся. Рядом стоял знакомый менгир с трещиной.— Если повезет, мы накроем безумца сразу, как стемнеет. Готовься. Это все время, которое у тебя осталось.

Когда Боманц оглянулся снова, камень уже исчез. Зато появились Молчун с Душечкой, пришедшие посмотреть на агонию пылающего города. Смуглое лицо Молчуна было непроницаемо, но на лице Душечки читалась глубокая скорбь по погибшему месту. Это выражение тронуло старика, который в глубине души был сентиментален и мягкосердечен.

— Скоро мы положим конец страданиям и несчастьям, дитя мое,— сказал он, повернувшись к ней так, чтобы она могла прочесть его слова по движению губ.

Она взглянула на Молчуна. Тот перехватил ее взгляд, и их пальцы затанцевали в воздухе, складываясь в знаки языка глухонемых. Боманц понял часть обмена мнениями. Она его не порадовала.

Они обсуждали его персону, и Молчун отозвался о нем нелестно. Если не сказать хуже.

Боманц тихо выругался и сплюнул. Это чертово отродье наговаривало на него, не имея на то абсолютно никаких причин.

Манты перебили часть пожирателей падали, а затем, используя восходящие потоки воздуха, взмыли вверх и вернулись на спину воздушного кита, принеся добычу своим малышам. Закатив настоящий пир, они устроились вздремнуть.

Но отдохнуть по-настоящему не смог никто. Воздушный кит продолжал снижаться, пока не оказался на высоте в полмили. Над городом он пролетел со скоростью около двадцати миль в час. Но вскоре чудищу пришлось опять подняться выше, где ветер был слабее, чтобы подлететь к нужному месту уже после наступления темноты.

Треснувший менгир появился снова. Когда Боманц заметил его, то сказал:

— Вот теперь я чую его, валун. От него разит разложением и мертвечиной. Но я до сих пор не могу придумать, как мне разделаться с ним.

— Пока не беспокойся. Бог отдал новое распоряжение. Ты не должен обнаруживать себя, если не возникнет чрезвычайных обстоятельств. Наша первая атака будет только пробной разведкой боем и послужит предупреждением.

— Что за черт? Почему? По-моему, если драться, так насмерть. Надо одновременно ударить по нему всем, чем можно, пока он не узнал о нашем появлении. Лучший случай может нам никогда не представиться.

— Так сказал бог.

Боманц попытался спорить. Но бог победил.

С наступлением сумерек воздушный кит опять начал снижаться. Когда сгустилась ночная тьма, Боманц разглядел впереди огни военного лагеря. Пара мант поднялась в воздух на разведку. Вскоре они вернулись с докладом. Кит заскользил вниз, к лагерю, держась такого направления, чтобы пролететь над самым центром. Манты посыпались со спины кита и разлетелись в стороны в поисках восходящих воздушных потоков.

Боманц отчетливо ощущал приближение древнего зла. Оно не дремало, но и не держалось настороже.

Земля надвигалась все ближе и ближе. Боманц прилип к спине кита, ожидая столкновения. Он оставил без внимания даже тот оскорбительный факт, что десятки менгиров окружили кольцом его и Душечку, а в прорехах между камнями затаились ее верные головорезы, готовые в случае чего сразу прийти на помощь.

Воздушный кит выровнял полет. Внизу скользнули назад и исчезли огни лагеря. Там, внизу, раздались крики, но они были едва слышны, заглушаемые треском и грохотом. Туша небесного гиганта, сметая все на своем пути, пронеслась сквозь лагерь, почти касаясь земли. Боманц уловил флюиды шока, который испытал старый дьявол, полностью захваченный врасплох. Безумный сразу впал в черную ярость.

Он уже готовился дать отпор, но тут, со всех направлений одновременно, на лагерь внезапно устремились манты. Ночная тьма разлетелась на осколки, взорванная вспышками молний, которые вылетали из специальных органов мант. Эти молнии сотнями сверкали посреди лагеря. Тот, внизу, не имел ни малейшего шанса для контратаки, настолько был занят собственной защитой.

Левиафан сбросил многотонный балласт и начал медленно набирать высоту, борясь с мешающим ему грузом захваченной добычи.

Боманц не мог видеть брюхо кита снизу и был этому рад. Щупальца чудища крепко сжимали людей, животных, множество всяких других вещей, которые оно считало съедобными. Кит был разумным существом, но не видел никаких причин исключать из своего меню других разумных существ, раз уж они были его врагами.

Представители большинства рас, населявших равнину Страха, с удовольствием поедали своих врагов.

Практическое воплощение этого мировоззрения Боманц находил отвратительным, хотя некоторые ее моральные аспекты выглядели довольно привлекательно. Смогли бы люди столь же бездумно и решительно продолжать свои бесконечные войны, если бы им приходилось съедать всех побежденных?

Интересный вопрос. Но как заставить каждого любителя повоевать выполнить это условие?

Манты начали возвращаться. Они выглядели очень довольными собой. Во всяком случае, так показалось старику.

Все кончилось. Воздушный кит поднялся на нужную высоту, отлетел на безопасное расстояние и теперь занимался дегустацией и пищеварением. Боманц встал. Пожалуй, пора на боковую.

Проходя мимо Молчуна, Душечки и менгира со шрамом, старик бросил в их сторону:

— В следующий раз медведь будет готов к отпору. Вам следовало добить его, пока он был в ваших руках.

XXII

«Медведь» был оглушен постигшей его неудачей, ошеломлен ее размерами. Он зализывал раны в своем опустошенном лагере, отчаянно пытаясь взять себя в руки. Всю жизнь он яростно сражался с обрушивавшимися на него напастями. Отдельные неудачи никогда не могли поколебать его боевой дух. Но могучие, не принимавшиеся им доселе в расчет, силы ввергли его в катастрофу таких масштабов, которые на какое-то время полностью подавили его инициативу. Он растерялся, утратил тот безумный волевой напор, двигателем которого была его неистовая ярость.

Пес Жабодав не испытал такого сильного потрясения. Слишком свежи были его воспоминания об отпрыске дерева-бога. И он не заблуждался, полагая, что то деревце поспешит доложить о случившемся своему господину. А реакция Праотца-Дерева была лишь вопросом времени.

Жабодав уже бывал раньше на равнине Страха. Тогда ему пришлось столкнуться лицом к лицу с деревом-богом. Воспоминания о том столкновении были куда как несладкими. Ему едва удалось унести ноги.

И все же та рискованная вылазка имела смысл. Он многое знал о равнине Страха не понаслышке. Сейчас его опыт мог бы сослужить хорошую службу. Если Плетеный захочет к нему прислушаться.

Только вряд ли он захочет.

Теперь в Плетеном не было и половины того разума, которым обладал Хромой. Он настолько замкнулся на самом себе и на своих проблемах, словно считал себя центром вселенной.

Жабодав рыскал по разгромленному лагерю, переступая через людей и человеческие останки. Выжившие находились в тяжелом, удушающем шоке, накрывшем их всех, словно тлеющее ватное одеяло. Лишь немногие понимали, что случилось. Повсюду слышались невнятные разговоры о божьей каре. Говорившие сами не знали, насколько они близки к истине.

Будет трудно снова объединить их, заставить подчиняться, если мнение о гневе богов возобладает. Религиозные проблемы и без того разъедали их армию.

Послышалось легкое шипение, раздался треск, полыхнула ослепительная вспышка. Шерсть на бестии встала дыбом. Молния ударила совсем рядом, осыпав дождем голубых искр. Запахло паленым. Солдаты, галдя словно куры, в панике побежали во все стороны.

Снайпер, выпустивший молнию, пронесся мимо. Упав с высоты в несколько миль, он появился и исчез слишком быстро, чтобы с ним можно было что-то сделать. Даже если б то было при свете дня.

Вспышка. Треск. Вопли ужаса. И еще один человек рядом конвульсивно заплясал в облаке голубых огоньков.

Вот оно что. Значит, воздушный кит не дает забыть о своем присутствии, хочет взять их измором, приступив к планомерной программе запугивания. Это чудище не остановится само, если только Плетеный не докажет, что может его остановить.

Жабодав отыскал Плетеного и стал рычать на него, пока у того в остекленелых глазах не появилось осмысленное выражение. Плетеный резко мотнул головой и вдруг его начало трясти, причем так, что все прутья его тела заскрипели и затрещали. Он изо всех сил пытался взять под контроль обуревавшую его ярость.

Дать ей волю означало все окончательно погубить.

Точное попадание любой из молний могло превратить деревянное тело в горстку пепла, сделав его почти беззащитным и отдав всю его армию во власть летающего чудовища. Где-то поблизости, планируя над лагерем, с шелестом проносились манты, выискивая шанс быстро прикончить его. Шанс, упущенный во время внезапной атаки.

— Немедленно потушить все огни в лагере,— шепотом приказал Плетеный.— Они освещают нас, превращая в отличную мишень.

Конвульсивные подергивания стихли. Он сумел-таки взять себя в руки и принялся бормотать заклинания. Медленно, мучительно медленно, он выстраивал вокруг себя колдовскую защиту от мант с их молниями.

Жабодав бегал по лагерю, щелкал челюстями, рычал, заставляя солдат поторапливаться. Костры залили водой, но это не помогло. Манты летали над лагерем всю ночь. Точность их попаданий не уменьшилась. Хотя и не увеличилась.

Казалось, им больше нравилось наводить панику, чем убивать. Нравилось держать всех в напряжении, в тревожном ожидании следующего удара. Странный способ вести бой. Хотя при очередном попадании молнии в какого-нибудь солдата с неба не падало ни единой слезинки.

Казалось, посланцы дерева-бога стремились просто напугать и рассеять армию Хромого. Жабодав был озадачен. Он не мог поверить в такое мягкосердечие нападавших.

Солдаты, группками по два-три человека, начали разбегаться из лагеря.

На своих трех настоящих ногах и одной деревянной бестия гонялась за ними, лаяла, кусалась, гнала обратно, а во время передышек крутила носом, пытаясь почуять, где находится воздушный кит. Некоторые дезертиры пытались сопротивляться. Ей пришлось убить не меньше дюжины человек, чтобы вправить остальным мозги на место.

Заклинания теперь обволакивали Плетеного многослойной защитой. Но наружу просачивалась боль.

Жабодав недоумевал. Чем надежнее становилась защита старого призрака, тем сильнее были испытываемые им страдания. Чтобы сделать эту защиту абсолютной, Хромому пришлось бы загнать себя в состояние настоящей агонии, лишиться рассудка, дойти до точки, откуда он уже не смог бы пробиться сквозь собственную защиту обратно.

Известно ли об этом тем, наверху, подумал Жабодав.

Плетеный знал ответ на этот вопрос.

— Все их действия направляет та, кого они зовут Белой Розой,— сказал он.— Она сейчас здесь, наверху, на спине воздушного кита.

Жабодав взвыл от злости. Белая Роза! Мягкосердечная с виду, но смертельно опасная, когда доходит до дела. Ну, тогда все понятно. Ей уже удалось загнать их в безвыходное положение. Без малейшего зазрения совести она предоставила Хромому выбор: либо терпеть боль, окружив себя надежной защитой, либо облегчить страдания, вновь оседлав ненадежного конька из ивовых прутиков. А тем временем им оставалось либо наблюдать, как армия тает в результате дезертирства, либо силой принудить солдат оставаться в лагере и тем подтолкнуть их к бунту.

Но, насколько он помнил повадки Белой Розы, должна была оставаться еще третья, не сразу видимая возможность выбора, к которой их сейчас подталкивали. Все же Белая Роза не до конца понимала, насколько убийственная мания руководит поступками Хромого. Она всегда оставляла благоприятные возможности и любила иметь несколько вариантов. А разумный вариант у нее на самом деле сейчас был только один: добраться до Хромого и придушить его.

Да, это была адская ночка. Никто не имел ни минуты передышки. Хромой так глубоко укрылся под своей защитой, что и не мог что-либо предпринять в этой страшной неразберихе. С наступлением рассвета частота атак возросла, словно Белая Роза хотела показать им, что может сделать день еще ужасней ночи.

Когда взошло солнце, армия была наполовину разбита. Дерево-бог выиграло первый раунд.

Его посланцы не стали устраивать второй раунд днем. Небо очистилось от мант. Воздушный кит поднялся очень высоко и отлетел на несколько миль к югу. Хромой кое-как собрал свою потрепанную банду и двинулся завоевывать следующий город.

Время легких побед миновало. Теперь все, кто оказывался на пути Хромого, знали о его приближении. И всегда над головами висел монстр с равнины Страха, карающий меч судьбы, готовый опуститься на их головы при любой оплошности.

Сама Белая Роза ошибок не совершала. Всякий раз, когда Хромой бросался в атаку, появлялись быстрые и безжалостные манты, своими молниями заставлявшие его скрыться под скорлупой защитных заклинаний. Он пытался отбиваться, даже уничтожил несколько штук. Хромой сдерживал себя, в надежде, что однажды воздушный кит ошибется и подлетит слишком близко. В руинах уничтоженных им городов он искал для себя новое оружие.

Белая Роза ошибок не совершала. Ни одной. Но маниакальная целеустремленность Хромого заставляла его армию двигаться вперед, к намеченной жертве. И до тех пор пока не свершится месть, даже враждебные действия дерева-бога были просто докучливой мелочью, назойливым писком комара.

Но покончив с главным...

Покончив с главным, он припомнит все!

XXIII

— Тут что-то не так,— сказал Смед.

— Кажется, я начинаю понимать, к чему ты клонишь,— ядовито ответил Талли.— Тебе кажется, что тут что-то не так.

Смед уже успел повторить свою фразу раз пять.

— Вот и Тимми так думает.

Тимми, словно эхо, три или четыре раза повторял за Смедом его слова.

— Они оба правы,— впервые за долгое время решил высказать свое мнение Старый Рыбак.— Здесь всегда было более оживленно. Повозки на дорогах. Охотники и трапперы в лесу.

Они уже выбрались из Большого леса, но еще не достигли по-настоящему обжитых мест. В здешних краях всегда едва чувствовалось дыхание цивилизации.

— Посмотрите туда,— указал рукой Тимми, поморщившись. Его ладонь по-прежнему сильно болела.

Чуть в стороне от дороги стоял сожженный дотла деревенский дом. Смед припомнил свиней, овец и шуточки по поводу запаха со скотного двора, когда они пробирались мимо этого места на север. Теперь здесь ничем не пахло. Рыбак, ускорив шаги, направился к дому, чтобы разузнать, что случилось. Смед не отставал от него.

Зрелище вызывало суеверный ужас, хотя беда пришла сюда давно и место наверняка выглядело вполовину не так жутко, как прежде. Больше всего Смеда потрясли кости. Повсюду валялись тысячи костей, переломанных, обглоданных, перемешанных с прахом.

Рыбак двигался молча, время от времени шевеля кости концом посоха, словно искал что-то. Но вот он остановился, оперся на посох и уставился себе под ноги. Смед не спешил подходить к нему. Ему совсем не хотелось смотреть на то, что обнаружил старик.

А тот, кряхтя, словно у него разом разболелись все суставы, медленно присел на корточки. Он выудил что-то из праха и показал Смеду.

Череп ребенка, расплющенный сильным ударом.

Смед знал, что такое смерть. В том числе насильственная. Вдобавок это не была смерть ближнего, тем более давняя. Казалось бы, эти отзвуки прошлого не должны были его волновать. Но его сердце вдруг заколотилось, а желудок подступил к горлу. Он почувствовал приступ бессильной злости. И ненависти.

— Даже детей,— пробормотал он.— Мерзавцы убивали даже детей.

Рыбак в ответ только хмыкнул.

Подошел Тимми, а за ним Талли со скучающим видом. Талли беспокоила лишь одна-единственная смерть. Та, которая где-то ждала его самого. Но у Тимми был самый разнесчастный вид.

— Они перебили даже всех животных,— сказал он.— Не могу понять, что им было нужно? Не вижу смысла.

— Здесь убивали просто чтобы посмотреть, как льется кровь,— пробормотал Рыбак.— Ради удовольствия. И разрушения. Ради чистого зла. Мы уже повидали немало таких мест, верно?

— Думаешь, здесь прошла та же самая банда? Которая прикончила все живое там, откуда мы идем? — спросил Смед.

— А разве не похоже?

— Да уж.

— Мы собираемся торчать тут целый день? — проворчал Талли.— Или все-таки потопаем дальше? А может, ты решил здесь поселиться, Смед? Поближе к природе? Лично мне не терпится добраться до Весла, чтобы начать веселую жизнь.

Смед подумал о вине и девочках. Которых ему так не хватало в Большом лесу.

— Твоя правда, Талли. Хотя пять лишних минут погоды не сделают,— сказал он.

— Не советую вам слишком уж шиковать в городе, мальчики,— заметил Старый Рыбак.— Немало народу заинтересуется, откуда у вас что взялось. Найдутся крутые ребята, которые живо допрут, как вас обчистить.

— Вот черт,— заворчал Талли.— Опять. Заткнись ты со своими треклятыми проповедями. Кое-что я и сам могу сообразить.

Они тронулись дальше. Талли продолжал занудливо ворчать; Старый Рыбак слушал его не перебивая. Смед только дивился бесконечному терпению старика. На его месте он давно уже придушил бы братца. Вряд ли ему захочется увидеть Талли раньше чем через месяц после того, как они попадут в город.

Нет, даже месяца, пожалуй, будет маловато.

— Как твоя рука? — спросил он Тимми.

— По-моему, лучше не становится. Я ничего не понимаю в ожогах. А ты? Там, где хуже всего, кожа покрылась какой-то черной коростой.

— Я тоже. Правда, видел как-то раз парня, обгоревшего как головешка.— Смед слегка поежился, вспомнив злой жар, исходивший от Серебряного Клина, который сейчас болтался в мешке где-то между его лопатками.— Как попадем в город, сходишь к врачу. Или к колдуну. Только не тяни с этим, слышишь?

— Шутишь, что ли? Какое там тянуть, когда так болит? Да я бы сейчас бегом побежал, если б не надо было тащить этот проклятый мешок.

Вдоль дороги повсюду виднелись руины и прах — следы прокатившейся тут резни. Но катастрофа все же не была абсолютной. Ближе к городу на полях работали люди. С каждой пройденной милей их становилось все больше, этих людей, со спинами, навсегда согбенными под грузом старых и новых несчастий.

Век человеческий краток и полон скорбей... Смед вздрогнул, прогоняя одолевавшие его мысли. Неужели даже его потянуло на эти дерьмовые философствования?

Преодолев последний подъем, они наконец увидели город. Крепостная стена была сплошь покрыта строительными лесами. Несмотря на поздний час, на лесах копошились люди. За работами присматривали солдаты в сером. Имперцы.

— Серые ребята,— проворчал Талли.— Не иначе, будет очередная заваруха.

— Не думаю,— коротко ответил Рыбак.

— Это еще почему?

— Если б они ждали нападения, их было бы гораздо больше. Просто смотрят, чтобы ремонт шел как надо.

Талли поджал губы, нахмурился, пробормотал что-то себе под нос, но спорить не стал. Чего уж там, проглядел очевидное. Имперцы всегда были одержимы идеей порядка. Особенно когда речь шла о военных укреплениях.

Он был недоволен. Его уже тошнило от того, что Рыбак явно соображал быстрее и лучше, чем он. Смед боялся, что братец может начать выделываться, чтобы доказать обратное. И сморозит какую-нибудь несусветную глупость.

— Мама, дорогая! — с полдюжины раз прошептал про себя Смед, пока они шли по городу. Дома были разрушены или перестроены. Или выстроены заново на месте развалин.— Это же просто черт знает что. Они действительно разнесли старый город вдребезги.

Он чувствовал себя неуютно. Здесь оставались люди, которых он хотел увидеть. Удалось ли им уцелеть?

Талли тоже был потрясен.

— Никогда не видел столько солдат,— сказал он.— С тех самых пор, как пешком под стол бегал.

Солдаты были повсюду. Они занимались строительными работами, надзирали за порядком, патрулировали по улицам, толпились около палаток, разбитых на месте снесенных до основания домов. Похоже, весь чертов город ими кишмя кишел.

Смеду попадались на глаза эмблемы, штандарты и форма, каких он никогда раньше не видел.

— Здесь что-то происходит,— сказал он, заметив повешенного, болтавшегося в петле на высоте третьего этажа.— Нам лучше держать ухо востро.

— Ничего особенного,— ответил Рыбак.— Военное положение. Чистое расстройство для всяких проходимцев. Ты прав, Смед. Будем тише воды, ниже травы, пока не разнюхаем что к чему.

Сперва они направились туда, где раньше жил Талли. Этого дома больше не было. Талли не шибко расстроился.

— Поживу у тебя,— сообщил он Смеду.— Пока не подыщу себе местечко.

Но Смед, уходя, не заплатил вперед. Так что хозяева просто выкинули его хлам на поживу мусорщикам. Конечно, после того, как сперва порылись в нем сами и сперли все, что им понравилось. Комнату они сдали людям, чей дом был разрушен.

Дом Рыбака постигла та же участь, что и дом Талли. Старик не удивился, не произнес ни слова. Только помрачнел, еще больше осунулся и ссутулился.

— Наверно, придется всей толпой двигать к моим,— сказал Тимми. Он явно нервничал. Скорей всего, из-за руки, подумал Смед.— Но только на одну ночь. Старик на дух не переносит моих приятелей.

Родители Тимми жили в собственном доме, хотя были не богаче остальных бедняков с Северной Окраины. До Смеда доходили слухи, что свой дом они получили от серых. В уплату за информацию о повстанцах в то время, когда мятеж сыграл заметную роль в Весле. Тимми предпочитал помалкивать на этот счет. Может, так оно и было.

Кому какое дело? Наверно, они приняли ту сторону, которую следовало. Имперцы оказались более хорошими правителями, вели себя честнее. Если, конечно, ты принадлежал к тем слоям общества, которые хоть что-то значили для власть имущих.

Смеду было все равно, кто там крутит большими делами, пока его лично не трогали. Большинство людей ведет себя точно так же.

— Тимми! Тимми Локан!

Они остановились, поджидая, пока старая женщина догонит их. Когда она, отдуваясь, вперевалку подошла к ним, Тимми сказал:

— Добрый день, миссис Сиско. Как дела?

— Мы тут думали, что ты убит, Тимми. Они прикончили больше сорока тысяч человек за одну ночь...

— Я был в отъезде, миссис Сиско. Только что вернулся.

— Так ты еще и домой не заходил?

По узкой улице мимо них протискивались люди. Почти стемнело, но вокруг было столько солдат, что никто не

спешил спрятаться на ночь за закрытыми дверями. Интересно, подумал Смед, каково сейчас всем ворам да разбойникам? Неужели приходится работать?

— Я же сказал. Я только что вернулся.

Смеду все больше и больше не нравилась эта тетка.

Она вдруг разом переменилась, напустив на себя скорбный, утешающий вид. Даже Смед, никогда не отличавшийся особой чувствительностью, и тот понял, что ее буквально распирает от гордости, ведь именно ей первой предстояло сообщить самые скверные новости.

— Твой отец и оба брата... Мне так жаль, Тимми. Они пытались тушить пожар. Твоя мать и сестра... Ты же знаешь, как ведут себя победители... Как обычно. Твою сестру... они искалечили ее так сильно, что через пару недель она покончила с собой.

Тимми стоял и трясся. Казалось, с ним вот-вот случится припадок.

— Достаточно, мадам,— вмешался Рыбак.— Вы и так вывернули ему всю душу.

— Какая наглость...— Тетка от возмущения начала брызгать слюной.

— А ну, вали отсюда, сука,— сказал Талли.— Пока я тебя не порвал.

Он говорил вкрадчиво, не повышая голоса. Именно в этом спокойствии таилась настоящая угроза, Смед это отлично знал. Тетка испарилась.

Так. Братец-то со стерженьком оказался. Какие-то человеческие чувства в нем есть. А как ловко до сих пор скрывал.

— Я этого не вынесу,— простонал Тимми.— Лучше бы меня действительно убили в ту ночь.

— Та чертова баба и в могиле не дала бы тебе спать спокойно,— сказал Рыбак.

— Знаю. Я сделаю то, что должен сделать. Но не сейчас. Я знаю тут одно место, под названием «Скелет». Недорогое. Можно остановиться там. Если оно еще там есть.

Оно там было. Захватчики просто побрезговали его спалить. Место напомнило Смеду старую проститутку, продолжавшую отчаянно и безнадежно заниматься своим

ремеслом тридцать лет спустя после первого выхода на панель.

В глубине помещения, привалившись к стене, давным-давно позабывшей, что такое кисть и краска, развалился на стуле имперский капрал. На его коленях стоял здоровенный кувшин с пивом. Казалось, капрал дремлет. Но не успели они сделать и нескольких шагов от двери, как он приоткрыл глаза, внимательно оглядел их, удовлетворенно кивнул и отхлебнул из кувшина.

— Заметил эмблему? — спросил Смед Рыбака. Тот кивнул.

— Да. Ночные Пластуны.

Бригада Ночных Пластунов была самой знаменитой войсковой частью во всей северной армии. Ее бойцов тренировали тщательно и нещадно, готовя к ночным операциям и войнам с участием колдунов.

— Я думал, они сейчас где-то на востоке,— сказал Смед.— Пытаются окончательно разделаться с Черным Отрядом.

Ночные Пластуны покрыли свои знамена неувядаемой славой, когда нанесли Черному Отряду поражение в бою у моста Королевы. До этой битвы о непобедимости наемников из Черного Отряда ходили легенды; половина Империи была убеждена, что сами боги на их стороне.

— Они здесь. Как видишь.

— Какого черта им тут нужно?

— А вот это мы и должны разузнать. Неизвестная зверюга всегда может тебя сожрать.

Тимми поговорил с хозяином, которого слегка знал. Тот заявил, что его заведение забито теми, кто остался без крова. Что-то никого из этих лишенцев поблизости видно не было. Правда, хозяин тут же намекнул, что местечко, может, и найдется. С божьей помощью.

Цену набивает, понял Смед. Тот еще жулик.

— И почем нынче божья помощь? — спросил Тимми.

— Полтора обола. С носа.

— Душегуб чертов! — завопил Тимми.

— Платите или убирайтесь.

Из-за спин Смеда и Тимми неслышно возник капрал и тяжело опустил свой кувшин на стойку перед хозяином. Тот вдруг смертельно побледнел.

— Дважды за один день, свиное рыло,— сказал Ночной Пластун.— Но на этот раз я слышал все своими ушами.

Хозяин поперхнулся, глотнул воздуха, схватил кувшин и стал судорожно лить в него пиво.

— Не трудись,— сказал капрал.— Попробуй только предложить мне мзду, и ты угодишь в рабочую команду на веки вечные.— Он взглянул на Тимми и Смеда.— А вы, парни, выбирайте себе комнату сами. Сегодня переночуете за счет этого придурка.

— Я просто хотел слегка подшутить над ребятами, капрал,— взмолился хозяин.

— Конечно. Я так и понял. Ты из них веревки вил. Бьюсь об заклад, еще немного, и ты сведешь знакомство с парнем в черной маске. Он любит таких клоунов, как ты.

— Что тут происходит, капрал? — спросил Смед.— Нас долго не было в городе.

— Я так и понял. Думаю, общая ситуация вам уже ясна. Какие-то разбойники и дезертиры полностью разгромили городок. Потом они отправились к Замку, но там этот номер у них не прошел. Мы оказались неподалеку, и наша часть — одна из тех, что пришли для наведения порядка. Командир нашей бригады когда-то родилась в трущобах Нихили. Вот она и решила, что настал удобный момент, чтобы свести счеты со всеми мерзавцами, делавшими здешнюю жизнь адом, когда она была еще ребенком. Поэтому ваши воры пляшут сейчас на виселицах. Поэтому ваши сутенеры, жрецы и налетчики, ваши жулики, содержатели малин и шлюхи вкалывают в рабочих командах по восемнадцать часов в день, а простые горожане получили возможность прийти в себя, чтобы хоть как-то наладить свою жизнь. Но я скажу так: слишком уж она милосердна. Дает им слишком много возможностей исправиться. Вот этот мешок с дерьмом — всем известный спекулянт и мздоимец — уже использовал две попытки из трех. Первый раз он проехался по улицам на позорной телеге и отработал

14 Зак. 2252

неделю в рабочей команде. На сей раз он получит тридцать плетей и отработает две недели. Ну а если он опять ни хрена не поймет, если с него все это дерьмо снова скатится как с гуся вода, на третий раз его поволокут на Майскую Площадь и посадят там на кол. И он будет сидеть на колу, пока не протухнет.— Капрал отхлебнул изрядную порцию пива из кувшина, вытер рот рукавом и оскалился в улыбке: — Наша начальница следит, чтобы за всяким преступлением сразу следовало наказание. Только так.— Он сделал еще один изрядный глоток, потом взглянул на хозяина: — Ну, ты готов? Тогда идем, задница.

Перед тем как вытолкать свою жертву за дверь, капрал бросил через плечо:

— Надеюсь, парни, вы честно рассчитаетесь с этим недоумком и присмотрите за порядком в его богадельне. Иначе не миновать вам строительных работ.— Он снова ухмыльнулся и выволок хозяина на улицу.

— Проклятие! — сказал Талли.

— Угу,— согласился с ним Смед.

— Не слишком-то нам будет уютно в Весле при новых порядках,— заметил Рыбак.

— Это ненадолго,— сказал Смед.— Но для первого дня хватит. А теперь я должен надраться и лечь спать. И проспать хоть одну ночь не на голой земле.

— Можно наоборот,— сказал Талли.— Сперва выспаться, а с утра надраться.

— Не грех бы и помыться,— попытался улыбнуться Тимми.

— Это уж как выйдет. Будем действовать смотря по обстоятельствам.

XXIV

Когда мы перевалили через очередной холм, нам казалось, что мы не видели людей уже целую вечность. В долине за холмом виднелись огороженные стеной строения, занимавшие около ста акров. Стена была невысокой, футов восемь или десять, толщиной в один камень. Вроде тех стен, которыми обносят свои загоны для овец скотоводы-арендаторы.

— Напоминает монастырь,— сказал Ворон.— Не вижу ни солдат, ни знамен, ничего такого.

Он был прав. Нам уже попадались похожие строения, правда не такие большие.

— Выглядит древним,— сказал я.

— Да. Чем-то от него таким повеяло. Мирным. Давайка взглянем на него поближе.

— Вряд ли Костоправ проехал мимо, не задержавшись здесь.

— Точно. Он всегда страдал излишним любопытством. Будем надеяться, что он проболтался тут достаточно долго, чтобы мы смогли наверстать немного времени.

Наши предположения оправдались. Исполнилось и желание Ворона. Храм Отдохновения Путников, вот как назывался этот монастырь. Он оказался своеобразным хранилищем знаний, накапливавшихся здесь не одну тысячу лет.

Парни, за которыми мы гнались, задержались здесь надолго. Один из монахов даже успел немного выучить диалект Самоцветных городов. В сущности, они отправились дальше только сегодня утром.

Ворона эта новость взбудоражила. Он горел желанием возобновить преследование. Немедленно. Ему было плевать, что до заката оставался какой-то час. Мне же хотелось, чтобы он не сходил с ума и слегка притормозил. Монастырь казался чертовски подходящим местечком, чтобы денек передохнуть и снова почувствовать себя человеком.

— Подумай сам, Кейс,— уламывал он меня.— Они же должны сейчас остановиться и разбить на ночь лагерь, верно? У них фургон и карета, значит, за день они не могли сделать больше двадцати пяти миль, так? Если мы будем скакать всю ночь, то легко покроем двадцать и окажемся совсем рядом.

Про фургон и карету он узнал от настоятеля.

— После чего помрем,— сказал я.— Может, тебе и не нужен отдых. А мне нужен. И лошадям тоже. Где мы сможем отдохнуть лучше, чем в монастыре? Одно название чего стоит.

Он только раздраженно зашипел в ответ. А я все никак не мог взять в толк, отчего погоня за Костоправом вдруг сделалась для него самым важным делом в жизни. Он уже настолько сам себя загнал, что соображал не лучше, чем пьяный опоссум.

Но он оказался не единственным, у кого от проблем крыша поехала. Настоятель монастыря был в его команде.

— Он сказал, что предзнаменования так плохи,— криво ухмыляясь, сказал Ворон,— что они не позволяют никому здесь останавливаться. Они даже выгоняют людей.

Часть сказанного я понял и сам; Ворон успел немного научить меня этому языку. Монах сказал что-то такое насчет страшной бури, надвигающейся с севера. Увидев, что этот раунд мне никак не выиграть, я послал их обоих к черту, добавив еще несколько словечек, которые могли бы сильно расстроить мою маму, ковыряющуюся в картофельных грядках. После чего отправился к лошадям, чтобы пожаловаться им на все свои невзгоды. Лошади мне посочувствовали.

Ворон собрал все необходимое, и мы тронулись дальше. Я спрашивал себя, сколько нам осталось до края света. Мы уже забрались так далеко, что и представить невозможно.

Мы почти не разговаривали. Не потому, что я злился. Я давно уже стал фаталистом. Мне казалось, Ворон размышляет над тем, что сказал монах. Он и не заметил, что я понял ту часть беседы. С севера надвигается страшная буря.

На наречии Самоцветных городов слово «страшный» имело с полдюжины значений. «Дьявольский» в том числе.

Когда мы добрались до края леса, почти совсем стемнело.

— Дальше придется идти пешком,— сказал Ворон.— Настоятель говорил, что дорога через лес хорошая, но в темноте нам все равно придется нелегко.

Я что-то проворчал в ответ. На лес мне было наплевать. Меня удивили странные холмы на той стороне. Никогда не видел ничего похожего. Со всех сторон окру-

женные степью, поросшие рыжевато-коричневой сухой травой, своими гладкими очертаниями они напоминали горбы гигантских животных. Которые задремали, подобрав под себя ноги и спрятав голову так, что ее было не разглядеть.

Они были очень сухие, эти холмы. Уже не хватало света, чтобы разглядеть их как следует, но перед тем, как совсем стемнело, я успел заметить на горбах несколько выжженных проплешин.

Лес тоже весь иссох. Деревья, по большей части, напоминали неряшливый грязноватый дубняк с ломкими остроконечными, как у падуба, листьями синевато-серого цвета. Не то что северные дубы, с их темно-зеленой сочной листвой.

Через лес протекало жалкое подобие ручейка. Мы умылись сами, окатили водой лошадей, слегка перекусили. Я слишком устал, чтобы тратить остатки сил на разговоры, сказал только:

— Не думаю, что выдержу еще пятнадцать миль. Вдобавок в гору.

Спустя полминуты он удивил меня, ответив:

— Я тоже не уверен, что выдержу. Выше головы не прыгнешь.

— Опять бедро беспокоит?

— Да.

— Надо бы на него взглянуть.

— Костоправ продырявил мне ногу, пусть он ее и лечит. Поехали, пока хоть какие-то силы есть.

Мы одолели еще около шести миль. Последние две — вверх по склону поросшего сухой травой холма. Потом, не сговариваясь, в изнеможении одновременно остановились.

— Придется передохнуть часок, прежде чем двигать дальше,— сказал Ворон.

Упрямая скотина.

Мы не пробыли там и пяти минут, как я снова заметил признаки той дьявольской бури на севере.

— Ворон,— позвал я.

Он взглянул туда. Ничего не сказал. Только вздохнул и стал вместе со мной считать молнии.

В звездном небе по-прежнему не было ни единого облачка.

XXV

Осторожно поднявшись на перевал, Жабодав, на спине которого восседал Плетеный, остановился. Его колотила дрожь.

Существование этого места они впервые ощутили за много миль отсюда. С тех пор сила его ауры непрерывно нарастала. Нарастало и вызываемое ею раздражение. Они были порождениями тьмы, а здесь находилась крепость их врага, цитадель света. Таких мест оставалось совсем немного.

Их следовало отыскать и стереть с лица земли.

— Незнакомая магия,— прошептал Плетеный.— Мне это не нравится.

Он окинул взглядом северную часть неба. Посланцев дерева-бога не было видно, но они находились где-то там. Неуютно чувствовать себя зажатыми между ними и этим местом.

— Нам лучше сделать дело побыстрей,— сказал Плетеный.

Жабодав вовсе не хотел связываться ни с каким делом. Будь у него выбор, он обошел бы это место стороной.

Собственно, выбор у него был. Правда, небогатый. Он мог просто удрать однажды, отказавшись повиноваться Плетеному. Но эту возможность следовало держать про запас. А пока он подчинялся требованиям своего господина, иногда рациональным, а чаще — идиотским или вовсе лишенным всякого смысла. Подчинялся, выжидая благоприятного случая.

В их армии сейчас насчитывалось две тысячи человек. Когда командиры остановились на перевале, люди буквально с ног валились от изнеможения. Двое, по приказу Плетеного, помогли ему спешиться.

Все солдаты, без исключения, теперь были богачами. Их мешки трещали по швам, набитые до отказа редкостными сокровищами, награбленными в захваченных горо-

дах или перешедшими по наследству от убитых соратников. Редко кто задерживался в этой армии дольше двух месяцев. Среди двух тысяч оставалась едва ли сотня таких, кто пересек море вместе с Хромым. Не успевшие дезертировать вовремя вряд ли могли рассчитывать на долгую жизнь.

Плетеный наклонился к уху Жабодава.

— Мразь,— прошептал он.— Подонки. Все, до единого.

Что верно, то верно. Те, в ком была хоть искра смелости или порядочности, дезертировали очень быстро.

Плетеный опять взглянул на небо. Намек на улыбку тронул его изуродованные губы.

— Вперед! — прошептал он.

Солдаты постанывали и ворчали, снова взяв оружие, но подчинились приказу. Плетеный пристально смотрел на монастырь. Храм каким-то образом подтачивал его уверенность в себе, хотя никаких конкретных причин для этого не было.

— Ступай! — потрепал он по загривку Жабодава.— Разнюхай что к чему.

Затем он собрал уцелевших колдунов из далеких северных лесов. Последнее время от стариков было не много пользы, но теперь нашлось дело и для них.

Все произошло внезапно. Только что стояла тихая ночь; лишь стрекотали кузнечики, да солдаты беспокойно шевелились, нервничая перед предстоящим штурмом. И вдруг весь воздух заполнился атакующими мантами. Они налетели небольшими группами, со всех направлений сразу, но на этот раз не молнии стали их главным оружием.

Первые манты, пронесшиеся словно призраки, сбросили вниз мясистые предметы, похожие на сардельки четырехфутовой длины. Повсюду вспыхнули маслянистые языки пламени. Удар был нанесен точно. Жабодав бешено взвыл, оказавшись в кольце огня. Солдаты истошно кричали. Лошади ржали и вставали на дыбы. Загорелись фургоны с грузом.

Плетеный тоже вопил бы от бешенства, если б мог. Но на вопли не было времени. Он только что начал готовить своим врагам западню. Но именно тогда, когда он полностью сконцентрировался на этом, его застигли врасплох.

Пламя охватило его тело. Теперь он больше не мог думать ни о чем другом.

Он очень серьезно пострадал, прежде чем успел укрыться в коконе защитных заклинаний. Его обуглившееся, переломанное тело распростерлось на земле. Боль была ужасной, но еще ужасней была бушевавшая в нем ярость.

Огненные пузыри продолжали падать. Сбросив груз, манты возвращались, чтобы метать молнии. Плетеный напряг всю свою колдовскую силу и подключил к ней двух шаманов. Теперь один из них поддерживал его полуразрушенный остов, а второй находил места разрывов в плетеном туловище Хромого, сращивал и укреплял оборвавшиеся концы колдовских чар.

То, что оставалось от тела Плетеного, взмахнуло обугленной рукой. Из черноты ночи на землю, кувыркаясь, упала манта. Вокруг нее, потрескивая, плясали маленькие молнии.

Плетеный снова взмахнул рукой.

Жабодав ринулся в атаку на монастырь. Большинство солдат следовало за ним. Быстрая успешная атака сулила им защиту под монастырскими стенами от ужаса, упавшего с неба.

Но ужас продолжал преследовать их по пятам.

Огненные пузыри падали вокруг Хромого, расцветая оранжевыми всполохами пламени, уничтожая припасы и военное снаряжение. Но, окружив себя защитой, Плетеный забыл об огне. Он вернулся к прерванному нападением занятию.

Жабодав был уже совсем рядом с храмом, когда из-за монастырских стен вырвалось нечто, отбросившее его в сторону с такой же легкостью, с какой человек щелчком отшвыривает муху. Солдаты вокруг него попадали на землю.

Нигде нельзя было найти укрытия от тварей, атакующих с неба. Хотя несколько человек продолжали беспрепятственно продвигаться вперед. Почему?

Несколько мант спустились совсем низко, вибрируя плавниками-крыльями. Жабодав подобрался и в отчаянном прыжке взметнулся в воздух. Его челюсти сомкнулись на трепещущей черной плоти.

Пока два колдуна извлекали нечто из дымящихся остатков фургона, Плетеный продолжал шептать заклинания. Глядя на шаманов, он радостно улыбался, не обращая никакого внимания на продолжавшуюся вокруг бойню.

Старики несли змею из обсидиана, тело которой, прямое, словно стрела, достигало десяти футов в длину и шести дюймов в толщину. Змея была сделана изумительно, вплоть до тончайших подробностей. Ее рубиновые глаза сверкали, когда в них отражались огни пожара. Старые знахари пошатывались под весом ее тела. Один из них ругался, обожженный жаром, исходившим от рептилии.

Плетеный улыбнулся своей ужасной улыбкой. Беззвучным шепотом он принялся напевать темную колдовскую песню.

И вот обсидиановая змея начала изменяться.

Она судорожно дернулась, ощутив в себе дыхание жизни. Она расправила крылья, громадные крылья тьмы, которые отбрасывали тень даже там, где тени от них не могло быть. Красные глаза вспыхнули, будто кто-то приоткрыл заслонки над огнями самой жаркой кузницы ада. Страшные когти, сияющие, как обсидиановые ножи, полосовали воздух. Жуткий хриплый визг вырвался из пасти, утыканной острыми черными зубами. Тварь дышала неровно, ее обжигающее дыхание слабело. Она пристально уставилась на ближайший костер и снова судорожно дернулась, пытаясь вырваться.

Плетеный кивнул. Шаманы разжали пальцы, освобождая тварь. Она захлопала черными крыльями и нырнула в огонь. Она купалась в пламени, словно свинья в грязи. Плетеный одобрительно улыбнулся. Его губы прошептали последние заклинания.

Огонь костра угасал, пожираемый тварью. Тогда она бросилась в следующий очаг пламени, потом еще и еще.

Плетеный позволил змее порезвиться несколько минут. Затем интонации его шепота резко изменились, стали требовательными. Теперь он уже командовал. Тварь протестующе взвизгнула, изрыгнув язык пламени, но повиновалась приказу. Испуская скрипучие вопли, она поднялась в воздух и исчезла в ночи.

Теперь Плетеный перенес все свое внимание на Храм Отдохновения Путников. Настало время узнать, на какое колдовство способны защитники монастыря без посторонней помощи.

Лесные шаманы подняли Плетеного на руки и понесли его к монастырской стене.

XXVI

Побелевшие пальцы Боманца нестерпимо болели. Он намертво вцепился в какой-то выступ на спине воздушного кита. Чудище летело достаточно низко, чтобы вспышки молний, полыхание огня и царивший внизу хаос дали старику ясное представление о том падении, которое ему предстояло, если б он хоть на мгновение ослабил свою хватку. Молчун с Душечкой были рядом и по-прежнему неотступно следили за ним. Одно неправильно понятое движение, и Молчун тут же даст ему пинка под зад, а заодно получит прекрасную возможность выяснить, умеет ли колдун летать.

Пришло время решающих испытаний. Белая Роза получила приказ остановить древнее зло здесь, где можно было рассчитывать на помощь тех, кто подвергся его нападению. На этот раз она включила Боманца в свой план.

У старика было такое чувство, что этот план целиком опирался на него.

Она ничего не объясняла. Может, ей нравилась роль таинственной женщины. А может быть, просто не доверяла ему.

Теперь здесь распоряжался он. До тех пор, пока не совершит ошибку. Тогда, сопровождаемый пинком под зад, он получит возможность пропеть лебединую песню, прежде чем рухнет в огненный ад внизу.

В речи менгиров редко проскальзывали оттенки чувств. Но в голосе того, что возник за левым плечом старика, сквозило разочарование.

— Он опять сумел закрыться. Его не берут ни огонь, ни молнии,— доложил валун.

Надежды на удачу с самого начала были призрачными, но попытаться все равно стоило.

— А его сторонники? — спросил старик.

— Опять уничтожены или рассеяны. Но само чудовище непобедимо. Хотя оно жестоко пострадало, его муки только усиливают его злобу.

— Непобедимых не бывает. Дайте мне только подобраться к нему поближе.

Ненавистный Боманцу канюк вдруг страшно раскудахтался:

— Какая великая личность, а? Ха! Да этот мертвяк прихлопнет тебя как муху, Сиф Шрам!

Боманц молча отвернулся и посмотрел вниз, но его желудок сразу запротестовал. Проклятая птица, похоже, всерьез вознамерилась его разозлить. Оптимизм канюка даже забавлял. Старик прошел суровую школу самоконтроля. Он был женат целых тридцать лет.

— Разве не пришла пора твоим собратьям сделать свой ход, валун? — Колдун улыбнулся беззаботной улыбкой человека, не имевшего никаких задних мыслей.

Некая идейка, словно нарыв, зрела на задворках его сознания. Похоже, он нащупал способ поставить подлого стервятника на место.

— Скоро придет,— сказал менгир.— А какова будет твоя лепта в этой потехе?

Прежде чем колдун успел подобрать ответ, снова раздался скрипучий визг канюка:

— Какого черта! Что там такое?

Боманц резко обернулся. Мерзкая птица не боялась ничего на свете, но теперь в ее вопле явно слышался страх.

Громадные черные крылья распростерлись в ночи, скрыв от глаз луну и звезды. Вспышка пламени отразилась в светящихся дьявольским умом глазах. Следующая вспышка осветила пасть, полную огромных остроконечных зубов. Эти

горящие злобой глаза уставились на тех, кто находился на спине воздушного кита.

Молчун лихорадочно сделал несколько пассов, отводящих опасность. Никакого толку.

Боманц не мог понять, что это такое. Оно не имело отношения к Властелину, не было порождением Курганья. Старик считал себя экспертом по всем происходившим оттуда орудиям зла. Он полагал, что ему известны каждое перышко, каждая косточка, каждый клочок плоти этих созданий. Но оно не имело отношения и к Империи Госпожи, иначе та не преминула бы им воспользоваться, когда находилась в зените своего могущества. Значит, тварь была трофеем, захваченным в одном из городов, разоренных после того, как Хромой откололся от Империи.

Но откуда бы ни взялась эта тварь, она была смертельно опасна. Боманц начал погружаться в транс, из которого ему было легче ответить на вызов сверхъестественных сил.

Как только он открыл к себе доступ энергии из другого уровня реальности, его охватил страх.

— Переходите на другой уровень! — закричал он менгиру со шрамом.— Прямо сейчас! Отзывайте мант! Всем держаться подальше от проклятой бестии!

По краю крыльев, рассекавших ночь, плясал огонь. Тварь приближалась к воздушному киту с быстротой молнии.

Боманц произнес самое сильное охранное заклинание, какое знал. Ночь сотряслась от крика боли, испущенного тварью. Но та лишь немного отклонилась в сторону. Туша воздушного кита вздрогнула от удара.

Менгиры один за другим, с легкими хлопками, исчезали со спины кита.

Говоряций канюк взмыл в воздух, суматошно хлопая крыльями и ругаясь, как портовый грузчик. Молодые манты визжали от страха. Братья Крученые ринулись к Боманцу, что-то выкрикивая. Он их не понимал, но похоже, они собирались сбросить его вниз.

Душечка остановила братьев взмахом руки.

В брюхе кита разверзлась дыра; оттуда вырвался шар кипящего огня. Его крылья-плавники свернулись от нестерпимого жара, вдоль всего тела прокатилась судорожная

волна. Костяшки пальцев Боманца побелели. Он хотел отступить назад, но его намертво вцепившиеся во что-то руки жили своей жизнью и отказывались повиноваться.

Второй взрыв снова вспорол брюхо левиафана. Он стал проваливаться вниз. Неразбериха переросла в панику.

— Мы падаем! — заорал своей невнятной варварской скороговоркой один из братьев Крученых.— О боже! Мы падаем!

Душечка поймала взгляд Боманца и на языке жестов властно отдала приказ:

— Сделай что-нибудь! Немедленно! — Она совсем не казалась напуганной.

Прежде чем он успел ответить, весь воздух наполнился струями ледяной воды, хлынувшей из отверстий в спине воздушного кита. Несмотря на исчезновение менгиров, подъемная сила великана продолжала падать, и теперь он сбрасывал балласт через верхние клапаны, надеясь заодно сбить огонь.

Холодная вода, во всяком случае, погасила панику.

Пробиваясь сквозь стену водяной пыли, из ночной темноты начали возвращаться манты. Они отдыхали несколько мгновений, пока к ним на спины карабкались их малыши и другие обитатели равнины Страха. Как только очередная манта набирала полностью вес, который могла поднять, она ползла к скользкому наклонному желобу, который позволял ей разогнаться, чтобы взмыть в воздух.

Еще один взрыв потряс воздушного гиганта. Его туша начала медленно оседать посередине.

Душечка приблизилась к Боманцу. С таким видом, будто намеревалась лично сбросить его за борт, если он сейчас же не предпримет хоть что-нибудь, вместо того чтобы глупо таращиться и трястись от страха.

Как только ей удавалось оставаться такой дьявольски спокойной? Ведь им предстояло умереть через несколько минут.

Старик прикрыл глаза, попытался сосредоточиться на творце постигшей их катастрофы. Он взвинчивал сам себя.

Не зная, что представляло собой чудовище, он не мог позволить ему устрашить себя. Ведь он был тот самый Боманц,

который сразил в бою праотца всех драконов. Тот самый Боманц, который прошел сквозь огонь, воду и медные трубы, не побоявшись бросить вызов самой Госпоже, когда та была в расцвете сил и могущества.

Правда, тогда он стоял обеими ногами на твердой земле.

Негромким уверенным голосом он начал бормотать мантры сосредоточения, перемежая их циклами релаксации. Это позволило ему отделить свой дух от плоти.

Спустя мгновение он оказался в чреве кита, проплыл сквозь пламя и увидел черного пожирателя огня. Тварь купалась в пламени. Она была ненасытна. Только одно это и спасало пока воздушного левиафана от неминуемой огненной погибели.

Боманц присовокупил все свое искусство к усилиям пытавшегося защититься кита и к утихомиривающей пламя прожорливости черной твари. Языки пламени начали понемногу опадать. Колдун старался, чтобы его действия оставались неуловимыми, незаметными для хищника. Но у бестии на уме было лишь одно: насыщаться огнем. Еще немного, и воздушный кит сумеет в одиночку управиться с пожаром.

Когда пожиратель огня вознамерился пробить следующий газовый пузырь, Боманц отшвырнул его прочь. Тварь пыталась прорваться снова и снова, пока не впала во временный паралич.

Воспользовавшись моментом, Боманц исподволь пустил в дело тончайшие щупальца своей магии. С ювелирной точностью он заблокировал все команды Плетеного, заменив их одним категорическим императивом: уничтожь его! Истреби его тьмой, истреби его огнем! Ни на что невзирая, избавь мир от его пагубного присутствия!

Наконец Боманц вернулся в свою плоть. Он снова увидел громадные, окаймленные огнем крылья, заслонившие половину звезд на небе. Но вот крылья сложились. Тварь начала падать по направлению к тому месту, которое Праотец-Дерево хотел защитить любой ценой.

Боманц взглянул на Молчуна и Душечку. Смуглый угрюмый колдун улыбнулся краешком рта, кивнул и сделал

легкий жест в подтверждение того, что работа была сделана добротно.

Может быть, его наконец вычеркнут из черного списка?

Он посмотрел вниз, чтобы увидеть, как пожиратель огня наносит удар. Змей резко нырнул и скрылся за оградой монастыря. Значит, Хромой сумел все-таки туда пробиться.

Воздушный кит тоже продолжал свое медленное падение. Сейчас он находился в пределах досягаемости Плетеного. Туша небесного гиганта покоробилась, напоминая перетянутую посередине сардельку. В ней не осталось балласта. Кит не мог управлять своим движением. Он оказался во власти ветров и дрейфовал на юг, продолжая терять высоту.

Молчун и Душечка приблизились к Боманцу.

— Зачем вы остались? — спросил он.— Почему не убрались отсюда к чертовой матери?

Молчун стал передавать Душечке вопрос старика на языке знаков.

— Да прекрати ты мельтешить пальцами! — взорвался колдун.— Ты прекрасно можешь говорить.

Молчун не ответил, лишь одарил его тяжелым взглядом.

Воздушный кит накренился и провалился вниз. Боманца отшвырнуло к самому краю, но он успел схватиться за ножку какого-то органа, за которую и держался, едва избежав падения с высоты в три тысячи футов. Мимо прокатился клубок опаляющего пламени. Старик ругался, но цеплялся изо всех сил. Левиафан продолжал раскачиваться и содрогаться, издавая глухие бухающие звуки, крики боли.

Случайная искра вызвала взрыв еще одного газового пузыря. На этот раз ничего нельзя было сделать. Игра почти закончилась.

Боманц приготовился умереть через несколько минут. Против собственных ожиданий, он был не слишком этим расстроен. Скорее, разозлен. Разве достойно великого Боманца уйти в мир иной вот так, простой пешкой в чужой игре, без рукоплесканий публики, без великой

битвы, погибнуть в которой не зазорно? Сгинуть, не превратившись в легенду?

Оставалось только изрыгать проклятия. Что он и делал.

Его мысль, более подвижная, чем когда-либо, отчаянно металась, пытаясь отыскать способ наверняка убедиться, что Плетеный не минует той же участи.

Такого способа не было. Боманц не имел никакого оружия, кроме пожирателя огня, который превратился в летящее копье и больше не зависел от его воли.

Воздушный кит опускался все быстрее. Огонь расползся, охватив всю заднюю часть его тела. Перетяжка посередине туши почти сомкнулась. Чертова громадина вот-вот должна была переломиться пополам.

— Надо спешить,— сказал Боманц.— Эта половина сейчас отвалится.

Он начал карабкаться по крутому скату, перебираясь на переднюю часть кита. Молчун и Душечка ползли вслед за ним.

Раздался очередной взрыв. Молчун потерял равновесие и сорвался вниз. Душечка ухватилась одной рукой за орган, напоминавший дерево, а другой поймала пролетавшего мимо нее Молчуна и одним рывком поставила его на ноги.

— Это не женщина,— пробормотал Боманц.— Будь я проклят.

Задняя половина воздушного кита теперь опускалась чуть быстрее, чем передняя. Повторные взрывы разбрасывали во все стороны куски китовой плоти. Пылающие кометы во мраке ночи. Продолжая непрерывно ругаться, Боманц карабкался все дальше, с каждой секундой все больше удивляясь, зачем это ему нужно.

Затем к нему стал возвращаться страх, дитя беспомощности. Все его выдающиеся способности сейчас были ни к чему. Оставалось только ползти, спасаясь от наступающего огня. Ползти до тех пор, пока не придет момент учиться летать.

Новый сильный взрыв разорвал тушу кита. Боманц упал. Задняя часть чудища наконец отвалилась и отлетела в сторону, объятая пламенем. Остаток туши резко подпрыгнул

в воздухе, пытаясь вернуться в горизонтальное положение. При этом его мотало из стороны в сторону, раскачивая с боку на бок. Старый колдун цеплялся за что попало и сыпал проклятиями, как тот канюк.

Вдруг его ухо уловило тонкий хнычущий звук.

Футах в пяти он увидел светящиеся глаза маленькой манты. Когда передняя часть кита выровнялась, он пополз в ту сторону.

— Ну что, тебя забыли, малыш? Иди-ка сюда.

Детеныш зашипел, зафыркал и даже попытался пустить молнию. Получилась крошечная голубая искорка. Боманц выудил его из зарослей.

— Смотри-ка, совсем крошечный. Не мудрено, что они тебя не заметили, а?

Детеныш оказался размером с некрупную кошку. Вряд ли ему было больше месяца от роду.

Боманц осторожно пристроил его на левом плече. Детеныш почти сразу перестал сопротивляться. Казалось, он даже был доволен, что его одиночество кончилось.

Старый колдун возобновил свое путешествие.

Воздушный кит восстановил устойчивость насколько мог. Боманц осторожно пристроился поближе к краю. Он взглянул вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как падающая часть тела кита ударилась об землю.

Молчун и Душечка присоединились к старику. Их лица, как обычно, казались бесстрастными масками. Одна темная, другая — светлая. Молчун пристально смотрел на землю. Душечку, похоже, больше интересовала маленькая манта.

— Под нами две тысячи футов,— сказал Боманц.— Время еще есть. Падать будем долго. Нас должно беспокоить другое.

Этим другим были язычки пламени, окаймлявшие место, откуда оторвалась задняя часть кита. Любой из них в любую минуту мог добраться до следующего газового пузыря.

— Нам остается пробраться вперед так далеко, как мы сможем, и надеяться на лучшее,— добавил колдун, постаравшись вложить в голос как можно больше надежды. А ее-то он почти не испытывал.

Молчун кивнул.

Боманц огляделся. Монастырь, подожженный пожирателем огня, горел вовсю. Значит, его план сработал. Отчасти. Но, прислушавшись повнимательней, он почувствовал, как среди пожарища катается бурлящий клубок ярости и боли.

Хромой снова уцелел.

И его план сработал. Отчасти.

XXVII

Я не верил своим глазам. Ворон сломался. Бедро мучило его куда сильнее, чем он хотел показать.

Как сдался, так перестал двигаться и не произнес ни единого слова с того момента, как его воля спасовала перед телом. Думаю, он стыдился самого себя.

Может, надеялся я, этот сукин сын наконец сообразит, что ему совсем не обязательно корчить из себя супермена. Я вовсе не собирался вычеркивать из своей жизни друга только потому, что ему вдруг оказались не чужды человеческие слабости.

Я был так же выжат, как он, но не мог позволить себе лечь умирать. Светопреставление около монастыря разгоралось все ярче. Отдельные языки пламени выплескивались в нашу сторону. Я слишком сильно нервничал, чтобы вырубиться, хотя от усталости ныли даже кончики моих ногтей. Еще одна вспышка. В небе расцвела огромная огненная роза. Какая-то здоровенная штука падала вниз, крутясь и разбрасывая во все стороны сгустки огня.

И тут я понял, что это такое.

— Ворон,— позвал я,— приподними-ка свою задницу да посмотри на эту маму.

Он проворчал что-то, но не обернулся.

— Это воздушный кит, понял? С равнины Страха. Что ты теперь скажешь?

Мне довелось видеть парочку таких китов, вот так же продырявленных во время кровавой бойни в Кургане.

— Похоже на то.— Ворон все-таки повернулся и посмотрел. Его голос оставался спокойным, но лицо вдруг

сделалось пепельно-серым, будто он увидел прямо перед собой саму Смерть.

— А как он здесь оказался? — Тут я заткнулся. Догадался, как.

— Не по мою душу, парень. Кто на равнине может знать, где меня искать? И кому там есть до меня дело?

— Но тогда...

— Да. Та старая битва, начавшаяся в Кургане, все длится. Это дерево-бог сражается один на один с тем злом, что вновь вырвалось наружу. Я учуял его сразу, еще в Весле.

Ослепительная вспышка. Огонь вырвался из той части кита, которая еще держалась в воздухе.

— Эта штука продержится в воздухе недолго,— сказал я.— Может, попробуем им как-нибудь помочь?

Он молчал не меньше минуты. Все смотрел на горбатые холмы, будто прикидывал, остались ли у него силы, чтобы наконец догнать Костоправа. Ведь тот был где-то совсем рядом, миль пять или десять, не больше. Потом с трудом поднялся на ноги. Поморщился. Из-за ноги, конечно. Я не стал спрашивать. Он все равно сослался бы на студеный воздух и холодную землю.

— Лучше займись лошадьми,— сказал он.— А я пока сгребу барахло в кучу.

Крупное дело ты для себя придумал, старина. Ведь мы где шли, там и свалились, когда уже просто не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой. Что там сгребать?

Поскольку делать ему было нечего, он стоял, наблюдая за летящим по небу обломком недавнего крушения. С таким видом, будто его любезно попросили сколотить виселицу и накинуть петлю на собственную шею.

— Я много размышлял, Кейс,— сообщил мне Ворон, когда мы уже спустились к подножию самого северного из этих дурацких горбатых холмов. Мы двигались на северо-восток, следуя за снижавшимся обрубком воздушного кита.

— Высиживать, вот подходящее слово, старина. Ты, словно клуша, высиживал какую-то идею с того самого дня, как прикончили Властелина. Похоже, тот взрыв, что мы недавно слышали, был последним.

Обрубок сносило в сторону, пересекавшую наш путь. На куске туловища мерцало несколько язычков пламени. Кит переваливался с боку на бок, но перестал падать.

— Может быть. Но стоит высказаться определенно, и судьба тут же тебя накажет. Давай лучше понадеемся, что обрубок благополучно минует лес. Будет скверно, если он грохнется именно там.

— Так о чем ты размышлял?

— О нас обоих, о Костоправе и его ватаге, о Госпоже, Молчуне, Душечке. О том, что у нас очень много общего, а мы все никак не можем поладить друг с другом.

— Не замечал, что у вас много общего. Если не считать общих врагов.

— И я долго не замечал. И никто из них до сих пор этого не заметил. Хотя это нетрудно, если слегка пошевелить мозгами.

Я напустил на себя такой вид, будто меня в три утра пробрал понос.

— По сути, Кейс, все мы — одинокие, несчастные люди, отчаянно ищущие свое место в жизни. Одиночки, которые не хотят одиночества, да не знают, как его преодолеть. А когда перед нами дверь, через которую можно войти или выйти,— мы не можем догадаться, каким способом открыть щеколду.

Я был потрясен! Пожалуй, это было самое откровенное высказывание из всех, что мне когда-либо доводилось от него слышать. Убежденное, страстное. Или побрейте мне голову и зовите меня Плешивым. А ведь я провел с ним бок о бок целых два года. Невозможно заметить, как меняются люди, когда все время находишься с ними рядом. Открой-коробочку, малыш, и посмотри-что-там-внутри.

Это был вовсе не тот Ворон, которого я встретил еще до того, как личные неурядицы привели его «я» в туманное зло Курганья, где его душа блуждала, пока не очистилась. Сломав стены тюрьмы чувств, он вышел оттуда совсем другим человеком.

Черт возьми! Он уже не был и тем парнем, который валялся на полу, в стельку пьяный, всю дорогу, пока мы были в Весле.

Я испытывал смешанные чувства. Ведь я прекрасно ладил с тем, прежним Вороном, он мне нравился, я даже восхищался им. Иногда.

Может, когда-нибудь мне придется так же восхищаться и этим, совсем другим, прошедшим обновление, человеком.

Я не знал, что сказать, хотя знал: он ждет ответа. Он не утратил своей способности действовать на меня завораживающе.

— Значит, ты понял, как открыть ту дверь?

— Пока у меня есть только смутное предчувствие, Кейс. Но оно не дает мне покоя, почти парализует меня. Кажется, еще чуть-чуть, и я узнаю нечто такое, что поможет мне прозреть.— Он уже снова смотрел на обрубок туши воздушного кита.

Я тоже взглянул туда. Обрубок теперь был примерно в двух милях от нас, на высоте около пятисот футов; легкий ветерок гнал его в нашу сторону.

— Мы что, повернем за ним назад, в холмы, если ветер понесет его в ту сторону?

— Решать тебе, Кейс. Ведь это была твоя идея.— Он прошептал что-то успокаивающее своей лошади. Животные были не в восторге от ночной прогулки. Хотя бы даже и не под седлом.

Из воздушного кита вырвался громадный столб огня.

— Теперь нет нужды беспокоиться насчет лазанья по холмам,— успел сказать я, прежде чем до нас донесся оглушительный грохот взрыва.

Воздушный кит, кувыркаясь, быстро падал вниз. Когда до земли оставалось около двухсот футов, от его туши оторвалось несколько кусков, после чего падение слегка замедлилось. Я прикинул, куда он должен упасть, и мы заторопились к этому месту.

То, что оставалось от туши, клюнуло носом, ударилось об землю примерно в миле от нас, снова подскочило в воздух, двигаясь теперь прямо в нашу сторону. Опять послышался взрыв.

Остаток туши ударялся и подскакивал вверх еще дважды, потом со скрежетом заскользил по земле и остановился.

— Осторожней,— сказал Ворон.— Там еще есть чему взрываться.

Туша воздушного кита местами горела. Откуда-то изнутри нее доносились звуки, будто некто изо всех сил колотил в громадный медный барабан.

— Оно еще не подписывается на смерть,— отозвался я.— Ты только взгляни.

В какой-нибудь паре ярдов от меня лежало щупальце. Его конец подпрыгивал и метался, словно змея, страдающая от зубной боли.

— Н-да. Давай-ка пока стреножим лошадей.

Нет, такого парня ничем не проймешь. Будто он всю жизнь провел, вдыхая гнилостные ароматы воздушных китов. А от этого разило особенно гадко.

В отблесках огня я уловил какие-то тени.

— Слушай! Там, наверху, люди.

— Должны быть. Где именно?

— Вон там. Сразу за выжженной проплешиной.— Я указал пальцем.

— Похоже, кто-то кого-то пытается откуда-то вытащить,— мудро заметил Ворон.

— Давай влезем туда и поможем им,— сказал я. Свою лошадь стреноживать я не стал.

— Куда стремишься ты, о юности безумная пора! — оскалился в ухмылке Ворон. Еще издевается, зараза.

Я начал карабкаться по скользкой, вонючей и крутой боковине туши. Ворон тоже передумал стреноживать лошадей. Не захотел возиться. Вместо этого он привязал их к одному из ближайших кустов. Пока он все это проделал, я уже был на полдороге наверх.

Плоть воздушного кита походила на губку и издавала резкий неприятный запах, к которому примешивалась вонь паленого мяса. Эту плоть то и дело сотрясала предсмертная судорога. Мне вдруг до слез стало жалко величавого гиганта.

— Ворон! — закричал я.— Поторапливайся! Тут их трое, а позади них все горит!

Рядом со мной раздался хлопок. Небольшой взрыв, но он сбил меня с ног. Внизу по земле расплескались лужицы пламени. Сразу занялась сухая трава.

Если так пойдет дальше, быть беде.

К тому времени, как Ворон кое-как втащил наверх свое бренное тело, старик, единственный из троих, кто держался на ногах, уже привязывал к моим плечам женщину, чтобы та не свалилась, когда я буду спускаться. Завязав последний узел, он тут же вернулся к прежнему занятию: начал приподнимать нечто, напоминавшее громадную ветку папоротника, придавившее кого-то еще.

Тяжело пыхтя, Ворон посмотрел на меня, посмотрел на женщину, потом проворчал:

— Чего и следовало ожидать.

— Послушай,— сказал я.— Эта девка сделана целиком из камня. Либо у нее свинцовая задница. Она будет потяжелей меня.

— Может, все-таки спустишь ее вниз? А то я стал уже староват для таких упражнений,— пробормотал он и повернулся к старику.— Опять ты. Ты-то какого черта здесь делаешь?

А разглядев парня, придавленного веткой папоротника, он опять ничуть не удивился. Будто Молчун, свалившийся с неба, был именно той милой шуткой судьбы, на которую Ворон рассчитывал.

У него ноги ходуном ходили, когда он помогал старику отодвинуть дурацкий папоротник. Старикан сразу принялся суетиться вокруг Молчуна. Черный бугор, прилепившийся к его плечу, вдруг издал звук, похожий на мяуканье котенка.

— Подними его,— приказал старый колдун Ворону,— и тащи вниз. У нас слишком мало времени, чтобы я мог привести его в чувство здесь.

Я уже начал спускаться. Что они еще там говорили, я не слышал. Но они тоже начали спускаться почти сразу вслед за мной.

Над головой что-то прошелестело. Бугор на плече колдуна опять мяукнул. Из темноты ему ответили скрипучие крики. То вернувшиеся манты описывали круги над своим умирающим хозяином.

Что происходит с мантами, когда погибает воздушный кит?

— О черт! — завопил Ворон.— Смотри, куда наступаешь!

Почти одновременно заговорил старик.

— Из вас так и прет самонадеянность, молодой человек,— гремел он.— Убийственная, несносная, самодовольная самонадеянность! Вы, без всякого на то права, требуете — требуете! — объяснений. И от кого? От меня! Ваше высокомерное самомнение далеко выходит за пределы моего понимания. Это я должен спросить у вас, отчего вы постоянно мельтешите где-то поблизости, на один ход опережая Хромого! Может, вы его лазутчик? Его черный лидер? Ну! Вы собираетесь идти дальше? Или намерены ждать, пока мы поджаримся тут, как бекон на сковороде?

Я уже спустился на землю и теперь наблюдал за ними. Ворон писал кипятком. Он даже представить себе не мог, что не так уж велик и могуч, чтобы весь мир подпрыгивал, стоит ему разок гавкнуть погромче. Может, у него просто не хватало воображения? Чтобы остерегаться тех, кого следовало бы остерегаться. Таких людей, как старый Боманц, к примеру. Ведь старикан, разозлись он хорошенько, мог запросто превратить его в лягушку.

Ворон набрал воздуху, но ответить не успел. Очередной взрыв чуть не сбросил вниз их обоих. Конвульсивная дрожь волной прокатилась по телу воздушного гиганта. Стих непрерывный грохот медных барабанов. Чудище испустило дух, издав последний стон, которым было сказано о смерти и отчаянии все, чего нельзя сказать словами.

Сверху доносились пронзительные рыдающие крики мант. Похоронный плач. Я спрашивал себя, что они будут теперь делать.

Дрожь, сотрясавшая воздушного кита, стихла.

— Марш отсюда! — закричал колдун.— Сейчас здесь все взлетит на воздух!

Когда это произошло, Ворон, пошатываясь, брел к лошадям. Все предыдущие взрывы не шли с последним ни в какое сравнение. Волна горячего воздуха отшвырнула меня в сторону. Ворона бросило вперед. Он ударился лицом о землю. Боманц, хоть и находился ближе других к взрыву,

сумел устоять, выделывая ногами кренделя, напомнившие мне танцы моей матушки. На лице колдуна застыло страдальческое выражение.

Когда стих звон в ушах, я снова услышал печальную песню мант. Воздушный кит превратился в свой собственный погребальный костер.

Разлетавшиеся далеко в стороны куски пылающей плоти подожгли всю траву вокруг. Лошади волновались. Нам все еще грозила опасность.

Ворон ползал в пыли, все никак не мог подняться. Я стоял, ничего не делая, чтобы помочь ему, и чувствовал себя полным дерьмом, но меня просто не слушались ноги.

Колдун догнал Ворона, поднял его. Они тут же снова принялись поливать друг друга бранью, словно пара пьянчуг. Я наконец заставил свои ноги сдвинуться с места и вклинился в их свару.

— Кончайте, ребята. Хватит. Лучше помогите погрузить эту курицу на лошадь. Надо убираться отсюда, пока мы еще не превратились в свиные шкварки.

Женщина, словно мешок с рисом, уже свисала поперек седла. Мне пришлось так долго бежать, перебросив ее через плечо, что ее лицо превратилось в сплошной синяк.

— Пошевеливайтесь! — закричал я.— Поднимается ветер!

Я метнулся к лошадям, успев придержать их прежде, чем те решили, что они умнее нас, и надумали самостоятельно удрать повыше, в холмы.

Пока мы с Боманцем поднимали Молчуна, Ворон первый раз взглянул на Душечку. На той живого места не было. Изо рта, носа, ушей сочилась кровь. Вся она была покрыта синяками и запекшейся кровью. Молчун выглядел почти так же, да и колдун немногим лучше. Но на последних Ворону было наплевать.

— Их можно подлечить,— быстро вставил Боманц, прежде чем Ворон успел затеять новую свару.— Но только если мы выберемся отсюда раньше, чем до нас доберется степной пожар.

Эти слова да еще то, что я тронулся в путь, не дожидаясь его, наконец заставили Ворона сдвинуться с места. Он

побрел за мной, ведя в поводу лошадь, на которой лежала Душечка.

Боманц тем более не собирался никого ждать. Старик уже обогнул ближайшую полосу степного пожара. Ветер гнал языки пламени по направлению к сонным горбатым холмам.

Ворон снова принялся ворчать и бормотать себе под нос ругательства. Боманц шел на север, баюкая на ходу детеныша манты, который радостно пищал, приветствуя своих невидимых родичей, скользивших в темноте над нашими головами. Ворону по-прежнему не терпелось догнать своего бывшего друга, но мне показалось, что он слегка поумнел и решил не злить лишний раз колдуна, который и без того был в самом скверном расположении духа.

Я то и дело оглядывался через плечо на горящие останки воздушного кита. Пока мы не углубились в лес настолько, что огонь пропал из виду. Мне все казалось, что нам был дан некий урок. Но дан в виде символа, смысл которого я все никак не мог разгадать.

XXVIII

Смед шагнул в полутемный зал «Скелета» прямо из яркого солнечного утра. Когда глаза попривыкли, он заприметил Тимми Локана. В самом темном углу, за столиком на двоих. Сперва ему показалось, что Тимми рассматривает свою обмотанную повязкой руку. Подойдя поближе, Смед разглядел плотно закрытые глаза Тимми и бисеринки пота на его щеках.

Смед уселся напротив.

— Ты сходил к доктору, как я велел? — спросил он.

— Сходил.

— Ну, так что?

— Он содрал с меня два обола. Только затем, чтобы сообщить, что не знает такой болезни и ничего не может предложить, кроме как вовсе оттяпать руку. Он не смог даже снять боль.

— Значит, придется идти к колдуну.

— Только скажи мне, кто из них в городе лучший, и позволь действовать самому. Я заплачу, сколько он скажет.

— Сейчас лучшие не колдуны, Тимми. А колдуньи. Две колдуньи, главные ведьмы из Чар. Паутинка и Шелкопряд. Только что объявились в городе.

Тимми, похоже, отключился.

— Ты слышишь, Тимми? Эти две суки появились прямиком из Башни. Прошлой ночью. Собираются выяснять, что стряслось в Кургане. Хотят отправиться туда завтра или послезавтра, прихватив с собой батальон Ночных Пластунов. Весь город только об этом и говорит.

Казалось, Тимми не слышит.

— Ты усек? Они собираются в равнину, выяснять, что стряслось с деревом. Когда выяснят, захотят нашей крови.

— Выйдет неплохая реклама,— сказал Тимми, слегка оживившись.

— Ты о чем?

— Рыбак говорил, что вряд ли они сумеют выследить нас, если мы притаимся и будем держать рты на замке. Тем временем новость дойдет до всех колдунов. Те из них, кто заинтересуется, нагрянут в город в поисках Клина. Тутто и настанет время поторговаться.

Самому Смеду эта идея нравилась все меньше. Чертовски опасная затея. Но остальные, включая Рыбака, были уверены, что риск при продаже невелик. Они не верили, что все колдуны — получокнутые, которым нравится издеваться над людьми и обманывать их просто так, для забавы.

— Это самая обычная сделка,— не уставал повторять Талли.— Мы продаем. Они покупают. Платят наличные и получают Клин. Все довольны.

Тупица проклятый. Так не бывает, чтобы все остались довольны. На свете чертова прорва колдунов и только один Клин. И каждый проклятый колдун не только попытается заполучить его лично для себя, но из кожи вон вылезет, чтобы подставить ножку остальным. А тот, кому Клин достанется, наверняка захочет замести следы, чтобы никто не смог его выследить и отнять чертову штуковину.

Всякий раз, когда Смед высказывал свои опасения, Талли начинал в ответ нести чушь. Только злился, когда Смед пытался втолковать ему, что никто не припомнит случая, чтобы колдуны вели себя иначе.

— Мне кажется, я знаю, где найти парня, который сможет починить тебе руку, Тимми,— сказал Смед. Он вспомнил, как его тетка говорила про одного колдуна с Южной Окраины, самого честного и порядочного среди остальных. Когда ему платили как следует и не тянули с долгами.

Дверь на улицу распахнулась, внутрь ворвался яркий свет. Оглянувшись, Смед увидел капрала Ночных Пластунов с парой его приятелей. Капрал дружески махнул ему рукой. Смеду пришлось ответить на приветствие. А заодно пришлось задержаться и поболтать немного, чтобы дело не выглядело так, что он вышел вон, не желая находиться в одном помещении с ребятами в сером. Попутно он рассказал Тимми про колдуна, о котором говорила тетка.

— Хочешь к нему сходить?

— Я готов пойти к кому угодно.

— Тогда идем прямо сейчас.

Колдун оказался эдаким коротконогим, толстеньким, маленьким улыбающимся петушком, с хохолком тонких седых волос, торчавших во все стороны. Он встретил их так радостно, словно всю жизнь ожидал именно этих дорогих гостей. Смеду сразу стало ясно, отчего тот понравился его тетке. Тетка была такая занудливая и противная, что от нее сбежала бы даже слепая собака.

В основном, переговоры вел Смед, потому что боялся, как бы Тимми, желая любой ценой избавиться от боли, не сболтнул чего лишнего.

— У парня вся рука почернела от какой-то заразы,— кратко пояснил он.

— И страшно болит,— добавил Тимми.

В его голосе слышались жалобные нотки. А ведь Тимми Локан никогда не был нытиком.

— Что ж, давайте взглянем на нее,— сказал колдун.

Он пристроил руку Тимми на своем хирургическом столе и принялся разрезать повязку тонким острым ножом. Орудуя ножом, колдун не переставал улыбаться и болтать.

— Выглядит довольно скверно, а? — спросил он, когда повязка свалилась.

Чересчур скверно, подумал Смед. Он не видел руку Тимми без бинтов уже неделю. Черное пятно увеличилось втрое. Теперь оно закрывало всю ладонь и начало заползать на ее тыльную сторону. Почерневшие места сильно вздулись.

Наклонившись, колдун потянул носом.

— Странно,— сказал он.— Зараженная плоть обычно дурно пахнет. Закрой-ка глаза покрепче, сынок.

Тимми закрыл; толстяк принялся втыкать в его руку иглу.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Только легкие нажатия. Ох! — Иголка вонзилась в место, не затронутое чернотой.

— Странно. Очень странно. Никогда не видел ничего похожего, сынок. Теперь попробуй расслабиться.

Он подошел к полке и снял с нее причудливую медную колдовскую снасть, похожую на пустую полусферу около фута в поперечнике, опирающуюся на шесть восьмидюймовых изогнутых ножек. Установив эту штуку над ладонью Тимми, он накапал туда какого-то снадобья и бросил щепотку колдовского зелья. Полыхнула вспышка, повалили клубы зловонного дыма. А потом воздух над полусферой задрожал и замерцал, как над нагретой мостовой.

Колдун стал пристально вглядываться в это мерцание.

Смед не видел в происходящем особого смысла, но улыбку колдуна словно ветром сдуло. Старик сильно побледнел.

— Во что это такое вы вляпались, ребята? — спросил он охрипшим голосом.

— А? Ты о чем? — переспросил Смед.

— Удивительно, как я сразу не заметил. Не почувствовал мистических миазмов. Но кто же мог подумать! Парень дотронулся до какой-то вещи, заключающей в себе экстракт чистого зла. Может быть, до могущественного

амулета, несущего в себе семя тьмы. До амулета, утерянного в древние времена и теперь вновь всплывшего из глубины веков. Это должна быть очень необычная вещь, до сих пор неизвестная в наших краях. Вы грабили старые могилы, парни?

Тимми уставился на свою руку. Смед твердо встретил взгляд колдуна, но ничего не ответил.

— Не думаю, чтобы вы нарушили какие-нибудь законы, копаясь там, где наткнулись на ту штуку,— сказал старик.— Но если вы не доложите обо всем имперским легатам, можете крупно влипнуть.

— Ты можешь что-нибудь для него сделать? — спросил Смед.

— Они вам хорошо заплатят.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — упрямо повторил Смед.

— Нет. Не могу. Творец вещи, повредившей руку твоему другу, был куда более могуч, чем я. Если речь идет об амулете, вылечить ожог сможет лишь тот, кто окажется сильнее его создателя. Но даже такому сильному магу будет необходимо сперва изучить амулет, иначе лечение не принесет пользы.

Вот черт, подумал Смед. Где прикажешь искать мага, способного одолеть душу Властелина? Нигде.

— Значит, починить моего приятеля ты не можешь. А что ты тогда можешь?

— Я могу удалить плоть, осквернённую злом. Это все.

— Ты умеешь говорить нормальным языком?

— Умею. Я могу ампутировать ему руку. Сегодня — по запястье. Если вы на это согласны, решайтесь быстрее. Когда силы тьмы доберутся до костей предплечья, никто не возьмется предсказать, чем кончится дело.

— Ну как, Тимми?

— Это же моя рука!

— Ты слышал, что он сказал.

— Да. Послушай, колдун, ты можешь хоть ненадолго снять боль? Чтобы я мог спокойно все обдумать?

— Я могу наложить заклинание, которое должно немного помочь,— сказал толстяк.— Но как только его дей-

ствие кончится, боль станет сильнее, чем прежде. И постарайся усвоить еще одну вещь, сынок. Чем дольше ты будешь тянуть, тем сильнее будет тебя мучить рука. Через каких-нибудь десять дней ты будешь непрерывно вопить от боли.

— Ладно,— нахмурившись, сказал Смед.— Хотя благодарить особенно не за что, спасибо и на этом. Теперь сними ему боль. Мы должны пойти хорошенько все обсудить.

Колдун побрызгал на руку каким-то зельем, пробормотал несколько заклинаний, проделал магические пассы. Смед заметил, как Тимми немного расслабился, затем на его губах даже появилось слабое подобие улыбки.

— Полегчало? — спросил Смед.— Пошли, Тимми. Нам надо искать какой-то выход.

— Погодите,— сказал колдун.— Сперва необходимо опять наложить повязку. Я действительно не знаю, что это такое, но оно может передаваться при касании и другим людям. Если изначальное зло было достаточно сильным.

У Смеда чуть живот к спине не присох, пока он вспоминал, не дотрагивался ли он до руки Тимми. Нет, похоже, не дотрагивался.

С трудом дождавшись, пока за ними закроется дверь, он спросил:

— Старый Рыбак трогал тебя за руку, когда пытался ее лечить?

— Нет. Никто не трогал. Кроме того дока, к которому я ходил. Он пару раз ткнул туда пальцем.

— Черт!

Смеду все это сильно не нравилось. Опять начинались осложнения, а он ненавидел сложности. Попытки распутать такой вот клубок обычно только ухудшали положение дел.

Теперь им придется советоваться с Рыбаком и Талли. Мысли двоюродного братца предугадать нетрудно: выманить Тимми из города, перерезать ему глотку, а тело сжечь. И вся недолга.

У Талли была душа змеи. Пожалуй, Смеду пора сматываться. Чем раньше, тем лучше. А лучше всего — прямо сейчас. Но как тогда получить свою долю, если им удастся сбыть с рук Клин? Вот черт.

— Тимми, тебе теперь надо напиться хорошенько, отвести душу. Но я хочу, чтобы ты подумал как следует и сделал выбор. Что бы ты ни решил, я на твоей стороне. Но ты должен помнить, это затрагивает нас всех. И поглядывай на Талли. Талли не тот парень, к которому можно поворачиваться спиной, если уж он начал нервничать.

— Не держи меня за болвана, Смед. Талли не тот парень, к которому можно поворачиваться спиной, даже когда он не нервничает. Пусть только попробует выкинуть какой-нибудь грязный фокус. Сразу останется с карманами, полными дерьма.

Интересные дела.

Наверно, пришло время самому на что-то решаться. Город выше крыши набит ребятами в сером. Их хозяева вот-вот обнаружат, что Серебряный Клин исчез из Курганья. Может, пришла пора удариться в бега, затеряться в таких местах, где никому в голову не придет их искать? Может, настал момент найти для Клина место понадежнее, чем мешок с тряпками, валяющийся в их конуре в «Скелете»? Вообще-то, у Смеда была одна хитроумная идея на этот счет. Идея, которая заодно могла застраховать его жизнь. Если он опередит события и проделает все прежде, чем об этом узнают остальные.

До чего же ему осточертели всякие осложнения!

Когда они собрались, Талли с ходу поднял страшный шум. Похоже, он терял здравый смысл с каждым днем.

— Ты что, вообразил себя бессмертным? — спросил Смед.— Или неприкосновенным? В городе полно проклятых серых, Талли. Стоит им только тобой заинтересоваться, как они сразу же разберут тебя на кусочки. А потом снесут эти кусочки к Паутинке и Шелкопряду, чтобы те снова собрали их вместе и заставили тебя ответить на пару вопросов. Как бы ты ни выкручивался, они будут продолжать спрашивать дальше. Думаешь, ты такой герой, что сумеешь продержаться? Против людей из Башни, которых там специально учили задавать вопросы?

— Прежде чем начать задавать вопросы, им придется меня найти, Смед.

— Думаю, в конце концов мы на чем-нибудь засветимся. Я твержу это уже минут десять.

— Ничего подобного. Ты весь слюной изошел, пока щелкал клювом, предлагая нам удрать и забиться в какое-нибудь дерьмовое местечко вроде Лордов.

— А ты действительно считаешь, что можешь притаиться, оставаясь здесь? Когда они будут знать, кого искать?

— А как они...

— Да почем я знаю? Зато я знаю наверняка, что это тебе не полоумные придурки с Северной Окраины. Это люди из Чар. Парни вроде нас для них — так, легкая закуска. Лучший способ не привлечь к себе их внимания — это не путаться у них под ногами.

— Мы останемся в городе, Смед.— Талли уперся рогом. Упрямый черт.

— Хочешь торчать здесь, пока тебе не врежут дубиной промеж глаз, оставайся. Дело твое. А я не собираюсь подыхать только из-за того, что тебе вожжа под хвост попала. Продать Клин и стать богачом? Отличная идея. Но не настолько она хороша, чтобы отдать за нее жизнь или пойти на дыбу. Мы еще не успеем начать искать покупателя, как эти волкодавы уже вернутся обратно. Меня так и подмывает загнать эту штуку первому же, кто согласится ее купить. Просто чтобы от нее избавиться.

Снова разгорелся яростный спор, который только накалил атмосферу, несмотря на попытки Рыбака и Тимми примирить противников. Смед злился на себя почти так же сильно, как на Талли. У него было мерзкое ощущение, что он только попусту пинает воздух, а когда дело дойдет до того, чтобы принимать решение, у него не хватит духу пойти против братца. Не бог весть какой, а все же — родственник.

XXIX

Пес Жабодав лежал в тени акации и глодал берцовую кость, бывшую когда-то ногой одного из солдат Плетеного.

Не больше дюжины из них пережили ту жуткую ночь, когда пал монастырь. С тех пор умерли еще шестеро. Когда ветер дул с севера, запах тлена становился непереносимым.

15 Зак. 2252

Из всех лесных шаманов в живых остались только двое, да и те едва дышали. До тех пор пока старики не пришли в себя, Жабодав и Плетеный чувствовали себя немногим лучше того, что было в начале похода, в Курганье.

Пес Жабодав краем глаза следил за мантами, скользившими над храмом и его окрестностями. Они непрерывно пытались найти слабые места в прикрывавших монастырь магических плазмах, а обнаружив, метали туда свои молнии. Лишь одна из целой сотни молний наносила реальные повреждения, но этого было достаточно, чтобы окончательное разрушение защиты стало лишь вопросом времени.

Победа Плетеного над воздушным китом принесла ему всего два часа передышки. Затем появился другой воздушный гигант и сражение возобновилось. Теперь китов стало четверо; они атаковали со всех сторон света сразу и были полны решимости отомстить за гибель своего собрата.

Пес Жабодав поднялся и, огибая особо опасные места, двинулся зигзагами к стене, окружавшей руины монастыря. Суставы похрустывали, кости ныли. Он сильно хромал. Его деревянная нога сгорела дотла в пламени страшного пожара, разразившегося, когда огненный Змей Хромого вернулся, чтобы пожрать собственного хозяина.

Пес утешался тем, что Хромому пришлось куда хуже. Тот вовсе лишился тела.

Пожалуй, он того заслужил.

Как им теперь выбираться из этого переплета?

Встав на задние лапы, Жабодав пристроил морду и переднюю лапу на верхнем краю стены.

Представившееся ему зрелище оказалось даже хуже, чем он ожидал. Говорящих камней было так много, что они окружали монастырь второй стеной. Всюду, где в земле была влага, стояли, жадно впитывая ее, рощицы ходячих деревьев. Привыкшие стойко переносить вечную засуху равнины Страха, они наслаждались.

Сколько это еще продлится, прежде чем они двинутся вперед и начнут взламывать монастырскую стену своими стремительно растущими корнями?

Целые эскадроны кентавров неслись галопом, репетируя атаку и бросая тяжелые копья. Над их головами парило множество мант.

В один прекрасный день вся эта причудливая орда ринется на приступ. Пока у Плетеного нет тела, остановить их будет некому.

Они уже пошли бы в атаку, если б только знали, насколько беспомощны осажденные. Пожалуй, то был единственный разумный поступок Плетеного — исчезнуть, затаиться так, чтобы странные создания за стеной не знали, где он находится. Белая Роза решит, рассчитывал Плетеный, что он завлекает ее в ловушку, притворяясь бессильным.

Хромому было нужно время. Он пожертвовал бы чем угодно и кем угодно, лишь бы выиграть это драгоценное время.

Жабодав повернулся и захромал по направлению к полуразрушенным монастырским строениям. Перепуганные часовые посторонились, пропуская его.

Они знали, что обречены. Все были неслыханно богаты, но уплатили за это страшную цену, продав и свои души. Им уже не придется насладиться своими сокровищами. Все награбленное ими теперь гроша ломаного не стоило.

Слишком поздно было искать выход даже в дезертирстве.

Один из них попытался. Те, снаружи, схватили его. Иногда из-за стены доносились его жуткие вопли, напоминавшие оставшимся, что осаждающие разозлены до предела и не собираются никого держать в плену.

Протиснувшись сквозь тесные помещения, Жабодав спустился по крутым, узким ступенькам в глубокий подвал, где находилась берлога Хромого. Здесь, внизу, тот был надежно укрыт от чудовищных валунов и прочих мерзостей, которые воздушные киты начинали сбрасывать, когда им становилось невтерпеж.

Большое помещение, где устроился Хромой, как и следовало ожидать, было сырым и заплесневелым. Но освещалось оно настолько ярко, насколько позволяли имевшиеся в монастыре светильники. Чтобы как следует выполнить работу, скульпторы нуждались в хорошем освещении.

Голова Хромого, лишенная тела, стояла на полке, неусыпно наблюдая за тем, как идет работа. Два вооруженных солдата и один шаман тоже стояли на страже. Саму работу выполняли три монаха из той дюжины, что осталась в живых после учиненной в монастыре резни.

Бедняги понятия не имели, какова будет награда за их старания. Они питали иллюзии, что смогут вернуться к трудам праведным после того, как закончат эту работу, а их страшные гости навсегда покинут монастырь.

В юго-западном, самом высоком, углу помещения бил небольшой ключ, откуда монастырь черпал воду для своих нужд. Под ключом находился пласт самой лучшей в мире гончарной глины. Монахи долгие столетия пользовались ею. Узнав об этом месторождении, Хромой пришел в неописуемый восторг.

Скульпторы уже успели вчерне сделать новое тело. На радость Хромому. Это будет именно то, о чем он всегда мечтал, а не та чахлая, искалеченная развалина, которая некогда была его собственным телом. Вместе с головой на плечах рост достигнет шести с половиной футов. Это будет прекрасное тело, думал Хромой. Воплощенная мечта всех женщин на свете.

Тонкие детали были проработаны примерно на треть. Проработаны действительно очень хорошо, вплоть до тончайших складок, морщин и пор, свойственных настоящему человеческому телу, но без присущих ему изъянов и недостатков.

На самом деле скульптуру лепил только один монах. Остальные двое увлажняли глину и умащивали ее поверхность маслом, которое должно было удерживать внутри фигуры естественную влагу.

Жабодав смотрел на глиняную фигуру ровно столько времени, чтобы прикинуть, как долго будет длиться пока сопутствовавшая им удача. Результат наблюдений показался ему малоутешительным. Те создания, за стеной, не будут вечно откладывать атаку. Они промешкают еще день-другой, не больше.

Он снова поднялся на поверхность и принялся крадучись бродить от одной стены к другой, высматривая возможные пути для бегства.

Когда грянет гром, он опрометью выскочит наружу, бросится прямо к ближайшему менгиру и перепрыгнет через него. Они не успеют поразить его молнией. А Хромой пусть остается, предоставленный своей судьбе.

Пес сумеет найти себе более благоразумного покровителя. На Хромом свет клином не сошелся.

XXX

Атмосферу в лагере, разбитом к востоку от монастыря, где не так сильно несло трупным запахом, никак нельзя было назвать товарищеской. Я-то старался изо всех сил. Мы с братьями Крученными, говорящим канюком и парочкой говорящих камней провели несколько совсем неплохих вечеров, вспоминая у походного костра былые лихие дела. Но остальные вели себя... как дети малые.

Ворон не делал попыток поговорить с Душечкой. Все ждал, что та придет к нему первая. Молчун не желал иметь никаких дел с Вороном. Считал, что тот собирается увести его даму. Которая на самом-то деле его девушкой никогда не была. Душечка не разговаривала с Вороном, потому что ждала, пока он встанет перед ней на колени и принесет двадцать тысяч глубочайших извинений. А потом еще немного помучается, прежде чем она уделит ему часок-другой. Вдобавок она злилась на Молчуна, за его самонадеянные притязания. Наверно, злилась и на себя тоже. За то, что сама дала ему повод для этих притязаний.

Строго между нами. Думаю, она умудрилась, несмотря ни на что, до сих пор остаться стыдливой девственницей.

Впрочем, то были одни досужие домыслы. Просто прошло так много времени с тех пор, как я последний раз видел рядом женщину, что даже самки дурацких кентавров шиворот-навыворот вполне могли сойти за баб.

Братья Крученые за это ручались.

Старый колдун Боманц не мог поладить вообще ни с кем. Он был под завязку набит идеями насчет того, как надо провести следующий акт представления, а его никто не хотел слушать, кроме говорящего канюка. А его-то старик терпеть не мог. Имя канюка было Недотрога, но камни обычно

звали его Грязный Рот или просто Помойка. За высокоинтеллектуальный стиль общения.

В общем, я был сыт по горло всеми этими чудаками. Сперва они меня здорово доставали, но мы торчали тут уже восемь дней, и я слегка притерпелся. Если не обращать внимания на внешность, то в Гвардии попадались куда более странные парни.

Одного я никак не мог понять: чего мы тут околачиваемся без дела? Говорили, что людей у засевшего в монастыре Хромого осталось всего ничего. Имея такое войско, мы могли бы разделать старого дьявола под орех, даже если он вдруг и оказался бы в полном порядке. Но главнокомандующим здесь была Душечка. Она приказала, мы ждали.

Сама она получала указания от Праотца-Дерева. Должно быть, дерево-бог пока довольствовался тем, что Хромой заперт в каменном мешке, откуда не может никому причинить зла.

— Я недооценил ее,— сказал Ворон.— Она вовсе не сидит сложа руки.

— А? Что? — Я дико хотел спать. А ему, видишь ли, вздумалось поговорить.

— Душечка. Она не сидит сложа руки. Здесь появилось множество всяких созданий с равнины Страха, таких маленьких, что ты их не заметил. Или так похожих на других, привычных тебе тварей, что ты просто не обратил на них внимания. Они запросто шныряют в монастырь и обратно. Доносят до нее любой чих оттуда. За каждым кто-нибудь постоянно следит. Кентавры, манты, сбрасывание валунов — все только для отвода глаз. Когда будет получен приказ, главной атакующей силой станут эти маленькие создания. Те, внутри, даже представить себе не могут, что их ждет. Она просто гений. Я горжусь этой девочкой.

Думаю, за те годы, что она болталась повсюду с Черным Отрядом, у нее хватало хороших учителей.

— Почему бы тебе не пойти к ней? — спросил я.— Вот пойди и скажи, что она — гений, что ты гордишься

ею, что ты по-прежнему любишь ее. Может, она смилостивится и простит тебе твои давние грехи. А я хочу спать.

Но он не пошел к Душечке. А на меня обиделся и наконец оставил в покое.

Жаль, все хорошее так быстро кончается.

Никто еще не знал, может, кроме Молчуна, поскольку Душечка разговаривала только с ним, что она уже получила от дерева-бога указание атаковать. И теперь просто выжидала самый удобный момент, чтобы подать сигнал.

Естественно, самый удобный момент наступил, когда я наконец-то крепко заснул.

В подвале, где прятался Хромой, все было в порядке. Все были при деле. Вооруженный часовой, шаман-надзиратель, один монах, увлажнявший глину, и два других, лепивших лапу для Жабодава.

Вдруг земля вздрогнула. Воздушный кит сбросил на здание громадный валун. Все кинулись к покачнувшейся глиняной фигуре, чтобы не дать ей свалиться.

Из трещин и теней в подвал хлынули десятки созданий с равнины Страха. Полетели маленькие копья. Сверкнули лезвия маленьких мечей. Не обращая внимания на монахов, самые юркие нападающие облепили солдата и шамана. Когда с теми было покончено, создания принялись уничтожать глиняное тело.

То же самое творилось повсюду. Из людей Хромого не уцелел никто.

Жабодав перепрыгнул монастырскую стену и шумно шлепнулся прямо посреди толпы кентавров. Засверкали клинки, полетели копья, кентавры гурьбой навалились на бестию. Но монстр прорвался.

Манты пикировали над его головой, и их было так много, что они сталкивались друг с другом. Гром от их молний слился в непрерывный грохот огромных барабанов.

Монстр оказался перед преградой из менгиров и ходячих деревьев. Он сумел перепрыгнуть и ее. Его шерсть дымилась, а бока были сплошь утыканы дротиками. Ходячие

деревья попытались схватить его, но он оказался слишком силен.

Он продолжал рваться вперед. Прямо на нас.

Менгиры с хлопками возникали на пути монстра, пытаясь задержать, сбить с ног. Манты горели желанием поджарить его. Кентавры мчались рядом, забрасывая его копьями, бросались ему под ноги, чтобы подрезать сухожилия. Ворон, я и братья Крученые всадили в него несколько стрел одновременно. Но он даже не заметил, продолжая прокладывать себе дорогу и завывая, как все волки мира сразу.

— В глаза! — кричал Ворон.— Цельтесь ему в глаза!

Конечно, дружище. А как же еще. Но тут же меткость нужна, а мне и в слона-то было не попасть, так здорово я труханул. Если уцелею на сей раз, то мне месяца не хватит, чтобы штаны отстирать.

Монстр был от нас всего в сорока футах, когда Молчун, в знак приветствия, швырнул ему в морду полбочки змей. Те шипели, извивались, пытались заползти ему в уши, рот, ноздри.

Змеи его тоже не остановили. Но заставили позабыть о намерениях, которые он питал на наш счет. Он просто протаранил нашу команду.

Я полетел вверх тормашками. Паря в воздухе, я заметил, как Душечка шагнула вперед с таким безразличным видом, словно собиралась нарезать хлеб на кухне, и взмахнула двуручным мечом. Никогда бы не подумал, что женщина может поднять такую штуку. Она взяла слишком высоко. Вместо того, чтобы вспороть брюхо этой твари, удар пришелся по ребрам.

Я врезался в землю и следующие две минуты изучал астрономию. Подсчитывал вспыхнувшие у меня в глазах звезды.

Мои подсчеты прервал страшный ливень, мгновенно промочивший меня до нитки. Я вскочил на ноги и обнаружил, что дело не в дожде. Просто бросившийся в погоню за Жабодавом воздушный кит избавился от части балласта, чтобы замедлить свое падение. Разумеется, прямо над моей головой.

Монстр продолжал пробиваться на запад. За ним по пятам следовало странное мерцающее нечто, похожее на слона, но с пучком щупалец вместо головы — ценный вклад Боманца в наше общее дело.

То было последнее мгновение, когда в происходящем имелся хоть какой-то смысл.

Придя в бешенство, говорящие камни появлялись и исчезали с громкими хлопками. Ходячие деревья прыгали вверх-вниз. Кентавры носились по кругу. Все, кто умел говорить, орали друг на друга благим матом. Летающие киты гудели и бросались вниз, словно хотели покончить с собой, разбившись о землю. Менгир со шрамом громко тараторил Молчуну горячую речь на диалекте, которого я не понимал, а Молчун под эти пламенные звуки исполнял комбинацию фламенко и танца с саблями, пытаясь объяснить Душечке, о чем тарахтит валун.

Спотыкаясь, я подошел к Ворону и сказал:

— Дружище! Похоже, вечеринка становится шумноватой. Не пора ли нам откланяться? Пока сюда не заявились санитары, чтобы уволочь всю эту команду назад. В тот дурдом, откуда они удрали по чьему-то недосмотру.

Он наблюдал за танцами Молчуна. И произнес:

— Помолчи.

А через минуту объяснил:

— Дерево-бог отзывает всех отсюда. Что-то стряслось на севере. Он хочет, чтобы каждый бросил все свои дела и отправлялся домой.

Я огляделся вокруг. Два воздушных кита уже лежали на земле. Обитатели равнины Страха вовсю грузились на борт. Из менгиров остался только тот, что говорил с Молчуном.

— Ну что? — спросил я Ворона.— Прокатимся на воздушном ките за твоим приятелем Костоправом?

XXXI

Со времени пожара молодое дерево в Курганье пребывало в коме. Пока заживали раны, его разум находился в подавленном состоянии. Но пришел день, когда дерево

начало реагировать на окружающую действительность. Как раз в тот день в Курганье поднялись шум и суматоха, каких тут не бывало со времен великой битвы.

Подчиняющееся наказам своего предка и любопытное само по себе, дерево вышло из состояния забытья, хотя до полного исцеления ему было еще далеко.

Курганье кишело солдатами сумеречной Северной Окраины Империи. Среди общей аморфной массы дерево ощущало очаги власти; то были командиры. Они тщательно исследовали каждый дюйм окрестностей.

Почему?

Потом пришли воспоминания. По счастью, не лавиной, а капельками, лоскутками. Более-менее, в хронологическом порядке. Тварь, что приходила рыться. Тот ужас, который она откопала. Смерть, пришедшая из леса, чтобы обрушиться на город...

Пламя... Пламя... Пламя...

Солдаты сперва окаменели от страха и благоговения, а затем в ужасе обратились в бегство, когда среди ветвей дерева полыхнула молния. Их изумленные командиры увидели, как неистовый голубой свет озарил все Курганье.

Дерево сконцентрировало внутренний разум на предке и наконец, спустя много недель, передало ему весть об этом великом поражении.

XXXII

Близнецы Паутинка и Шелкопряд нога в ногу, решительно шагали к успокоившемуся дереву. На обеих были черные кожаные шлемы, совершенно скрывавшие лицо. Их доспехи, так же как и их тела, были совершенно одинаковыми. Хотя по смертоносности и мощи своей колдовской силы они во много раз уступали любому из Десяти Взятых, но, по-обезьяньи копируя одежду и манеры своих предшественников, близнецы заставили весь мир думать иначе.

Таким образом, они успешно рядились в тогу тех, кем мечтали стать. Если им суждено прожить достаточно долго, то, неутомимо оттачивая свирепость, безнравственность

и злобу, они действительно когда-нибудь станут неотличимы от старых колдунов-злодеев, которых почти не осталось на земле.

Именно так умножается зло.

Близнецы остановились в трех ярдах от дерева, тщательно скрывая страх от своих солдат. Они стояли. Они смотрели. Они разошлись, обходя дерево с разных сторон. Когда они снова встретились, то уже все поняли.

В их черных сердцах поселился страх, но вместе с ним и искра злобной надежды.

Они подозвали к себе своих лейтенантов. Через полчаса солдаты уже двигались по направлению к Веслу.

Черт с ним, с Хромым. Начиналась куда более крупная игра.

XXXIII

День клонился к вечеру. Смед окинул взглядом каменную кладку, ухмыльнулся. Еще часа два, и закончится срок его приговора: три дня исправительных работ в трудовом батальоне. За мелкое хулиганство и злостное возмущение общественного спокойствия. Зато проклятый Клин теперь надежно упрятан в таком месте, где его никто никогда не найдет. Только он один отныне знает, что Клин замурован в тайнике под одним из зубцов каменной стены, двадцать седьмым к востоку от новой башни, возвышающейся над Северными Воротами. Смед сильно гордился тем, что сам додумался найти такое отличное место. Разве еще кто-нибудь сообразит? Нет. Но даже если сообразит, один шанс на миллион, мыслимое ли дело,— разобрать всю стену по камушку, чтобы найти чертову штуку? Им придется заплатить за информацию.

Он снова ухмыльнулся.

Имперский надсмотрщик нахмурился, но так и не щелкнул кнутом. Этот кнут быстро приучил Смеда выполнять положенную работу. Даже когда он начинал грезить наяву.

Ухмылка исчезла с его лица вовсе не потому, что надсмотрщик был им недоволен. Примерно в миле от стены

облако пыли, уже несколько часов приближавшееся с севера, изрыгнуло из своих клубящихся недр двух черных всадников. Назад, в город, спешили Паутинка и Шелкопряд.

Они знали про Клин.

Да, парень. Быстро же они вернулись. Ему не хотелось думать о том, что последует за их возвращением.

По крайней мере, теперь Талли наконец усвоит, каковы эти люди на самом деле. Когда они снимут перчатки и засучат рукава.

Время шло. Кнут так ни разу и не ужалил его, несмотря на то что Смед полностью погрузился в мечты об одной девушке. Он познакомился с ней за день до того, как сам позволил серым поймать себя за написанием непристойности на старинном доимперском монументе. Пришлось нанять профессионального писца, чтобы наизусть заучить буквы формулы. Смед не умел читать и не смог бы самостоятельно написать собственное имя.

Девушка будет ждать его сегодня ночью. Неполных четырнадцать лет любовного пыла, созревшего для жатвы.

Спускаясь со строительных лесов, он думал о том, чтобы помыться и переодеться в чистое. Внизу Старый Рыбак дожидался его освобождения, простой формальности, во время которой с шеи снимался проволочный обруч.

— Ты чего? — спросил Смед.

— Подумал, что кто-то должен приглядеть за тем, чтобы тебя отпустили, когда положено. Талли плевать хотел. А Тимми до сих пор лежит.

Тимми позволил-таки колдуну оттяпать ему руку. Как раз в то утро, когда Смед начал отбывать наказание.

— Он в порядке? Все обошлось?

— Похоже на то. Ему очень больно, но это совсем другая боль. Пойдем.

По дороге они почти не разговаривали. Смед поглядывал вокруг из-под полуопущенных век. Эти ребята сносили постройки в три раза быстрее, чем их восстанавливали. Люди в сером и раньше бросались в глаза, но теперь они были повсюду. Быстро и целеустремленно передвигались Ночные Пластуны. Казалось, на каждом углу стояли посты солдат из других подразделений. Ры-

бака со Смедом дважды останавливали, чтобы выяснить их имена и род занятий.

Беспрецедентно.

— Что за чертовщина тут творится? — спросил Смед.

— Не знаю. Когда я шел, чтобы встретить тебя, они еще только начинали.

— Часа два назад из Курганья вернулись Паутинка и Шелкопряд. Я их видел со стены. Они спешили как на пожар.

— Ага. Вот оно что.— Рыбак покосился на Смеда, его кустистые седые брови изогнулись, словно две мохнатые гусеницы.— Ты замуровал его в стену?

Смед промолчал.

— Отлично. Наверно, именно так и следовало поступить. Ты избрал наилучший выход. Вообще-то, я предполагал, что ты можешь решиться на что-нибудь в таком духе.

Они шли, прислушиваясь к шелесту уличных слухов, среди которых рефреном выделялась главная новость: солдаты наглухо закрыли город. Войти в него мог любой, кто хотел. Выйти не мог никто. Пока не будет найдено что-то такое, что они твердо решили найти. Уже начались повальные обыски, дом за домом. Имперцы проводили их так же основательно, как делали любое дело.

— У нас появилась проблема,— сказал Смед.

— И не одна.

— Я твердил об этом Талли, пока не посинел.

— Ты должен был предложить остаться в городе. Он вполне мог заупрямиться, по привычке. Решил бы, что должен убраться отсюда.

— Надо будет запомнить. А сейчас нам нужно собраться, всем четверым. Чтобы вколотить некоторые вещи в его пустую голову.

— Конечно. А можно просто сделать то, что должно быть сделано, понравится ему это или нет.

— Можно и так.

Они свернули на улицу, проходившую мимо «Скелета». Смед шарахался от всякой тени. За каждым углом ему мерещились подстерегающие их Паутинка и Шелкопряд.

Даже назначенное на сегодняшнюю ночь свидание начисто вылетело у него из головы.

— Нам ничего не остается, кроме как зарыться поглубже и постараться пережить все это,— сказал он.— Если они ничего не найдут, то решат, что Клина в городе нет.

— Может, и так.

— Рано или поздно им придется ослабить петлю. Такой город, как Весло, нельзя держать на замке слишком долго.

— Они не найдут это легко, Смед, и примутся копать глубже. Может быть, предложат вознаграждение. Большое вознаграждение, судя по тому, насколько они переполошились.

— Пожалуй.

— Я тут видел доктора, к которому ходил Тимми. Помнишь? Я почти уверен, что он подцепил от Тимми заразу. Выглядит он точно так же.

— Вот черт! — Смед даже остановился.

— Ага. А еще есть колдун, который резал руку. Две стрелы, летящие прямо в нас. Слишком поздно бежать или уворачиваться. Нам предстоит сделать тяжелый выбор.

Смед стоял и смотрел, как над высокими шпилями, вздымающимися в центре города, сгущаются фиолетовые сумерки. Вот оно. То, чего он боялся, что должно было случиться в самом начале. Хотя ему придется воткнуть свой нож не в Рыбака и не в Тимми.

— Думаю, что смогу сделать это, если иначе нельзя,— хрипло сказал он.— А ты?

— Да. Если мы так решим.

— Нам надо выпить и прокрутить варианты.

— Смотри не надрызгайся. Если мы решим что-либо предпринять, тогда с колдуном надо кончать сегодня. Он не дурак. Очень скоро он сообразит, что серые ищут ту самую штуку, которая сожгла руку Тимми. После этого он еще быстрее поймет, что, добравшись до него, мы помешаем солдатам добраться до нас. С ним будет нелегко справиться, если он будет ждать нашего появления.

— Я все же собираюсь как следует промочить горло.

Они вошли в «Скелет». Наступил час, когда вся округа отдыхала от дневных забот. Но многие столики пустовали. Хозяин был не тем человеком, в заведение которого стали бы стекаться толпы желающих спокойно отдохнуть. К облегчению Смеда, его двоюродный братец тоже изволил отсутствовать.

Оба молчали, пока перед ними не появился кувшин. Смед отхлебнул из него изрядную порцию, вытер рот рукавом.

— Давай думать,— сказал он.— По-моему, у нас тут, так сказать, полный кворум. Ты и я. Тимми ничего не может, даже если б захотел. А Талли только стал бы спорить, шуметь и требовать, чтобы мы поступали по его указке. После чего провалил бы все дело. А тогда нам — хана.

— Это точно.

— Ну, так что же мы будем делать?

— Хочешь, чтобы решал я? — слабо улыбнулся Старый Рыбак.— Чтобы я объяснил тебе, как надо поступить? Потому что тогда твоя вина будет меньше: просто сделал, что тебе сказали, и все. Так?

Осознанных мыслей на этот счет Смед не имел. Но он даже вздрогнул, настолько в точку попал старик.

— Все нормально,— сказал Рыбак.— Тебе просто надо во всем разобраться самому. Не хочется лезть в такое дело, а?

Ответить на этот вопрос было легче легкого.

— Не хочется. Парни ничего плохого нам не сделали. Пытались помочь по нашей же просьбе. Но лучше взять их жизни, чем отдать свою. Я не собираюсь позволить им сдать меня серым только потому, что буду паршиво себя чувствовать потом, когда сделаю единственную, как я теперь вижу, вещь, которая позволит нам держаться от серых подальше.

— Видишь? Выходит, ты уже решил.

— Похоже на то,— подумав, согласился Смед. У него желудок подступил к горлу.

— Значит, один голос — за.

— Если ты думаешь иначе, решающее слово придется предоставить Тимми. Или Талли.

Смед разрывался на части. Одна из них питала дурацкую надежду, что его голос останется в меньшинстве. Другая напоминала ему о том, как прекрасно жить. Пускай даже с нечистой совестью.

— Я думаю так же.— Рыбак выдавил бледную улыбку.— Единогласно. Мне это тоже не нравится. Но я не вижу никакого другого выхода. Если придумаешь что-нибудь, только свистни. Буду просто счастлив переменить свое мнение.— И он плеснул себе пива.

Желудок Смеда окончательно взбунтовался.

XXXIV

Жабодав проскользнул в монастырь беззвучно, как сама Смерть. Воздушные киты, спешившие на север, еще не скрылись за горизонтом. По какой-то непонятной причине они вдруг прекратили боевые действия, когда до полной победы оставался всего один шаг. Монстр был озадачен до крайности, но не позволял себе отвлекаться. Великое множество ран и без того причиняло ему немало забот.

Пробравшись через руины, он спустился в подвал, где накрыл на месте преступления монаха, сладострастно топтавшего остатки глиняной фигуры. Один щелчок челюстей прекратил это безобразие, но спасать что-либо было уже поздно.

Затем он уставился на голову, которая плавала в бочонке с маслом. Жабодав соображал не очень быстро, но упорства у него хватало, поэтому он всегда добивался того, чего хотел. Требовалось только время. Сейчас на повестке дня стоял вопрос о том, стоит ли ему дальше иметь дело со столь очевидно безумным и неуправляемым существом, как Хромой.

Голова тоже пристально смотрела на него, настороженная, сознающая всю важность момента. И абсолютно беспомощная. Монстр не относился к тонко чувствующим натурам, а потому не заметил иронии судьбы, превратившей чуть ли не самое опасное и могучее существо в мире в одно из самых беззащитных.

В пристальном взгляде головы чувствовалась огромная напряженность, будто она должна была любой ценой передать сообщение решающей важности. Но существовавшая раньше между ними мысленная связь больше не действовала.

Жабодав фыркнул, сжал голову челюстями и вынес ее из монастыря. Он спрятал ее в месте, которое показалось ему надежным, после чего устало захромал прочь.

Пришло время начинать все сначала, а он не имел ни малейшего представления, где ему искать новых сторонников, способных решить ту задачу, которая перед ним стояла. Правда, он знал, где их искать не надо. На севере. Там, где они прошли, оставив за собой лишь пепелища, разруху и запустение.

Жабодав не спешил. От него не требовалось немедленных действий. Он будет жить и жить, пока не столкнется с существом, достаточно могучим, чтобы одолеть его.

Он полагал, что впереди у него — вечность.

XXXV

В доме колдуна горел свет.

— Он живет один? — спросил Рыбак.

— Не знаю,— ответил Смед.

Наверно, колдун был самым богатым человеком во всей округе. В его доме были настоящие окна. Со стеклами.

Изнутри, на бумажную штору, упала чья-то тень.

— Впрочем, неважно. Может, у него клиент. Или друзей пригласил.

Смед вздрогнул. Он не предусмотрел такую возможность. Неужели убийство превратится в бойню? Он посмотрел в ту сторону, куда ушел патруль. Серые парни были повсюду. Дело должно быть сделано быстро и тихо.

— Ты железно справишься со своей частью? — спросил он Рыбака.

— Да. Я привел себя в то же самое состояние, в котором находился перед тем, как мы атаковали Чары. Великий колдун или обыкновенный, риск почти одинаковый.

— Ты ходил на Чары? Ни за что бы не подумал.

— Я был молод и глуп. Но сделанного не воротишь. Для серых та драка все еще не кончилась. Они из кожи вон лезут, чтобы ни один из тех, кто тогда атаковал Башню, не умер в своей постели.

— Патруль.

Они нырнули в тень между двумя домами, пригнулись как можно ниже, почти уткнувшись носами в мусор и собачье дерьмо. В тот же момент появился свет в дверном проеме дома колдуна. На пороге появилась женщина. Дверь закрылась. Звук шагов патруля ускорился. Солдаты подошли к женщине, когда та сворачивала на улицу.

— Добрый вечер, мадам,— сказал один из них.— Что-то вы припозднились. Ходили к колдуну за советом?

Женщину Смед не видел, не хватало света. Но он и без того знал, что та испуганно поглядывает на солдат, пытаясь сообразить, как лучше ответить.

— Да,— наконец хрипло сказала она.

— Назовите свое имя. Мы должны собирать сведения о каждом, кто приходит и уходит.

— Это еще зачем?

— Не знаю, мадам. Таков приказ. Во всем городе взяты под наблюдение дома тех, кто занят этим ремеслом. Нам с Люком, как всегда, повезло: на нашу долю пришелся здешний шут гороховый. Похоже, он не угомонится всю ночь.

— Можете спокойно передохнуть в таверне. Или заняться чем-нибудь еще, что вам больше по нраву. Сегодня вечером я — его последний клиент.

— Да, мадам. Так мы и сделаем. Как только узнаем ваше имя и где вас можно найти, если начальству вдруг понадобится с вами поговорить.

Женщина пошумела немного, но дала солдатам сведения о себе. Если серые чего-нибудь хотели, обычно они это получали.

— Спасибо, мадам. Мы высоко ценим ваше сотрудничество. Ночные улицы небезопасны. Люк проводит вас до вашего дома, чтобы убедиться, что вы добрались в целости и сохранности.

Смед ухмыльнулся. Этого серого на мякине не проведешь. Ушлый малый.

Молчаливый солдат ушел с женщиной. Второй продолжил патрулирование. Смед выпрямился.

— Если нам повезет, серый на самом деле завернет хлебнуть пивка,— сказал он.

— Нам еще больше повезет, если этого ублюдка колдуна удар хватит. Прямо сейчас,— пробурчал Рыбак.— Ты готов?

— Да.

— Тогда — вперед! Как можно тише.

Смед метнулся на другую сторону улицы. Как можно тише. Старик должен был дать ему время обогнуть дом. И только потом Рыбак, с которым колдун никогда не встречался, постучит в переднюю дверь. А Смеду предстояло пробраться внутрь через заднюю — как можно тише — и напасть на колдуна со спины.

Подобная тактика казалась Смеду лишенной смысла. Но командовал здесь не он.

Вдруг он остановился. Одно из боковых окон было приоткрыто, чтобы впустить в дом прохладный ночной воздух. Он помедлил, успокаивая дыхание, потом заглянул внутрь.

Это была та самая комната, где колдун осматривал Тимми, когда они приходили сюда в первый раз. Старик и сейчас был там, бродил из угла в угол, переставлял вещи с места на место, что-то бормоча себе под нос.

Окно было куда лучше, чем какая-то чертова задняя дверь.

Рыбак постучался так тихо, что Смед едва расслышал этот звук. Колдун поднял голову, насторожился. Похоже, он раздумывал, отвечать или нет. Потом, продолжая бормотать себе под нос, он вышел из комнаты.

Быстро проскользнув в окно, Смед последовал за ним. Насколько он помнил, пол в комнате не скрипел. Лишь бы память не сыграла с ним скверную шутку, поскольку никаких мер предосторожности против скрипа он сейчас не предпринимал.

Нервы отсутствовали. Казалось, он наблюдал за собой со стороны. Отметил, что двигается более плавно,

чем обычно, словно кошка, готовая к чему угодно в любой фазе движения.

— Что за спешка? — проворчал колдун.— Смотри там, из штанов не выскочи.— Он уже начал возиться с дверным засовом, когда Рыбак постучал в третий раз.

Смед осторожно выглянул в прихожую.

Колдун, стоявший спиной к нему футах в десяти, наконец справился с засовом и открыл дверь.

— Профессор Дамитц? — спросил Рыбак.

— Да. Чем могу...

Это было все.

Смед увидел, как колдун поднялся на цыпочки и сделал руками такое движение, словно пытался кого-то схватить. Затем в дом протиснулся Рыбак, захлопнув за собой дверь. Заметив Смеда, Рыбак удивился.

— Как тебе удалось так быстро попасть внутрь? — спросил он, опуская тело колдуна на пол.

— Через открытое боковое окно,— ответил Смед. Он не мог отвести взгляд от мертвеца.— А почему ты его проткнул именно так?

Рукоятка длинного ножа торчала у колдуна где-то под подбородком. Крови почти не было.

— Чтобы лезвие вошло прямо в мозг. Чтобы он, умирая, не успел напустить на нас какую-нибудь порчу.

Смед продолжал смотреть на тело. Теперь план Рыбака стал ему понятен. Старик послал его к черному ходу только для того, чтобы он не путался у него под ногами.

— Ты в порядке? — спросил Рыбак.— Поджилки не трясутся?

— В порядке. Я вообще почти ничего не чувствую.

— Он вел записи или подсчеты? Не осталось ли здесь каких-нибудь конторских книг или тетрадей, куда он мог записать какие-то сведения про Тимми?

— Не знаю. Пока мы были здесь, он ничего такого не делал.

— Будет лучше, если мы обыщем дом. Ты начнешь с... Слушай, ты до сих пор ничего не чувствуешь? Точно?

— Теперь чувствую. Мне немного жаль ту женщину. Когда обнаружат труп, за нее возьмутся.

— Да. Первое время ей придется туго. Внимательно осмотрись. Постарайся не наследить, копайся в вещах поаккуратней. И не возись слишком долго. Нам надо сматываться отсюда побыстрее.— Рыбак прошел в комнату, где колдун принимал посетителей.

Через несколько минут к нему присоединился Смед, державший в руках большую банку и пару конторских книг.

— Что за чертовщину ты приволок?

— Здесь рука Тимми. Я нашел ее в задней комнате. Там полным-полно всякой колдовской муры.

— Вот черт. Я рад, что мы задержались, чтобы проверить дом.— Старик тоже держал в руках несколько книг.— А теперь пора проваливать отсюда. Нам еще надо избавиться от этого барахла. Вылезем через окно. Когда мы его захлопнем за собой, задвижка на нем закроется сама. Я полезу первым, посмотрю, все ли вокруг тихо.

Руки Смеда все-таки тряслись, когда он наливал себе первую кружку пива. Но, в конце концов, дело оказалось не таким уж страшным, как он себе представлял. Теперь наступила реакция. У Старого Рыбака она проявлялась не так сильно.

О руке и книгах они уже позаботились. Они оборвали самую опасную ниточку. Оставалось сделать еще одну вещь.

В зал ввалился их благодетель, капрал Ночных Пластунов, с неизменным кувшином в руках. Оглядевшись вокруг, он пошел за новой порцией.

— Черт возьми! — сказал Смед.— Я же совершенно забыл. Сегодня ночью у меня свидание.

Рыбак несколько секунд соболезнующе смотрел на него, потом сказал:

— Допивай. Потом вздремни чуток. Дело пока сделано всего наполовину. Мы должны его закончить.

XXXVI

Я что-то не заметил, чтобы Душечка соответствовала той громкой славе, которая шла о Белой Розе. На первый взгляд она казалась довольно невзрачной. Слегка неряшли-

вая блондинка со спутанными волосами, двадцати лет с гаком. Деревенская девка, которой самое место на картофельной ферме. Разве что на ферме такая выглядела бы более замученной, нарожав за десять лет кучу ребятишек.

Большинство людей вообще с трудом отличает глухоту и немоту от тупости. Я думаю, Душечку трудно было принимать всерьез еще и потому, что все у нее выходило очень уж легко, как бы случайно. Взять ту атаку на монастырь. Ведь она прошла как по маслу. Никто бы вообще не пострадал, если бы пес Жабодав не шлепнулся прямо в толпу кентавров, когда удирал. Но они были сами в этом виноваты: слишком уж рвались в бой. Если бы держались немного дальше от стены, как им было велено, то успели бы убраться с его дороги.

Она, безусловно, пользовалась уважением дерева-бога и теми преимуществами, которые это уважение давало. По-моему, Праотец-Дерево был готов потакать ей во всем.

Но она не задирала нос перед другими.

Все выглядело как-то странно. Рядом с Душечкой постоянно торчал Молчун, пытавшийся оказаться между ней и Вороном и одновременно между ней и Боманцем. Хотя Ворон с колдуном нигде не появлялись вместе, потому что не доверяли друг другу еще больше, чем Молчун не доверял им обоим.

Впрочем, это было даже забавно. Когда находишься на спине чудища на высоте в две мили, имея под боком две сотни жутковатых созданий, готовых, чуть что не так, слопать тебя на завтрак, нечего и думать выйти сухим из воды, если ты рискнул сморозить какую-нибудь глупость.

Я прекрасно это понимал. Понимала Душечка. Даже братья Крученые, и те понимали. Но три великие личности, Боманц, Ворон и Молчун, были настолько заняты решением важнейшего вопроса о том, кто из них первым заткнет дырку от бублика в центре вселенной, что такая простая мысль ну никак не могла прийти им в голову.

Правда, Крученых немного беспокоило мое присутствие. Как-никак, я раньше служил в Гвардии, а они были из Черного Отряда. Они думали, что я мог иметь против них зуб.

Как я уже говорил, Белая Роза не задирала перед другими нос из-за того, что она — Белая Роза. Она вообще не любила, когда ее звали как-то иначе, а не Душечкой. Она была не против, когда я захотел поговорить с ней. Против были Ворон и Молчун. Когда Ворон высказал мне свои претензии, я посоветовал ему заткнуть их себе кое-куда. Думаю, она сказала то же самое Молчуну. Тот пока ничего не предпринимал, но, когда я разговаривал с ней, он вечно торчал поблизости с видом мясника, примеривающегося, как бы половчее разделать тушу.

Только подумать, взрослые же люди. Оба куда старше меня.

В том, что я вообще мог с ней разговаривать, Ворону некого было винить, кроме себя самого. Именно он когда-то, чуть ли не насильно, выучил меня языку знаков. Чтобы мы могли обмениваться сообщениями, когда нельзя было говорить вслух.

Поначалу у нас с Душечкой было маловато тем для бесед. Так, здравствуй-как-поживаешь и тому подобная чепуха. У меня плохо получалось. Но потом она научила меня многим новым знакам и наши беседы сделались более содержательными.

Я чувствовал, что она давно уже изголодалась по общению, хотя ни разу не сказала об этом прямо. Ей нужен был еще какой-нибудь собеседник кроме Молчуна, постоянно висевшего у нее над душой.

Вначале мне просто хотелось выяснить, как она на самом деле относится к Ворону, и все. Чтобы помешать парню выставлять себя большим дураком, чем он уже был. Наверно, она поняла это. Потому что ни разу не дала мне возможности перевести разговор на эту тему. Она была очень проницательной.

Через пару дней мы уже болтали о том о сем, словно два деревенских подростка, незаметно повзрослевших, пока повсюду вокруг шла бесконечная война. Понять, почему она избрала тот путь, по которому теперь шла, было нетрудно. Ее историю знали все, поэтому объяснений не требовалось.

Я рассказал ей, что пошел в армию, чтобы удрать с фермы. И что в то время мятежники для меня выглядели ничуть не лучше, чем имперцы. Даже хуже, поскольку тогда она еще не приступила к чистке своих рядов. Вдобавок Империя платила своим солдатам. Хорошо и в срок.

Казалось, мои слова не задели ее. Тогда я осмелел и выложил свою тайную жизненную философию: те идиоты, которые идут служить не за деньги, а во имя какой-то идеи, вполне заслуживают того, чтобы погибнуть во славу отечества.

Вот здесь я ее здорово зацепил. Несколько минут мне было жарковато. Потом страсти слегка улеглись, но она продолжала горячо убеждать меня, что в мире существуют абстракции, за которые стоит сражаться и умирать. Ничего подобного, упрямо настаивал я, к какой бы прекрасной цели ты ни стремился, она все равно не стоит того, чтобы отдавать за нее жизнь. Потому что через каких-нибудь двадцать лет никто про тебя даже не вспомнит. А если вспомнит, так выругается.

В таких спорах прошло еще два дня. Думаю, если бы между Вороном и Молчуном не лежало слишком много личного, они объединились бы и задали мне перцу за то, что я узурпировал их подружку.

С ней было легко разговаривать. Поэтому я выкладывал такие вещи, о которых прежде помалкивал. Мне казалось, они мало чего стоят, если учесть, кто о них говорит. Так, всякая ерунда о том, что движет людьми и как устроен мир.

Пытался втолковать, что повстанцы не обещают людям в будущем ничего, кроме свободы от тирании прошлого, а потому не вызывают у меня доверия. Убеждал, что их движение, как показывает моя нехитрая философия, полностью игнорирует природу человека. Если даже удастся когда-нибудь опрокинуть Империю, объяснял я, результат будет самый плачевный. Все новые режимы всегда оказываются куда гаже предыдущих, иначе им просто не продержаться. И никаких исключений из этого правила история не знает.

В самом деле, что предлагает ее движение вместо Империи? Я задержался на этой теме. Попав под власть Империи, обычные простые люди становились более трудолюбивыми, более зажиточными, ощущали себя в большей безопасности, чем прежде. Повсюду, кроме тех мест, где активно действовали повстанцы. Я знал это не понаслышке. Потом я сказал Душечке, что для большинства людей свобода — отнюдь не главная проблема. А в том виде, в каком ее исповедуют мятежники, обывателям эта концепция вообще чужда.

Например, для крестьян — а крестьяне составляли около трех четвертей всего населения — быть свободным означало: обеспечить семью всем необходимым, а излишки выгодно продать на рынке.

Когда я уходил в армию, люди на картофельной ферме трудились сообща. Тяжелая, утомительная работа. Скучная. Но никто не жил впроголодь, причем даже в неурожайные годы излишков хватало на покупку разных городских товаров. А вот во времена моего дедушки все наши поля были лишь одним, среди десятков других таких же, владением, принадлежавшим богатому помещику. Люди были по закону приписаны к земле и являлись частью его собственности. Такой же собственности, как вода, земля, деревья и дичь. Помимо крестьянского труда у них была масса всяких других повинностей, которые они были обязаны отработать на своего лендлорда. А еще они должны были с каждого урожая отдавать лендлорду фиксированную часть. Сперва. В неурожайный год лорд мог забрать все.

Да, тогда на них не простиралась темная власть Госпожи. Но что толку? Их блаженный душевный покой был сродни спокойствию домашних животных.

Я напомнил Душечке, что теперь основной костяк Восстания составляют дети таких землевладельцев, которые полны решимости освободить земли своих предков. И восстановить там прежние порядки.

Я сказал ей, что не питаю никаких иллюзий по части чувств, испытываемых Госпожой по отношению к простолюдинам. Ни заботой, ни любовью там не пахнет. Она

уничтожила прежний правящий класс лишь для того, чтобы ее власти ничто не угрожало. Чтобы заранее избавиться от возможных сложностей. У нее у самой имелось немало отвратительных фаворитов, в чьих владениях жизнь людей была сущим адом, но это ее ничуть не беспокоило.

Под конец я попытался доказать Душечке, что, хотя она и разоружила Госпожу в Курганье, никакой реальной угрозы для целостности Империи все равно не возникло. Госпожа всегда была одержима навязчивой идеей расширить границы Империи и раздвинуть пределы своей власти. Поэтому она создала эффективный механизм управления всеми внутренними делами. И этот механизм пока что работал исправно.

Мы летели без остановок четыре дня. На четвертый день к вечеру коричневая земля впереди уступила место туманной голубизне моря Мук. За короткое время мы проделали длинный путь. Вот так и надо путешествовать, черт возьми! А сколько всякого дерьма мы нахлебались с Вороном, пока добрались до того монастыря. Тьфу, пропасть! Даже вспоминать не хочется.

Я перестал спорить с Душечкой. Чувствовал себя немного виноватым. К концу нашего разговора она возражала мне все реже и реже. Похоже, я вывалил на нее слишком много всякой всячины, о которой она прежде не задумывалась. Мне уже приходилось встречать людей, чересчур неуклонно стремившихся к поставленной цели. Любой ценой, не задумываясь о последствиях. Правда, от тех людей не так уж много зависело.

Конечно же, я промахнулся. Как и многие до меня. Недооценил ее, черт побери.

На следующий день я не сталкивался с Душечкой до полудня. Наверно, подсознательно избегал встречи. А когда я увидел ее, она отвернулась.

Примерно в то же время на севере, вблизи горизонта, появились неясные очертания береговой линии. Я почувствовал, что мы начали снижаться. Остальные киты перестроились, образовав сверху над нами треугольник. Манты поднялись в воздух и заскользили в сторону побережья.

— Что случилось? — спросил я на языке знаков.— Где мы находимся?

— Приближаемся к Опалу,— замелькали ее пальцы.— Надо отыскать детей Ворона. Мы заставим его взглянуть в лицо своему прошлому.

Еще одно свидетельство того, насколько ценит и уважает ее Праотец-Дерево. Ведь он спешно отозвал своих подданных из-под стен монастыря и приказал им торопиться на север. Времени у него было в обрез, и все же он позволил ей прервать полет по причине, которую она считала для себя важной.

Полагаю, Ворон не знал, что его ждет. Бедолаге потребуется поддержка, когда это произойдет. Я пошел взглянуть на него.

XXXVII

В четыре утра ничего не происходило, размышлял Смед. Солдаты отдыхали или бездельничали где-то, потому что даже у самых отъявленных сорвиголов хватало здравого смысла, чтобы в такое время спокойно спать в своих постелях. Пекари еще не торопились к своему тесту и к печам. Тишину нарушали лишь шум дождя да журчание воды, льющейся с крыш. Он и Рыбак двигались бесшумно. Старик, похоже, даже почти не дышал.

На этот раз задача была сложнее. В отличие от колдуна, врач видел раньше их обоих. С другой стороны, они нарочно отправились на дело в такой собачий час, рассчитывая захватить лекаря прямо в постели.

То, что они смогли припомнить о визите к врачу, позволяло надеяться, что попасть внутрь будет нетрудно. Но само дело придется делать очень тихо, поскольку, как они подозревали, в доме жила еще и экономка. А им совсем не хотелось брать на душу лишний грех.

— Пришли,— сказал Смед.

Врач, как и колдун, был достаточно богат, чтобы жить в построенном лет десять назад отдельном доме, совмещавшем в себе жилые помещения, приемную и кабинет. Здание было довольно старым. Выстроено еще за пару лет

до того, как эта часть города сгорела дотла, после столкновения между повстанцами и наемниками, служившими Империи. Потом здесь начали селиться представители среднего класса, возводившие свои дома прямо на могилах прежних жителей.

— Парадная дверь и дверь в приемную,— пробормотал Рыбак.— Должен быть еще черный ход. Позади таких домов обычно есть маленький огороженный садик. Три окна. Удивительно, что уличная шпана до сих пор не перебила все эти зеркальные стекла.

Приемная врача находилась чуть сзади и сбоку, в отдельном помещении, прилепившемся к стене дома. Здесь имелись дополнительное крылечко и своя дверь. Рядом с дверью бросалось в глаза огромное, шести футов шириной, окно с зеркальным стеклом.

— Вперед,— прошептал Рыбак.

Быстро перебежав улицу, Смед припал к земле под одним из передних окон. Там, где тень была погуще. Про себя он ругал погоду на чем свет стоит. Он и так чувствовал себя достаточно скверно, а тут еще промок до нитки под дождем и дрожал от пронизывающего холода.

Рыбак подоспел, когда Смед проверял окно. Закрыто наглухо. Обнаружив это, он не удивился. Старик попробовал парадную дверь. С тем же результатом. Смед обошел его и подкрался ко второму окну. И тут глухо. Тогда он тихо скользнул за угол.

Рыбак был уже здесь; он притаился у двери в приемную, которую успел приоткрыть дюйма на три. Сжимая в руке нож, Смед присоединился к нему.

— Здесь что, открыто?

— Да. Мне это совсем не нравится.

— Может, для клиентов, чтобы они могли войти сюда в любое время?

Рыбак быстро ощупал рукой внутреннюю поверхность двери.

— Может быть,— согласился он.— Но там тяжелый и крепкий засов. Надо действовать очень осторожно.

— Осторожность — мое второе имя.

Рыбак открыл дверь пошире, заглянул внутрь.

— Чисто,— сказал он и проскользнул в приемную.

Смед вошел следом, сразу же направившись к двери, ведущей из приемной в дом. Та тоже оказалась незапертой. Она открывалась в его сторону. Он потянул за ручку. Дверь отворилась легко и беззвучно. Не заметив в этой комнате ничего подозрительного, он шагнул внутрь.

Может быть, ему послышался шелест одежды. А может,— звук затаенного дыхания. Может быть, и то и другое. Смед резко повернулся и бросился прочь.

Его левую лопатку словно огнем обожгло.

Приземлившись на колени, он увидел столкнувшийся с Рыбаком в приемной смутный силуэт.

— Черт,— сказал старик, и в тот же момент фигура пронзительно завопила, а затем метнулась в сторону, выбила зеркальное стекло и выскочила наружу, на какой-то шаг опередив Смеда.

— Это был он,— сказал Рыбак, подойдя к окну.

— Надо думать. Похоже, он нас ждал.

— Слишком шустрый. Наверно, вычислил все остальное тоже. Нельзя позволить ему уйти.— Рыбак выпрыгнул в окно.

Врач удирал со всех ног, нелепо размахивая руками. Бегать этот жирный ежик совсем не умел.

Смед выпрыгнул вслед за Рыбаком. Через несколько секунд он обогнал старика. Расстояние между ним и его жертвой, которая сперва имела фору в шестьдесят ярдов, стремительно сокращалось. Оглянувшись назад, лекарь споткнулся. Смеду удалось выиграть десять ярдов, прежде чем тот снова восстановил равновесие. Ужас придал врачу новые силы, и ему целых полминуты удавалось сохранять прежнюю дистанцию.

Он знал, что убежать ему не удастся. Смед знал, что врач это знает. Несмотря на то что того гнала вперед слепая паника, у него была конкретная цель, место, к которому он стремился...

Врач резко вильнул вправо, в узкий проход между домами.

Смед замедлил бег, осторожно приближаясь к повороту.

В темноте слышался удаляющийся топот.

Смед двинулся на звук шагов. Поворачивая за следующий угол, он удвоил осторожность. И опять зря. Боже, как тут было темно! Третий поворот.

Он резко остановился. Звуки поспешных шагов впереди стихли. Он попытался уловить дыхание жертвы, но ничего не услышал, потому что запыхался сам.

Теперь что?

Делать нечего, надо идти.

Он присел и начал осторожно продвигаться вперед, переваливаясь с ноги на ногу, словно утка. Его мускулы запротестовали. Оставалось только радоваться той выносливости, которой научил их Большой лес.

Стоп! Чуть впереди ему послышалось чье-то дыхание. Но он не был уверен. Эхо приближавшихся шагов Рыбака заглушало остальные звуки.

Шуршание, скрип и сразу — свист рассекаемого воздуха.

Промах! Сильный удар ноги прошел на какую-то долю дюйма выше его головы. Он рывком бросился вперед, но врачу почти удалось ускользнуть. Смед едва успел полоснуть того ножом по бедру.

Падая, он сильно ударился, но успел все же схватить врача за пятку и крепко уцепиться за нее. Извиваясь, Смед чуть прополз вперед и воткнул нож в голень жертвы. В темноте ничего не было видно. Лекарь пронзительно взвизгнул, точно раненый кролик.

Смед испугался, сильно вздрогнул и ослабил хватку. Сообразив, что вот-вот упустит жертву, он поднялся на ноги, снова бросился вперед и сразу наткнулся на лекаря.

— Пожалуйста, не надо! — закричал тот.— Я никому ничего не скажу! Клянусь!

И тут же сильная боль обожгла грудь Смеда с левой стороны. Тогда он принялся беспорядочно молотить ножом куда попало. Врач пытался кричать, сопротивляться. Пытался вырваться и убежать. Все сразу, одновременно. Смед намертво вцепился в него одной рукой, а второй продолжал наносить беспорядочные удары. Лекарь тащил его обратно, на улицу.

Смед безостановочно рубил и кромсал податливое тело.

Наконец врач затих и свалился на землю.

— Мать-перемать, Смед! — еле выговорил подбежавший Рыбак.— Мать-перемать!

— Я взял его.

— А ты уверен, что он не достал тебя?

Смед взглянул на свое тело, сплошь покрытое потеками крови, своей и чужой.

С улицы донеслись истошные крики. В окна начали выглядывать разбуженные шумом люди.

Рыбак нагнулся и одним движением перерезал врачу горло. Потом сказал:

— Надо как можно быстрее убраться отсюда. Через пару минут здесь будет полно солдат.— Бросив взгляд на руку мертвеца, он добавил:

— Точно. Та же самая зараза. Он не хватал тебя этой рукой?

— По-моему, нет,— похолодев, ответил Смед.

— Тогда пошли. Идти-то можешь?

— Я уже в полном порядке.

Рыбак быстро двинулся вперед по темному проходу.

Как только возбуждение оставило Смеда, на него сразу навалились боль и страшная усталость. Он понял, что, если начнется настоящая погоня, ему будет не уйти.

Вместо того чтобы пойти в сторону «Скелета», Рыбак направился совсем в другую сторону, на Западную Окраину.

— Ты куда? — спросил Смед.

— К водохранилищу. Тебе надо помыться и почиститься. Если ты появишься в таком виде в «Скелете», то не успеешь даже башмаки снять,— серые парни мигом окажутся тут как тут со своими вопросами.

XXXVIII

Не знаю, чего я ждал от Опала. Не помню. Наверно, думал, что здесь ничего не изменилось с тех пор, как я был в городе последний раз. Но к виду того месива и каменного крошева, которое мы обнаружили вместо Опала, я оказался совершенно не готов. Не веря своим глазам, я смотрел на

расстилавшиеся внизу руины. Едва завидев скользившего над их головами воздушного кита, немногие уцелевшие жители, копошившиеся среди развалин, бросались врассыпную, как перепуганные мыши.

— Вряд ли мы сможем отыскать здесь нужных тебе людей,— сказал я Душечке.

Но ее нельзя было смутить никакими трудностями.

Ворон с Молчуном теперь питали ко мне особенно мрачные чувства. Ведь именно я имел наглость сообщить Душечке, кого ей надо найти, если она действительно хочет поставить Ворона лицом к лицу с его прошлым. Оба парня всеми силами хотели бы этого избежать.

Они были настолько заняты собственными переживаниями, что времени спросить себя, какие чувства испытывает сейчас Душечка, о чем она в действительности думает, у них не оставалось.

Мы пролетели почти над всем городом. Наконец в его северной части мы заметили несколько аккуратно разбитых лагерных стоянок. Наверняка солдаты занимали не все палатки. Но нам сразу стало ясно, что Империя отреагировала на разрушение города в своей обычной манере. Методично, организованно. Солдаты и гражданские трудились не покладая рук, расчищая места для новых палаток. Хотя эти люди тоже задирали головы, чтобы поглазеть на нас, никто из них не обратился в бегство.

Душечка велела нам высмотреть, где находится штандарт военного коменданта. Она собиралась начать свои поиски оттуда, поскольку в городе, очевидно, было введено военное положение. Я никак не мог взять в толк, с какой стати она рассчитывает на сотрудничество серых.

— Как ты теперь относишься к Ворону? — спросил я ее, улучив такой момент, когда ни Ворон, ни Молчун не могли видеть мои пальцы.

Сперва я подумал, что она не уловила смысл моего вопроса. Но я ошибся. Просто она начала издалека.

— Когда-то мое детское сердце переполняла любовь к человеку, который сперва спас мне жизнь, а потом вырастил и воспитал, рискуя всем, чтобы защитить меня. Он раньше всех понял ту роль, которую мне суждено было

сыграть в борьбе со тьмой. Во многих отношениях я была тогда просто маленькой девочкой, собиравшейся выйти за Папочку замуж, как только она немного вырастет. Той девочке просто не приходило в голову, что все может повернуться совсем иначе. Пока она не решила настоять на своем и не попыталась ускорить события. Я никогда не была для Ворона ни девочкой, ни женщиной, ни просто человеческим существом, Кейс. Хотя ради меня он делал ужасающие вещи. Он видел во мне только символ поклонения, не желая замечать женщину из плоти и крови.

— Примерно так я всегда и думал,— сказали мои пальцы.

— Вороном восхищались многие. Он никогда ничего не боялся. Никто не мог его осадить. Те, кто становился ему поперек дороги, получали свое. Невзирая на возможные последствия. Никаких других чувств Ворон себе не позволял. Он был человеком одной идеи. Как же я могла сохранить душевную привязанность к человеку, подавившему в себе все человеческие эмоции? Как бы много он ни сделал для меня во всех других отношениях. Я уважаю его, я восхищаюсь им. Я почти готова перед ним преклоняться. Но это все. И этого он не может изменить, устраивая разные представления, как какой-нибудь мальчишка, раскачивающийся на ветке вниз головой, чтобы произвести впечатление на девочку.

Я невольно ухмыльнулся. Потому что знал наверняка, что Ворон вознамерился выкинуть что-нибудь как раз в этом духе.

Бедный простофиля. Ничего-то ему не светит. Но он был не из тех, кто мог бы смириться. Даже если б она бросила ему эти слова в открытую, прямо в лицо.

Мне очень хотелось незаметно подкинуть ей еще пару вопросов. Насчет Молчуна. Но было уже не до того. Воздушный кит начал снижаться, пока не завис над штабом серых. Он встал на якорь прямо над этим самым штабом, вцепившись щупальцами в деревья и скалы. Появление кита вызвало в лагере сильное замешательство.

Мне очень нравится это словечко: «замешательство». Я подцепил его у Боманца. Отличный способ, никого не обижая, сказать, что ребят внизу со страху пробрал понос.

16 Зак. 2252

Под радостные вопли вся гурьба сущностей с равнины Страха набросилась на менгира со шрамом и скинула его вниз, чуть ли не прямо на колени командованию серых.

Старые вояки вконец растерялись. Я спрашивал себя, удивились бы эти парни сильнее, если б знали, что прямо над их головами находится сама Белая Роза. Собственной персоной. Все равно ничего бы не сделали. Не стали бы и пытаться. Даже полному идиоту не придет в голову связываться с четырьмя разозленными воздушными китами. Именно потому им надо проявить учтивость.

Раздался хлопок. Вернулся обратно менгир со шрамом. Он докладывал, Молчун переводил его слова Душечке. Мне ничего не удалось расслышать. Братья Крученые дали понять, чтобы я не высовывался, я и не высовывался. Душечка разразилась целой речью на языке знаков. Похоже, менгир каким-то образом понял ее, потому что сразу исчез. Но через короткое время появился снова.

После четвертого раунда переговоров он остался наверху. Раз воздушный кит никуда не собирается, значит, до чего-то договорились, подумал я.

Мне захотелось обсудить все это с Вороном. Но он был в таком гнусном настроении, в каком я его еще никогда не видел. Он пригвоздил меня к позорному столбу, назвав подлым предателем, после чего обложил как мог. Поэтому я послал его подальше, а сам отправился побазарить с Крученым, говорящим канюком и парочкой тварей с равнины Страха.

Обычно Душечка добивалась того, чего хотела. На сей раз она получила то, что ей было нужно, на следующий же день, еще до полудня.

Снизу донеслись какие-то вопли. Душечка послала поцарапанный менгир поглядеть, в чем дело. Он почти сразу вернулся назад с докладом. Она встала и подошла к Ворону, который смотрел на нее так, будто к нему приближался палач. Она сделала ему несколько знаков, после чего он встал и уныло поплелся за ней. С таким видом, будто его вот-вот вздернут на виселице.

Я знал его достаточно хорошо, чтобы уловить знакомые симптомы. Он вживался в очередной образ. Я тащился за ними по пятам, гадая, чем все это кончится. Почти все остальные тоже придвинулись поближе.

Щупальца воздушного кита прихватили на спину двух молодых людей. Им было лет по двадцать.

Выходит, невозможное оказалось возможным, а невероятное стало реальностью. Естественно, если армия внизу рассчитывала на возможность умиротворить Душечку, выдав ей каких-то паршивых близнецов.

Парень выглядел в точности как Ворон. Только на двадцать лет моложе. Тот же оттенок темных волос, то же решительное выражение лица, только не успевшее ожесточиться.

Когда Ворон первый раз взглянул на своих детей, я стоял с ним совсем рядом и услышал, как он тихо выругался, а потом пробормотал:

— Она как две капли воды похожа на свою мать.

Очевидно, молодым людям не сказали, что они находятся здесь с целью воссоединения семьи. Они были озадачены и напуганы. Больше напуганы. Их страх постепенно увеличивался, поскольку вокруг них все плотнее сжималась толпа очень странных тварей. Ворона они не узнали.

Зато узнали Душечку. Это напугало их еще больше.

Все молчали. Ждали, пока кто-нибудь что-либо произнесет.

Ворон больно толкнул меня локтем и прошептал с отчаянием в голосе:

— Сделай что-нибудь, Кейс! Или я пропал.

— Я? Черт, да я даже не умею толком говорить на здешнем языке.

— Выручай, Кейс. Надо как-то сдвинуть все это с мертвой точки. А я не знаю, что делать.

Ладно. Самое время было подать ему парочку советов, но я не из тех, кто способен пнуть ногой хромую собаку.

— Наверно, вы не знаете, почему вас сюда доставили, так? — Я смело пустил в ход все свои хилые познания в диалекте Самоцветных городов.

Они отрицательно покачали головами.

— Не дергайтесь. Вам не угрожает никакая опасность. Нам просто хотелось порасспросить вас о ваших предках. Особенно — о родителях.

Парень быстро затараторил в ответ.

— Помедленнее, пожалуйста,— попросил я.

— Он говорит, что наши родители давно умерли. Мы с детских лет были предоставлены самим себе,— сказала девушка.

Ворон поморщился. Я так понял, что она и голосом напоминала свою мать.

Молчун переводил для Душечки, которая не спускала глаз с близнецов. В общем-то, неудивительно, что они выжили, подумал я. Как-никак, а они — дети Ворона.

— Так что вам известно о ваших родителях?

Отвечать взялась девушка. Может быть, она считала, что ее брат слишком возбужден.

— Очень мало,— сказала она. И поведала нам историю, большую часть которой мне удалось раскопать самому, когда мы двигались на юг. Она хорошо знала, что за женщина была ее мать.— Мы делаем все, чтобы искупить ее вину. В прошлом году нам удалось выиграть дело в суде. По его решению часть собственности отца изъята у семьи матери и передана нам. Мы надеемся, что выиграем еще не одно такое дело.

Это было уже кое-что. Девушка не питала особого уважения к женщине, которая произвела ее на свет.

— А я совсем не помню мать,— вмешался парень.— Думаю, родив нас, она старалась иметь с нами как можно меньше дел. Женщин, которые нас нянчили, помню. А ее — нет. Скорее всего, она получила по заслугам.

— Тогда расскажи про отца,— попросил я.

— У меня остались только смутные воспоминания. Очень сдержанный человек, который редко бывал дома, но когда бывал, обязательно навещал нас. Скорее всего, из чувства долга и ради соблюдения приличий.

— Вы испытываете по отношению к нему какие-нибудь особые чувства?

— Почему мы должны что-то испытывать? — удивилась девушка.— Мы никогда не знали его по-настоящему. К тому же он умер пятнадцать лет тому назад.

Я повернулся к Душечке и знаками спросил ее:

— Разве есть смысл продолжать дальше?

— Есть,— ответила она.— Не ради них. Ради него.

— А ты ничего не хочешь добавить? — повернулся я к Ворону.

Нет. Ничего такого он не хотел. По-моему, он раздумывал только о том, не пора ли ему снова слинять в кусты.

Но до конца было еще далеко. Душечка велела мне рассказать молодым людям, что их отец жив, что сообщники их матери вынудили его бежать, обрекли на жизнь в скитаниях. Потом она попросила бегло рассказать о годах, проведенных ею вместе с Вороном.

У них было достаточно времени, чтобы оправиться от первого испуга. Теперь они что-то заподозрили.

— Что тут, в конце концов, происходит? — требовательно спросил юноша.— К чему все эти вопросы про нашего старика? Он уже стал историей. Нам нет до него никакого дела. Если бы он вдруг объявился прямо сейчас и представился нам, я повторил бы ему то же самое. Он стал для нас чужим.

— Ты хочешь, чтобы я продолжал? — повернулся я к Душечке и тут же спросил на форсбергском у Ворона:

— Ты хочешь его на что-то спровоцировать?

Оба только отрицательно покачали головой. Значит, Ворон действительно собрался спрятаться в кусты. Тогда я сказал его детям:

— Ваш отец сыграл очень важную роль в жизни Белой Розы. Он несколько лет был для нее приемным отцом, и она знает, как тяжело он переносил изгнание. Она остановилась здесь, так как хотела сделать попытку вернуть вам то, что у нее когда-то было и чего вы оказались лишены.

Мои слова не понравились ни Ворону, ни Душечке.

Думаю, девушка в этот момент стала догадываться. Она начала проявлять осторожный интерес к Ворону. Но ничего не сказала брату.

Наконец Душечка неохотно согласилась, что на этом пора закончить, а наших гостей следует отпустить домой. Она была явно недовольна оборотом дела. Ну что ты будешь делать с женщинами? Стоит им получить в точности

то, о чем они просили, как они начинают злиться. Потому что получили совсем не то, чего хотели на самом деле.

Перед тем как отправиться вниз, девушка вдруг повернулась ко мне и сказала:

— Если мой отец еще жив,— она взглянула на Ворона,— передайте ему, что он всегда будет желанным гостем в доме своей дочери.

Ну что ж. Значит, в этом городе одна дверь будет для нас всегда открыта. Если нам суждено попасть сюда снова.

Мы снялись с места, едва девушка очутилась на земле. Душечка хотела оказаться как можно дальше отсюда до того, как начнут распространяться слухи о том, что она тут побывала.

Теперь наш путь лежал на северо-восток.

Похоже, мы направлялись на равнину Страха.

XXXIX

Каждый день в Весло приходило множество людей, но никто не выходил. Ни один голубь не мог вылететь. А некоторые поплатились жизнью.

Среди населения нарастало беспокойство. Чаще, чем обычно, вспыхивали драки. Все больше людей попадало в рабочие команды. Обыскам, казалось, не будет конца. В Весле не осталось ни одного дома, который не перетряхнули бы по меньшей мере дважды. Не было ни одного жителя, который не подвергся личному досмотру. Ходили слухи о сильных разногласиях на самом верху. Головня, бригадир Ночных Пластунов, считала, что она не обязана безоговорочно подчиняться Паутинке и Шелкопряду. Она негодовала, глядя, как те используют Пластунов для достижения личных целей, словно каких-нибудь уличных громил. А ведь Пластуны были элитным подразделением, а не бандой политических гангстеров.

В город по-прежнему приходили люди. Но со временем среди них становилось все меньше торговцев и фермеров, зато все больше темных, опасных личностей без определенных занятий.

Новости об исчезновении Серебряного Клина расходились словно круги по воде.

Смеду все это сильно не нравилось. Надвигались большие неприятности. Как собирались Паутинка и Шелкопряд справляться с многочисленными колдунами и шаманами, которые могли оказаться более могущественными, чем они сами? А также — с телохранителями и громилами, которых наняли эти знахари?

Надвигался хаос.

Основная идея Смеду была понятна. Близнецы собирались греть котел, пока тот не лопнет. Пока Серебряный Клин сам, словно пробка, не выскочит на поверхность. Даже если он сперва попадет в чужие руки, Паутинка и Шелкопряд не сомневались, что в итоге смогут им завладеть.

Смогут ли?

Всем ведьмам и колдунам, наводнившим город, эти намерения тоже были ясны. Тем не менее они вышли на охоту.

Радовался один Талли. Он считал, что настало самое подходящее время объявить аукцион.

— Пришла пора пустить слушок,— сказал он остальным, когда они собрались за ужином.

— Попридержи язык,— посоветовал Рыбак.— Здесь любой может оказаться шпионом. И никаких слушков. Разве ты хоть раз слышал, чтобы кто-то собрался что-либо покупать?

— Нет,— согласился Талли.— Потому что...

— Потому что большинство из них понимает, чем это грозит. Близнецы тоже не собираются ничего предлагать, если ты заметил. Рассчитывают и так получить то, что им нужно.

— Да, но...

— Ты никак не возьмешь в толк, какая сложилась ситуация, Талли. Послушай, я хочу предложить тебе одну штуку...

— Я уже сыт твоей болтовней по горло, Рыбак.

— Хорошо. Давай проведем эксперимент. Если я окажусь не прав, то залезу на крышу и оповещу об этом весь город. Если я прав, ты все равно останешься в выигрыше.

— Вот как? Что ж, послушаем,— с вызовом сказал Талли.

Опять его понесло, подумал Смед. За последнее время братец окончательно упал в его глазах.

— Вот тебе два медяка,— сказал Рыбак.— Пойди и где-нибудь подальше отсюда найди пацана. Любого, лишь бы он не знал тебя в лицо. Дашь ему деньги. Пусть он пойдет в «Жабу и Розу» и намекнет тамошним жлобам, что колдун Натан, похоже, нанял пару человек, которые согласились помочь ему улизнуть из города завтра поутру.

— Ни черта не понимаю.

— Слушай, Талли! — взорвался Смед.— Ты можешь хоть раз сделать то, что тебя просят, не сказав сто слов поперек?

— Эксперимент будет куда более поучительным, если позволить событиям идти своим чередом. Тогда и объяснять ничего не потребуется,— заметил Рыбак.

— А почему я должен отдать предпочтение этому говнюку Натану? — не унимался Талли.

— Я сам пойду,— поднялся из-за стола Смед.— Иначе мы проторчим тут до конца света.

— Нет. Я хочу, чтобы это сделал Талли. Хочу, чтобы он понял, что есть прямая связь между его словами и дальнейшими событиями.

— Сказал бы просто, что хочешь снова заткнуть мне рот.

— Талли,— тихо сказал Смед,— кончай выделываться. Бери чертовы деньги. Катись на улицу. Найди там мальчишку и заплати ему, чтобы он передал это чертово сообщение кому следует. Ну?!

Талли встал и вышел. На него подействовали не слова Смеда, а выражение лица.

— Он нас всех угробит,— сказал Тимми, когда за Талли закрылась дверь.

— Как твоя рука? — спросил Смед.

— Нормально. Не заговаривай мне зубы.

— Полегче, Тимми,— вмешался Рыбак.— Я надеюсь, когда этот трюк сработает, до него кое-что дойдет.

— Бьешься об заклад?

— Нет.

Я бы тоже не согласился, подумал Смед.

Колдун Натан, со своими четырьмя людьми, снимал квартиру на той же улице, где находился «Скелет», чуть ближе к центру города. Перед самым восходом солнца там появились серые. Они обнаружили пять трупов и две комнаты, в которых все было перевернуто вверх дном. Тогда они перекрыли прилегающий район, устроили в домах повальный обыск, стали задавать множество вопросов.

— Ну что? Дошло до тебя наконец? — спросил Рыбак.

— Кто мог такое сделать? Почему? — Талли ничего не понимал.

— Натан был колдун. Если он надумал тайком улизнуть, значит он нашел Клин и собирался с ним удрать.

— Но он вовсе не собирался смыться из города.

— Да, Талли. Он не собирался. Но ты пустил слух, что он собирается.

Талли есть Талли. Он опять принялся спорить, но его хватило ненадолго.

— Вот черт,— сдался он наконец.

— В следующий раз, если ты ляпнешь что попало, не подумав сперва и не убедившись заранее, нет ли поблизости чужих ушей, нас всех могут вот так же вынести отсюда вперед ногами.

— А ты не слишком далеко зашел, чтобы доказать свою правоту, Рыбак? — спросил Смед.

— С чего ты взял?

— По-моему, это еще не все. Те серые не нашли ничего, кроме кровавой каши. Теперь они будут думать, что Клин в руках у тех, кто учинил этот разгром.

— Ага. Наверное, так подумают все. Может быть, даже те парни, которые устроили бойню. Следующие несколько дней будут очень интересными. И послужат дальнейшим наглядным уроком.

— Что? Что ты опять несешь? Объясни! — потребовал Талли.

— В том доме была целая толпа народу, верно? Пять отпетых головорезов и колдун. Никто бы не решился напасть на них в одиночку. Думаю, туда заявилось не меньше трех человек. Может быть, их было много больше. Вряд ли в такой банде парни полностью доверяют друг другу. Значит, у них скоро начнутся свои разборки. Каждый из них будет наверняка знать, что у него самого Клина нет. Но насчет остальных такой уверенности ни у кого не будет.

— Вот черт! — снова сказал Талли и чуть погодя добавил: — Жуткое дело! Никогда бы не подумал, что пара слов может обернуться так круто.

— Вся твоя беда в том, что ты никогда не думаешь,— буркнул Тимми. Но Талли его не услышал.

— Это только начало, Талли,— вздохнул Рыбак.— Дальше дела пойдут куда круче. Если мы хотим сберечь свои шкуры, нам придется быть дьявольски осторожными. Все эти люди неразборчивы в средствах и не привыкли много рассуждать. Они не станут ни с кем торговаться, пока не убедятся, что у них просто не осталось никакого другого выхода.

Дела действительно заворачивались все круче, по мере того как в городе появлялись все более могущественные колдуны и маги, начавшие охоту за сокровищем. Перед заманчивым сиянием Клина отступали старые ссоры и древняя наследственная вражда. Горожане, зажатые пришельцами со всех сторон, были готовы вот-вот взбунтоваться. Близнецы с удовлетворением взирали на происходящее, не делая никаких попыток предотвратить эскалацию насилия.

Смед все чаще жалел, что позволил втравить себя в это дело. Благодаря сокровищам, награбленным ими в Кургане, он жил совсем неплохо. Но недостаточно хорошо, если учесть, что приходилось ежеминутно следить за каждым своим словом и постоянно оглядываться через плечо, чтобы проверить, не подкралась ли уже к нему какая-нибудь беда.

XL

Скрываясь от имперцев, мы болтались над Облачным лесом, к югу от Весла, к востоку от Роз и на запад от Лордов. Слишком уж много глаз видело, как воздушные киты летали вдали от привычных для них маршрутов, вдали от равнины Страха. Душечка хотела, чтобы вызванное этим возбуждение слегка поулеглось, прежде чем мы вновь тронемся в путь.

Хотя дерево-бог сильно беспокоилось, она не позволила ему торопить события. Я плохо представлял себе, что нас ждет дальше. Остальные тоже. Боманц, неожиданно сделавшийся фаворитом Душечки, решил заняться нашим образованием.

— Поскольку все вы там были,— начал он,— вы, вероятно, помните, что в результате великой битвы в Курганье глубинная сущность, а говоря иначе — душа Властелина, самого страшного зла, когда-либо ступавшего по этой земле, оказалась заключена в Серебряный Клин. Затем этот Клин забили в ствол молодого дерева, которое подчинялось приказам дерева-бога с равнины Страха.

Боманц страсть как любил обрушивать подобную заумь на головы беззащитных слушателей.

— Тогда казалось, что дерево сумеет удержать в себе это остаточное зло, сумеет надежно и навсегда оградить от него род людской. Это молодое деревце было отпрыском Праотца-Дерева. Оно было неприступным, неуязвимым и практически бессмертным. По мере его роста Клин должен был все глубже погружаться в самую сердцевину ствола. В конце концов от древнего зла должны были остаться одни воспоминания.

И тем не менее. В наши рассуждения вкралась ошибка.

Шайка авантюристов сумела вывести из строя дерево, сумела оглушить его достаточно надолго, чтобы подобраться к нему и извлечь из ствола Серебряный Клин. Если верить утверждениям молодого дерева,— а нам, за неимением лучшего, приходится им верить, поскольку в нашем распоряжении пока нет никаких других свидетельств,—

никто из этих людей не сведущ в искусстве колдовства. Они примечательны лишь тем, что им в голову пришла идея, которая, по логике вещей, могла зародиться лишь у кого-то из тех, кто посвящен в оккультные таинства.

Черт бы его побрал. Имея аудиторию, он мог нести такую заумь часами. Безостановочно. Ему это нравилось.

— Джентльмены! Серебряный Клин потерян в мире, и это не Властелин. Властелин мертв. Но двигавшее им черное злое начало, ныне заключенное в Клине, бессмертно. Тот, кто сведущ, может воспользоваться им, чтобы воззвать к жизни, привести в движение и придать новую форму таким колдовским силам, всю мощь которых не дано ни измерить, ни постичь даже мне. Этот Клин может стать потайным ходом, ведущим в самое сердце тьмы; он может открыть путь, следуя которым, тот, кто им обладает, сможет подчинить себе такие страшные силы зла, что перед ними поблекнет даже былое могущество Властелина.

Вот почему наша миссия, наша священная миссия, осуществить которую Белой Розе поручил сам Праотец-Дерево, состоит в том, чтобы любой ценой вновь овладеть Серебряным Клином и доставить его туда, где за ним будет обеспечен должный надзор. Мы должны осуществить это прежде, чем кто-либо, наделенный колдовской силой, успеет воспользоваться случаем, чтобы приспособить Клин для достижения своих черных целей; прежде, чем этот кто-либо успеет превратиться в воплощение зла, столь могучего и столь черного, что миру уже никогда не суждено будет вырваться из-под его власти.

Произнеся слова насчет «священной миссии, любой ценой», Боманц удостоился аплодисментов. Говорящий канюк вытащил голову из-под крыла, встрепенулся, продрал глаза и понес старого колдуна по кочкам. Тот наконец немного отвлекся от своих замысловатых, мрачных фантазий.

— Ну, канюк! — заорал он.— Ну, сволочь! Если ты твердо решил попасть в суп, только скажи. И я прямо сейчас отправлюсь за хворостом! — Затем колдун перешел к делу: — Дерево-бог имеет причины подозревать, что сей-

час Клин находится в Весле. Белая Роза, Молчун, братья Крученые и кое-кто из наших братьев меньших будут переброшены в город. Поскольку Ворон, Кейс и я лучше других знакомы с обстановкой в Курганье, нам предстоит отправиться туда, чтобы изучить ситуацию на месте.

Сразу поднялся недовольный галдеж. Ворон не желал отправляться туда, где не будет Душечки. Я считал, что эти ребята не имеют никакого права втягивать меня в свою авантюру. И вообще я здорово раскипятился.

Душечка отвела меня в сторону и слегка успокоила. Потом она убедила меня помочь ей. Даже если я продолжаю хранить верность Империи, сказала она, участие в этом деле никак не затронет мою честь, ведь злу, от которого предстояло избавиться, не было никакого дела до верности долгу, лояльности и прочих философских материй. Оно всегда будет делить людей только на две категории: на врагов и рабов.

Мне оказалось трудновато проглотить такие рассуждения в один присест, но я сказал, ладно, так или иначе я все равно повсюду таскаюсь с Вороном. Могу и дальше присматривать за ним. С тем же успехом.

В общем, что было, то было. Я сдался. Но в душе начал лелеять мечту о карьере картофелевода. Еще не родилась такая картофелина, которая сумела бы уговорить хоть одного дурака стать еще большим дурнем.

XLI

Смед вышел на веранду «Скелета» в надежде перебросится парой слов со Старым Рыбаком. Единственный свободный стул стоял как раз посередине между стариком и капралом Ночных Пластунов. Он хотел было развернуться, чтобы снова уйти, но побоялся, что его не так поймут.

Тогда он сделал еще несколько шагов и плюхнулся на стул.

— Привет, Кап,— сказал он.— Похоже, у тебя нет других дел, кроме как торчать здесь да надуваться пивом.

— Точно. Настолько, насколько это зависит от меня.

— Вот это жизнь! Не подмахнуть ли и мне контракт?

— Да? Подмахни. Но смотри не промахнись. Где ты был в три часа утра?

— В своей постели. Дрых без задних ног.

— Счастливчик. А теперь спроси меня, где я был в три часа утра.

— Где ты был в три часа утра?

— Носился с двумя сотнями других парней там, где раньше была улица Красных Фонарей. Там посносили все старые бардаки, а новых пока не построили. Искали монстра. Один чудак сообщил, что видел в тех краях монстра. Громадного, как здание Ратуши.

— Нашли?

— Не было его там. Ни большого, ни маленького.

— Парень, наверно, был пьян?

— А что трезвому делать ночью в таком месте?

— Сюда идет интересная компания,— вмешался в разговор Рыбак, кивнув подбородком в сторону улицы.

Смед посмотрел туда. Четыре мужика и баба. Далеко не красавица. К тому же слишком стара, чтобы он ею както заинтересовался. Но вид у нее был самый бандитский, и оружие она несла уверенно, как мужчина.

Вся банда выглядела так круто, что даже Смед удивился. В основном из-за того зоопарка, который те тащили с собой.

Вокруг шеи женщины обвился живой хорек, а из ее карманов высовывались любопытные мордочки бурундуков. На левом плече высокого темноволосого, одетого во все черное мужчины, вышагивавшего справа от нее, сидел охотничий сокол. Без шапочки. Позади шли еще трое. Наверно, братья, подумал Смед. Они тащили на себе кучу обезьянок и здоровенную змею.

— Не собираешься их арестовать? — спросил Смед.— Ребята, похоже, намерены развязать войну — столько у них незаконного оружия.

— А тебе что, нужны мальчики для шоу? Недоноски моей мамы не становились капралами.

И тут он сунул в рот пальцы и пронзительно свистнул. Когда люди оглянулись, капрал поманил их к себе.

Высокий сперва смерил его тяжелым взглядом, потом подал небрежный знак парню со змеей. Тот подошел к

веранде. Змея с интересом рассматривала присутствующих. Прикидывала, наверное, хорош ли из них получится обед. Смед поежился.

— Разреши мне дать вам дружеский совет, приятель,— сказал капрал.— В городе — военное положение. Здесь никому нельзя иметь при себе ничего острого с лезвием длиннее восьми дюймов. Если ты не одет в серое.

Парень со змеей пошел передавать совет высокому. Тот опять тяжело оглядел капрала, потом кивнул.

— Ты видел? — спросил Смед.— Одна из проклятых мартышек нам кое-что показала.

— Черт с ней,— сказал капрал.— Где-то я уже видел того высокого парня. Так близко, что запросто мог дотянуться до него мечом. Ха! Ну ладно. Пойду прогуляюсь до сортира. Да налью себе еще пивка. Постерегите пока мой стул.— Он вышел с веранды.

— А ты что думаешь об этой шайке? — спросил Смед у Рыбака.

— Пожалуй, я тоже однажды видел того длинного. При тех же обстоятельствах, что и капрал. Давным-давно. Только мне нет нужды вспоминать, где и когда. Я участвовал всего в одном сражении.

Слова старика озадачили Смеда.

— Думаешь, они тоже явились сюда за той хреновиной? — спросил он после паузы. Теперь можно было задавать такие вопросы не таясь. Все в городе уже прекрасно понимали, что происходит.

— А как же. Конечно. Вот теперь-то и начнется настоящая потеха.

— Это ты о чем?

— Да так. Не бери в голову, малыш. Просто стариковская воркотня. Ха! Так я и думал.

Люди со зверинцем остановились перед домом, где раньше, по словам Тимми, держал лавку мясник. Теперь там был притон, битком набитый темными личностями. Скваттерами. Высокий вдруг оглянулся, словно расслышал слова Рыбака. Затем вся команда двинулась дальше, не обращая никакого внимания на изумленные взгляды прохожих.

Вернулся капрал. С пустым мочевым пузырем и бадьей, полной пива.

— Пришлось прерваться. У меня расстройство желудка,— пояснил он.— Так на чем мы остановились?

— Я как раз хотел спросить, когда они собираются открыть городские ворота,— сказал Рыбак.— Фермеры ничего не привозят, боятся. Скоро здесь начнется голод.

— Они не спрашивают у меня совета, отец. Но кое-что могу тебе сказать. Даже если в Весле все передохнут с голоду, эти две сучки и ухом не поведут. Сами-то они голодать не собираются.

Смеду надоело слушать капрала.

— Пойду выпью что-нибудь,— сказал он и ушел с веранды.

Пока ему цедили в кружку пиво, он спрашивал себя, надолго ли еще в городе хватит съестных припасов. И скоро ли истощится терпение у жителей Весла. Ждать наверняка осталось недолго. Серьезно пострадало пока не много людей. Но если обстановка не изменится, взрыва будет не избежать.

Пришел Тимми Локан. Он тоже заказал пива, немного постоял молча рядом со Смедом, потом сказал:

— Как допьем пиво, пойдем прогуляемся?

— Пойдем. Мне давно пора прошвырнуться.

Они вышли из «Скелета», свернули за угол и вскоре оказались на строительной площадке, где их никто не мог услышать.

— Ну? — спросил Смед.— В чем дело?

— Помнишь того дока, который осматривал мою руку, когда мы только вернулись?

— Помню.

Острое чувство вины кольнуло Смеда. Ни он, ни Рыбак ничего не сказали остальным. Талли все было до лампочки. Он даже не заметил, что врач и колдун отправились на тот свет. А Тимми заметил. Наверняка у него есть определенные подозрения по поводу этих двух, столь удачно совпавших по времени убийств, подумал Смед.

— Так что там насчет лекаря? — спросил он.

— Похоже, он подцепил от меня ту болячку. И успел заразить всех, кто потом к нему приходил. А они заразили многих других. Конечно, это не похоже на чуму, иначе сейчас в городе не осталось бы ни одного здорового человека. Но сотни две людей уже подцепили эту дрянь. Те, кто заразился раньше других... Им сейчас куда хуже, чем было мне. Вчера одна такая женщина покончила самоубийством. У другого почернела вся рука. Сегодня утром он убил четырех своих детей, которые заразились от него. А потом повесился сам.

— Ужасно,— сказал Смед.— Просто какой-то кошмар. Но мы ведь все равно ничего не можем с этим поделать.

— Я знаю. Тут вот еще какая штука. Серые что-то усекли. И начали поджаривать пятки всем, кто подцепил ту черную заразу. Они задают вопросы, из которых любому ясно, что они подозревают здесь какую-то связь с Клином. Теперь они твердо вознамерились все разузнать о таких, как я. Которые тоже заразились этой дрянью, но сумели от нее избавиться.

— Не думаю, что тебе стоит беспокоиться, Тимми. Они не смогут пройти назад по следу до конца.

— Да? Ведьмы из Башни настроены так, что серьезней некуда. Как ты думаешь, что произойдет, когда они обнаружат, что все следы ведут к тому доку, которого ухлопали сразу после того, как начала распространяться эта зараза? Они быстро сообразят, что его прикончили люди, не хотевшие, чтобы он вспомнил кого-то из своих пациентов. А единственный способ избавиться от болячки — отхватить тот кусок мяса, в который она уже вцепилась. Очень скоро серые получат приказ хватать всех ампутированных. А безруких — в первую очередь.

— Может, ты и прав. Надо посоветоваться с Рыбаком.

Рыбак сразу согласился с Тимми. Не было никаких причин считать, что Паутинка и Шелкопряд не зайдут так далеко, чтобы отдать приказ об аресте всех калек. Близнецы были готовы пойти на что угодно.

Старик погрузился в тяжелые раздумья.

— Думаю, сейчас самое время поставить дымовую завесу,— наконец сказал он.

— О чем ты? — удивился Смед.

— Такое положение, когда город запечатан наглухо, словно бутылка, заткнутая пробкой, не может длиться вечно. Обязательно будет взрыв. Когда он произойдет, мы прорвемся наружу вместе со всеми остальными. А до тех пор надо выиграть время. Либо пустим их по ложному следу, либо попытаемся ускорить хаос, который они сами же и подготовили.

Смед был сбит с толку. Его недоумение возросло еще сильней, когда Рыбак сказал:

— Срочно избавьтесь от всего серебра, какое у вас есть. Покупайте золото, медь, драгоценности. Все что угодно. Но избавьтесь от серебра. Смед, передай это Талли и не позволяй ему крутить себе мозги.

— Что делать дальше?

— Ждать.

Так они и сделали. Даже Талли, который вдруг сделался очень покладистым, благоразумным и молчаливым.

После того, как Рыбак продемонстрировал ему всю смертоносную силу брошенного слова.

XLII

Мы выгрузились в Курганье, соскользнув со спины воздушного кита по канатам. К нам присоединилось несколько существ с равнины Страха. После того как мы найдем безопасное место и разобьем лагерь, появятся и другие. Главный менгир захотел, чтобы за нами приглядывала пара его жестокосердых приятелей. Для лучшей коммуникации, сказал он. Ладно.

Это обеспечит Праотцу-Дереву уверенность, что дела пойдут именно так, как ему того хочется, подумал я.

— Вернулись туда, откуда начинали,— сказал Ворон, как только мы ступили на землю. Он заметно оживился после Опала. Стал почти таким же, каким был, когда я увидел его впервые.

— Вернулись туда, где холодно и сыро,— буркнул я. Когда мы уходили отсюда, был самый конец зимы. А теперь дело снова потихоньку шло к зиме. Листья с деревьев

уже облетели. Лес обнажился; в любое время мог пойти снег.— Слушай, давай не будем валять дурака, а? Сделаем по-быстрому, что должны сделать, и поскорее отвалим отсюда.

Ворон неожиданно хихикнул.

— Ну как ты будешь загонять назад на ферму парней, если они уже успели повидать большие города? — сказал он.

— Ведите себя потише, пожалуйста,— попросил Боманц.— Мы же пока не знаем, нет ли где-нибудь поблизости серых.

Осторожничает старик. Соломку стелет. Мы действительно пока не убедились в этом лично, но существа с равнины Страха уже успели все проверить. Они доложили, что на пять миль вокруг нет ни одной твари крупнее кролика. Я им верил.

Но Боманцу обязательно надо было чуток поколдовать, чтобы рассеять последние сомнения. Только после этого он утих, позволил нам разбить лагерь и разжечь костер.

Едва забрезжил рассвет, мы неохотно вылезли из-под одеял и уныло проглотили что-то холодное и мерзкое вместо пищи. После этого мы разделились.

На мою долю выпали город и военный поселок. Потому что я лучше других знал те места. Ворон взял на себя лес. Боманц решил заняться Курганьем. Я почти наверняка знал, что он ничего делать не собирается. Просто завалится где-нибудь и чуток вздремнет.

Существа с равнины могли делать все, что им вздумается, беспокоя нас лишь в том случае, если они вдруг наткнутся на что-нибудь, заслуживающее внимания.

Мне с первого же взгляда стало ясно, что произошло в городе. Хотя теперь там не осталось ничего, кроме костей. Я пошуровал немного то тут, то там. Противно. Но могло быть и хуже. Мои попытки обнаружить хоть что-нибудь полезное оказались бесплодными, хотя я сделал все, что смог. Когда моя фантазия истощилась, я прекратил поиски и вернулся в лагерь, где застал Боманца почти в том же положении, в каком оставил. Его глаза были по-прежнему закрыты, хотя он двигался с места на место маленькими шажками. На цыпочках.

По крайней мере, ходит. И то ладно.

Вернулся Ворон.

— Уже? — спросил он.

— Угу.

— Нашел что-нибудь?

— Нашел. Чертову прорву костей. Их там хватит на целую армию скелетов.

— Досталось тебе. Переживаешь?

— Я знал каждого из этих парней.

— Да уж.

Ворон не стал больше ничего говорить. Только ждал. В общем, он парень что надо. Когда не слишком занят собственными переживаниями.

— Думаю, бойню там устроили Хромой и Жабодав,— сказал я чуть погодя.— Но после них туда явился еще кто-то. И прочесал город с такой же тщательностью, с какой мать ищет гнид у своего ребенка. Там не осталось ровным счетом ничего, имеющего хоть какую-то ценность.

Ворон задумался ненадолго, потом спросил:

— Совсем ничего?

— Совсем. Вымели все, до последней монетки.

— Лишний повод для нас скорее двигать в Весло. Хотя они, конечно, взяли с собой лишь то, что смогли унести. Причем только такие вещи, которые не должны были вызвать в Весле особого любопытства. Если они все же привлекли к себе излишнее внимание, то сейчас находятся уже в руках имперцев.

К нашему разговору присоединился Боманц. Он стал вяло копошиться, заваривая чай и слушая рассказ Ворона. Тот нашел две стоянки. Скорее всего, тех, кого мы искали. Но ничего такого, что могло бы нам помочь, Ворон не обнаружил.

— Даже если на стоянках что-нибудь и оставалось,— добавил он,— имперцы там уже побывали.

— Если бы они напали на след,— сказал Боманц,— Клин уже был бы в их руках.

Мы получили через менгиров первое сообщение из Весла. Новости были не слишком обнадеживающие. Похоже, там всем заправляли две важные шишки из Империи,

которые из кожи вон лезли, пытаясь любой ценой присвоить Серебряный Клин.

— А что удалось разузнать тебе? — спросил Ворон.

— Немногое,— ответил Боманц.— Скорее всего, их было четверо. Им удалось сделать то, что они сделали, так как дерево попросту не рассматривало их как угрозу. Большую часть времени его отвлекал пес Жабодав. Оно полагало, что швыряние палок — знак пренебрежения, дурацкий вызов.

— Швыряние палок? — переспросил я.

— Они швыряли палки, сучья, хворост, пока не завалили его почти целиком. А потом подожгли эту кучу.

— Да уж,— пробормотал Ворон.— Чтобы числиться богом, совсем не обязательно быть семи пядей во лбу.

— Ха! — сказал я.— Ну, теперь они от нас не уйдут.

— Что? — переспросил Боманц. Он даже представить себе не мог, что кто-то может позволить себе шутить.

— Нам просто надо выследить четырех парней, у которых все руки в занозах.

Боманц недовольно нахмурился. Ворон усмехнулся.

— А что нам еще известно про этих парней? — спросил он.

— Нам даже неизвестно, все ли они — мужчины,— буркнул Боманц.

— Великолепно! — не удержался я.

— Если нельзя выяснить, кто,— сказал Ворон,— может быть, можно узнать, когда. Сопоставить время. Хотя бы приблизительно. А уже затем посмотреть, кто мог в это время тут оказаться.

Такие соображения показались мне совсем уж чахлыми.

— Даже если Весло не было разрушено, половина его жителей не была убита,— начал я,— а другая половина не сошла с ума от всего этого...

— Ладно,— сказал Ворон.— Проехали. Послушай, колдун! А есть ли смысл нам дальше здесь околачиваться? Не лучше ли отправиться в Весло, чтобы попытаться выкурить тех ребят из их норы?

— Предположительно, пока не поступят доклады от наших союзников с равнины Страха, я бы сказал, да, мы теряем здесь время зря,— витиевато ответил Боманц.

Конечно же, наши причудливые союзники тоже ничего особенного не обнаружили. Солнце уже садилось, когда мы, твердо рассчитывая позавтракать в Весле, вскарабкались на спину нашего ароматного воздушного скакуна.

Я с надеждой смотрел в будущее, предвкушая первую, за долгие месяцы, порцию нормальной еды.

XLIII

Смед только диву давался. Этот сукин сын Рыбак действительно знал, какой поварешкой дерьмо мешают.

Стали ходить упорные слухи про одного серебряных дел мастера с Улицы Медников, на которой спокон веков жили и серебряных, и золотых, и тому подобных дел мастера. Дескать, пришел к нему парень, притащил с собой громадный серебряный гвоздь и заплатил целых сто оболов. Чтобы мастер переплавил тот гвоздь в слиток, а язык держал за зубами. А тот прошлым вечером решил отметить неслыханную удачу в кабаке, надрался там в стельку и все разболтал своим приятелям. Разумеется, после того как те поклялись хранить тайну.

Уже на следующий день никто и медяка бы не дал за жизнь человека, хоть как-то связанного с ювелирным делом. Охотники за Клином прямо с ума посходили. Они повылезали из своих нор и устремились на поиски, натворив по ходу дела немало бед. Правда, основной ущерб они нанесли друг другу.

Серые включились в эту игру с некоторым запозданием. Но уж когда включились — разошлись не на шутку. Они просеяли весь город как сквозь сито, конфискуя каждую крупицу серебра, какую им удалось найти, поскольку считали, что Клин теперь мог превратиться во что угодно. Они даже пытались давать долговые расписки, но люди отказывались их брать. Что толку. Военные грабили их не первый раз.

Некоторые сопротивлялись. Местами вспыхивали стычки. И среди солдат, и среди населения имелись раненые и убитые. Но солдат было слишком много, а большинство горожан еще не настолько отчаялось, чтобы поднять восстание.

— Ты выкинул подлый фокус, Рыбак,— сказал Смед старику, когда они оказались в таком месте, где могли говорить без опаски.— Чертовски подлый.

— Зато он сработал. Хотя это вовсе не значит, что я собой горжусь.

— Он сработал что надо. Но надолго ли?

— Я рассчитываю на три, на четыре дня. Может быть, на пять, если сумею добавить к прежним слухам пару свежих сплетен. Плюс к тому, Паутинке и Шелкопряду потребуется сколько-то времени, чтобы убедиться, что Клина нет среди того серебра, которое насобирали солдаты. В общем, примерно неделю можем жить спокойно. Если на нас случайно не наткнется какой-нибудь наемник. Но в конце концов до нас все равно доберутся. Так или иначе. Если только не даст трещину эта дурацкая осада наоборот. Пусть даже из города вырвется всего десять человек — и серым придется искать Клин по всему свету. Удачный побег будет означать, что тот, у кого Клин, наверняка сбежал в числе первых.

— Наверняка?

— А ты бы подумал иначе, окажись на месте близнецов?

— Теперь понял.

— С каждым днем они посылают все больше людей охранять стены. Не уверен, но мне кажется, что они спешат закончить дело к определенному сроку. Что есть какой-то предел. Если так, мы сможем использовать это против них.

— Предел? Какой такой предел?

— Эти двое — далеко не самые важные персоны в Империи. Рано или поздно их хозяевам покажется подозрительным то, чем они тут занимаются. Или кто-нибудь из них решит пожаловать сюда, чтобы единолично завладеть Клином.

— Надо было оставить чертову хреновину там, где она торчала, и не трогать ее.

— Надо было. Но мы этого не сделали. Усвой одно, Смед. Сейчас мы деремся за собственную жизнь. Ты, я, Тимми, Талли, все мы можем считать себя покойниками, как только нас заподозрят.

— Если ты хотел напустить на меня жути, Рыбак, тогда радуйся. Тебе это удалось.

— Я пытался напугать тебя потому, что до смерти боюсь сам. А ты — единственный надежный человек, на чью помощь я могу рассчитывать. Талли ни на что не годится, а Тимми никак не придет в себя с тех пор, как потерял руку.

— Чувствую, мне совсем не понравится то, что ты собираешься сказать. Ну? Что ты еще надумал?

— Один из нас должен украсть где-нибудь белую краску. Именно украсть, а не купить, потому что продавец может потом вспомнить, кому он ее продавал.

— Это я могу провернуть. Знаю, где ее можно взять. Если только серые не сидят прямо на бочках. А что мы будем делать с ней дальше? — Попытаемся сместить акцент всей заварухи. Придать ей политический оттенок.

Старик опять напустил таинственности. Смед ни хрена не понял, но решил, что этого и не требуется, покуда Рыбак думает за них обоих и знает, что делает.

В тот же вечер Талли впервые занял у него денег. Какую-то пустяковую сумму, которую вернул на следующее утро, так что Смед не стал придавать этому значение.

Именно в ту ночь Смед впервые задумался о том, что же за человек Старый Рыбак. Чем ближе он его узнавал, тем более бессовестным казался ему старик. Похоже было на то, что Рыбак твердо решил выпутываться из заварухи любой ценой и ради того, чтобы получить свою долю от продажи Серебряного Клина, был готов принести в жертву всех жителей Весла. Совсем не похоже на того Рыбака, которого Смед знал прежде. Правда, у того Рыбака, которого он знал прежде, никогда не было ни кола ни двора.

А еще он не знал, как ко всему этому отнестись. Смед не любил размышлять и никогда не был человеком дела. До сих пор он всю свою жизнь плыл по течению. Делал только то, что приходилось делать, чтобы свести концы с концами, не больше.

Зато он твердо знал, что не хочет умереть молодым. Отвечать имперцам на их вопросы под пытками ему тоже совсем не улыбалось. И не хотелось снова становиться бед-

няком. Уж он-то знал, что такое бедность. Иметь деньги было лучше. А получить целую кучу денег после продажи Клина будет еще лучше.

Методы, которыми действовал Рыбак, спасая свою шкуру, были ему сильно не по душе, но сам он никаких других предложить не мог.

Значит, придется продолжать в том же духе.

XLIV

Жабодав следил за тем, как идет оживление, не позволяя себе расслабиться ни на секунду. Он был древней сущностью и всю свою жизнь имел дело с колдунами, с этим ненадежным, вероломным племенем. Вот и сейчас он чувствовал, как под сводами монастырского подвала витает тяжелый запах предательства.

Тех, кто смог оказать ему необходимую помощь, он нашел быстрее, чем рассчитывал. В сотне миль к западу от монастыря, в местности под названием Выгребы, на протяжении жизни трех поколений между кланами колдунов длились нескончаемые кровавые распри. Осмотревшись там, он остановил свой выбор на клане Перл, чье колдовское искусство больше отвечало его нуждам. Он вошел с ними в контакт и вскоре заключил сделку: он помогает им одолеть врагов, а они берутся вернуть к жизни его «товарища».

О том, что этим «товарищем» был сам Хромой, он не сказал им ни слова.

Вскоре семейное древо Туманных исчезло с лица земли, все целиком, с корнями и боковыми побегами. Были уничтожены колдуны, их жены, их дети, все, что могло иметь к ним хоть какое-нибудь отношение. Вплоть до последней гниды, которая могла бы со временем превратиться в вошь.

Теперь двенадцать самых выдающихся Перлов находились здесь, в подвале, вокруг наполненного маслом корыта, в котором голова Хромого, уже скрепленная с новым глиняным телом, нетерпеливо ждала, когда закончится процесс оживления. Колдуны тихо переговаривались, бормоча

что-то на языке, которого он не понимал. Неважно. Главное, они знали: любая попытка предательства обойдется им очень дорого.

Они видели Жабодава в деле, во время избиения Туманных. А ведь тогда он был калекой.

Уж он не забыл позаботиться, чтобы в монастыре ему первым делом изготовили новую лапу.

Пес Жабодав негромко зарычал. В знак предостережения, напоминая, что пора поторапливаться.

И тогда они сделали то, что должны были сделать. Принесли в жертву дурака-монаха, оставшегося здесь, чтобы восстанавливать монастырь.

Серая глина в корыте окрасилась в телесный цвет, конвульсивно дернулась и затрепетала, словно настоящая живая плоть.

Тело внезапно и резко согнулось, село. С него стекали струйки масла. Колдуны отпрянули в испуге. Хромой быстро ощупал свое глиняное тело глиняными руками, оскалил зубы в восторженной гримасе.

— Зеркало! — потребовал он громовым голосом.

Он любовно пробежал пальцами по лицу. Даже в свои лучшие годы оно наверняка выглядело куда хуже. Он взглянул на себя в зеркало.

Неистовый яростный рев потряс подвал, едва не обрушив потолок. Жабодав краем глаза успел заметить то, что увидал Хромой.

Зеркало отразило правду. Отразило его лицо таким, каким оно было под слоем глиняной косметики и грима.

Хромой рывком выскочил из корыта, поднял его, вывернув на пол все, что в нем оставалось. Колдуны Перлы отступили в угол, громко выкрикивая охранные заклинания, торопливо выстраивая защиту. Они не понимали, что случилось.

Зато Жабодав сразу понял все. Яростные вспышки Хромого были ему хорошо знакомы. Это было заранее задумано.

Он не туда глядел, чуя флюиды предательства. Колдуны Перлы были ни при чем. Отвратительную вонь источал Хромой.

Жабодав прыгнул. В прыжке и осознал свою ошибку.

Хромой отбил корытом его отчаянный бросок и метнулся к двери, до этого загороженной телом пса. Пробив защитные заклинания Перлов, Хромой прыжками помчался вверх по лестнице, сотрясая воздух диким хохотом. Жабодав кинулся следом, но было поздно. Стены лестничного колодца обрушились.

Пес стал рыть землю.

— Не усердствуй так, мой милый щенок! — донесся сверху громовой голос.— Ты надеялся, что сможешь использовать меня, да? Кого? Меня?! Ха! Я позволял тебе надеяться, пока ты делал то, что мне было нужно. А теперь наслаждайся видом своей могилы. Лучшего ты пока не заслужил. Но времени воздать тебе по заслугам у меня нет.

И снова сумасшедший хохот. Тонны земли добавились к обвалу.

Жабодав продолжал исступленно копать, но на минуту прервался, чтобы грозным рыком прекратить панические вопли Перлов. В наступившей тишине он стал внимательно прислушиваться к звукам, доносившимся сверху.

На север! Хромой повернул назад, на север! Более безумный, чем прежде, он все-таки сумел смирить свою жажду мщения.

У этой головоломки мог быть только один ответ. Хромой отложил месть до лучших времен, устремившись туда, где он надеялся удесятерить свою колдовскую мощь.

XLV

Смед обнаружил, что если окунуть комок ваты в краску, а потом сделать несколько отпечатков вокруг общего центра, то получается довольно сносная имитация розы.

После того как улеглась суматоха, вызванная поисками несуществующего серебряных дел мастера, и провалилась попытка Рыбака пустить слух, что одна из ведьм уже завладела Клином и держит это в тайне от своей сестры, старик решил пустить свою последнюю стрелу. Воспользоваться скрытым потенциалом хаоса, внеся дополнительные ноты разлада в неразбериху, охватившую Весло.

Именно поэтому Смед, уже в третий раз за ночь, оказался на улице с банкой краски в руках. Рыбак велел ему оставить в определенных местах знак Белой Розы; он пытался создать впечатление, что раздраженные происходящим подпольщики готовы дать отпор силам Империи.

На этот раз Рыбак придерживался принципа «Тише едешь — дальше будешь». Он добивался, чтобы о происходящем узнал весь город, чтобы все горожане начали надеяться и верить. Он хотел заставить серых нервничать. Остальное, сказал старик, придет само собой.

Закончив третью выставку роз, Смед повернул к дому. Рыбак сейчас тоже рисовал розы где-то в городе. Вчера ночью Смед оставил эти знаки в двух местах, где местные жители особенно сочувствовали подпольщикам и готовы были поддержать их в любую минуту. Позавчера — в трех таких местах. Медленно, но верно, как сказал старик. Цветочки должны принести плоды.

Прошлой ночью Рыбаку особенно повезло. Наткнувшись на тела двух серых, убитых в случайной уличной стычке, старик нарисовал на их лбах по белой розе. Это должно было заметно подтолкнуть события в нужном направлении.

Смеду такая игра была сильно не по душе. Слишком опасно. Опасность и без того угрожала им со всех сторон. Добраться до них хотели бы очень многие. Особенно Смед опасался охотников за Клином.

Но сейчас, когда он крадучись пробирался по ночным улицам к «Скелету», в голове у него крутились совсем другие мысли. Ему не давало покоя загадочное поведение Талли. Этим вечером братец опять занял у него деньги, в четвертый раз за последние восемь дней. Занял приличную сумму, так и не вернув предыдущий должок.

Смед никогда не торопился, возвращаясь в «Скелет». Стоит один раз поспешить, и тут же угодишь в лапы капрала Ночных Пластунов.

Осторожно заглянув в окно, он сразу понял, что придется обходить квартал и забираться в дом через черный ход. На веранде дул пиво капрал со своими приятелями.

Но это было еще не самое плохое. По дороге он чудом не схлопотал большие неприятности.

Позади «Скелета» проходил переулок, засаженный какой-то чахлой, неряшливой растительностью. В кустах, ближе к дому, прятались двое. Смед нарвался бы прямо на них, если б один из парней не кашлянул, а другой не велел бы первому заткнуться.

Что это было? Но у него не было ни малейшего желания задавать вопросы. Он просто отступил в тень и присел там на что-то, ожидая, пока те двое уберутся отсюда.

Прошло полчаса, потом — час. Никаких изменений. Один опять кашлянул, другой снова потребовал, чтобы он заткнулся. Оба явно скучали. Смед начал клевать носом.

Но вот, почти бегом, появился третий.

— Идет! — сказал он и метнулся в тень, спрятавшись всего в восьми футах от Смеда, который теперь был начеку.

Действительно, сюда кто-то шел. Судя по звуку шагов, парень изрядно надрался. Вдобавок он разговаривал сам с собой.

Внутри Смеда все болезненно сжалось, он вздрогнул, узнав идущего, но ничего не успел сделать. Тимми Локан угодил в засаду. На него навалились так быстро, что парень не смог даже вскрикнуть.

Смед едва не бросился на помощь. Он привстал, наполовину вытащил нож, но вовремя опомнился. Может быть, он и успеет прикончить одного. А тем временем остальные двое в два счета разделаются с ним. Рассчитывать на лучшее было трудно.

Но что же теперь делать?

Он пойдет следом за ними. Выследит, куда они притащат Тимми, потом найдет Рыбака и... И тот скажет ему, что не надо было хлопать ушами.

Здесь и сейчас делать что-либо все равно слишком поздно. Значит, придется идти выслеживать этих парней.

Он не знал, кто они такие, но сильно подозревал, что эти трое делают грязную работу для одного из охотников за Клином, который решил познакомиться поближе с теми из горожан, кто недавно лишился руки.

Следить оказалось проще, чем он ожидал. Тимми всю дорогу отбивался, поэтому у них было не так уж много возможностей следить за чем-либо еще. Да и ушли они недалеко, углубившись примерно на четверть мили в район, где стояли выгоревшие, но еще не снесенные дома, настолько ни на что не годные, что в них не желали селиться даже бродяги.

В один из таких домов втащили Тимми. Спрятавшись в тени, Смед тупо смотрел на этот дом и спрашивал себя, что ему делать дальше. Помни, теперь мы деремся за собственную жизнь, звучали в его ушах слова Рыбака.

Боец из него был никакой. Он всегда уклонялся от драки, если ему удавалось. А когда не удавалось, всякий раз бывал нещадно бит. Чего-то ему не хватало. Не то злости, не то наглости, не то подлости. Но не хватало, даже когда у него не оставалось другого выбора.

Он вдруг вспомнил всех тех сволочей, от которых ему доставалось; все побои, насмешки и тычки; вспомнил свое вечное недоумение, непонимание, отчего они так поступают, ведь он никогда их не задевал. В нем разом закипели все старые обиды, вперемешку со щекочущими нервы мстительными фантазиями и миазмами жгучей ненависти.

Один из тех троих вышел из дома, помочился на улицу, потом попятился и прислонился к стене. Для караульного у парня был слишком беспечный вид. Наверно, просто решил проветриться, подумал Смед.

Он двинулся вперед неверными шагами, не понимая, что делает. Его так трясло от страха, что даже зубы стучали.

Он споткнулся, упал на одно колено, ободрав его о битый кирпич, жалобно выругался. И тут, вместе со вспышкой боли, на него снизошло вдохновение.

Смед поднялся и снова захромал вперед, спотыкаясь, бормоча себе под нос. Он шел прямо на парня и напевал что-то вроде: «Хорошо быть кисою, хорошо — собакою! Где хочу, там писаю, где хочу — там какаю!»

Теперь головорез насторожился. Но не двинулся с места.

Смед шлепнулся на задницу, глупо захихикал, кое-как встал на четвереньки, притворяясь, что на него накатил приступ рвоты. Потом опять поднялся на ноги и пошел прямо вперед, пока не наткнулся на стену, футах в десяти от наблюдавшего за ним человека. Тогда он попятился, продолжая что-то бормотать, тупо уставившись на стену, словно пытался сообразить, откуда она здесь взялась. Затем оперся одной рукой на эту стену и неверными шагами устремился вдоль нее в ту сторону, где стоял головорез. Когда до того оставалось не больше четырех футов, Смед притворился, будто только что заметил парня, во взгляде которого читалось скорее глумливое презрение, нежели подозрительность.

Взглянув на него, Смед издал нелепый хлюпающий звук. Он надеялся, что выглядит достаточно напуганным, и беззвучно благодарил всех богов сразу за то, что пока остался неузнанным. Теперь, если он правильно угадал, этот парень захочет поизгаляться над ним, под видом помощи...

Смед споткнулся и снова упал на четвереньки.

— Похоже, ты здорово надрался, старина.— Головорез шагнул в его сторону.

Смед снова издал несколько хлюпающих звуков. В его ушах снова раздался голос Старого Рыбака:

— Вспомни, как ты берешь женщину, Смед. Не как попало, а бережно, плавно.

Человек нагнулся, подал ему руку, помогая встать. Он не заметил нож, тускло блеснувший в руке Смеда. А Смед навалился на парня всем телом и плавно задвинул лезвие ему меж ребер. Прямо в сердце.

Смед как бы раздвоился. Одно его «я» было здесь, продолжая направлять его руку. Второе впало в какое-то забытье, отключилось от внешнего мира, полностью оказавшись во власти животного ужаса. В этом хаосе пульсировала только одна отчетливая мысль: какая ложь! Какая ложь, что убивать с каждым разом становится все легче.

Когда его сознание всплыло из этой мглы, он обнаружил, что успел оттащить продолжавшее конвульсивно дергаться тело ярдов на сто в сторону.

— Какого черта я это делаю?

Ах да, конечно. Спрятать. Так, чтобы не было видно. Потому что это было только начало.

Он снова услышал приглушенный, но отчаянный вопль боли и понял, что первая брешь во мгле, охватившей его сознание, была пробита точно таким же криком.

Он проскользнул в дом с осторожностью крадущейся кошки, отключив остальные чувства, чтобы не испытывать мучительную боль, когда раздавался очередной агонизирующий вопль Тимми. Он даже использовал эти крики, каждый раз быстро продвигаясь на несколько шагов вперед.

Мама дорогая! Что он здесь делает?!

Вопли доносились из подвала. Смед начал спускаться по ступенькам, двигаясь так целеустремленно, словно его вела чужая воля. Миновав шесть ступенек, он сперва пригнулся, а потом чуть не на уши встал, чтобы посмотреть, что делается внизу.

Лестница заканчивалась в нескольких футах от входа в подвал. Двери не было. Из проема пробивался свет и доносились крики. Смед, почти не дыша, спустился еще на две ступеньки, затем осторожно перелез через перила, нырнул под лестницу и затаился, озираясь вокруг.

Разглядеть что-либо оказалось трудно, но, похоже, пожар обошел эту часть подвала стороной. Здесь даже не чувствовался запах старой гари.

Теперь он мог слышать почти все, что там происходило. Кто-то задавал Тимми нетерпеливые вопросы. Еще двое препирались по поводу того типа, которого Смед прикончил наверху. Один беспокоился, как бы тот не сбежал, а второму было на это наплевать.

Спрятаться под лестницей, если кто-нибудь решит туда заглянуть, было негде. Свет, попадавший сюда из дверного проема, сразу выдал бы Смеда с головой. Поэтому он осторожно выбрался оттуда, прокрался к большой куче мусора слева от проема и скорчился позади нее, совершенно не представляя себе, что делать дальше.

Похоже, Тимми потерял сознание. Во всяком случае, он больше не кричал. Один из находившихся в помещении проворчал что-то по этому поводу. Остальные двое продол-

жали препираться насчет того парня, который пошел на улицу. Наконец первый не выдержал и огрызнулся:

— Его действительно слишком долго нет. Ступайте, найдите его. Ступайте оба. И оставьте меня в покое.

Те двое вышли и затопали вверх по лестнице. Это были те парни, которые притащили сюда Тимми. Смед поднялся, дрожа от напряжения, неслышно двинулся к проему, заглянул внутрь.

Тимми сидел, привязанный к стулу. Без сознания. Его обмякшее тело наклонилось вперед. Над ним склонился человек. Спиной к Смеду. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, мелькнула мысль. Человек хлестал Тимми по щекам.

— Ну! Ну же! Приди в себя. Только не вздумай помереть. Мы уже почти докопались до истины.

Плавно. Бережно. Аккуратно, повторял про себя Смед, неслышно скользнув сквозь проем.

Человек все же почуял опасность. Он начал поворачиваться, его глаза и рот широко открылись...

Слишком поздно.

Нож уже пронзил его сердце. Он страшно, отвратительно захрипел, попытался схватить Смеда, потом согнулся и упал.

Может, на этот раз действительно было легче... Пришла опустошенность. Бешено стучало сердце, тряслись руки. Судорожно хватая ртом воздух, Смед подошел к Тимми, перерезал веревки... Боже! Они выжгли ему один глаз! Они...

Тимми упал со стула лицом вперед.

Смед нагнулся, попытался поднять его.

— Эй! Тимми! Вставай. Это я, Смед. Вставай. Нам надо смыться отсюда, пока не вернулись те двое. Давай же!

Наконец до него дошло.

— Черт возьми! — Тимми не дышал.— Сукин ты сын! Я рисковал задницей ни за что!

Нет. Смысл все-таки был. Кто знает, что успел сказать Тимми перед смертью.

Вдруг он почувствовал себя полным дерьмом. Стоит тут, поливает Тимми... За что? За то, что тот умер, причинив этим Смеду лишнее беспокойство? Тут он окончательно

растерялся. Надо было как-то выбираться отсюда; наверно, надо было что-то сделать с телами, которые оставались в подвале. А он не понимал, что и как.

— Эй, Авель! — раздался крик с улицы.— Лучше бы тебе самому взглянуть! Кто-то прикончил Танкера!

Смед выронил руку Тимми, метнулся к мертвецу, выдернул нож из его тела и едва успел прислониться к стене у дверного проема, как раздался новый крик:

— Ты меня слышишь, Авель? — Потом раздался торопливый топот вниз по лестнице.— Похоже, мы в глубокой заднице, Авель. Кто-то проткнул Танкера ножом... Эй, что тут за чертовщина?

Человек шагнул сквозь проем и остановился. Смед уже почти нанес удар туда, где, по его расчетам, должна была находиться грудь, но вдруг обнаружил, что громкий голос принадлежал коротышке, самому маленькому из головорезов... Он успел превратить свой удар в подобие апперкота, вонзив лезвие ножа снизу вверх, под подбородок. Забыв все советы Рыбака, он ударил изо всех сил. Клинок проник сквозь мозг и застрял в черепе.

Он не видел глаз своих предыдущих жертв в тот момент, когда те осознавали, что случилось. Боже. Это было жутко. Смед отскочил назад, споткнулся об Авеля и упал на спину. Его жертва медленно свалилась головой вперед, почти прямо на него.

Он еще не успел толком подняться на ноги, как с лестницы донесся невнятный вопрос последнего головореза. Смед бросился вперед, чтобы снова завладеть своим ножом. Жертва еще шевелилась, медленно подтягивая под себя одну ногу. Это движение напомнило ему собаку, которая пытается почесаться. Бред какой-то.

Чертов нож намертво застрял в черепе. Вытащить его не удавалось. Смед заметался вокруг в поисках оружия, любой вещи, которая могла сойти за оружие, а голос сверху тем временем выкрикнул еще несколько вопросительных фраз. Тогда Смед, с чувством суеверного страха, выдернул нож из ножен мертвеца.

Он снова прислонился к стене возле дверного проема и стал ждать. Казалось, он прождал целую вечность.

Постепенно его перестало трясти. Нервы чуть утихли. Потом пришла мысль о том, что последнюю жертву можно было увидеть с лестницы.

Смед подождал еще немного.

Ему следовало поторопиться. Чем дольше он тут проторчит, тем скорее нарвется еще на какие-нибудь неприятности.

Мышцы словно судорогой свело. Скованный ужасом, Смед не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Все же он кое-как заставил себя сдвинуться с места и выглянуть наружу.

Лестница была залита лунным светом. Похоже, бояться было нечего. Он заставил свои ноги сделать несколько шагов. Потом поднялся по ступенькам. На первом этаже никого. Смед выглянул на улицу. И там никого. Пустые, безмолвные, мертвые дома; никакого движения. Ни одной живой души вокруг.

Бежать. Бежать, не останавливаясь, до самого «Скелета».

Он все же пересилил себя и сделал то, что должен был сделать: затащил тело своей первой жертвы в подвал. По крайней мере, теперь их не так скоро обнаружат. Только после этого Смед двинулся домой.

Все же заставил себя идти шагом.

XLVI

Мы очутились в Весле около полуночи, но отыскали Душечку и остальных только вечером следующего дня. Да и то лишь благодаря тому, что с нами был Боманц, который смог учуять их следы. Они оказались совсем не там, где мы предполагали. За это время я успел встретиться с давними знакомыми. По тем временам, когда мы с Вороном еще жили в Весле. Ребята пустились в разговоры и долго не могли остановиться.

Разговоры были теперь единственным занятием горожан.

— Да, дела здесь неважные,— говорил Ворон, пока мы пробирались по улицам, ориентируясь колдовским чутьем

Боманца.— Все эти люди закупорены здесь, как в бочке, без малейших надежд выбраться; запасы продовольствия подходят к концу; еще немного, и начнется чума. Город напряжен до предела. Будь сейчас середина лета, жара быстро съела бы остатки терпения горожан и нарыв уже давно бы прорвался. Тебе известно хоть что-нибудь про этих близнецов?

Он обращался не ко мне. Когда речь заходила о колдунах и колдовстве, я знать ничего не знал. За исключением того, что очень хотел бы держаться от всего этого подальше.

— Никогда раньше о них не слышал,— сказал Боманц.— Но это еще ни о чем не говорит. За последнее время к Госпоже в Чары из провинции понаехала целая толпа новеньких.

— Ты смог бы их одолеть, как думаешь?

— Я не собираюсь с ними связываться.

Тут я заметил на одной из дверей рисунок. Белая роза.

— Взгляните туда,— сказал я им.

Они посмотрели. Другие люди на улице тоже косились в ту сторону, стараясь, чтобы никто не заметил их интереса.

— Опять этот придурок Молчун! — прорычал Ворон.— Так и норовит втравить ее в какую-нибудь идиотскую затею.

— Ну что ты чушь несешь! — возмутился я.— Когда и кому хоть раз удалось уговорить Душечку сделать то, чего она сама не хотела делать?!

Он поворчал немного, потом заткнулся.

Вскоре нюх Боманца вывел нас к тайному убежищу. Пробормотав какую-то ерунду, служившую паролем, мы оказались в подвале, который Душечка делила с компанией ветеранов-повстанцев. На мой взгляд, они мало чего стоили. Сопротивление в Весле давно пережило свои лучшие дни.

Ворон неодобрительно хмыкнул. Эти парни ему тоже не понравились. Затем он вкратце рассказал об основных впечатлениях от нашего визита в Курганье. Даже на языке знаков его рассказ занял меньше минуты. В ответ Душечка

ознакомила нас с общим положением в Весле. На это потребовалось куда больше времени.

Ворон поинтересовался, за каким чертом она приказала рисовать по всему городу белые розы. Она ответила, что ничего такого и не делала. Точнее, она сказала, что никто из ее сторонников в этом не признался. Поскольку розы стали появляться только после ее прибытия в Весло, она предположила, что кто-то узнал ее на улице и теперь пытается выловить рыбку из мутной воды.

Сомнительно. Я, во всяком случае, не поверил. На мой взгляд, если бы ее узнал некто, не втянутый в наши дела, такой человек обязательно попытался бы получить награду за ее поимку. А стоила она не мало. Серые не стали бы скупиться. Они щедро заплатили бы и за Молчуна. Даже за братьев Крученых они отвалили бы кусок, достаточно жирный для того, чтобы надолго обеспечить предателю сытую жизнь.

Ворон думал так же. Но спорить с Душечкой он не стал, а перевел разговор на Серебряный Клин, спросив, успешно ли идут его поиски.

— Нет,— ответила она.— Мы все еще топчемся там, где уже успели побывать другие охотники. Глотаем поднятую ими пыль. Пока — никаких следов. А наши маленькие союзники заняты слежкой за теми, которых удалось выявить нашим здешним сторонникам.

Боманц потребовал имена. Он их тут же получил. Длинющую кишку, включавшую с полдюжины свежеиспеченных покойников.

— Ну что, знаешь кого-нибудь из этих людей? — спросил Ворон.

— Нет. Но я долго был не у дел. Мне кажется очень странным, что никто из Башни в Чарах до сих пор не обратил внимания на здешние события. Клин привлек сюда каждого деревенского колдуна, каждую гадалку на кофейной гуще, у которых имелась хоть какая-то тень честолюбия. Близнецы же, ухватившись за благоприятный случай, делают то, что и следовало от них ждать. Но ведь такие новости распространяются повсюду с быстротой молнии. Они давно уже должны были достигнуть Чар. Почему же

никто из тамошних волкодавов до сих пор не появился здесь, чтобы поставить сестер на место?

— Потому что у них нет летающих китов, чтобы доставить их сюда в мгновение ока,— предположил я.— А все их ковры-самолеты давным-давно превратились в кучу бесполезного хлама.

— У них есть другие возможности,— возразил Боманц.

Пустой разговор. Все равно от ответа на этот вопрос ничего не зависело.

Ворон поинтересовался, каким образом другие пытаются добиться желаемого результата.

— Может,— предположил он,— все дело в том, что остальные охотники за Клином просто хватают проблему не с той стороны?

— Паутинка и Шелкопряд возобновили повальные обыски,— ответила Душечка.— Кроме того, они не спускают глаз с остальных охотников, пытающихся найти тех, кто похитил Серебряный Клин и принес его в Весло.

— А почему все так уверены, что эта хреновина находится в городе? — спросил я.

— Многие просто чувствуют это,— ответил Боманц.— От Клина исходят миазмы зла.

— Значит, ты можешь определить, где он?

— Очень смутно. Сейчас Клин находится где-то к северу от нас. Но я могу определить направление лишь с точностью до тридцати градусов.— Он развел руки в стороны, наглядно показывая, о чем говорит.— Природа Клина такова, что он способствует разрастанию любого зла вокруг себя. Если бы его было легко обнаружить, то он не смог бы так просто умножать окружающий хаос. Он не обладает разумом, но способен улавливать и усиливать самые черные чувства, мысли и устремления тех, кто находится поблизости. Но вернемся к делу. Возможно, нам удастся обнаружить людей, доставивших сюда Клин из Кургань, если мы займемся поисками тех, кто находился вне города в соответствующий промежуток времени, а теперь ведет себя не так, как раньше. Или, выражаясь точнее, все они сейчас должны проявлять ярко выраженное пристрастие потакать худшим своим наклонностям.

Молчун перевел речь Боманца Душечке. Та, на языке жестов, ответила:

— Такой путь мы уже испробовали. Безуспешно. Нападение Хромого привело к гибели слишком многих, а выжившие настолько выбиты из колеи, что собрать такую информацию просто невозможно.

— Все же это хоть какой-то способ,— возразил Ворон.

— Паутинка и Шелкопряд уже используют его,— сказал один из местных ребят.— Они собрали в городе целую толпу головорезов в надежде, что похитители ударятся в панику и каким-то образом выдадут себя. Рано или поздно.

— Идиотизм,— сказал Ворон, презрительно улыбаясь.— Парням надо всего лишь обрезать все ведущие к ним концы и лечь на дно. Уж как-нибудь сообразят.

— Именно так они и поступили. Во всяком случае, мы так полагаем.— Местный принялся рассказывать о появившейся в городе отвратительной заразе. Эту болезнь прозвали «черная рука». Удалось выяснить, что следы ведут к одному врачу, которого зарезали сразу же после того, как близнецы наглухо заткнули все входы и выходы из города. Тот, кто первым заболел «черной рукой», скорее всего, случайно коснулся Клина, а затем заразил врача, к которому обратился за помощью. Так считало большинство, хотя были и другие мнения. Позже врач заразил всех своих пациентов, а от тех болезнь начала передаваться дальше, пока солдатам не удалось выловить и изолировать всех инфицированных.

— Близнецы придерживаются того же мнения,— показала знаками Душечка.— А убийство врача служит лишним тому доказательством. В нем замешаны два человека. Но установить их личность пока не удалось. Описания свидетелей недостаточны для опознания.

Один из местных снова начал излагать всякие домыслы. Он считал, что ни один из заразившихся не имел никакого отношения к похищению Клина. Близнецы, сказал он, тоже в этом уверены. Значит, где-то сейчас по улицам разгуливает парень, ухлопавший дока, который его вылечил. Именно так считало большинство охотников за Клином, орудовавших в городе.

— Может, оно и так,— сказал я.— А может быть, у его подельников хватило ума. Тогда его надо искать не на улицах, а шестью футами ниже.

Похоже, такая возможность никому еще не приходила в голову. Порядочные люди почему-то считают, что все остальные тоже должны вести себя порядочно.

— И еще,— продолжал я.— Что там насчет роз? Если ваши люди здесь ни при чем, тогда кто? И зачем?

— Очевидно, отвлекающий маневр,— предположил Ворон.— Но кто бы за этим ни стоял, мы сильно продвинемся вперед, если сможем схватить его.

— Пойди поучи свою бабушку, как яичницу бить,— опять воткнулся в разговор местный.— Сейчас почти все наши ходят по улицам, успокаивают людей и задают им вопросы. А ночью мы возьмем под наблюдение наиболее вероятные места, где могут появиться те артисты. Если кто-нибудь из них подвернется нам под руку, он и глазом моргнуть не успеет, как уже будет сидеть здесь и отвечать на вопросы.

— Они не попадутся в вашу ловушку. Хочешь, поспорим на что угодно? — спросил я, устраиваясь поудобнее, чтобы вздремнуть.

Устал я от этого трепа.

XLVII

Устает ли глина? А земля? Нет. Глиняный человек мчался на север. Час за часом, миля за милей, днем и ночью, преодолевая расстояние длинными скачками. Он останавливался редко и ненадолго, лишь для того, чтобы прочесть несколько заклинаний и подновить слой жира, удерживавший в нем влагу, чтобы глина не теряла свою эластичность.

Миля за милей. Возникали, проносились мимо и оставались позади руины разрушенных им городов. Восходы сменялись закатами.

Однажды ранним утром он пересек южную границу Северной Империи. Это случилось ранним утром.

И очень скоро обнаружил, что его преследует имперская конница. Тогда он замедлил бег. И они попридержали коней. Он остановился. Они тоже. Вне пределов его досягаемости. Выжидая.

Да, они оказались здесь из-за него. Его возвращение не было неожиданностью.

Но кто? Кто мог ждать его появления? И как давно? Какие сюрпризы они успели для него заготовить?

Он возобновил свой бег, но теперь двигался медленнее, стараясь держать свое бешенство в узде.

Подразделения кавалеристов, преследовавшие его, сменялись каждые пять миль. Как только он поворачивался к ним лицом, они отступали. Но стоило ему опять двинуться вперед, и они снова подбирались ближе, как бы бросая ему осторожный вызов. Он подозревал, что кто-то хочет заставить его повернуть. Он не поддался на такую уловку, а продолжал свой путь. Постепенно он снова увеличил скорость.

Ему противостоял проницательный, искушенный разум.

Прошло совсем немного времени. Вдруг очертания отряда конников начали меняться. Похоже, кавалеристы перестраивались, готовясь к атаке...

Это отвлекло его внимание, поэтому он едва не проглядел впереди чуть просевший участок дороги. Но все же заметил западню. Останавливаться было поздно, и он оттолкнулся от земли, бросив свое тело вперед в длинном, чудовищно длинном прыжке.

Воздух загудел от камней, пущенных из пращи. Несколько штук попало в него, едва не сбив с ног, и он понял, что его таки подловили. Он еще не успел восстановить равновесие, как вокруг засвистели арбалетные стрелы. Верховые слева слишком осмелели. Он повернулся, готовый стереть их с лица земли.

Пятисотфунтовый камень чиркнул по его правому плечу, содрав защитную смазку. Он извернулся и прыгнул в сторону. Если бы эта глыба угодила прямо в него... Он снова повернулся, готовясь излить душившую его ярость. Всадники скакали прочь. Они избежали возмездия, были уже вне пределов его досягаемости.

Он повыдергивал из своего тела все стрелы, осмотрелся. Никакой ямы на дороге не оказалось. Лишь ее искусная имитация и хорошо замаскированная спусковая доска там, куда он должен был приземлиться после прыжка. Его спасло только то, что катапульта, метнувшая камень, стояла достаточно далеко. Да, на сей раз его уберегла слепая фортуна.

Но это была лишь первая ловушка. Следующая ждала его на мосту, переброшенном через тихую болотистую речушку. Под мостом были укрыты бочки с нефтью и механизм, который должен был опрокинуть их и поджечь нефть, едва он дойдет до середины настила.

Кавалеристы, отвлекавшие внимание, на этот раз ждали его за рекой, на крутом, обрывистом берегу. Град камней из легких катапульт посыпался на него как раз в тот момент, когда он пытался заклинаниями вывести из строя механизм, предназначенный для поджога нефти.

Здоровенный пятифунтовый булыжник угодил ему прямо в грудь, опрокинув на спину. Взвыв от злобы, он вскочил на ноги и очертя голову ринулся на своих преследователей.

Середина настила, опиравшаяся лишь на пару хилых жердей, провалилась под его весом. Бочонки с нефтью вдребезги разнесло падавшими бревнами и балками. Он еще не успел плюхнуться в воду, как сверху посыпался настоящий дождь зажигательных снарядов.

Второй раз его сумели провести.

До третьего эти свиньи не доживут, поклялся он.

Рыча от боли и бешенства, он выбрался на отмель чуть ниже по течению. Мост пылал, сверху посыпался новый град зажигательных снарядов...

Он запутался в чем-то, споткнулся, упал. Его тут же накрыла сверху большая сеть, сплетенная из прочных, как железо, но эластичных шнуров. Шнуры были свиты из клейких, липких нитей, напоминавших паутину. Чем больше он метался, тем сильнее запутывался. Сеть стягивалась все туже и тащила его назад, в реку. Оказавшись под водой, он не смог бы использовать словесные заклинания, наполовину лишившись своего колдовского могущества.

Впервые его кольнула ледяная игла предчувствия, что он может потерпеть поражение в схватке с жалкими, слабыми существами, ничтожными пигмеями. Он натолкнулся на такое сопротивление, которое нельзя было одолеть одной грубой силой.

На него накатила липкая волна страха. А ведь он даже себя сумел убедить в том, что это чувство ему незнакомо. Но страх помог; он смирил в себе неуправляемую ярость, позволил трезво оценить положение и принять верное решение.

Быстро произнес пару заклинаний, одно из которых подействовало. В сети, уже почти утащившей его под воду, появилась дыра. Он осторожно выбрался из реки. Удвоив внимание. Только это и спасло его, помогло избежать очередного капкана, оснащенного механическим мечом, удар которого запросто мог развалить его надвое. Опасность миновала. Теперь можно было оценить полученные повреждения. Пустяки. Но еще дюжина таких стычек, и ему придется по-настоящему худо.

Чего они добиваются? Просто хотят измотать его? Похоже на то, хотя каждая из ловушек в отдельности, сама по себе, таила нешуточную, смертельную угрозу.

Наконец, сумев обуздать свой безумный гнев, с максимальной осторожностью он двинулся дальше. С местью можно и подождать. Пока он не одержит там, на севере, свою триумфальную победу. А когда ключи к неслыханному могуществу окажутся в его руках... Вот тогда он тысячекратно отплатит всему миру за те оскорбления и унижения, которым когда-либо подвергся.

Впереди его ждало множество ловушек, по большей части столь же смертоносных и хитроумных. Несмотря на все свое внимание, ему не удалось миновать их без всякого ущерба для себя. Враги почти не пользовались колдовством, предпочитая всякие механизмы, используя разные психологические уловки, справиться с которыми ему было гораздо труднее.

Он так ни разу и не заметил поблизости никого, кроме всадников, вцепившихся в него мертвой хваткой.

Ворота большого портового города Берилла оказались открытыми, ни души вокруг. Ветер с моря гонял по пустынным улицам листья и сухой мусор. Очаги в домах давным-давно остыли. В воздухе не было видно ни одной птицы. Мертвый город покинули даже крысы.

Тихо шурша по углам, леденящим, мертвым шепотом бормотал что-то ветер. Царившее вокруг запустение было настолько абсолютным, что даже он внезапно ощутил тоскливое чувство одиночества.

В порту не было видно ни одного корабля, на пустынном побережье — ни одной шлюпки. Ни одной, даже самой завалящей, жалкой плоскодонки. Лишь в море, далеко за портовым маяком, виднелись смутные очертания одинокой пятидесятивесельной черной галеры, покачивающейся на волнах.

Она служила немым предупреждением. Пересечь море ему не позволят, это ясно. Он не сомневался, что вдоль всего побережья, в обе стороны от Берилла, ему не удастся найти ни одного суденышка.

Он подумал о том, чтобы отправиться вплавь. Но ведь черная галера оставлена здесь именно на такой случай. Глиняное тело было слишком тяжелым. Ему потребуются все его силы, чтобы удержаться на плаву. Значит, он будет почти беззащитен.

Вдобавок соленая вода может проникнуть сквозь защитную скорлупу заклинаний. Тогда она начнет разъедать сперва слой жира, а потом и глину...

Похоже, ему просто не оставили никакого выбора. Ладно. Придется сделать то, к чему его подталкивают. Он нарисовал карту и выбрал кратчайшую из окружных дорог. На восток. Теперь он бежал на восток.

Всадники следовали за ним до исхода дня, а затем исчезли, растворившись в сумерках. Через несколько часов он убедился в этом окончательно и снова увеличил скорость. Будь они прокляты. Придется делать то, к чему его принуждали. Но еще придет его время. И месть будет сладка.

Снова миля за милей оставались позади. Он мчался почти так же быстро, как прежде, еще до того, как пересек границу Империи. Бег не мешал ему размышлять в

поисках причины, по которой его заставили пуститься в долгий кружной путь.

Но докопаться до сути он так и не смог.

XLVIII

Позволив себе лишь небольшую передышку, Смед отправился на поиски Старого Рыбака. Тот выслушал внимательно, не сводя глаз с его лица все то время, пока он говорил.

— Вот уж не думал, что у тебя хватит духу на такое,— сказал он, дослушав до конца.

— И я не думал. Зато я все время думал, как бы не обделаться со страху.

— Но думал. Это главное. И сделал то, что должен был сделать. Хорошо. Как полагаешь, ты сможешь узнать того парня, который удрал?

— Не знаю. Было темно. Мне ни разу не удалось разглядеть его как следует.

— Ладно. О нем мы позаботимся позже. Сейчас главное — избавиться от трупов. Где Талли?

— Кто его знает? Спит, наверное. А почему не оставить их там, где они есть? Они лежат не в таком месте, чтобы кто-нибудь скоро споткнулся.

— Потому что, кроме тебя и меня, есть еще один тип, который про них знает. Он может рассказать кому-то, кто пойдет и посмотрит. А тот человек может узнать в Тимми Локане парня, болтавшегося повсюду вместе со мной, с тобой и с Талли. Дошло?

— Теперь дошло.

Вдобавок Рыбак наверняка хотел убедиться, что Тимми умер именно так, как рассказал Смед. Все-таки Смед был родственником Талли, а старик уже давно взял за правило не принимать на веру ни единого сказанного им слова.

— Одним словом, буди Талли и — вперед!

Смед вошел в «Скелет», мимоходом кивнув капралу Ночных Пластунов. Хозяин бросил на него недружелюбный взгляд исподлобья. Смеду пришлось пройти мимо него.

— Собираетесь платить за комнату, парни? — спросил хозяин.— Вы задолжали уже за два дня.

— Платить должен Талли. Его очередь.

— Вот как, приятель? Но Талли не платит. Да и за пиво он мне должен черт знает сколько. Денек-другой еще потерплю, а потом поболтаю об этом с твоим приятелем, капралом.

Хозяин мерзко улыбнулся. Он был бы на седьмом небе от счастья, спровадив их всех в рабочую команду.

Смед смотрел на него в упор, пока тот не отвел глаза, потом швырнул монету.

— Это за комнату,— сказал он.— Счет за пиво Талли пускай оплачивает сам. Я скажу ему.

Талли не спал. Притворялся. Наверно, подслушал разговор.

— Вставай,— сказал Смед.— Дело есть.

Талли не шевелился. Тогда Смед добавил:

— Считаю до пяти. После этого переломаю тебе ребра.

— Черт бы тебя побрал, Смед.— Талли сел на кровати.— Ты с каждым днем становишься все больше похож на твоего дружка Рыбака. На кой ляд ты меня разбудил? Небо на землю упало, что ли?

— Выйдем на улицу,— узнаешь на кой! — Смед не хотел говорить здесь, где их мог подслушать кто угодно.— По дороге не забудь заплатить хозяину за пиво. Он давно точит на нас зуб. Обещал поболтать насчет тебя с капралом.

— Вот дерьмо вонючее.— Талли весь как-то передернулся.— Слушай, Смед, заплати за меня, а? Я верну. Как только доберусь до своей заначки.

— Ладно.— Смед пристально посмотрел на братца.— Мы ждем на улице. И не вздумай валять дурака.

Он вышел из комнаты. Проходя мимо хозяина, он швырнул ему еще одну, на этот раз — более увесистую монету.

— Ничего ему в кредит не давай,— процедил он сквозь зубы.

Старый Рыбак уже ждал на улице.

— Когда мы только пришли в город,— сказал Смед старику,— я считал, что моей доли наличных хватит на четыре года безбедной жизни. Даже на пять. А ты?

— Не шуми. Я старый человек. Мне не так много нужно. А что случилось?

— Талли. Каким бы придурком он ни был, разве можно спустить столько денег за три-четыре недели?

— Рассказывай.

— Он начал брать у меня в долг. Пару раз отдавал быстро. Последние три раза не отдал вообще. Я только что узнал, что он не заплатил за комнату и сильно задолжал за пиво.

— Вот как? — По лицу Рыбака скользнула мрачная тень.— Мне надо кое-что проверить. Когда он выйдет, дуйте прямиком на место. Я вас догоню.— С этими словами старик словно растворился в воздухе.

Минутой позже притопал Талли.

— Все в норме,— сообщил он.— Я уже здесь. А где старик и Тимми?

— У Рыбака есть небольшое дельце.— Смед подозревал, какое именно.— Он нас догонит. А Тимми умер. Его убили. Нам надо его похоронить.

— Шутишь? — тупо спросил Талли и споткнулся. Забыл, что надо глядеть себе под ноги.

— Пошел ты. Какие тут шутки.

Урывками, когда его не мог слышать никто посторонний, Смед рассказал, что случилось. На улице было полно народу. Все слонялись без дела, вели себя беспокойно. В воздухе пахло мятежом. Нет, серые не смогут долго продержать город под колпаком, подумал Смед. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть. А потом немного удачи— и они обязательно прорвутся сквозь осаду.

Повсюду, если только рядом не было серых, люди перешептывались о белых розах. Ползли слухи, что сама Белая Роза находится в Весле и ждет лишь добрых предзнаменований, чтобы поднять восстание.

У серых были свои уши повсюду, Смед это знал. Почти все новые слухи доходили до Паутинки и Шелкопряда быстрее чем за час. И даже если эти слухи были абсурдны, близняшки вынуждены были реагировать. Не ровен час,

какому-нибудь олуху почудится, что он увидел знамение, и тут же вспыхнет мятеж.

Потихоньку полз и другой слушок, куда более зловещий, чем глупая болтовня о Белой Розе. Добраться до его истоков было сложнее, потому что передававшие его вели себя гораздо осторожнее.

Эта сплетня утверждала, что близнецов поджимает время. Поэтому, дескать, они решили приступить к массовым казням мужской части населения Весла. Казни будут продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь не купит себе жизнь, выдав, где находится Серебряный Клин.

Смысл происходящего уже ни для кого не был тайной. О Серебряном Клине знали все. Что ж, такая осведомленность вполне могла оказаться тем взмахом дирижерской палочки, за которым последует первый такт увертюры, открывающей долгую мрачную оперу ужасов.

Талли мельтешил, все беспокоился по поводу надвигающейся резни. Пока они не подошли к кварталу выгоревших домов, где повсеместно были трупы. Тут он сменил тему своего нытья.

— Я не пойду туда, Смед,— уперся он.— Они все равно померли. Ну и пусть лежат, где лежат.

— Еще как пойдешь. Вся эта каша заварилась из-за той единственной мыслишки, которая случайно завелась в твоей тупой башке. Ты пойдешь и поможешь нам сделать то, что требуется, чтобы выжить. Или я сам раскрою твою гнилую тыкву.

— Чепуха,— презрительно ухмыльнулся Талли.— Пытаешься запугать? Меня?

— Может, и так. Будет лучше, если ты поверишь мне на слово. Ну?!

Талли вздрогнул и пошел дальше. Интонации Смеда его изрядно напугали. Спустя минуту их догнал Рыбак. Обменявшись взглядом со Смедом, он сказал:

— За нами никто не следил. Идите чуть медленней, пока я не разнюхаю, что там впереди.

Он исчез, но через пару минут снова появился и махнул рукой, показывая, что все чисто. Тогда Смед проскользнул в знакомый дом.

Запах тлена, хотя не очень заметный, уже витал в воздухе. Снаружи что-то злобно прорычал Рыбак. Талли огрызнулся, но тяжело протопал внутрь. Смед осторожно спустился по лестнице в подвал и остановился посередине комнаты-покойницкой, удивленный тем, что ее до сих пор освещали огарки свечей, зажженных, как ему казалось, целую вечность назад.

Здесь почти ничто не изменилось. Трупное окоченение уже прошло. Правда, появилась бездна мух, облепивших глаза, ноздри, рты трупов. И раны.

— О черт! — прошептал Талли, и его тут же вырвало.

— Я видал места похуже,— сказал Рыбак, остановившийся в дверном проеме.— Очень может быть, что и это место скоро будет выглядеть гораздо хуже. Сядь-ка на стул, Талли.

— Что?

— Садись. Прежде чем браться за дело, нам надо потолковать. Выяснить, кто залез в те деньги, которые Тимми хранил в спинке кровати.

Талли вздрогнул, побледнел, но еще пытался хорохориться.

— Врешь, Рыбак,— сказал он.— Чей грешок хочешь на меня повесить? Уж не свой ли?

— Садись, задница! — рявкнул Смед.— Рассказывай, как вышло, что ты обокрал Тимми, а потом клянчил деньги у меня. И это сразу после того, как ты оторвал самый крупный куш в своей говенной жизни!

— Какого хрена вы...— начал было Талли. Но Рыбак врезал ему по носу и тычком в грудь усадил на стул.

— Шутки в сторону, Талли,— сказал он.— Дело чертовски серьезное. А до тебя все никак не дойдет. Протри глаза, черт бы тебя побрал! Видишь, как мухи жрут парня? А ведь то был наш товарищ, Тимми Локан. Веселый, беззаботный мальчишка, которого ты поманил богатством. Посмотри, что с ним сделали эти головорезы. Хотя они невинней любой девственницы по сравнению с теми, кто сейчас идет по нашему следу. Посмотри, что пришлось сделать Смеду. Ну! Посмотри на этих парней, Талли. Ты оказался слишком глуп, чтобы вовремя испугаться, слишком

туп, чтобы сидеть тише воды, ниже травы, пока не пронесется гроза. А теперь скажи нам, каких дел ты натворил, в какое дерьмо вляпался на этот раз?

В глазах Талли заблестели слезы бессильной злобы. Он, похоже, собирался упрямиться дальше, хотя упрямствовать было бесполезно.

— Ты просто чокнутый придурок, брат,— сказал Смед.— Один раз за всю твою поганую жизнь у тебя появилась неплохая идея. Но стоило нам за нее взяться, как ты сразу начал путаться у всех под ногами. Так и норовил подставить нас и испортить все дело. Ну? Так что ты натворил? Мы уже в заднице или еще не совсем? Отвечай, скотина!

Лицо Талли на какое-то мгновение озарилось вспышкой хитрости и коварства.

— Пустяки,— сказал он.— Сделал пару неудачных ставок, и все.

— Пару? — взвыл Смед.— И за пару раз проиграл столько, что пришлось воровать деньги у Тимми?

На лице Талли опять появилось выражение тупого упрямства. Но Рыбак тут же заставил его проглотить нагловатую ухмылку, еще разок съездив по морде.

— Азартные игры,— сказал старик.— Дерьмо вонючее. Небось играл с кем-нибудь из старых знакомых, кретин. Из тех, кто знает, что раньше у тебя даже своего ночного горшка не было. Рассказывай все.

Теперь слова так и посыпались из Талли. Оправдались наихудшие подозрения Смеда. Братец рассказал идиотскую историю о том, как он проигрался, удвоил ставки, опять проиграл и снова удвоил. Потом — еще и еще. Пока не оказалось, что Талли Стах не только разорен, но и выдал целую кучу долговых расписок, добавив к тем, что успел выдать раньше. А те, кто имел его расписки, не стали бы шутить, не уплати он вовремя. Так что выбора у него не оставалось. Но он, конечно, собирался все вернуть Тимми, как только получит свою долю за Клин, поэтому...

Рыбак оборвал его до того, как Талли принялся оправдываться. Правильно, подумал Смед. Он знал, что стоит

позволить брату продолжать, и тот сумеет вывернуть дело так, будто во всем виноваты они с Рыбаком.

— Сколько ты остался должен? — спросил он.

Опять мелькнула та же хитрая гримаса подлости. Сукин сын знал, что деваться им некуда и они уплатят его долги.

— Ты прав, ублюдок,— рявкнул старик.— Мы прикроем тебя на этот раз. Но один из нас проследит, чтобы ты уплатил все. И больше ты не получишь ни медяка. А потом, из своей доли, вернешь нам все сполна, до последней крошки. С процентами.

— Зря ты так со мной, Рыбак.

— Не хочешь, чтобы с тобой обращались как с дерьмом, тогда не веди себя как последнее дерьмо,— сказал Рыбак.— А начнешь снова выделываться — берегись. В следующий раз тебе придется куда хуже.

Неприкрытая угроза в голосе старика напугала Талли. Он усох и умоляюще посмотрел на Смеда, но тот поддержал Рыбака.

— Я тоже не хочу, чтобы меня угрохали только потому, что ты никак не привыкнешь отвечать за свои поступки,— буркнул он.— Бери Тимми за ноги. Потащим его наверх. А по дороге гляди на него во все глаза. Чтобы как следует запомнить, как он выглядел, и хорошенько подумать, когда у тебя опять засвербит в заднице от желания выкинуть новый фортель.

Талли взглянул на Тимми.

— Я не смогу,— прохныкал он.

— Еще как сможешь. Просто вообрази себе, что кто-то его найдет, выяснит, кто он такой, а потом припомнит, где, когда и с кем его видел. Бери его за ноги, кому говорю!

Они подняли все тела по лестнице наверх и дождались сумерек. Рыбак знал поблизости одно подходящее место. Когда шли дожди, оно становилось топким, болотистым рассадником всякой заразы. Саперы имперских войск давно использовали его как свалку. Когда-нибудь все эти трупы окажутся в пятидесяти футах под новыми городскими улицами.

Конечно, первым делом они отнесли Тимми, ведь именно с ним был связан основной риск. За ним отправился тот, кто его допрашивал. Оставался еще головорез-коротышка. Пока Смед с Талли таскали трупы, Рыбак рыскал по окрестностям, высматривая, нет ли поблизости серых или каких-нибудь случайных свидетелей.

Все шло отлично. Пока они не потащили последнее тело.

— Кто-то идет,— тихо прошептал Рыбак.— Тащите тело дальше, будто ничего не заметили. Если эти ребята пришли сюда по нашу душу, я разберусь с ними сам.

XLIX

Жабодав недоумевал. Его товарищи по несчастью вели себя как-то странно. Они копали с громадным энтузиазмом, безжалостно выматывая себя, но вся их решимость кончалась там, где надо было сделать совсем простую вещь, необходимую, чтобы поддержать собственные силы. На четвертый день Жабодаву надоело голодать, и он прикончил слабейшего. Насытившись, он оставил остальным объедки. И им понадобилось не так уж много времени, чтобы преодолеть предрассудки и инстинктивное отвращение. Зато энтузиазм возрос. Никому не хотелось стать следующим пунктом меню.

Однако копать пришлось еще целых восемь дней.

На поверхность из-под земли выбрался только монстр. Впрочем, даже если бы работа заняла всего один час, результат был бы тот же самый.

Кромешную темноту подземелья он сменил на мрак ночи. Но найти след оказалось нетрудно: с момента вероломного, подлого предательства на землю не упало ни капли дождя. Ха! Так и есть! Значит, снова на север!

Жабодав пустился в путь неторопливой рысцой. Согревшись и размяв мышцы, он стал наращивать скорость, пока не перешел на волчий мах, каждый час оставляя позади более двенадцати миль. Он ни разу не остановился, пока не добрался до границ Империи, до того места, где Хромой впервые столкнулся с серьезным препятствием. Там

он принялся рыскать по сторонам и принюхиваться, пока не понял, что произошло.

Да, Хромого никто не собирался приветствовать со слезами радости на глазах.

Ветер донес до него какой-то свежий запах. Жабодав огляделся и приметил вдали черного всадника, вооруженного горящим копьем. Тот тоже заметил его и метнул полыхающий ярким пламенем снаряд в северном направлении.

Жабодав возобновил свой бег. Он был слегка озадачен.

Он добрался до того места, где Хромой нарвался на очередные препятствия. И снова увидел черного всадника с пылающим копьем. И снова всадник метнул копье на север.

И третий раз было то же самое. Тогда монстр понял, что ему всячески помогают наверстать упущенное время, нагнать Хромого. Что его подстрекают на неизбежную схватку. Что по дороге на север Хромого сдерживают и тот теряет кучу времени на преодоление разных препон.

Но если даже погоня закончится удачно, что с того? Ведь он не ровня этому сыну тьмы.

Следующий черный всадник стоял у ворот Берилла. Он метнул свое пылающее копье на восток. Жабодав послушно свернул в ту сторону. И очень скоро снова взял след.

Вот оно что. Значит, старого дьявола заставили пуститься в обход, вокруг моря. Бешеной твари и тысяча миль — не круг.

Жабодав помчался еще быстрее. Теперь на трех милях он отыгрывал две. Он переплыл Реку Изуверов, обогнул Столпы Раздетости, с быстротой молнии пересек семидесятимильную, серебристую и плоскую, как зеркало, пустыню, известную под названием Нищий Раджа, пробежал между и мимо бесчисленных могильных курганов Варвара, промчался заброшенными караванными путями Лейб Радоров. Затем он обогнул населенные призраками руины Хана и миновал пирамиды Хватка, стоявшие на вечной страже над Каньонами Бессмертных.

Предельно осторожно, он далеко стороной обошел храмы города Марша-Разрушителя, где воздух до сих пор содрогался от криков бесчисленных жертв, чьи дымящиеся,

вырванные из груди сердца были некогда возложены на алтари равнодушного, презрительно взиравшего на мир бога.

След с каждым часом становился все горячей.

Он добрался до провинции Безводус, миновал сторожевые заставы, где несли службу наемники из союза кочевых племен Одождей. Они свирепо и ревностно защищали границы Империи от опустошительных набегов других кочевников. Гораздо надежнее, чем то могли бы сделать имперские легионы. Черный всадник пылающим копьем направил его стремительный бег на плато Дхама-Пато, где некогда сотни армий в бесчисленных сражениях оспаривали право прохода на север, юг или восток. Древние легенды гласили, что именно на этом плато произойдет Последняя Битва Времени между Светом и Тьмой.

За плоскогорьем лежали горы Синь-янь. Там, в их мрачных первобытных ущельях, он нашел доказательства того, что Хромой был не раз задержан, не избежав многочисленных и коварных ловушек, поджидавших его на обрывистом и опасном пути.

След стал совсем горячим. К тяжелому духу Хромого примешивался запах свежих могил.

Он поднялся на возвышенность, господствовавшую над проливом Ангин, где пресная вода Невольничьих Озер смешивалась с горько-солеными водами моря Мук. Место оказалось очень удобным для наблюдения. Скальный выступ нависал над узкой горловиной пролива, которую мореплаватели прозвали Вратами Дьявола, а путники окрестили Мостом на Небеса.

Внизу творился кромешный ад.

Хромой пытался переправиться с южного берега пролива на северный. Те, кто находился на северном берегу, держали серьезный отпор.

Жабодав лег на брюхо, положил голову на передние лапы и стал наблюдать. Он считал, что обнаруживать себя пока рано. Может быть, он сделает это у Башни в Чарах. Если Хромой поддастся жажде мщения и свернет на запад.

Словно почувствовав, что Жабодав уже здесь, защитники северного берега прикрыли лавочку и смотали удочки. Хромой напряг все свое колдовское могущество, чтобы

обрушить на них кару, но расстояние было слишком велико. Он опять не смог причинить противнику никакого вреда.

Хромой стремительно ринулся через пролив. И тут же едва не угодил в новую западню. Жабодав решил рискнуть переправиться на тот берег в другом, более широком месте. Под покровом темноты.

Нужда в спешке отпала. Теперь Хромой от него уже не оторвется. Можно спокойно распределить силы и время. Можно, дав круг вперед, залечь в засаде. А можно выследить врагов своего врага.

И попытаться выяснить, что за игру они затеяли.

L

Наступил переломный момент. Я листал книгу, которую одолжил у нашего хозяина-подпольщика, когда в комнату ввалился Ворон.

— Хватит валяться, Кейс. Вставай. У нас изменения,— сказал он. Я отложил книгу в сторону, встал, спросил:

— Ну, что там еще стряслось?

— Расскажу по дороге.

Он сунулся в соседнюю комнату и принялся что-то орать, ссылаясь на Душечку. Вскоре к нам присоединился один из Крученых. Мы поспешно вышли на улицу. Там Ворон начал объяснять:

— Один из пигмеев с равнины Страха напал на золотую жилу. Ему удалось подслушать, как какой-то тип рассказывал своим дружкам историю о стычке, в которой почти наверняка участвовали люди, похитившие Серебряный Клин.

Ворон был возбужден. Он так и рвался выполнить первое поручение Душечки.

— Потише,— буркнул я.— На тебя уже солдаты начинают оглядываться.— Он поутих.— Так что сказал тот тип?

— Его и еще двух головорезов наняли, чтобы похитить и помочь допросить одного человека. Они так и сделали. Но их кто-то выследил. Спастись удалось только этому парню. Мы должны зацапать его, заставить рассказать все. И показать нам, где это случилось.

Ладно.

Меня все это как-то не слишком вдохновляло. Но за неимением лучшего...

— Если тот тип треплется направо и налево,— сказал я,— мы окажемся в самом хвосте очереди желающих с ним поговорить.

— Мы узнали о его россказнях первыми. Почти сразу. Пока что мы опережаем остальную свору гончих. Именно поэтому я так спешу.

Я заметил, что он почти не хромает.

— Что, бедро все-таки начало подживать?

— Столько проторчав без дела, только и оставалось заниматься своим здоровьем.

— Кстати, о здоровье. После обеда я ходил за пивом. Слышал, как болтали, что у Южных Ворот был ряд случаев холеры.

Несколько минут мы шли молча. Потом Крученый — я так и не узнал, как на самом деле зовут братьев,— сказал:

— Плохо дело. Если начнется вспышка холеры, этот чертов котел наверняка взорвется.

Ворон проворчал что-то неразборчивое.

Может быть, у нас не было лучшего варианта, но он мог оказаться единственным. С этим приходилось считаться.

Мы ввалились в кабак с дурацким названием «Кляп». Ворон быстро огляделся вокруг.

— Наш человек еще здесь. Как и следовало ожидать,— сказал он. В его голосе зазвенел металл. Когда мы шли сюда, он менялся на глазах, пока окончательно не превратился в того Ворона, самого крутого из Черного Отряда.

Наш человек сидел один. Он был пьян. Похоже, сегодня нам улыбнулась удача.

— Закажите себе пива, ребята,— сказал Ворон.— Да поглядывайте вокруг. А я пока с ним поболтаю.

Так мы и сделали. Не знаю, что уж там он такое сказал, но мы с Крученым даже не успели заказать по второй, как Ворон встал из-за стола. Тот парень — тоже. Через

минуту мы все оказались на улице. Похоже, наш новый друг не был удовлетворен краткой беседой. Мы ему не очень-то понравились.

— Я предложил этому Улыбчивому два варианта,— сообщил Ворон.— На выбор. Ему больше понравились пятьдесят оболов. Теперь он покажет нам город.

Сперва Улыбчивый привел нас в темный переулок.

— Мы прихватили парня тут,— нехотя сказал он.

Мы двинулись дальше. По дороге Ворон продолжал задавать вопросы:

— Ты знаешь хоть что-нибудь про него? Откуда он появился, куда собирался потом?

— Я уже объяснял. Дело затеял Авель. Он поручил его Коротышке. Коротышка нанял меня и Танкера, чтобы мы помогли ему схватить однорукого. Авель пронюхал, что тот часто здесь ходит. Может, Коротышка и знал, в чем тут дело. А я не знаю.

— Продолжай.

— Да. Чем больше думаю, тем больше уверен, что после того, как мы приволокли парня в подвал, они велели мне и Танкеру болтаться поблизости только затем, чтобы потом прикончить и нас. Если бы им удалось вышибить из него то, чего они добивались.

— Наверно, ты прав. Такие ребята обычно так и делают.

— Они — да. А вы?

— Мы — нет. Если нас не пытаются обвести вокруг пальца. Показывай, где тот подвал.

Я шел, угрюмо глядя под ноги. Похоже, золотая жила оказалась карманом с обыкновенной дыркой. Тех, кто мог бы ответить на наши вопросы, уже успели оприходовать.

Ворон хотел взглянуть на трупы. Надеялся выяснить хоть что-то. Я был готов поспорить, что ни черта мы там не узнаем.

— Поганое место,— пробормотал я.— Долго еще?

— Да примерно с квартал...

— Стоп! — скомандовал Ворон.— Замрите!

Я прислушался. Но ничего не услышал. Зато мои глаза неплохо видели в темноте. И я сумел разглядеть вдали

неясные тени. Трое парней куда-то тащили четвертого. Похоже, они очень спешили.

Так я и сказал Ворону.

— Ты знаешь этот район? — спросил он.

— Очень смутно.

— Обойди их спереди. Они тащат тело, поэтому не могут идти слишком быстро. А мы нападем на них сзади.

— Пожалуй, мне пора,— сказал Улыбчивый.

— Нет,— отрезал Ворон.— Пойдешь с нами. Может, узнаешь кого-нибудь из них в лицо.

Улыбчивый тихо выругался.

Я двинулся вперед. Вообще-то все это казалось мне пустой тратой времени, но попытка — не пытка.

Я прошел около трехсот ярдов и вдруг оказался на открытом месте. Похоже, где-то здесь мы высаживались с летающего кита. Поблизости никого не было видно. Прикинув приблизительно, где они могли быть, я двинулся налево вдоль края развалин.

Пусто. Пусто. Совсем пусто. Так я и знал. Но где же остальные? Я начал беспокоиться, даже собрался было окликнуть их, но потом передумал. Не хотел выглядеть глупо. А зря.

Мне казалось, что я довольно осторожен. К сожалению, только казалось.

Человек возник из ниоткуда и с ходу пнул меня в пах. Отличный удар. Все во мне взорвалось дикой болью. Я сразу согнулся пополам и начал блевать, полностью отключившись от внешнего мира. Еще бы.

Тут он шарахнул меня сзади по голове. Я рухнул, пропахав рылом мостовую. Он тут же навалился сзади, окунув меня лицом в грязь. Парень особо не церемонился. Я вывихнул ему пару пальцев, пытаясь оказать сопротивление. Бесполезно. Он завернул мне руку за спину так, что хрустнул сустав.

— Мне не нравится, когда у меня путаются под ногами, малыш,— прошептал он мне на ухо.— Слышишь?

Я не ответил.

Он еще разок крутанул мне руку. Я взвыл. И сдался. Гораздо быстрее, чем мне хотелось бы.

— Так ты слышишь меня, малыш?

— Д-да.

— Если я еще раз увижу тебя или кого-нибудь из твоих приятелей, порежу на мелкие кусочки. Серым придется собирать вас по запчастям по всему Веслу. Усек?

— Да.

— А этой шлюхе передай, чтобы она занялась своими делами и перестала совать нос в чужие. Иначе и дня не пройдет, как серые пустят ее по рукам. По всем, сколько их есть в городе. Слышишь?

— Да.

— Вот и хорошо.

Он опять шарахнул меня по голове. Уж не знаю почему — может, потому, что у меня на голове действительно можно было кол тесать, как утверждал мой папа,— но только я не вырубился до конца. Я был раздавлен, не мог пошевелиться, но оставался в полном сознании, когда эта падла пару раз полоснула ножом по моей левой щеке. Потом он поднялся на ноги и растворился в ночи, оставив на память о себе мерзкую тошноту, боль и унижение.

Потребовалось время, прежде чем меня начали держать ноги. Тогда я, спотыкаясь, отправился искать Ворона. Такой жестокой трепки мне давно не доставалось. С тех пор как я был еще пацаном. Щеку жгло адским огнем. Но рана оказалась не такой страшной, как я боялся.

Если учесть обстоятельства, остальных я нашел довольно быстро. И пятнадцати минут не прошло. Стало чуть больше света: ближе к Южной Окраине полыхало пламя громадного костра. Позже я узнал, что именно в ту ночь серые сожгли первую сотню горожан, умерших от холеры. Близняшки предвидели начало массовых эпидемий. Имперские саперы давно получили приказ собирать обломки деревянных конструкций и всякий горючий хлам из разрушенных домов.

А найти Ворона оказалось совсем просто. Я споткнулся об него и упал. Он был плотно отключен. В его щеке зияла точно такая же дырка, как в моей.

Крученый валялся футах в десяти. Он шевелился и хрипел, но еще не пришел в себя. Та же самая дыра в щеке. Так.

Та же дырка была и у Улыбчивого. Плюс горло, перерезанное от уха до уха. От синяков парню страдать уже не придется.

Надо понимать так, что эти сволочи нас обставили.

Ладно.

Столь же меткого пинка, как мне в пах, Ворону не досталось. Но уж по голове его шарахнули... Держи-лови. Когда мы явились с докладом, его еще шатало. Даже руки тряслись. Все же он кое-как объяснил Душечке, на пальцах:

— Думаю, там был всего один человек. Застал нас врасплох.— Ворон был в замешательстве.

Притом в таком замешательстве, в каком я раньше никогда его не видел. Еще бы. Раньше он так никогда не получал.

Когда пришла моя очередь рассказывать, я тоже както чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку от меня требовалось передать каждое слово в точности. Я опасался, что мне придется пояснять Душечке смысл некоторых выражений.

Но она оказалась вовсе не такой невежественной, как я наивно полагал.

— Мост Королевы,— показал ей на пальцах Молчун и коснулся своей щеки.

Душечка кивнула.

А я ничего не понял и переспросил.

— После нашего сражения с Ночными Пластунами они захватили в плен восемнадцать человек у моста. Позже они поставили каждому на щеку по такому же кресту и отпустили их на все четыре стороны,— пояснил Молчун.

Я все еще ничего не понимал.

— Что за черт? Значит, Клин у Пластунов? Может, именно поэтому они никак не могут его найти? Значит, бригадир Головня затеяла какую-то собственную игру?

Я машинально выдал всю эту чепуху на языке знаков. Если долго находишься рядом с Душечкой, такой способ поневоле входит в привычку.

Она как-то странно смотрела на меня несколько секунд. Потом ответила. Сперва мне показалось — невпопад.

— Надо немедленно уходить. Солдаты — и не Ночные Пластуны, а другие — могут нагрянуть сюда в любую минуту.

И тут до меня дошло.

С нами разделался сумасшедший гений. Настоящий кудесник по части импровизации. За те несколько минут, что мы находились в его власти, он сколотил и запустил в действие план, который должен был наверняка затянуть Весло в кровавый водоворот хаоса и насилия.

Он пощадил нас только затем, чтобы мы стали той искрой, которая вызовет взрыв. И тогда в городе начнется бойня.

Солдаты близняшек схватят нас, а значит — устранят угрозу Белой Розы. Слухи об этом расползутся быстро, и в городе вспыхнет мятеж. Тем временем близнецы отправят нас на дыбу, где вытряхнут из нас все, что мы знаем. У них появится лишняя причина подозревать Ночных Пластунов и их начальницу. Но те не только не допустят ее ареста, но даже не позволят отстранить от командования.

Серых из других полков в городе гораздо больше, чем Ночных Пластунов, но эти крутые парни способны выиграть любую драку, если только в нее не вмешаются сами близняшки.

Кровожадный гений. Разве кто-нибудь сможет продолжать поиски Клина, когда начнется кровавая потеха?

Пока я обдумывал все это, Душечка отдавала приказания. Направо и налево. Маленькие сущности с равнины Страха отправились на разведку, посмотреть, что творится поблизости, не идут ли сюда солдаты. Братьев Крученых она послала предупредить наших друзей из рядов повстанцев. Боманца и Молчуна — обследовать место, где мы угодили в засаду. Вдруг они, используя свои возможности, обнаружат там что-то полезное?

Некоторое время она переводила свой взгляд с Ворона на меня и обратно, решая, кто покажет дорогу нашим колдунам.

Она выбрала Ворона.

Думаю, Молчун был доволен, что ему не придется оставлять Душечку наедине с Вороном. Все же он нахмурился. Но тут вернулся один из маленьких разведчиков и доложил, что по соседству все чисто. Если не считать какого-то старого пьяницы, валявшегося прямо на деревянном тротуаре в полуквартале отсюда.

— Уходим,— просигналила Душечка.

Мы вышли на улицу.

Меньше чем через час по городу покатилась волна обысков и арестов.

LI

Смед взглянул на двоюродного брата, сидящего за столиком напротив. Тот продолжал угрюмо надираться, но сам Смед был трезв как стеклышко. Он все никак не мог забыть те трупы. Ужас какой-то. И те люди, что выслеживали их ночью. Костры на Южной Окраине, где жгли тела умерших от холеры. Отряды солдат, марширующие по улицам, творящие по ночам дела, о которых повсюду ползут жуткие слухи. Наступило время, когда никто ни от чего не был гарантирован.

Солдаты— по крайней мере, кое-кто из них— тоже были встревожены. Некоторое время назад несколько Ночных Пластунов зашли посоветоваться с капралом. Только что вся эта толпа вывалила на улицу. Парни выглядели так, словно ждали больших неприятностей.

У Смеда даже дыхание перехватило.

— Похоже, началось,— сказал он.— Все трещит по швам.

Талли кивнул; его колотила нервная дрожь.

— Чертов Клин,— пробормотал он.— Если б знать заранее, чем все это обернется, сразу бы послал его подальше.

— Задним умом все крепки, братец. Хотя и тогда можно было сообразить, что жирный куш еще никому не давался даром.

— Да уж. Не смог продумать все до конца. Иначе я бы допер, что из-за этой штуки у людей мозги совсем отсыреют. Что сюда нагрянет куча народа, готовая пойти на все, прикончить кого угодно, лишь бы захапать эту железку. Черт! Ну и пиво! Воняет крысиной мочой.

— Радуйся такому, какое есть. Наслаждайся.— Рядом со столиком, словно из-под земли, возник Рыбак. Он выглядел встрепанным и каким-то осунувшимся.— Может, это вообще последнее пиво в городе.— Старик обессиленно плюхнулся на стул.— Я сделал все, что мог. Теперь остается только ждать. И надеяться.

— Что там за суматоха? — спросил Смед.— Солдаты словно с ума посходили.

— Они устроили облаву на повстанцев. Собираются утром казнить кучу народу. После этого почти наверняка вспыхнет мятеж и чертова осада разлетится вдребезги.

— А если нет? — спросил Талли.

— Если нет, тогда нам хана. Они доберутся до нас рано или поздно. Методом исключения.— Рыбак взял кружку Смеда, отхлебнул.— Ладно. Выше нос! Еще есть холера. Может, она доберется до них раньше, чем они доберутся до нас.

— Ч-черт!

— Нам всем надо хоть немного поспать.

— Издеваешься, что ли?

— Надо. Надо хотя бы попытаться. Сейчас самое лучшее — не мозолить серым глаза. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон.

Смед заснул в две секунды.

Он не мог сообразить, что его разбудило. Солнце давно уже встало. Талли и Рыбак — тоже. Едва поднявшись, оба куда-то слиняли. Отчего-то его пробрала нервная дрожь. Он вышел в общий зал. Там было пусто.

Он направился к двери. И тут до него вдруг дошло.

Тишина.

Вокруг царила мертвая тишина. Если бы не звук его собственных шагов, Смед, наверно, решил бы, что оглох. Он толкнул дверь. Та пронзительно заскрипела и открылась.

Улица была полна людей. Все они молча глядели в сторону главной площади Весла. Чего-то ждали.

Ожидание оказалось недолгим.

Казалось, сама земля вздрогнула под ногами, прежде чем на Смеда обрушилась лавина звуков, яростный рев толпы, подобный раскатам грома.

— Они все-таки приступили к массовым казням,— сказал ему на ухо незаметно подошедший Рыбак.— А то я уж переживал, что могут побояться.

Рев становился все громче, накатываясь грохочущей волной. Похоже, все жители города одновременно решили, что пришла пора положить конец безумной жестокости и притеснениям.

Волна докатилась до улицы, где стоял «Скелет». Толпа дрогнула.

И сразу же матери принялись загонять детей по домам, а мужчины завороженно двинулись к центру города. Слепая ярость гнала их на верную смерть. Вооружены были лишь немногие: в ходе повальных обысков серым удалось конфисковать у горожан почти все оружие. Они не оставили в личном пользовании ничего режущего, кроме кухонных ножей.

Смед решил, что ему давно пора стать полным циником. Не было никакой нужды влезать в это дело именно сейчас. Он не двинулся с места.

Рыбак тоже. Талли дернулся было вслед за всеми, но быстро остыл.

Многие из толпившихся на улице повели себя точно так же. Гнев был подобен холере: он цеплял не всех сразу. Но и то и другое многих еще прихватит, прежде чем все пойдет на спад.

Рыбак привел Смеда и Талли назад, в «Скелет», и усадил за стол.

— Мы остаемся здесь,— сказал он.— Будем ждать новостей. Если они будут благоприятными, двинемся к го-

родской стене, чтобы не упустить шанса на побег. Смед! Иди собирай свой мешок. Суй туда все барахло, которое может пригодиться в пути.

— А как насчет Клина? — тихо спросил Талли.

— Эта штука позаботится о себе сама.

— Да где же он спрятан, в конце концов?

— Иди пакуй барахло, Смед! Я не знаю, Талли. И знать не хочу. Смед нашел для него хорошее место. Такое хорошее, что чертову хреновину до сих пор никто не обнаружил. Этого с меня достаточно.

Уходя, Смед спиной почувствовал пристальный злобный взгляд Талли.

Первый шквал слухов красноречиво свидетельствовал о том, что горожанами двигало бешенство отчаяния, а не абстрактное благородство идеи.

Зная настроение толпы, солдаты оказались не подготовлены к взрыву, последовавшему после первой же казни. Неистовая сила смяла их в мгновение ока. Восемьсот солдат погибли раньше, чем на помощь подоспело не очень организованное, порядком напуганное подкрепление. Еще семьсот военных и несколько тысяч граждан были убиты прежде, чем удалось подавить этот первый, стихийный взрыв. Бежавшие с площади горожане прихватили с собой освободившееся оружие.

Вскоре толпа попыталась взять штурмом Ратушу. Нападение было отбито, но в здании вспыхнули пожары. Огонь бушевал несколько часов.

Часть обывателей атаковала полк, выдвинутый для усиления охраны Южных Ворот, и разбила его наголову, пустив в ход захваченное оружие. Но охрана ворот выстояла. Провалилась и попытка взять штурмом городскую стену. Разместившиеся на стене лучники быстро рассеяли нападавших.

Рыбак ни разу не позволил ни Смеду, ни Талли покинуть «Скелет».

С наступлением сумерек ситуация стала более хаотичной и зловещей. Некоторые солдаты, подневольно завербованные, перестали подчиняться дисциплине и начали без

разбора резать всех подряд. Городская молодежь бесчинствовала, погрязнув в поджогах и грабежах. Кое-кто, под шумок, сводил старые счеты. Вдобавок в дело вмешалась такая чертова туча колдунов, какая до сих пор никогда не собиралась в одном месте. Они на короткое время объединились, чтобы одолеть главного соперника.

Вместе с толпой приверженцев они напали на Паутинку и Шелкопряда. Вот тут атака удалась. Перебив телохранителей, они сумели добраться до сестер. Одна из них была не то изувечена, не то убита. Центральная часть Весла горела. Город окончательно погрузился в пучину массового безумия, подогреваемого самыми дикими слухами. Временами казалось, что все воюют против всех.

Во всяком случае, колдуны перессорились и начали охоту друг на друга.

Сперва этот хаос бушевал далеко от «Скелета». Но затем он начал постепенно приближаться, пока не надвинулся вплотную в воплях, грохоте и лязге оружия.

— Пора уносить ноги,— предложил Смед.

К его удивлению, Рыбак не стал спорить.

— Ты прав,— сказал он.— Пора. Пока у нас еще осталась такая возможность. Берем барахло и уходим.

Талли молча потащился следом. Он был слишком перепуган, чтобы возражать.

Они выскользнули на улицу. Остальные обитатели «Скелета» провожали их унылыми взглядами. Получасом позже, избежав каких-либо серьезных неприятностей, они уже устраивались в темном и мрачном подвале полуразрушенного дома, всего в сотне ярдов от того места, где был убит Тимми Локан.

LII

Боманц был сильно обеспокоен.

— Нет конца этому умопомешательству,— сказал он.— Дай им волю, и они будут продолжать в том же духе, пока в городе не останется всего несколько человек.

— Главное, чтобы среди этих нескольких оказались мы,— криво ухмыльнулся Ворон.

Теперь мы прятались в колокольне старого храма, на расстоянии полета стрелы от здания Ратуши. При желании можно было осторожно выглянуть и посмотреть, как оно горит. Мы никому не говорили, где намеревались укрыться. Пока что, спасибо старому колдуну, нам удавалось избегать случайных встреч.

— Думаешь, во-всем виноват Клин? — спросил я Боманца.

— Да. Это его влияние. Чем больше зла творится вокруг него, тем сильнее миазмы безумия. Порочный круг.

Происходящее сильно расстраивало Душечку. Похоже, только ее одну. Остальные были просто напуганы и больше всего желали остаться в стороне, пока сполохи безумия в городе не догорят дотла. Сами собой, без нашего участия.

Она же хотела вмешаться, сделать хоть что-нибудь.

— Что мы будем делать дальше? — спросил я.— Сидеть сложа руки? — Я беспокоился, что мятежи разнесут вдребезги карантин, установленный вокруг районов, охваченных холерой.

— А у тебя есть более разумные предложения? — вяло поинтересовался Ворон.

— Нет.

Ночью они снова сделали вылазку. И опять ничего не нашли, что могло бы заинтересовать. Зато я смог пару часов спокойно поболтать с Душечкой, не съеживаясь под недобрыми взглядами Ворона и Молчуна.

— Я чувствую себя как тот шакал, которому обрыдло ждать, пока появится падаль,— добавил я.— Настолько обрыдло, что уже начал мотать головой, подумывая, а не выйти ли самому на охоту.

— Нам надо решить, как действовать в том случае, если кому-то удастся вырваться из города,— сказал Боманц.— Я уверен, что люди, которым известно хоть что-то про Серебряный Клин, сбегут в числе первых.

— Но как только железяка сдвинется с места, об этом сразу узнают все, верно?

— Они даже не попытаются прихватить ее с собой. Зачем? Она находится в надежном месте, иначе эту дрянь уже давно бы обнаружили. У тех парней простая задача.

Им надо уцелеть до тех пор, пока они не смогут продать Клин.

— А с чего ты решил, что они хотят его продать?

— Если бы они могли воспользоваться им сами, то уже давно так и поступили бы.

Похоже на то. В психологии бандитов колдун разбирался.

— Тогда почему они давным-давно не пустили его с молотка? — не унимался я.

— А потому, что те, кто за ним охотятся, стараются опередить друг друга, чтобы вытряхнуть Клин задарма и поскорее смыться.

Подобные разговоры ни к чему не вели. Я решил вздремнуть чуток. Все равно нам не оставалось ничего другого, кроме как тихо сидеть и ждать донесений сущностей с равнины Страха. А их мозги были устроены совсем иначе, чем наши. У некоторых чувство времени отсутствовало начисто, и они появлялись, когда им вздумается.

Может, поэтому Ишачий Лоб, старший из Крученых, так удивился, выглянув наружу.

— Вот это да! — пробормотал он.— Эй, парни, кончайте дурью маяться. Лучше посмотрите. Какой-то новый гусь явился.

Мы столпились вокруг него и тоже выглянули.

Ситуация в корне менялась. Нас ждали новые заморочки.

И не нас одних. В город пожаловала очередная банда.

К воротам Ратуши подкатила черная карета, запряженная четверкой вороных. Ее сопровождали шесть всадников в черном. Вслед за каретой браво маршировал батальон пехоты. Вся амуниция была черной. Тьфу, пропасть!

— Из какого ада они прикатили? — пробормотал я.

— Принимай поздравления, колдун,— сказал Ворон.— Твои желания наконец исполнились.

— Что? — не понял Боманц.

— Башня проявила наконец интерес к здешним делам.

Я почувствовал на плече чью-то руку. Сзади стояла Душечка. Я подвинулся, потеснив других, чтобы ей тоже

было видно. Свою руку она так и забыла на моем плече. Могу себе представить, сколько народу сразу воспылало ко мне самыми нежными чувствами. Плевать.

На том шуте гороховом, который вылез из кареты, наоборот, не было видно ни одного черного лоскутка.

— Хлыщ поганый,— с отвращением сказал Боманц.

— Ясно,— сказал я.— Всегда мечтал узнать, что означает это слово. Надо будет запомнить.

Расфуфыренный павлин брезгливо взглянул на валявшиеся вокруг трупы, потом перевел взгляд на обгоревшую Ратушу и что-то сказал командиру своего эскорта. Тот, прямо на коне, поднялся по лестнице в уцелевшее от огня крыло здания. Минуту спустя вниз по ступенькам кувырком полетели люди. Остальные всадники быстро согнали их в кучу, заставив повернуться лицами к тому клоуну.

Но вот появились Паутинка и Шелкопряд. Всадник подвел их к своему хозяину.

— Попали на ковер,— прокомментировал Боманц.— Было бы интересно послушать, о чем речь.

Никаких сомнений в том, кто тут главный, даже возникнуть не могло. Близняшки разве что на брюхе не ползали. Вся эта кутерьма заняла минут десять, после чего сестры начали торопливо рассылать своих людей во все стороны с какими-то спешными поручениями.

— А дальше что? — пробормотал Ворон.

А дальше хлыщ решил разместиться в единственном из уцелевших поблизости зданий. В колокольне храма. Прямо над нашими головами.

Без пяти минут мы влипли.

Люди потянулись на прием к новому начальству. Бригадир Головня явилась одной из первых. Ночным Пластунам до сих пор удавалось держаться в стороне от бессмысленных драк.

Пока обезумевшие горожане переваривали новости насчет появления большой шишки из Чар, хаос слегка утихомирился, но через несколько часов вскипел с новой силой.

А перед самым закатом в городе внезапно все стихло.

Уже совсем стемнело, когда мы получили известие, объяснившее неожиданную тишину.

К Веслу направлялся Хромой, твердо решив завладеть Серебряным Клином. Весло не намерено было предоставить ему эту возможность. Приказ исходил от Странника, нового человека из Башни.

— Черт! — пробормотал я.— Говорят, у кошки семь жизней. У Хромого, похоже, больше.

— Мы должны были убедиться, что прикончили его. Увидеть это своими глазами,— зло проворчал Ворон и сердито посмотрел на Душечку. Верно. Ее ошибка. Она была настолько убеждена, что Хромому пришел конец, что не стала тогда, у монастыря, спорить с деревом-богом.

Сам Странник получил указание удержать Весло и уничтожить Хромого. Наши разведчики донесли, что так он и намерен поступить. Любой ценой, даже если после этого в городе не останется ничего живого.

Черт. Неужели в Башне не нашлось кого-нибудь более подходящего для такого дела?

LIII

Смед проснулся рано. Он еще не успел собрать свои мозги в кучку, как сразу же заподозрил неладное.

Талли исчез.

Может быть, братец просто до ветру пошел?

Смед вылез из подвала и зажмурился, ослепленный ярким светом солнечного утра. Нет, Талли поблизости не было. Зато улица, прежде пустынная, теперь была сплошь забита повозками, перевозившими трупы.

Смед даже рот разинул от изумления. Быстро нырнув обратно в подвал, он принялся трясти Старого Рыбака, пока тот не проворчал сердито:

— Какого хрена? Что там еще стряслось?

— Талли удрал. А снаружи черт знает что творится. Посмотри сам.

— Вот ублюдок чертов.— Сон Рыбака сразу улетучился.— Ладно. Быстро собирай манатки. Надо убираться в

такое место, где никто не сможет нас найти. Я давно перестал доверять Братцу Талли, Смед. Это я всегда должен был знать, где он находится, а не наоборот. Чего можно ждать от парня, который мог за пару дней спустить целое состояние? Его тупость и раньше была смертельно опасна. А сейчас? Чтобы высунуть нос из норы, когда в городе такое творится, надо было утратить последние крохи здравого смысла, который я пытался в него вколотить! Каждый фортель, выкинутый им, ставит нас под удар. У меня почти кончилось терпение. И если ему опять моча в голову ударила... Даже не знаю.

— Ты лучше выгляни наружу.

Рыбак пошел посмотрел.

— Проклятье,— сказал он, вернувшись.— Нам надо обязательно выяснить, что там стряслось.

— Ну это и так понятно. Они возят трупы мятежников на ту свалку.

— Ты не понял главного. Кто до этого допер и сумел заставить всех вкалывать? Когда мы сюда заползли, все люди в городе только тем и занимались, что пытались перерезать друг другу глотку.

Скоро они выяснили, что хаос далеко не всюду сменился всеобщим просветлением. Некоторые колдуны мутили воду, упорно сопротивляясь новым порядкам, установившимся за одну ночь.

По слухам, близняшки из Башни поджали хвосты, а вместо них теперь командовал какой-то хмырь по прозвищу Странник. Весло лихорадочно готовилось к новому набегу Хромого.

— Ну и каша заварилась,— сказал Смед, когда они подходили к «Скелету».

— Чертовски мягко сказано,— буркнул старик.

Хозяин «Скелета» не смог скрыть разочарования тем, что их не прикончили во время мятежа. Нет. Талли он не видел с тех самых пор, как тот завалился сюда поутру, потребовал завтрак, а потом закатил скандал. Когда ему отказали в кредите. Но жрать-то все равно было нечего.

— Что, у тебя совсем ничего не осталось? — спросил Смед.

— Осталось. Полбуханки засохшего хлеба. Я собираюсь его размочить себе на ужин. Хотите — можете пошарить в подвале. Может, отловите там пару крыс. Тогда я сварганю из них для вас жаркое. Так и быть.

Смед поверил хозяину.

— А Талли, часом, не говорил, куда собирается? — спросил он на всякий случай.

— Нет. Когда выметался — повернул налево.

— И на том спасибо.— Рыбак двинулся к выходу.

— Слыхали, что назначена награда? — бросил вслед хозяин.

— Какая еще награда? — спросил Смед.

— За тот серебряный кусок, вокруг которого заварилась вся каша. Этот малый, Странник, пообещал отвалить за него сто тысяч оболов. Никаких вопросов, никаких подвохов, никакого риска. Во всяком случае, он так заявил. Приносишь железку — и деньги на бочку.

— Ни черта себе! — сказал Рыбак.— Таких денег на всю жизнь хватит. И на какую жизнь! Хотел бы я знать, где найти эту штуку.

— А по-моему, так ее просто нет в городе,— проворчал Смед.— Иначе все эти колдуны и ведьмы давным-давно до нее бы добрались. Пошли, Рыбак. Мне позарез надо найти этого чертова болвана, моего братца.

— Думаешь, он попытается?..— спросил Рыбак, когда они оказались на улице.

— Обязательно. Если слышал о награде. Он наверняка считает, что мы с ним плохо обошлись, а значит — заслуживаем того, чтобы подложить нам свинью. Но сам он не знает, где спрятана эта штука. Зато ему в голову вполне может прийти мысль продать палачам меня.

— Запросто. Притом без малейших угрызений совести,— сказал Рыбак.— Талли Стаха интересует только один человек на всем белом свете: Талли Стах. Думаю, он с самого начала просто хотел нас всех использовать, а потом избавиться от нас, поодиночке. Только дело оказалось совсем не таким простым, как он думал.

— Наверно, ты прав,— согласился Смед.— Значит, будем исходить из того, что он собирается нас продать, так?

— Мы сваляем дурака и сыграем ему на руку, если позволим себе думать иначе. Пойди поищи его по городу. Ты знаешь, где он раньше любил околачиваться. А я выясню, где отсиживается Странник, и буду ждать, не появится ли Талли там. — А если он уже?..

— Тогда нам хана.

— Да уж. Послушай! Почему бы нам самим не загнать Клин тому парню? Сто тысяч — совсем неплохо. Я такую кучу денег даже пересчитать не сумею.

— Большие деньги, верно. Но если ситуация действительно такова, как говорят, и Хромой возвращается, тогда они накинут цену. Надо бы выждать еще пару дней.

Смед не стал спорить, хотя про себя подумал, что лучше брать то, что дают. Пока дают.

— Вдруг я не найду его? — все же спросил он.— Тогда надо хватать что предложено. Дают — бери; бьют — беги.

Рыбак только сердито заворчал в ответ.

Смед начал поиски. Он несколько раз натыкался на след Талли. Повсюду трепались о Серебряном Клине. Талли, конечно, уже знал об обещанной награде. Но к Страннику он так и не пошел. Это был хороший знак. Если только...

Если только он не сунулся к кому-нибудь другому. Несколько колдунов пустили слух, что они готовы заплатить больше, чем Странник. Одна ведьма, по прозвищу Мошна, уже предложила сто пятьдесят тысяч.

Смед считал, что никому из них верить нельзя. Он видел эту свору разбойников в деле, когда охота за Клином только начиналась. Вряд ли они изменились с тех пор. Они запросто могли сулить горы оболов, но когда придет пора расплачиваться, плата будет только одна — смерть.

Но Талли имел дурацкое пристрастие к самообману. Он мог поверить в серьезность их намерений. А мог тешить себя надеждой, что сможет их перехитрить. Он всегда страдал избытком самомнения.

Двигаясь по следам Талли, Смед вскоре пришел к выводу, что тот ищет какого-то человека.

Похоже, наиболее денежного.

Он растерял остатки уважения к своему братцу.

Все говорило за то, что Талли окончательно утратил твердую почву под ногами. А Смед — нет. Он спрашивал себя, дергается ли Талли, если ему стало известно, что они пустились на его поиски.

Наверное.

Смед поймал своего братца. Но ситуация совсем не подходила для той очной ставки, которую он вот уже несколько часов прокручивал в голове.

Улица, по которой он шел, казалась неестественно спокойной и мирной после всех бесчинств. Разнервничавшись от этого, Смед вдруг увидел: в какой-нибудь сотне футов впереди открылась дверь, и из нее прямо на середину мостовой вылетел Талли. Он не успел даже подняться на четвереньки, как его окружили солдаты в черном. Они связали ему руки за спиной, накинули на шею петлю и потащили в центр.

Солдат было шестеро. Смед оцепенел, будто к нему приближалась сама Смерть. Но что он мог сделать? Бежать к Рыбаку? А чем тот сможет помочь? Устроить им засаду средь бела дня? Вдвоем? Безумие.

Он последовал за ними. С каждым шагом у него становилось тяжелее на душе. Ему не хотелось делать то, что было необходимо сделать. Хоть Талли и собирался их списать со счета.

Он нырнул в переулок и побежал; кровь бурлила в его жилах. Он двигался быстрее, чем требовалось, пытаясь заглушить свои страхи лихорадочной, суетливой активностью.

Мешок колотил по спине. Подобно половине горожан, он тащил на себе все свои пожитки. Придется както избавиться от этого тюка. Но надо спрятать его понадежнее, ведь там была почти вся добыча, принесенная им из Курганья.

В одном из самых темных мест переулка он наткнулся на груду щебня, торопливо закопал в нее свой узел, а потом поспешил к тому месту, где рассчитывал перехватить Талли и его конвой.

Но поблизости никого не было видно. У него даже сердце упало. Неужели они выбрали более длинный, обходной путь?

Нет, вот они. Идут. Просто он забежал слишком далеко вперед. Смед притаился в черном горле переулка. Назад придется уходить той же дорогой. Чтобы прихватить по пути мешок и не налететь случайно на ненужных свидетелей.

Ожидание растянулось на целую вечность. Его снова начали одолевать страхи. Он почти успел убедить себя отказаться от задуманного.

Но они были уже совсем рядом. Пара солдат впереди; двое сзади; один на веревке ведет Талли, а другой время от времени подгоняет его хорошим пинком под зад. Так. Нож Смеда сам собой скользнул в руку. Это был все тот же нож.

Он рванул вперед, не чувствуя ног под собой. Солдаты даже не успели повернуться, чтобы разглядеть, что происходит. Мелькнули вытаращенные от ужаса глаза Талли, в последнем отчаянии видящие только нож, сверкнувший у его горла.

Смед споткнулся, зацепился за веревку, полетел кувырком, тут же вскочил на ноги и секунду спустя оказался в спасительной темноте переулка. Пальцы все еще крепко сжимали рукоятку. С лезвия на землю тихо падали капли крови его единственного родственника... Опомнившись, солдаты подняли крик. Позади раздался шумный топот. Погоня.

Смед почти не испытывал ни физического напряжения, ни душевного волнения. Прислушался к топоту преследователей. Похоже, двое, решил он. Бегут изо всех сил. Решили догнать его, ублюдки. Оторваться не получится.

Смед не имел ни малейшего желания с ними связываться, но придурки сами не оставили ему другого выбора.

Это место он хорошо знал. Отсюда было всего несколько ярдов до той кучи щебенки, куда он запихал мешок. Можно попробовать фокус лекаря: они проскочат вперед, а он попытается ускользнуть в другую сторону.

Он даже удивился. Неужели это он, Смед Стах, напуганный до предела, все же еще в состоянии рассуждать?

Он притаился в проломе кирпичной стены, оставшемся незаделанным со времен погрома Хромого. Кто-то пользовался этим лазом. Может быть, грабители. А может, незаконные жильцы, скваттеры. Они даже слегка расширили эту брешь. Сейчас Смед, наверно, мог проскользнуть внутрь и уйти от погони. Если бы не мысль о мешке, в котором находилось все его имущество.

И он остался.

Он подобрал обломок толстой доски и стал ждать.

Услышав, что топот его ног стих, солдаты перешли на шаг. Они шепотом обменялись несколькими словами на незнакомом языке. Смед напрягся. Если они двинутся вперед вместе... Что ж, тогда он уйдет через дом.

Один из солдат рывком бросился вперед, почти сразу оказавшись ярдах в ста впереди Смеда. Оттуда он окликнул товарища, и они медленно двинулись навстречу друг другу.

Тот, который приближался сзади, был гораздо ближе. Он так и не заметил пролома в стене, пока Смед не всадил ему нож в спину. Солдат издал только один странный звук, тихий удивленный возглас, сразу же перешедший в болезненный всхлип.

Когда он упал, второй солдат закричал, побежал обратно. Смед лихорадочно дергал нож, пытаясь освободить его. Ну что за непруха! Чертова штука опять застряла!

Шаги стремительно приближались. Тогда он схватил доску, размахнулся и въехал изо всех сил. Страшный удар отбросил подбежавшего солдата на стену. Смед уже не мог остановиться. Он ударил опять, потом еще и еще, слыша, как хлюпает кровь и трещат переломанные кости. Он бил до тех пор, пока бесформенная куча у стены не перестала издавать звуки.

Он стоял, тяжело дыша и не подозревая, что по его лицу блуждает страшная улыбка. Послышался топот. Сюда бежали. Тогда он метнулся к тому месту, где спрятал мешок, но понял, что не успеет достать его, кинулся обратно и опять попытался вытащить нож. Тщетно. У него не оставалось времени даже на то, чтобы завладеть оружием мертвецов. Тогда он проскользнул через пролом внутрь дома.

Мгновение спустя из переулка донесся неистовый, яростный рев.

По улице Смед шел, слегка опустив голову. Прохожих было мало; никто из них не обращал на него ни малейшего внимания. Он шагал быстро, но все же не настолько, чтобы это могло показаться подозрительным.

Что дальше?

Искать Рыбака сейчас нельзя. Смеда в любой момент мог случайно опознать какой-нибудь проклятый солдат.

Но до Рыбака и так дойдут слухи про Талли. Старик все поймет. Самое лучшее — вернуться в «Скелет» и ждать. Старый Рыбак наверняка появится там.

Возбуждение постепенно улеглось. Унялось сердцебиение. Зато напомнил о себе сосущей пустотой желудок, в котором со вчерашнего дня не побывало ни крошки. Где же можно хоть что-нибудь раздобыть? В «Скелете» сейчас — шаром покати. Съестные припасы в городе подходили к концу, и никто не хотел ничего продавать.

Все же это была хоть какая-то пища. Котелок вонючего супа и ломоть черствого хлеба. Вдобавок жирный хмырь, владелец грязной лавчонки, даже не сделал попытки ободрать Смеда как липку. Благодетель.

Он доел уже почти все, когда в лавчонку с улицы ворвался мальчишка.

— Бегите, мистер! Вербовщики идут! — завопил он и тут же улетучился через черный ход.

— Что за черт? — спросил Смед.

— Команда вербовщиков,— флегматично пояснил сальный толстяк хозяин.— Серые шарят по всей округе. Выгребают всех молодых парней. Кого смогут найти.

Хлопнув дверью, внутрь ввалились двое серых. Один ухмыльнулся и сказал:

— Ну вот, нам попался еще один подающий надежды патриот.

Смед только презрительно фыркнул и снова уткнулся в свой котелок. Удивительно, но он ничего не почувствовал. Совсем ничего.

Увесистая деревянная дубинка стукнула его по плечу.

— Поднимайся, парень. Пойдешь с нами.

— Проверь-ка лучше, нет ли в твоей деревяшке заноз, морда,— ответил Смед, не повышая голоса.— Только дотронься до меня еще раз, и я затолкаю ее тебе в задницу.

— Смотри-ка, Шнурок, опять нам крутой попался. Мы страсть как любим крутых, верно? Как тебя зовут, малыш?

В ушах Смеда вдруг ожили голоса всех мерзавцев, когда-либо изводивших его. Он вздохнул, повернулся, поймал взгляд серого.

— Сегодня меня зовут Смерть,— сказал он.

Солдат отшатнулся. Может, увидел в глазах глянувшего на него парня тусклый отблеск семи убийств. Второй, который молчит, может оказаться более опасным, мельком подумал Смед.

Он не ощущал никакого страха. Наоборот, чувствовал себя неуязвимым.

Он медленно встал из-за стола, швырнул в морду болтуну огрызок хлеба и тут же ударил его ногой в пах. Однажды он испробовал это на собственной шкуре. Затем швырнул свой стул в ноги второму и, пока тот разбирался с мебелью, плеснул ему в лицо остатки супа. Затем, выхватив у первого деревянную дубинку, он принялся месить их всерьез.

Он, наверное, убил бы обоих, если б к ним не подоспела помощь. Еще шестеро серых.

Солдаты избили его, но не слишком. Больше для порядка. Похоже, они считали, что болтун получил поделом, и предпочли свести случившееся к милой шутке.

Потом они выволокли Смеда на улицу и толкнули его к кучке перепуганных юнцов. В этой толпе насчитывалось человек тридцать. Нескольким парням приказали нести двоих, изрядно помятых Смедом.

Так Смед Стах угодил в солдаты.

LIV

Маленькие твари без конца снова́ли взад-вперед, и я был уверен, что новые соседи вот-вот обнаружат наше присутствие. Боманц и Молчун не имели ни минуты покоя, стараясь оградить нас от излишне любознательных типов, причем так, чтобы случайно не привлечь к себе внимание Странника.

Ворон, похоже, забавлялся происходящим.

— Ну? Чего ты скалишься? — наконец не выдержал я.

— Все думаю о тех ребятах. У кого Серебряный Клин. Крутые мальчики. Круче некуда.

— Ну! — Он-то мог оценить их достоинства.

— Подумай сам, Кейс. Один из них решил отхватить себе весь куш целиком. И угодил в лапы солдат Странника. Что же сделали его дружки? Попытались дать деру? Черта лысого. Солдатики еще и полдороги не одолели, как один-единственный человек играючи пробился сквозь эскорт и почти напрочь отхватил предателю голову. Причем так быстро, что его никто не смог запомнить. Свидетелей полно, но их описания не совпадают. А когда солдаты очухались, пришли в ярость и погнались за убийцей, он пришил еще двоих, оставив остальных с носом.

— Юмористы в твоем духе, да?

— У них есть стиль, Кейс. Классный стиль. Не могу не оценить. Такие люди привносят артистизм в самые низменные и ужасные вещи, которые им приходится делать. Хочешь, поспорим? Если бы у того налетчика было еще хотя бы пять минут в запасе, он бы напялил на себя форму Ночного Пластуна. Просто чтобы у людей окончательно крыша поехала. Мне не нравится то, что он сделал. Но не могу не восхищаться тем, как он это сделал.

Явился призрак старого Ворона. Его оболочка была готова вот-вот лопнуть.

— Да уж,— пробормотал я.— Лихие ребята. Стиля хоть отбавляй. Выбрали самое удачное время, чтобы высунуться и заорать на весь свет: «Лови меня, коли ты такой ловкий!»

— Ты ничего не понял, Кейс. Совсем ничего. Скорее всего, они сейчас прячутся в конуре, которой и свинья побрезговала бы. Наверняка сидят до смерти напуганные и грязные, не зная, как выбраться живыми из этой передряги. Но не сломались. Вот что главное. До последней минуты будут рвать зубами и когтями морды волков и вампиров, готовых сожрать их живьем, со всеми потрохами. Теперь понял?

Если б я признался, что ни черта не понял, то провел бы остаток дня, внимая нравоучениям о том, что сдаваться нельзя никогда. Даже если земля под тобой ходуном ходит от чужого идиотизма, предательства и зла.

Моя уступчивость помогла. Он оставил меня в покое и принялся о чем-то спорить с Молчуном и Душечкой. Чем бы дитя ни тешилось.

Зато на меня тут же насел Боманц. Ему не давали покоя некоторые моральные издержки Серебряного Клина. У него была куча вопросов, на которые никто не мог толком ответить. Я лично не уверен, что такие ответы вообще были. Этот Клин напоминал мне каплю чернил, упавшую в лужу без того грязной воды и расплывшуюся в этой чертовой луже. Он уже отравил Весло. Мы могли сопротивляться его влиянию только потому, что знали о нем и могли принимать осознанные решения. Но что произойдет, если нашей компании выпадет сомнительная удача его найти?

Страшно подумать.

И что они собирались делать, если им удастся заполучить поганую железку? Ни разу не слышал, чтобы эти шуты гороховые обсуждали такой вопрос. Разговоры все больше крутились вокруг того, чтобы помешать присвоить ее кому-нибудь другому.

А ведь и в прошлый раз все они были уверены, что нашли для Клина чертовски надежное место.

Лично у меня никаких идей не было. Во всяком случае разумных. На всей земле не найти такого места, куда можно было бы спрятать Клин и быть уверенным, что его никто оттуда не выудит. Разве что бросить в самую глубокую океанскую впадину. Да и то...

Какая-нибудь долбаная рыбина тут же заглотит его, а потом выбросится на берег. Или ее поймает какой-нибудь чертов рыбак с врожденными способностями к колдовству и тайными талантами завоевателя-конкистадора.

Такова природа любого амулета, в котором заключено зло.

Вот два лучших варианта, что пришли мне в голову. Первый: собрать кучу колдунов, чтобы они подняли Клин на небесную сферу и затолкали его на какую-нибудь из пролетающих мимо комет. Второй: заставить тех же колдунов продолбить дырку в параллельный мир, запихнуть железку туда и сразу как следует дырку законопатить.

Оба эти способа предполагали попытку перевалить свои заботы на чужие плечи: либо на людей из будущего, которым рано или поздно свалится на голову комета, либо на людей из другого мира.

Я видел фрагменты оживленного обмена мнениями на пальцах между Вороном, Душечкой и Молчуном, но не обращал на них особого внимания. Как иногда улавливаешь обрывки чужого разговора, который тебя не слишком интересует. Ворон вошел в раж. Он даже на языке жестов умудрялся сердито ворчать. Вот вроде все сидят тут и ни хрена не делают, а ждут, пока что-нибудь не случится само по себе. Вместо того чтобы вылезти наружу, подсуетиться и помочь случаю. В общем, выдвигал свежую идею о том, что под лежачий камень вода не течет.

Парень полностью оклемался. Наконец-то я увидел прежнего Ворона. Во всей красе. Если кто-то создает тебе проблемы, значит, надо пришить гада. Или уж, самое малое, врезать ему между глаз так, чтобы у него из ушей потекло.

Меня так и подмывало прервать его мужественные декларации, особенно когда он начал предлагать свои, а заодно — и мои, услуги. С целью обследовать место, где случилось утреннее побоище. Я едва удержался от возмущения. В надежде, что Душечка и без меня промоет ему мозги.

Пора уж мне было бы знать, что на ведьму нельзя полагаться ни в чем.

Она вдруг объявила эту идею великолепной, а заодно велела нам прихватить с собой Боманца. Вдруг, дескать, там пригодится колдун.

Молчун не смог удержаться и расплылся до ушей. Чертов хвост рассчитывал использовать каждое мгновение нашего отсутствия, чтобы до отвала накормить Душечку своими баснями и попытаться восстановить ее против нас.

Если мне будет суждено провести остаток дней в рядах повстанцев, займусь набором рекрутов, решил я. Движение явно нуждалось в большем количестве женщин. И в меньшем количестве сексуально озабоченных колдунов.

Боманц соорудил очередную маленькую галлюцинацию, после чего мы с важным видом прошествовали вниз по ступенькам и вышли через парадные двери. Будто всегда тут жили. Да разве мы могли вообще здесь оказаться, если бы были посторонними, мудро заметил Ворон.

Каков Ворон! Сама невозмутимость. Выдержка. Стиль. И мужества полные штаны.

Труп, разумеется, уже увезли. Но место мы нашли легко. Там оставались пятна крови, а вокруг болталась стайка подростков, радостно сообщавших всем и каждому, что тут стряслось.

Ворон едва удостоил взглядом следы преступления. Боманц тоже. Обоих интересовали не покойники, а живые.

Мы не спеша пошли в глубь переулка, по которому удирал убийца. Я спрашивал себя, почему здесь нет солдат. Конечно, рассчитывать, что убийца сюда вернется, они не могли. Но любому мало-мальски соображающему офицеру мысль о засаде должна бы прийти в голову. Правда, офицеры очень редко используют голову по прямому назначению.

Найти то место, где бандит ухлопал двух солдат, оказалось не так просто. Казалось, туда никогда не попадал ни один луч света. А еще казалось, что это место населено потусторонними тенями, которым наше вторжение совсем не по душе. Людям здесь было нечего делать.

Странное ощущение. У меня даже мурашки по коже побежали. Может, поблизости до сих пор слоняются души убитых солдат?

Но тут Боманц сотворил в воздухе огненный клубок, осветивший окрестности.

— Так будет лучше,— сказал он.— А то мне уже начали чудиться привидения.

Да уж. Вот и Боманц хоть на что-то сгодился.

Они с Вороном принялись шарить вокруг. Но смотреть тут, по-моему, было не на что. Я нашел кучу каких-то битых камней, уселся на нее и принялся ждать, пока они закончат осмотр.

Мимо важно прошествовала жирная крыса. Вот сволочь. Ни тени почтения к существам высшей расы. Я запустил в нее куском кирпича.

Она остановилась, оглянулась на меня. Ее красные глазки яростно сверкнули. Какая наглая тварь! Я схватил еще один обломок кирпича и пододвинул к себе сломанную доску.

Крыса стремительно метнулась ко мне.

Она была бешеная! Едва эта мысль мелькнула у меня в голове, как я очутился на самом верху каменной кучи, сжимая в руках доску. Куча обвалилась, я съехал по ней вниз, неистово лягаясь, изрыгая проклятия. Крыса увернулась от пинка, спокойно вильнула в сторону и скрылась.

Ей было чем похвастать перед своими приятельницами.

— Стой-кто-идет! — заорал незаметно подошедший Ворон.— Слава Великому Охотнику! Виват Грозе всего Крысиного Рода! — Он страшно веселился.

— Заткнись! — злобно огрызнулся я, встал на четвереньки и буквально уткнулся лицом в какую-то изодранную парусиновую тряпку, торчавшую из-под осыпавшихся камней. Обидевшись на Ворона, я решил немного схитрить.

Я встал, отряхнулся, снова уселся на кучу и потихоньку откопал свою находку, предоставив Ворону дальше обнюхивать местные закоулки. Мне показалось, что это мог быть заплечный мешок того негодяя. Наверно, из-за него он и задержался здесь, когда мог просто ускользнуть через пролом, оставив солдат с носом.

Наконец Ворон заподозрил что-то неладное.

— Что ты там разглядываешь? — крикнул он.

Боманц ничего не спросил. Но его глазенки сразу засветились.

Оба быстро поняли, в чем дело. Ворон хотел немедля вскрыть мешок, но Боманц удержал его.

— Потом,— сказал он.— Надо уходить. В любую минуту здесь может появиться кто-нибудь еще.

Сперва мы хотели уйти тем же путем, как и убийца, через пролом в стене. Это была отличная мысль, но оказалось, что дыра плотно забита изнутри.

— Ладно,— сказал Ворон.— Надеюсь, мы сможем вернуться к храму прежним путем.

В конце переулка нас ждала засада. Около дюжины солдат, и все настороже. Не будь с нами ручного колдуна, мы бы наверняка влипли. Старик учуял их вовремя.

Вернувшись чуть назад, мы посовещались. Боманц считал, что сейчас все входы и выходы из лабиринтов квартала перекрыты наглухо. Вероятно, скоро начнется облава. Старик мог вывести нас отсюда в любой момент, но ему пришлось бы пустить в ход столько фокусов и пиротехники, что Странник сразу бы допер, в чем дело.

— Значит, по крышам,— беспечно сказал Ворон. Будто это было самое простое и обычное дело.

— Звучит неплохо,— буркнул Боманц.— Но я старик. Мне давно перевалило за пятую сотню. И я колдун, а не мартышка.

— Отдай ему мешок, Кейс. Пусть утрет сопли и валит домой, к мамочке. В одиночку пройдет. А мы поиграем в пятнашки с солдатиками.

— Что? А... Конечно. Ты ведь сам из этих... любителей — в пятнашки. Отличная школа и прекрасный стиль,— проворчал я, но вещмешок снял. Боманц, покряхтывая, влез в лямки. Мешок для него явно был великоват.

— Только не делай глупостей,— тихонько сказал он мне на прощание.— Она очень хочет, чтобы ты вернулся.

Вдоль хребта волосы встали дыбом. Наверно, я все-таки псих, мелькнула мысль. А то, что я нахожусь здесь,— лучшее доказательство. Никогда прежде возделывание картофельных грядок не казалось мне таким заманчивым занятием.

Не знаю, расслышал ли Ворон последние слова Боманца. Виду во всяком случае не подал. Вскоре мы уже пробирались по крышам.

Другой мир. Причем такой, от которого запросто можно рехнуться. Крыши были то плоские, то изломанные под самыми немыслимыми углами, вкривь и вкось утыканные трубами, крытые чем угодно: железом, медью, шифером, черепицей, дранкой, даже тростником и соломой. Похоже, в этом районе не нашлось и двух строителей, которым пришло бы в голову использовать одни и те же материалы. Мы спотыкались, цеплялись за какие-то выступы и делали все возможное, чтобы сломать себе ноги или свернуть шею. В общем, уцелели только чудом.

Некоторое время казалось, что это идиотское карабканье по крышам ничего нам не даст. Если была возможность, мы осторожно поглядывали вниз. Солдаты были везде.

— Как ты насчет голубятины? — наконец спросил я Ворона.— Похоже, пора открывать охотничий сезон. Сдается мне, что мы проторчим на этих дурацких крышах остаток своих дней.

Как раз в этот момент, примерно оттуда, где мы оставили старого колдуна, раздались громкие вопли. Все солдаты, насколько мы могли видеть, бросились в ту сторону. Бегом.

— Наверно, старый мешок с дерьмом применил какую-нибудь особо тонкую магию,— предположил я.— К примеру, превратил серого офицера в жабу.

— И чего ты вечно ехидничаешь, Кейс? — спросил Ворон. Похоже, он забавлялся.

— Я? Да чтоб мне провалиться! Да никогда в жизни! С чего ты взял?

— Ладно. Путь свободен. Прямо здесь.

— Здесь? Это что, подначка?

«Прямо здесь» означало прыжок с третьего этажа. На неровную булыжную мостовую.

— Никаких подначек.

— Тогда валяй первый. Чтобы я смог спрыгнуть на тебя. Все же — помягче.

— Опять ехидничаешь. Разве нет? Прыгай.

— Нет уж. Благодарю покорно. Пойду поищу место, где можно спокойно спуститься, не свернув при этом шею. А ты давай.

Может быть, я слегка перегнул палку. Он бросил на меня презрительный взгляд и сказал:

— Черт с тобой. Поступай как знаешь. Но я не собираюсь околачиваться внизу, дожидаясь, пока ты меня догонишь.

Он решительно съехал к краю крыши, повис на руках, оттолкнулся и спрыгнул. Олух царя небесного.

Хотел утереть мне нос. Пустить пыль в глаза. Ну и получил, на что напрашивался: растянул связки на лодыжке. Я подождал, пока он кончит шипеть и ругаться, потом сказал:

— Не суетись. Жди меня. Через пару минут буду.

Какая там пара минут.

Я пробрался еще через две крыши, нашел место, где смог нормально спуститься, и оказался на параллельной улице. Подтянув штаны, я деловито нырнул в ближайший поперечный переулок и... И с разбегу налетел на целую толпу серых.

— Будь я проклят! — засмеялся их сержант.— Вот парень, который так мечтал поскорее с нами встретиться, что мчался впереди собственного визга.

Боюсь, я слегка подрастерялся. Стоял и пялился на них секунд на пять дольше, чем следовало. А когда решил, что пора делать ноги, было слишком поздно. Меня уже окружили пятеро. В руках — здоровенные дубинки; на мордах — грязные ухмылки. Шутить они не собирались.

— Поздравляю тебя, солдат,— сказал сержант.— Вали в строй, к остальным новобранцам.

Тут я разглядел чуть в стороне кучку каких-то очумелых парней, человек десять. В изрядно поистасканной одежонке.

— Что ты несешь, дядя? — спросил я.— Какие еще новобранцы?

— Ты призван в армию,— довольно хихикнул сержант.— Только и всего. Второй батальон второго полка Сил Самообороны Весла. Большая честь.

— Черта с два!

— У тебя есть возражения? Неужели?

Я взглянул на серых. Они напряглись и сжали дубинки покрепче. А на «новобранцев» рассчитывать явно не приходилось.

— Не сейчас, дядя. Мои возражения мы обсудим позже. Один на один.

Я довольно удачно воспроизвел одну из лучших улыбочек Ворона. Типа: «На мне будут совсем неплохо смотреться бусы из твоих зубов!» Сержант меня понял.

Он хотел было отпустить еще какую-нибудь поганую шуточку, но передумал.

— Вали в строй,— почти примирительно повторил он.— И не стоит меня подъелдыкивать. Вся эта чертовщина нравится нам ничуть не больше, чем тебе.

Вот так я снова угодил в армию.

LV

Ворон подождал немного, потом забеспокоился и, ковыляя, обошел квартал. Ничего. Кейс словно сквозь землю провалился.

Он мог, рискуя собственной шкурой, потратить немало часов на бесплодные поиски. А мог вернуться в храм и озаботить случившимся Молчуна и Боманца. Либо так, либо эдак.

Лодыжка адски болела; проснулась и старая, грызущая боль в бедре. Приходилось хромать сразу на обе ноги. Резвости в нем сейчас осталось не больше, чем в древнем паралитике. Н-нда. Хорош герой.

До храма он добрался без осложнений, вошел в башню и начал карабкаться вверх по ступенькам. Каждая клеточка тела протестовала против такого надругательства. На самом верху колокольни дежурил часовой, но Молчун прикрыл Ворона, наслав на солдатика незаметную временную слепоту.

Стоило переступить порог, как Боманц сразу накинулся с вопросами:

— Ну? Что стряслось? Где Кейс?

— Понятия не имею. Бесследно исчез. Может, сделаешь что-нибудь с моей лодыжкой, пока я буду говорить? — Ворон почти рухнул, привалился к стене, сунул старику под нос больную ногу и стал рассказывать.

Боманц потыкал в лодыжку сперва пальцем, потом — чем-то острым, потом повернул, дернул. Ворон вздрогнул и поморщился.

— Здесь ничего нельзя сделать,— сказал колдун.— Могу только снять боль. Попробуй ты, Молчун. Тебе приходилось лечить такие штуки. Мне — нет.

Молчун прервал свою беседу с Душечкой, подошел и с отвращением взялся за дело. Тем временем Боманц принялся бродить по комнате и шарить по углам.

— Надо отыскать какую-нибудь вещь. Какую угодно, лишь бы она пробыла с ним достаточно долго, чтобы сохранить его ментальный отпечаток.— Он продолжал ворчать, копаясь в нехитрых пожитках Кейса, пока не выудил на свет божий дневник.— Пожалуй, то, что надо,— фыркнул старик, зашаркал в свой угол и принялся там бормотать заклинания, судорожно дергаясь и размахивая руками.

Молчун тоже мало чем сумел помочь Ворону. Хотя боль в лодыжке унялась, но стоило опереться на эту ногу, как она сразу подгибалась. На ближайшие несколько дней ему пришлось отставить в сторону все мечты о карьере скорохода.

Все напряженно ждали, чем закончатся манипуляции Боманца. Никто не решался высказать вслух общие опасения. Кейса могли схватить солдаты Странника.

Боманц дернулся последний раз и буркнул:

— Мне нужна карта города.

Молчун взял план города у Душечки, передал старику.

Тот поколдовал немного над этой бумажкой, потом решительно ткнул в нее пальцем:

— Где-то здесь.

— Это же тот пустырь, где мы слезли с летающего кита,— сказал Ворон, поглядев, куда указывал старик.

— Верно.

— А какого черта он там делает?

— Откуда мне знать? Будет куда лучше, если кто-нибудь отправится туда и попытается выяснить, в чем дело.— Старик осекся, но было уже поздно.— Проклятье! — буркнул он.— И дернул же меня черт за язык!

Он действительно влип. Душечка щелкнула языком, чтобы привлечь к себе внимание, показала на старика пальцем, ободряюще подмигнула. Тот повздыхал и пошел к дверям.

Ворон прикрыл глаза, ненадолго расслабился, дожидаясь, пока не отступят напряжение и боль, потом спросил:

— А что оказалось в том мешке?

— Чертова прорва денег,— ответил один из братьев Крученых.— Я такой никогда не видел. Парень таскал за плечами кучу сокровищ. Мешок в углу. Можешь заглянуть туда сам.

— Была охота,— проворчал Ворон, но все же кое-как поднялся на ноги и заковылял в указанном направлении.— Но хоть что-нибудь полезное там было?

— Чтобы деньги оказались бесполезными? Со мной еще такого не случалось,— буркнул Крученый.

Ворон только отмахнулся и принялся копаться в мешке. Его постигло разочарование. Как и следовало ожидать. Он вздохнул, посмотрел на Душечку.

— Ничего? — спросила она.

— Ничего,— покачал головой Ворон, потом добавил: — Но мы получили доказательство, что убийца, а значит — и тот, кого он прикончил, причастны к краже Серебряного Клина. Тут куча барахла из Курганья. Некоторые из этих монет уже не одну сотню лет были в обращении только там. Боманц, наверное, уже сказал об этом.

Она кивнула.

— А разве старик не смог использовать содержимое мешка, чтобы выяснить, где сейчас тот парень? По типу фокуса с Кейсом?

Душечка отрицательно качнула головой, встала и принялась мерить шагами комнату, время от времени выглядывая наружу. Потом она подозвала Молчуна и жестами потребовала:

— Спустись вниз и постарайся подслушать, каковы намерения Странника. Будь очень осторожен. Нельзя допустить, чтобы он нас опередил.

Боманц вернулся лишь после полуночи.

— Где тебя черти носили? — сварливо спросил Ворон.— Мы уже начали беспокоиться. Нам только не хватало, чтобы и ты пропал.

— По городу сейчас совсем просто пройти,— так же сварливо ответил старый колдун.— Повсюду патрули. Пытаются подавить в зародыше любую смуту. Но все равно вспыхивают случайные стычки. То тут, то там. Странник перевалил на Паутинку с Шелкопрядом всю грязную работу. Они должны отловить ведьм, шаманов и всех прочих охотников за Клином. Этим объясняется сегодняшний ночной тарарам. Но настоящая свалка начнется чуть позже. Из-за холеры. Болезнь расползлась по всему городу.

Все продолжали нетерпеливо таращиться на колдуна.

— Не тяни кота за хвост, старый болтун! — рявкнул Ворон.— Что с Кейсом?

Боманц слабо улыбнулся. Улыбка вышла какой-то невеселой.

— Парень снова носит серую форму. Вернулся в армию.

Душечка быстро подала несколько знаков Ворону. Тот сказал:

— Она права. Кончай ходить вокруг да около. Выкладывай все как есть.

— Серые разбили на том большом пустыре лагерь. Обнесли его забором. Приволокли туда мужчин в возрасте от пятнадцати до тридцати пяти. Всех, кого сумели схватить. И назвали это безобразие Бригадой Сил Самообороны Весла. Они собираются слегка поднатаскать этих ребят, чтобы заткнуть ими самые опасные дыры, когда Хромой ринется в атаку. Но главная причина, по-моему, в том, что Странник просто хочет держать под контролем самую опасную часть населения. Взаперти. Чтобы они не создавали лишних хлопот серым.

— Как бы нам вытащить его? — спросила Душечка.

— Не знаю. Но боюсь, что ему придется выбираться самому.— Боманц предостерегающе поднял руку, увидев, как остальные придвинулись к нему с угрожающим видом.— Не думайте. Я пытался. Я подошел прямо к воротам и рассказал охранникам длинную слезливую историю о том, что они ошибочно схватили моего любимого внука, лишили меня единственной, последней опоры в жизни. Они довольно долго держались со мной вежливо, но сказали, что никто из новобранцев пока не просился к дедушке. К тому же они не помнили среди новеньких никого по имени Филодендрон Кейс. А такое имя трудно позабыть.

— Фактически Кейс — дезертир,— сказал Ворон.— Даже если он теперь единственный, оставшийся в живых из всей Гвардии. Поэтому он наверняка назвался другим именем.

— Я и сам сообразил, пока там распинался. И прекратил разговор, пока охранники не успели сильно разозлиться. Они и так были слишком снисходительны, если учесть, что люди донимают их круглые сутки.

Все посмотрели на Душечку. Ее пальцы замелькали в воздухе:

— Пока оставим все как есть. Пока он там в большей безопасности, чем мы здесь. Есть другие неотложные дела, которыми необходимо заняться. Нас сильно поджимает время. И всех остальных в городе — тоже.

LVI

Отсутствие Смеда сперва тревожило Старого Рыбака, потом начало пугать. Конечно, парень решил проблему, связанную с живым Талли Стахом. Но как быть с проблемой Талли Стаха — покойника? Тело-то осталось у серых. Если они установят имя, много ли им потребуется времени, чтобы выяснить, кто его пришил?

То-то и оно, что совсем немного. Сколько-то времени Смед сумел отыграть, но песок в песочных часах вечности не прекращал неумолимо сыпаться вниз, а трупы продолжали громоздиться друг на друга.

Да, с Серебряным Клином шутить не приходилось. Пока им удавалось избегать неизбежного. Но с каждым разом полоса, отделявшая их от края пропасти, сужалась. А цена возможной ошибки росла, становясь поистине ужасной. Такой, какую невозможно окупить никакими деньгами.

Рыбак не особо расстраивался по поводу Талли Стаха. Тот и сам давно напрашивался. Еще удивительно, как долго они терпели его выходки. Но вот из-за Тимми Локана его мучили угрызения совести. Из них четверых Тимми меньше всех заслуживал такой страшной участи.

Он уже почти решился махнуть рукой на Смеда и снова спрятаться в развалинах, когда до него дошли слухи, каким именно образом серые призывают на воинскую службу всех горожан, способных носить оружие.

Тогда интуиция подсказала ему, что произошло. Значит, Смед оказался в армии. Пожалуй, там сейчас было безопаснее, чем где-либо. Если, конечно, у парня хватило ума назваться чужим именем.

Наверняка хватило.

Рыбак направился в сторону развалин, намереваясь снова укрыться там от охотников за Клином. Но по дороге его озарило. Почему бы ему тоже не спрятаться у всех на виду? В армии? Серые, конечно, поспорят слегка. Сперва. Скажут, что он староват, но потом все равно возьмут. Вдобавок армия — неплохая защита от грядущих лишений. Жизнь у солдат, даже ополченцев, уж всяко посытнее, чем у парней, прячущихся по разрушенным подвалам. К тому же нынешние правители Весла будут беречь от холеры своих солдат куда более тщательно, чем простых горожан.

И старик повернул в сторону разбитого на пустыре лагеря Сил Самообороны...

Вышло почти так, как он ожидал. Серые сперва поспорили немного, потом быстренько проверили, нет ли у него признаков холеры, и он очутился в лагере. Он записался под именем Малыш Рыболов, позволив себе насмешку над серыми. Да и над собой тоже. Это имя он получил при рождении, но все знавшие его давным-давно померли.

Или были убиты.

LVII

Хотя черные всадники продолжали неутомимо доставать Хромого, раз за разом задерживая его и приводя в неистовство своими неожиданными ловушками, они по-прежнему почти не прибегали ни к каким магическим иллюзиям. Смысл таких действий оставался ему непонятен, их игра беспокоила его, хотя он себе в этом не признавался. Хромой был уверен, что прорвется всюду за счет грубой силы, что в мире сейчас не осталось никого, кто мог бы сравниться с ним в могуществе.

Они тоже это знали. Как раз это и беспокоило его. У них не было ни единого шанса справиться с ним, и все же они неотступно преследовали его, продолжая изводить по мелочам, будто были уверены в том, что их действия будут иметь результат. Он начал подозревать, что где-то впереди ему уже приготовлена очередная, смертельно опасная западня.

Его противники так редко прибегали к волшебству, что он перестал остерегаться. Сам он избрал тактику сокрушительных ударов, более не ожидая от своих врагов колдовских хитростей и тонкого коварства.

Ему потребовалось трижды пробежать мимо уродливого бесформенного дерева, прежде чем он, на четвертый раз, наконец сообразил, что к чему. Подлецы! Они сумели заставить идти его по кругу длиной миль в пятьдесят с лишком. И последние несколько сотен он неутомимо шел по собственному следу.

Очередная задержка. Проклятье!

Ярость вспыхнула в нем с такой силой, что он едва сумел сдержать ее, чтобы выбраться из этого замкнутого круга. Прорвавшись, Хромой ненадолго остановился. Надо было обследовать состояние своего тела и сориентироваться.

Он находился чуть к северу от Башни. Близость Чар ощущалась во всем. Как насмешка, как вызов, как приглашение к схватке. Как публичное оскорбление.

Похоже, его враги просто мечтали, чтобы он свернул туда и опять потратил кучу времени, безуспешно колотясь

головой о стены неприступной твердыни. Но на сей раз ему удалось преодолеть искушение. С Башней в Чарах и ее обитателями он разберется позже. После того как завладеет Серебряным Клином и превратит его в могущественный талисман, который сделает его властелином мира.

Он возобновил свой бег. В сторону Весла.

Он бежал легко, почти весело. Временами он начинал мерзко хихикать. Скоро. Теперь уже скоро. Этот мир уплатит ему все долги.

С процентами.

LVIII

Жабодав все ближе подбегал к Башне, недоумевая, зачем он искушает судьбу. Чутье подсказывало ему, что немного дальше к северу Хромой, словно бестолковая дворняжка, бегает по кругу, ловя собственный хвост. Это забавляло Жабодава. Конечно, новые хозяева Империи не так ужасны и могущественны, как старые, зато они находчивы и хитры. Пожалуй, никто из прежних властителей, кроме Госпожи или ее сестры не смог бы состязаться с нынешними в хитрости и коварстве. Власть в Империи перешла в руки компетентных людей. Жабодав был не против.

Некогда ему пришлось услышать высказывание одного мудреца. Тот сказал, что любая империя в своем развитии неизбежно проходит три стадии, а каждой стадии соответствует свой тип властителей. Сперва у руля стоят завоеватели, ведущие бесконечные захватнические войны. Потом приходит черед администраторов, закрепляющих результаты завоеваний и превращающих Империю в монолитную твердыню. Которая непосвященным кажется несокрушимой и вечной. Наконец, у власти оказываются безответственные расточители. Всячески потакая своим безумным прихотям и порокам, они проматывают капитал, предназначавшийся для передачи потомкам.

И тогда Империя становится легкой добычей новых завоевателей.

В этой Северной Империи сейчас наступила вторая стадия. Администраторы сменяли завоевателей. Из тех, прежних, в живых остался один Хромой. Новые правители были просто обязаны отправить его на свалку истории. Завоеватели — слишком буйная и непредсказуемая публика, чтобы иметь с ними дело, если ты намерен насадить в Империи закон и порядок.

Будет лучше, если он заранее все предусмотрит и подготовит себе место в этом новом, упорядоченном мире.

Он остановился неподалеку от Башни, на таком расстоянии от ворот, какое счел безопасным, уселся. И стал ждать.

Вскоре кто-то вышел. Этот некто имел четкое представление о том, какое именно место может быть уготовано в будущем таким порождениям вечного зла, как пес Жабодав.

А пока они заключили временный союз.

LIX

Смед застонал, заворочался, попытался натянуть на себя сбившееся шерстяное одеяло. На нем живого места не было, болели мышцы, ныли все кости. Сон на голой земле не принес облегчения.

Уже в третий раз он просыпался в палатке, где обреталось еще человек сорок. Мысль о том, что и этот день ему придется провести среди ополченцев, не вызывала у него ни малейшего энтузиазма.

— Как дела, Кен? — спросил кто-то. Серые занесли Смеда в свои списки под именем Кентон Утконос.

— Как сажа бела,— буркнул он.— Я предпочел бы работать без заскоков и не затемно.

— Что ты их заводишь? Ловить нечего.

— Ха! — сказал какой-то парень, выглянув наружу.— Снег! Уже больше дюйма насыпало.

— Везет, как утопленникам,— послышалось в ответ.

Ребята перебросились еще парой шуточек в том же духе. Насчет их необыкновенного везения. Потом Смед сказал:

— Надо мной издевались с самого детства, и я сыт по горло. Я не собираюсь покорно сносить их тычки. Я всегда давал сдачи, даю и буду давать. Пока не усекут, что им куда проще оставить меня в покое.

Он уже раза четыре успел подраться с серыми, которым было поручено обучать их взвод.

— Хочешь достать их всерьез? — спросил его сосед.— Правильно. Только ты избрал неверную тактику. Сперва надо работать головой, а потом кулаками.

Соседа звали Сай Грин. В их палатке он быстро стал лидером. Все уже догадались, что он назвался чужим именем. Догадывались они и о том, что Грин раньше служил в армии. Он играючи справлялся со всякими армейскими закавыками, а в лагерной обстановке чувствовал себя как рыба в воде. И всегда был готов подсказать любому способ немного облегчить себе жизнь — если у него спрашивали, как это сделать. Он нравился парням, и они обычно следовали его советам.

Но Смед не спешил с выводами. На его взгляд, Сай слишком уж уютно чувствовал себя в лагере. Он мог запросто оказаться шпионом. Или — дезертиром, которого серые вербовщики случайно замели во время облавы. А Смед имел основания подозревать, что здесь, в Весле, всякий дезертир с большим военным опытом раньше почти наверняка служил в Гвардии. В Курганье.

— Я всегда готов прислушаться к дружескому совету, Сай,— сказал он.— Но отступать не собираюсь.

— И не надо. Просто посмотри, что получается. На первый раз они отделали тебя только для того, чтобы показать всем остальным, что может случиться, если мы не будем пай-мальчиками. Но ты слишком легко поддался на провокацию, и они решили повторить урок.

— А потом разохотились? Наверно, сегодня будет то же самое. Но я все равно не сдамся.

— Успокойся. Ты прав. Но это будет продолжаться в том же духе, стоит им помахать перед тобой красной тряпкой, как ты сразу хватаешь за грудки капрала.

— Только потому, что не могу дотянуться до сержанта.

— Брось. И сержант, и капрал — славные ребята. Почти. Бедняги просто пытаются честно выполнить бессмысленную и, даже на их взгляд, безнадежную работу. Твоя проблема вовсе не в них. Твоя проблема в Чайнике. Чайник выжидает, пока они от тебя отступятся, признают, что не справились. Вот тогда он вмешается и вышибет из тебя дух.

С Саем согласились сразу несколько человек.

— Точно,— сказал один из них.— Этот Чайник вечно подбивает их устроить нам какую-нибудь подлянку.

— И ему все сойдет с рук, если только он случайно не угрохает тебя,— добавил Грин.

Смеду не хотелось говорить на эту тему. Но насчет Чайника они, скорее всего, были правы. Тот никогда не забудет, как Смед уделал его в кабаке.

— Ну и? — спросил он.

— Если тебе снова придется сцепиться с кем-нибудь из них, постарайся, чтобы это был Чайник. Все подлости здесь — его рук дело. Он единственный среди серых, кто действительно мечтает тебя изувечить. Ну так заставь его заплатить за это. И не пори горячку. Придется драться — дерись, когда ты прав на все сто, а не потому, что тебе просто не нравятся здешние порядки. Они никому из нас не нравятся. Может, и выкрутимся как-нибудь. Если не наломаем дров.

Смед пришел в ярость от этих поучений и едва не закатил истерику, вопреки здравому смыслу. Но кое-как сдержался, побоявшись потерять с таким трудом завоеванный авторитет.

Его начало беспокоить собственное состояние. Похоже, Смеда Стаха стало временами заносить. Ему действительно следует держать себя в руках. А не то еще немного, и он начнет вести себя совсем как Талли.

Может, это Клин на меня так влияет, подумал он.

Его твердое намерение не делать больше глупостей получило отличное подкрепление прямо на утренней поверке.

Но судьба пока улыбалась. Сперва начали проверять тех, кто жил в соседней палатке, и он отчетливо услышал, как капрал заорал:

— Тимми Локан!

Поэтому он успел подготовиться. И когда капрал попытался проделать тот же фокус в их взводе, проревев:

— Смед Стах! — Смед не двинулся с места, а только оглянулся по сторонам точно с таким же тупым выражением лица, как у остальных.

Загонщики дышали ему в затылок и наступали на пятки. Теперь они знали их имена.

Часом позже он испытал еще одно потрясение. Они месили грязь на плацу, занимаясь строевой подготовкой, когда мимо промаршировал другой взвод. Замыкающим в этом взводе оказался не кто иной, как Старый Рыбак.

Подмигнув Смеду, он смешно подпрыгнул, стараясь не сбиться с шага.

LX

Слежка за Странником, ставшая постоянной обязанностью Молчуна, наконец принесла свои плоды. Когда Молчун проскользнул в комнату, по его лицу было видно, что он сильно возбужден.

— Им стали известны имена трех человек, которых прежде не раз видели с убитым. Вот эти имена: Тимми Локан, Смед Стах, Старый Рыбак.

— Рыбак? — переспросил Ворон.

— Да,— ответил Молчун.— Хотя описание личности не очень четкое, но похоже на то, что именно он уделал вас троих тогда, в развалинах.

— Старый Рыбак? — возопил Ворон.— Старик?!

Молчун злорадно ухмыльнулся, но продолжал докладывать языком жестов:

— Их проследили до места под названием «Скелет». Сейчас оно пустует, если не считать скваттеров. До той ночи, когда вспыхнули беспорядки, там квартировал капрал Ночных Пластунов. Теперь его ищут. Надеются, что он сможет опознать тех людей. Странник сгорает от нетерпения. Поднял на ноги всех, кого мог. Да, еще. Они ждут, что Хромой появится завтра.

Душечка вдруг заволновалась. Похоже, она наткнулась на неожиданное решение проблемы. Она хлопнула в ладоши, требуя внимания, и просигналила:

— Нельзя допустить, чтобы тот капрал попал к Страннику. Он нужен мне. Доставьте его в конюшню Гартсена.

С помощью наших союзников с равнины Страха она неплохо поработала, приводя в порядок подполье и подпольщиков, то немногое, что оставалось в Весле от Движения. Собственно, кроме конюшен Гартсена, ничего и не осталось.

— Кроме того,— продолжала Душечка,— надо найти и схватить хозяина «Скелета». А также — всех, кто у него квартировал подолгу в последнее время. Будьте осторожны. Люди Странника знают, что мы в городе. Они не предпринимают серьезных попыток захватить нас только потому, что им сейчас не до того. Но они настороже и удобного случая не упустят. Надо переодеться в форму личной охраны Странника. Все. Вперед.

Остальным ее предложение совсем не понравилось. Но спорить с Душечкой было все равно что плевать против ветра. И они последовали за нею. Поскольку другого выбора у них не оставалось.

Они по одному выбрались из колокольни наружу, оставшись незамеченными среди царившей в башне суеты, и собрались в двух кварталах от храма. Выслушав доклады маленьких существ с равнины Страха, Душечка просигналила на пальцах:

— Охрана Странника квартирует в Казначейском Флигеле. Сейчас там двенадцать человек, только что сменившие караул. Молчун! Ты вместе с Боманцем должен обезвредить их.

Как всегда. Никаких сослагательных наклонений. Обезвредить, и все тут.

Люди занервничали. Им страшно не хотелось в открытую передвигаться по городу, полностью находившемуся под контролем имперцев.

Но и на этот раз никто не стал спорить.

Молчун знал отличное заклинание, нагонявшее глубокий сон. Но это заклинание надо было обязательно произносить

вслух. Бедняга чуть не помер от огорчения, когда ему пришлось поделиться такой замечательной тайной с Боманцем. Колдуны поспешили к Флигелю. Душечка отвела им на все про все пять минут.

Когда остальные подошли к Казначейскому Флигелю, Молчун уже ждал у дверей.

— Готово,— сообщил он.— Они спят.

— Сделайте так, чтобы они не проснулись несколько дней,— ответила Душечка.— И засуньте их в такое место, где никому не придет в голову их искать.

Молчун неодобрительно нахмурился, но кивнул, соглашаясь.

Как только они приняли вид, позволявший безопасно передвигаться по улицам Весла, Боманц сказал:

— Надо навести во Флигеле чистоту и порядок. Чем позже они сообразят, что здесь произошло, тем дольше мы сможем пользоваться преимуществами, которые нам дает черная форма.

Ворон что-то буркнул. Молчун просто кивнул.

— Тут есть еще какие-то штуки. Вроде гранатовых брошек,— сказал один из Крученых.— Может, личные нагрудные значки?

Молчун взял одну такую брошь в руки, внимательно рассмотрел, быстро положил на прежнее место и замахал пальцами перед носом Боманца. Старый колдун тоже взглянул на странную брошь и сказал:

— Да, эти штуки удостоверяют личность. Но не только. С их помощью Странник может найти своих людей где угодно. Лучше избавиться от них поскорей. Пусть этот кретин канюк выбросит их где-нибудь подальше. За городскими стенами.

Душечка нетерпеливо подала старику несколько знаков.

— Ладно, ладно,— проворчал тот.— Не надо меня погонять. Я и без того делаю все так быстро, как могу.

Полчаса спустя они покинули Казначейский Флигель. Душечка, Молчун и Боманц, в одеянии черных всадников, двигались верхом, а остальные сопровождали их под видом пехотинцев. Едва завидев их, немногочисленные прохожие торопились куда-нибудь скрыться.

Добравшись до центра города, они разделились. Один из Крученых и Белая Роза направились прямиком в конюшню Гартсена, а остальные приступили к поискам тех, кто мог опознать людей, укравших Серебряный Клин. В попытке опередить имперцев и помешать им наложить на них свои лапы.

Надо было спешить.

LXI

Стоило мне сообразить, что торчать в ополчении куда безопаснее, чем ошиваться рядом с Душечкой, и я сразу успокоился. Почувствовал себя как дома. В лагере мне было едва ли не уютно, словно я снова попал в старую колею. Здесь не было нужды постоянно о чем-то думать и беспокоиться.

Но наверно, я слишком долго был на вольных хлебах. К такому быстро привыкаешь. Как только захотелось пивка, а вместо этого мне показали жирный кукиш, я сразу же понял, что отсюда пора линять.

Я окончательно укрепился в этой мысли, когда сержант вывел нас на первое занятие по боевой подготовке. Мы стояли чуть не по щиколотку в жидкой грязи, холодный ветер пробирал до костей. У половины парней одежонка не подходила для такой погоды. Но окончательно меня достал не ветер. Меня достали слова сержанта:

— Слушайте, парни,— сказал он.— Одна птичка чирикнула мне на ухо, что завтра здесь начнется заваруха. Выходит, на все про все остался один день. Сегодня. Чему научитесь, тому научитесь. Если хотите иметь хоть один гнилой шанс уцелеть, тогда держите ушки на макушке. Единственным вашим оружием будут алебарды. Другого у нас просто нет. Поэтому с ними и будем упражняться.— Он ткнул пальцем через плечо в сторону двух серых. Каждый из них держал в руках охапку алебард, острия которых были зачехлены, чтобы избежать случайных ранений во время учебных схваток.— Эти двое — инструкторы. Лучшие, какие есть в Весле. Нам их на время одолжили Ночные Пластуны. Они научат вас всему, чему успеют.

Будете слушать их, как слушаете меня. А кто начнет выделываться — голову оторву. И запихну в задницу.

Закончив речь, сержант махнул рукой одному из Ночных Пластунов.

Фигня, подумал я. Все они учились своим приемчикам в одном и том же месте.

Ночной Пластун снял чехол с острия одной из алебард.

— Это алебарда,— важно сказал он.

Замечательно. Парень обрушил на нас бездну новых знаний. С другой стороны, я когда-то вдосталь наигрался с такими игрушками, а иные видели их чуть не в первый раз. Может, кому-нибудь из них и пригодилось то, что сказал серый. Любое дитя ползает, прежде чем начнет ходить, и ходит, прежде чем научится бегать. Кроме моего самого младшего братца, Редиски. Редиска и на свет-то вывалился сразу бегом. Насколько я помню.

— Вот это лезвие,— продолжал Пластун,— заточено так, что им можно бриться. А острием можно пробить любые доспехи. Если, конечно, хватит силенок. Алебарда — отличное оружие. Оно дает вам много возможностей. Алебардой можно рубить, можно колоть, можно резать. Можно бить, как оглоблей. Вы можете использовать ее вместо гарпуна и даже подпирать ею палатку. Одного нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Алебарду нельзя бросать. Это не копье. Если вы ее бросили, другого оружия у вас уже не будет. И тогда любой болван с кухонным ножиком в два счета превратит вас в свиную отбивную.

Ага. Добрался-таки. Правило номер один.

И так далее. Пока он разливался соловьем, у меня дико замерзла задница.

Наконец парень выдохся и объявил, что пора начинать учебные бои. То есть разучивать основные движения. Сперва Ночные Пластуны вызвали семь человек для парных схваток с нашими обычными инструкторами. Я мог гордиться собой. К моим советам прислушивались. Добровольно не вызвался никто.

Тогда они сами вытащили из шеренги семерых, поставили против инструкторов и начали разучивать движения.

Сержант-Пластун присматривал за четырьмя парами, а его приятель — за тремя.

Как я и ожидал, едва им велели ускорить движения, подлец Чайник выбрал момент и «случайно» зацепил своего спарринг-партнера. Вот дерьмо.

А тут еще этот огнеопасный Кен всерьез собрался схватиться с Чайником. Чтобы заработать себе дырку в башке.

— Приглядите за ним,— попросил я ребят.— Пусть поостынет. И не подпускайте его к Чайнику.

С этими словами я забрал алебарду у того парня, которого только что разукрасил Чайник. Из носа у пацана текла кровь.

Чайник выглядел неуклюжим, неповоротливым. И я прикинул, что тоже смогу нанести ему счастливый «случайный» удар, притормозить подлеца, чтобы он поубавил прыти, когда ему придется иметь дело с остальными. Конечно, я слегка заржавел за последнее время, но со стандартной пехотной алебардой уж как-нибудь управлюсь. Она всегда была моим любимым оружием.

Тело сыграло со мной предательскую шутку. Я машинально встал в привычную стойку. Чайник выглядел озадаченным. Может, он и подлецом-то стал потому, что был туп как пробка. Его озадачивал всякий пустяк.

К нам подошел Ночной Пластун. Он долго заставлял меня двигать руками, ногами и даже задницей, пока я не оказался в очень неудобной позе, которую он считал единственно правильной стойкой. Наконец он удовлетворился и велел начинать. Когда с нас потребовали ускорения, продолжать притворяться полным лопухом стало совсем трудно. Мускулы и кости жили отдельной жизнью и все время пытались заставить меня двигаться правильно.

Чайник вознамерился разбить мне нос. Когда он сделал выпад, я неловко уклонился и как бы случайно изо всех сил врезал ему древком алебарды по голени. Он аж тявкнул от боли. В шеренге один парень восторженно взвыл, а другой расхохотался.

Это и погубило Чайника. Он озверел и бросился на меня.

Я отступил, спотыкаясь, размахивая алебардой с видом напуганного пацана, который пытается отбиваться как попало. Если бы игра шла всерьез, я мог бы прикончить эту гниду раз десять. Наконец он открылся так, что и слепой бы не промазал. Тогда я нанес удар, разорвавший ему ухо, а потом бросил алебарду и сделал подножку, после которой Чайник пропахал несколько ярдов мордой по грязи. Я тут же отскочил в сторону с такой физиономией, будто был страшно напуган и не понимал, что произошло.

— Хватит! — рявкнул наш сержант.— Грин! Подними алебарду, отдай ее мне и становись в строй! А ты, Чайник, ступай почистись. Да заодно залепи себе чем-нибудь ухо!

Я отдал ему алебарду и заковылял к своей шеренге. Парни изо всех сил старались не скалиться.

— Грин! — вдруг раздался другой голос.— А ну, подойди-ка сюда!

Это был сержант Ночных Пластунов. Черт бы его драл.

Я заковылял обратно, преданно глядя на него. Он жестко взглянул мне в глаза, потом брезгливо тронул пальцем шрам на моей щеке. Сделав шаг назад, он взял у одного из серых алебарду, снял с нее деревянный чехол, отшвырнул его в сторону.

— Дайте этой собаке алебарду! — приказал он.

Наступила гробовая тишина. Никто ни хрена не понимал. Кроме нашего сержанта. Думаю, тот сразу допер. Мост Королевы, что же еще? Никакого смысла в происходящем он не видел. Тем более здесь и сейчас. Что было, то быльем поросло. Поэтому наш сержант попытался спорить. Но Ночного Пластуна уже понесло.

— Дайте ему алебарду! — еще раз проревел он.

Тогда я перестал валять дурака и одарил его самой лучшей улыбкой в стиле Ворона, какую только смог изобразить. Стараясь унять нервную дрожь, я тоже снял деревянный чехол с алебарды, которую мне кто-то всунул в руки. Но швырять чехол в сторону не стал. Дудки! Этот сукин сын жаждал моей крови. Тут уж было не до шуток.

Он сделал несколько забавных телодвижений. Разминал мышцы, сволочь.

У меня пересохло во рту.

Когда он двинулся ко мне, я неожиданно принял низкую левостороннюю стойку. Такие штуки обычно доставляют противнику сильное неудобство на пару минут. Чехол я сжимал в правой руке.

Он сделал резкий выпад, целясь в глаз. Я легко отбил его алебарду, чуть приподняв свою левой рукой, и тут же нанес удар правой, изо всех сил врезав ему деревянным чехлом по пальцам. Боль, наверно, была адская. Пока он не опомнился, я все так же, одной левой, сделал выпад и повел алебардой из стороны в сторону. Ее лезвие описало смертоносный сверкающий полукруг у его горла. Чтобы избежать удара, он неловко откинулся назад. Тогда я перехватил алебарду правой рукой, перевернул ее, ринулся вперед и нанес Пластуну сильный удар тупым концом алебарды прямо под ребра, едва не вышибив из него дух.

Дальше все было просто. Еще пара небрежных движений, и он уже валялся на спине, в грязи, обезоруженный, не в силах пошевелиться, поскольку острие моей алебарды касалось его горла. Вся наша возня не заняла и десяти секунд.

— Ты ошибся, парень,— сказал я, жестко глядя ему в глаза.— Меня там не было. Но даже если бы ты оказался прав, тебе следовало бы помнить, что, когда дело доходит до драки один на один, Ночные Пластуны кое-кому уступают.

Я отвел лезвие от его горла, отошел в сторону, надел на алебарду чехол, отдал ее нашему сержанту и пошел к своему месту в шеренге. По дороге я молился, чтобы пронесло. Никто не смотрел мне в глаза. Парни были перепуганы насмерть.

Ночному Пластуну потребовалось время, чтобы встать. Морда у него была мертвенно-бледная, словно он действительно потерял столько крови, сколько я мог из него выпустить. Он отмахнулся от предложенной помощи, подобрал свою алебарду и принялся сосредоточенно чистить ее.

Сорок семь парней молча ждали, что будет дальше.

Наконец он зачехлил алебарду, окинул нас взглядом и сказал:

— Век живи, век учись. Если есть котелок на плечах. Следующие шестеро!

Все облегченно вздохнули. Включая меня. Не зря я молился. Гроза так и не разразилась. Пока.

Я заметил, что вспыльчивый Кен впился взглядом в шрам на моей щеке, будто в первый раз его разглядел. Может, так оно и было. Шрам от холода побелел и сделался заметнее.

LXII

Немного колдовства, чуть-чуть удачи,— и Боманцу удалось выяснить, что человек, которого Странник послал найти драгоценного свидетеля-капрала, только что добрался до штаб-квартиры Ночных Пластунов и передал им приказ своего хозяина.

— Всегда приятно, если кто-нибудь сделает за тебя твою работу,— сказал Ворон.

— А что? — оживился Боманц.— Отличная идея. Нам надо просто выбрать подходящее место и подождать, пока они сами не приведут его к нам.

Так и сделали. От штаб-квартиры Ночных Пластунов к центру Весла вел только один удобный прямой маршрут.

— Идут наконец,— сказал Боманц.— Ну-ка, Молчун, подпусти им своего тумана. Только не перестарайся, чтобы они не насторожились.

Молчун прошел немного вперед и остановился, подпирая стену с видом праздношатающегося зеваки. Но все случайные прохожие обходили его стороной, стараясь держаться как можно дальше. Вскоре запах, напоминающий дым очага, начал усиливаться. В воздухе, понемногу сгущаясь, поплыл туман.

— Вот они,— сказал Боманц, кивнув в сторону приближавшейся тесной группки.

Едва группа поравнялась с сидящими в засаде, облачная дымка внезапно превратилась в густое марево. Боманц обрушил заклятие на головы эскорта, вывел всех четырех солдат из строя и тут же велел своему любимцу

канюку выбросить куда-нибудь подальше их личные нагрудные знаки.

Эскорт сопровождал двоих: мужчину и женщину. Едва взглянув на даму, Молчун буквально взорвался в вихре жестов и телодвижений. Понимать его успевал только Ворон.

— Бригадир Головня,— наконец пояснил он остальным.— Что ж, придется ее тоже прихватить с собой. Было бы глупо отказываться от такого подарка судьбы.

Несмотря на необычный внешний вид, пестрая компания добралась до конюшни Гартсена, не привлекая к себе лишнего внимания. Иногда и колдуны могут на что-нибудь сгодиться. На пороге их встречал сам Гартсен.

— Где она? — спросил его Ворон.

— На сеновале.

Ворон прошел мимо небольшого менгира, вскарабкался по лестнице наверх, просунул голову на сеновал и что-то показал на пальцах.

Ни капрал, ни Головня пока еще не проронили ни единого слова. Они никак не могли взять в толк, что происходит. Но, как только вниз спустилась Душечка, их недоумению сразу пришел конец.

— Черт возьми,— процедила сквозь зубы Головня.— Значит, все-таки это правда.

— Скажи Душечке, что мы готовы захватить всех остальных,— сказал Боманц Молчуну.

Тот проигнорировал слова старого колдуна. Его пальцы бешено заплясали в воздухе, но задал он совсем другой вопрос:

— Ты уже поговорила с Праотцем-Деревом?

— Да,— ответила она.— Праотец встревожен. Он хочет, чтобы мы немедленно извлекли Кейса из того лагеря. Его маленькие подданные с равнины Страха доложили ему, что Кейс влип в какую-то историю, которая всем нам может повредить. Этих двоих мы пока свяжем и оставим здесь. Гартсен за ними присмотрит.

Молчун принялся было спорить, но Белая Роза просто отвернулась и принялась надевать на себя форму одного из телохранителей Странника. Она умела извлекать выгоду

даже из своих физических недостатков. Как теперь, когда ей не хотелось вступать в пререкания.

Ни Ворон, ни Молчун ни на секунду не поверили, что дерево-бог хоть словом обмолвилось о Кейсе. Оба позеленели от злости и надулись.

А что толку?

LXIII

Даже Смед не удержался, вставил словечко в общий разговор:

— Хотя мне тут здорово достается и я устаю как собака, все же голодать не приходится, да и холера сюда еще не добралась. А это кой-чего стоит.

— Да, тяжелый выдался денек,— ответил кто-то.— Но готов поспорить, что в городе сейчас творится сущий ад.

— А я все спрашиваю себя,— раздался третий голос.— Предположим, нам удастся разделаться с Хромым. Что дальше? Неужели придется снова кувыркаться все в том же дерьме, пока они не отыщут свою серебряную хренотень?

В воздухе повисло молчание. Парень первым упомянул о том, что их ждало. Но как раз об этом никто не хотел думать.

Смед искоса взглянул на Грина. Вокруг него образовалось пустое место, хотя в палатке было тесно. Никто не понимал, что произошло на плацу, но все догадывались, что дело пахнет жареным. И никто не хотел оказаться поблизости, если все-таки грянет гром.

Наконец кто-то прервал затянувшееся молчание:

— Когда появится Хромой, сразу полетят пух и перья. У серых появится своих забот полон рот. Им будет некогда следить за нами. Лично я слиняю при первой же возможности. Даже если мне для этого придется замочить Чайника. Или кого-нибудь другого.

В палатку просунул голову сержант.

— Выходи строиться! — заорал он.

Что за черт, подумал Смед. Неужели опять муштра? Неужели их недостаточно гоняли сегодня? Вот сволочи! Но он слишком устал, чтобы сопротивляться.

По крайней мере дело касалось не их одних. Людей выгоняли наружу из всех палаток. Когда они построились, сержант вывел их на плац и велел встать спиной к частоколу, огораживавшему лагерь. Повсюду, с фонарями и факелами, суетились серые.

В задней шеренге соседнего взвода, выстраивавшегося слева, Смед заметил Рыбака. Старик чем-то обработал свои волосы. Они теперь были темными.

Сержант отдал приказ равняться. От ворот вдоль их рядов двигались три черных всадника. Каждого сопровождал пехотинец, тоже в черном. Они двигались медленно, внимательно рассматривая каждый взвод. Парадный смотр. Люди Странника решили хоть разок взглянуть на голодранцев из ополчения...

У Смеда внутри все похолодело. Нет, эти люди вели себя так, словно искали кого-то.

Взвод Старого Рыбака они миновали, не задержавшись. Может, все и на этот раз обойдется? Но вот они подъехали к их взводу...

Всадник, двигавшийся впереди, остановился, поднял руку, сделал несколько каких-то неуловимых знаков пальцами. Пехотинцы в черном начали пробираться сквозь первую шеренгу.

Смед почувствовал, что вот-вот наложит в штаны.

Один из пехотинцев схватил за плечо Сая Грина.

Смед облегченно вздохнул. Грин! Ну конечно же! Парень влип. Но ведь все этого ждали.

Он настолько ушел в свои мысли, что пропустил момент, когда рука всадника повелительно поднялась снова. Он обратил внимание на двух черных пехотинцев только тогда, когда они оказались совсем рядом.

Кровь застыла у него в жилах.

Они заломили ему руки и вытащили из рядов.

Всадники неторопливо направились к воротам. Смед понуро брел вслед за ними, чуть не уткнувшись носом в спину Сая Грина. Слева всадник, справа пехотинец, сзади еще двое. Но первое, ошеломляющее потрясение уже схлынуло; Смед потихоньку взял себя в руки. Ведь ему уже удалось выпутаться из пары крутых переделок. Просто надо

хранить спокойствие, быть все время наготове, не дергаться сейчас и не медлить потом. Когда подвернется удобный случай.

Через пару минут, когда они оказались на улице среди домов и свернули за угол, так что из лагеря никто уже не мог их видеть, Грин громко расхохотался и хлопнул одного из всадников по ноге.

— Ну вы даете, ребята! Нахальства у вас куда больше, чем мозгов. Но все равно благодарю!

— Меня благодарить не за что,— сварливо отозвался тот.— Я лично считал, что тебе самое место в лагере. Там для тебя дом родной. Но Душечка настояла.

— Вот как? — Грин опять рассмеялся.— Что ж, когда ты снова угодишь в бочку с дерьмом, я тебе это припомню. А за каким дьяволом вы прихватили моего приятеля, булькающего Кена?

— За таким, что он — один из тех парней, которые сперли Серебряный Клин. Она так считает.

— Врешь как сивый мерин? — спросил Грин.— Или серьезно?

Смед только сильнее стиснул зубы. Он твердо решил не поддаваться панике.

LXIV

Старый Рыбак понял, что случилось, в тот самый момент, когда солдаты Странника завернули Смеду руки за спину. После этого он уже не раздумывал, а действовал. Пока всеобщее внимание было приковано к черным.

Он отступил на несколько шагов назад, повернулся и быстро перебрался через невысокий частокол. Несколько парней из его взвода заметили это, но никто его не окликнул. И никому из них не пришла в голову замечательная идея последовать за ним, что было совсем хорошо.

Старик спрыгнул на землю и побежал, тихо проклиная свои годы, давно перевалившие тот порог, когда такая пробежка ничего ему не стоила. Все тело болело, ныли кости; мышцы после сегодняшних военных упражнений то и дело сводила судорога.

И все же он не собирался уступать ни своей плоти, ни этим имперским упырям. Он успел укрыться в развалинах напротив ворот лагеря за какую-то минуту до того, как оттуда выехали черные всадники. Скорчившись, почти припав к земле, он прикидывал, чем сейчас располагает.

Так. Два ножа. Поскольку он явился в лагерь под видом добровольца, серые не стали обыскивать и обезоруживать его, как тех, кого сюда притащили силой. Два ножа. Не так мало, но против такой шайки черных — все равно что ничего.

Его оружием должны были стать хитрость и осторожность. Без которых он не смог бы охотиться, ставить ловушки, просто выжить в Большом лесу. Хитрость, коварство и внезапность.

Некоторые варианты старик отбросил сразу. Например — поступить со Смедом так, как тот поступил с Талли. Во-первых, парень такого не заслуживал. Во-вторых, это было попросту бесполезно, потому что черные все равно уже знали, кого им искать. А главное, никто, кроме Смеда, не знал, где спрятана чертова железка.

Но вот в воротах показались силуэты черных. Еще до того, как они пересекли пустырь, старик уже был уверен, что здесь что-то нечисто. Они направлялись куда угодно, только не к резиденции Странника в старом храме. Если только у них не было веских причин избрать круговую дорогу.

Дальше что?

Поскольку он ожидал, что эти черти отправятся прямиком к Страннику, то спрятался вблизи их наиболее вероятного маршрута. Теперь надо пошевеливаться, иначе недолго потерять след.

Он фланировал от одних развалин к другим, словно отвратительное привидение, делая это бесшумно, как призрак. В умении незаметно подкрадываться ему не было равных. Старика сейчас серьезно беспокоило только одно: как бы преследуемые случайно его не учуяли. В самом буквальном смысле. У него не было времени помыться перед тем, как он записался в добровольцы. Да и за несколько дней, проведенных в лагере. Теперь от него разило, как от козла.

В Большом лесу, где повсюду рыскали кровожадные дикари и хищники, поневоле приходилось думать о том, как ты пахнешь. Если ты хотел выжить.

Старик довольно быстро догнал их. С двадцати ярдов он хорошо слышал, как два хмыря принялись поздравлять друг друга.

Козырнуло ключевое слово: Душечка. Его ошеломило.

В общем-то он не надеялся, что банда Белой Розы испугается его угроз, но ему даже не могло прийти в голову, что у этих парней хватит наглости захватить людей Странника, надеть их форму и нахально заявиться в лагерь, чтобы вызволить одного из своих.

Это многое меняло. Во-первых, его теперь не так сильно поджимало время. Во-вторых, повысились шансы на успех предприятия. После чисток в городе, которые начались на прошлой неделе, ряды этой оравы наверняка поредели. Может быть, ему удастся перещелкать их по одному. Но его здорово беспокоило, насколько сильно они будут жать на Смеда.

Старик крался за ними настолько вплотную, что его можно было принять за чью-то вторую тень. Настолько осторожно, что никто из них не ощутил того холодного покалывания в затылке, которое позволило бы им заподозрить слежку.

О чудо! Они привели его к знакомому месту.

Правда, в конюшне Гартсена он прежде бывал лишь несколько раз, давно и мельком, когда на короткое время примкнул к Движению. Но лучше знать хоть что-то об истинном положении дел, чем блуждать вслепую.

Незадолго до того, как вся эта толпа добралась до конюшни Гартсена, старик здорово перепугался.

Громадная птица, возникшая из ниоткуда, камнем упала на плечо одного из всадников. Всадник выругался, попытался спихнуть ее со своего плеча. Но птица только рассмеялась и принялась болтать о том, как ужасно взволнован Странник. У чудака, видите ли, куда-то пропали почти все телохранители.

Старый Рыбак припомнил, что Белая Роза всегда считала равнину Страха чуть ли не родным домом. Значит, в

городе сейчас полным-полно всяких говорящих тварей оттуда. Но главное — подслушивающих.

Удача все еще не отвернулась от него. Он расценил появление птицы как добрый знак.

Зато парень, чье плечо она избрала в качестве насеста, похоже, так не считал. Он хотел, чтобы она свалила. А та не хотела.

— Дальше я поеду только верхом,— сказала она склочным голосом.— Я ни черта не вижу в этой темноте. Ни черта.

У Рыбака перед глазами снова мелькнул весь тот зоопарк, который он видел из окна «Скелета». Так. Всех тех тварей тоже надо будет принять во внимание.

Когда вся орава ввалилась во двор конюшни, Старый Рыбак очень осторожно обошел квартал, который она занимала. Дважды. Снаружи часовых не было видно. Но это вовсе не означало, что их нет и внутри. Прячутся от холода, наверно.

С каждой минутой становилось холоднее. А из нависших над городом тяжелых туч к утру наверняка повалит снег. Если он хоть что-то смыслит в погоде. Болтаться вокруг конюшни по свежей пороше — и не оставить следов? Такого не мог даже он.

Рыбак снова беззвучно растворился в ночных тенях. Он решил обследовать лаз, по которому раньше подпольщики пробирались в конюшню сзади, с той стороны, где к ней был пристроен сарай с односкатной крышей и плетеной изгородью вместо одной из стен.

Хотя минуло много лет, лаз был все там же и выглядел так, будто им не пользовались с тех самых пор. Рыбак очень осторожно отодвинул доску. Она скрипнула вдвое тише, чем он ожидал, но и этого хватило, чтобы по спине пробежал холодок. Старик проскользнул внутрь, словно подбирающаяся к добыче змея.

Какое-то существо, размером с кошку, но, конечно, не кошка, шевельнулось в темноте. Но он отреагировал первый и мгновенно свернул ему шею.

Там была еще какая-то тварь вроде мыши или бурундука, на которую он наступил, когда крался к главному

строению конюшни, где находилась наружная лестница, ведущая на сеновал. Тварь сдохла, не издав ни звука. Рыбак поднялся по лестнице тихо, как призрак.

Дверь на сеновал была закрыта изнутри на щеколду. Он просунул внутрь нож, приподнял ее, беззвучно вошел и осторожно опустил щеколду на прежнее место.

Снизу на сеновал пробивался слабый свет и доносились приглушенные голоса.

Меньше чем в десяти футах от себя он разглядел мужчину и женщину. Оба связаны, с кляпами во рту. Женщина посмотрела в его сторону. Но его, похоже, не увидела. Он подобрался чуть ближе...

Ни хрена себе! Да, дерзости тем парням не занимать. Бригадир Головня собственной персоной. И тот капрал, из «Скелета». Все сразу встало на свои места. Этим людям, точно так же как людям Странника, были известны имена. Но не лица. А капрал — лучший свидетель. Лучше не придумаешь.

Там, внизу, кто-то начал орать на Смеда. Смед словно воды в рот набрал. Другой велел вести себя тише, а то соседи не ровен час решат, что здесь началась холера.

Рыбак сделал еще один скользящий шаг вперед и, продолжая прятаться за кипой сена, почти беззвучно позвал:

— Капрал!

Старый вояка аж подпрыгнул от неожиданности, потом забубнил что-то сквозь кляп. Головня опять повернула голову в его сторону, пытаясь понять, откуда донесся шепот. Хоть привидение, хоть черт в ступе, но он сейчас был для нее единственной надеждой.

— Хочешь выбраться отсюда, капрал?

Тот снова забубнил, теперь утвердительно. Еще бы.

— Они скоро попросят тебя взглянуть на одного парня и сказать им, кто это. Скажешь им, что его зовут Кен какой-то там. Фамилию, дескать, не помнишь. Если будешь стоять на этом твердо, они приволокут тебя обратно, и вы оба — вольные пташки. Расколешься или чем-нибудь себя выдашь — тогда сразу прощайся со своим бригадиром. А ведь хорошая была начальница, верно?

Капрал взглянул на Головню. Та кивнула. Дескать, давай.

Старый Рыбак заполз в кучу рыхлой соломы подальше от прохода и стал ждать.

Он сделал все, что мог.

LXV

Ворон с Боманцем довели до белого каления и моего бывшего соседа по палатке, и друг друга. Кен сидел на стуле и молчал. Не хуже Молчуна. Он был зол, как тысяча чертей, и упрям, как тысяча ослов. Думаю, они не смогли бы выжать из него ни звука даже с помощью раскаленной кочерги. Он глядел на них исподлобья так, словно мечтал перерезать им глотки. Парень даже отказался пожрать.

Зато я не отказался. Я стоял рядом с ними и уплетал жратву за обе щеки, попутно гадая, что тут происходит. Мне никто до сих пор не удосужился ничего объяснить.

Душечка топнула ногой, привлекая к себе внимание, и просигналила:

— Приведите солдата!

Ладно. Что дальше?

Ворон с Молчуном полезли на сеновал. Через минуту они спустились обратно, толкая перед собой Ночного Пластуна, с кляпом во рту. Судя по тому, как парень растирал себе запястья, его только что развязали. Они подтолкнули его ближе к стулу. Он поглядел на Кена с полным безразличием. Кен вообще никак не отреагировал.

Молчун вытащил кляп.

— Ты знаешь человека, который сидит на стуле? — спросил Ворон.

— Знаю,— прохрипел Пластун и сглотнул слюну.— Это Кен-Хрен его знает, как там дальше. Он иногда заходил туда, где я раньше квартировал. Пил пиво с нами несколько раз.

Ворон с Молчуном, нахмурившись, разом уставились друг на друга. Словно в гляделки играли.

— Ты уверен, что не знал его как Смеда Стаха? — переспросил Ворон.

— Под именем Нах...

Молчун заставил Пластуна заткнуться, врезав ему по челюсти так, что тот рухнул на пол.

Ворон снова спросил. Спокойно, даже нежно:

— Ты абсолютно уверен? Смотри у меня. А то вон тот парень, в углу, да и женщина рядом с ним, они оба побывали в деле у моста Королевы. До сих пор точат зубы на Ночных Пластунов.

Капрал поднялся на ноги, взглянул на Ворона в упор и спокойно ответил:

— Дружище, чтобы доставить тебе удовольствие, я готов назвать его Иваном-дураком, Королем Дроздобородом или Смедом Стахом. Кем угодно. Только намекни. Но от этого он Смедом Стахом не сделается.

— Но он подходит под описание.

Старый вояка еще раз посмотрел на Кена и сказал:

— Да, пожалуй. Есть немного. Но Смед Стах лет на десять старше этого парня.

— Мать честная! — только и смог выдавить из себя Ворон.

Кажется, я первый раз услышал от него это замечательное выражение. Время было совсем неподходящее, но все же я не смог удержаться, ляпнул:

— Вечно у нас как на скачках. Бешеная гонка, последний поворот по внутренней дорожке, мы на голову впереди, осталось только финишировать — ура! И вдруг проклятая лошадь захромала. Похоже, это начинает входить в привычку.

Они отдали должное моему остроумию. Молчун начал яростно хватать ртом воздух. Мне на секунду даже показалось, что он наконец собрался что-то сказать. Наверняка какую-нибудь гадость.

Душечка топнула ногой, требуя объяснений. Она могла читать по губам, но не настолько, чтобы понять всю галиматью, которую несли присутствующие.

Ворон с Молчуном замахали пальцами у нее под носом, как сумасшедшие. Она сделала в ответ несколько знаков, которым забыла меня научить. Наверно, выругалась. А потом велела им отправить капрала назад, на

сеновал. Они погнали его туда взашей, злобными тычками. Будто парень был виноват, что дела складывались не так, как им хотелось. Тем временем Душечка объяснила остальным, что в случившемся виновата она одна: сделала неправильные выводы по поводу людей, которых видела однажды на веранде «Скелета». Я понятия не имел, что она собирается делать дальше. Когда вернулись Ворон и Молчун, у нас состоялось грандиозное всеобщее координационное совещание. Под лозунгом: «О горе нам, горе!» Старый дружок Боманца, канюк, очередной раз оказался на волосок от смерти через повешение.

Нашу склоку прервал какой-то грохот на сеновале. Все ринулись выяснять, что там за шорох.

Двери, через которые на сеновал обычно закидывали сено, оказались открытыми. Они громко хлопали от порывов ветра. Ночной Пластун и бригадир Головня, о существовании которой мне как-то позабыли сказать раньше, чудесным образом испарились.

Тупо уставившись на веревки и кляпы, валявшиеся на полу, Ворон с Молчуном принялись выяснять, кто из них плохо затянул последний узел на руках капрала.

Я скатился по лестнице вниз, чтобы доложить обстановку Душечке. Та велела мне снова подняться наверх, заставить их прекратить молоть чушь и притащить всех сюда. Парни явились, размахивая руками, продолжая переругиваться на ходу. Душечка принялась раздавать приказы, требуя перехватить Ночных Пластунов прежде, чем они доберутся до своих.

— Лапошлеп останется здесь,— добавила она.— Все равно он не в форме.— Крученый дрых в соседнем лошадином стойле с тех самых пор, как я появился здесь.

— Кейс! Ты останешься тоже. Будешь приглядывать за нашим гостем.

Ее последние слова вызвали сильное недовольство. Ворон с Молчуном злобно уставились на меня, словно на исчадие ада. Будто я нарочно все так устроил, чтобы остаться с Душечкой наедине. Болваны! После нескольких дней в лагере я все равно был ни на что не способен.

На этот раз мы влипли крепко. Из того, что показывала на пальцах Душечка, я усек одно: бежать нам было больше некуда. Мы не могли даже вернуться в колокольню храма, потому что капрал и Головня, скорее всего, слышали болтовню дурня канюка о том, как мы ловко там устроились. У самого Странника за пазухой.

Канюк тоже решил поучаствовать в общем деле и вылетел на воздушную разведку, чем просто осчастливил меня. Ко мне он, правда, пока не приставал, но я достаточно наслушался, как эта чертова курица подъелдыкивает Боманца. Хотя старик всегда был в полном порядке.

Первый раз я видел Белую Розу в таком раздрызганном состоянии. Она металась по конюшне, топала ногами, начинала объяснять мне что-то жестами и тут же обрывала себя, не закончив мысль. За себя она не боялась. Просто беспокоилась о том, что станет со всеми нами и с остатками подпольщиков, если парням не удастся перехватить Ночных Пластунов вовремя.

Не помню, сколько это длилось. Может, всего пару минут. Я вдруг заметил позади Душечки какую-то тень, но подумал, что это наконец совсем некстати проснулся Лапошлеп. Вместо того чтобы насторожиться, я принялся ругать себя за то, что сдрейфил и не воспользовался ситуацией, пока была такая возможность...

Черт! Это оказался вовсе не Крученый! Там двигался кто-то другой...

В ту же секунду, как я это понял, тот тип приставил Душечке нож к горлу.

— Развяжи моего приятеля,— приказал он. Поскольку я не двинулся с места, а продолжал растерянно таращиться на него, подлец слегка надавил на нож. Начала сочиться кровь.— Ну!! — рявкнул он.

Я начал торопливо развязывать узлы, неловко путаясь в собственных пальцах.

Именно в этот момент болван Крученый решил, что ему пора вставать. Думаю, бедный глупый раздолбай так и не успел понять, что произошло. Едва он ввалился к нам на ватных от сна ногах, протирая глаза, что-то невнятно бормоча, парень, державший Душечку, резко повернулся и

полоснул его вторым ножом, зажатым в левой руке. Потом он скользнул назад, пырнул тем же ножом в бок Белую Розу, еще не успевшую толком повернуться в его сторону, а правой рукой метнул в меня тот нож, который раньше держал у ее горла. И все это — одним длинным, но быстрым змеиным движением.

Я почувствовал сильный удар в бедро. Лезвие вонзилось так глубоко, что застряло в кости. У меня все поплыло перед глазами. Загаженный пол конюшни вдруг встал на ребро и хорошенько треснул меня по лбу. Мерзавец выдернул нож из Душечки, одним прыжком оказался у стула и перерезал веревки, освободив Кена. Кена?

Потом он шагнул ко мне, с явным намерением перерезать мне глотку.

— Эй! — словно очнувшись, вдруг завопил наш гость. Долгонько я не слышал его голоса.— Не надо! Они же меня и пальцем не тронули!

— Но они второй раз суют свои грязные лапы куда не надо! Хотят нас обчистить. Один раз я их уже предупреждал...

— Давай лучше поищем мой мешок. Надо уносить отсюда ноги, пока не вернулись остальные.

Я бы расцеловал его, если б мог это сделать. Но резвости у меня сильно поубавилось. За последнее время.

Головорез взглянул на меня сверху вниз.

— Скажешь своей суке, что больше никаких предупреждений не будет. В следующий раз — ффссст! — Окровавленное лезвие его ножа выразительно сверкнуло.

Наконец Кен отыскал свой мешок, который я когда-то обнаружил в куче камней. Он закинул его за плечо, оглянулся на меня... Оба торопливо вышли.

Когда дверь конюшни захлопнулась за ними, я стиснул зубы и выдернул нож из бедра. Рана кровоточила несильно. Ладно. Крупные сосуды не задеты — и то хлеб. Потом я дополз до Белой Розы. Она сильно побледнела от потери крови, но потребовала, чтобы я сперва занялся Крученым.

Он еще дышал, но для него, похоже, все было кончено. Я сообщил об этом Душечке. Она знаками дала понять, что нам пора действовать. Конечно, необходимо. Но черт меня побери, я ни малейшего понятия не имел как.

В конюшню ворвался Ворон. Грудь колесом.

— Мы схватили их! — начал он с порога.— Теперь мы в безопасности... Какого черта, Кейс? Что здесь стряслось?

Тут внутрь гурьбой ввалились остальные. Включая вторично плененных Ночных Пластунов. Я рассказал все как было. Не успел я закончить, как появился один из наших маленьких союзников. Из храма. Чтобы сообщить, что Странник приказал отыскать бригадира Головню, капрала и неизвестных, вырядившихся в форму его личной охраны. Любой ценой.

Боманц с Молчуном поколдовали над нашими ранами, сделав все, что можно. Потом те, кто был в состоянии, снова высыпали наружу. Там крупными хлопьями повалил снег.

— Забавные дела, да? — спросил я Ночных Пластунов. Похоже, они не усматривали в случившемся ничего забавного.

По правде говоря, и я тоже.

LXVI

— Ну и что нам теперь делать? — проворчал Смед, когда они перешли на шаг, чтобы перевести дыхание.— В городе не осталось ни одного безопасного места.

— Не знаю,— ответил Старый Рыбак.— Все мои идеи остались там, откуда я тебя вытащил.

— Теперь чуть ли не всему городу известны наши имена. А та банда вдобавок знает нас в лицо.

— Ты сам не дал мне их прикончить. Если тебе придется за это заплатить, не скули и не кивай на меня.

— С меня хватит поножовщины и трупов. Объелся. Все, чего я теперь хочу,— это унести ноги подобру-поздорову.— Смед попытался пристроить вещмешок поудобнее.— Мне совсем не хочется связываться с продажей зловредной железки. Зато очень хочется проснуться и забыть обо всех кошмарах.

Вокруг них закружились снежинки; начался снегопад. Рыбак проворчал что-то насчет следов, потом спросил:

— Ты можешь залечь где-нибудь хоть ненадолго? Двенадцати часов может оказаться достаточно. Но двадцать

четыре — куда лучше. Скоро под стенами города появится Хромой. Тогда у нас будет больше возможностей для маневра, потому что у солдат появятся другие дела.

Единственным местом, которое пришло Смеду в голову, была местная водосточная система, построенная в те времена, когда он был мальчишкой. До того, как ее сделали, в сезоны дождей здесь были нередки паводки. Некоторые участки проходили под землей. В прежние годы дети часто прятались там во время своих игр. Но общественные работы, не служащие нуждам богатых и власть имущих, остановились давным-давно, и водостоки пришли в упадок.

В любом случае это было не то место, где ему хотелось бы прятаться, даже ненадолго. Там сейчас наверняка холодно, сыро и полно крыс. А в последнее время там же прятались преступники и прочий сброд. Но никакого другого места, где можно было бы надежно укрыться хоть на час, Смед так и не вспомнил.

— Когда я был мальчишкой,— начал он,— мы часто...

— Заткнись,— оборвал его Рыбак.— Ничего не хочу знать. Не буду знать — значит никому не смогу сказать, как бы на меня ни давили. Лучше назови такое место, где ты мог бы наблюдать за мной так, чтобы тебя не мог увидеть ни я сам, ни те, кто будет за мной следить.

Смед немного подумал и назвал такое место. Он его хорошо знал, потому что трудовой батальон, в котором он отбывал свой срок, проходил этим маршрутом дважды в день, утром и вечером. Он описал это место Рыбаку, а потом спросил:

— Что ты затеваешь?

— Собираюсь идти к Страннику. Торговаться.

— К черту, мужик! Он же порежет тебя на мелкие кусочки!

— Он может. Но на нас точат зубы многие, а он — единственный, кто предложил конкретную сделку.

— Если бы у меня был выбор, я бы скорее отдал эту дрянь повстанцам. Имперские шишки и без нее достаточно мерзкие ребята.

— Может, ты и прав,— проворчал Рыбак.— Беда в том, что они не хотят за нее платить. Они хотят, чтобы мы отдались им по любви. А я, как всякая старая и умудренная опытом проститутка, имею обыкновение получать плату за свои услуги. Желательно — вперед.

— Для таких парней, как мы,— подумав, сказал Смед,— в общем-то без разницы, кто заправляет делами. Кто бы они ни были, их главная цель — жить за наш счет.

Тем временем разверзлись хляби небесные. Снег повалил так густо, что превратился из врага в союзника.

Старый Рыбак принялся объяснять Смеду, что тому следует делать.

LXVII

Честная компания буквально вломилась в конюшню, спасаясь от разбушевавшейся вьюги.

— Мы потеряли их,— злобно проворчал Ворон.

— Там сейчас даже свою руку не разглядишь, пока не поднимешь ее к морде,— добавил один из Крученых.

— Но ведь сумел же ты выследить Загребущего во время того страшного бурана в Розах? — спросил я.

— Тогда были другие обстоятельства,— коротко ответил Ворон. Он был сейчас разозлен вдвойне. Из-за того, что ему померещилось, когда он ввалился в конюшню. Будто мы делали что-то такое будучи изрядно продырявленными.

Душечка велела им заткнуться. Было ясно, что она уже успела все обдумать. Теперь она просто объяснила остальным, как нам придется действовать, если те парни опять подскажут серым, где нас искать. Она их почти жалела, тех двоих.

Вечно кому-то сочувствует; у нее с этим делом явный перебор. Лично у меня не было ни капли жалости к парням, втыкавшим в меня ножи при каждой встрече.

Волнение поднялось несколько часов спустя, когда пара наших маленьких разведчиков примчалась из храма со срочным сообщением. Какой-то хмырь, судя по

описанию,— тот самый, что метнул в меня нож, явился к Страннику, чтобы заключить сделку. А в качестве жеста доброй воли сказал тому, где можно найти бригадира Головню, а заодно — и всех нас, грешных. Он также изволил сообщить, что штаб-квартира Странника насквозь нашпигована шпионами и тот даже чихнуть не может без того, чтобы об этом не стало немедленно известно Душечке.

Вот тогда-то там и поднялся большой шорох. Многих наших маленьких союзников не удалось предупредить вовремя. Паутинка и Шелкопряд возглавили два карательных отряда. Одновременно Странник спешно сколачивал команду, чтобы напасть на конюшню Гартсена. По наши души. Они понимали, что врасплох нас застать не удастся, но рассчитывали перехватить нашу компанию в городе, где все серые уже были настороже.

Я подумал, что они там страдают избытком оптимизма, если учесть, насколько ловко до сих пор прикрывали нас от посторонних глаз Боманц и Молчун. Правда, Странник пока не знал, какого рода ресурсами мы располагаем. Про Боманца, во всяком случае. И я представлял себе его панику, когда он задумается, что за силы Душечка может поднять на помощь с равнины Страха.

Она уже успела договориться с деревом-богом. Похоже, они подготовили какой-то сюрприз. Какой, я не знал. Но, судя по всему, не маленький.

Я чувствовал себя погано, оказавшись пришпиленным в самом центре мишени, того черного круга, внутри которого назревали исторические события. Ни хрена притом не понимая в происходящем. Совсем неуютно оказаться в центре исторических событий, ни черта не соображая. От меня отмахивались. Дескать, ничего особенного, Кейс, старина. Но если что не так, никто не сможет заставить тебя рассказать то, чего ты не знаешь.

Душечка велела Молчуну и Крученым вывести лошадей, чтобы ими снова не завладели серые. Парни собирались спрятать их где-то на ближайшем пустыре. Это надо же! А что они собираются сотворить со следами? Какое-нибудь великое колдовство, не иначе.

Лошади были частью ее грандиозного плана. Во что бы то ни стало. Я видел часть перепалки ее с Молчуном. Она требовала как можно больше их.

Одна героическая маленькая мартышка проторчала в храме до последнего. Близнецы едва не изжарили ее живьем, но ей удалось все же узнать детали сделки, которую заключил Странник.

Они были следующими: Странник собирался играть честно и выполнить свою часть сделки до конца, если те парни выполнят свою. Мартышка сказала, что хмырь, который вел переговоры, не знал, где спрятан Серебряный Клин. Он также не имел ни малейшего представления, где можно найти его напарника. Единственного человека, знавшего, где искать чертову железку.

Разумный подход к делу. На мой взгляд, Странник был того же мнения. Поэтому он даже не стал пытаться вышибить из посредника силой что-нибудь еще. Просто спросил между делом, как те хотят произвести обмен.

И ведь он был в наших руках! Парень, который знал. Подумать только! Сколько дней я проторчал рядом с ним в одной палатке!

Мне захотелось вышибить дух из капрала Ночных Пластунов, который обвел нас вокруг пальца.

Ворон тоже изрядно завелся.

— Стали бы мы поднимать людей на борьбу с Империей, если бы эти ублюдки вели с нами честную игру! — ворчал он.— Но кто и когда слышал, чтобы хоть один колдун играл честно?

Боманц бросил на него угрожающий взгляд и насупил брови. Но возможности сцепиться у них уже не было. Как раз в этот момент нам сообщили, что парни Странника уже рядом, во дворе конюшни.

Они вышибли дверь и ворвались внутрь, но увидели там только бригадира Головню вместе с ее дружком капралом, сидевших на полу около менгира-недомерка.

Большинство из нас были там же, но Боманц воспользовался своими возможностями на полную катушку, превратив нас в кучи конского навоза и в другие милые безде-

лушки, а Ночным Пластунам внушил, что мы давно смылись из конюшни.

— Эй, парни! — загремел говорящий камень гулким басом.— Привет! Кто не успел, тот опоздал! Вечно вы опаздываете! Почему бы вам хоть раз не подшустрить и не перейти на сторону победителя? Белая Роза никогда не держит зла на новых друзей!

Группа захвата состояла из личных гвардейцев Странника, а не из сопливых новобранцев. С тем большим удовольствием камень продолжал над ними издеваться.

Они рассыпались по строениям конюшни. Часть сразу полезла на сеновал, но там, разумеется, никого не оказалось. Несколько человек принялись развязывать Ночных Пластунов. А некоторые злобно суетились вокруг менгира, прикидывая, как бы заставить заткнуться этот булыжник.

И тут менгир исчез. С громким хлопком. Парни, почти так же громко, захлопали глазами. Не успели они прийти в себя, а камень снова уже был тут как тут.

— Не падайте духом, малыши! — вновь загремел он.— Вам давно пора становиться мужчинами! Решайтесь быстрее, ибо уже сгущаются сумерки, а на рассвете Белая Роза всерьез займется этим рассадником имперской заразы! — Менгир снова исчез.

Его шуточки достали-таки парней.

Менгир снова появился, издеваясь более изощренно. Черные так обозлились, что просто не могли уже обыскивать с той же тщательностью.

Снаружи послышался какой-то шум. Трое черных открыли дверь и нырнули в пургу. Мелькнула слабая вспышка, раздались вопли. В дверях показался пошатывающийся парень. Один.

— Все наши, кто оставался снаружи, убиты,— сказал он.— Лошади украдены.

Это сработал поганец Молчун. Он изо всех сил старался пустить пыль в глаза Душечке. Но она только разозлилась на него за убийства, которых вполне можно было избежать. Хотя лично я его не винил. Он и так слишком долго постился. А теперь сполна отплатил за все прошлые обиды.

Целая банда черных сразу рванула на улицу, горя желанием отомстить за своих приятелей. Менгир-коротышка продолжал испускать вопли восторга, безумно хохотать и осыпать бедолаг градом насмешек.

Конечно, они не поймали Молчуна. Только время потратили. А вот он продолжал доставать их по одному. Наконец они вымелись из конюшни, прихватив с собой бригадира Головню. И правильно сделали. Не то скоро и выметаться-то стало бы некому.

Немного погодя Молчун впустил десять лошадей. Он был страшно доволен собой. Думаю, все были довольны. Кроме Душечки.

LXVIII

Вьюга стихла. Небо прояснилось. Снег искрился под лучами солнца. Казалось, весь мир был наполнен ослепительным, почти нестерпимым светом, когда Хромой взобрался на холм и впервые смог взглянуть на то место, к которому так долго стремился. Его немного тревожила царившая вокруг тишина. Даже птиц, и тех не слышно. И потом, почему над городом стелется так много дыма? Гораздо больше, чем обычно давали трубы домашних очагов. И почему этот дым такой маслянистый?

Неважно. Все неважно. Он чувствовал, как зовет его к себе таящийся где-то здесь Серебряный Клин. Словно он был рожден на свет, чтобы завладеть этим могущественным талисманом, а тот был создан только для того, чтобы принадлежать ему, Хромому. Ему, и больше никому. Там, впереди, его ждала судьба. И жалкая мышиная возня всех тех, кто пытался его остановить, не сможет помешать ему овладеть той великой силой, которая принадлежала ему по праву. Отныне и во веки веков.

Широким шагом, хотя без ненужной теперь спешки, он двинулся вперед. Уверенный в успехе, но тем не менее слегка обеспокоенный тишиной и терзаясь подозрениями. На каждом шагу ему мерещились новые ловушки.

И старые враги.

LXIX

Пес Жабодав был всего лишь одним из целой своры монстров, мчавшихся по горячему следу Хромого. Но он шел первым, был вожаком стаи и единственным из них, кто не нес на своей спине кого-нибудь из самых могущественных властителей Башни. Он был разведчиком и лучшим бойцом. И он надеялся еще до того, как сегодняшний день канет в вечность, навсегда войти в анналы истории. Как легенда. Как тот, кто уничтожил последнего из Десяти Взятых и подвел последнюю, жирную черту под старыми временами.

Он поднялся на небольшую возвышенность. Впереди лежало Весло. Он увидел по следам на снегу, что Хромой тоже задержался здесь. Теперь тот был уже далеко,— крошечное черное пятнышко, оставившее за собой одинокую цепочку следов на девственно-чистой белизне заснеженной равнины.

Жабодав лег на брюхо, чтобы его силуэт нельзя было различить издалека, и стал вслушиваться в тишину. Он принюхался к запаху дыма, повисшего над городом, потом отметил про себя, что вокруг Весла не осталось ничего. Все наружные постройки были .снесены; плоская, как стол, снежная равнина заканчивалась у самых городских стен. Встревожившись на секунду, он обвел внимательным взглядом окрестности.

Раскиданные в отдалении рощицы выглядели словно легионы солдат, ощетинившиеся копьями в тесном, сомкнутом строю.

Тем временем стая монстров приблизилась и сгрудилась за спиной Жабодава. Они выждали, пока пятно вдали — Хромой — не слилось с неясными очертаниями городских стен. Тогда, постепенно разворачиваясь цепью, они двинулись вперед, навстречу смерти или победе.

LXX

Смед сидел в укрытии, в ледяном сумраке старой водосточной трубы. Он трясся от холода и никак не мог унять эту дрожь. Его желудок был давно пуст и сильно болел. Смед был напуган. Он очень надеялся, что живот свело от голода, отгоняя мысль о первых признаках холеры.

Воздух был пропитан жирным дымом и омерзительным запахом сжигаемых трупов. За прошедшую ночь смерть собрала обильную жатву. Все горожане, если не считать солдат, последние дни сильно недоедали. Холера сотнями косила ослабших людей.

Через небольшую дыру в кладке он смотрел на пешеходный мост, переброшенный через большой дренажный ров, спрашивая себя, придет ли Рыбак. И что ему делать, если старик так и не появится. Сидя здесь, Смед постепенно убедил себя, что из них четверых в живых остался он один. Богач, владевший величайшим в мире сокровищем, он был одновременно жалким нищим и, как крыса, обитал теперь по сути в канализации.

Вздохнув, Смед принялся, наверно, уже в десятый раз рыться в своем мешке, мечтая найти случайно завалившийся на дно сухарь. И в десятый раз ничего там не нашел, кроме кучи серебра, золота и драгоценностей из проклятого Курганья.

Судьба! Он все это отдал бы за приличный обед, теплую постель и уверенность в том, что сильные мира сего навсегда позабыли его имя.

Смед задремал и вздрогнул. Погрузившись в смутные мечты, он чуть не пропустил момент, когда на мосту появились двое. Похоже, одним из них был Рыбак, потому что он подал условный сигнал и сразу направился в сторону развалин. Второй остался стоять где стоял.

Смед засунул мешок в пролом, за стенку дренажной кладки, завалил его камнями. Закончив, он побежал к светившемуся в ста ярдах от него дальнему концу трубы.

Примерно посередине он споткнулся о труп, над которым уже потрудились крысы. Но он настолько устал бояться, что перешагнул через тело, почти не обратив на него внимания. Затем вылез из трубы, протиснулся сквозь кучу съехавшего сверху снега и поспешил к месту, где рассчитывал встретить Рыбака. Фактически он бежал вдоль трубы назад, но теперь от человека на мосту его прикрывал земляной вал шести футов высотой.

В руках Рыбак держал внушительных размеров сумку из синей парусины.

— Все в порядке? — прохрипел Смед.

— Похоже, они играют честно. Здесь первая треть, немного жратвы, одежда, пара шерстяных одеял и кое-какое барахло.

При слове «жратва» у Смеда слюнки потекли. Но он упрямо сглотнул их и спросил:

— Что дальше?

— Дальше ты идешь на мост, берешь вторую треть и говоришь ему, где спрятан Клин. Я тебя прикрою. Если он попробует выкинуть какой-нибудь грязный фокус, я его выслежу и убью. Иди. Нам надо быстрее заканчивать с этим делом.

Смед взглянул на старика, словно хотел что-то сказать, потом пожал плечами и пошел в сторону моста. Он чувствовал себя гораздо спокойнее, чем сам того ожидал. Может, в самом деле привык? Он до сих пор был доволен тем, что ни на мгновение не поддался давлению там, в логове мятежников.

Мужчина на пешеходном мосту облокотился на перила, уставившись в пространство. Во взгляде, которым он окинул приближавшегося Смеда, не было и тени любопытства. Вторая голубая сумка стояла около его ног. Смед неслышно подошел к нему и тоже облокотился на перила. Так что сумка оказалась между ними.

Мужчина был гораздо моложе, чем ожидал Смед, и принадлежал к незнакомой ему расе. Теперь понятно, почему его прозвали Странником.

— Смед Стах? — спросил он.

— Да. Хотел бы я знать, почему вы решились на сделку.

— Просто я считаю, что честность в делах и верность слову приносят больше выгод. В дальней перспективе. Вторая треть в этой сумке. У вас есть для меня новости?

— Крепостная стена. Сто восемьдесят шагов на восток от Северных Ворот, под двадцать шестой бойницей для лучников. Залит известковым раствором и закрыт каменным блоком. С блоком вам придется повозиться.

— Ясно. Благодарю. Всего доброго.

Смед поднял сумку и поспешил убраться с моста.

— Прошло как по маслу? — спросил Рыбак.

— Да. Теперь что?

— Теперь на мост снова пойду я. Мы отправимся с ним проверять, правду ли ты сказал. Если нет, он убьет меня на месте и вернется сюда по твою душу.

— Черт побери! Какие сложности. Почему бы нам не унести ноги прямо сейчас? С нас хватит и того, что мы уже получили.

— Он действительно играет честно. Самое разумное, что мы можем сделать,— поступить так же. Нам ведь не сразу удастся выбраться из Весла. Будет приятно сознавать, что есть хоть один человек, который за нами не охотится. Ты сейчас пойдешь и снова спрячешься там, где прятался раньше. А я возвращаюсь на мост.

— Ладно.

Смед едва не свалился в ров, когда, возвещая тревогу, в городе одновременно взревели сотни сигнальных рожков.

Вернулся Хромой.

LXXI

Ворону вожжа под хвост попала. Дескать, стоит ему первому захапать Клин — и они с Душечкой опять — до гробовой доски. У парня мозги слегка отсырели. Ему удалось втянуть в свою авантюру одного Крученого. Самого глупого, Братца Медведя. Больше он никому ничего не сказал.

Сперва им везло. Каким-то чудом они не нарвались ни на один серый патруль. А едва добрались до центра города, как им навстречу — Странник. Рука об руку со старшим

из тех головорезов. Будто они специально для Ворона выбирали время. Ворону с Крученым ничего не оставалось, кроме как последовать за ними.

Странник со своим новым знакомым дошел до пешеходного моста через большой дренажный ров. Там они прислонились к перилам и стали о чем-то переговариваться. Вокруг этого места было большое открытое пространство, мешавшее подобраться к ним настолько близко, как того хотел Ворон.

— Какого черта они там делают? — спросил Крученый.

— Похоже, чего-то ждут,— мудро ответил Ворон.

Вскоре головорез двинулся дальше, сошел с моста и исчез в квартале доходных домов. Минут через пять оттуда появился другой человек, поднялся на мост, перебросился парой слов с Странником и опять ушел, унося с собой большую сумку.

— Дело сделано,— сказал Крученый.— Нам тут больше ничего не светит. Поцелуй дырку и ступай домой.

— Странник пока здесь,— проворчал Ворон,— а Клин в другом месте. Задержимся немного, поглядим, как повернется дело... Смотри!

Старший головорез вернулся на мост к Страннику, и оба снова о чем-то заговорили.

— А теперь смотри туда! — Ворон указал пальцем.

Укрытие, из которого они наблюдали за происходящим, находилось почти на десять футов выше моста. Этой разницы как раз хватило, чтобы к северу от моста заметить голову и плечи человека, который брел по снегу, скрываясь за насыпью от тех, кто стоял на мосту. Парень тащил две синие сумки.

Рев рожков, протрубивших тревогу, взорвал тишину.

Двое на мосту сразу заспешили куда-то.

— Лучше бы нам вернуться за помощью...— нерешительно сказал Крученый.

— Погоди! — В глазах Ворона вспыхнул полубезумный упрямый блеск.— У Странника сейчас будут связаны руки. Ему придется заняться Хромым. Если мы развяжем язык тому парню, может быть, успеем первыми добраться до Серебряного Клина.

LXXII

Смед вернулся в свое укрытие. Сумки он убрал в тот же пролом, где был спрятан его мешок, но предварительно вытащил из них пару армейских шерстяных одеял, тяжелую шинель, нож и бутылку бренди. Надев шинель, он хорошенько приложился к горлышку. Спиртное быстро согрело его. В городе еще слышались звуки рожков. Все они там с ума посходили, подумал он.

Тихий шорох, раздавшийся у дальнего конца трубы, прозвучал, словно удар грома. Он вслушался. Звук исходил примерно оттуда, где лежал труп; там двигалось нечто куда более крупное, чем крыса.

Он осторожно встал, набил карманы куртки жратвой, засунул одеяла в пролом поверх сокровищ, повернулся... И замер.

У ближнего конца дренажной трубы появился силуэт человека. Один из чертовых повстанцев. Рыбак был прав. Эти ублюдки просто так не уймутся.

Человек шагнул внутрь трубы.

Смед быстро забрался в тайник, где лежала их добыча. Это был рискованный шаг, но он рассчитывал, что тому парню потребуется время, пока его глаза привыкнут к темноте.

Он угадал точно.

Тот все еще двигался на ощупь, когда поравнялся со Смедом. Смеду оставалось только протянуть руку и перерезать ему горло.

Парень всхлипнул, свалился, как куль с отрубями, засучил руками и ногами... Смед быстро выбрался из пролома, перешагнул через дергающееся тело и заспешил к ближнему выходу из трубы, не обращая внимания на тяжелые спотыкающиеся шаги за спиной. Он выглянул наружу; яркий свет дня резанул глаза. Он осторожно выбрался из трубы, готовый к худшему. Но снаружи никого не оказалось.

Край дренажного рва в этом месте был почти отвесным, двенадцати футов высотой. Облицованный камнями, он вдобавок ко всему обледенел. Но после бурана ров по-

чти полностью занесло снегом. Пробравшись сквозь заносы, Смед начал карабкаться наверх.

Яростный, злобный вопль, донесшийся из трубы, подхлестнул его. Пальцы рук и ноги сразу перестали скользить. Он одним махом перевалился через выступ у края рва, вскочил на ноги и стал ждать.

Над краем показалось перекошенное от злобы лицо. Смед ударил ногой изо всех сил, угодив прямехонько в лоб. Тот, не издав ни звука, рухнул обратно в ров. Смед посмотрел вниз и увидел там неподвижное тело, почти полностью засыпанное обвалившимся снегом. Он сунул в глубокий карман шинели нож, который до последнего мгновения судорожно сжимал в руке, и подумал, что ему пора убираться отсюда: с моста на него смотрели две женщины и несколько ребятишек.

— Надеюсь, ты замерзнешь там насмерть, сукин сын,— процедил он сквозь зубы, сплюнул в ров и пошел прочь.

Странно. Смед чувствовал себя гораздо лучше, чем всю прошлую неделю. Он понятия не имел, что ему уготовано судьбой. Но сейчас его это совершенно не интересовало.

LXXIII

У Душечки разве что пена ртом не пошла, когда раздался ослиный рев сигнальных рожков, протрубивших тревогу. Обнаружив исчезновение Ворона и Братца Медведя, она принялась рвать и метать. Взбеленилась так, как никто и представить себе не мог. Что бы она там ни замышляла, в какую бы очередную заваруху ни собиралась нас втянуть, но она твердо полагала, что в этот момент вокруг нее будет больше надежных людей.

А теперь она имела в распоряжении только меня, Молчуна, Боманца да еще последнего из братьев Крученых. Лапошлеп полчаса назад помер. Наконец она топнула ногой и просигналила:

— Я обходилась без него раньше. Обойдусь и теперь. Нам пора. Готовьте лошадей.

Она натянула через голову длинную кольчугу, доходившую ей до колен, и накинула поверх нее белый рыцарский

плащ. Пристегивая абсолютно не подходящий для женщины длинный двуручный меч, Душечка рычала и корчила такие жуткие гримасы, что никто не решился с ней спорить.

Боманц помог нам обоим вскарабкаться на коней. Крученый извлек из кучи хлама припрятанное им на всякий случай копье, подал Душечке. Она привязала к древку свое знамя, пока не развертывая его. Если рана и беспокоила ее, она этого никак не показывала.

Молчун наконец восстановил свое душевное равновесие настолько, что решил попытаться спорить с бурей. Буря опрокинула его, ничего при этом не сделав, но парень оседлал свою лошадь и постарался заткнуться.

Когда мы выехали на улицу, Душечка остановилась на мгновение и взглянула на небо. Похоже, она осталась довольна увиденным. Я тоже посмотрел наверх и заметил там только парящего в вышине ястреба. Очень высоко. Или орла, но тогда тот должен был лететь еще выше.

Она тронула своего коня. Не изволив нам сказать ни полслова о том, что она намерена делать дальше. Наверно, посчитала, что стоит ей намекнуть нам об этом, и мы тут же ее свяжем. По рукам и ногам.

Она была, как всегда, права.

Какое-то время мы занимались тем, что перестраивали на ходу наши боевые порядки. Так, чтобы оба колдуна при любых обстоятельствах находились рядом с Душечкой и могли, в случае чего, прикрыть ее при помощи своих иллюзий.

Она направила коня в ту сторону, где громче всего гудели рожки, оповещая о приближающейся угрозе.

Безумная баба.

Серые и черные предприняли на нас несколько мелких петушиных наскоков, но мы их легко отбили. Продвигаясь в сторону юго-западной крепостной стены, мы обгоняли солдат, сотнями спешивших в ту же сторону. Молчун и Боманц сотворили и пустили впереди нашей честной компании удивительно мерзкий, пронзительный звук, отпугивавший всех, кто попадался на нашем пути. Пустив лошадей галопом, мы вихрем ворвались на пустое откры-

тое пространство рядом со стеной. Душечка направила своего скакуна прямиком на пологую аппарель, по которой на крепостной вал затаскивали тяжелые катапульты и другие орудия. Перепуганные солдаты горохом посыпались вниз, лишь бы убраться с ее пути.

Прошедший год был просто восхитительным, сказал я себе. Увлекательным, захватывающим. А теперь пришла пора умереть.

Когда мы, следом за Душечкой, галопом влетели на аппарель, солдат, еще остававшихся там, словно ветром сдуло. Выскочив на гребень крепостной стены, я увидел совсем недалеко приближавшегося к Веслу Хромого. Во всей его поганой красе.

Душечка резко осадила коня, заставив его подняться на дыбы и громоподобно заржать. И развернула свое шелковое кроваво-красное знамя с вышитой на нем Белой Розой.

Повисло гробовое молчание. Имперцы остолбенело пялились на плещущееся на ветру полотнище. Даже Хромой оторопел и приостановил свою неумолимую поступь. Мертвую тишину разорвал пронзительный клекот орла. Я не ошибся. Все-таки это был орел. Клекот перешел в скрипучий визг. Царь птиц камнем упал вниз. Едва он сел на плечо Душечке, лишь в последний момент смягчив удар, который мог переломать кости кому угодно, как она подняла руку, повелительно указывая куда-то за крепостные стены.

Все головы непроизвольно повернулись в ту сторону. Три, пять, семь, восемь! Восемь воздушных китов реяли в воздухе. Взводы, эскадроны, батальоны, легионы кентавров, выскочив из-за своих укрытий, легким галопом мчались к Веслу. Несмотря на снег, сильно приглушавший звуки, кентавров было такое великое множество, что земля содрогалась от громового топота их копыт. Рощи и леса, видневшиеся вдали, ожили. Шагающие деревья, сомкнув ряды, двинулись к городу. Со спин воздушных китов в воздух тучами взмывали стаи мант. Некоторые разлетелись во все стороны, проводя воздушную разведку, но большинство барражировало над городом, то и дело проносясь за

нашими спинами. Чтобы любому олуху стало ясно, что мы находимся под их надежной охраной, а город полностью окружен.

Душечка приподнялась на стременах и тяжелым взглядом окинула изрядно струхнувших имперцев, как бы выискивая среди них несогласных с тем, что сегодняшний день — это день Белой Розы.

Гладкая снежная поверхность близ стен Весла лопнула; из-под земли прорезались каменные зубы. Это появились менгиры. Занимая заранее отведенные места, они принялись постепенно формировать каркас стены, начавшей расти вокруг Хромого.

Душечка снова опустилась в седло. Она была довольна собой. Казалось, все вокруг проглотили языки и теперь молча ждали объяснений. Включая Хромого.

На лице Боманца, обращенном на север, читались решимость, настороженность и непоколебимость. Казалось, никакие события не могли отвлечь старика от выполнения обязанностей охранника. Молчун, почти с тем же выражением лица, не спускал глаз с южной части крепостной стены. А мы с Крученым шарили глазами по толпе, пытаясь глядеть во все стороны сразу.

— Кейс! — сказал Боманц.— Передай ей, что прибыл Странник.

Я подал лошадь назад так, чтобы она могла видеть мои руки, не упуская при этом из виду Хромого и держа в поле зрения воинство с равнины Страха, продолжавшее разворачивать свои боевые порядки, и передал сообщение Боманца, а от себя добавил, что заметил Паутинку и Шелкопряда, подкрадывающихся к нам с севера и с юга.

Она только кивнула. С самым невозмутимым видом.

Странник шел пешком, никуда особо не торопясь. Как ни в чем не бывало. Он явно не собирался ничего предпринимать, пока сам, лично, не разберется в истинных масштабах возникших затруднений. Меня удивило, как молодо он выглядит. Хотя чему тут удивляться? Умудрялась же Госпожа, в свои четыреста с гаком, смотреться на двадцать с небольшим. Заметил я и того шустрого старика, любителя орудовать ножом. Он следовал за Странником, как тень.

Странник подошел ближе и в одно мгновение оценил ситуацию. Но никак не отреагировал, если не считать короткого взгляда, которым предостерег Паутинку и Шелкопряда от необдуманных действий.

— Весьма впечатляюще. Весьма,— сказал он, обращаясь к Душечке. По-моему, он совершенно не впечатлился.— Вы меня просто ошеломили.— И ошеломленным он тоже не выглядел.— Меня зовут Странник. А как прикажете называть вас? И кто будет говорить от вашего имени?

Ничего себе. Парень выбрал самый подходящий момент для официальных представлений.

Боманц с Молчуном были при деле. Крученый в счет не шел, он слишком плохо владел языком. Как в прямом, так и в переносном смысле. Оставался один старина Кейс. Я единогласно утвердил себя толмачом.

— Белая Роза.— Я сделал приличествующий случаю жест.

— Очень приятно,— поклонился Странник.

Остальных я называть не собирался. Но Боманц решил иначе.

— Боманц,— сказал он.— Тот, Кто Пробудил Зло.

Странник приподнял одну бровь, демонстрируя легкое удивление. Боманц? Что ж, репутация солидная. Но ведь, кажется, предполагалось, что он мертв?

Затем я представил Молчуна.

— Молчун. Прежде служил в Черном Отряде. А мое имя — Филодендрон.

Про Крученого не было сказано ни слова. Мысль о том, что надо бы оставить Страннику над чем поломать голову, показалась мне удачной.

— Полагаю, вас привела сюда та же причина, что и всех остальных? — спросил Странник. Он поглядывал одним глазом в сторону Хромого, как я заметил. А тот, похоже, уже оценил ситуацию и принял решение, как ему действовать дальше.

Я обменялся несколькими знаками с Душечкой, после чего сказал Страннику:

— Верно. Серебряный Клин. Дерево-бог решило любой ценой не допустить, чтобы этот сгусток зла попал в

руки тех, кто хочет умножить с его помощью свое могущество.

— Я так и понял,— сказал Странник. А чего тут было не понять. Казалось, под стенами Весла собрались все причудливые порождения равнины Страха.— Но у того типа,— Странник кивнул в сторону Хромого,— есть свое мнение на этот счет.

Душечка быстро подала мне несколько знаков.

— Мы разделаемся с ним,— перевел я.— Если у вас не получится. Дерево-бог решило, что он принес в мир слишком много зла и с ним пора покончить.

Странник хотел сказать еще что-то, но такой возможности у него уже не было. Наверно, Хромой расслышал наш разговор, пришел в бешенство и решил доказать, что его рано сбрасывать со счетов.

Он напряг все свои силы и попытался прорваться в нашу сторону. Это ему почти удалось, но тут Паутинка нанесла ему удар, после которого он полетел вверх тормашками. Хромой тут же начал изрыгать заклинания. Он ревел так, что земля дрожала. Шелкопряд вмазала ему хорошенько с другой стороны, затем на него посыпался град метательных снарядов. С юга, где я только сейчас заметил отряд черных всадников, восседавших на самых отвратительных монстрах, которых мне когда-либо приходилось видеть, в сторону Хромого протянулась дуга ослепительно сиявших красных шаров. Среди монстров я узнал нашего старого приятеля, Жабодава. Падая на землю, красные шары взрывались, испаряя снег, сотрясая почву, оставляя на ней дымящиеся черные ямы.

Странник, засунув руки в карманы, невозмутимо наблюдал за происходящим.

Наша команда тоже пока не вмешивалась в схватку.

На свободное пространство у стены выдвинулись Ночные Пластуны. Чистенькие, на форме — ни пылинки, они маршировали, чеканя шаг под звуки военного оркестра. Они начали занимать свои позиции с таким видом, будто здесь происходила всего лишь смена почетного караула. Бригадир Головня, в парадном мундире, церемониальным шагом подошла к Страннику и отдала рапорт.

Тем временем шум за стеной слегка подутих. Хромой пока избежал серьезных повреждений, но и сам не нанес никому ощутимого вреда.

Головня посмотрела в нашу сторону. Я не удержался и подмигнул ей. Она даже вздрогнула от удивления. Тогда я решил подпустить еще одну шпильку.

— Что ты собираешься делать сегодня после работы, сладкая? — елейным голосом спросил я.

Она бросила в ответ какое-то оскорбительное замечание. Дала понять, что я ей не ровня. Тьфу ты, ну ты! Ну и черт с тобой. Для меня она все равно была слишком стара.

Едва Головня с Странником принялись обсуждать тактику дальнейших действий, как на крепостную стену набежала громадная тень. То снижался, занимая позицию над нашими головами, исполинский воздушный кит. Впечатляющее зрелище.

Странник тоже заметил перемещение кита. По его лицу впервые скользнула тень беспокойства, но он не прервал свой разговор с Головней о тактике действий. Хромой явно готовился что-то предпринять. Тем временем черные всадники спешились. Их чертовы скакуны куда-то исчезли; Жабодав — тоже. Всадники постепенно приближались. Я обратил внимание, что говорящие камни, ходячие деревья, кентавры и прочая нечисть с равнины Страха, пропустив всадников вперед, тронулись за ними следом.

Окутав себя черным облаком, Хромой бросился на штурм стены. На него опять навалились со всех сторон, но на этот раз — безуспешно. Он высоко подпрыгнул и ударил в стену ногой, пробив в ней брешь чуть ли не в пятьдесят ярдов шириной. Теперь в игру включился Странник, обрушив на Хромого целые водопады огня.

Когда мы дрались с Хромым у монастыря, он боялся огня больше всего на свете, но теперь не обратил на него никакого внимания. Он явно хотел обрушить тот участок стены, на котором мы стояли. Нанеся два удара, он пробил еще две бреши, слева и справа от нас. Потом чуть отступил назад, обдумывая, как поступить дальше. Странник продолжал заниматься пиротехникой. Без особого успеха.

Ночные Пластуны в бешеном темпе заделывали проломы.

Если бы я был Хромым, то твердо знал бы, что делать дальше. Я бы прорвался сквозь любой из проломов и постарался бы разделаться со своими главными врагами.

Он быстро сообразил это сам. Умная сволочь. Почти такая же умная, как я.

Снег под стеной был весь истоптан, но один нетронутый кусочек снежной целины там все же оставался. На него-то и отступил Хромой, размышляя, какой пролом лучше всего атаковать. Тогда из-под земли выстрелило больше полусотни тонких зеленых щупалец, которые оплели глиняное тело, пытаясь разорвать его на куски. И сразу же словно вскипел весь остальной снег. Отовсюду повыскакивали кошмарные чудовища, и Хромой почти скрылся под шевелящейся кучей. Пес Жабодав сомкнул челюсти на его шее, пытаясь откусить голову. Другое чудище ловко затолкало ему в рот здоровенное копыто, чтобы тот не смог пустить в ход заклинания. Черные всадники бегом приближались к месту свалки.

Близнецы с Странником, казалось, не обращали никакого внимания на происходящее внизу. Они теперь смотрели назад, в сторону города, делая сложные согласованные пассы руками. Будто приманивали кого-то. Из глубины города взмыла и понеслась в нашу сторону громадная стая птиц. Когда она была уже совсем рядом, я разглядел, что то были совсем не птицы, а чертова прорва какого-то деревянного хлама.

Весь этот хлам опустился за крепостной стеной, приняв аккуратную пирамидальную форму погребального костра. Они что, собирались поджарить Хромого, что ли? Но ведь огонь его не берет, в этом они уже убедились.

Нет. Дело было в другом.

Вслед за дровами появился громадный котел с водой. Он плюхнулся на заранее подготовленное место посреди кучи дров. А за котлом последовала большущая крышка. Пока, в ожидании дальнейших событий, она просто повисла в воздухе.

Черные всадники наконец добрались до места сражения и присоединились ко всеобщей потехе. Каждый из участников свалки норовил отрезать, отрубить или откусить от Хромого хотя бы кусочек.

— Тут, похоже, собрались варить суп,— сказал я Крученому.— У тебя не найдется пары луковиц, чтобы бросить в котелок? А то бульон получится слишком пресным.

— Каков храбрец, а? — пробормотала бригадир Головня. И подмигнула, когда я на нее оглянулся.

Храбрец? Да во мне и капли храбрости не осталось. Какого черта меня опять угораздило влезть в чужие разборки? Вдобавок бедро разболелось так, что я мог отрубиться в любую минуту.

Хромой откусил копыто, засунутое ему в рот, выплюнул его и издал рев, сотрясший небо и землю. Полный апокалипсис, подумал я. Во все стороны полетели тела и куски тел, удержался только один Жабодав, вцепившийся в Хромого мертвой хваткой. Они покатились по земле, издавая вопли и звериное рычание. Остальные опять начали подбираться ближе, выбирая момент, чтобы снова ринуться в драку.

Странник оценил потери и взглянул на меня.

— Хромой слишком силен для нас,— сказал он.— Надежд на успех немного. Не хотите ли внести посильный вклад?

— Он просит помощи,— перевел я Душечке.

Она кивнула, не отрывая взгляда от катавшегося внизу клубка. На какой-то момент мне показалось, что она не собирается отвечать. Но вот она подняла руку и сделала несколько быстрых, непонятных мне знаков пальцами. Орел спрыгнул с ее плеча, взмахнул могучими крыльями и быстро взмыл вверх.

Посмотрев вниз, я понял, что имел в виду Странник, говоря о силе Хромого. Одно из чудищ снова заткнуло ему рот лапой, не давая пользоваться заклинаниями. Жабодав продолжал висеть на нем, упираясь всеми четырьмя лапами в спину, сжимая в зубах голову, которую уже почти открутил. Но остальным никак не удавалось лишить Хромого возможности двигать руками и ногами, которыми он производил настоящее опустошение в рядах противника.

Тень воздушного кита увеличилась в размерах. Он снизился настолько, что я уже ощущал исходившую от него вонь.

Зависнув над землей, он запустил свои щупальца в самую гущу схватки и схватил Хромого, не особо заботясь о том, чтобы не зацепить остальных. В жутких объятиях его щупалец оказались сам Хромой, Жабодав, парочка других монстров и несколько человеческих существ, не успевших даже вскрикнуть перед тем, как были раздавлены. Воздушный кит мог с легкостью выдергивать из земли пятисотлетние дубы. У Хромого такой силы все-таки не было. Кит поднял весь этот шевелящийся комок в воздух, раскрошил на мелкие кусочки и бросил в гигантский котел.

Что делать, иногда без грубой силы просто не обойтись.

Крышка котла с грохотом упала вниз. Звякнули защелки. И сразу заревело пламя погребального костра.

Я спрашивал себя, неужели Хромому удастся выпутаться на этот раз? Прежде он умудрялся уцелеть и не в таких передрягах.

— Как будем решать с Серебряным Клином? — спросил я Странника. Мой вопрос явно не доставил ему удовольствия.— Вы не смогли самостоятельно справиться с Хромым. Тем более не сможете справиться с нами,— добавил я. Для ясности.

Задумчиво взглянув на воздушных китов, на говорящие камни, на ходячие деревья, на кентавров и мант, он ответил:

— В этом есть доля истины. С другой стороны, как я могу капитулировать, отдать вам орудие, с помощью которого может быть разрушена Империя? У меня хорошие солдаты. Кто знает, что окажется хуже — капитуляция или сражение?

Он не знал. Я — тем более. Поэтому просто передал его слова Душечке. Все окружающие наблюдали за нами, ожидая сигнала к дальнейшим действиям. Хотя Хромого удалось вывести из игры, общее напряжение не спадало.

Душечка передала мне свое знамя, чтобы освободить для ответа обе руки. Приняв его, я испытал странное чув-

ство. Будто меня заставили присягнуть делу, которое я поддерживал далеко не безоговорочно. На сей раз ответ Белой Розы был достаточно подробным.

— Серебряный Клин не должен использоваться никогда и никем,— перевел я Страннику.— Дерево-бог решило помешать этому любой ценой. Оно уже подготовило для этого средоточия зла надежное место: область первозданного хаоса между двумя вселенными, откуда его сможет извлечь лишь зло, неизмеримо более могущественное, чем то, которое заключено в самом Клине.

Сам я эти слова понял так, что если когда-нибудь и найдется кто-то достаточно могущественный, чтобы завладеть проклятой железкой, то она просто не будет ему нужна, так как ничего не добавит.

Странник еще раз взглянул на воинство с равнины Страха и пожал плечами.

— Такой вариант меня устраивает,— сказал он.— Мы и сами хотели изолировать Клин навсегда. Но ваш метод кажется мне более надежным, чем тот, о котором думали мы.

Конец его фразы потонул в грохоте и треске, полыхнула вспышка. Боманц выкрикнул заклинание, после которого Паутинка, шатаясь как пьяная, сделала несколько неверных шагов и свалилась вниз с крепостного вала.

— Она была не согласна с принятым решением,— пояснил старый колдун.

Странник пристально посмотрел на Шелкопряда. Та замерла, не закончив начатого движения. Потом медленно расслабилась, опустила горящие глаза, а спустя минуту отправилась вниз, проверить, что случилось с ее сестрой.

Я успокоил Боманца. Старина был вполне доволен собой.

Кстати, о стариках. Куда подевался тот хмырь, что пришел сюда вместе с Странником?

Испарился. А я даже не заметил когда.

Да уж. Этому старому ублюдку ни одно привидение и в подметки не годилось.

LXXIV

Ворон приходил в себя медленно, с трудом. Его трясло. Сперва вернулось воспоминание о мелькнувшем перед глазами ботинке и о страшном ударе. Затем он осознал, как дико болит, просто разламывается его голова. Потом почувствовал свирепую боль в бедре. И наконец понял, что руки и ноги кажутся ему теплыми потому, что он вот-вот замерзнет насмерть.

На мгновение Ворон впал в панику, заметался. И осознал, что конечности почти не подчиняются ему. Он запаниковал еще сильнее, но потом все же взял себя в руки. Извиваясь, он выбрался из-под снежной кучи, а затем очень осторожно поднялся на ноги. Почувствовав себя чуть лучше, Ворон соскреб с лица смерзшуюся кровь. Да уж, ублюдок въехал ему от всей души. Против своей воли он почти восхищался этими ребятами, с такой яростью сражавшимися против целого мира.

Путь наверх по откосу рва оказался тягостным, мучительным. Но вот Ворон добрался до верха и выпрямился, покачиваясь на ватных ногах, почти теряя сознание от грызущей боли в бедре. Обстановка в городе изменилась. В небе он увидел воздушных китов, а в той стороне, где была крепостная стена, заметил полыхание колдовских огней.

Значит, Хромой уже здесь. А Душечка сейчас в центре событий. И при этом его нет рядом.

Она наверняка подумала, что он опять сбежал.

Ворон появился на месте заварухи как раз в тот момент, когда Паутинка свалилась со стены. После этого все присутствующие как-то сразу расслабились. Хромой больше не представлял собой непосредственной угрозы.

Вся толпа двинулась вниз по аппарели. Солдаты подвели лошадей Страннику и бригадиру Головне. Сопровождаемые взводом Ночных Пластунов, они двинулись на север. Похоже было на то, что Душечке удалось заключить с Странником сделку.

Не приходилось даже думать о том, чтобы догнать их на непослушных, подгибающихся ногах.

Близнецы склонили головы друг к другу. Они о чем-то перешептывались, злобно поглядывая вслед уехавшим. От них прямо-таки разило вонью подлости и готовящегося предательства.

С обеих нельзя было спускать глаз.

LXXV

Когда чудовища начали плавать по всему небу, Смеда охватил приступ осторожности. Не зная другого места, где можно было бы спрятаться, он повернул назад к дренажному рву.

Парень, которому он въехал ногой по мозгам, еще валялся внизу, но уже начал пошевеливаться. Смед встал так, чтобы его не было видно, и принялся наблюдать, что за этим последует. Спустя какое-то время тот поднялся на ноги, выбрался из рва и нетвердой походкой потащился прочь. Хорошо. По крайней мере теперь у него появилось место, где можно дождаться Старого Рыбака. Смед обошел водосток, забрался в трубу с северного конца, пробрался к своему наблюдательному пункту и стал ждать.

Рыбак появился не скоро. Он остановился на пешеходном мосту, прислонившись к перилам... Синей сумки у него не было. Проклятие. Смед свистнул достаточно громко, чтобы привлечь его внимание, потом осторожно махнул рукой.

— Что там стряслось? — спросил он, когда Рыбак залез в трубу.— Где последняя сумка?

Старик объяснил, как повернулись дела, а Смед рассказал ему свою часть истории.

— Теперь нам необходимо убраться из города,— сказал Рыбак, выслушав его.— Наверно, мы сможем выбраться через один из проломов, когда в очередной раз поднимется суматоха. Можно рассчитывать на удачу, когда разгорится последняя схватка за чертов Клин. А она обязательно разгорится.

Они взяли мешок Смеда и синие сумки, предварительно извозив их в грязи, и отправились к городской стене, поближе к тому месту, где Хромой пробил в ней три дыры. Город казался обителью призраков. А живые отсиживались за запертыми дверями своих домов, задвинув занавески, затворив окна ставнями, молясь своим богам, чтобы те охранили их от жутких пришельцев извне и от страшной холеры внутри собственных стен.

Раздававшиеся время от времени полные смертной муки завывания очередной жертвы холеры скорее наводили Смеда на мысли о привидениях, чем о живых и страдающих людях.

LXXVI

Странник не сказал нам, где спрятан Серебряный Клин. И дело было не в том, что он собирался кого-то обвести вокруг пальца. Скорее он хотел участвовать во всей этой истории до самого конца, хотел взглянуть на причину разразившейся в Весле страшной заварухи. Я его в этом не виню. Мне и самому хотелось посмотреть, как выглядит чертова железка сейчас. Когда я видел ее в последний раз, то был просто большой серебряный кол.

Он привел нас к Северным Воротам, поднялся на крепостную стену и принялся ходить по ее гребню, отсчитывая шаги. Мы держались рядом. За стеной войска наших союзников тоже переместились к северу. Странник приказал бригадиру Головне наглухо перекрыть все подходы к этому участку стены. Чертов кусок металла и так причинил нам всем достаточно хлопот. Затем он приказал доставить сюда каменщиков, а также тяжелое подъемное оборудование.

Проклятый Клин был замурован в стене! Понятно, почему до сих пор до него никто не сумел добраться.

Головня отдала несколько приказов. Ночные Пластуны плотным кольцом окружили место работ. Я забеспокоился. Если бы не летающие гиганты у нас над головами, я беспокоился бы гораздо сильнее.

На доставку оборудования и рабочих ушло два часа. Еще час — на подготовку к работам. Наконец они начали разбирать стену. Никто не смог бы все это время оставаться в постоянном напряжении, и люди немного расслабились.

Пока длилось ожидание, Боманц в какой-то момент спросил Странника:

— Какие распоряжения вы отдали по поводу костра? Вытопить из Хромого сало — отличная идея, но его придется варить не один день. Между тем мне кажется, что огонь затухает.

Странник посмотрел в ту сторону. Боманц был прав. Тогда Странник нахмурился, выругался и зарычал на Головню. Через какую-то минуту около костра, подкидывая топливо, засуетились мои старые знакомые-ополченцы. Но они не слишком хорошо делали свою работу.

Когда все было на мази, Странник спросил Душечку, готова ли она к тому, чтобы извлечь Клин. Та махнула рукой, сделав знак начинать.

Напряжение опять возросло. Нервы у всех были на пределе. Мне кажется, многие мечтали о том, чтобы кто-нибудь сорвался и выкинул какой-нибудь фортель. Просто чтобы спустить пар, разделавшись с этим болваном.

Каменщики загрохотали кувалдами, зазвенели колами, принялись орудовать рычагами и через десять минут уже вывернули из стены первый камень.

День клонился к вечеру, когда рабочие добрались до того слоя строительного раствора, где должен был находиться Серебряный Клин. На минуту все забыли о разделявшей их вражде и столпились у стены, чтобы взглянуть на выступавший наружу, почерневший от времени хвостовик Клина. Душечка приказала Молчуну извлечь Клин целиком.

Молчун взял у каменщика кувалду, надел толстые кожаные рукавицы, приготовил кожаный мешок и чью-то старую рубашку, чтобы завернуть в нее чертову железку. Он сделал все, чтобы избежать случайного соприкосновения с Клином.

У Душечки уже был наготове небольшой деревянный сундучок.

Когда Молчун последним ударом вывернул Клин наружу, я случайно оглянулся в сторону стоявшего на костре котла и поэтому пропустил начало новой заварухи вокруг меня. Зато заметил начало той свалки, которая разгорелась вокруг котла. Ополченцы, поддерживавшие огонь, вдруг бросились врассыпную, словно стайка мальков при появлении голодной щуки.

Крышку с котла сорвало, и она отлетела в сторону.

Чудовище, состоявшее из кусков всех существ, брошенных в котел воздушным китом, с огромным количеством конечностей, каждая из которых находилась не на своем месте, перевалилось через край и рухнуло в огонь.

И тут же кто-то истошно закричал за моей спиной. Я резко обернулся.

Один легковооруженный Ночной Пластун только что сбросил со стены бригадира Головню, а второй вонзил нож в Странника. Первый, не останавливаясь, сразу же бросился на Боманца.

Паутинка и Шелкопряд!

Боманц отступил назад, нелепо взмахнул руками, словно пытаясь схватиться за воздух, свалился вниз и воткнулся головой в сугроб, который намело у стены.

Одна Душечка не потеряла присутствия духа. Отбросив в сторону знамя Белой Розы, она выхватила меч, нанесла сильный удар обидчице Боманца и отправила ее вслед за стариком вниз со стены.

Напавшая на Странника испустила страшный хриплый вопль.

Этот крик парализовал нас всех. Ведьма вихрем налетела на Молчуна, осыпая его градом ударов. Наконец она вырвала у него Серебряный Клин, подняла его над головой и дико, торжествующе взвыла.

Из ниоткуда возник Ворон, ударил ее ножом в грудь и попытался выбить у нее из рук Клин. Со второй попытки это ему удалось. Клин кувыркнулся в воздухе и упал в снег. С наружной стороны стены. Ворон и уцелевшая сестра-колдунья тут же бросились за ним следом. Ворон еще несколько раз пырнул ее ножом в брю-

хо, не обращая внимания на то, что она страшно орала и пыталась его задушить.

А к стене тем временем приближалось кошмарное чудовище, выбравшееся из котла. Оно нетвердо ступало по снегу, шаталось, но продолжало неуклонно тащиться в нашу сторону, невзирая на бешеное сопротивление всего воинства с равнины Страха.

LXXVII

— Нам пора,— сказал Старый Рыбак Смеду.

Они выбрались из своего убежища и, положившись на волю богов, решительно направились к ближайшему пролому. Люди, попадавшиеся навстречу, были полоумными от ужаса, а потому не обращали на них никакого внимания. Они вскарабкались по осыпи из битого камня, выбрались на ту сторону, спрыгнули вниз и быстрым шагом направились на юг.

Смед все боялся, что за ближайшим поворотом их ожидает какая-нибудь очередная напасть. Наконец они перевалили первую гряду низких холмов, скрывшую от них Весло. Только тогда Смед вздохнул свободнее.

— Все-таки мы сделали это! — воскликнул он.— Черт меня возьми! Мы действительно прорвались!

— Сплюнь,— предостерегающе сказал Рыбак.— Вся свора еще может нас догнать.— Он неожиданно ухмыльнулся.— Но должен сказать, будущее выглядит совсем не так скверно, как последние месяцы.

LXXVIII

У Ворона все смешалось в голове, пока он падал со стены, вцепившись в истошно вопившую колдунью. Перед глазами нелепо кувыркалась стремительно летевшая навстречу земля, в ушах отдавался громовой рев летающего кита, недовольного тем, что все попытки схватить вырвавшееся из котла чудовище остались безуспешными...

Удар! Он почувствовал, как лезвие ножа вонзилось в хребет колдуньи, прошло между позвонков. И тут же громко

хрустнула его нога, оказавшаяся в момент удара под телом проклятой ведьмы. Оба взвыли еще раз, с треском ударившись друг об друга головами.

Ему повезло больше. Он не потерял сознание, а тело кое-как подчинялось воле. Ворон отполз на несколько футов в сторону и попытался понять, насколько серьезно повреждена нога. На сложный перелом не похоже. Но боль все равно адская.

Вокруг него валялись неподвижные тела. Дышал только один Боманц. Ворон приложил к ноге снег; она быстро онемела, и боль немного утихла.

Сверху что-то кричали. Он заметил Кейса, который подпрыгивал и размахивал руками. Ворон посмотрел в ту сторону, куда указывал Кейс.

К ним приближалось чудовище, вырвавшееся из котла. До него оставалось не больше сотни ярдов. Казалось, ничто уже не сможет его остановить. Манты буквально засыпали его своими молниями, но оно не обращало на это ни малейшего внимания. Им владела одна мысль: Серебряный Клин.

Кейс орал, требовал, просил, чтобы он нашел этот Клин и швырнул его обратно на стену, пока то чудовище не завладело проклятой железкой.

Боманц перевернулся на живот, встал на четвереньки, потряс головой, тупо огляделся вокруг, заметил приближавшегося монстра... Лицо его побелело как снег.

— Я попытаюсь задержать его,— прохрипел старик.— Найди Клин и отдай Душечке. Любой ценой.

Пошатываясь, колдун поднялся на ноги и заковылял навстречу монстру.

Ворон подумал мельком, что эта тварь — уже не Хромой, а что-то совсем другое, хотя чудовищем по-прежнему двигали безумие, неуправляемая ярость, злоба и амбиции, свойственные всем Взятым.

Он принялся озираться вокруг, надеясь найти хоть какие-нибудь признаки того, куда упал Клин. Боль раздирала ногу. Ему было во сто крат хуже, чем в тот раз, когда Костоправ всадил в него одну из стрел Госпожи.

LXXIX

Казалось, Ворон наконец понял, чего мы от него хотим. Я уже собирался сам спрыгнуть вниз, но Душечка мне не позволила.

— Похоже, у него сломана нога,— сказал я. В ответ она только кивнула.

Боманц встретил тварь, вырвавшуюся из котла, одним из лучших своих заклинаний. Та осела от удара, рухнула на брюхо, вспыхнула ядовито-желтым пламенем и мерзко заскулила.

Двое Ночных Пластунов втащили назад на стену бригадира Головню. У нее оказались сломаны плечо и пара ребер в придачу. Выглядела она сейчас страшнее, чем смертный грех, но была готова сражаться до последнего.

— Похоже,— сказал я,— ты теперь самая главная Головня во всей Империи.

— Похоже,— согласилась она, окинув взглядом кровавую кашу вокруг. По-моему, она ни малейшего понятия не имела, что делать дальше.

С неба на крепостную стену свалился говорящий камень. Мой старый приятель, с трещиной. Он просто жаждал получить от Белой Розы хоть какой-нибудь приказ. Но никаких приказов не последовало.

Ворон продолжал неловко елозить по снегу. Тварь из котла снова начала двигаться. Вокруг скакали кентавры, осыпая ее копьями. Заклинание Боманца ослабило защиту, и большинство копий вонзалось в чудовище, превратив его в подобие дикобраза. Но оно не обращало никакого внимания на осыпавшие его дождем метательные снаряды.

Страшное дело — все эти маньяки!

Боманц врезал ему еще разок.

Монстр снова осел. Он дымился. Вонзившиеся в него копья горели. Но вывести эту тварь из игры никак не удавалось. Она лишь приостановилась. Боманц бессильно пожал плечами. Он больше ничего не мог сделать.

Ворон продолжал медленно копаться в снегу, волоча за собой сломанную ногу. Он даже не поднимал головы, чтобы поглядеть на приближавшееся к нему чудовище. Да и

зачем? Либо он успеет найти Серебряный Клин вовремя, либо нет.

— Раз уж мы все равно торчим тут без дела, отчего бы нам не сбросить вниз веревки, чтобы помочь моим приятелям подняться на стену? — сказал я Головне, посматривая на Молчуна. Тот уже поднялся на ноги, но вид у него был такой, словно он только на десять процентов находится в этой реальности. Чистый лунатик, с пеной у рта.

Головня посмотрела на меня так, будто у меня началось размягчение мозгов. Конечно. Раз мне пришла в голову мысль, что она может спасти гадких повстанцев. Пришлось ей кой о чем напомнить.

— Над нашими головами летает чертова туча голодных летающих китов,— намекнул я, а менгир тут же исчез, чтобы передать указание ближайшему гиганту. Тот сразу резко пошел на снижение. Рубец, с довольным кудахтаньем, опять возник на прежнем месте.

Головня чуть не испепелила меня взглядом, но приказала нескольким своим ребятам запустить одну из лебедок, при помощи которых разбирали стену.

— Готовься, парень! — крикнул я Молчуну.— Сейчас тебя поднимут наверх!

Он просто не расслышал меня. Похоже, готовил Хромому особый сюрприз.

Старина Боманц завопил изо всех сил, разродившись самым страшным из своих заклинаний, и одновременно попытался отскочить в сторону. Ни то ни другое не принесло ему особой пользы.

Чудовище обрушилось на него, навалившись всем своим весом. Старик еще раз крикнул — то был скорее вопль ярости, чем крик страха или боли — и попытался дать отпор.

Молчун задрал голову, посмотрел наверх, на Душечку. Он улыбнулся сквозь слезы, потом коротко кивнул головой, как бы отдавая прощальный поклон и... прыгнул вперед.

Псих ненормальный. Черт бы его побрал!

Он запрыгнул чудовищу на спину. Плоть твари расплескалась, как вода, и вспыхнула, словно нефть. Только

пламя было зеленым. Любимый цвет Молчуна. Монстр упал на спину и начал кататься по земле, оставляя на ней отметки своего горящего тела.

Ворон продолжал рыться в снегу.

Душечка несколько раз ударила кулаком по каменной кладке; по ее щекам тихо струились слезы. Потом, резко повернувшись ко мне, она сделала несколько знаков:

— Пусть кит хватает эту тварь сейчас. Слабее она уже не станет.

Мне не пришлось переводить менгиру. Тот умел читать язык знаков и почти мгновенно исчез.

К тому времени, как он вернулся, кит уже снова рвал монстра на части своими щупальцами.

— Как ты считаешь,— спросил я Головню,— вы не упустите котел снова? Сможете сделать так, чтобы он кипел все время, если мы опять побросаем туда эти клецки?

У нее на физиономии появилось выражение базарной торговки, готовой ринуться в бой, но она кое-как сдержалась.

— Делайте свою часть дела, а уж я позабочусь о своей. Но при нас не осталось никого из колдунов. Как вы собираетесь снова накрыть котел крышкой?

Это как раз было проще простого.

— Булыжник,— позвал я,— передай кому-нибудь из тех мордоворотов, что без толку летают там, наверху. Пусть прикроют кастрюльку. А заодно пускай прихватят где-нибудь по дороге несколько сотен тонн дровишек.

Головня внимательно посмотрела на меня. Похоже, взяла себя в руки окончательно.

— Может быть, ты и не такой дурак, каким кажешься,— сказала она на прощание. Солдаты подняли ее и понесли со стены вниз, на улицу.

Около южного участка стены, где находились проломы, началось массовое столпотворение. Люди хлынули из города таким мощным потоком, остановить который серые были просто не в силах. Даже если бы попытались.

Куски искрошенного китом чудовища снова плюхнулись в котел. Сверху с тяжелым звоном упала крышка. Все. Конец.

И тут раздался вопль Ворона.

Он наконец нашел Серебряный Клин. А может быть, наоборот: Серебряный Клин нашел его.

Я посмотрел на Душечку. Та, в отчаянии, опять несколько раз ударила рукой по каменной кладке, в кровь разбив свой кулак.

Ворон схватился за проклятую железку голыми руками!

Он поднялся на ноги. А ведь одна из них была сломана! Он поднял над головой Серебряный Клин, показывая его нам. Я окликнул парня.

Он взглянул на меня. Я не узнал своего старого приятеля. В мгновение ока в нем произошла страшная перемена. Ворон расхохотался леденящим душу смехом.

— Мой! — взревел он. И снова дико захохотал:— Он мой!

Его глаза были теперь глазами Властелина. Они горели безумием и жаждой власти. Как в тот день, в Курганье, когда Госпожа расправилась со своим мужем. Его глаза были глазами Хромого, готового наслаждаться агонией целого мира. Глазами любого из тех злодеев, кто тысячелетиями пестовал старые обиды и вдруг обнаружил, что в его власти поступить с этим миром, со всеми населяющими его существами как угодно, не страшась возмездия.

— Он мой! — И снова безумный, ликующий хохот.

Я посмотрел на Душечку, ища поддержки. Такого рвущего душу отчаяния мне еще не приходилось испытывать в своей жизни.

Она смахнула слезы, а потом сказала мне несколько слов на языке знаков. Всего одну фразу. Ее лицо было белее мела.

— Я не смогу,— ответил я, отчаянно мотнув головой.

— Мы должны! — Слезы опять заструились по ее щекам.

Она, как и я, не могла решиться на это сама. Но это было необходимо сделать, иначе весь ад, сквозь который мы прошли, все страдания и жертвы оказались бы напрасными.

Когда-то Ворон немного обучался искусству колдовства. Давным-давно и совсем немного. Но след тех времен остался в одном из уголков его души. Маленькое пятнышко, которого оказалось достаточно, чтобы зло, заключенное в Серебряном Клине, сумело там угнездиться.

— Сделай это! — приказала Душечка.

Будь она проклята! Ведь парень был моим лучшим и единственным другом. Будь проклят этот чертов менгир! Он в любой момент мог отдать приказ кому-нибудь с равнины Страха, но медлил, выжидая. Чтобы мы никогда ни в чем не смогли обвинить его драгоценного Праотца-Дерево.

— Прикончи его! — сказал я говорящему камню. — Пока не поздно. Пока зло еще не полностью овладело его душой и телом.

Казалось, менгир никак не отреагировал.

Но там, внизу, один из кентавров поднял руку, метнул копье. Оно стремительно мелькнуло в воздухе; его острие пробило Ворону голову, войдя в один висок и выйдя из другого.

Он рухнул на землю. На сей раз парень не притворялся. На сей раз ему уже не найти дороги назад из страны мертвых.

Я сел на холодный камень стены и отключился от происходящего. Я все спрашивал себя: неужели я не мог поживей шевелить ногами по дороге на юг, когда мы гнались за Костоправом? Если б мы с Вороном тогда его догнали, наверняка не вляпались бы в эту мерзкую историю. Чудовищный груз таких мыслей теперь будет давить меня всегда. До конца жизни.

Душечка безотчетно кривила губы. Наверняка думала о том же самом. На свой лад.

Похоже, один только Крученый помнил, что дело еще не сделано. Он взял деревянный сундучок, надел рукавицы, соскользнул по веревке к подножию стены, взял Серебряный Клин из мертвых рук Ворона... Забравшись назад, он поставил сундучок у ног Душечки, потом подошел ко мне и, не глядя в глаза, проговорил:

— Скажешь ей, что я выхожу из игры, Кейс. Скажешь, что я больше не могу. Сломался. — Он побрел прочь.

Может, хотел посмотреть, что стало с тем его братом, который ушел с Вороном и не вернулся. Не знаю. Больше мы его никогда не видели.

У меня язык не поворачивается винить его за это.

LXXX

Смед поправил последний камень в пирамидке, сложенной на могиле Старого Рыбака. Слезы на лице давно подсохли. Утихла бессильная злость. Конечно, несправедливо, что старика, сумевшего уцелеть в схватке с самыми отъявленными мерзавцами, съехавшимися в Весло чуть ли не со всей Империи, напоследок достала холера. Но в этом мире нет справедливости.

А если бы она была, сейчас здесь стоял бы Тимми Локан, а не Смед Стах.

Смед вздохнул и поплелся по дороге, ведущей в Розы.

Спустя год он уже был там уважаемым членом общества, владельцем большого пивоваренного завода. Он ни в чем себе не отказывал, но жил без глупой показухи, которая могла привлечь к нему ненужное любопытство. Он никому и словом не обмолвился о своей истории.

Ни одной живой душе.

Эпилог

Сколько бы раз я ни ходил вокруг, дыра в пространство, приготовленная деревом-богом между двумя вселенными, выглядела все так же.

Просто полотнище из черного шелка, повисшее в ярде над землей. Третьего измерения оно не имело.

Душечка бросила туда сундучок с Серебряным Клином; он растаял бесследно. Потом мы вдвоем сколотили что-то вроде гроба, куда сложили то, что осталось в большом котле, который кипел на костре целую неделю, пока не выкипел досуха. Этот ящик последовал за сундучком, после чего черное полотнище исчезло, словно ловкий фокусник смахнул его своим рукавом.

Потом мы почистились и помылись. Как мне показалось — в первый раз за долгие годы. Душечка привела меня в какое-то строение, напоминавшее большой курятник, одно из тех, что долгие годы служили убежищами подпольщикам и ребятам из Черного Отряда. Очаровательное местечко. Черт знает через что пришлось пройти тем ребятам. В том числе и через этот вонючий кроличий загон... Я мысленно пожелал им всем лучшей доли. Где бы они ни находились.

Там с нами наконец произошло то, чего не могут избежать мужчина и женщина, оставшись наедине. После этого она надела платье простой крестьянки, без кольчуги и меча.

— В чем дело? — спросил я.

— Белая Роза умерла,— ответила она.— Для нее теперь нет места в этом мире. Она больше не нужна.

Я не стал спорить. Зачем? В общем-то я никогда не сочувствовал Движению.

Потом мы попросили Праотца-Дерево доставить нас на мою старую ферму, где мы могли бы ознакомиться с последними достижениями в картофельной индустрии. Никаких более удачных мыслей нам в голову не пришло.

Больших изменений там не было, если не считать того, что люди, которых я знавал прежде, заметно постарели.

Наши внуки не верят ни единому слову из того, что мы порой им рассказываем.

Но они с наслаждением расквасят нос любому, кто только посмеет вякнуть, что их старики врут занудно.

Содержание

Стальные сны 5

Серебряный клин 319

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Стальные сны
Серебряный клин

Ответственный редактор А.М. Лактионов
Редакторы И.В. Васильева, М.Р. Проворова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Ю.Ю. Смирнов
Корректор Г.А. Разумова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ». Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001 г.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

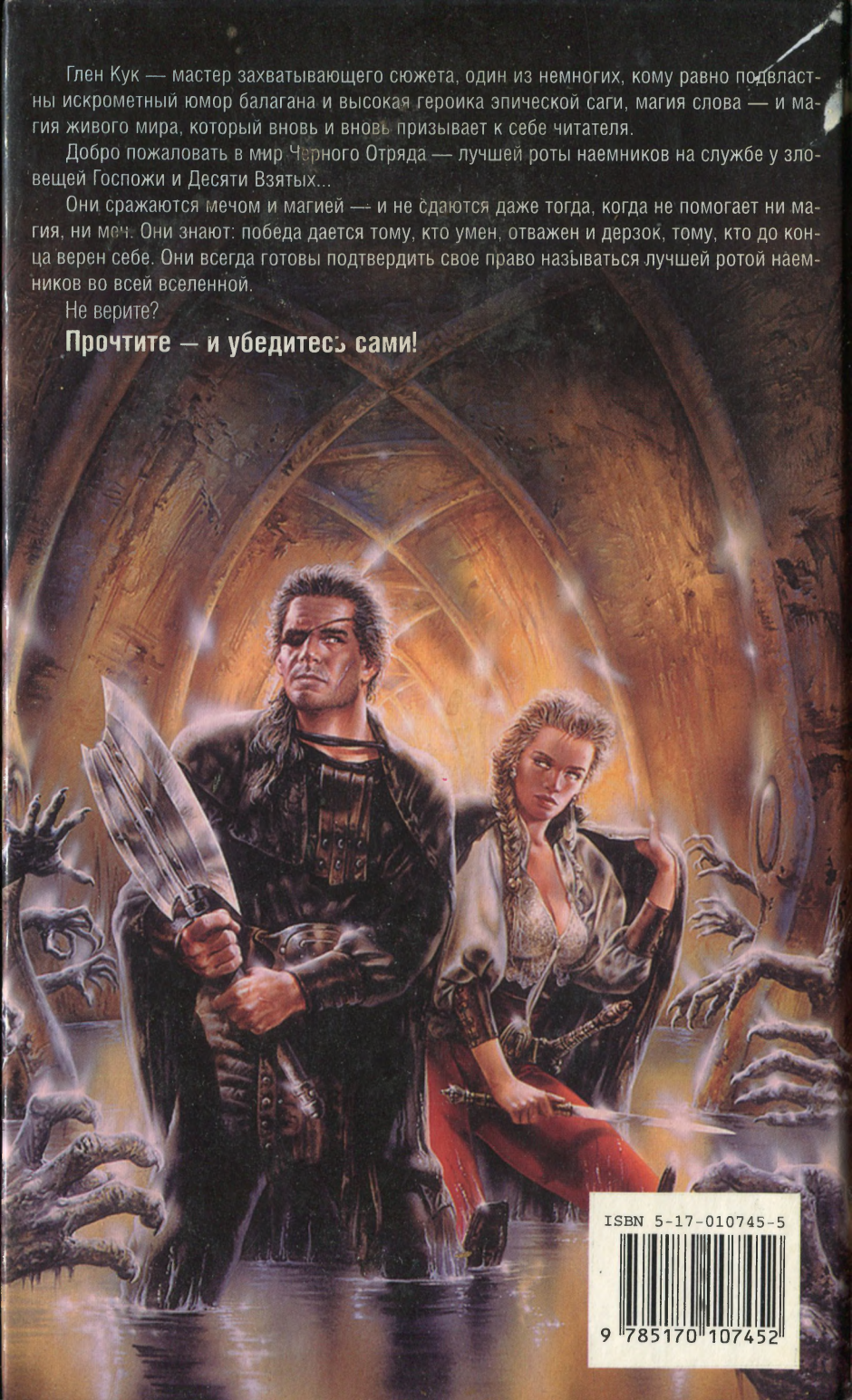
Глен Кук — мастер захватывающего сюжета, один из немногих, кому равно подвластны искрометный юмор балагана и высокая героика эпической саги, магия слова — и магия живого мира, который вновь и вновь призывает к себе читателя.

Добро пожаловать в мир Черного Отряда — лучшей роты наемников на службе у зловещей Госпожи и Десяти Взятых...

Они сражаются мечом и магией — и не сдаются даже тогда, когда не помогает ни магия, ни меч. Они знают: победа дается тому, кто умен, отважен и дерзок, тому, кто до конца верен себе. Они всегда готовы подтвердить свое право называться лучшей ротой наемников во всей вселенной.

Не верите?

Прочтите — и убедитесь сами!



ISBN 5-17-010745-5

9 785170 107452